This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

PSlaw-605.10

HARVARD
COLLEGE
LIBRARY

P S lav 605.10

HARVARD
COLLEGE
LIBRARY

РУССКАЯ

МЫСЛЬ.

ГОДЪ ВТОРОЙ.

ФЕВРАЛЬ.

МОСКВА.
1881.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Некрологи: А. Ѳ. Писемскаго, В. Н. Лешкова и Ѳ. Б. Миллера.

Стр.

I. ДОНЪ-ЖУАНЪ. Байрона. Пѣсня I-я, I—CXXXIII. Пер. **П. А. Козлова** 1

II. МІРСКАЯ ДУША. Очерки народнаго быта. II. **Свѣтилина** . . 35

III. КОНГРЕССЪ АНГЛІЙСКИХЪ РАБОЧИХЪ СОЮЗОВЪ (13-я сессія, засѣдавшая въ Дублинѣ съ 13 по 18 сентября 1880 г.). **И. И. Иванюкова** 50

IV. КРЕСТЬЯНСКОЕ ЦАРСТВО. Очерки и впечатлѣнія лѣтней поѣздки на Валаамъ. XI—XVII. **В. И. Немировича-Данченко.** . 58

V. ЭСПРОНСЕДА. **М. Ватсонъ**. 106

VI. ПОДСѢЧНОЕ ХОЗЯЙСТВО ИЛИ ЗЕМСТВО СТРОИТЪ ЖЕЛѢЗНУЮ ДОРОГУ. Романъ въ 4-хъ частяхъ. Конецъ I части. Главы IV—VI. **М. П. Забѣлло**. 122

VII. НЕ ПОРА-ЛИ НАПИСАТЬ ИСТОРІЮ КРЕСТЬЯНЪ ВЪ РОССІИ. **В. И. Семевскаго** 215

VIII. РУССКАЯ КРЕСТЬЯНСКАЯ ОБЩИНА ВЪ СВЯЗИ СЪ НАРОДНЫМЪ ХАРАКТЕРОМЪ. I—IV. **К. Ф. Одарченко**. 266

IX. РАСКОЛЪ И ЕГО ИЗСЛѢДОВАТЕЛИ. **А. С. Пругавина**. . . . 332

X. ИСТОРИЧЕСКІЯ ДѢЛА ФИЛОСОФІИ (вступительная лекція въ С.-Петербургскомъ университетѣ 20-го ноября 1880 года). **В. С. Соловьева**. 358

XI. МЫСЛИ ГЁКСЛИ О ЗНАЧЕНІИ ДРЕВНИХЪ ЯЗЫКОВЪ И ЕСТЕСТВЕННЫХЪ НАУКЪ ДЛЯ ВОСПИТАНІЯ И ВООБЩЕ ДЛЯ КУЛЬТУРЫ. 371

XII. ОБРАЗЫ ПРОШЛАГО. Стих. **Н. Томскаго** 386

XIII. ОЧЕРКИ ИНОСТРАННОЙ ЖУРНАЛИСТИКИ. **Сергѣя Невѣрова.** 1

РУССКАЯ МЫСЛЬ

ЖУРНАЛЪ

НАУЧНЫЙ, ЛИТЕРАТУРНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСК

ГОДЪ ВТОРОЙ.

КНИГА II.

МОСКВА.

1881.

Редакція и контора журнала: Долгоруковская улица, въ домѣ Дреземейеръ.

Типо-Литогр. И. Н. Кушнерева и К°., Пименовская ул., д. Кушнеревой.

~~Slav 3011~~
P Slav 605.10

Harvard College Library.
Mar. 17 1904.
By Exchange.
N. Y. Public Lib'y.

GATE.

DUPLICATE.

ASTOR LIBRARY
FEB
8
1892
NEW YORK

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Некрологи: А. Ѳ. Писемскаго, В. Н. Лешкова и Ѳ. Б. Миллера.

	Стр.
I. ДОНЪ-ЖУАНЪ. Байрона. Пѣсня I-я, I—CXXXIII. Пер. **П. А. Козлова**	1
II. МІРСКАЯ ДУША. Очерки народнаго быта. II. **Свѣтилина**	35
III. КОНГРЕССЪ АНГЛІЙСКИХЪ РАБОЧИХЪ СОЮЗОВЪ (13-я сессія, засѣдавшая въ Дублинѣ съ 13 по 18 сентября 1880 г.). **И. И. Иванюкова**	50
IV. КРЕСТЬЯНСКОЕ ЦАРСТВО. Очерки и впечатлѣнія лѣтней поѣздки на Валаамъ. XI—XVII. **В. И. Немировича-Данченко.**	58
V. ЭСПРОНСЕДА. **М. Ватсонъ**	106
VI. ПОДСѢЧНОЕ ХОЗЯЙСТВО ИЛИ ЗЕМСТВО СТРОИТЪ ЖЕЛѢЗНУЮ ДОРОГУ. Романъ въ 4-хъ частяхъ. Конецъ I части. Главы IV—VI. **М. П. Забѣло**	122
VII. НЕ ПОРА-ЛИ НАПИСАТЬ ИСТОРІЮ КРЕСТЬЯНЪ ВЪ РОССІИ. **В. И. Семевскаго**	215
VIII. РУССКАЯ КРЕСТЬЯНСКАЯ ОБЩИНА ВЪ СВЯЗИ СЪ НАРОДНЫМЪ ХАРАКТЕРОМЪ. I—IV. **К. Ф. Одарченко**	266
IX. РАСКОЛЪ И ЕГО ИЗСЛѢДОВАТЕЛИ. **А. С. Пругавина**	332
X. ИСТОРИЧЕСКІЯ ДѢЛА ФИЛОСОФІИ (вступительная лекція въ С.-Петербургскомъ университетѣ 20-го ноября 1880 года). **В. С. Соловьева**	358
XI. МЫСЛИ ГЁКСЛИ О ЗНАЧЕНІИ ДРЕВНИХЪ ЯЗЫКОВЪ И ЕСТЕСТВЕННЫХЪ НАУКЪ ДЛЯ ВОСПИТАНІЯ И ВООБЩЕ ДЛЯ КУЛЬТУРЫ	371
XII. ОБРАЗЫ ПРОШЛАГО. Стих. **Н. Томскаго**	386
XIII. ОЧЕРКИ ИНОСТРАННОЙ ЖУРНАЛИСТИКИ. **Сергѣя Невѣрова.**	1

XIV. НОВЫЙ МАТЕРІАЛЪ ДЛЯ БІОГРАФІИ ПУШКИНА. Письмо академика В. П. Безобразова къ Я. К. Гроту. 16

XV. ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ. **В. Г.**

Оживленіе нашего земства. Роль дворянства. Процессъ лютоpичскихъ крестьянъ. Вопросъ о недостаточности крестьянскихъ надѣловъ и газета *Русь*. Крестьянскіе промыслы (Сборникъ статистическихъ свѣдѣній по Московской губерніи, томъ VI, выпускъ II). Состояніе государственнаго хозяйства Россіи. Необходимость отмѣны административной ссылки. Судьба Н. Г. Чернышевскаго. 21

XVI. РѢЧЬ ЗАЩИТНИКА КРЕСТЬЯНЪ СЕЛА ЛЮТОРИЧЪ Ѳ. Н. ПЛЕВАКО, произнесенная 17 декабря 1880 г. въ засѣданіи Московской Судебной Палаты. 42

XVII. НАШИ ЗЕМСКІЯ ДѢЛА. (Письмо изъ Твери). 53

XVIII. ОРГАНИЗАЦІЯ ЗЕМСКАГО ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВА. I. **Б—ва.** 69

XIX. АХАЛЪ-ТЕКИНСКАЯ ЭКСПЕДИЦІЯ И ЕЯ ПОЛИТИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНІЕ. **Влад—овъ.** 83

XX. ОБЪЯСНЕНІЕ ПО ПОВОДУ ОДНОЙ РЕЦЕНЗІИ. **В. О. Ключевскаго.** 106

Въ конторѣ Редакціи, въ Москвѣ, на Долгоруковской улицѣ, въ домѣ Дреземейеръ, находится складъ слѣдующихъ изданій В. М. Лаврова и В. А. Ѳедотова:

Ф. Д. Нефедова. Очерки и разсказы. Изд. 2. Москва. 1878 г. Цѣна 1 р. 50 к.

Л. И. Пальмина. Сны—на яву. Собраніе стихотвореній. Москва. 1878 г. Цѣна 2 р. 50 к.

Кондратовича Людвига (В. Сырокомли). Избранныя стихотворенія. Т. 1. Москва. 1879 г. Цѣна 2 р.

Кромѣ того: Мессалина. Драма Пьетро Косса. Пер. въ стихахъ Ал. Аксакова. М. 1880 г. Цѣна 1 р.

Подписчики «Русской Мысли» пользуются при покупкѣ этихъ изданій 20% уступки.

Съ Мартовской книги начнется печатаніе перевода новаго романа Георга Эберса **„ИМПЕРАТОРЪ“.**

Двадцатыя числа января ознаменовались тяжкими утратами въ литературѣ и наукѣ,—скончались: одинъ изъ самыхъ крупныхъ представителей самобытнаго русскаго творчества въ области изящнаго слова, Алексѣй Ѳеофилактовичъ Писемскій, талантливый, добросовѣстный переводчикъ-поэтъ Ѳедоръ Богдановичъ Миллеръ и представитель русской самостоятельной научной мысли, изслѣдователь нашей древней общественной жизни, Василій Николаевичъ Лешковъ.

Мы сообщаемъ здѣсь самые краткіе некрологи; изъ нихъ уже отчасти читатель можетъ взвѣсить потерю, понесенную въ лицѣ ихъ русскимъ обществомъ.

I.

Алексѣй Ѳеофилактовичъ Писемскій.

(Некрологъ).

Алексѣй Ѳеофилактовичъ Писемскій родился 20 марта 1820 года въ с. Раменьѣ, Костромской губерніи, воспитывался первоначально въ костромской гимназіи, затѣмъ поступилъ въ московскій университетъ, гдѣ и кончилъ курсъ въ 1844 году. По окончаніи курса, онъ поступилъ на службу въ костромскую палату государственныхъ имуществъ, черезъ годъ перешелъ въ московскую палату, еще черезъ годъ бросилъ службу, опять поступилъ и служилъ до 1871 года. Литературную дѣятельность Писемскій началъ въ Москвѣ въ 1846 году тѣмъ, что написалъ романъ «Боярщина», ходившій въ то время по рукамъ въ рукописи и напечатанный только въ 1858 году въ *Библіотекѣ для чтенія*. Первымъ напечатаннымъ произведеніемъ Писемскаго была повѣсть «Тюфякъ», появившаяся въ *Москвитянинѣ* въ 1850 году. Въ періодъ времени съ 1851 по 1858 г. было напечатано множество его повѣстей и разсказовъ сначала въ *Москвитянинѣ* («Бракъ по страсти», «Комикъ», «Богатый женихъ», «Питерщикъ», «Мосье Батмановъ»), а потомъ въ *Современникѣ, Отечественныхъ Запискахъ и Библіотекѣ для чтенія* («Лѣшій», «Виновата-ли она», «Старая барыня», «Боярщина», «Ипохондрикъ», «Тысяча душъ» и пр.) Далѣе слѣдуютъ произведенія: драма «Горькая Судьбина»; этнографическій очеркъ «Калмыки»; разсказы: «Старческій грѣхъ», «Батька» и др. Въ 1863 году въ *Русскомъ Вѣстникѣ* появился большой романъ Писемскаго «Взбаломученное море». Затѣмъ слѣдуютъ: «Русскіе лгуны»; драмы: «Самоуправцы» и «Бывые соколы»; романы: «Люди сороковыхъ го-

довъ», «Мѣщане», «Въ водоворотѣ»; комедіи: «Ваалъ», «Просвѣщенное время», «Финансовый геній». 19-го января 1875 года Общество Любителей Россійской Словесности, котораго членомъ Писемскій состоялъ съ начала пятидесятыхъ годовъ, праздновало двадцатипятилѣтній литературный юбилей Писемскаго, а въ прошломъ году Писемскій помѣстилъ въ *Огонькѣ* большой историческій романъ «Масоны». Скончался онъ 21 января въ 4 часа пополудни.

Люди, знавшіе его съ дѣтства, товарищи по костромской гимназіи, передаютъ, что еще съ первыхъ классовъ А. Ѳ. отличался страстью къ театру; у него были, извѣстныя всей гимназіи, декораціи дѣтскаго театра, необыкновенно художественно нарисованныя перомъ; въ старшихъ классахъ Писемскій уже собиралъ труппу изъ сверстниковъ и устроивалъ спектакли. Необыкновенный юморъ его былъ извѣстенъ учителямъ, изъ которыхъ, особенно, учитель математики, Самойловичъ, цѣнилъ высоко задатки талантовъ въ Писемскомъ и уговаривалъ его писать.

Вотъ первые намеки на дарованіе въ Писемскомъ. Оно въ немъ развивалось, росло, набиралось силъ по мѣрѣ опытовъ жизни и, наконецъ, выработался тотъ могучій талантъ, который съ неутомимою силой раскрывалъ всѣ наши общественныя болѣзни и въ яркихъ образахъ безпощадно бичевалъ пороки времени. Но не однимъ отрицаньемъ дышало его творчество, въ прежнихъ его произведеніяхъ, какъ напр. «Плотничьи артели», въ послѣдующихъ, какъ «Горькая Судьбина» и въ предсмертомъ романѣ его «Масоны» раскрывались положительные идеалы. Этотъ мощный голосъ умолкъ, но не даромъ звучалъ онъ. Память о немъ останется живою для русскаго человѣка.

Мы надѣемся въ непродолжительномъ времени сообщить читателямъ возможно обстоятельную біографію только, оставившаго насъ писателя.

Ред.

II.

В. Н. Лешковъ.

(Некрологъ).

21-го января скончался заслуженный профессоръ московскаго университета, Василій Николаевичъ Лешковъ. Вся жизнь покойнаго была посвящена наукѣ и общественной дѣятельности. Болѣе сорока лѣтъ читалъ онъ лекціи, которыя знакомили студентовъ съ исторіей русскаго права, научали молодежь уважать и любить русскій народъ. Нѣкоторые взгляды ученаго возбуждали противорѣчія, нѣкоторые изъ его выводовъ оспаривались; но никто и никогда не отрицалъ у Василія Николаевича горячей преданности наукѣ, безустаннаго стремленія къ истинѣ. Дѣятельность покойнаго была весьма разнообразна. Первымъ ученымъ трудомъ его было историческое изслѣдованіе въ области международныхъ отношеній; главное же сочиненіе

посвящено русскому народу и государству. Многочисленныя статьи въ *Юридическомъ Вѣстникѣ* и въ другихъ изданіяхъ касались вопросовъ и государственнаго, и гражданскаго права, и догмы, и исторіи. Покойный былъ однимъ изъ основателей Юридическаго Общества, его почетнымъ членомъ и многіе годы предсѣдателемъ, пока тяжная и продолжительная болѣзнь не побудила Василія Николаевича отказаться отъ этого званія. Не мало потрудился онъ и какъ редакторъ *Юридическаго Вѣстника*. Но не ученою только и изслѣдовательною дѣятельностью исчерпываются заслуги Василія Николаевича, не въ сочиненіяхъ только: и съ каѳедры отстаивалъ онъ начала самодѣятельности и общественности;—ученый профессоръ былъ и *земскимъ человѣкомъ*, гласнымъ московскаго губернскаго земства. Въ тяжелое время принялся за трудъ Василій Николаевичъ, въ сороковыхъ годахъ; но эти сороковые годы выработывали сильные характеры и гуманныя чувства. Покойный до конца жизни сохранилъ и бодрость мысли, и преданность общественнымъ идеаламъ своей молодости. А это великая заслуга, и немногіе сберегаютъ чистоту надеждъ и стремленій, которыми волновались въ юношескіе годы. Василій Николаевичъ честно поработалъ для университета и общества.

В. Г.

III.

Ѳ. Б. Миллеръ.

(Некрологъ).

Самыя тяжелыя утраты, понесенныя въ концѣ января обществомъ и литературой нужно дополнить еще однимъ почтеннымъ именемъ: 20 января, наканунѣ смерти А. Ѳ. Писемскаго, скончался въ Москвѣ извѣстный поэтъ и переводчикъ, Ѳедоръ Богдановичъ Миллеръ. Спѣшимъ сообщить читателямъ нѣкоторыя біографическія свѣдѣнія о покойномъ. Ѳ. Б. происходилъ изъ небогатой нѣмецкой семьи и родился въ 1818 г. въ Москвѣ. Образованіе онъ получилъ въ нѣмецкой школѣ Петра и Павла. Еще на школьной скамьѣ, онъ обнаружилъ страстную любовь къ литературѣ и въ свободное отъ уроковъ время зачитывался произведеніями русскихъ и нѣмецкихъ поэтовъ. Шестнадцати лѣтъ онъ окончилъ курсъ наукъ и уже мечталъ объ университетѣ. Но судьба судила иначе: дѣла семьи Ѳ. Б. были на столько растроены, что ему нечего было и думать объ университетѣ; нужно было избирать профессію, которая бы дала вѣрный кусокъ хлѣба. И вотъ, даровитый юноша приноситъ себя въ жертву семьѣ и поступаетъ простымъ ученикомъ въ аптеку. Пробывъ тамъ три года, Ѳ. Б. съ успѣхомъ выдержалъ экзаменъ на аптекарскаго помощника. Потомъ онъ сталъ ходить въ университетъ и заниматься фармаціей съ цѣлью сдать экзаменъ на степень провизора, причемъ кромѣ лекцій по своей спеціальности посѣщалъ лекціи и другихъ профессоровъ. Двухлѣтнее посѣщеніе университета, преимущественно лекцій М. П. Погодина и С. П. Шевырева,

которые тогда находились въ зенитѣ своей славы, окончательно опредѣлило призваніе Ѳ. Б., и вмѣсто того, чтобъ держать экзаменъ на провизора, онъ по совѣту Погодина, выдержалъ экзаменъ на должность учителя русскаго и нѣмецкаго языковъ, и въ 1841 г. былъ опредѣленъ учителемъ русскаго языка въ 1-й московскій кадетскій корпусъ. Прослуживъ тамъ 28 лѣтъ, Ѳ. Б. вышелъ въ отставку въ 1869 г. и съ тѣхъ поръ окончательно посвятилъ себя литературѣ. Первые поэтическіе опыты Ѳ. Б. стали появляться съ 1841 г. въ *Москвитянинѣ*, котораго онъ былъ постояннымъ сотрудникомъ вплоть до закрытія журнала. Впослѣдствіи, онъ печаталъ свои переводы въ *Русскомъ Словѣ*, *Библіотекѣ для Чтенія*, *Русскомъ Вѣстникѣ* и *Отеч. Запискахъ*. Здѣсь не мѣсто оцѣнивать заслуги, оказанныя Ѳ. Б. русской литературѣ посредствомъ усвоенія ей лучшихъ произведеній западной поэзіи; скажемъ только, что въ ряду русскихъ переводчиковъ покойному принадлежитъ одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ. Кромѣ множества мелкихъ стихотворныхъ переводовъ изъ Шиллера, Уланда, Гейне, Гуда и другихъ менѣе извѣстныхъ поэтовъ, Ѳ. Б. перевелъ цѣлый рядъ большихъ и цѣльныхъ произведеній, какъ-то: двѣ трагедіи Шиллера (Вильгельмъ Телль и Мессинская невѣста), двѣ пьесы Шекспира (Цимбеллинъ и Мѣра за Мѣру), драму Крузе Разамунда, поэму Мицкевича (Конрадъ Валленродъ), поэму Гамерлинга (Агасферъ въ Римѣ) и др. Выйдя въ отставку и редактируя въ продолженіе двадцати лѣтъ юмористическій журналъ *Развлеченіе*, Ѳ. Б. не оставлялъ своихъ любимыхъ занятій. Замѣчательно, что послѣднее десятилѣтіе его жизни было самымъ плодотворнымъ въ этомъ отношеніи; самые лучшіе и наиболѣе крупные переводы его относятся къ этому періоду.—Годы нисколько не угасали его любви къ поэзіи. Какъ бы предчувствуя, что ему уже не долго приходится бесѣдовать съ любимыми поэтами запада, Ѳ. Б. въ послѣднее время своей жизни работалъ съ удвоенной энергіей. Въ теченіе одного прошлаго года онъ напечаталъ въ *Русскомъ Вѣстникѣ* переводъ трагедіи Крузе *Розамунда*, помѣстилъ въ *Газетѣ* г. Гатцука оригинальную повѣсть въ стихахъ *Загробное письмо* и оставилъ гдѣ готовыя работы въ рукописи: переводъ трагедіи *Павзаній* и драмы *Дочь короля Генеи*. Послѣднее изданіе стихотвореній Ѳ. Б. состоитъ изъ шести томовъ, являвшихся съ 1873 по 1881 годъ. Первый томъ содержитъ стихотворенія съ 1840—60 г., второй съ 1861—73 г.; остальные четыре тома заключаютъ въ себѣ стихотворные переводы послѣднихъ лѣтъ. Съ 1858 года покойный былъ дѣйствительнымъ членомъ Общества Любителей Р. С., а въ теченіе послѣдняго дѣсятилѣтія его безсмѣннымъ казначеемъ.

Ѳ. Б. оставилъ по себѣ добрую память во всѣхъ знавшихъ его, какъ человѣкъ въ высшей степени добрый, честный и гуманный. Грустно терять такихъ людей!

—o—

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

(Байрона).

Посв. Гр. Алексѣю Васильевичу Олсуфьеву.

ПѢСНЯ ПЕРВАЯ.

I.

Героя я ищу.... не странно-ль это,
Когда у насъ, что мѣсяцъ, то герой....
Ему кадитъ и сборникъ, и газета;
Затѣмъ увы! является другой,
Чтобъ доказать непостоянство свѣта;
Въ такихъ я не нуждаюсь; выборъ мой
Падетъ на Донъ Жуана, что до срока
Погибъ по волѣ демона и рока.

II.

Принцъ Фердинандъ, Гаукъ, Кеппель, Го, Вернонъ,
Бургойнъ, Гранби, Волфъ, Кумберландъ—украдкой
Блеснули часъ, какъ въ вѣкъ нашъ Веллингтонъ.
Узнавъ хвалу друзей, враговъ нападки,
Они прошли, какъ мимолётный сонъ,
Какъ «девять поросятъ единой матки»,
Видѣнья Банко. Ихъ простылъ и слѣдъ;
Ужъ Дюмурье и Бонапарта нѣтъ!

III.

Исчезли, испытавъ судьбы измѣны,
Дантонъ, Маратъ, Барнавъ, Клотцъ, Мирабо
И прочіе. Свѣтъ любитъ перемѣны.
Жуберъ, Марсо, Гошъ, Ланнъ, Десэ, Моро

Побѣдами блеснувъ, сошли со сцены;
Какъ много, много рвется подъ перо
Такихъ именъ, что увѣнчались славой,
Но трудно ихъ вмѣстить въ мои октавы.

IV.

Когда-то Нéльсонъ богомъ былъ войны.
Но лавры Трафальгара позабыты
И вмѣстѣ съ нимъ въ землѣ погребены,
Въ его гробницѣ вмѣстѣ съ нимъ зарыты.
Солдаты морякамъ предпочтены;
Въ опалѣ флотъ, когда-то знаменитый;
Король не любитъ флота своего:
Забыты Джéрвисъ, Нéльсонъ, Дýнканъ, Го.

V.

Великъ Агамемнонъ—но сколько Летой
Вождей, какъ онъ, потоплено волной!
О нихъ не прозвучала пѣснь поэта
И спятъ они, забытые молвой.
Я никого не поношу за это—
Но такъ какъ вѣкъ нашъ, жалкій и пустой,
Мнѣ не даетъ героя для романа—
Я выбираю просто Донъ Жуана.

VI.

Бывало погружались въ *medias res*
Поэты, эпопею начиная.
(Горацій такъ училъ). Въ тѣни древесъ
Съ возлюбленной, о прошломъ вспоминая,
Сидѣлъ герой. Пещера или лѣсъ
Скрывали ихъ; порою кущи рая
Имъ замѣняли ресторанъ собой,
И о быломъ разсказывалъ герой.

VII.

Такъ дѣйствовать привычка заставляла,
Но я иного мнѣнья. Мой разсказъ
Я поведу (такой мой нравъ) съ начала.
Хотя бъ сидѣть надъ каждой строчкой часъ,

Съ дороги той, что Муза разъ избрала,
Не поверну я въ сторону. Держась
Заранѣе обдуманнаго плана,
Съ родителей начну я Донъ-Жуана.

VIII.

Онъ родился въ Севильѣ. Тамъ живетъ
Красавицъ рой, тамъ сладки апельсины;
Пословица гласитъ: «Злосчастенъ тотъ,
Кто не былъ въ ней». Роскошнѣе картины
Въ Испаніи наврядъ ли кто найдетъ,
Лишь Кадиксъ съ ней сравнится, но причины
Впередъ бѣжать не вижу. Мы о немъ
Поговорить успѣемъ и потомъ.

IX.

Отъ Готовъ велъ свое происхожденье
Отецъ Жуана—Хозе, гордый донъ,
Гидальго чистокровный, безъ сомнѣнья,
Чей древній родъ, съ давно былыхъ временъ,
Ни съ мавромъ, ни съ жидомъ не зналъ общенья.
Наѣздникъ былъ весьма искусный онъ.
И такъ на свѣтъ онъ произвелъ Жуана,
Который самъ... но знать объ этомъ рано.

X.

Предметы всѣ, что можетъ лишь назвать
Мужъ преданный наукѣ, изучила
Жуана добродѣтельная мать;
Лишь качествамъ ея ровнялась сила
Ея ума, что могъ бы міръ обнять;
Такъ всѣхъ она собой превосходила,
Такъ славилась ученостью своей,
Что всѣ кругомъ завидовали ей.

XI.

Стиховъ она на память кучу знала;
Такая память сущій былъ рудникъ;
Она бы роль актеру подсказала,
Когда на сценѣ тотъ бы сталъ въ тупикъ.

Способностей такихъ примѣровъ мало,
Фейнэгль *) предъ ней бы прикусилъ языкъ.
Увы! предъ этой памятью богатой
Мнемоники ничтожны результаты.

XII.

Ей алгебра особенно далась;—
Она великодушіе любила;
Аттическимъ умомъ блеснуть не-разъ
Случалось ей; такъ мысли возносила,
Что рѣчь ея была темна подъ часъ.
Но все-жъ она, за чудо свѣта слыла;
Любила свѣтъ; въ нарядахъ знала толкъ,
Носила дома шерсть, а въ людяхъ шелкъ.

XIII.

Читать молитву по латынѣ знала
И греческій букварь ей былъ знакомъ;
Романъ, другой французскій прочитала,
Владѣя плохо этимъ языкомъ;
Нарѣчіемъ роднымъ пренебрегала,
Невнятно выражаяся на немъ;
И превращала, обсуждая тему,
Слова въ загадку, мысли въ теорему.

XIV.

Цитируя слова священныхъ книгъ,
Она всегда отстаивала мнѣнье,
Что съ англійскимъ еврейскій схожъ языкъ;
Пускай отбросить тотъ свои сомнѣнья,
Кто въ тайники завѣтныхъ строкъ проникъ:
Беру въ примѣръ ея-же выраженье:
«Какъ странно, что еврейское: god am —
«Имѣетъ сходство съ англійскимъ: God damn» **).

---

*) *Фейнэль* читалъ лекціи объ искусствѣ изощрять память. (Мнемоника).

**) Непереводимая натяжка еврейскаго слова: *Я* (*Богъ*) *есмь* съ англійскимъ God damn.

XV.

Инымъ не жаль рѣчей напрасныхъ трата;
Она-жъ морщиной лба, движеньемъ вѣкъ
Могла учить; была ума палата,
Какъ Ромильи, ученый человѣкъ
Законовъ стражъ, всезнаніемъ богатый,
Что такъ нежданно жизнь свою пресѣкъ.
Еще признанье суетности свѣта!
(Но впрочемъ судъ назвалъ «безумьемъ» это).

XVI.

Она была, какъ бы ходячій счетъ,
Ходячій сборникъ нравственныхъ уроковъ,
Оставившій на время переплетъ;
Она не знала совѣсти упрековъ;
Завистника коварный глазъ—и тотъ
Въ ней не съумѣлъ бы отыскать пороковъ;
Она могла ихъ видѣть лишь въ другихъ,
Сама-жъ (что хуже) не имѣла ихъ.

XVII.

Предъ нею слава женъ святыхъ блѣднѣла;
Ее не соблазнилъ бы сатана;
Такъ много совершенствъ она имѣла,
Что Ангела Хранителя она
Лишилась: онъ соскучился безъ дѣла.
Съ часами жизнь ея была сходна;
Ей въ цѣломъ мірѣ не нашлась бы пара,
Ровнялось ей лишь масло Макассара *).

XVIII.

Такая святость свѣту не съ руки.
Въ немъ тайну ласкъ, утративъ кущи рая,
Познали наши праотцы. Ихъ дни
Текли въ раю, невинностью сіяя.
(Хотѣлъ бы знать что дѣлали они,
Докучливое время коротая?)
Достойный Евы сынъ Донъ Хозе былъ
И рвать запретный плодъ, тайкомъ, любилъ.

*) Объявленія о несравненныхъ качествахъ масла Макассара.

XIX.

Онъ смертный былъ веселый и безпечный;
Ученыхъ избѣгалъ; я не таю,
Что правилъ имъ всегда порывъ сердечный;
Не очень-то онъ чтилъ жену свою;
И жалкій свѣтъ, расположенный вѣчно
Мутить и государство и семью,
Шепталъ, что онъ любовницу имѣетъ
И даже двухъ (зло и одна посѣетъ).

XX.

Достоинствъ кучу зная за собой,
Высокое о нихъ имѣла мнѣнье
Жена Донъ Хозе; надо быть святой,
Чтобъ терпѣливо несть пренебреженье;
Ей святости хватало, но порой
Ей правдою казались подозрѣнья....
Съ супруга не спуская зоркихъ глазъ,
Накрыть его случалось ей не разъ.

XXI.

Мужьямъ, какъ онъ, попасть въ просакъ не диво.
Онъ, чуждый осторожности, не могъ
Удерживать сердечнаго порыва.
Минуты есть, когда застать въ расплохъ
И хитреца легко женѣ ревнивой;
Тогда сшибить и вѣеръ можетъ съ ногъ.
Порою вѣеръ роль меча играетъ;
Но почему? зачѣмъ? никто не знаетъ.

XXII.

Зачѣмъ берете вы людей простыхъ
Себѣ въ мужья—всезнающія жены?
Зачѣмъ вашъ выборъ падаетъ на нихъ,
Когда имъ чуждъ и скученъ міръ ученый?
Я скроменъ и безбраченъ,—словъ моихъ
Не обратить, поэтому, въ законы....
Но вы, мужья разумницъ, кайтесь въ томъ,
Что вы у нихъ всегда подъ башмакомъ.

XXIII.

Донъ Хозе часто ссорился съ женою:
За что? про это знать никто не могъ,
Но многіе старались стороною
Узнать причину ссоры. Я далекъ
Отъ дѣлъ чужихъ и любопытство мною
Считается за пагубный порокъ,
Но самъ, не испытавъ семейной ссоры,
Люблю друзей улаживать раздоры.

XXIV.

Увы! попытка мнѣ не удалась
Ихъ примирить. Напрасное старанье!
Все ускользалъ желанный встрѣчи часъ,
Такъ и не могъ добиться я свиданья.
(Ихъ сторожъ мнѣ признался, впрочемъ, разъ....)
Но это что! есть хуже испытанья:
Ихъ сынъ Жуанъ, какъ въ домъ стучался я,
Ведро помоевъ вылилъ на меня.

XXV.

Такого шалуна найти не скоро....
Кудрявый мальчуганъ, кумиръ семьи,
Въ родителяхъ не находилъ отпора
И исполнялъ всѣ прихоти свои
Забывъ свои семейные раздоры,
Гораздо бъ лучше сдѣлали они,
Когда бъ его отправили въ ученье
Иль высѣкли, давая наставленья.

XXVI.

Они печально вѣкъ влачили свой,
Развода не ища, но все желая
Другъ другу смерти. Грустною чредой
Ихъ дни текли. Приличья свѣта зная,
Они скрывали распрю предъ толпой
Знакомыхъ и друзей, но жизнь такая
Продлиться не могла, и часъ насталъ,
Когда пожаръ семейный запылалъ.

XXVII.

Она врачамъ вдругъ заявила мнѣнье,
Что мужъ ея *сошелъ съ ума*. Затѣмъ
Она просила, видя ихъ сомнѣнья,
Признать его *порочнымъ*, но совсѣмъ
Не привела уликъ для обвиненья,
Что показалось очень страннымъ всѣмъ;
Лишь молвила: «любя людей и Бога
Я не могла съ нимъ поступить не строго.»

XXVIII.

Она журналъ его грѣшковъ вела
И на показъ достала писемъ ворохъ;
Всѣмъ жалуясь, защитниковъ нашла
Она толпу. Во всѣхъ семейныхъ ссорахъ
Поддержкою ей бабушка была,
Что путалась порою въ разговорахъ
Отъ старости. Законно или нѣтъ,
Но за нея горою сталъ весь свѣтъ.

XXIX.

Она свою судьбу переносила
Какъ истая спартанка, что обѣтъ,
Случайно овдовѣвъ, произносила
Забыть на вѣки мужа. Тьма клеветъ
Злосчастнаго Донъ Хозе поразила
И честь его пятналъ со злобой свѣтъ;
Она-жъ на все глядѣла съ равнодушьемъ
И это свѣтъ считалъ великодушьемъ.

XXX.

Когда бѣда нагрянетъ—пробудить
Въ друзьяхъ участье трудно, какъ извѣстно;
Но своего добиться и прослыть
Притомъ великодушнымъ,—очень лестно.
Гдѣ жъ въ этомъ malus animus? Отмстить
Порою самому и неумѣстно,
Но развѣ я, скажите, виноватъ,
Коль за меня другіе мстить хотятъ?

XXXI.

Моя-ль вина иль ваша, если ссора,
При помощи одной иль двухъ клеветъ,
Старинные грѣхи изъ кучи сора
Забытыхъ дрязгъ, выводитъ вновь на свѣтъ?
Къ тому жъ скандалъ, воскресшій для разбора
Весьма нравоучительный предметъ —
Объ этомъ наша нравственность не тужитъ:
Вѣдь ей порокъ контрастомъ лучшимъ служитъ.

XXXII.

Сначала хоръ друзей, затѣмъ родня
Мирили ихъ, совѣтами богаты;
Но ссора все росла. (Не знаю я
Возможны-ли иные результаты,
Когда мирятъ родные иль друзья?)
Разводъ имъ предлагали адвокаты.
Увы, имъ улыбнулся гонораръ:
Донъ Хозе умеръ вдругъ, хоть былъ не старъ.

XXXIII.

И такъ Донъ Хозе бѣднаго не стало,
Во цвѣтѣ лѣтъ его похитилъ рокъ—
И такъ не кстати. Смерть его прервала
Процессъ преинтересный, какъ я могъ
Понять изъ словъ юристовъ, хоть не мало
Неясностей ихъ испещряетъ слогъ;
Когда онъ палъ,—забывъ вражды причину,
Слезами свѣтъ почтилъ его кончину.

XXXIV.

Несчастный мужъ, заснувъ могильнымъ сномъ,
Печаль друзей и адвокатовъ плату
Унесъ съ собой. Его былъ проданъ домъ;
Любовницы его, забывъ утрату,
Утѣшились; одна сошлась съ жидомъ,
Съ попомъ другая (слухъ молвы крылатой),
Третичной лихорадкой поражёнъ
Жену съ ея враждой оставилъ онъ.

XXXV.

А все-жъ его напрасно очернили:
(Я хорошо съ Донъ Хозе былъ знакомъ;)
Коль надъ собой не дѣлалъ онъ усилій,
Чтобъ нравъ сдержать и былъ страстнѣй при томъ
Чѣмъ Нума, по прозванію Помпилій,
Его винить несправедливо въ томъ:
Онъ съ дня рожденья жолчи былъ подверженъ,
И къ этому былъ въ дѣтствѣ дурно держанъ.

XXXVI.

Да много, много выстрадалъ бѣднякъ,
Когда, тоской тяжелою объятый,
Глядѣлъ на свой разрушенный очагъ
И на свои разбитые пенаты.
Признаюсь въ томъ. Теперь не можетъ врагъ
Возликовать, узнавъ его утраты!
Онъ выбрать могъ лишь смерть или разводъ;
И выбралъ смерть, что лучшій былъ исходъ.

XXXVII.

Донъ Хозе не оставилъ завѣщанья
И Донъ-Жуанъ наслѣдовалъ одинъ.
Какъ опекунша, мужа состоянье
Инесса прибрала къ рукамъ, чтобъ сынъ
Богаче сталъ, какъ кончить воспитанье.
Не ввѣрить сына матери причинъ,
Конечно, нѣтъ: вѣдь, рѣдко, неумѣло
Берется мать за воспитанья дѣло.

XXXVIII.

Жуана мать, умнѣйшая изъ женъ
И даже вдовъ, воспитывать ребенка,
Какъ гранда, стала. (Хозе, знатный донъ,
Кастилецъ былъ, она же Арагонка.)
Онъ былъ стрѣльбѣ, фехтовкѣ обученъ,
Чтобъ трону стать опорою; и тонко
Онъ изучилъ все то, что надо знать,
Чтобъ женскій монастырь иль крѣпость брать.

XXXIX.

На нравственность Инесса напирала:
Учителямъ наказъ былъ строгій данъ,
Чтобъ въ дѣлѣ воспитанья выступала
Высокая мораль на первый планъ.
Она сама тѣ книги выбирала,
Что долженъ былъ выучивать Жуанъ.
И онъ всему учился, что морально,
Исторіи не зналъ лишь натуральной.

XL.

Преподаванью древнихъ языковъ
Приписывалось важное значенье.
Науки, безъ практическихъ основъ,
Искусства, что не знаютъ примѣненья,
Онъ изучалъ и не жалѣлъ трудовъ;
Но свѣдѣнья о тайнахъ размноженья
Ни отъ кого не могъ онъ почерпнуть.
Боялись всѣ пороковъ въ него вдохнуть.

XLI.

Но изучая древности поэтовъ
Какъ скрыть боговъ амурныя дѣла?
Рѣзвясь безъ панталонъ и безъ корсетовъ,
Надѣлали они не мало зла,
Вполнѣ чуждаясь нравственныхъ совѣтовъ.
Инесса миѳологію кляла
И защищать не разъ пришлось предъ нею
Какъ Энеиду, такъ и Одиссею.

XLII.

Мораль, порой Овидій мало чтитъ;
Не отнесусь къ Катуллу съ одобреньемъ;
Анакреонъ распутный сибаритъ;
Сафо я не хвалю, хоть съ увлеченьемъ
О ней извѣстный Лонгинъ говоритъ;
Одинъ Виргилій чистъ, за исключеньемъ
Эклоги той безнравственной, гдѣ онъ
Поетъ: «Formosum pastor Corydon».

XLIII.

Безвѣріе Лукреція опасно
Для молодыхъ умовъ. Согласенъ я,
Что Ювенала цѣль всегда прекрасна,
Но все-жъ его хвалить вполнѣ нельзя:
Онъ слишкомъ откровененъ въ рѣчи страстной
И не умѣетъ сдерживать себя.
Еще скажу, что вижу толку мало
Въ соленыхъ эпиграммахъ Марціала.

XLIV.

Жуанъ ихъ въ томъ изданьи прочиталъ,
Откуда мудрый цензоръ всѣ творенья,
Что дышатъ непристойностью изгналъ,
Но чтобъ свое загладить преступленье
И чтобъ поэтъ не очень пострадалъ,
Ихъ, въ полномъ сборѣ, въ видѣ приложенья,
Въ концѣ изданья вставилъ и совсѣмъ
Ненужнымъ указатель сдѣлалъ тѣмъ.

XLV.

Толпѣ солдатъ подобно ихъ собранье;
Не надо ихъ искать по всѣмъ листкамъ,
Когда они всѣ въ сборѣ. Въ назиданье
Учащимся, они пробудутъ тамъ,
Пока не выйдетъ новаго изданья,
Гдѣ ихъ разставятъ снова по мѣстамъ.
Они-жъ теперь, пугая наготою,
Какъ божества садовъ стоятъ толпою.

XLVI.

Рисунковъ рядъ, далеко не святыхъ,
Молитвенникъ стариннаго ихъ рода
Собою красилъ. Текстъ священныхъ книгъ
Такъ испещрять была, когда-то, мода.
(Какъ могъ молиться тотъ, кто видѣлъ ихъ?)
Его, для своего лишь обихода,
Оставила Инесса, чтобъ Жуанъ
Не зналъ о немъ; ему-жъ другой былъ данъ.

XLVII.

Инессою во всемъ руководимый,
Не мало слышалъ онъ проповѣдей
И словъ святыхъ. Читалъ Іеронима
И Златоуста; зналъ Четьи Миней.
Но Августинъ святой, высокочтимый,
На правды путь наводитъ всѣхъ вѣрнѣй,
Себя бичуя *), хоть (признаться больно!)
Его грѣхамъ завидуешь невольно.

XLVIII.

Жуану не давали книгъ такихъ
И правильно, коль хорошо потуже
Держать дѣтей. Инесса глазъ своихъ
Съ Жуана не спускала. Что есть хуже
Служанокъ выбирала, и у нихъ
Одни старухи жили. Такъ при мужѣ
Она еще привыкла поступать;
Съ нея примѣръ должны-бъ всѣ жены брать.

XLIX.

Предъ нимъ лежала свѣтлая дорога;
Онъ лѣтъ шести былъ и красивъ, и милъ;
Одиннадцати лѣтъ учился много
И не жалѣлъ для дѣла юныхъ силъ.
Казалось, онъ лишь будетъ жить для Бога;
Молясь, полъ-дня онъ въ церкви проводилъ;
Затѣмъ сидѣлъ за книгой иль урокомъ,
Добру учась, подъ материнскимъ окомъ.

L.

Онъ въ дѣтствѣ былъ красивый мальчуганъ;
Когда подросъ, въ немъ страсть къ труду созрѣла;
Онъ былъ сперва порядочный буянъ,
Но нравъ его исправить мать съумѣла—
И тихъ, и скроменъ сдѣлался Жуанъ,—
Такъ всѣмъ казалось. Съ гордостью глядѣла
На юнаго философа она,
Хваля его вездѣ, любви полна.

* Прочтите его исповѣдь.

LI.

Не вѣрилъ я, да и не вѣрю нынѣ,
Что могъ Жуанъ сломить характеръ свой,
Что справился съ нимъ, по той причинѣ,
Что Хозе нравъ имѣлъ весьма крутой.
Вы скажите, что по отцу о сынѣ
Нельзя судить; къ тому-жъ всегда съ женой
Онъ ссорился: коварная догадка!
Я замолчу; но мнѣ злословье гадко.

LII.

И такъ я замолчу, но если-бъ сынъ
Былъ у меня — нравоученьямъ мѣру
Я зналъ-бы и скажу не безъ причинъ
Ея бы не послѣдовалъ примѣру;
Наскучитъ катихизисъ все одинъ;
Нельзя преподавать одну лишь вѣру.
О нѣтъ! мой сынъ попалъ бы въ школу; въ ней
Позналъ я жизнь, науку и людей.

LIII.

Увы! я позабылъ языкъ Эсхила.
Но все-жъ скажу, что школа сущій кладъ.
Тамъ созрѣваетъ мысль, тамъ крѣпнетъ сила
Хоть есть грѣшки за ней, но verbum sat.
Все то, что знаю я, мнѣ подарила
Родная школа. Пусть я не женатъ,
Однако (утверждаю это смѣло)
Такъ мальчика воспитывать не дѣло.

LIV.

Вотъ минуло ему шестнадцать лѣтъ —
И въ юношѣ красивомъ и высокомъ
Младенчества исчезъ послѣдній слѣдъ.
Но мать за нимъ, какъ прежде, зоркимъ окомъ
Слѣдила. Преждевременный разцвѣтъ
Казался ей ужаснѣйшимъ порокомъ;
Скажи ей кто-нибудь, что онъ созрѣлъ,
Навѣрное въ ней гнѣвъ бы закипѣлъ.

LV.

Инесса добродѣтельная зналась
Лишь только съ тѣмъ, кто правдой былъ богатъ;
Къ ней часто Донна Джулія являлась.
Назвавъ ее звѣздой, о ней, наврядъ,
Понятье дамъ. Съ ней красота сроднялась,
Какъ съ моремъ соль, съ цвѣтами ароматъ,
Съ Венерой поясъ, съ Купидономъ стрѣлы.
(Послѣднія сравненья слишкомъ смѣлы).

LVI.

Ея прелестныхъ глазъ восточный пылъ
Присутствіе въ ней крови мавританской
Доказывалъ. (Не очень-то цѣнилъ
Такую кровь аристократъ испанскій).
Когда, рыдая, скрылся Боабдилъ,
Гренаду сдавъ, на берегъ африканскій
Переселились мавры. Изъ числа
Оставшихся въ Испаніи была

LVII.

Ея прабабка. Странными судьбами
Она, плѣнивъ гидальго красотой,
Съ нимъ сочеталась брачными цѣпями.
Въ Испаніи позорнымъ бракъ такой
Считался. Тамъ гордилися связями
И на родныхъ женилися порой,
Чтобъ не утратить чистокровность рода,
Чѣмъ часто ухудшалася порода.

LVIII.

И ожилъ родъ съ поддержкой новыхъ силъ;
Кровь стала хуже, но красивѣй лица.
Заглохшій корень вновь ростки пустилъ;
Исчезли: сынъ уродъ и дочь тупица;
Про бабушку однако слухъ ходилъ,
(Но это, я увѣренъ, небылица),
Что незаконныхъ, иногда, дѣтей
Въ свою семью вводить случалось ей.

LIX.

Съ годами все порода улучшалась;
Какимъ путемъ, зачѣмъ намъ это знать?
Но дни текли и вотъ лишь дочь осталась
Отъ цѣлой расы; нужно-ли сказать,
Что рѣчь идетъ о Джуліѣ? Досталась
Ей красота. Свои дары, какъ мать,
Предъ ней повергла щедрая природа;
Ей двадцать три всего лишь было года.

LX.

Въ ея глазахъ и черныхъ, и большихъ
Огонь сверкалъ. Любовь и гордость чаще
Чѣмъ ненависть и гнѣвъ читались въ нихъ.
(Не знаю я что̀ глазъ прелестныхъ слаще).
Порою сквозь рѣсницъ ея густыхъ
Просвѣчивалъ желанья лучъ палящій,
Но угасалъ съ мгновенной быстротой:
Она имѣла даръ владѣть собой.

LXI.

Змѣей вилась коса ея густая....
Какъ радуга ея сгибалась бровь....
Дышала въ ней восторженность живая;
Какъ молнія, въ ней пробѣгала кровь,
Прозрачный блескъ на ликъ ея бросая;
Прильетъ, горя́ и вотъ отхлынетъ вновь.
Сложенье, статность, ростъ—все въ ней плѣняло.
(Сложенныхъ дурно женщинъ чту я мало).

LXII.

Пятидесяти лѣтъ былъ мужъ у ней....
(Слѣпой судьбы плачевная услуга).
Ей лучше-бъ взять двухъ молодыхъ мужей,
Чтобъ замѣнить почтенныхъ лѣтъ супруга;
Такая перемѣна тѣмъ нужнѣй,
Чѣмъ ярче свѣтъ бросаетъ солнце юга;
Я замѣчалъ, что самыхъ честныхъ дамъ
Невольно тянетъ къ молодымъ мужьямъ.

LXIII.

Все это очень грустно, безъ сомнѣнья,
Но въ этомъ солнца свѣтъ виновнѣй всѣхъ;
Людскую кровь приводитъ онъ въ волненье.
А мало-ли на свѣтѣ есть утѣхъ?
Ни постъ не помогаетъ, ни моленья;
Слабѣетъ плоть и душу вводитъ въ грѣхъ.
Гдѣ свѣтитъ Югъ, тамъ не считаютъ чудомъ,
Что свѣтъ зоветъ интригой, небо—блудомъ.

LXIV.

Счастливѣй люди въ сѣверныхъ странахъ,
Гдѣ стынетъ кровь, гдѣ стужей мѣры взяты,
Чтобъ грѣхъ вредить не могъ (Въ своихъ грѣхахъ
Святой Антоній стужею объятый
Покаялся). Караемый въ судахъ,
Тамъ каждый грѣхъ обложенъ крупной платой.
Прелюбодѣя не щадитъ законъ:
Коль согрѣшилъ—по таксѣ платитъ онъ.

LXV.

Альфонсо—звали Джуліи супруга.
Онъ былъ и бодръ, и свѣжъ для лѣтъ своихъ;
Его жена въ немъ ни врага, ни друга
Не видѣла. Какъ много паръ такихъ!
Не ссориться—для нихъ и то заслуга,
Вѣдь розны взгляды и желанья ихъ!
Альфонсо былъ ревнивъ, скрывая это,
Вѣдь ревность любитъ прятаться отъ свѣта.

LXVI.

Какъ Джулія съ Инессою сошлась?
Не знаю я. Въ нихъ сходства было мало;
За просвѣщеньемъ донна не гналась
И никогда трактатовъ не писала.
Хоть говорятъ (но это ложь; не разъ
Молва пустые слухи распускала),
Что мужъ ея Инессой былъ любимъ
И что она была въ интригѣ съ нимъ,

LXVII.

Что будто-бы ихъ связь годами длилась,
И наконецъ, характеръ приняла
Невинности. Такъ въ Джулію влюбилась
Инесса, что она ее взяла
Подъ крылушко свое и не скупилась
На ласки и хвалы. Свои дѣла
Вести она съ такимъ умѣньемъ стала,
Что и злословья притупилось жало.

LXVIII.

Была-ль для донны тайной—болтовня
Пустой молвы, иль не имѣла вѣса
Въ ея глазахъ—про то не знаю я;
Не видѣнъ ходъ душевнаго процесса.
Но все-жъ, свое спокойствіе храня,
Она какъ прежде видѣлась съ Инессой.
У ней, и безупречна, и скромна,
Съ Жуаномъ познакомилась она.

LXIX.

Встрѣчаясь часто съ мальчикомъ красивымъ,
Она его ласкала; толку нѣтъ,
Что ласки въ этомъ возрастѣ счастливомъ
Невинны. (Что-жъ, ей было двадцать лѣтъ,
Ему-жъ тринадцать). Нѣжнымъ ихъ порывамъ,
Увѣренъ я, дивиться сталъ бы свѣтъ,
Постарше будь они, хоть на три года.
Сильна въ развитьи южная природа!

LXX.

Ихъ отношенья стали холоднѣй,
Когда Жуанъ подросъ. Въ минуту встрѣчи
Онъ на нее не поднималъ очей;
Изъ устъ его несвязно лились рѣчи;
Я думаю, понятны были ей
Любви святой невинныя предтечи,
Но чувствъ своихъ не понималъ Жуанъ:
Не видѣвъ бурь, кто знаетъ океанъ?

LXXI.

Сочувствію открывъ порой объятья,
Она гнала свой холодъ напускной—
И вотъ, дрожа, онъ чувствовалъ пожатье
Ея руки. Сравнивъ его съ мечтой,
О легкости его не дашь понятья;
Оно, блаженство принося съ собой,
Лишь длилось мигъ; но сладость этой ласки
Ему казалась сномъ волшебной сказки.

LXXII.

Холодностью дышалъ ея привѣтъ;
Въ ея лицѣ не теплилась улыбка,
Но взоръ ея хранилъ унынья слѣдъ
И отъ волненья сердце билось шибко.
Невинность, обмануть желая свѣтъ,
Не прочь лукавить; можно впасть въ ошибку,
Судя лишь по наружности одной:
Любовь, какъ лицемѣръ, хитритъ порой.

LXXIII.

Но заглушишь-ли страсти голосъ милый!
Чѣмъ неба сводъ угрюмѣй и мрачнѣй,
Тѣмъ буря разразится съ большей силой.
Сильна любовь;—борьба напрасна съ ней.
Она не разъ, чтобъ сердце тайну скрыло,
Являлась подъ личиною страстей
Ей чуждыхъ: гнѣва, ненависти, мщенья—
Но слишкомъ поздно, чтобъ убить сомнѣнья.

LXXIV.

На днѣ души храня любовь, какъ кладъ,
Она носила равнодушья маску;
Лишь легкій вздохъ, порою томный взглядъ,
Что съ жадностью Жуанъ ловилъ, какъ ласку,
Участье обличали. Не впопадъ
При встрѣчѣ съ нимъ ее бросало въ краску.
Все это были признаки любви
И у него огонь пылалъ въ крови.

LXXV.

Тревогъ сердечныхъ чувствуя обилье,
Она, бѣдняжка, сдѣлать надъ собой
Рѣшилась благородное усилье,
Чтобъ честь спасти. Предъ твердостью такой
Тарквиній самъ, сознавъ свое безсилье,
Въ тупикъ бы сталъ. Къ Владычицѣ Святой
Она съ мольбой свои простерла руки....
Кто женщины утѣшитъ лучше муки?

LXXVI.

Не видѣться съ Жуаномъ, давъ обѣтъ,
Она зашла къ Инессѣ на мгновенье.
Дверь скрипнула. Не онъ-ли? Къ счастью нѣтъ.
Владычицѣ воздавъ за то хваленье,
Она вздохнула, но унынья слѣдъ
Разсѣяло Жуана появленье.
Боюсь, что въ эту ночь, она съ мольбой
Не обращалась къ Дѣвѣ Пресвятой.

LXXVII.

Она затѣмъ рѣшила, что постыдно
Отъ зла бѣжать; что женщина должна
Бороться съ искушеньемъ. Мысль обидна
Что можетъ пасть въ борьбѣ со зломъ она.
Въ невинномъ предпочтеніи не видно
Опасности. Коль женщина вѣрна
И дому, и себѣ, добромъ богата,
Грѣшно-ль мужчину ей любить, какъ брата?

LXXVIII.

Случиться, правда, можетъ (силенъ бѣсъ!)
Что сердцу трудно справиться съ соблазномъ;
Тогда надъ нимъ побѣда большій вѣсъ
Еще имѣетъ. Просьбамъ неотвязнымъ,
Что дышатъ страстью, можно наотрѣзъ
Отказывать, смѣясь надъ бредомъ праздным.
Я дамамъ молодымъ даю совѣтъ
Такъ дѣйствовать; методы лучше нѣтъ.

LXXIX.

Къ тому же есть еще любовь святая,
Что ангеловъ плѣняетъ и матронъ,
Что душу, чудный свѣтъ въ нее бросая,
Живитъ. Кумиръ воздвигнулъ ей Платонъ.
«Въ моей груди горитъ любовь такая»
Она шептала, вѣря въ свѣтлый сонъ.
Будь я замѣченъ ею, безъ сомнѣнья,
Одобрилъ бы такія размышленья.

LXXX.

Любовь такая дѣвственно чиста;
Ей можно предаваться безъ опаски;
Сначала ручку, а затѣмъ уста
Цѣлуютъ нѣжно, робко строятъ глазки;
Но это ужъ предѣльная черта
Такой любви; ея мнѣ чужды маски,—
Предупредить, однако, долженъ всѣхъ,
Что за чертой условной встрѣтишь грѣхъ.

LXXXI.

Любовь святую совѣсть не осудитъ;
Зачѣмъ же бѣдной сдерживать себя?
Она любить Жуана свято будетъ;
Любовь, желанья грѣшныя губя,
Въ немъ только грёзы свѣтлыя пробудитъ;
Онъ многому научится, любя.
Чему? не могъ бы я найти отвѣта,
Да и для ней загадкой было это.

LXXXII.

Рѣшивъ, что путь ей выбранный ведётъ
Къ благимъ дѣламъ; защищена бронёю
Невинности своей; принявъ въ разсчётъ,
Что можно честь ея сравнить съ скалою,—
Отбросила она тяжелый гнётъ
Докучнаго контроля надъ собою.
Въ послѣдствіи прійдется намъ узнать,
Могла-ль она съ задачей совладать.

LXXXIII.

Постановленный въ счастливыя условья,
Прекраснымъ ей казался этотъ планъ.
Пускай себѣ клевещутъ на здоровье,
Коль такъ хотятъ. (Шестнадцать лѣтъ Жуанъ
Всего имѣлъ.) Безсиленъ ядъ злословья
Предъ духомъ правды. (Жгли-же христіанъ
Другіе христіане, съ убѣжденьемъ,
Что слѣдуютъ Апостольскимъ ученьямъ!)

LXXXIV.

Но если-бъ вдругъ ей овдовѣть пришлось?...
Какое наущенье вражьей силы!
Возможно-ли поднять такой вопросъ!
Ей горе пережить бы трудно было.
Но полагая только, inter nos....
(Я entre nous, сказалъ бы съ донной милой;
— Ей нравился французской рѣчи складъ,—
Да съ риѳмою мой стихъ не шелъ бы въ ладъ).

LXXXV.

Съ годами будетъ партіей серьёзной
Жуанъ. Измѣны отъ него не жди....
Не все-жъ ихъ цѣли въ жизни будутъ разны;
Коль мужъ ея окончитъ дни свои
Лѣтъ черезъ семь—еще не будетъ поздно;
Вся жизнь передъ Жуаномъ впереди.
Пускай его согрѣетъ лучъ участья!
(Все рѣчь идетъ лишь о невинномъ счастьѣ).

LXXXVI.

Къ Жуану перейдемъ. Тоской томимъ,
Не видѣлъ онъ, что грудь его согрѣта
Огнемъ любви. Въ страстяхъ неукротимъ,
Какъ миссъ Медея Римскаго поэта,
Онъ думалъ, что случилось чудо съ нимъ,
Вполнѣ необъяснимое для свѣта.
Не вѣдалъ онъ, что много свѣтлыхъ чаръ
Любовь съ собой приноситъ часто въ даръ.

LXXXVII.

Объятый и унынъемъ, и волненъемъ,
Среди лѣсовъ бродилъ, въ тоскѣ, Жуанъ;
(Скрываться—скорбь считаетъ наслажденъемъ)
Не сознавалъ онъ сердца жгучихъ ранъ.—
И я порой мирюсь съ уединенъемъ,
Но только не какъ схимникъ,—какъ султанъ,—
Я не нуждаюсь въ схимниковъ примѣрѣ,—
И съ нимъ мирюсь въ гаремѣ, не въ пещерѣ.

LXXXVIII.

«Любовь! богиня ты въ такой глуши,
«*Гдѣ слиты безопасность съ упоенъемъ*;
«Тамъ свѣтлый рай для любящей души».
Доволенъ былъ бы я стихотвореньемъ,
Мной приведѣннымъ здѣсь, не напиши
Поэтъ вторую строчку. Съ удивленъемъ
Смотрю на сочетанье странныхъ словъ,
Что затемняютъ смыслъ его стиховъ.

LXXXIX.

Мнѣ кажется, что онъ имѣлъ желанье,
Безъ задней мысли, возвѣсгить о томъ,
Что мы не любимъ въ свѣтлый часъ свиданья,
Иль сидя за обѣденнымъ столомъ,
Чтобъ насъ бы бѣзпокоили. Молчаньемъ
Мы «слитье» съ «упоеньемъ» обойдемъ;—
Понятна этихъ словъ живая страстность,—
Но безъ замка возможна-ль «безопасность?»

XC.

Близь свѣтлыхъ струй ручья, угрюмъ и нѣмъ,
На темный лѣсъ взирая, какъ на друга,
Жуанъ любилъ мечтать, не зная чѣмъ
Разсѣять мракъ душевнаго недуга.
Въ тѣни лѣсовъ, сюжеты для поэмъ
Поэты ищутъ; тамъ-же, въ часъ досуга,
Стихи читать мы любимъ, коль они
Вордсворта виршамъ только не сродни.

XCI.

Ища уединенія охотно,
Жуанъ душой возвышенной своей
Гнался за каждой думой мимолётной.
Такъ много въ немъ рождалося идей,
Что, наконецъ (конечно, безотчётно),
Онъ сталъ смотрѣть на свѣтъ и на людей,
Умѣривъ гнетъ своей тоски тяжелой,
Какъ метафизикъ Кольриджевой школы.

XCII.

О многомъ онъ мечталъ, бродя одинъ:
О блескѣ звѣздъ, о тайнахъ мірозданья,
О шумѣ битвъ; о томъ, что властелинъ
Надъ міромъ человѣкъ; о разстояньи
Что до луны отъ насъ; искалъ причинъ
Въ ихъ слѣдствіяхъ. Повергнутъ въ созерцанье,
Мечталъ, какъ свѣтъ премудро сотворенъ;
О глазкахъ милой также думалъ онъ.

XCIII.

Такъ мудро разсуждая, голосъ муки
Онъ заглушалъ, и сладость находилъ
Въ такихъ мечтахъ. Отраденъ свѣтъ науки,
Блаженъ, кто ей всѣ думы посвятилъ.
Но странно — если юноша безъ скуки
Мечтаетъ о теченіи свѣтилъ.
Вы скажите, что это плодъ ученья,
А я беру въ разсчетъ и возбужденье.

XCIV.

Задумчиво глядѣлъ онъ на цвѣты;
Въ порывахъ вѣтра слышалъ вздохъ участья;
Онъ къ нимфамъ обращалъ, порой, мечты,
Къ богинямъ, что дарили смертнымъ счастье,
Являясь къ нимъ въ сіяньи красоты.
Въ немъ смутно пробуждалось сладострастье,
Невидимо летѣлъ за часомъ часъ
И онъ обѣдъ прогуливалъ не разъ.

XCV.

Боскана онъ читалъ иль Гарсиласса
И былъ готовъ во прахъ предъ ними пасть;
Къ поэзіи душа его рвалася;
Внимая ей, въ немъ клокотала страсть.
Такъ по вѣтру листы летятъ, клубяся.
Казалося, надъ нимъ простерлась власть
Волшебника, что въ звуки сыплетъ чары,
Какъ я читалъ въ какой-то сказкѣ старой.

XCVI.

Напрасно въ лѣсъ онъ направлялъ свой путь;
На думы все-жъ не находилъ отвѣта;
Отрады не могли въ него вдохнуть
Ни сладкія мечты, ни пѣснь поэта;
Онъ жаждалъ ласкъ, главу склонить на грудь,
Къ которой сердце нѣжностью согрѣто;
Онъ, можетъ быть, мечталъ и о другомъ,
Но я покуда умолчу о томъ.

XCVII.

Отъ глазъ красивой Джуліи кручина,
Что въ даръ любовь Жуану принесла,
Не скрылась. Тайныхъ мукъ его причина
Была понятна ей; но какъ могла
Инесса у единственнаго сына
Не разъузнать причинъ такого зла?
Не знаю, какъ понять ея молчанье;
Что видѣть въ немъ: притворство иль незнанье?

XCVIII.

Хитрецъ, случайно, ловится иной.
Такъ мужъ ревнивый жалкую услугу
Себѣ готовъ оказывать порой,
Желая уличить свою супругу
Въ несоблюденьи заповѣди той,
Что ставитъ цѣломудріе въ заслугу.
(Которая она, нейдетъ на умъ;
Ее-жъ назвать, боюсь я, наобумъ).

XCIX.

Мужъ опытный ревнивъ, но онъ порою
Въ обманъ вдается, страстью увлеченъ;
Преслѣдуетъ того, кто чистъ душою,
Коварнаго же друга вводитъ онъ
Въ свою семью. Сойдется-ль другъ съ женою,
Несчастный мужъ, бѣдою пораженъ,
Винитъ во всемъ, забывъ блогоразумье,
Порочность ихъ, а не свое безумье.

C.

Отцовъ недальновидныхъ, иногда
Случается, что дочери проводятъ
И достигаютъ цѣли безъ труда.
Что толку въ томъ, что съ дочерей не сводятъ
Родные глазъ? Случится-ли бѣда,
Отцы въ негодованіе приходятъ
И, не виня оплошности своей,
Готовы проклинать своихъ дѣтей.

CI.

Инессы непонятное молчанье,
Увѣренъ я, скрывало лишь обманъ;
Притворство принимало видъ незнанья;
Ей, можетъ быть, хотѣлось, чтобъ Жуанъ
Окрѣпъ душой, узнавъ любви страданья,
А, можетъ быть, она имѣла планъ
Открыть глаза Альфонсу, въ той надеждѣ,
Что онъ жену не будетъ чтить, какъ прежде.

CII.

Однажды.... Это было лѣтнимъ днёмъ....
Весна, какъ май наступитъ, словно лѣто
Волнуетъ кровь, что въ жилахъ бьетъ ключемъ;
Потоки ослѣпительнаго свѣта,
Что солнце щедро льетъ, виновны въ томъ.
Душа мечтами страстными согрѣта,
Томится грудь, огонь горитъ въ крови.
Мартъ—мѣсяцъ зайцевъ, май — пора любви.

CIII.

Въ шестой іюня день.... Не вижу прока
Въ неточности, а потому всегда
Я числа выставляю и глубоко
Чту хронологію. По мнѣ года —
Тѣ станціи, гдѣ колесница рока,
По всѣмъ странамъ носяся безъ слѣда,
Мѣняетъ упряжь, какъ воспоминанья
Лишь оставляя числа для преданья.

CIV.

О Джуліи я поведу разсказъ.
Какъ я уже сказалъ, въ началѣ лѣта,
Въ седьмомъ часу она сидѣла разъ
Въ саду, достойномъ гурій Магомета
Иль тѣхъ богинь, что восхищаютъ насъ
Въ твореньяхъ сладкогласнаго поэта
Анакреона-Мура. Дай-то Богъ,
Чтобъ насъ плѣнять еще онъ долго могъ!

CV.

Но Джулія въ тѣни душистой сада
Сидѣла не одна. Какимъ путемъ
Устроилось свиданіе? Не надо
Все говорить, что́ знаешь, и о томъ
Я умолчу; злословье хуже яда;
Въ дали отъ всѣхъ, Жуанъ съ ней былъ вдвоемъ;
Они бы поступили осторожно,
Закрывъ глаза, но развѣ это можно?

CVI.

Лицо ея горѣло отъ стыда,
Но все она себя не признавала
Виновною. Любовь хитритъ всегда
И вводитъ въ заблужденье. Ей не мало
Причинено страданій и вреда;
Близь бездны донна Джулія стояла,
Готовая совсѣмъ въ нее упасть,
А всѐ грѣха не признавала власть.

CVII.

Она была собой вполнѣ довольна;
Такъ юнъ Жуанъ, что вѣрности обѣтъ
Не трудно ей сдержать; смѣшно и больно
Бояться зла, когда соблазна нѣтъ.
Въ то время ей припомнилось невольно,
Что мужъ ея пятидесяти лѣтъ.
Жаль, что она объ этомъ думать стала,
Любовь такіе годы цѣнить мало.

CVIII.

Коль говорятъ: «въ пятидесятый разъ
Я вамъ твержу»—то это признакъ ссоры;
Когда поэты, музою гордясь,
О ней порой заводятъ разговоры—
Стиховъ полсотню вамъ прочтутъ какъ разъ.
Когда ихъ пятьдесятъ, опасны воры—
Не жди любви, какъ стукнетъ пятьдесятъ,
Тогда гиней полсотни просто кладъ.

CIX.

Защищена невинностью святою,
Она грѣха бояться не могла;
Рѣшивъ, что ей легко владѣть собою,
Она Жуана за руку взяла;
Разсѣянность была тому виною:
Она Жуана руку приняла
За собственную руку; въ заблужденье
Ее ввело душевное волненье.

CX.

Она затѣмъ склонилась головой
Къ другой его рукѣ, что утопала
Средь темныхъ волнъ косы ея густой.
Она его съ любовью созерцала,
Вся отдаваясь страсти молодой.
Зачѣмъ однихъ Инесса оставляла
Неопытныхъ дѣтей? Увѣренъ я—
Не такъ бы поступила мать моя.

CXI.

Жуанъ ей руку жалъ. Ей сладко было
Ему на ласку—лаской отвѣчать;
Ея рука, казалось, говорила:
«Меня ты можешь нѣжить и ласкать;
«Твоей руки пожатіе мнѣ мило».
Но Джулія, когда-бъ могла понять,
Что есть опасность въ томъ, отъ зла ушла бы,
Какъ отъ змѣи иль ядовитой жабы.

CXII.

Жуанъ, въ которомъ клокотала кровь,
Къ ея рукѣ, въ порывѣ увлеченья,
Прильнулъ устами. Первая любовь
Всегда робка и онъ пришелъ въ смятенье.
Но Джулія, не хмуря гнѣвно бровь,
Лишь покраснѣла. Тайное волненье
Она хотѣла отъ Жуана скрыть—
Къ тому-жъ была не въ силахъ говорить.

CXIII.

Луна взошла. Опасное свѣтило
Напрасно цѣломудреннымъ зовутъ;
Въ ея лучахъ таинственная сила;
Они, блестя, на путь грѣха ведутъ.
Луна не мало бѣдствій причинила;
Ея лучи тревогу въ душу льютъ,
Въ ней пробуждая страстныя желанья—
Невиннѣе безъ мѣры дня сіянье.

CXIV.

Въ тотъ сладкій часъ, когда природа спитъ
Одѣтая волшебнымъ блескомъ ночи,
Когда луна деревья серебритъ,
И звѣзды, какъ безчисленныя очи,
Глядятъ съ небесъ на этотъ чудный видъ,
Душѣ съ собою справиться нѣтъ мочи;
Она собой владѣть перестаетъ,
Но не покой ей этотъ мигъ даетъ.

CXV.

Жуанъ былъ рядомъ съ Джуліей, въ волненьи
Обхватывая станъ ея рукой....
Когда-бъ она имѣла опасенья
Не трудно было-бъ ей уйти домой.
Но, вѣроятно, это положенье
Имѣло даръ ее плѣнять собой....
Затѣмъ—.... но уже меня терзаетъ совѣсть,
Что началъ я писать такую повѣсть.

CXVI.

Платонъ! людей не мало ты сгубилъ
Теоріей своей, что будто можно
Умѣрить силой воли сердца пылъ
И страсть сдержать. Твое ученье ложно,
Ты людямъ больше зла имъ причинилъ,
Чѣмъ всѣ поэты вмѣстѣ. Непреложно,
Что ты и фатъ, и шарлатанъ, и лжецъ,
Опасный сводникъ любящихъ сердецъ.

CXVII.

Когда она очнулась, слезы градомъ,
Увы! не безъ причины, потекли
Изъ глазъ ея. Возможно-ли, чтобъ рядомъ,
Когда-нибудь любовь и разумъ шли?
Трудна борьба съ соблазна тонкимъ ядомъ.
Намѣренья благія не спасли
Ее отъ зла. Ей твердость измѣнила;
Она шепнула: «нѣтъ»—и уступила.

CXVIII.

За новую утѣху Ксеркъ сулилъ,
Какъ говорятъ, богатыя награды.
За выдумку онъ много-бъ заплатилъ.
На этотъ счетъ мои съ нимъ розны взгляды.
Въ любви всегда я счастье находилъ,
И новыхъ наслажденій мнѣ не надо.
Я старыми довольствуюсь вполнѣ,
Лишь бы они не измѣнили мнѣ.

CXIX.

Ты часто губишь насъ, о наслажденье!
Но въ душу проливаешь яркій свѣтъ;
Покинуть путь грѣха и заблужденья
Я каждую весну даю обѣтъ;
Но къ Вестѣ мало чувствуя влеченья,
Я все грѣшу — и въ клятвахъ прока нѣтъ;
Все-жъ мысль моя осуществиться можетъ;
Зимой исправлюсь — стужа мнѣ поможетъ.

CXX.

Здѣсь маленькую вольность разрѣшить
Я долженъ Музѣ. Не страшись читатель!
Повѣрь не въ состояньи оскорбить
Твою стыдливость нравственный писатель.
Но правиламъ я долженъ измѣнить,
Которыхъ я глубокій почитатель....
Когда предъ Аристотелемъ грѣшу,
Въ своей винѣ сознаться я спѣшу.

CXXI.

Не разъ поэтамъ такъ грѣшить случалось—
И вотъ вообразить прошу я васъ,
Что полгода почти съ тѣхъ поръ промчалось,
Какъ Джуліи съ Жуаномъ въ первый разъ
Запретный плодъ любви вкусить досталось
Въ іюльскій чудный вечеръ. Пронеслась,
Какъ сонъ, весна; настала осень злая....
Мы въ Ноябрѣ; не помню лишь числа я.

CXXII.

Отрадно созерцать блестящій рой
Далекихъ звѣздъ, внимая плеску моря,
Когда оно, сребримое луной,
Лѣниво катитъ волны, пѣснѣ вторя,
Что гондольеръ поётъ въ тиши ночной,
Забывъ тяжелый гнётъ тоски и горя.
Не мало навѣваетъ свѣтлыхъ думъ
И сладкій ропотъ волнъ, и листьевъ шумъ.

CXXIII.

Отрадно возвращаясь изъ далеча
Погладить пса, что стережетъ нашъ дворъ.
Отрадно, если въ мигъ желанной встрѣчи
Отъ радости сіяетъ милый взоръ;
Пріятны слуху ласковыя рѣчи,
Жужжанье пчелъ и птицъ веселый хоръ;
Невольно насъ приводятъ въ сладкій трепетъ
И нѣжный голосъ дѣвъ, и дѣтскій лепетъ.

CXXIV.

Какъ сладокъ винограда алый сокъ.
Когда сбираютъ гроздья! наслажденье —
Забиться лѣтомъ въ мирный уголокъ
Отъ города вдали; отрадно мщенье,
Особенно для женщины. Мѣшокъ
Съ червонцами приводитъ въ восхищенье
Скупца. Отецъ рожденью сына радъ,
Морякъ — добычѣ; плѣннику — солдатъ.

CXXV.

Пріятно, коль достанется наслѣдство
Отъ дяди или тётки, что давно
Отъ старости глубокой впали въ дѣтство,
Дыша на ладонъ. Тѣмъ милѣй оно
Чѣмъ больше истощились наши средства,
Чѣмъ дольше ждать намъ было суждено
Желанныхъ благъ, долговъ надѣлавъ кучи....
Увы, какъ старики — порой живучи!

CXXVI.

Стяжать отрадно кровью иль перомъ
Вѣнокъ лавровый; сладко помириться;
Порой пріятно ссориться съ глупцомъ;
Порой виномъ не дурно насладиться;
Всегда отрадно выступить бойцомъ
За жертву, что не можетъ защититься;
Намъ школа дорога; ей можетъ быть
Забыты мы — её-жъ нельзя забыть.

CXXVII.

Но замѣнить ни что не въ состояньи
Восторговъ, что даритъ намъ страсти пылъ;
Когда Адамъ, вкусивъ плоды познаній,
Изъ свѣтлаго Эдема выгнанъ былъ
Не могъ онъ проклинать своихъ страданій;
Узнавъ любовь, онъ новый рай открылъ.
Сравниться съ нею можетъ свѣтлый пламень,
Что Прометей вселилъ въ бездушный камень.

CXXVIII.

Престранное созданье человѣкъ!
Онъ гонится за тѣмъ, что только ново;
Открытьями богатъ нашъ жалкій вѣкъ,
Но лишь одинъ разсчётъ всему основой;
Обманъ дорогу правды пересѣкъ;
Нажива—вотъ магическое слово,
Которое съ любовью шепчетъ міръ
Какъ встарь, воздвигнувъ золоту кумиръ.

CXXIX.

Открытій цѣлый рядъ нашъ вѣкъ прославитъ;
Ихъ породили геній съ нищетой;
Одинъ носы искусственные ставитъ,
А гильотину выдумалъ другой;
Одинъ съ большимъ искусствомъ кости правитъ,
Другой ломаетъ ихъ. Контрастъ смѣшной:
Болѣзнь, что насъ гнетётъ, смѣняя новой,—
Мы прививаемъ оспу отъ коровы.

CXXX.

Картофель въ хлѣбъ мы стали превращать;
О гальванизмѣ цѣлые трактаты
Писали мы—но все-жъ должны признать,
Что опытовъ ничтожны результаты.
Машинъ теперь такая благодать,
Что за труды бѣднякъ лишился платы.
Мы спасены отъ оспы, говорятъ.
Когда-жъ ея исчезнетъ старшій братъ?

CXXXI.

Америка дала ему рожденье;
Когда-же онъ воротится домой?
Тамъ сильно возрастаетъ населенье;
Пора бы моромъ, голодомъ, войной
И прочими дарами просвѣщенья
Его умѣрить ростъ. Вопросъ иной —
Что порождаетъ больше злыхъ послѣдствій
Заразы ядъ иль гнётъ тяжелыхъ бѣдствій.

CXXXII.

Порой изобрѣтенья намъ вредятъ;
Но все-жъ, ихъ цѣль гуманна и прекрасна;
Полезенъ былъ бы Дэви аппаратъ *)
Да жаль: онъ слишкомъ сложенъ; не напрасно
Полярныхъ странъ мы изучали хладъ;
Намъ Томбукту далёкое подвластно;
Все это людямъ пользы принесло
Не меньше, чѣмъ рѣзня при Ватерло.

CXXXIII.

Феноменъ человѣкъ и жизнь загадка;
Мнѣ только жаль, что въ наслажденьи грѣхъ,
Когда, сознаюсь въ томъ, грѣшить такъ сладко.
Какъ ни живи—одинъ конецъ для всѣхъ—
Все смерть прійдетъ съ своей улыбкой гадкой;
Ее ни власть, ни деньги, ни успѣхъ
Прогнать не могутъ; что-жъ затѣмъ? Не знаю,
Вы также?—такъ прощайте. Продолжаю.

П. Козловъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

*) Дэви изобрѣтатель лампы, при помощи которой можно безопасно работать въ рудникахъ,—но аппаратъ очень сложенъ.

МІРСКАЯ ДУША.

(Очерки народнаго быта).

II.

Въ послѣднихъ числахъ ноября стояла суровая зима, какой давно не запомнятъ старожилы. Завываніе вѣтра, мятель, крутившая снѣгъ и заметавшая дорогу, невольно наводили на какое-то грустное, унылое настроеніе.

Въ стѣнахъ Липовскаго волостнаго правленія, заваленнаго снѣгомъ по самыя окна, толкутся міряне, боязливо перешептываясь между собою.

Гдѣ-то вдали послышался звонъ колокольчика, прерываемый завываньемъ вьюги.... вотъ онъ—ближе и ближе.. . къ крыльцу правленія лихо подлетѣла тройка взмыленныхъ коней.

Вошелъ исправникъ.

Старшина и писарь трясутся, какъ осиновый листъ. Мужики стоятъ, потупивъ очи, и, переминаясь съ ноги на ногу, считаютъ про себя грѣхи.

— Окладную! отрывисто буркаетъ начальникъ.

Писарь кидается къ шкафу, достаетъ книгу и трепещущими перстами отыскиваетъ «липовское общество». Шелестъ листовъ тоскливо отзывается въ ушахъ мірянъ среди гробоваго молчанія.

— Когда восемьсотъ внесли?—вопрошаетъ начальникъ.

— Вчерась, ваше высокоблагородіе! рапортуетъ старшина.

— Квитанцію.... требуетъ для провѣрки окладной исправникъ.

— У старосты-съ!—тихо шепчетъ старшина.

— Па-а-дать!... грозно вопіетъ начальство.

Изъ толпы вылѣзаетъ красный, трепещущій староста, подавая квитанцію. Въ торопяхъ онъ забылъ надѣть «знакъ».

— Ты куда пришелъ?—грозно вопрошаетъ начальникъ.

Староста потерянно глядитъ на исправника, судорожно подергиваются нѣмыя уста его.

— Въ кабакъ.... что ли?—вскакиваетъ начальникъ. Звонкая оплеуха гулко раздается въ стѣнахъ правленія, съ болью отзываясь въ сердцахъ мірянъ; всѣ вздрогнули.... Староста жалостно блуждаетъ глазами по мірянамъ, какъ бы ища въ нихъ заступы. Міряне безмолвствуютъ, потупя очи.

— Мядаль надѣнь! лепечетъ старшина, дергая старосту за рукавъ.

Староста стремительно распахиваетъ полу кафтана и вытаскиваетъ изъ кармана платокъ съ медалью. Кисетъ съ печатью и деньгами со звономъ падаетъ на полъ.... Староста опускается на одно колѣно, на другомъ раскладываетъ платокъ и вынимаетъ медаль.... но увы! Медаль запуталась въ моткѣ нитокъ, который Абрамъ Романычъ захватилъ у бабы для писаря,—сшивать податныя тетради. Дрожащими руками распутываетъ Абрамъ Романычъ медаль, подъ пристальнымъ взоромъ начальника.

— Дурра-къ! слышится презрительный окликъ, пошелъ вонъ!

Абрамъ Романычъ моментально вскакиваетъ, накидываетъ на шею медаль вмѣстѣ съ моткомъ и скрывается въ толпѣ, оставляя на полу платокъ и кисетъ.

Иванъ Михайловичъ, сурово насупившись, смотритъ прямо въ глаза начальнику. Исправникъ замѣчаетъ пристальный взглядъ и искоса мечетъ молніеносные взоры на дерзкаго мірянина.

— Три тысячи.... двѣсти.... пятьдесятъ рублей недоимки прошлаго года.... да четыре тысячи.... семьсотъ первой половины, выкладывалъ исправникъ на счетахъ,—итого: семь тысячъ.... девятьсотъ пятьдесятъ рублей, а? Да, вы знаете, что черезъ двѣ недѣли все ваше имущество съ торговъ до тла будетъ продано?... до т-т-тла, а?—взывалъ онъ къ старикамъ.

— Пьянствовать, лѣнтяи! Два кабака открыли.... мало одного? А подати платить не хотите? вопило начальство, напирая на мужиковъ.

Міряне испуганно пятились къ дверямъ.

— Пьянство, ваше благородіе, это точно одолѣло.... началъ вдругъ Иванъ Михайловичъ.

— Подойди сюда! что тамъ подъ носъ бурчишь? грозно окликнулъ начальникъ.

Иванъ Михайловичъ смѣло выступаетъ впередъ.

— Только мы тому не причиной,—спокойно продолжалъ Иванъ Михайловичъ,—мірской кабакъ одинъ, а другой-то барской, Василь-Григорьича. Въ конторѣ за работу ярлыки даютъ, а разсчетъ по ярлыкамъ въ кабакѣ виномъ идетъ. Мы вотъ давно собирались вашу милость обезпокоить,—солгалъ старикъ,—нельзя-ли молъ, чтобъ Василь-Григорьичъ въ конторѣ по закону разсчетъ велъ.... деньгами?....

— Я не объ конторѣ съ тобой толковать пріѣхалъ, а въ уплатѣ понуждать.... грозно оборвалъ его исправникъ: вы другъ за друга отвѣчать должны, обратился онъ къ мірянамъ, знаете круговую поруку?

— Писарь,—продолжалъ начальникъ,—ты читалъ на сходкахъ статьи, которыя я указалъ въ циркулярѣ; а?

— Вычитывалъ-съ.... на всѣхъ сходахъ.

— Разъяснялъ?

— Разъяснялъ-съ....

— Подай сельскій уставъ!

Писарь подаетъ уставъ.

— Вотъ видите, что въ законѣ написано: «назначить къ продажѣ лично принадлежащее недоимщину недвижимое имущество»,... напр., тамъ.... мельницу.... землю и проч., слышите?

— У насъ, ваше благородіе, и въ обчествѣ такихъ нѣту, чтобы то исть особливую землю имѣли.... окромя мірской; а у кого мельница, аль сарай тамъ кирпишный.... заведеніе какое; тотъ—голомя.... почитай и за вторую половину сполна уплатилъ.

— Ну, такъ «отдать въ недальніе заработки недоимщина по мірскому приговору»,—гремѣлъ исправникъ, сердито тыкая перстомъ въ соотвѣтствующую статью устава.

— Отдавали, ваше благородіе, да никто ужъ брать не сталъ; чево онъ подневольный наработаетъ? изъ харчей держать не сходно.... настойчиво продолжалъ перечить Иванъ Михайловичъ.

Видя, какъ Иванъ Михайловичъ «отлепортовываетъ» начальнику, міряне пріободрились; стали вольготнѣй почесывать себѣ поясницы и затылки, слегка перешептывались, искоса посматривая на начальника. Находились и такіе смѣльчаки, что позволяли себѣ усмѣхнуться, «коли Иванъ Миналовъ добрѣ ловко въ точку попадалъ».

— «Назначить опекуна къ неплательщику, безъ согласія котораго не позволять продажи имущества или опредѣлить старшимъ въ домѣ другаго члена семьи»,—вычитывалъ исправникъ.

Иванъ Михайловичъ съ какимъ-то сожалѣніемъ посмотрѣлъ на статью, гдѣ виднѣлся указующій перстъ начальника. «И пишутъ же эдакіе пустяки», думалось ему.

— Гдѣ ужъ тамъ, ваше благородіе, опекуновъ назначать: изъ полутораста дворовъ болѣ десятка чистыхъ-то не наберешь.

— «Отобрать отъ недоимщика принадлежащій ему земельный надѣлъ и продать съ торговъ въ арендное содержаніе»,... продолжалъ неугомонный исправникъ.

— Было-бы чево въ ренду отдавать, ваше благородіе! всей-то землицы десятина съ четью. Вонъ она вся кормилица подъ усадьбой.... Нешто вотъ тридцать десятинъ болотца сдавать?... Не велика корысть-то!—иронизировалъ старикъ.

Какъ только помянулъ Иванъ Михайловичъ про землицу, оправившіеся отъ страха и смущенія міряне не выдержали и, точно сговорившись, разомъ загалдѣли:

— И впрямь, ваше благородіе, крестьянинъ безъ земли не хозяинъ.... Ты, вишь, подаяния теребишь, а гдѣ ихъ взять-то?... Ренда нонѣ дорогая.... пары ишь по пятнадцать, по шестнадцать рублевъ пошли.... Коли изъ то мы земли дождемся? Аль ужъ на роду намъ написано на голой усадьбѣ сидѣть?...

— Што-о-о-о? какъ ужаленный, вскочилъ вдругъ исправникъ, молчать!... затопалъ онъ ногами.

Міряне мигомъ прикусили развязавшіеся было языки.

— Ты.... Смутьянъ!... Народъ бунтовать.... съ сжатыми кулаками подскочилъ начальникъ къ Ивану Михайловичу.

Старикъ не шелохнулся, только какъ-то выпрямился и еще пристальнѣе уставился глазами на исправника. У мірянъ упало сердце: «ударитъ, какъ пить дастъ», трепетали они за участь Ивана Михайловича.

Но начальникъ не ударилъ. Спокойная, величавая фигура старика, съ длинною сѣдою бородой и пристальнымъ взглядомъ, смутила начальника. Подскочивши, онъ только спросилъ:

— Ты кто?

— Повѣренный Голубцовъ, отвѣтствовалъ Иванъ Михайловъ.

— А, а!... повѣренный? На волостной судъ его, гремѣлъ исправникъ. За дерзость.... сейчасъ же..... двадцать горячихъ!

— Ваша воля казнить, ваша и миловать, только, ваше благородіе, извѣстись, кто три года въ старостахъ безпорочно ходилъ, того въ положеньи сѣчь не показано, какъ-то смиренно промолвилъ Иванъ Михайловичъ, указывая на сельскій уставъ.

— Я тебѣ дамъ положеніе! заревѣлъ исправникъ, ударя уставомъ по столу такъ сильно, что корешокъ отскочилъ отъ переплета, а чернильница слетѣла на полъ.—До копѣйки собрать къ 1-му декабря, круто повернувшись, обратился вдругъ начальникъ къ старшинѣ, а если не будетъ собрано, разложить на плательщиковъ! Понялъ?

— Слушаю-съ.... понялъ! промолвилъ испуганный неожиданнымъ обращеніемъ начальника старшина.

— Ишь ты! разложить, ворчали неугомонные міряне, которые уже совсѣмъ задрали вверхъ головы и смѣялись, почти въ лицо начальнику. — Али на десять дворовъ семь тысячъ навалишь? выдумалъ!

Старшина содрогался отъ ужаса, слыша такія рѣчи, онъ таращилъ глаза, морщилъ брови, качалъ головой и, наконецъ, въ отчаяніи протянулъ руку за спину и показалъ крестьянамъ кулакъ. Но міряне не унимались; напротивъ, видъ кулака вызвалъ въ нихъ игривое настроеніе, всѣ прыснули отъ смѣха. Впрочемъ, старшина напрасно безпокоился, исправникъ уже ничего не слушалъ.

— Лошадей! Живо! крикнулъ онъ.

Мимо оконъ, гремя колокольцами и бубенчиками, промчался свадебный поѣздъ.

— Кто это? встрепенулся исправникъ, надѣвая шубу.

— Свадьба, ваше высокоблагородіе, отвѣчалъ старшина.

— Свадьба? а! А недоимки за ними есть? живо спросилъ начальникъ.

— Кто свадьбу играетъ, ваше благородіе,—какая недоимка, говорили міряне, безъ денегъ не свадьба....

— То-то.... А за кѣмъ состоитъ недоимка въ казенныхъ податяхъ, тому не позволять свадьбы! слышишь, старшина?

— Слушаю-съ, ваше высокоблагородіе.

Исправникъ садится въ сани, ямщикъ трогаетъ лошадей.

— Вишь ты, колоколецъ-то заливается, острили мужики, торопится.... Пріѣхалъ не по што, уѣхалъ ни съ чѣмъ....

— Эва, малый! Давя какъ осерчалъ на Иванъ-то Михайлова, душа въ пятки ушла.... Ударитъ, думаю, старика, говорилъ знакомый намъ цыганъ.

— Ударитъ! Дѣ ударить, съ азартомъ тряся головой, возражалъ худощавый мужикъ съ козлиной бородкой, Иванъ-то Ми-

халовъ и не такихъ начальниковъ видалъ, да не били.... А это што? Такъ.... только форсу на себя напущаетъ!

— Н—да! Иванъ Михаловъ заступа у насъ, толковали старики, одно слово «мірская душа».

— Вишь ты, и получасу не сидѣлъ, укатилъ. А кабы не Иванъ Михаловъ, тутъ што-бы? Вотъ у Ваньковскихъ завсегды по трое сутокъ живмя живетъ.... Потому народъ смирный, слова никто не молвитъ. Ну, и куражится. Всѣхъ неплательщиковъ до эднова перепоретъ, во какъ! А недоимки-то супротивъ нашей третей доли не будетъ. А у насъ шалишь! Міръ, али-бо судъ положитъ,—это такъ, а штобъ становой, аль исправникъ,—погоди, не законъ! А кто уставилъ то экой распорядокъ? Все онъ, Иванъ Михаловъ, потому начальникъ сейчасъ видитъ: законникъ, «хадяга», на каждое слово десять супротивъ... ну, и оберегается.

Иванъ Михайловичъ, однако, не совсѣмъ согласенъ былъ съ мірянами на счетъ крѣпости тѣхъ распорядковъ, которые онъ уставилъ. Онъ инстинктивно чувствовалъ, что съ каждымъ годомъ мірская жизнь слабѣетъ и разлагается, а вмѣстѣ съ тѣмъ падаетъ и его значеніе, и его сила. Поводовъ защищать мірянъ отъ обидъ разныхъ радѣтелей и благодѣтелей было много, даже слишкомъ много, но все это были случаи безнадежные, вытекавшіе изъ цѣлой системы эксплуатаціи, эксплуатаціи всесторонней, всеобъемлющей, захватывающей всю мірскую жизнь, проникающей во всѣ сферы частныхъ, семейныхъ и мірскихъ отношеній. Эту кабалу создала крайняя экономическая необезпеченность, крайній недостатокъ земельнаго надѣла. Старикъ прекрасно видѣлъ это и считалъ въ большинствѣ случаевъ безполезнымъ и труднымъ вести борьбу съ частными проявленіями цѣлой системы, съ обидами, корень которыхъ лежитъ слишкомъ глубоко.

Но съ тѣмъ бо́льшею беззавѣтностью его симпатіи отодвигались въ глубь старины, къ міру до-реформенному и къ міру первыхъ годовъ освобожденія, когда радѣтели и благодѣтели не успѣли пронюхать, гдѣ раки зимуютъ; обезкураженные реформой не успѣли еще разобраться во вновь возникшихъ экономическихъ отношеніяхъ.

Подружившись съ «хорошимъ человѣкомъ», Иванъ Михайловичъ не преминетъ растолковать ему про то старое, доброе время, когда впервые началось его служеніе міру.

— Въ старину, другъ ты мой, начинаетъ свой разсказъ Иванъ Михайловичъ, здѣсь кругомъ лѣса дремучіе, да степи были, а по степямъ калмыкъ со стадомъ кочевалъ. Нашего села и въ поминѣ не было. Были кой-гдѣ хутора, на нихъ сходцы жили изъ верховыхъ губерній. Въ тѣ поры вольно было, приходи, строй хуторъ, паши, гдѣ хошь, земли глазомъ не окинешь. Ну, только калмыка берегись: некому за тебя заступиться. Вольное было житье.

Только при Катеринѣ, другъ ты мой, и въ энти мѣста баринъ пожаловалъ. Былъ у ней енералъ старый, Гагаринъ, такъ за его выслугу, али за что тамъ, и отдала ему императрица вольныя степи и съ селомъ Разуваевымъ. А Разуваево и тогда богатое было торговое село, и народъ тамъ больше рукомесломъ занимался. Пріѣхалъ енералъ, видитъ, земли много, да толку въ ней мало, надо народъ заманить, деревеньки настроить.

Въ Разуваевѣ, въ тѣ поры, «голи перекатной» много было: иной со службы бѣжалъ, иной отъ барина, и варнаки были, съ Сибири бѣжали. Придетъ въ Разуваево съ алтыномъ въ карманѣ, въ батраки наймется, алибо къ хозяину мастерствомъ заняться, а то и по лѣсу съ кистенемъ гуляетъ. Вотъ и лѣсъ-отъ нашъ «безпутнымъ кустомъ» прозвали, что ни проходу, ни проѣзду отъ разбоя не было.

— Лѣтъ съ пятокъ эдакъ-то помается и начнетъ волной обростать, хозяйство заведетъ. Такъ этой голи-то, другъ ты мой, не переводилось. Вотъ Гагаринъ, не будь глупъ, и завелъ такую рѣчь: «идите, молъ, православные, ко мнѣ.... Земли паши, сколь сила возьметъ, лѣсу руби, сколь надо, избу строй; на работника по лошади, корову да овецъ на разводъ, хлѣба на кормъ, на сѣмена.... пять годовъ безданно, безпошлинно живи, а на шестой, чѣмъ обложу». Ну, какъ тутъ не идти. Поживу, думаетъ, понравится,—останусь, а чуть что,—не крѣпостной, чай, не привязанъ.

— Вотъ и пошла та голь перекатная изъ села Разуваева на рѣчку Таловку и деревеньку обстроила. Оттого деревенька и по сю пору «Голявной» слыветъ, что «голь» ее строила.

— Ну, баринъ свое слово крѣпко держалъ: чуть видитъ,—мужикъ не гулящій, твердый, оклошалъ, сейчасъ помогу дастъ.... и хлѣба, и денегъ,—всѣмъ ублажаетъ. Прошло пять годовъ, на шестой наказалъ Голявскимъ среди села плотину для мельницы

строить.... вотъ эту самую,—показывалъ старикъ на барскую мельницу.

— Ну, устроили, какъ слѣдовать. Тамъ баринъ не полтинѣ «съ воротъ» обложилъ. Мужики платятъ.... потому видятъ,—баринъ добрый, въ нуждѣ не оставляетъ,—только стали такъ строиться, что двѣ да три избы въ однѣ ворота ѣздили. Видитъ баринъ,—хитрятъ мужички; «съ дыму» обложилъ. И Гагаринъ-то не промахъ былъ: обложи-ка мужика съ души или тягла, сейчасъ смекнетъ, што «оброкъ», заартачится; такъ онъ, вишь, съ дыму, да съ воротъ выдумалъ. Такъ-то потихоньку да полегоньку, съ дыму да съ воротъ, а тамъ и на работу наряжать сталъ мужиковъ, на покосъ, на пахоту, бабъ да дѣвокъ на жнитво. Прошло эдакъ годовъ пятнадцать, мужики обстроились, скотину завели, разбогатѣли; а баринъ все круче да круче подступаетъ, прямо сказать, барщину завелъ. Пошлетъ, бывало, прикащика, либо объѣзчика, народъ наряжать въ поле; иной не вдругъ соберется, такъ онъ нагайкой ево поторапливаетъ. И пошла та нагайка по мужичьимъ да бабьимъ спинамъ разгуливать. Мужики видятъ, что-то не ладно; ропотъ пошелъ: «Мы-де, молъ, не крѣпостные, на барщину-то насъ гонять! пятнадцать лѣтъ все долгъ платили; не ужъ-то все должны»? «Поздно хватились,—говоритъ баринъ, были вы вольные, а теперь и впрямь мои крѣпостные». Тогда, вишь, законъ былъ, ѣжели кто десять лѣтъ оброкъ платилъ, али барщину справлялъ, на того крѣпость писали. Такъ-то и стали мы, Голявскіе, изъ вольныхъ барскими. Только въ тѣ поры наши мириться не хотѣли. Егоръ Миронычъ былъ, дядей мнѣ доводится, умнѣющій мужикъ и письменный, такъ въ Питеръ съ прошеньемъ пошелъ, пошелъ, да такъ и по сю пору о немъ ни слуху, ни духу.

— Умеръ Гагаринъ, имѣнье въ опеку отошло; потому покойникъ казнѣ долженъ былъ никакъ милліона два. Отдохнули было въ опекѣ, только не надолго. Слухъ прошелъ, Гражданская Палата съ торговъ продать насъ хочетъ, и покупщикъ нашелся,—баринъ Груздевъ; жестокій, слышь, баринъ. Какъ тутъ быть? Больно не хотѣлось за нево идти. А бывалъ у насъ на деревнѣ баринъ Павлиновъ, племянникомъ старому барину доводился, человѣкъ молодой и больно къ нашему брату, мужику, ласковый. На сходы мы, почитай, ежедень собирались, галдѣли, галдѣли да на томъ и порѣшили, что какъ-ни-какъ, а за Груздева въ наборъ нейдти. Избрали четверыхъ повѣренныхъ: двухъ отъ

Разуваева, одного отъ Гришина, а Голявскіе меня выбрали. Узнали мы, что баринъ Павлиновъ въ Москвѣ живетъ, и на какой улицѣ—узнали. Собрали міряне по гривнѣ съ души, снарядили насъ, да и съ Богомъ въ путь—дороженьку. Пріѣхали въ Москву, разыскали домъ, спрашиваемъ: «дома баринъ»?—«Дома»—говорятъ. Вышелъ и самъ баринъ Иванъ Николаичъ. Чьи, говоритъ, вы, старики, будете? Я тебя, ровно-бы, гдѣ видѣлъ?—а самъ на меня перстомъ указываетъ.

— Какъ же, молъ, Иванъ Миколаичъ, не видать.... мы Голявскіе.... съ рыбой вотъ съ Астрахани пришли, такъ и къ твоей милости на поклонъ зашли.... Вотъ тебѣ подарочекъ, нашей хлѣба-соли не побрезгай! Выложили это ему гусей, пѣтуховъ, масла, яицъ, стерляди, да окорокъ свиной, всякой всячины на поклонъ-то набрали; нельзя, братенекъ, ужъ такъ у насъ изстари заведено.

— Спасибо,—говоритъ,—старики, на вашемъ хлѣбѣ-соли, и отъ меня подарочекъ примите,—а самъ пятишницу даетъ.

Мы было это: «за что же»? говоримъ, а онъ: «нѣтъ, ужъ возьмите: чѣмъ богатъ, тѣмъ и радъ.... гусей-то да куриць у меня нѣту, а вотъ чайкомъ да водочкой поподчивать можно».

Вошли мы въ горницу, Богу помолились, хозяину поклонились, раздѣлись, и какъ были въ лыковыхъ сапожкахъ, такъ за столъ и сѣли. Въ тѣ поры, другъ ты мой, сапоги-то за диво были, не какъ нонѣ. Разспрашиваетъ насъ баринъ про Астрахань, по чемъ рыбу брали, по чемъ продали. Мы отвѣтъ держимъ на ура, какъ Богъ на душу положитъ, а сами въ бороду усмѣхаемся: «мы-де, молъ, и въ глаза-то ее не видали нонѣ, Астрахани твоей». Ну, да ужъ такъ надо было сказать.... съ опаской все, человѣкъ-то ровно и хорошій, а кто жъ ево знаетъ, чево у него на душѣ.

— Ну, какъ,—говоритъ, у васъ дома, благополучно-ли?

Вотъ тутъ-то мы и рады, и давай ему въ четыре горла про наше горе-злосчастье разсказывать.

Выслушалъ насъ, задумался.—Да, говоритъ, плохо ваше дѣло. Ну, а все попытаться можно!—«Попытка не пытка», молъ, спросъ не бѣда,—говоримъ.

— Вотъ что, старики, составьте-ка вы мірской приговоръ, что, молъ, «желаемъ мы въ казну стойдти, а долгъ выплатить, почемъ тамъ казна обложитъ, и такъ до скончанія долгу».

Сказалъ это: онъ и такъ то насъ обрадовалъ; рады были послѣднее отдать, только бы въ кабалу за Груздева не идти. Написалъ намъ черничекъ и на приговоръ, и на прошенье, сказалъ и куда подавать. Хотѣли было сами и въ Питеръ съ прошеньемъ ѣхать, да Иванъ Миколаичъ не присовѣтовалъ.

— Никакого, говоритъ, толку не добьетесь: народъ вы простой, не грамотный; кажный обманывать васъ будетъ. Только зря деньги потратите, да время упустите, а лучше по почтѣ отошлите. Въ скорости я въ Питеръ поѣду, такъ за васъ похлопочу. Когда торги-то назначены?

— Въ сентябрѣ-молъ!

— Ну, такъ, говоритъ, время еще не опоздано, Богъ дастъ,—успѣемъ.

Поблагодарили мы его, простились; на прощаньи-то онъ съ нами поцѣловался.... Вотъ какой былъ «душевный» человѣкъ, даромъ, что баринъ, да и большой еще баринъ.

Домой пріѣхали, собрали сходъ, приговоръ съ прошеніемъ написали и по почтѣ, какъ Иванъ Миколаичъ говорилъ, отправили. Мѣсяца съ три, знать, прошло; о прошеньи ни слуху, ни духу. А Груздевъ, видно, провѣдалъ про наше прошеніе и кто повѣреннымъ былъ, узналъ. Нагнали къ намъ въ Разуваево стрюцкихъ какихъ-то; за нами слѣдятъ, на сходы ходятъ, про все разспрашиваютъ. Ну, да это все ничего: мы ихъ въ шею со сходовъ гоняли. Въ мартѣ мы у Иванъ Миколаича были, а въ «Казанскую» онъ намъ письмо прислалъ: «Слава, молъ, Богу, старики, дѣло на ладъ идетъ. Скоро вамъ бумага выйдетъ». Ждали мы, ждали этой бумаги, и пришла бумага, да только не наша, а Палатская, что быть, молъ, въ іюлѣ торгамъ. Груздевъ-то какъ призналъ, что прошенье наше скоро выйдетъ, и подмажь кого надо. Ну, Палата и назначила торги на два мѣсяца впередъ сроку. Видимъ, дѣло плохо; мѣшкать не приходится. Поѣхалъ я въ городъ жалобу писать, да въ Питеръ отослать. Въѣхалъ на стоялый дворъ, а слѣдомъ за мной и фискалъ подоспѣлъ. Дворникъ-то свой былъ мужикъ, такъ мнѣ про это сказалъ.

Въ городѣ узналъ я, что кажную бумагу, што на Питеръ идетъ, распечатывать велѣно на почтѣ, чтобъ то-исъ наше прошеніе не допустить. Ну, думаю, тутъ, видно, мнѣ дѣлать нечего. Сѣмъ-ка, лучше я въ Пензу махну. Только какъ со стрюцкимъ быть, опять за мной поѣдетъ; такъ все слѣдомъ шельма и хо-

дитъ. Говорю это дворнику: такъ и такъ, молъ, въ Москву хлопотать хочу ѣхать, да какъ бы фискалъ то слѣдомъ за мной не погнался. Такъ ты, другъ сердешный, выведи гнѣдка то мово за городъ, на Московско шоссе, къ тычку,—такъ кабачокъ тамъ прозывался,—да цѣловальнику накажи, знакомый человѣкъ то былъ,—штобъ малость постерегъ. Дворникъ это: «сдѣлай милость», говоритъ, «радъ сослужить». Вошелъ я въ горницу, полштофчикъ поставилъ, хозяйкѣ обѣдъ наказалъ, Богу помолился, сѣлъ за столъ и стрикулиста посадилъ. Рѣчь съ нимъ веду, а самъ все водочкой ево подчиваю и будто то-исть прошеніе его прошу написать. А тотъ и слюни распустилъ, экой благодати не ждалъ: «сама, молъ, рыбка на уду идетъ», и давай онъ меня вывѣдывать. Тѣмъ временемъ, какъ мы съ фискаломъ пили, ѣли, да бобы разводили, дворникъ собралъ мои пожитки, уложилъ въ телѣгу, запрёгъ гнѣдка мово да и маршъ-маршемъ къ тычку-кабачку на Московско шоссе. Попили, поѣли, да и отдохнуть залегли: я на одной лавкѣ, стрюцкой насупротивъ и ужъ дюже подъ хмѣлькомъ. Видно и спать ему хотѣлось, да и службу справить; вздремнетъ это, всхрапнетъ немного, а тамъ нѣтъ-нѣтъ,—да головой тряхнетъ, на меня глянетъ, тутъ-ли молъ.

Вернулся дворникъ, глазами мнѣ моргнулъ: «все, дескать, готово».

— Что, молъ, али по хозяйству ходилъ?

— По хозяйству, говоритъ.

— Овесъ то у мово гнѣдка есть-ли?

— А какой у тебя гнѣдко-то?

— Мой мѣченый, съ тавромъ, на задней ляшкѣ «прутъ».

— Прутъ? Энтотъ-то?.. Ни сима пороха.... Вотъ, поди свою то утробу насытилъ, а Божья скотина голодная стоитъ. Подь, засыпь овсеца-то: не вѣкъ ей голодной стоять.

— И впрямь засыпать надо.

Всталъ это я, да такъ безъ шапки и вышелъ, будто то-исть овсеца засыпать, а картузъ-то давно ужъ въ портахъ былъ, въ карманѣ. Вышелъ на задній дворъ, перелѣзъ черезъ плетень, чтобы въ окна не видали, надѣлъ картузъ, да и махнулъ на «тычекъ».

Пріѣхалъ въ Пензу и давай письменнаго человѣка разыскивать. Повели меня въ кабачокъ, указали одного. «Дотошный, молъ, человѣкъ, хошь и горькій пьяница.... Правой ногой пишетъ, лѣвой подписывается: одно слово, дока». «Ладно, думаю,

себѣ, посмотримъ на доку»: оборваной, обтрепаной, босой, въ ситцевой рубахѣ,—не больно что-то мнѣ показался.

Заказалъ полштофъ, ево позвалъ: «присядь, молъ, почтеннѣйшій, не знаю какъ по имени, по отчеству величать, водочки откушаемъ.... покалякаемъ».

— Съ нашимъ удовольствіемъ,—говоритъ, али дѣло какое?

— Да, таки маленькое дѣльце есть до тебя. Купцу тутошнему лѣщимъ годомъ гуртъ овечій пригналъ и задатка 80 рублевъ получилъ, а за деньгами наказалъ ионѣ... опосля «Казанской» придти, а, вишь, теперь шишъ накетъ. Я, говоритъ, тебѣ сполна до копѣйки отдалъ. Такъ вотъ, какъ тутъ быть?

Прямо то, знамо, сказать нельзя, дѣло такое: напредки вызнать надо, что за человѣкъ. Разсказалъ онъ мнѣ, что тутъ дѣлать, написалъ и просьбу. Вижу парень будто дѣльный и пишетъ ловко, далъ ему цѣлковый, «спасибо» сказалъ.

Получилъ цѣлковый, сейчасъ это къ нему человѣкъ съ пятокъ эдакихъ же пріятелевъ набралось, обступили ево, вспрыски, могарычей просятъ. Сѣли за столъ, давай пить; а я все на нихъ посматриваю, что, молъ, за народъ такой. Подвыпили, попрекать другъ друга зачали: «ты-де у Машки серьги укралъ»,— «а ты, молъ, печати вырѣзывалъ, начпортѣ поддѣлывалъ», слово за слово, далѣ да болѣ, и пошла потасовка. Ну, думаю себѣ, хошь мужикъ ты и толковый, да только въ большомъ дѣлѣ съ этимъ народомъ мѣшаться не слѣдъ.

Вышелъ изъ кабака, раздумье взяло:—Взвалилъ, молъ, на шею себѣ мірское дѣло, а дѣло большое, не по моимъ плечамъ. Чево я буду дѣлать неграмотный? Ну, да ужъ видно взялся за гужъ, не говори, что не дюжъ. Выгоритъ, вольными будемъ, а не выгоритъ все одно пропадать: не въ Сибирь, такъ въ солдаты Груздевъ отдастъ за мірское хожденіе. Навернулся мужичекъ тульской,—прасолъ; онъ-то и направилъ меня къ вѣрному человѣку, письмоводителемъ былъ у стряпчаго, скромный, непьющій. Онъ и прошеніе мнѣ написалъ и клятву взялъ, на него не показывать.

Домой пріѣхалъ, не долго ждать пришлось. Слухъ прошелъ, торги состоялись и всѣ три села за Груздевымъ остались. А мы было и сборщикомъ Кирѣй Петрова Разуваевскаго выбрали на выкупъ сбирать. Твердый былъ мужикъ, въ старостахъ тоды ходилъ. Кирѣй-то Петровичъ никакъ тысячъ пятокъ собралъ, анъ вдругъ и самъ Груздевъ пожаловалъ. Повѣренныхъ забрали,

въ острогъ заседили «за подстрекательство»; а тамъ въ скорости и Кирѣя Петровича къ намъ же за кампанью прислали. Деньги пять тысячъ баринъ себѣ отобралъ. Въ Разуваево солдатъ пригнали... десятаго подъ розги... все пытали, какъ да что? а тамъ и за насъ принялись.

Кирѣй Петровичъ какъ-то скоро отвертѣлся, отпустили. Меня долго таскали, да только на счастіе мое чернячокъ остался, что Иванъ Миколаичъ писалъ; такъ я на него и сослался. Баринъ, молъ, большой, опять же и въ явѣ за насъ хлопоталъ; такъ чево не сказать? Ивана Миколаича, слышь, допросили, онъ все и разсказалъ, какъ дѣло было. Съ полгода меня подержали,—отпустили, только для острастки сто горячихъ на дорогу отсыпали. Въ непогодь и по сю пору эти палочки отзываются.

А товарищи мои добрѣ обробѣли, что не спросять:—«знать не знаю, вѣдать не вѣдаю»!.. Такъ ихъ за главныхъ смутьяновъ сочли; двоихъ въ солдаты отдали, а третьяго въ Сибирь согнали.

Обчество имъ проводы дѣлало.... одежи, бѣлья натаскали; солдатамъ по 300 рублевъ собрали, а Еремѣю Осипову, што въ Сибирь пошелъ, восемьсотъ отвалили. Вотъ какое прежде обчество было, не какъ нонѣ: міроское-то хожденіе даромъ не пропадало.

— Что жъ, Иванъ Михалычъ, толку-то выходило изъ міроскаго хожденія?—возражалъ собесѣдникъ, неудовлетворенный разсказомъ старика: ходоковъ въ старину точно много было, да дѣло не выгорало.

— Не выгорало... не выгорало, говоришь? кипятился вдругъ Иванъ Михайловичъ:—не все не выгорало... и толкъ выходилъ. Погоди, дай срокъ, разскажу, какъ оно выгорало.

— Да, не въ томъ статья, милый мой,—немного успокоившись, продолжалъ старикъ, што не выгорало! А ты вотъ, что возьми: обчество было дружное, въ міру сила была... а нонѣ что?

Теперь сказать, Сенька Корцовъ.... знашь ево? Ты какъ о немъ полагаешь?.. Забубенная головушка набацкая?.. Пьяница... буянъ, стариковъ не почитаетъ, обчество-то свое матернымъ словомъ поноситъ... Такъ вѣдь?

— Да, и общество имъ недовольно, отвѣчалъ собесѣдникъ.

— Плюнь ты... не слухай, родимый, что обчество говоритъ. Сами они пропойцы, кто такъ-то говоритъ, а не Сеньна.

Слыхалъ, чать, прошлымъ-то годомъ Сеньку въ Сибирь было обчество согнало, да спасибо міровой заступился, отпустили. А

изъ чево дѣло-то вышло?.. У Гришинскихъ выгонъ есть... знать сороковокъ съ 20 будетъ. Такъ вотъ къ этому выгону и подобрался управляющій Митрій Михалычъ.

— Выгонъ, говоритъ, вамъ, старики, безъ надобности: расходы у васъ есть, да и по парамъ скотина ходитъ; отдайте мнѣ! Я плугомъ подыму, вамъ-то не осилить: плуговъ не наберете... Шесть годовъ продержу; вамъ пашня первый сортъ будетъ.

Помазалъ которыхъ старичковъ по губамъ, тѣ и рады стараться. Собрали сходъ, и Сенька пришелъ пьяный-распьяный, лыка не вяжетъ.... въ уголъ сѣлъ, волкомъ глядитъ. Галдѣли, галдѣли міряне.... пріѣхалъ управляющій.... вина привезли.... пошло пированье.... Море разливанное вина-то, пей-не хочу. Напились старички.... «Мы, говоритъ, для милаго друга Митрія Михалыча-то не то што за деньги, даромъ отдадимъ.... потому обчество уважаетъ.... самъ на міръ пріѣхалъ.... не брезгаетъ. И къ нему пріѣдешь, завсегды привѣчаетъ. Пиши, говорятъ писарю, на шесть годовъ, по три съ полтиной тридцатка!»

Слушалъ, слушалъ это Сенька, съ него и хмѣль соскочилъ, да какъ вскочитъ изъ угла, ровно звѣрь какой,... схватилъ Никишкова, што писать велѣлъ, за сѣдую бороду и давай тузить, а самъ приговариваетъ: «міръ за вино продавать, такой, сякой»! Выдралъ всю бороду, бросилъ Митрія Михалыча, управляющаго, зачалъ: «ты, радѣтель! пашню намъ предоставить хошь? у насъ своихъ плугарей нѣту»?, а самъ знай качаетъ да пушитъ.

Мужики было отбивать, куда ты!... сильный мужикъ, здоровый.... онять же остервенился. Подбилъ глазъ управляющему.... старосту сгребъ. «Ты кто? говоритъ: начальникъ, за порядкомъ наблюдать приставленъ!... Это законъ—середь схода виномъ поить?... Ты перво дѣло порѣши, тоды и вино.... учись, покель я живъ», а самъ все кулакомъ поучаетъ.

Ну, отбили кой-какъ.... связали.... Тутъ и Сенькѣ на орѣхи досталось: двѣ недѣли лежалъ, насилу отлежался. Митрій Михаловъ очухался маленько, въ азартъ вошелъ.... выхватилъ сотенную, на столъ кладетъ: «пиши, говоритъ, приговоръ на Сеньку; за свой счетъ въ Сибирь сгоню!»

Ну, старики сейчасъ и накатали: и такой онъ, и сякой, немазаный, не хотимъ въ обществѣ держать.... удалить желаемъ.... вредный человѣкъ, молъ. Спасибо, непремѣнный застоялъ, а то быть бы Сенькѣ въ Сибири, слѣдствіе производить пріѣ-

халъ, дознался, какъ дѣло было.... отказалъ обчеству́-то, ну, да и старики, которые опомнились, отъ приговора отказываться стали.... Наши-то Голявскіе добрѣ ихъ энтимъ приговоромъ донимали.... срамили; такъ и имъ вишь зазорно стало. Тоже совѣсть-то не въ конецъ потеряли.

— Кабы обчество̀-то настоящее было, помолчавъ немного, продолжалъ Иванъ Михайловичъ, и Сенька озоровать бы не сталъ. Міръ-то смирилъ бы ево. Тутъ скажемъ, за правду Сенька билъ, а вѣдь иной разъ въ пьяномъ-то образѣ и зря отдубаситъ.... такъ, здорово живешь.... знай-де, молъ, Сеньку Корцева, каковъ онъ есть!

— Кабыть на нашъ міръ, на старинный,—Сенька коренной бы мужикъ.... обчество̀-то ево на рукахъ бы носило. Мужикъ вольготный.... страху не знаетъ.... за обчество̀ готовъ въ огонь и въ воду.... да обчество̀-то на грѣхъ выѣденаго яйца не стоитъ, ну, и куражится надъ нимъ Сенька.

— Нонѣ, другъ ты мой, мужикъ особнякъ пошелъ. Хозяйство себѣ изустроитъ, ево не замай: за свой пятакъ удавится, а въ міру.... тыщи пропадай, глазомъ не моргнетъ.

— Теперь, ты взялся за мірское дѣло, только тово и гляди, какъ бы міръ не сплошалъ, да на тебя не оборотился. Ходишь, ходишь за мірской обидой; а чуть до суда, а либо чево тамъ, и на попятную; ты какъ ракъ на мели, одинъ и остался. Не даромъ начальники учатъ: «не говори объ селѣ, говори о себѣ». Заступы въ міру не стало.

— Вотъ я тебѣ разскажу, другъ ты мой, оживляясь начиналъ опять Иванъ Михайловичъ, какъ въ старину міръ ходоковъ укрывалъ.... выгораживалъ. Давя ты говорилъ: мірское-то хожденье даромъ пропадало. Нутка, вотъ таперь послухай, какъ оно выгорало....

И старикъ, дѣйствительно, начиналъ разсказывать, «какъ выгорало мірское хожденье».... Но объ этомъ до другаго раза.

Свѣтилинъ.

Конгрессъ англійскихъ рабочихъ союзовъ. (13-я сессія, засѣдавшая въ Дублинѣ съ 13-го по 18 сентября 1880 г.).

Конечная цѣль современнаго движенія рабочихъ классовъ западной Европы — устраненіе системы наемнаго труда, что можетъ быть достигнуто лишь при организаціи народнаго хозяйства на базисѣ коллективнаго капитала. Остановить это движеніе невозможно; ибо оно идетъ къ осуществленію правовыхъ понятій и культурныхъ задачъ нашего времени. Вмѣстѣ съ тѣмъ, все болѣе распространяется сознаніе, что этотъ великій соціальный переворотъ можетъ осуществиться лишь, какъ результатъ очень многихъ маленькихъ шаговъ впередъ, можетъ осуществиться лишь постепенно. Рабочее движеніе и наука выставили обширную серію переходныхъ мѣръ, изъ коихъ многія могутъ быть удобно осуществлены уже при настоящихъ жизненныхъ условіяхъ. Но самыя важныя изъ этихъ мѣръ требуютъ содѣйствія государства, изданія новыхъ законовъ и въ то же время нарушаютъ интересы класса работодателей, въ рукахъ котораго находится политическая власть. Въ виду этого, рабочіе классы поняли, что ближайшая ихъ задача — пріобрѣсти за себя большинство законодательнаго собранія. Отсюда *общее и прямое избирательное право* сдѣлалось лозунгомъ рабочаго движенія. Но для достиженія этого рабочіе классы должны сдѣлаться достаточно сильными, чтобы вынудить у законодательнаго собранія такую уступку. Сила же рабочихъ классовъ обусловливается ихъ соединеніемъ, организаціей. А потому формированіе рабочихъ союзовъ стало самою важною мѣрою для осуществленія интересовъ труда.

Сознаніе о важности организаціи рабочихъ союзовъ, какъ важнѣйшаго средства къ достиженію цѣлей рабочаго класса, стало распространяться въ континентальной Европѣ съ 60-хъ годовъ.

Англійскія *trade-unions,* возникшія въ 20-хъ годахъ нынѣшняго столѣтія, и непрерывно развивавшіяся, стали предметомъ изученія не только ученыхъ, но и простыхъ континентальныхъ работниковъ. Рабочіе нерѣдко собираютъ подпискою деньги съ цѣлью посылки болѣе способныхъ изъ своей среды въ Англію для ознакомленія съ тамошними рабочими союзами.

Изученіе *trade-unions* показало, что значеніе ихъ не ограничивается только подготовленіемъ и умноженіемъ боевой арміи для пріобрѣтенія рабочимъ классомъ политической силы. Уже при настоящемъ развитіи *trade-unions*, когда только *восемьсотъ* тысячъ рабочихъ обняты ими, они достигли значительнаго *«контроля надъ судьбами труда»*, уменьшили фактическое господство капитала надъ рабочимъ въ отросляхъ промышленности, входящихъ въ рабочіе союзы. И притомъ, чѣмъ болѣе развиваются союзы, тѣмъ менѣе становятся необходимыми стачки для принужденія хозяевъ согласиться на требованія рабочихъ. Опытъ показалъ, что чѣмъ могущественнѣе дѣлается рабочій союзъ, тѣмъ болѣе уменьшаются шансы открытой борьбы рабочихъ съ хозяевами, ибо послѣдніе дѣлаются сговорчивѣе. Возвышеніе заработной платы, сокращеніе часовъ рабочаго дня, приличный тонъ отношеній хозяевъ къ работникамъ, клубы, библіотеки, читальни—всѣ эти слѣдствія рабочихъ союзовъ благотворно вліяютъ на умственный и нравственный уровень рабочихъ. Наконецъ, громадное значеніе союзовъ заключается еще въ томъ, что они пріучаютъ цѣнить солидарность интересовъ и развиваютъ привычки подчинять индивидуальную волю общимъ интересамъ; слѣдовательно, воспитываютъ тѣ свойства человѣческой природы, которыя нужны всего болѣе для преуспѣянія производительныхъ ассоціацій и для перехода отъ настоящей системы наемнаго труда къ организаціи общественнаго порядка на базисѣ коллективнаго владѣнія орудіями труда.

Несомнѣнно, въ числѣ читателей «Русской Мысли» есть не мало лицъ, понимающихъ важное значеніе рабочихъ союзовъ, и потому предлагаемый нами отчетъ о Дублинскомъ конгрессѣ англійскихъ рабочихъ союзовъ не можетъ не представить для нихъ интереса.

Въ настоящее время въ Великобританіи считается около двухъсотъ рабочихъ союзовъ съ числомъ членовъ близкимъ къ восьмистамъ тысячамъ. На Дублинскій конгрессъ прибыли 122 делегата, представители 107 рабочихъ союзовъ, число членовъ

которыхъ не превышаетъ пятисотъ тысячъ. Отсутствіе делегатовъ отъ значительнаго числа союзовъ объясняется тѣмъ, что не всѣ существующіе въ соединенномъ королевствѣ рабочіе союзы входятъ въ составъ федераціи, собирающей ежегодные конгрессы.

Въ числѣ депутатовъ были семь женщинъ,—представительницъ женскихъ отраслей труда. Делегаты-женщины ни чуть не уступали мужчинамъ въ умѣньи ставить и обсуждать вопросы и произнесенныя ими рѣчи отличались тѣмъ же отпечаткомъ практичности, какъ и рѣчи мужчинъ.

Англійская пресса отнеслась къ Дублинскому конгрессу, какъ къ важному политическому событію. И это понятно, въ виду той роли, которую играютъ въ настоящее время въ Англіи рабочіе избиратели. На послѣднихъ выборахъ рабочіе союзы значительно способствовали успѣху либераловъ и усиленію радикальной партіи парламента. Кромѣ того, они добились избранія въ палату общинъ Бродгорста, секретаря главнаго комитета союзовъ. Такимъ образомъ, въ парламентѣ аристократической Англіи засѣдаютъ трое рабочихъ — Бродгорстъ, Макдональдъ и Бертъ. Вотъ что говоритъ «Daily News» о политической роли рабочихъ союзовъ.

«Рабочіе союзы представляютъ собою нѣчто большее, чѣмъ общества для защиты профессіональныхъ интересовъ. У нихъ есть, какъ отдаленныя, такъ и ближайшія цѣли и политическая сила. Они уже теперь вліяютъ на парламентъ и, такимъ образомъ, до нѣкоторой степени управляютъ работами законодателей. И потому образъ обсужденія ими соціальныхъ порядковъ заслуживаетъ вниманія. Кромѣ того, распространеніе въ ближайшемъ будущемъ избирательныхъ правъ на земледѣльческое населеніе страны увеличитъ силу рабочихъ союзовъ. Рабочіе, по всей вѣроятности, раздѣлятся, какъ и прочіе классы, на партіи; но въ вопросахъ, по которымъ большинство ихъ будетъ согласно, у нихъ окажется много шансовъ добиться желаемаго рѣшенія».

Въ первомъ засѣданіи конгресса былъ прочтенъ отчетъ парламентскаго комитета *) о его работахъ въ истекшемъ году.

Исполняя порученіе предшествовавшаго конгресса, комитетъ ходатайствовалъ предъ парламентомъ объ изданіи закона, дѣлающаго хозяина отвѣтственнымъ за всѣ несчастные случаи, ко-

*) Примѣчаніе. Парламентскій комитетъ имѣетъ задачей приготовить законопроекты по вопросамъ, которые, по постановленію конгресса, должны быть внесены на обсужденіе парламента.

торые по его винѣ постигнутъ рабочихъ. Внесеніе билля въ палату общинъ было поручено Макдональду. Билль, послѣ перваго прочтенія его, встрѣтилъ сильную оппозицію работодателей; но тогдашнее министерство лорда Биконсфильда приняло сторону рабочихъ союзовъ. Вскорѣ наступило распущеніе парламента, воспрепятствовавшее дальнѣйшему обсужденію внесеннаго билля.

Послѣ образованія новаго министерства, комитетъ обратился къ нему, и оно согласилось внести билль отъ лица правительства. Несмотря на повторившееся противодѣйствіе партіи работодателей, вотированіе билля въ палатѣ общинъ состоялось. Въ палатѣ лордовъ билль измѣнили, а именно—срокъ существованія закона былъ ограниченъ двумя годами. Съ передачею билля снова въ палату общинъ, правительство продлило силу закона на семь лѣтъ и возстановило первоначальную редакцію по всѣмъ прочимъ пунктамъ.

Въ виду состоявшагося вотированія билля послѣ перваго его прочтенія, партія работодателей пошла на уступки. Не отвергая уже билля цѣликомъ, она направила свою агитацію на уменьшеніе размѣровъ вознагражденія сравнительно съ тѣми, какіе предлагались комитетомъ и правительствомъ. Были сдѣланы уступки и со стороны правительства съ цѣлью обезпечить успѣхъ проведенія законо-проекта. Послѣ сдѣланныхъ обѣими сторонами компромиссовъ, билль прошелъ.

По поводу этого доклада комитета, конгрессъ постановилъ, что онъ не удовлетворенъ закономъ, такъ какъ послѣдній не представляетъ собою радикальнаго разрѣшенія вопроса. Радикальнымъ разрѣшеніемъ было бы признаніе за пострадавшимъ рабочимъ того общаго права, какимъ пользуется каждый членъ общества, потерпѣвшій по чужой винѣ. Но, замѣчаетъ конгрессъ, прогрессъ двигается постепенно; никогда значительный прогрессъ не завоевывался сразу. Несмотря на неудовлетворительность закона, была принята слѣдующая резолюція: «Конгрессъ выражаетъ правительству свою благодарность за энергію, выказанную имъ при отстаиваніи закона о вознагражденіи, и благодаритъ также членовъ парламента, которые не только поддерживали правительство, но и настаивали на различныхъ измѣненіяхъ, имѣющихъ цѣлью усовершенствованіе закона».

Бродгорстъ замѣтилъ, что благодарность эта вполнѣ заслужена правительствомъ и указалъ на министра *Чамберлина*, какъ на самаго горячаго защитника проведеннаго закона.

Далѣе комитетъ сообщалъ о результатѣ возложеннаго на него порученія—ходатайствовать у архіепископа Кентерберійскаго объ изъятіи изъ употребленія въ подвѣдомственныхъ архіепископу школахъ книги, направленной противъ рабочихъ союзовъ. Въ книгѣ, между прочимъ, говорится: «Всѣ тѣ, кто находится въ сношеніяхъ съ рабочими союзами, тѣмъ самымъ обнаруживаютъ, что они признаютъ надъ собою власть тирановъ, непозволяющихъ рабочему располагать по его усмотрѣнію своимъ временемъ, силою и талантомъ. Члены комитетовъ рабочихъ союзовъ поддерживаютъ свою власть угрозами и насиліемъ надъ жизнью и имуществомъ лицъ, которыя не пожелали бы вступить въ ихъ общества. Лицо, ослушавшееся приказаній комитетовъ, должно ежеминутно опасаться за свою жизнь». Дѣти многихъ членовъ рабочихъ союзовъ посѣщаютъ эти школы, и потому комитету было поручено послать депутатовъ къ архіепископу. Прелатъ, выслушавъ внимательно заявленіе, призналъ его вполнѣ справедливымъ. Спустя мѣсяцъ, книга была изъята изъ школъ.

Комитетскій отчетъ заканчивается *констатированіемъ факта уменьшенія числа стачекъ, и объясняетъ это явленіе возросшей силой рабочихъ союзовъ, достигающихъ теперь чаще и чаще удовлетворенія своихъ требованій и безъ образованія стачки.*

Всѣ поступившія въ комитетъ пожертвованія въ пользу движенія рабочихъ союзовъ отъ лицъ, непринадлежащихъ къ рабочему классу, были отосланы комитетомъ обратно.

По прочтеніи отчета парламентскаго комитета, перешли къ дебатамъ по вопросамъ, объ обсужденіи которыхъ на конгрессѣ было объявлено заблаговременно. Перечислимъ эти вопросы съ указаніемъ постановленій по нимъ.

На первомъ планѣ стоялъ вопросъ о *девяти-часовомъ* рабочемъ днѣ. По обсужденіи его, было постановлено слѣдующее:—. трудъ не есть цѣль, а только средство, средство къ жизни; а потому рабочему необходимо свободное время для всесторонняго пользованія плодами своего труда. Только съ сокращеніемъ рабочаго дня, классы, занимающіеся физическимъ трудомъ, получатъ возможность осуществить свое стремленіе къ умственному развитію и пріобрѣтенію знаній. Только съ сокращеніемъ рабочаго дня всестороннее развитіе и пользованіе высшими благами культуры сдѣлается достояніемъ всѣхъ общественныхъ классовъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, сокращеніе рабочаго дня ведетъ за собой еще

и другіе весьма важные результаты. Оно увеличиваетъ *спросъ на трудъ* и черезъ то уменьшаетъ количество людей, немогущихъ найти работу и поставленныхъ по этому въ унизительное положеніе жить на счетъ государственной или общественной милостыни.

Одинъ изъ делегатовъ замѣтилъ, что если бы всѣ рабочіе Англіи были заняты, то *потребовался бы только 6-ти часовой трудъ для производства, равнаго настоящему.*

Только сокращеніемъ рабочаго дня, продолжаетъ резолюція, устранится или, по крайней мѣрѣ, смягчится страшное противорѣчіе между великимъ значеніемъ машины, открывающей возможность уменьшать время физическаго труда, вести человѣчество къ всестороннему развитію, и современнымъ ея примѣненіемъ, увеличивающимъ классъ пауперистовъ.

Ставъ на практическую почву, конгрессъ постановилъ добиваться на первое время ограниченія рабочаго дня *девятью* часами.

Существуетъ нѣкоторое различіе во взглядахъ между французскими и англійскими рабочими по вопросу объ организаціи ремесленнаго обученія. Какъ тѣ, такъ и другіе одинаково жалуются на недостаточность нынѣшняго профессіональнаго обученія и на безсовѣстную эксплуатацію несчастныхъ дѣтей промышленниками. Но англійскіе рабочіе обращаютъ свое главное вниманіе на то, чтобы число учениковъ не превышало спроса на трудъ, размѣръ котораго для каждаго ремесла приблизительно извѣстенъ рабочимъ. Французскіе рабочіе ставятъ вопросъ гораздо шире: они домогаются совершеннаго уничтоженія ремесленнаго обученія въ мастерскихъ и замѣны его профессіональными школами на счетъ государства. Дублинскій конгрессъ вотировалъ резолюцію, что лучшее средство для усовершенствованія системы техническаго образованія рабочихъ заключается въ учрежденіи государствомъ ремесленныхъ и техническихъ школъ.

Слѣдующій вопросъ былъ о фабричной инспекціи. Конгрессъ заявилъ необходимость въ увеличеніи числа инспекторовъ и протестовалъ противъ практикующагося назначенія въ инспекторы отставныхъ военныхъ, ничего непонимающихъ въ вопросахъ труда и промышленности. Вмѣстѣ съ тѣмъ, конгрессъ призналъ цѣлесообразнымъ замѣщеніе этой должности лицами изъ среды рабочаго класса,—и работницами, присовокупила одна изъ женщинъ-представительницъ.

По поводу недавно происшедшаго несчастнаго случая въ каменно-угольныхъ копяхъ *Сигема*, конгрессъ постановилъ просить правительство учредить комиссію, которая занялась бы изысканіемъ средствъ, предупреждающихъ взрывы руднаго газа.

Затѣмъ, конгрессъ перешелъ къ обсужденію вопросовъ, имѣющихъ или чисто политическій характеръ, или характеръ смѣшанный, но въ которыхъ, однако, политическій элементъ выступаетъ особенно рѣзко. Важнѣйшія изъ резолюцій конгресса слѣдующія:

1) Распространеніе избирательнаго права на земледѣльческое населеніе.

2) Выдача денежнаго вознагражденія всѣмъ членамъ парламента съ цѣлью дать рабочимъ возможность имѣть своихъ представителей въ законодательномъ собраніи, не ставя послѣднихъ въ необходимость получать содержаніе отъ рабочихъ союзовъ.

3) Существующая въ Великобританіи система землевладѣнія признана невозможною.

4) Парламентъ приглашается обратить вниманіе на необходимость изданія уголовнаго кодекса; такъ какъ англійскіе законы представляютъ невообразимый хаосъ и судьи часто рѣшаютъ дѣла не въ силу закона, а на основаніи прецедентовъ, нерѣдко весьма различныхъ по отношенію къ однороднымъ фактамъ.

5) Распространеніе закона о бѣдныхъ на Шотландію и Ирландію.

Характеръ обсуждавшихся на Дублинскомъ конгрессѣ вопросовъ показываетъ намъ, что этотъ конгрессъ, какъ и предшествовавшіе, имѣетъ, главнымъ образомъ, значеніе политическое. Конгрессы рабочихъ союзовъ въ Англіи служатъ органами, посредствомъ которыхъ рабочій классъ выражаетъ свои взгляды на *ближайшія* задачи законодательства. А потому на конгрессахъ обсуждаются, по преимуществу, такіе предметы, которые могутъ быть проведены и регулированы правительствомъ. Вопросы же, правительственное регулированіе которыхъ неумѣстно, крайне трудно, или совсѣмъ устраняются изъ сферы дебатовъ, или затрогиваются только вскользь, мимоходомъ. Этимъ объясняется, почему конгрессъ совершенно не коснулся важнаго вопроса о возвышеніи заработной платы; въ отношеніи же устройства производительныхъ ассоціацій, учрежденій для соглашеній между капиталомъ и трудомъ — ограничился лишь выраженіемъ сочув-

ствія ихъ преуспѣянію. Ассоціаціонное движеніе, равно какъ и усилія къ возвышенію заработной платы, должны, по самой своей природѣ, организоваться снизу; рабочіе союзы хорошо знаютъ условія, ведущія къ успѣху въ этомъ дѣлѣ, а потому конгрессамъ нѣтъ надобности открывать каѳедру для поученій. Задача конгрессовъ—быть выразителемъ взглядовъ рабочаго класса на ближайшія задачи законодательства для выполненія справедливыхъ требованій труда.

Иванюковъ.

КРЕСТЬЯНСКОЕ ЦАРСТВО.

(очерки и впечатлѣнія лѣтней поѣздки на Валаамъ).

XI.

Уголокъ монастырскаго хозяйства.

Тихо шли мы назадъ, любуясь то на живописныя рощи, то на скалы, неожиданно громоздившіяся по сторонамъ. Нѣсколько разъ на поворотахъ пути передъ нами раскидывались голубые заливы, по которымъ сегодня не бѣжала ни одна рябинка. Море застоялось словно зеркало, отражая одинокую тучку, которой, должно быть, надоѣло тянуться по голубому небу; она и замерла на немъ, мало-по-малу тая въ теплѣ и свѣтѣ яркаго полудня....

— Вотъ, видите, указалъ мнѣ монахъ, рядомъ съ пустынями, гдѣ страдала и билась душа человѣческая, обрѣтая въ подвижничествѣ утѣшеніе, мы построили дворцы.

Передъ нами вдали, дѣйствительно, было громадное, кирпичное строеніе. Оно было на столько высоко, что давило ближайшія кельи обители.

— Вы, какъ думаете, что это?

— Не знаю.

— Конюшни.

— Однако!... Вывели же!

— Монашеское-ли дѣло? Разумѣется, кто, отрицая иночество, признаетъ еще обители какъ рабочія общины, уязвилъ меня о. Пименъ, тому все это должно казаться прекраснымъ. Ну, а мнѣ, какъ хотите, противно. О древнемъ Валаамѣ помышляю. Богатство обители еще можетъ проявляться въ украшеніяхъ храма Божьяго, а не въ этихъ столпотвореніяхъ вавилонскихъ. Помните это: кая польза человѣку, аще весь міръ пріобрящетъ душу же свою отщетитъ?

По прочному накату мы взошли на верхъ. Второй этажъ конюшень весь былъ занятъ сѣноваломъ. Душистый запахъ свѣжей травы стоялъ здѣсь, зеленыя груды ея были навалены по всѣмъ угламъ. Внизу помѣщались самыя конюшни. Въ сѣновалѣ прорѣзанъ полъ, въ отверстія вставлены рамы, сквозь которыя трава прямо сбрасывается въ ясли лошадямъ. Устройство чрезвычайно простое и остроумное. Изъ сѣновала выходъ въ большой сарай для саней, которыя нагромождены чуть-ли не до потолка. Даже непонятно, кому нужно столько.

Лошадей здѣсь сорокъ семь. Конюшнями завѣдуетъ іеромонахъ о. Павелъ, бывшій нѣкогда барышникомъ въ Петербургѣ. Мы спустились внизъ въ его царство по узкой витой лѣстницѣ, которая шла туда изъ сѣновала.

— Тѣсенъ путь, вводяй въ животъ! замѣтилъ сопровождавшій насъ монахъ.

Лошади внизу — въ обширнѣйшемъ помѣщеніи. Онѣ ходятъ тутъ по волѣ. Травы вдоволь—коньки смотрятъ весьма весело. Сытенькіе, крѣпкіе. Отдыхаютъ день, другой работаютъ, да и то съ прохладою, не черезъ мѣру. Я подошелъ къ окну и изумился. Зданіе, дѣйствительно, выведено, на образецъ. У насъ въ Петербургѣ и домовъ такихъ не строютъ. Толщина стѣнъ равняется двумъ аршинамъ внизу, вверху полуторамъ. Не успѣли мы добраться до середины конюшни, какъ кони сбѣжались къ намъ отовсюду, ласково протягивая мохнатыя морды прямо подъ руку.

— Тпру, тпру!... Ишь, шельми, это они за хлѣбомъ. Пріучили ихъ, они ко всѣмъ и тычутся.

Тутъ четыре отдѣленія для коней—по возрастамъ и по характерамъ. Есть между ними домороченные; эти чуть-ли не лучше всѣхъ остальныхъ. Обитель имѣетъ и конскій заводъ въ сорока верстахъ отсюда. Тамъ девять превосходныхъ жобылъ и одинъ племенной жеребецъ. Судя по этой конюшнѣ, лошади у монаховъ содержатся превосходно. Полы чисты, кони — какъ стеклышко, даже въ стойлахъ, гдѣ они есть, опрятность доведена до чисто-нѣмецкой щепетильности.

— Вотъ, у насъ красавецъ! показалъ мнѣ о. Павелъ чудеснаго коня, могучія стати котораго такъ и бросались въ глаза.

— Это тяжелоподъемный. Онъ у насъ камни изъ земли выворачиваетъ.

— Надорвется.

— Нѣтъ, испытанный. У насъ много такихъ коней, что двѣсти пудъ легко могутъ снять съ мѣста. Лошадь, что и человѣкъ, ухода за собой требуетъ. Корми во-время, а главное — будь съ ней ласковъ, говори побольше.

— Какъ, говори?

— Животная разговоръ любитъ. Какъ войдешь, сейчасъ тебѣ въ глаза смотритъ. Коли ты съ ей привѣтливо поздоровкаешься тамъ, что-ли, — она на весь день весела, душа въ ей спокойна; и за работой, коли кучеръ молчитъ,—и конекъ уши свѣситъ и черезъ пень колоду. А если кучеръ начнетъ съ ей бесѣдовать, она куда лучше. И не устанетъ такъ, потому работа для нея тогда куда занимательнѣй выходитъ.

— Блаженъ, иже и скоты милуетъ!.... вздохнулъ монахъ рядомъ.

Отецъ Павелъ обидѣлся.

— Лошадь—не скотъ.

— А что?

— Лошадь — животная. Корова, баранъ, коза — скотъ, а конь — животная.

— Все одно.

— У коня духъ есть.... Онъ все понимать можетъ, только что словъ ему не дано. А то онъ все это чудесно. Вотъ это—скотъ! отворилъ онъ намъ коровникъ.... Передъ нами были представители извѣстной безрогой породы, которыхъ я нигдѣ послѣ Валаама не встрѣчалъ.

— Сказываютъ, въ послѣднее время у васъ съ рогами стали появляться.

— Которыя коровки праведныя, тѣ больше комолыхъ даютъ; а точно, что подлецъ бычекъ завязялся одинъ—всю нашу породу испортилъ. Въ него пошли. Коровка, что баба—ей новинка милѣе. Онъ, еретикъ, этимъ и пользуется. У него, братъ, насчетъ совѣсти склизко.

Сотрудники у о. Павла — мальчики корелы. Ихъ по всему монастырю многое множество. Монахи съ ними очень ласковы, хотя на ихъ обученіе обращаютъ мало вниманія. Дѣтей тутъ работаетъ по обѣтамъ родителей болѣе полутороста, я думаю, а школа всего на тридцать. Я спросилъ, почему это, и получилъ чисто монашескій отвѣтъ.

— Въ мірской наукѣ спасенія нѣтъ, а божественному онъ и въ храмѣ Божьемъ научится. При томъ же собесѣдуютъ съ

ними іеромонахи-старцы. Наставляютъ въ вѣрѣ. Потомъ, ежели онъ въ монахи пойдетъ, зачѣмъ ему мірская наука? Отъ нея только сердце гложетъ. Посмотрите-ка, какъ еще духъ скорбитъ отъ мірской науки. А ежели въ свое крестьянское званіе обратится, такъ невѣжественность ихняя еще спасительнѣе для нихъ. Легче тяготу носить.

Отецъ Пименъ не соглашался съ этимъ, но большинство монашествующей братіи стойко держалось высказаннаго убѣжденія.

Дѣтей тутъ иначе не называютъ монахи, какъ братъ Петръ, братъ Степанъ, братъ Григорій. Братья этимъ чрезвычайно гордятся, ибо это ихъ ставитъ выше ихъ возраста. Обращаются съ ними примѣрно. Я бы посовѣтовалъ и другимъ обителямъ позаимствоваться у Валаама. Прежде въ Соловкахъ было хорошо, теперь, судя по разоблаченіямъ Церковно-Общественнаго Вѣстника, и тамъ стало плохо. Вѣроятно, въ сѣверное крестьянское царство проникла сѵнодальная бюрократія съ ея сухостью и суровостью, съ ея семинарщиной. При мнѣ тамъ духовныхъ чиновниковъ не было, потому и дѣло шло иначе.

Корелы мальчики совсѣмъ не похожи на взрослыхъ корелъ. Они очень смѣтливы, воспріимчивы и разговорчивы. Дѣтская душа, какъ цвѣтокъ теплу, открывается тутъ ласковому слову. Мелюзга на взрослыхъ и грузныхъ іеромонаховъ смотритъ, какъ на родныхъ, и возвращаясь домой, мальченко, во-первыхъ, разсказами своими поддерживаетъ престижъ обители, а во-вторыхъ, только и мечтаетъ о томъ, какъ бы отправиться назадъ на Валаамъ, сначала вольнымъ трудникомъ, а потомъ принять рясофоръ. Мальчики финны нѣсколько потупѣе и несообщительнѣе корелъ, но и тѣ на второй годъ своего пребыванія здѣсь отогрѣваются и не смотрятъ уже заморенными звѣренышами и дичками....

— Хорошо въ обители? спрашиваю я у одного корелякамальчуги.

— Ахъ, какъ дивно!... Вѣкъ бы тутъ остаться!

И это вамъ повторятъ всѣ.

Я говорилъ уже о крупныхъ сооруженіяхъ монастыря. Для нихъ обитель устроила особый заводъ, на которомъ дѣлаются кирпичи не обыкновеннаго размѣра, а почти вдвое противъ нашихъ. Каждая штука тутъ вѣситъ 15 фунтовъ, причемъ сразу въ печи обжигаютъ 7800 такихъ кирпичей. Лѣтомъ работаютъ четыре печи. Изъ этого видно, какая масса матеріала потребна Валааму,

и какъ ростетъ и ширится обитель, выходя далеко за первоначально задуманные предѣлы. Далѣе будетъ видно, какъ распредѣляются эти работы. Мы теперь отмѣтимъ только одно: монументальныя постройки возводятся подъ исключительнымъ наблюденіемъ монаховъ изъ крестьянъ. Тутъ же для заводовъ и литейныхъ мастерскихъ приготовляется и огнеупорный кирпичъ изъ своихъ кварца и шпата и покупной боровицкой глины. Въ дѣлѣ монастырскій огнеупорный кирпичъ оказывается крѣпче англійскаго. Монахи, возводя свои дома, доходятъ даже до щегольства. Они не удовлетворяются чуть-ли не крѣпостною толщиною стѣнъ. Они еще обшиваютъ ихъ фундаменты своимъ же тесанымъ гранитомъ. Нужно, однако, прибавить, что добровольныхъ трудниковъ— взрослыхъ здѣсь не болѣе 30. На зиму остается изъ нихъ половина. Монастырь на всѣ свои работы обращаетъ, какъ наличныя силы, т. е. иноковъ, такъ и нанимаетъ рабочихъ на сторонѣ. По всей справедливости надо сказать, я не видалъ еще обители, гдѣ бы черноризцы трудились такъ, какъ здѣсь. Это отразилось, между прочимъ, и на другомъ. Монахамъ некогда. Они не эксплуатируютъ религіознаго чувства, не показываютъ различныхъ чудесъ, не торгуютъ ни волосами Богородицы, ни слезами Параскевіи Пятницы; это самая равнодушная къ даянію благу обитель, разумѣется, къ даянію благу въ розницу. Крупные дары тутъ принимаются охотно; есть основаніе думать, что въ этомъ отношеніи, какъ и остальныя обители, Валаамъ не безупреченъ. Мимо рукъ ничего не пропуститъ. Но за то тутъ не хватаютъ васъ на каждомъ шагу за горло, не подсовываютъ тарелочекъ, книгъ съ поминаніями, не заставляютъ платить каждые полчаса, за каждый образъ, за каждую новую перемѣну декорацій. Монахи валаамскіе слишкомъ крупные и серьезные люди для этого. Имъ некогда торговать по мелочи, счетъ ихъ безъ дробей. Время для нихъ слишкомъ дорого.

XII.

Трапезная.

— Духъ-то, я вижу, у васъ бодръ! входитъ ко мнѣ о. Никандръ.

— А что?

— А плоть все же по человѣчеству немощна, питать ее слѣдуетъ, плоть-то. Это я насчетъ нашей трапезы. Неугодно-ли

будетъ отъ скудости монастырской поснѣдать чего? Или вамъ сюда въ келію подать?

— Нѣтъ, мнѣ интересно вашу трапезу поглядѣть.

— У насъ трапеза бѣдная.... Въ другихъ монастыряхъ она украшена искуснымъ писаніемъ, а у насъ такъ, скудная, простецкая... Мужицкая. Мы мужики, и трапеза у насъ мужицкая. Чернеть у насъ....

Дѣйствительно, мужики, мужицкое царство. Кромѣ отца Пимена, кончившаго университетъ, почти все остальное крестьянство. И строители, и уставщики, и архитекторы, и механики, всѣ вышли изъ «чернети», какъ выразился о. Никандръ. И по типу валаамскій инокъ совершенно мужикъ-мужикомъ. Худощавыхъ монаховъ съ аскетической, византійской складкой весьма мало; все больше Микулы Селяниновичи—земскіе богатыри. Руки крѣпкія, тѣло сильное, глаза упорные. Ходятъ съ перевалочкой, клобукъ никакъ не хочетъ сценически сидѣть надъ самою бровью, а все больше то на затылокъ, то на бекрень сползаетъ. Толстыя солдатскаго сукна рясы съ подвороченными подолами, какъ у прачекъ, чтобъ не мѣшали ходить и работать. Шутка добродушна, когда расшутятся. Къ сожалѣнію, на всемъ и на всѣхъ лежитъ печать суровой дисциплины, введенной о. Дамаскинымъ. Говорятъ съ оглядкой,—какъ бы кто не подслушалъ, а съ проѣзжимъ человѣкомъ и вовсе опасаются. По уставу, видите-ли, нельзя. Только на работахъ между собою и отводятъ душу. Тутъ, сидя за камнями, которые надо оттесать, или мѣся глину, совершенно забываются черная ряса и монашескій клобукъ. Лицо въ поту, пыль и отески слоемъ ложатся на руки, солнце сверху такъ и палитъ, клобукъ съѣхалъ на затылокъ и держится только какимъ-то чудомъ. Молотки кругомъ стучатъ, пилы заводятъ свою визгливую жалобу, откуда-то доносится пѣсня наемныхъ робочихъ,—ну, и совсѣмъ изъ глазъ уходятъ монастырскія стѣны да затворы. Старое, какъ въ сказкѣ, идетъ навстрѣчу, и еще вчера молчаливый, сдержанный инокъ начинаетъ, вопреки уставамъ и воспрещеніямъ о. Дамаскина, болтать во всю, перекидываться съ сосѣдомъ веселою шуткой. А тутъ еще зеленое царство кругомъ. Каждый листъ молодой, точно дождемъ обмытъ, такъ и свѣтится подъ солнцемъ; небо чистое, чистое, вода внизу—такая же; какъ въ чашкѣ, не шелохнется. Глядишь—какой-нибудь о. Даміанъ и затянетъ вдругъ.

— Охъ, и у насъ-ли во Новѣгородѣ!...

— Охъ, и у насъ-ли да улица свѣтла! отвѣчаетъ сосѣдъ рядомъ.

Только бы разгорѣться пѣснѣ подъ стукъ молотковъ, да подъ говоръ топориковъ доносящійся откуда то изъ лѣсу, а тутъ вдругъ:

— Отцы! что же это? вмѣшивается монахъ, совсѣмъ ужъ закостенѣвшій.

Съ усиліями сбрасываютъ иноки внезапно налетѣвшія впечатлѣнія... И вмѣсто свѣтлой улицы, по которой добрый молодецъ идетъ, гнусливо затягивается «Свѣте тихій».

Отецъ Авениръ встрѣтилъ меня у входа въ гостинницу.

— А я за вами?

— Куда?

— Въ трапезную пожалуйте....

— Да вотъ ужъ меня о. Никандръ ведетъ.

— Ну, и чудесно.... Сегодня у насъ рыбка, своя. Не покупаемъ на сторонѣ, все матушка Ладога даетъ.... Нынѣ у насъ большой дородъ на рыбку. Милослива рыбка нынѣ. Хорошіе ловы бывали.

— У насъ, чтобъ большихъ ововъ нѣтъ, артелью не ловимъ. А такъ, старымъ да хилымъ монахамъ, которые на постройкахъ не могутъ, о. намѣстникъ благословляетъ потрудиться, обители половить рыбки.

Мрачная, большая, зеленая подъ бѣлымъ сводомъ трапезная. По стѣнамъ во весь ростъ фигуры святыхъ стараго письма. Никакихъ священныхъ картинъ, какъ въ Соловкахъ и другихъ монастыряхъ. Здѣсь фантазіи мѣста нѣтъ. Она не допускается нигдѣ и ни въ чемъ. Тоже чисто крестьянская черта.... Изображать святаго, такъ ужъ изображать во весь ростъ, и въ одиночку. «А то, что кругомъ-то картины рисовать, чувство, глядя на нихъ, отвлекается».

— Почему же отвлекается?

— А какъ иначе? Смотришь на дерево—ишь дерево какое,—на воду—хороша-де вода, а святаго-то и обидѣлъ, взглядъ отъ него отвратилъ.

Тутъ святыхъ не обидишь, потому что кромѣ этихъ сухихъ черныхъ фигуръ со свитками ничего другаго нѣтъ. Стѣны трапезы—крѣпостныя. Я думаю, сажень или полторы толщиною. Не расшибешь. Въ старое время строены, когда еще и трудъ, и матеріалъ были дешевы.

Онѣ у насъ противъ прочихъ впятеро выживутъ, хвалятся монахи.

Кирпичъ въ этихъ стѣнахъ сварился. Если бы пришлось разобрать ихъ, такъ развѣ порохомъ рвать, какъ скалы, на которыхъ онѣ построены.

Трапеза въ монастыряхъ цѣлое священнодѣйствіе. Служатъ монахи,—каждый разъ по особому назначенію, причемъ это считается обязанностію всѣхъ рясофоровъ. Случается, что за наказаніе или для смиренія превозносящагося заставляютъ подавать ѣсть и іеромонаха. При этомъ, по наставленію игумена о. Назарія, на свое дѣло слѣдуетъ смотрѣть такъ: ежели братіямъ за трапезою во услуженіе устроенъ будеши, то предстани со всякимъ благоговѣніемъ и страхомъ, и радостію. Служи совершенно, аки самому Христу и ангеламъ его, а не такъ, какъ человѣкамъ. Имѣй сердце, око и лицо веселое, служи безъ всякаго лицемѣрія. Расположи себя такъ, чтобы ты отъ всего сердца могъ сказать внутренно: я не токмо недостоинъ сидѣти со братіею на трапезѣ, но недостоинъ и служити имъ, и ниже воззрѣти на нихъ достоинъ,—если бы къ сему не устроила меня милость Божія».

Тѣмъ не менѣе, хотя мальчикъ, подававшій, напримѣръ, намъ, съ приговоромъ: кушайте во славу Божію, навѣрно благоговѣнія духовнаго исполненъ не былъ и насъ за ангеловъ не считалъ, но за то око и лицо имѣлъ веселыя и улыбался, точно увидѣвъ родныхъ.

Прямо передо мною столъ съ іеромонахами. Вотъ сидитъ нѣсколько: толстые, отекшіе, лица болѣзненныя, — видимо къ водяной приближаются. Однообразныя, черныя грубыя рясы, черные кожаные поясы, запахъ прѣли, что стоитъ надъ трапезой (часть братіи прямо съ работы), общее безмолвіе—производятъ какое-то подавляющее впечатлѣніе. Точно попалъ въ темную тучу, и она по волѣ вѣтра быстро уноситъ тебя куда-то далеко-далеко, въ совсѣмъ невѣдомыя тебѣ пространства....

Мертвое молчаніе длилось минутъ десять, затѣмъ въ дверяхъ показался о. намѣстникъ съ очереднымъ служившимъ сегодня въ соборѣ іеромонахомъ. Спѣли «гласъ», и о. Афанасій благословилъ начинать кушать. Поднялся сдержанный шумъ ложекъ, который не мѣшалъ чтецу протяжно и, очевидно, безъ всякихъ знаковъ препинанія выкрикивать на всю трапезную дѣянія апостольскія.

Ѣсть даютъ много, но невкусно. Соленые сиги на первое, капуста съ мелкой рыбой на второе. Третье кушанье супъ перловый съ рыбой, на четвертое гречневая каша. Опять-таки, чисто крестьянскій столъ. Совсѣмъ не тѣ трапезы, которыми угощаютъ другія обители....

Мальчики, прислуживавшіе намъ, видимо дрессированые, удивительно быстро смѣняли оловянныя миски съ варевомъ. Здѣсь не выбираютъ нарочито красивыхъ, какъ въ Соловкахъ, за то нигдѣ не видалъ я такихъ волосъ какъ въ трапезной Валаама. У многихъ послушниковъ это были, какія-то густыя, никакому гребню не поддававшіяся волнистыя гривы. Они не лежатъ, а стоятъ копной.

— Какъ бы сіяніе, пояснилъ рядомъ сидѣвшій монахъ.

Пояснилъ и запнулся.... Забылъ видно, что за трапезой говорить запрещается вовсе. Потомъ я какъ-то спрашивалъ объ этомъ.

— О семъ точно въ наставленіи Назаріиномъ сказано, пояснили мнѣ.

— Что же сказано-то?

— А что ежели удостоятъ тебя сидѣти со всѣми вмѣстѣ на трапезѣ, то помышляй въ себѣ: «кто есмь азъ недостойный, который вшелъ сюда, и како со святыми отцы хощу имѣти участіе въ трапезѣ? Сидя, имѣй страхъ и стыденіе передъ братіей, какъ бы ты предъ царьми и князи сидѣлъ. Не озирайся и не любопытствуй....»

— Однако, много надо, чтобы все исполнить въ точности.

— А какъ же. Вы по своему свѣтскому малоумію дерзновенно мните: легко быть и инокомъ!... Нѣтъ не легко. Это не то, что надѣлъ рясу да клобукъ и ходи вольно. Нѣтъ, у насъ опасно ходить надо. Намъ и ѣсть-то какъ приходится, — вонъ въ наставленіяхъ старца, что сказано: «смѣшивай языкомъ молитву съ пищею, т. е. имѣй пищу въ устахъ молитвой растворенную.»

Еще одна особенная черта Валаамской обители. Въ Соловкахъ, Троицѣ-Сергія, Юрьевскомъ, Святыхъ-Горахъ—всюду, гдѣ я ни былъ, дамы допускаются къ участію въ братской трапезѣ. Здѣсь для нихъ накрывается особо въ гостинницѣ, «дабы не возбудили смятенія въ монашествующихъ». От. Никандръ самъ слѣдитъ за порядкомъ дамской трапезы. Чуть богомолицы разболтаются, онъ тутъ какъ тутъ.

— Потише, потише, не мелите черта языкомъ. Въ кое мѣсто попали, неразумныя.... Слушайте чтеца!

И барыни смиренно повинуются кривому монаху, по понятіямъ котораго все это суеченки, съ которыми не только церемониться не слѣдуетъ, но и презирать ихъ яко сосуды со зломъ должно.

— Куда мы сегодня пойдемъ? шепотомъ спрашиваю я у отца Авенира.

— Надо у о. намѣстника спросить, куда благословитъ.

— Да вѣдь разрѣшилъ вездѣ.

— Все же на всякій разъ надо и еще спрашивать.

Просто душно становилось отъ этой дисциплины.

Кончили наконецъ и встали. Я ни въ одномъ изъ монастырей не видалъ, чтобы братія такъ низко кланялась. Одинъ передъ другимъ чуть земли не касаются, а говоря съ настоятелемъ, падаютъ къ ногамъ его ницъ, — обычай тоже, кажется, введенный недавно. Трапезы здѣсь иногда оканчиваются совершенно неожиданно. Пообѣдавъ, настоятель встаетъ и приглашаетъ всю братію идти работать на огороды. Отъ этого не имѣютъ права отказываться и присутствующіе на трапезѣ богомольцы. Съ настоятелемъ во главѣ отправляются въ низины, гдѣ преимущественно разводится всякая овощь, и до ужина копаютъ гряды, или сбираютъ картофель, смотря по времени года. Работа продолжается до ужина. То же самое и съ сѣнокосомъ. По приглашенію въ трапезѣ вся братія беретъ косы и грабли. Работники косятъ, а братія убираетъ, сушитъ и въ зародъ кладетъ. Есть и изъ братіи старцы, «которые, по смиренію своему», тоже за косы берутся и соединяются съ рабочими. Покосы такого рода продолжаются двѣ недѣли, отъ Петрова дня до 15 іюля, а иногда и до 20-го. Въ это время къ 12 часамъ стараются покончить трапезу и съ полудня до 9 или до 10 братія работаетъ «неустанно».

Когда я уходилъ изъ трапезной, ко мнѣ уточкой подобрался монахъ. Бочкомъ, бочкомъ.... Грузный, носъ къ верху пуговкой, клобукъ на лѣвую сторону съѣхалъ.

— Въ другихъ обителяхъ бывали?

— Былъ....

— Тамъ лучше!

— Почему же?

— Сердце веселится. По стѣнамъ изображенія.... Въ Соловкахъ, сказываютъ, и дамскій полъ на сихъ изображеніяхъ допущенъ. И вживѣ является за братскій столъ дама эта.

— Да что-жъ изъ того?

— Все развлеченіе чувствамъ.... А то все черноризцы, да черноризцы.... У насъ и богомолецъ какой!... Рѣдко когда господинъ, а то все больше мѣщанинъ, купецъ, либо мастеровой. И поглядѣть не на кого.... Строгая наша обитель противъ другихъ.

— Точно строгая....

— Строгая, строгая.... Такой обители на свѣтѣ нѣтъ! убѣжденно окончилъ онъ.

— Ну, ужъ и на свѣтѣ.

— Нѣтъ. Ужъ я вамъ вѣрно.... И монаховъ такихъ, какъ наши, нѣтъ и не будетъ. Потому мы водки не пьемъ, табаку не куримъ. Никакой радости у насъ нѣтъ. Чаемъ, и то не всѣмъ благословляетъ настоятель отрадиться! А какъ кому по его мыслямъ надлежитъ. И словесности намъ не положено.... Въ безмолвіи больше...

XIII.

Гавань, проливы и плесы. — Какъ Богъ купца убилъ спичкой.

Монахи, обнаруживающіе вообще такъ мало вкуса въ своихъ постройкахъ, картинахъ, въ сценичной постановкѣ всевозможныхъ церемоній, большіе художники по отношенію къ природѣ. На дальнемъ-ли Сѣверѣ, въ Крыму, все равно, они выбрали красивѣйшія мѣстности и на этихъ красивѣйшихъ мѣстностяхъ заняли самые эффектные пункты. Это, разумѣется, относится и къ валаамскимъ старцамъ. На ихъ островахъ скиты и пустыни поставлены именно тамъ, гдѣ-бы ихъ устроилъ человѣкъ съ тонкимъ вкусомъ и пониманіемъ пейзажа. Отъ того-то здѣсь каждое, въ сущности очень незначительное, учрежденіе такъ сильно запечатлѣвается въ памяти зрителя. Передо мною, по крайней мѣрѣ, до сихъ поръ словно въ-явь рисуются во всей своей красотѣ то сумрачныя и дикія, то мягкія и идиллическія картины, окружающія Валаамъ.

— Сегодня мы съ вами на наши работы поѣдемъ, встрѣтилъ меня о. Авениръ.

— А что?

— Да намѣстникъ благословилъ.

Идти сначала пришлось къ гавани, и тамъ уже взять лодку.

Гавань, этимъ громкимъ именемъ окрещена здѣсь пристань, заставленная амбарами для снастей и лодокъ, устроена недурно. Маленькій пароходикъ точно заснулъ около. Солнце ослѣпительно блеститъ на ярко выполированныхъ металлическихъ частяхъ его. У самой трубы свернулся котъ и тоже спитъ себѣ.

— Это у насъ почтовый пароходъ. Между всѣми сорока двумя островами нашими сообщеніе содержитъ. Не глядите, что онъ махонькій, большую силу въ себѣ имѣетъ. Сколько онъ перетаскалъ сойминокъ, страсть! Маленькая собака, а большихъ дураковъ за собой водитъ.

Изъ каюты выползъ какой-то кудлатый, сѣдой монахъ. Позѣвалъ, позѣвалъ на солнце, на меня взглянулъ и зѣвнулъ еще откровеннѣе.

— Машинистъ нашъ, отрекомендовалъ его о. Авениръ. Всякую пружину понимать можетъ. Онъ и въ Питерѣ былъ тоже по этой части, только у него жена померла. Ну, онъ къ намъ, а дочь постригъ въ женскій монастырь. Сказываютъ, она не хотѣла, да что подѣлаешь. Не всякому лестно это одѣяніе, для иного оно хуже тюрьмы!

— У васъ, кажется, мало такихъ?

— Есть, но рѣдко. Тоскующихъ о прелести міра сего мало, дѣйствительно. Потому что у насъ крестьянство больше. Для него міръ-то вѣдь не прелестенъ. Въ трудѣхъ время свое препровождаютъ и притомъ еще гладны и хладны. И обитель рай земной. И монахи изъ нихъ наилучшіе.

— Ну, а который изъ дворянъ?

— Этому сначала окаменѣть надо. А пока онъ не окаменѣетъ, обитель ему—что могила. Заживо схоронили его, слышитъ онъ, что на верху—тамъ, надъ нимъ люди ходятъ, пѣсни поютъ, помнитъ какъ солнце свѣтитъ, тепла и самъ хочетъ, а подняться силы нѣтъ, доска гробовая давитъ..... Эти—мученики здѣсь! Такъ, какъ вамъ нашъ пароходъ?

— Хорошъ.

— Вотъ, вотъ! а главное, свой. У насъ и шкипарь есть. Онъ изъ кореловъ, только въ монастырѣ образовался.

Нѣсколько большихъ монастырскихъ лодокъ тутъ же сохнутъ подъ солнцемъ, такъ что смола на днѣ даже пузырится отъ жара. Въ каждой изъ такихъ лодокъ смѣло помѣстится по пятидесяти человѣкъ. Лодки служатъ для богомольцевъ. Когда намѣстникъ благословитъ, возятъ ихъ по *салмамъ* и тихимъ во-

дамъ Валаама въ скиты, гдѣ уставъ менѣе суровъ и посѣщеніе мірскихъ людей допускается. Иной разъ монахи вмѣстѣ съ богомольцами священную пѣснь затянутъ и плывутъ такъ по раздольямъ и затишьямъ этого очаровательнаго уголка.

— Одного генерала мы возили такъ. Съ бѣлой кавалеріей на шеѣ генералъ-то. Онъ намъ и говоритъ: много, отцы святые, я странъ раззорилъ и подъ нозѣ покорилъ, а такой еще не видалъ!... Оченно мѣсто способное, только одно въ емъ нехорошо: Коли бы васъ всѣхъ святыхъ отцевъ въ солдаты поворотить, такъ негдѣ настоящаго ученья сдѣлать. Плацу хорошаго нѣтъ! Чудной генералъ былъ!

— А что?

— А все мѣста пробовалъ, откликнется-ли ему и все на ружейные пріемы. На краулъ!, кричитъ; къ но-гѣ!... Ужъ мы дивовались. Такой скудоумный, а поди-ко, страны тоже раззорялъ!

Амбаръ надъ водой залива на сваяхъ выставленъ. Въ него ведетъ каналъ къ внутреннему бассейну, гдѣ подъ навѣсомъ хранятся еще болѣе крупныя лодки. Навѣрное, на такихъ новгородскіе ушкуйники впервые пробирались въ заповѣдныя дебри и неизвѣданную глушь, тогда еще чудскаго Валаама.

Навстрѣчу намъ ползетъ монахъ весь въ бѣломъ и скуфейка на немъ бѣлая.

— Ты куда, о. Аникодистъ?

— Благословленную рыбку ловить.

— На всю, значитъ, ночь?

— Должно быть что. Ночь сегодня будетъ способная, ишь мошкара по водѣ какъ разыгралась.... Рыбка вся къ верху поднимется. Ну, а тутъ мы ее, Божью, на крюкъ.... Ступай, праведная, попитай-ко грѣшныя тѣла монашескія. А что изо всей рыбы — сигъ самый праведный.

— Почему это?

— Такъ его Господь устроилъ.... Другая рыбка лукавая, наровитъ бочкомъ наживку снять; ну, а сигъ вѣрный; онъ этого коварства не любитъ, прямо на крюкъ идетъ безъ хитрости.

И бѣлый монахъ, засѣвъ въ крошечную лодку, заработалъ веслами.

Заливъ мерцаетъ и свѣтится. Въ каждой рябинкѣ отразилось солнце. Милліоны маленькихъ солнцъ, такимъ образомъ, зыбятся и вздрагиваютъ внизу. Напротивъ зеленые берега.... Налѣво оди-

нокая, точно заснула, двухмачтовая шкуна. Совсѣмъ-бы мертвой казалась, если-бы на носъ ей не взобрался песъ и не началъ неистово лаять на бѣлаго монаха, который въ своемъ жалкомъ челнокѣ уже проплывалъ мимо.... Куда ни взглянешь, все дышетъ миромъ и спокойствіемъ нерушимыми. Даже мрачныя скалы, отвѣсно обрушивающіяся въ заливъ, точно побѣлѣли подъ этимъ солнцемъ. Вечеромъ въ тѣни онѣ покажутся совсѣмъ черными. Цѣпкая поросль попробовала было спуститься по нимъ сверху до воды, да не къ чему ей прицѣпиться и мотается длинными зелеными змѣями внизъ. Вѣтеръ подымается и зеленыя змѣи шуршатъ по гладкому, точно полированному утесу. А внизу и такой колышущейся зелени нѣтъ. Одинъ камень, по которому изъ-подъ воды идетъ широкая, черная трещина....

— Этой трещинѣ монашекъ одинъ повелѣлъ быть. Съ промысла онъ ѣхалъ, да вѣтромъ его челнокъ ударило въ камень. А монашекъ-то праведной жизни былъ: «Будь же ты проклятъ!» озлобился онъ на камень, ну и въ тую жъ минуту камень треснулъ. А сказываютъ, нонѣ чудесъ нѣтъ. Какъ нѣтъ чудесъ, помилуйте, на всякомъ мѣстѣ, сколько хошь ихъ.... Вотъ вы слышали про купца Ерофеева.

— Нѣтъ.

— Помилуйте. Его по здѣшнимъ мѣстамъ всѣ знали.... Такъ его Богъ-то спичкой убилъ. Сѣрничкомъ простымъ.

— Какъ же это такъ?

— А такъ, что Богъ все можетъ. И покаралъ онъ купца этого вотъ за что.... Поставлялъ купецъ муку въ нашу обитель. Пришло дѣло къ разсчету. Сердобольскій строитель платитъ ему деньги. А Ерофеевъ и заспорь, мнѣ де больше слѣдуетъ. Слово за слово.... Сталъ онъ изъ себя неудобопотребныя рѣчи испущать. Ну, тогда о. Іоиль и говоритъ ему: побожись. А Ерофеевъ трубку закуривалъ и сѣрничками чиркалъ по стѣнѣ. Съ полнымъ удовольствіемъ! отвѣчаетъ. Лопни глаза мои! И въ тую-жъ секунтъ шапочка отъ сѣрничка отлетѣла, да въ глазъ ему. Завылъ и сознался онъ, что хотѣлъ обмануть о. Іоиля. И столь послѣдовало для него сіе зловредно и несносно, что въ скорости у купца и глазъ этотъ вытекъ. Помираючи, онъ признавался, что это его Господь за святую обитель сѣрничкомъ убилъ! А говорятъ чудесовъ нѣтъ, не внимаемъ мы только; ихъ про всякій часъ довольно. У Бога, братъ, силы много. Эй, братъ Викторъ, отлей-ко воду изъ лодочки.

Братъ Викторъ, монастырскій трудникъ изъ корелъ, захлопоталъ, поблескивая на солнцѣ обильными золотистыми волосами, красотѣ и густотѣ которыхъ позавидовала-бы любая каурая иностранка. Впрочемъ, такъ оно разъ и случилось.

— Вотъ волосы-то! говорю о. Авениру.

— Да.... Здѣсь одна барыня была, а у насъ есть трудникъ тоже изъ корелъ, братъ Симеонъ. У него волосы длинные, и еще лучше этихъ. Барыня къ нему и пристань, продай, да продай! На шельонъ ей, видите-ли, понадобились. Ну, онъ за пятьдесятъ серебра остригся и деньги по своему усердію въ обитель отдалъ. Онѣ вѣдь, эти дамы, глупыя. Чужое-то на себя надѣнутъ, да и красуются. Для обмана одного живутъ. Съ тоё самоё поры, какъ мы изъ-за нихъ раю лишились, никакой измѣны; каждаго привлекательнаго змія въ любви своей содержатъ.

Мы тихо поплыли по проливу, отдѣляющему собственно Валаамъ отъ другихъ острововъ. Свѣжій лѣсъ молчаливо дремалъ по берегамъ, хорошо ему заснулось подъ этимъ солнцемъ, да и просыпаться не хочется. Какъ-то вѣтерокъ хотѣлъ его разбудить, добѣжалъ до листвы, да вѣрно и на него повліяла эта дрёма, упалъ въ зеленую траву, всколыхнулъ ее и заснулъ тоже. Кудрявыя березы въ перемежку съ соснами. Береза любитъ сосну и не терпитъ ели. Гдѣ ель подымется, тамъ береза захудаетъ, съ сосной же уживается въ добромъ сосѣдствѣ.

— Оленевъ тутъ у насъ зимою!

— Что? очнулся я, уже почти погрузившійся въ полудремоту.

— Оленевъ бываетъ много. Осенью ходятъ грудно. Юровья штукъ по семнадцати. Чувствуетъ звѣрь, что ему милость, ну и ходитъ весело. Не бьютъ его, не стрѣляютъ. У насъ по всѣмъ островамъ нельзя ни изъ ружья, ни въ силки, ни инымъ какимъ хитрымъ способомъ уловлять, ни птицы, ни звѣря. Ходи и летай безъ запрету. Олень, иной разъ такъ случается, къ монаху подходитъ. Къ мірскому ни за что, но къ монаху съ полнымъ удовольствіемъ. Знаетъ, что это инокъ и ему другъ.

Вотъ мостикъ перекинулся черезъ проливъ. У мостика часовня Божьей Матери Владимірской.... Отъ этого и проливъ называется Владимірскимъ. Онъ отсюда то расширяется въ плесы, то съуживается.... Въ плесахъ вода спокойна, какъ безоблачное небо. Развѣ рыба шелохнется или съ дерева листъ упадетъ,

такъ кругъ побѣжитъ по недвижному озеру. И листъ-то едва-едва тянется. Теченія незамѣтно. За то въ узинахъ вода бѣжитъ яро, наполняя зеленую пустыню своимъ меланхолическимъ рокотомъ. Плесы кое-гдѣ проросли осокой. Водяные пауки пузырятся на ней. Изъ-за зарослей выглянетъ порою удивленная гагара.... Вонъ на право заводье, всполошились и разорались тамъ дикія утки. Сюда-бы пустить охотника! Вотъ бы натѣшился.

— Птицѣ милость, а рыбѣ милостевъ мало. Мы по этимъ плесамъ неводомъ ее таскаемъ. Щуки попадаются здорровыя. Вы какъ думаете щука.... Она молодыхъ утятъ таскаетъ.... Поплывутъ они, а она снизу-то ихъ за ноги цапъ, да на дно. Тутъ щуки по полупуду есть. Разъ, что смѣху было. Щука-то большую утку захватила. То утка подымется вверхъ и щуку изъ воды тянетъ, то щука ее съ головой окунетъ. Орала, орала утка, однако, все же потопла.

— Откуда эти дубки у васъ?

По всему пути они. Молодые, свѣжіе, хорошо принявшіеся.

— А изъ Назарьевской пустыни, гдѣ мы съ вами были, пересаживаемъ ихъ сюда подъ солнце. Здѣсь солнцемъ пуще грѣетъ, а дубку это первое удовольствіе, онъ и расправляетъ руки и въ ростъ идетъ лучше.

Въ одномъ мѣстѣ проливъ съузился такъ, что вершины сосенъ съ противоположныхъ береговъ соединились надъ нами. По этой лѣсной темени и проплыли мы, пока солнце за поворотомъ не блеснуло въ волю.

— Вонъ крылосные за грибами пошли.

— Тоже послушаніе?

— А какъ иначе. Они въ мастерскихъ не работаютъ, землю не пашутъ, не строютъ. Ихъ дѣло хвалу Создателю своему воспѣвать только; потому ихъ послѣ обѣдни, какъ отпоютъ, сейчасъ же посылаютъ по грибы. Они же ихъ солятъ и сушатъ. Ихъ дѣло чистое. А и намъ хорошо. Обители не приходится совсѣмъ покупать грибовъ, своихъ на всѣ посты хватаетъ, даже съ мірскими дѣлимся, которые побѣднѣе.... А это вотъ будетъ у насъ заливъ Кукинскій. Такъ и со старины онъ зовется.

— Откуда слово такое?

— А отъ куки. Кука, которая кукуетъ, пояснилъ онъ мнѣ, замѣтивъ мое недоразумѣніе. Здѣсь прежде водились горластыя куки... Тутъ у насъ этой окуни, щуки, леща—изобиліе! Словно садокъ. Многолюдно!

Въ вершинѣ залива домикъ. Тамъ варятъ пищу косцамъ и убиральщикамъ сѣна.

Въ эти заливы лосось не ходитъ, не любитъ ихъ тишины; за то его родственница кумжа посѣщаетъ ихъ зачастую, попадая вслѣдъ затѣмъ на монастырскую кухню. Сигъ ихъ тоже уважаетъ и по теплымъ мѣстечкамъ даже поднимается играть на солнцѣ... Палья въ озерѣ самомъ ловится плохо. Тамъ вода чиста, а эта рыба любитъ мутную. Осетры въ Ладогѣ есть, но въ обитель попадаютъ рѣдко. Около Валаама грунтъ каменный, и дно каменное, а осетры привыкли къ песчаному.

Вонъ направо въ густой зелени деревьевъ мелькнула часовня Смоленской Божіей Матери. Мелькнула и опять скрылась, точно ей было любопытно взглянуть на лодку, что одиноко бороздитъ спокойные плесы.

— Вотъ и разсадникъ!

— Гдѣ?

— Берегъ такъ называется у насъ разсадникомъ.

Издали еще былъ слышенъ отсюда стукъ каменотесовъ, грохотъ топоровъ и какіе-то крики. Изрѣдка всѣ эти звуки покрывались точно пушечными выстрѣлами.

— Это камень рвутъ у насъ.

— Зачѣмъ?

— А вотъ сейчасъ наши постройки увидите.

Челнокъ нашъ пристаетъ къ берегу. Мы зацѣпляемся за досчатую пристаньку и выползаемъ на сѣрыя скалы, около которыхъ тихо плещется вода....

XIV.

На монастырскихъ работахъ.

Масса рабочихъ копошится надъ возведеніемъ какого-то каменнаго зданія. Вдали другая масса каменотесовъ возится за глыбами гранита. Еще издали, намъ, оттуда слышны пушечные выстрѣлы — рвутъ скалы... Я думалъ, ужъ не новый ли монастырь вздумали поставить здѣсь.

— Что это у васъ?

— Коровникъ выводимъ.

— Вы смѣетесь, о. Авениръ?

— Съ чего же, помилуйте. Коровникъ въ три этажа... Вонъ владимірцы кирпичъ возятъ на верхъ, видите. Наймаемъ ихъ, они и работаютъ. Хоть спросите у нихъ.

— Да зачѣмъ же вамъ коровникъ? У васъ громадная кирпичная конюшня съ отдѣленіемъ для коровъ.

— Пусть тутъ будутъ... Не добро коню быть вкупѣ съ коровою.... Отчего же не строить?... Кирпичъ свой, гранитъ свой, только рабочіе дороги.

Оказывается, что здѣсь монастырь содержитъ нѣсколько артелей. Каменьщики-ярославцы получаютъ въ лѣто по 150 рублей на монастырскихъ кормахъ, ярославцы-штукатуры то же самое. Первыхъ 10, вторыхъ 15. При нихъ трудятся и братія, и послушники, разумѣется, по ихъ примѣру и сноровкѣ. Фундаментъ и корпусъ почти готовы. Первый выложенъ красивыми плитами гранита, толща стѣнъ втораго и третьяго этажей вдвое противъ нашихъ построекъ. Видимое дѣло,—своя рука владыка, не жалѣютъ. Въ самомъ коровникѣ уже возводится какая-то новая, изобрѣтенная монахомъ, печь для топки молока. Ужъ изъ дальнѣйшихъ объясненій строителей оказалось, что о. Авениръ, въ простотѣ души своей, называлъ коровникомъ ферму. Самый же коровникъ строится саженяхъ въ пятидесяти и для него уже навалены египетскія массы гранитнаго теса. Тешутъ гранитъ олончане, преимущественно корелы. Говорятъ, что это «лучшіе каменотесы въ мірѣ». Они получаютъ отъ 70 до 80 рублей въ лѣто на брата... Такъ же, какъ и при ярославцахъ, и при нихъ множество монаховъ потѣютъ за кирками.

— Есть даже которые и іеромонахи.

— Неужели въ такомъ санѣ?

— Что-жъ? Чѣмъ тяжелѣе послушаніе, тѣмъ предъ всевидящимъ окомъ важнѣе... Вонъ онъ, видите, сидитъ. Совсѣмъ старецъ. Ужъ іеромонашествуетъ двадцать лѣтъ, да въ монастырѣ сорокъ, а тоже кирку въ руки и ступай. Намѣстникъ благословилъ его камень тесать, — для него еще духорадостнѣе. Съ кроткимъ сердцемъ труждается.

Старецъ-іеромонахъ, дѣйствительно, усердствовалъ не по лѣтамъ.

На берегу проложутъ водопроводъ, одна изъ трубъ котораго будетъ доведена до коровника.

— Не пожелаете ли вверхъ?

Мы поднялись по лѣсамъ на значительную высоту. Голова кружилась. Доски медленно качались подъ ногами, а тутъ еще то и дѣло по зади: сторонись, сторонись! Везутъ тачки съ кирпичемъ, или наемный рабочій, или монахъ, обливаясь потомъ.

Еще бы! втащите сразу этакій грузъ на подобную высоту. За то вверху передъ нами открылся чудный видъ на заливъ. Вершины самыхъ старыхъ сосенъ раскидывались подъ нашими ногами. Словно черныя шапки на нихъ выдѣлялись какія-то прошлогоднія гнѣзда.

— Теперь ужъ тутъ птицы не будетъ.

— Почему?

— Другой скитъ себѣ поставитъ. Нельзя птицѣ водиться. Тутъ цѣлый день стукъ, работа... Кипѣнь самая... Какъ тутъ птицѣ быть. Птица божья, она, что пустынникъ, тишину любитъ...

— А кто у васъ горы рветъ?

— Камень-то? Былъ прежде рабочій простой—изъявилъ желаніе постричься. Ну, мы его быстро въ іеромонахи вывели. Нужный человѣкъ, помилуйте. Сколько экономіи одной... Прежде нанимать должны были, а теперь онъ послушаніе споляетъ. Еще усерднѣе. Какъ бы вы думали! Онъ-то и буритъ, и рветъ скалу... Ловко работаетъ.

Камень рвутъ тутъ же, невдалекѣ отъ коровника.

Іеромонахъ-каменотесъ совсѣмъ крестьянинъ. Та же походка съ присѣданіемъ, то же озабоченное выраженіе лица. На немъ короткая куртка и скуфья.

— По нашему дѣлу нельзя длинныхъ одѣяній. Ужъ я и то на духу спрашивалъ, не во грѣхъ ли и осужденіе мнѣ будетъ сіе. Но, спасибо, о. Дамаскинъ утѣшилъ. Онъ вѣдь какое мнѣ мудрое слово сказалъ: не ряса дѣлаетъ монаха. Иной въ короткомъ и неблаговидномъ все же монахъ, а другой и въ длинномъ, да хуже всякой блудницы вавилонской. Ты, говоритъ, хучь все съ себя скинь, да не соблазняйся, и инокъ выйдешь. Ну, я съ тоё поры успокоился. Теперь ничего, безъ всякой опаски въ блудномъ видѣ хожу.

Вообще монастырь ширится не по днямъ, а по часамъ. Промышленнымъ характеромъ его начинаетъ забиваться подвижничество. Еще о. Дамаскинъ умѣлъ поддерживать послѣднее, строя скитъ за скитомъ, хотя истому подвижничеству отшельническому онъ то и нанесъ главный ударъ.

— Пустынниковъ запретилъ.

— Какъ запретилъ?

— Такъ, хочешь уйти ты въ одиночество, въ лѣсу спасаться—нельзя. Ступай въ скитъ, тамъ и спасайся. Ему уеди-

нения хочется, а въ скиту все пять, шесть человѣкъ есть, настоящаго то пустынножительства и не обрѣтается.

— Почему же о. Дамаскинъ не любилъ пустынниковъ?

— Это, говорилъ, гордость въ нихъ дѣйствуетъ. Не разберешь по желанію онъ или просто передъ братіею повеличаться хочетъ. Чтобъ остальнымъ соблазна не дѣлать, онъ и учредилъ скиты.

Отецъ Дамаскинъ въ этомъ отношеніи былъ большой регламентаторъ. Человѣкъ хочетъ въ лѣсъ уйти и спасаться одинъ— не порядокъ! Какъ это можно, иди въ скитъ, гдѣ есть программа. И въ программѣ этой видѣлъ онъ лучшее устройство. Какъ будетъ жить монахъ по своей волѣ. Нельзя! Это сказывалось у о. Дамаскина во всемъ.

Коровникъ строится громадный: 28 саженъ въ длину и десять въ ширину. Тесаный гранитъ кладется такими массивными кубами, точно сооружается пирамида хеопсова, а не скромное помѣщеніе для иноческихъ безрогихъ коровъ.

— У насъ прежде камень по простецки возили — и трудно было, а теперь мы надумались рельцы положить, пояснилъ мнѣ монахъ-каменотесъ. По рельцамъ куда легче.

Дѣйствительно, на работахъ въ разныхъ направленіяхъ были проложены рельсы.

— Кто рельсы прокладываетъ?

— Да о. намѣстникъ самъ. Онъ вѣдь прежде хорошій работникъ былъ на Бердовскомъ заводѣ. Не то чтобъ образованный, а самоучка. Такъ это онъ.

Вся мѣстность передъ нами завалена обломками гранита. Суета работы всюду. Приходится выкрикивать слова, чтобы ихъ услышали. Вонъ трое рабочихъ бурятъ положенную горизонтально, громадную гранитную плиту, чтобы она раскололась; вонъ другіе тешутъ уже расколовшуюся. Третьи подрываются подъ обломки скалъ, чтобы сдвинуть ихъ съ мѣста. Рослый, широкогрудый красавецъ конь стоитъ около.

— Это у насъ Сила-богатырь. Какъ рабочіе не могутъ сдвинуть—сейчасъ его. Мигомъ выпретъ. Горы можетъ! Вотъ онъ у насъ каковъ, восхищался монахъ-каменотесъ, хлопая Силу-богатыря по спинѣ. Тотъ только передвинулъ кожей и повернулъ морду къ намъ.

— Что, братъ, хлѣбца захотѣлось? а!

Сила-богатырь ткнулся ему мордой въ руку.

Какіе гордые лѣсные великаны легли ради этого коровника. Я видѣлъ тысячи такихъ бревенъ, заготовленныхъ обителью. Они лежатъ тутъ же. Въ сторонѣ для рабочихъ поставлено два домика и трапеза подъ навѣсомъ. Въ субботу на воскресенье они пріѣзжаютъ въ обитель. Тутъ имъ устраивается баня. Имъ живется хорошо, монахи ими дорожатъ, какъ спеціалистами своего дѣла, что нельзя сказать объ отношеніяхъ монастыря къ простымъ поденщикамъ, которыми хоть прудъ пруди. О положеніи послѣднихъ я слышалъ еще по пути къ Валааму, и мои личныя наблюденія только подтвердили эти свѣдѣнія. «На Валаамѣ цѣлый день, не складывая рукъ, за 46 коп. работать надо».

— Разъ, меня одинъ паренекъ надулъ на эти 46 коп., такъ я ужъ плакалъ, плакалъ, говорилъ другой.

— Ну, тоже и его Богъ наказалъ! радостнымъ тономъ замѣтилъ онъ, видимо утѣшенный.

— Какъ это?

— Надулъ, а черезъ два дня, слышу, померъ! Вотъ оно, какъ Богъ-то за наши трудовыя денежки отплачиваетъ.

Я сообразилъ, во сколько же времени, признавъ заключеніе моего спутника справедливымъ, должны подохнуть всѣ наши банкиры, директоры акціонерныхъ компаній, короче—вся эта почтенная компанія христопродавцевъ и вампировъ. По пути же мнѣ пеняли на Валаамъ, что тамъ поденщиковъ плохо кормятъ.

— Да вѣдь общая трапеза.

— Куда! кабы общая, умирать не надо. Нѣтъ, тамъ для монаховъ одна, запечная-рыбакамъ; кузнецамъ, каменотесамъ, столярамъ, вообще всей мастеровщинѣ, другая, а намъ, чернорабочимъ, третья.

— Что же именно даютъ вамъ?

— Да не густо. Скупятся отцы. Щи—капуста да вода съ мучной подбойкой. Ни рыбы, ни говядины. Каша гречневая съ саломъ, либо постнымъ масломъ.

Рабочимъ на коровникѣ даютъ говядину, въ виду ихъ тяжелаго труда и особеннаго привилегированнаго положенія.

— Съ утра съ самаго до ночи, бывало, таскаешь вверхъ на третій этажъ тачку. Каждый разъ не менѣе 8 кирпичей, всего значитъ 3 пуда. А урокъ мало-мало тысячи полторы штукъ. Тутъ, братъ, Бога-то узнаешь, и вспаришься, и измучишься.

— И съ рабочими тоже коммиссія! жаловались монахи. У насъ обитель ширится,—руки намъ надобны. Ну, съ началомъ

навигаціи какъ разъ сотъ пять народу привалитъ. Вы зачѣмъ? Въ монастырь. На долго ли? Господь дастъ—навсегда. На вѣкъ. Ну, переодѣнутъ его. — Недѣли двѣ-три живетъ. Идетъ къ намѣстнику: я хочу назадъ!—Что жъ такъ, аль не живется?—Я думалъ, что тутъ только въ церковь ходятъ да въ трапезу, а здѣсь вонъ какъ работать надо. Такъ изъ пятисотъ-то человѣкъ только что девять, десять останется. А и трудники тоже. Пріѣдутъ много, а останется самая малость.

Между работниками бываютъ и исключительныя натуры. Теперь въ обители работаетъ по обѣту нѣкто В. И. У него, въ Питерѣ, богатое хозяйство, мастерская, дѣти. Въ почетѣ онъ тамъ, и совсѣмъ бы жизнь его шла хорошо, если бъ по временамъ не запой. А начнется—хозяинъ ходитъ оборванный, по частямъ ночуетъ. Поношеніе всей семьѣ, не говоря ужъ о срамѣ передъ рабочими. Пріѣхалъ онъ въ Валаамъ разъ, помолился, — какъ рукой съ него сняло запойное озлобленіе. Съ тѣхъ поръ онъ постоянный гость и работникъ въ обители. Теперь его вызвали сдѣлать воротцы и чугунную рѣшетку для ограды и ужъ четвертый мѣсяцъ онъ, вмѣстѣ съ данными ему въ помощь иноками, трудится надъ этимъ дѣломъ. Кстати и иноки мѣстные такъ пообучились, что послѣ его отъѣзда могутъ и одни продолжать дѣло.

Какой тяжелый трудъ здѣсь совершается монашескими руками, я убѣдился въ этомъ именно на постройкѣ все того же коровника. Погребъ приходится вырубать въ цѣльномъ гранитѣ. Вода чуть сочится сквозь его поры, для нея продѣлывается канавка. Эта египетская работа совершается также системою послушанія.

XV.

Запретный скитъ Молчальникъ.

Гранитные утесы правильными отвѣсами обрушиваются въ покойныя воды Новаго пролива. На ихъ вершинахъ ели и сосны, точно молчаливые часовые, сторожатъ сверху свою заманчивую пустыню. Мы плывемъ мимо, невольно погружаясь въ дрёму. Цѣль нашей поѣздки—самый строгій скитъ Валаамскій—Іоанна Предтечи, куда изъ богомольцевъ не пускаютъ почти никого. Много, много, что въ году трое, четверо посѣтятъ отдаленный уголокъ. Объ одномъ изъ двухъ схимниковъ запретнаго скита

мнѣ говорили ранѣе, и я горѣлъ нетерпѣніемъ скорѣе познакомиться съ этою въ высшей степени интересною личностію. Онъ извѣстенъ подъ именемъ «безмолвника», а почему,—будетъ объяснено ниже.

Красивый Новый проливъ тянется до мостика, за которымъ начинается каналъ Копаный, проведенный монахами. Тутъ было песчанное безводье, — о. Дамаскинъ вырылъ достаточную для лодокъ ложбинку — въ двѣ сажени шириной и пятьдесятъ длиной. Глубина канала—сажень. Окончена работа въ 1859 году. Въ одномъ мѣстѣ привелось срыть прочь выступъ горы съ гранитнымъ стержнемъ. Стѣны подъ водой выложены камнемъ. Вся работа сдѣлана грубо, но прочно, и является замѣчательной, потому что надъ нею трудилась одна невѣжественная масса. Спеціалистовъ не было, и хотя монахи говорятъ, что имъ невидимо помогали преподобные Сергій и Германъ, но о такихъ инженерахъ путей сообщенія пока еще никто не слыхивалъ. Просто—безконечная энергія, настойчивость и масса даровыхъ рабочихъ силъ, которыми располагаетъ обитель въ лицѣ своихъ монаховъ-крестьянъ. Этимъ каналомъ дали выходъ въ море всевозможнымъ внутреннимъ озерамъ и салмамъ. Въ концѣ, гдѣ каналъ выходитъ въ одинъ изъ Ладожскихъ заливовъ, два его берега смыкаются, и мы плывемъ по узенькой щели. Одинъ ея берегъ—каменный пологій мысъ, другой—крутая лѣсистая гора. Изъ-за ея вершины едва замѣтенъ зеленый куполъ. Онъ словно прячется въ чащу отъ чуждаго взгляда. Это-то и есть скитъ—цѣль нашей поѣздки. Весной и осенью въ этомъ проливѣ ледъ слабъ—ни на лодкѣ, ни пѣшкомъ. Пустынники скита запасаютъ на это время сухари тѣмъ и живутъ.... Въ обыкновенное же время имъ ни молока, ни масла, ни рыбы не полагается: ѣдятъ овощи, пустыя щи, кашу съ квасомъ. Всѣхъ отшельниковъ теперь четверо. Отецъ Ириней—безмолвникъ лѣтъ семидесяти, монатейный монахъ тоже старикъ и двое рясофоровъ, изъявившихъ ревность потрудиться именно въ этомъ скитѣ. Кругомъ вода. Островокъ четверть версты въ ширину и полъ въ длину. Точно на кораблѣ, затерянномъ среди океана, живутъ эти отшельники, почти не имѣя сообщеній съ остальнымъ міромъ. Съ своихъ вершинъ смотрятъ они на паруса далекихъ кораблей, скользящихъ по безбрежному простору озера, привязываются не на долго къ нимъ мыслью и грезой; видятъ иногда чухонъ-тюленьщиковъ, которые на своихъ лодкахъ плаваютъ мимо, стрѣляя морскаго звѣря. Изрѣдка въ

непогоду пловцы просятъ ночлега и заночевываютъ въ лѣсу, внѣ стѣнъ скита.... Жизнь этихъ отшельниковъ похожа на ту, которую ведутъ маячные сторожа на отдаленныхъ островахъ Сѣвернаго океана, да промышленники, по неволѣ зимующіе на островѣ Обрѣтенномъ, т. е. на Новой Землѣ.

— Отецъ Ириней безмолвникъ, схимникъ, предупредили меня.

— Братія!... Радъ вамъ.... радъ, братія, спасибо, что потрудились. Спасибо голубчики.

— Вотъ, о. намѣстникъ дозволилъ имъ посмотрѣть вашъ скитъ, отецъ.

И Авениръ подошелъ было подъ благословеніе.

— Недостоинъ я, грѣшный, недостоинъ! смиренно отстранилъ его безмолвникъ и вмѣсто благословенія разцѣловался съ нимъ.

Онъ въ монастырѣ уже сорокъ пять лѣтъ. Прежде когда-то былъ купцомъ въ Петербургѣ и торговалъ въ Гостинномъ дворѣ. Въ обители онъ отличался очень веселымъ нравомъ и говорливостію.

— Такъ говорить любилъ, бывало начнетъ, — не остановишь! И хорошо говорить могъ. Красно. Заслушаешься.

Замѣтилъ это отецъ Дамаскинъ и захотѣлъ испытать, на сколько можетъ смириться о. Ириней.

— Наложу на тебя послушаніе, не знаю, перенесешь-ли?

— Господь поможетъ.

— Ну, такъ вотъ,—молчи, пока я тебѣ не скажу.

Отецъ Ириней и смолкъ. Молчалъ бы пожалуй всю жизнь, да черезъ девять лѣтъ узналъ о. Дамаскинъ, что слава о подвигѣ Иринея прошла далеко и о немъ хотятъ писать, пожалѣлъ о. Дамаскинъ старца,—какъ бы не вышло соблазну, не возгордился бы старецъ, и приказалъ ему говорить.

О. Ириней заговорилъ послѣ девятилѣтняго безусловнаго молчанія.

А еще толкуютъ, что у насъ нѣтъ характеровъ! На что бы ни былъ направленъ и чѣмъ бы ни руководился о. Ириней, все-таки это крупный характеръ. Вынести подобное испытаніе ужасно. На Иринеѣ оно даже и не отразилось. Онъ свѣжъ, бодръ и говорливъ какъ въ первое время своего пребыванія въ обители. На этомъ маленькомъ островѣ онъ уже около двадцати лѣтъ и любитъ его, какъ капитанъ свой корабль. Оставляетъ его онъ только въ годовые праздники; тогда, отслушавъ обѣдню, онъ и

трапезуетъ вмѣстѣ съ братіей, а, окончивъ трапезу, не медля возвращается въ свою пустынь. Онъ ее и украсилъ, какъ могъ, надъ каждымъ клочкомъ ея работаетъ, какъ прилежный рабъ въ притчѣ.

— У насъ съ колокольни хорошо!...

Взобрался я на нее. Лѣсное царство кругомъ. Сквозь него поблескиваютъ свѣтлыя воды и туманно рисуются другіе берега. Оказалось возможнымъ подняться еще и въ куполъ. Отсюда виды еще прелестнѣе. Серебряные и голубые извивы проливовъ. Широкіе плесы, окутанные со всѣхъ сторонъ зеленой дрёмой. Длинные скалистые мысы, мысы, поросшіе соснами. Далеко на югъ надъ вершинами плаваютъ серебряные куполы другаго скита—Всѣхъ Святыхъ, а еще дальше—точно горделивый бѣлый корабль изъ зеленаго моря лѣсовъ подымается соборъ самой обители.... Просторъ, дичь и глушь.... Въ противоположное окно — Ладога вплоть до смутныхъ очертаній корельскаго берега. А вонъ напротивъ, чуть-чуть мерещатся за шестьдесятъ верстъ скалы Якимваари. Въ этомъ куполѣ, что ни окно, то новая картина. Мы переходимъ къ слѣдующему и подъ нами надъ опасной лудой—маякъ. Семь лѣтъ тому назадъ здѣсь сѣлъ на мель пароходъ Коневецъ.... Вонъ нѣсколько суденышекъ точно подъ ногами у насъ ползутъ маленькія, маленькія....

— У насъ и колоколъ внизу особый, примѣчательный.

— Чѣмъ это?

— Борисомъ Годуновымъ жертвованъ.... Еще мы вамъ покажемъ колодезь нашъ. Семь аршинъ въ скалѣ выдолблено, ключа ни откуда, а вода студеная и обильная. По учености судить—можетъ изъ скважины, а по нашему волею Божіей. Вода высоко стоитъ здѣсь— аршинъ надъ вершиною горы, вершина-то ниже воды.... Какъ это по вашему? По моему—чудо непрестанное.

— Какъ этотъ колодезь пробили?

— А въ Преполовеніе о. игуменъ пріѣхалъ. Гдѣ бы колодезь найти? спрашиваетъ. Ходили мы, ходили,—нѣтъ нигдѣ. На это мѣсто пришли—мокрый мохъ въ ямочкѣ, въ низинкѣ. Сунулъ о. Дамаскинъ палку, на аршинъ вошла. Давай рыть — докопались до скалы. Стали долбить скалу, вдругъ какъ хлынетъ вода, и пошла, и пошла, а теперь выше горы стоитъ.

Кедры кругомъ молоденькіе, но принялись шибко, обвѣтвились и растутъ вширь. Молодые кедры мнѣ напоминаютъ ма-

ленькихъ слоновъ. Уже въ самой неуклюжести ихъ широкаго тѣла сказывается будущая громадность и сила, такъ и въ кедрѣ.

— Кто это посадилъ?

— Я, отозвался безмолвникъ. Когда они выростутъ и окрѣпнутъ, насъ уже не будетъ. Другой придетъ любоваться ими.:.. задумался онъ. Одно плохо—не вездѣ для нихъ способно. Вишь ты, ростетъ, ростетъ чудесно, а потомъ вдругъ и посохнетъ. Есть такіе, которые пятнадцать лѣтъ подымались дивно, и пропали на шестнадцатомъ.... Я такъ думаю, корни ихъ до луды дошли. Мальчики! обернулся онъ къ нашимъ гребцамъ. Видите, рѣпа поспѣла. Берите, ѣшьте сколько угодно. Жаль, яблоки у меня не вызрѣваютъ.

Дѣти бросились въ огородъ. Старецъ проводилъ ихъ любящимъ взглядомъ.

— Эхъ вы, малые, малые! Иде же есть сокровище ваше, ту будетъ и сердце ваше!

Въ свое время, въ обители о. Ириней былъ келіаркомъ и звался о. Иваномъ. Къ нему часто хаживалъ пустынникъ изъ лѣсу и о. Иванъ сталъ по его примѣру ревновать къ пустынножительству. Хотѣли сдѣлать его іеродіакономъ, отказался—«недостоинъ». Ушелъ въ скитъ, потому что лѣсное пустынножительство о. Дамаскинъ уже сталъ прекращать. Ириней и до сихъ поръ само смиреніе и привѣтъ. Какихъ бы ни былъ убѣжденій человѣкъ, изъ бесѣды съ нимъ онъ вынесетъ отрадное впечатлѣніе не ослабѣвающей бодрости и энергіи; молодая сила въ организмѣ старческомъ. У о. Иринея отъ лѣтъ уже сѣдой пухъ изъ ушей повырось, а онъ навѣрное больше насъ съ вами и ходитъ, и работаетъ. Сталъ меня разспрашивать, много-ли я ѣзжу, бывалъ-ли въ обителяхъ.

— Хорошо вы путешествуете — изобильно и пространно!... Угощу я васъ теперь нашимъ лакомствомъ. Что - жъ дѣлать, чревоугодники и мы тоже!

И старецъ самъ нарвалъ цѣлую тарелку крупной земляники.

— Это все отъ нашего труда!...

Скиты живутъ своимъ хозяйствомъ. Обитель даетъ имъ только хлѣба. Овощи скитъ долженъ производить самъ. Кромѣ огорода, у отца Иринея есть и другая излюбленная работа. Онъ плететъ тонкіе осиновые короба, сшитые черемховымъ лыкомъ, мебель изъ вѣтвей.

— Посылаемъ въ обитель, тамъ продаютъ во славу Божью, должно быть.

— Деньги за проданное кому-же, вамъ?

— Намъ деньги? Зачѣмъ намъ деньги? У насъ и въ обители монахъ денегъ не видитъ. Куда я возьму деньги. Я и забылъ о нихъ, понятія теперь не имѣю, какія онѣ нынѣ.... И зачѣмъ? Что тутъ деньгами сдѣлаешь? Нашъ скитъ—постный скитъ. Оттого и Іоанновымъ названъ, чтобы постнымъ быть. Іоаннъ акридами и дикимъ медомъ питался. Живемъ мы тутъ, никто насъ здѣсь не посѣщаетъ.

— Не пускаютъ?

— Какіе же мы пустынники были бы, если бы къ намъ въ гости ѣздили. Одно безпокойство отшельнику. Такъ и игуменъ говоритъ. Пусть лучше одинъ отдѣленный скитъ будетъ, чѣмъ нѣсколько посѣщаемыхъ. Сюда къ намъ даже и братію не пускаютъ.

Пустынь, ея площадку, храмъ и садъ со всѣхъ сторонъ мрачною стѣною обступили темныя ели. Насупились и точно что сторожатъ здѣсь. Точно ужъ разъ попавшаго сюда онѣ уже не выпустятъ назадъ. Жутко даже становится, такъ жутко, что совершенно понимаешь того аѳонскаго монаха, который какъ-то попалъ сюда, думая остаться, и не выдержалъ — бѣжалъ, чуть не помѣшавшись, въ Угрѣшскій монастырь.

— Мрачно у васъ. Скудно.

— Съ Богомъ и въ лѣсу жизнь, а безъ Бога и въ раю соскучишься!

Изъ какого чуднаго лѣса выстроена здѣсь церковь. Видимо, шли бревна аршина полтора въ діаметрѣ. Дерево крѣпкое, словно камень. Здоровыми соками питалось, и цѣлые вѣка шумѣло въ вышинѣ горделивой вершиной, давая пріютъ тысячамъ птицъ, прежде чѣмъ могучее и еще полное жизни, оно упало подъ топоромъ монаха.

Внутри церковь совершенно проста и скудна, какъ подобаетъ въ пустынѣ.

— Церковь молитвой держится, а не окладами. Въ убогой церкви Бога то еще лучше зришь. Не заставленъ Онъ отъ тебя сокровищемъ.

— Вотъ, пойдемте, покажу я вамъ красоту неописанную. Картину такую, какую земнымъ художникамъ не написать. Небесный художникъ ее рисовалъ.

Вышли изъ пустыньки. Вдругъ лѣса и скалы, до сихъ поръ заставлявшіе даль, раздвинулись. Обрывъ внизъ. Мы стоимъ на карнизѣ. Предъ нами безбрежный просторъ Ладоги, появившійся неожиданно, точно по мановенію волшебнаго жезла. Ели шумятъ далеко внизу, маленькими кажутся съ этой высоты! Мнѣ эта картина живо напомнила видъ изъ Байдарскихъ воротъ въ Крыму, гдѣ путешественнику, утомленному однообразнымъ маревомъ горъ да лѣсовъ, вдругъ представляется громадная перспектива Чернаго моря.

— Иной разъ, внизу такъ играетъ стихія! Могущество Бога своего являетъ. Пѣны набьется, точно въ серебряныхъ облакахъ нашъ островъ плыветъ.

Надъ обрывомъ — крестъ, тесаный изъ гранита. Налѣво — заливъ, гавань, куда изъ-за пятидесяти верстъ бѣгутъ корабли отстаиваться отъ бурь.

— Намъ только однѣ мачты ихъ видны да палубы. Махонькими кажутся. Имъ къ намъ нельзя, намъ къ нимъ не подобаетъ. А гавань мы во имя св. Никона окрестили.... Вонъ наши рыбари выѣзжаютъ.

Какая-то черная точка дѣйствительно ползетъ по морю, ничего на этой черной точкѣ не разглядишь.

— Это должно быть о. Алимпій. Онъ и есть, всматривался Ириней.

Постоянная привычка разглядывать предметы на далекихъ разстояніяхъ дала удивительную зоркость этимъ старческимъ глазамъ. Гдѣ-то въ сторонѣ точно клочекъ тумана осѣлъ и мерещется оттуда. Ириней разглядѣлъ около этого островка монастырскій пароходъ. Видимое дѣло, — человѣку одна житейская отрада и оставлена — любоваться на эти дивныя дали. Тутъ и слѣпой прозрѣетъ.

Вонъ внизу, невѣдомо какъ прицѣпившись къ отвѣсу, держится громадная сосна. Лѣсъ шумитъ у насъ подъ ногами, вода бьется въ берега и точно серебряная нитка окаймила ихъ едва замѣтная отсюда пѣна прибоя. Удивительное спокойствіе вѣяло на душу. И не одно спокойствіе — горе забывалось, прощалось всѣмъ, примиреніе казалось такъ легко!

Сюда измученные, сюда усталые! Не въ скитъ, не въ душную келью схимника, а на этотъ просторъ, на эти берега пустынные! Если сердце болитъ и томится, если изъ недужной груди невольно рвется крикъ, если нѣтъ сна, если тоска пре-

рываетъ дыханіе—скорѣе сюда! Рядомъ съ этой безконечностію малымъ покажется всякое горе, рядомъ съ этой красотой дивной смолкнетъ личное страданіе. Ничтожнымъ и жалкимъ явится оно тебѣ. Оплакать-ли захочешь жертву, дорогую тебѣ,—плачь здѣсь. Тебя услышитъ одна пустыня безмолвная. Слезамъ твоимъ отзовутся однѣ мятежныя волны. Униженіе твое увидятъ только величавыя сосны, — онѣ никому не скажутъ о немъ. Онѣ свято сохранятъ твою тайну. Опозоренъ ты,—спрячутъ, разбитъ, — исцѣлятъ твои раны. Только тучка небесная, проносясь мимо, заплачетъ надъ тобою частымъ дождикомъ; солнце взойдетъ, высушитъ слезы; и твои, и ея слезы высушитъ на очахъ и на листахъ зеленаго лѣса.

Вонъ вдали показался другой пустынникъ, едва бредетъ. Сѣдой весь. Келья его на версту отъ кельи о. Иринея. Паисій забрался въ чащу лѣсную. Давно просился онъ на этотъ одинокій островокъ,—не пускали какъ и другихъ.

— Братіи не дозволяютъ сюда. Зачѣмъ тебѣ, говорятъ; жить такъ, какъ они—не сможешь, говорить станешь. Едва Паисія благословили.

— Удивляюсь, о. Ириней, какъ это вы такую бодрость еще сохранили. Подвигъ вашъ труденъ, пища скудная.

— А что березку на камнѣ питаетъ. Ишь она выскочила сдуру, а Богъ ей сейчасъ и жизнь далъ. Вонъ она, поглядите-ка, какъ раскудрявилась. А откуда кажется. Пища у нея въ камнѣ скудная.

Отецъ Паисій тотъ совсѣмъ въ другомъ родѣ. Ириней—типъ подвижничества, типъ тѣхъ временъ, когда люди спасались отъ всего живаго, отъ скверны мірской въ пустыни и дебри—уходили въ безлюдные лѣса и, проживъ тамъ въ тишинѣ и душевномъ покоѣ десятки лѣтъ—временами, вызываемые обстоятельствами, возвращались къ народу боговдохновенными обличителями, вождями, учителями. Отецъ Паисій, тотъ скорѣе Маниловъ во образѣ пустынника. Всему онъ радуется и притомъ очень слащаво. Въ мірѣ онъ былъ сапожникомъ.

— Благодѣтели! встрѣтилъ онъ меня. Посѣтили насъ неимущихъ, немощныхъ рабовъ Божьихъ.

Слово «благодѣтели» поясняется тѣмъ, что въ скитъ этотъ пускаютъ только тѣхъ, кто ужъ очень крупныя пожертвованія дѣлаетъ,—купцовъ, которымъ отказать нельзя.

— Благодѣтели, живемъ мы здѣсь скудно, убого.... Лѣсными людьми живемъ.... Дай вамъ Богъ!

— Пойдемте, я вамъ нашъ островъ покажу, прервалъ его о. Ириней. Полюбуйтесь на красу его.

Мы спустились внизъ. Тропинка то и дѣло огибаетъ громадныя свалившіяся сверху скалы.... Осыпей подозрѣвать здѣсь нельзя, нужно было остановиться на землетрясеніи, несмотря на сѣверное положеніе Валаама.

Я сообщилъ это о. Иринею.

— По вашему.... А по моему, это когда на крестѣ Христосъ духъ испустилъ. Земля потряслась и камни распадошася.... Только вдумайся, вездѣ слѣды найдутся. Ишь дорога то—сукномъ подернулась.

Дѣйствительно тропинка здѣсь отъ сырости точно зеленымъ сукномъ покрылась. Мохъ мелкій совсѣмъ ее заполонилъ. Тянется она вокругъ всего острова. Все время около насъ шумитъ озеро. Сегодня поднялся къ вечеру вѣтеръ и, срывая бѣлую пѣну съ гребней волнъ налетающихъ на утесы, несетъ онъ ее прямо намъ въ лица. Путь этотъ сдѣланъ руками отшельниковъ въ 1865 году. Мы обошли островъ и въ одномъ изъ лѣсныхъ участковъ замѣтили простой срубъ.

— Моя келья!—повелъ насъ о. Ириней.

Крохотная горенка и другая такая же. Голыя нары, подъ голову полѣно. Вотъ и вся обстановка.

— Скучно тутъ, вырвалось у меня.

— Соскучишься, такъ кричи: Господи помилуй! Ну, какъ дитя.... Господь услышитъ, онъ утѣшитъ.

Изъ кельи вверхъ на кручу лѣсенка съ перилами. Воображаю, осенью и весной, въ непроглядную темень ночей, какъ живутъ эти отшельники за версту другъ отъ друга. Только вой мятели, да стонъ вѣтра въ ущельи, да шорохъ снѣга, осыпающагося съ деревьевъ и говорятъ ихъ чуткому слуху о жизни и движеніи. Мертва, какъ могила, келья и темна, какъ она. Свѣчей и лампадъ пустынники не жгутъ вовсе—не полагается имъ. Еще какъ печка топится, такъ перебѣгающій свѣтъ скользитъ по стѣнамъ бревенчатаго сруба. Оказывается, впрочемъ, что Ириней не всегда и топитъ. Когда ужъ вдостоль стужа припуститъ—по неволѣ, а то и такъ обходится. Огня не зажигаютъ и въ церкви. Всю ночь въ ней пустынники читаютъ по очереди, во тьмѣ на память.

— А что забудешь — падешь ницъ и своей малоумной молитвой дополнишь. Словъ не хватитъ, слезами. Оно точно какъ слѣдуетъ и выходитъ.

Когда два пустынника въ церкви вмѣстѣ, тогда свѣчей не зажигается, чтобъ не видѣть другъ друга. Это—одно изъ условій жизни въ этомъ скиту.

— Отчего келья у васъ, о. Ириней, внизу, а не на верху.

— А тамъ какъ бы Ѳаворъ. Мы, какъ апостолы, внизу, а Господь невидимо на верху присутствуетъ.

Монахи разсказываютъ, что пустынникамъ часто чудится. Еще бы!... какія видѣнія должны являться имъ, вѣчно пребывающимъ въ одиночествѣ и мракѣ. Какіе голоса должны звучать въ этой чудной тишинѣ — когда сердцемъ слышишь, когда оно раскрыто и ждетъ—приди Господи! И несомнѣнно, что Господь сходитъ къ нимъ, сходитъ въ звукѣ и образѣ, сходитъ, какъ елей на болящую душу. Сходитъ въ пламени молніи, сходитъ въ тихомъ дуновеніи вѣтра. Распростершись ницъ, безмолвникъ внимаетъ грозному глаголу и въ самыя тяжкія минуты уединенія, въ самыя глухія ночи, на высотѣ точно разверзается твердь и широко раскрытымъ очамъ являются легіоны свѣтлыхъ ангеловъ, сіяютъ божественныя кущи и раскидывается иное, нездѣшнее небо....

Иначе, какъ бы, не видя этого рая, живой вылежалъ десятки лѣтъ въ этой одинокой могилѣ?

Въ запретномъ скитѣ по собственной волѣ поселились двое послушниковъ. Мы ихъ застали обоихъ — пилятъ дрова. Одинъ писаный красавецъ — сынъ протоіерея. Къ сожалѣнію, онъ совсѣмъ глухъ.

— Что безъ рыбки соскучились?

— Вотъ день какъ попилятъ, такъ вечеромъ имъ и въ голову не придетъ, что рыбки нѣтъ, отвѣтилъ за нихъ отецъ Ириней.

— Чай пили-ли? продолжалъ шутить о. Авениръ.

— Чай въ скитахъ запрещенъ вовсе.

— Изъ губы (залива) пили, отшутился другой послушникъ.

— У насъ губа эта злая.

— А что?

— Тутъ волны осенью сажени по двѣ въ высь ходятъ.... Гремятъ что тучи.

Съ какой любовью отцы пустынники воздѣлали свой маленькій островокъ, каждый уголокъ его! Тамъ крестъ высѣченъ, тутъ скала деревьями обсажена..... Я говорю, такое же отношеніе, какъ капитана къ своему кораблю, въ тѣ времена, разумѣется, когда адмираловъ Поповыхъ еще не водилось. Теперь капитаны корабля совсѣмъ иные. Все на коммерческомъ основаніи пошло.

— Островъ вашъ малъ, даже и звѣрю негдѣ....

— Нѣтъ, олени живутъ свободно. Къ самымъ кельямъ подходятъ, бываетъ. Одни тюленьщики бьютъ ихъ, мерзкіе.... За то ядовитыхъ звѣревъ у насъ по всему Валааму нѣтъ, пояснилъ Авениръ.

— Какихъ ядовитыхъ?

— Да волковъ и медвѣдей.

Отъѣзжая, я съ особенныхъ сожалѣніемъ смотрѣлъ на этотъ чудный уголокъ. Не людей жалко. Нѣтъ! Тѣ, что поселились здѣсь, давно оторѣли житейскими страстями и міръ ихъ къ себѣ не тянетъ. Они обрѣли тутъ утѣшеніе, какого нашъ свѣтъ имъ не дастъ. Жаль было, что уголокъ этотъ, быть можетъ, прелестнѣйшій на Сѣверѣ, пропадаетъ такъ. Какой бы чудный пріютъ—жизнь, трудъ и любовь могли бы свить здѣсь, на этомъ клочкѣ земли, среди скалъ, на этой скалѣ среди спокойнаго, безмятежнаго моря!

Назадъ мы плывемъ другимъ проливомъ.

Деревья въ водѣ стоятъ. Въ прошломъ году вода была еще выше. Досадно было за эту лѣсную красу. Простоявъ лѣто въ водѣ, она пропадетъ.

— Потому корни у нихъ подопрѣютъ. Ну мы зимой спилимъ всѣ дерева эти.

Монахи съ ихъ отвращеніемъ къ этому міру, съ ихъ исканіемъ смерти не похожи-ли на тѣ же деревья съ подопрѣвшими корнями, деревья, существующія здѣсь по какому-то недоразумѣнію?

XVI.

Коневскій скитъ. Отецъ Дамаскинъ.

— У насъ трудно, очень трудно иноческаго сана добиться.

— Почему?

— Пока еще тебя послушникомъ примутъ, навозишься, да въ послушникахъ шесть лѣтъ, а если молодъ, то и больше. Моложе тридцати лѣтъ рясофоромъ не сдѣлаютъ. Да и въ рясо-

форѣ, если ты во всемъ взялъ и обители угоденъ, просидишь только шесть лѣтъ. Лѣтъ пятнадцать до мантіи то промаешься. Я вотъ мантію получилъ на седьмомъ году.

Все это объяснялъ мнѣ благодушный о. Самуилъ по пути въ Коневскій скитъ. Въ немъ живетъ всего одинъ пустынникъ о. Макарій. Въ мірѣ онъ былъ на пивоваренномъ заводѣ рабочимъ. Застали мы его за самымъ невиннымъ дѣломъ. Прудокъ у него около келіи. Возился онъ надъ нимъ.

— Благословите, отче.

— Господь благословитъ. Недостоинъ я....

— Что это вы?

— Да вонъ въ прудокъ это рыбку пускаю. Пущай же она плодится.

— Какую рыбку?

— А сижковъ махонькихъ, да ряпушку. Въ прудкѣ у меня щучки нѣтъ, ну такъ безъ хищнаго звѣря всякой мелкой рыбкѣ куда какъ вольготно будетъ.... Нехай ее забавляется. Подростетъ, въ свѣтлые дни полюбуюсь, какъ она на солнцѣ играть станетъ.... Только и отрада, что молитва, да вотъ прудокъ мой; ко мнѣ мало кто ходитъ. У рѣдкаго явится усердіе такое, чтобъ къ намъ въ дальній скитъ.... Мальчика бы мнѣ, обратился онъ къ о. Самуилу.

— А ты просилъ?

— Просилъ намѣстника, обѣщалъ. А то я здѣсь одинъ совсѣмъ, какъ жукъ на осокѣ.... Все одному невозможно передѣлать.... Огородикъ-то свой я позапустилъ.

Прудъ чрезвычайно весело смотритъ. На немъ разрослись какіе-то желтенькіе цвѣтки, которые о. Макарій почему-то называетъ курочками. Зеленые листики прямо, точно тарелочки, на водѣ лежатъ.

— Ишь ты, словно блюдца. Разбросались какъ. У меня тутъ мѣсто мяккое. Спокой. Ни горъ высокихъ, ни возерной волны. Тишина у меня. Вотъ, сижу, да слушаю звонъ изъ того лѣса. Коровки тамъ ходятъ. Иная и ко мнѣ забредетъ, къ пустыннику, навѣститъ тоже.... Ну, хлѣбца ей — все лишняго гостя привадишь. А какъ настоящаго человѣка Господь пошлетъ, милостивый, такъ истинно возопіешь: возсія намъ яко солнце свѣтозарне въ велелѣпіи!

Въ Коневскомъ скитѣ хранится образъ Нерукотвореннаго Спаса, собственнаго письма графини Орловой. Для графини ра-

бота эта исполнена недурно. Колокольня низенькая. Съ нея только и видно, что прудъ кругомъ, да пустынька самая. Вокругъ церкви разсажены вязы, серебристые и душистые тополи.

— А это что?

— Аулье дерево. Божье дерево такое есть, аулье. Сказываютъ, у кровожадныхъ черкесъ растетъ.

— Какъ! Такого дерева нѣтъ, да и черкесовъ нынѣ не осталось, всѣ въ Турціи.

— Вѣрно говорю, аулье. Такъ и о. Дамаскинъ называлъ, и изъ Турціи можетъ быть. У насъ много деревьевъ изъ невѣрныхъ мѣстъ. А черкеса расточили наконецъ?... Ну чтожъ—не бунтуй!...

Вязы особенно хорошо принялись здѣсь.

— Рыбку ѣдите? подшучивалъ я.

— Уху хлѣбаемъ изъ пруда. Велика кадка-то, рыбки и не поймаешь.

Огородъ ступеньками къ верху. Хоть старецъ и жалуется на то, что запустилъ его, но на мой взглядъ у него все въ исправности.

— Тутъ еще какія деревья у насъ есть,—диву дашься. Изъ Бѣлой Арапіи, сказываютъ, одно, — самъ нечистый бузукъ его сажаетъ. А вотъ кленъ-то. Ишь могучій какой. Его о. Дамаскинъ выростилъ. Отецъ Дамаскинъ здѣсь въ затворѣ пробылъ нѣсколько лѣтъ, въ Коневскомъ скитѣ моемъ. Разъ онъ кленовую палочку такъ взялъ да и посадилъ въ землю, а она изъ себя корень пустила. Ишь теперь дерево какое райское вышло. Гущина.... Сила-дерево. А самъ-то о. Дамаскинъ безъ рукъ, безъ ногъ. Какъ кого умудритъ Господь! А вотъ это дерево по моему большая лапа зовется, потому что у него листъ такой.

Пушистыя лиственницы окружаютъ бывшую келью о. Дамаскина. Въ самой кельѣ чистота. Все словно только что вымыто. Видимое дѣло блюдетъ ее о. Макарій. Вотъ и гробъ, гдѣ нѣсколько лѣтъ спалъ о. Дамаскинъ, ведя отшельническую жизнь въ этой пустынькѣ. Онъ, какъ теперь о. Макарій, былъ здѣсь въ полномъ одиночествѣ. Однѣ священныя книги утѣшали его въ уединеніи. Память о его подвижничествѣ здѣсь столь высоко цѣнится монахами, что мнѣ случалось слышать такіе, напримѣръ, отзывы.

— Художникъ Пешехоновъ вмѣстѣ съ о. Дамаскинымъ года три назадъ пріѣзжали сюда. Пешехоновъ и говоритъ: по настоя-

щему-то гробъ этотъ въ серебро отдѣлать надо.... Ну, а по моему его въ золото, да каменьями драгоцѣнными изукрасить, какъ святыню.

Отецъ Макарій совсѣмъ чистая крестьянская душа. Работаетъ надъ своей пустынькой въ потѣ лица, улучшаетъ ее, какъ можетъ, и для того, чтобы понять, какъ энергія одного человѣка можетъ измѣнить мѣстность, слѣдуетъ пріѣхать сюда. Валаамскіе иноки вообще представляютъ полные типы сѣвернаго монашества—монашества мужицкаго, чуждаго хитросплетеніямъ византійскимъ и строго блюдущаго свой основной принципъ—обязательность труда и безпрекословность послушаній.

— Деревья эти только нашей зимы не любятъ. Кабы мы ихъ въ шубы не заворачивали, давно бы имъ помереть.

— Въ какія шубы?

— Да соломой обертываемъ.... И досками тоже забиваемъ отъ зайца. Заяцъ зимой—подлый звѣрь. Голодно ему, бѣдному, онъ сейчасъ-же и почнетъ кору грызть. Пока мы не догадались, много деревъ у насъ косой попортилъ.... Особенно ежели осина, либо яблоня.... Зайка сейчасъ къ нимъ. Ушастъ, ушастъ, а тоже понимаетъ. Кленовъ вотъ не жаль, они у насъ лѣсами сами ростутъ.... Ухода за ними не надо—Божье дерево....

— И не скучно вамъ здѣсь одному?

— Какъ не скучно? скучно. Особенно песья муха скучитъ.... Жретъ она меня.... Вѣдь и махонькая какая, а сколь въ ней лютости! И при этомъ у о. Макарія добрая, добрая улыбка, «легкая», какъ говорятъ монахи.

— Тутъ хоть гулять когда вздумалъ, можно, а вонъ ихъ, взглянулъ онъ на о. Самуила—и гулять въ лѣсъ не пущаютъ.

— Наши монахи все работаютъ на послушаніяхъ, оттого и гулянки имъ по лѣсу нѣтъ. Съ утра до трапезы, отъ трапезы до вечера.... Когда тутъ?

— Всѣ послушанія назначаетъ намѣстникъ?

— Инокамъ онъ, а трудникамъ да наемнымъ рабочимъ—о. экономъ. Ну, кому благословлено чай пить, тѣмъ отъ трехъ до четырехъ часовъ дается время. А кто—иди-ко. И чай-то какъ еще у насъ. Разъ мнѣ разрѣшили четверку чаю. Выпилъ я ее всю—иду просить о. Дамаскина благословенія купить еще. А онъ мнѣ таково-ли прозорливо въ глаза взглянулъ и говоритъ: Посиди мѣсяцъ безъ чаю, для души твоей полезно это.... Я думалъ сначала, блажитъ игуменъ, а потомъ сообразилъ, что это онъ

смиреніе мое испытуетъ. Палъ я ему въ ноги и пошелъ. Что жъ бы вы думали, черезъ мѣсяцъ призываетъ меня самъ, не забылъ: теперь, говоритъ, пей чай, потому видѣлъ я, что жестоковыйности въ тебѣ нѣтъ вовсе....

Коневскій скитъ создалъ отца Дамаскина, этого послѣдняго и настоящаго устроителя Валаама.

Пришелъ сюда Дамаскинъ крестьянскимъ мальчикомъ изъ Тверской губ.,—не умѣлъ ни читать, ни писать.... Держали его на черныхъ работахъ, причемъ иноки поясняютъ, что изъ черныхъ—самыя грязныя давали ему:—кособрюхій былъ. Выдержалъ онъ этотъ искусъ въ теченіе двѣнадцати лѣтъ, причемъ ни разу отъ него не слышали жалобы на несправедливость, или просьбы облегчить его трудъ. Только что его посвятили въ монахи, онъ отпросился въ пустыню. Тутъ онъ велъ созерцательную жизнь, выучился читать и много думалъ надъ каждой прочитанной страницей. На посѣщавшихъ его онъ производилъ странное впечатлѣніе. Точно, говоря съ ними, онъ думалъ о чемъ-то другомъ. «Въ какую-то сокровенность прозиралъ». Но, все-таки, остался, несмотря на это, столь вѣренъ своему мужицкому облику, что когда его привезли въ Александро-Невскую лавру для посвященія въ игумены, тамошніе монахи стали острить: «вотъ привели Валаамскаго медвѣдя».

— Жаль уши малы, а то-бы Валаамовой ослицей нарещи бы его можно!

Но немного спустя этотъ медвѣдь показалъ себя, дѣйствительно, медвѣдемъ.

До него въ монастырѣ было слабо. Нестроеніе полное, иноки любили грѣшное курево и еще болѣе водку, супротивничали, и духъ неповиновенія «рожномъ стоялъ» въ обители. Тверской медвѣдь сразу разогналъ всѣхъ заводчиковъ этого безпорядка. Затѣмъ онъ назначилъ человѣкъ тридцать, которыхъ высмотрѣлъ заранѣе изъ уединенія своей Коневской пустыни, на всѣ монастырскіе посты и, опираясь на ихъ содѣйствіе, какъ настоящая сила, сталъ ворочать круто безъ всякихъ постепенностей. Чтобъ держать въ своихъ рукахъ не только внѣшній порядокъ Валаама, но и на души, и на сокровенные помыслы иноковъ наложить узду, — онъ сдѣлался общимъ духовникомъ. Молодое монашество воспитывалъ онъ въ томъ же духѣ. «Всѣхъ насъ выростилъ», говорятъ о Дамаскинѣ нынѣшніе столпы Валаама.... Въ уединеніи Коневскаго скита онъ провелъ семь лѣтъ и из-

дали ему еще лучше видѣлись всѣ темныя стороны тогдашней обители. Долго отказывался онъ отъ избранія, но разъ, взявъ узду въ свои руки, онъ никогда уже не ослаблялъ и не опускалъ ее. Руки эти были тверды, какъ и воля, владѣвшая ими. Онъ возобновилъ семь скитовъ, выстроилъ каменную обитель, нарылъ вездѣ колодцы, устроилъ множество хозяйственныхъ учрежденій... Вообще монастырь разбогатѣлъ и развился при немъ. Онъ былъ удивительно многостороненъ. Еще недавно безграмотный мужикъ, только что власть попала въ его руки, онъ тратится на библіотеку монастыря, поощряетъ литературные труды о. Пимена, издаетъ ихъ, входитъ въ сношенія съ извѣстными учеными по поводу разныхъ сомнительныхъ вопросовъ по исторіи Валаама, самъ составляетъ планы церквей и исполняетъ ихъ, задумываетъ механическія усовершенствованія того или другаго производства, и въ этомъ отношеніи спеціалисты только удивляются его ясному и точному уму. Лица, посѣщавшія этого еще недавно кособрюхаго медвѣдя, выходятъ отъ него изумленными массой свѣдѣній и краснорѣчіемъ Дамаскина. «Онъ провидѣлъ сердце каждаго, и нерѣдко жестокіе люди выходили отъ него со слезами на глазахъ». Велъ войну съ финскимъ сенатомъ и, выдержавъ нѣсколько сраженій, въ концѣ концовъ побилъ его. Умѣлъ изъ враговъ создавать друзей, а изъ друзей дѣлать вѣрныхъ исполнителей своихъ приказаній. Это былъ человѣкъ неустающій.... Ему не надо было отдыха и сна.... Рядомъ съ этимъ, чужая воля для него была ненавистна. Около себя онъ не терпѣлъ никакой силы. Обитель не даромъ называютъ монашескими арестантскими ротами. Онъ, не щадя никого, сейчасъ же запретилъ инокамъ посѣщать другъ друга.... Самъ мужикъ, въ лучшемъ смыслѣ этого слова, онъ выше всего цѣнитъ трудъ и дѣлаетъ его обязательнымъ для каждаго. Онъ выдерживаетъ образованныхъ иноковъ на черной работѣ, чтобы узнать, годны-ли они ему, могутъ-ли повиноваться безпрекословно. Условной покорности онъ не понималъ. Возмечталъ о себѣ какъ-то инокъ и возмечталъ столь неистово, что даже хотѣлъ разуказиться. По закону слѣдовало исполнить его желаніе. Не такъ дѣлаетъ о. Дамаскинъ. Сознавая, что такой примѣръ будетъ соблазнительнымъ для всѣхъ, кто не сочувствуетъ его реформамъ въ монастырѣ, онъ выхлопоталъ повелѣніе — оставить инока въ обители, а за непокорность его, изъ монатейныхъ разжаловать въ послушники и сослать въ отдаленный скитъ. Когда читали указъ строптивому мо-

наху, тотъ упалъ, какъ подкошенный, а на братію это произвело столь сильное впечатлѣніе, что никто уже не могъ помышлять о возвращеніи въ міръ. Валаамъ дѣйствительно сдѣлался могилой, изъ коей выхода не было. Дамаскинъ былъ человѣкъ системы. Вольное подвижничество по лѣсамъ онъ убилъ наповалъ. Нарочно поставилъ семь скитовъ:—кто хочетъ спасаться, иди въ скитъ, и спасайся по установленной имъ программѣ. Мнѣ кажется, если бы для дикихъ лѣсныхъ оленей возможно было бы устроить какое либо подобіе скита, онъ бы и ихъ загналъ туда, потому что рядомъ съ своей свободой, ни чьей онъ признать не могъ. Это былъ централизаторъ въ самомъ безпощадномъ значеніи этого слова. Желѣзная сила, воля, питавшаяся препятствіями, ясный умъ и пониманіе сердца человѣческаго позволяли ему успѣшно приводить въ исполненіе самые трудные замыслы. Для Божьяго дѣла можно было все. Цѣль оправдывала средства,—и если какая либо старуха подъ вліяніемъ его поученій оставляла свое имущество обители, обдѣляя бѣдныхъ, то вѣдь симъ же послѣднимъ приносилась тѣмъ самымъ великая польза. Вѣдь богатому труденъ путь въ царствіе небесное, и притча о верблюдѣ и игольномъ ушкѣ тотчасъ же являлась къ услугамъ о. Дамаскина. Что же касается храма, то ему подобаетъ честь и великолѣпіе. Не для роскоши инокамъ доставалъ онъ, такимъ образомъ, наслѣдства, вклады, пожертвованія. Напротивъ, иноки одѣвались грубо, питались скудно. Страсть къ регламентаціи и ненависть ко всему, что живетъ внѣ программы и системы, заставила его отвадить отъ посѣщеній обители странниковъ и странницъ. Онъ ихъ терпѣть не могъ, какъ и вообще всѣхъ потаскухъ, въ какомъ бы видѣ онѣ къ нему не приходили. Разъ является къ о. Дамаскину странникъ въ веригахъ. Вѣсили онѣ у него семь фунтовъ.

— Благослови, отецъ святый, сдѣлать мнѣ ихъ въ монастырской кузнѣ въ 30 фунтовъ. Имѣю усердіе.

— Ступай въ кузню. А самъ мигнулъ келейнику:—скажи кузнецу, чтобы пугнулъ.

Является странникъ въ кузню. Кузнецъ ему въ ухо. Странникъ обратно ему наотмашь. Зоветъ его о. Дамаскинъ.

— Иди вонъ, рабъ лѣнивый. Я пожелалъ испытать тебя. Вотъ были бы вереги, когда бы ты другую щеку подставилъ по завѣту Христову.

Явится бывало странникъ въ желѣзномъ колпакѣ. Онъ сейчасъ этого факира въ хлѣбную къ квашнѣ, тѣсто мѣсить. Поворочается желѣзный колпакъ, поворочается, и бѣжитъ вонъ изъ обители.

Строгость его была чрезвычайная, хотя зная вліяніе ласки, онъ и ее пускалъ въ ходъ.

— Бывало, скорбь какая—къ нему, онъ сейчасъ утѣшитъ. Изъ одной книги цвѣточекъ, изъ другой книги цвѣточекъ, смотришь, а скорби какъ не бывало. Точно туча прошла.

Цвѣточки эти ему ничего не стоили, а вліяніе въ паствѣ поддерживали великое....

Иногда онъ даже умѣлъ быть и сниходительнымъ. О. Никандръ весной приготовлялъ гостинницу для богомольцевъ, да послѣ трапезы уснулъ. Дѣло было еще впустѣ. Первый пароходъ не приходилъ, а ожидался. Дамаскинъ невзначай нагрянулъ. Видитъ:— Никандръ спитъ, «онъ и давай лазить. Лазилъ, лазилъ, облазилъ всѣ келіи и ушелъ». Дня черезъ четыре Никандръ видитъ его ѣдущимъ мимо.

— Отецъ, поди-ка сюда.

— Благословите.

— На дняхъ у васъ тамъ одинъ братъ былъ. Ходилъ по всѣмъ номерамъ—пустые были.... Двери отворены. Такъ нельзя. Нестроеніе это, отъ него же всякая злая вещь!... Вѣдь если я къ тебѣ заѣду и увижу, такъ замѣчаніе сдѣлаю.

И это какъ примѣръ необычайной снисходительности разсказываютъ по всей обители.

— А иной разъ ѣздилъ онъ грозно. Насупится, примѣчаетъ все, ну, а потомъ разборка у него идетъ.

Выдѣленіе личности изъ общаго уровня было ему до такой степени враждебно, что на иконахъ, писавшихся въ обители, онъ запрещалъ выставлять имя художника, на книгахъ, сочиненныхъ иноками, печатать фамилію автора. За то на первыхъ значилось: «трудами Валаамскихъ иноковъ», на второмъ: «по благословенію Валаамскаго настоятеля отца игумена Дамаскина, составлялъ Валаамскій іеромонахъ».

Съ высшими лицами церковной іерархіи Дамаскинъ умѣлъ ладить безъ всякаго униженія. Они высоко цѣнили Валаамъ, какъ самый строгій и суровый изъ монастырей. Вотъ одинъ изъ такихъ примѣровъ.

Проповѣди въ монастырѣ не произносятъ, а читаютъ поученія святыхъ отцовъ. Говорятъ проповѣди только посѣщающіе обитель митрополиты, что для иноковъ составляетъ рѣдкое и потому большое развлеченіе. Разъ пріѣхалъ сюда извѣстный преосвященный Григорій—хорошій ораторъ. Онъ въ церкви не сказалъ ожидаемаго «слова». За трапезой о. Дамаскинъ обратился къ нему.

— Мы скорбимъ, отче святый.

— О чемъ это?

— Проповѣди твоей не удостоились.

— Здѣсь не надо. Я знаю гдѣ читать,—не вамъ примѣры указывать, ваши иноки сами могутъ всякому примѣромъ быть.

О. Дамаскинъ ужасно любилъ чернорабочихъ монаховъ. Работавшихъ въ смолокурнѣ, въ конюшнѣ, въ поляхъ, онъ ставилъ всѣмъ, какъ образецъ. Запахъ трудоваго пота былъ для него ароматомъ, мозолистыя руки—добродѣтелью. Изъ «чистой работы», какъ говорятъ въ монастырѣ, о. Дамаскинъ больше всего покровительствовалъ художникамъ. Даже для пріѣзжихъ пейзажистовъ всегда было отдѣльное помѣщеніе въ обители. Онъ окружалъ ихъ всевозможными удобствами. Монастырскіе лошади, экипажи и лодки были къ ихъ услугамъ. Самъ онъ часто бесѣдовалъ съ ними и любилъ приходить любоваться ихъ работой.

Теперь ужъ нѣсколько лѣтъ какъ о. Дамаскинъ разбитъ параличемъ. Это трупъ, видящій, слышащій, и только. Тѣмъ не менѣе, уваженіе къ нему столь велико, что его именемъ управляется обитель и никого на мѣсто его не назначатъ иначе, какъ послѣ его смерти.

Барыни впрочемъ и теперь находятъ его прозорливымъ. Благодѣтельницы и «сугубыя» особы допускаются къ нему. Иногда онъ промычитъ что-нибудь, головой кивнетъ, пальцами пошевелитъ,—это пріемлется за предсказаніе и довольная богомолица всѣмъ разсказываетъ:

— Удостоена бесѣды была.... Ужъ какъ сладко, сладко! Такую духорадость далъ мнѣ отецъ игуменъ, такъ онъ меня утѣшилъ, сказать ие могу.

О. Дамаскина называютъ Аракчеевымъ въ рясѣ. Мнѣ кажется, это не вѣрно. Онъ гораздо умнѣе Аракчеева. Это скорѣй маленькій Петръ Великій, съумѣвшій свои разностороннія способности приложить къ дѣлу, на небольшомъ пространствѣ острововъ Валаамскихъ. Во всякомъ случаѣ, личность на столько круп-

ная и оригинальная, что мой набросокъ даетъ о ней только слабое понятіе. Точной его біографіи и характеристики можно ожидать лишь въ послѣдствіи и то не отъ монаха.

XVII.

Большой скитъ Всѣхъ Святыхъ.

Лѣсъ по обѣ стороны скитскаго залива. Безвѣтріе совсѣмъ. Въ водѣ играетъ рыба, звонъ отъ всякой мелкой мошки стоитъ въ воздухѣ. На рѣдкихъ полянахъ, гдѣ лѣсъ точно отходитъ отъ берега—стога сѣна. Травы вообще снимается здѣсь много.

— Намъ преподобные помогаютъ. Столько мы сѣна сбираемъ, что даже береговымъ даемъ, которые побѣднѣе.

— Эко день сегодня.

— Теплынь.... Благодать.... Ишь небеса, истинно повѣдаютъ славу Божію.

— Жаль только, что здѣсь монастырь, замѣтилъ мой спутникъ.

— А вы иноческое званіе отметаете? Это вы неосновательно! Златоуста читали? вступился о. Эльпидифоръ.

— Не случалось,—такъ, отрывками.

— Ну, вотъ, видите сами. По невѣжеству своему судите. А онъ вотъ что сказалъ: Приди же и учись у монаховъ, это свѣтильники, сіяющіе по всей землѣ. А у Луки: —слушаяй васъ, Мене слушаетъ! О комъ это? Отметать легко, а вы бы помыслили, почему мы отъ прелести земной и всяческой суеты отрицаемся. Для ради спасенія душъ вашихъ. Вы согрѣшаете, а мы за васъ молимся. Вотъ въ Большомъ скитѣ отца Григорія увидите. Младъ и не вкушалъ еще отъ соблазна житейскаго, а какую въ себѣ ярость къ монашеству чувствуетъ. Истинно инокъ неистовый! Теперь, говорятъ—монашество блага пріумножаетъ. Да для кого это? Намъ не надо. У насъ все тѣ же ряски убогія и трапеза скудная.... А ежели что—мы и сосѣдямъ помогаемъ. Хлѣбъ даемъ, шубы, сапоги даемъ, кафтанчики, кирпича на постройку, лучины для крышъ.... А лучину эту щеплютъ монахи вѣдь.... не даровое....

Здѣсь крыши кроютъ лучиною, которая оказывается прочнѣе и лучше досокъ.

Въ вершинѣ залива зеленый яркій лужокъ. Домикъ тутъ у пристани для дровосѣковъ и лѣсопильщиковъ. Мы вышли изъ

лодки. За четверть версты отъ скита изящная часовня. Иконостасъ въ ней изъ чернаго гранита, отполированнаго и отдѣланнаго въ самой обители руками монаховъ. Въ общемъ и въ деталяхъ удивительно красиво. Женщинамъ запрещенъ входъ во всѣ скиты, но въ день Всѣхъ Святыхъ онѣ могутъ притекать сюда, только до этой часовни. Дальше ни шагу. Отсюда видны имъ ворота скита, его красныя кирпичныя стѣны и круглыя башни.... Пожалуй еще мелькнетъ сквозь рѣшетку воротъ изможденное лицо одного изъ отшельниковъ, да и то оглянется на нихъ съ ненавистью и отвращеніемъ.

— Мы дамовъ этихъ не любимъ, повѣствовалъ въ простотѣ души своей старецъ Іоиль.

— А что?

— Да крестьянка придетъ, у нея одна молитва на умѣ. А у дамовъ—житейскіе помыслы. У нихъ вѣдь душа-то кошачья... Вѣрно вамъ говорю. Онѣ и въ храмѣ Божьемъ передъ святыми ликами о блудномъ житіи помышляютъ.

— Есть и искреннія богомолицы?

— Отчего не быть, есть.... А только мало.... Я-бы ихъ и до острововъ нашихъ святыхъ не допускалъ бы, какъ на Аѳонѣ....

— Отчего же хоть до часовни не допускать ихъ, если это доставляетъ имъ утѣшеніе.

— Мало-ли. А что въ писаніи сказано: Стопы мои направи по словеси твоему!

— Какое же отношеніе?

— А такое, что она аки левъ рыкающій только и мечтаетъ о погубленіи душъ иноческихъ. А на пустынно-жителей то у нее можетъ и зубъ-то особо разгорается.... Азъ же и домъ мой служити будемъ Господеви! А какое тутъ служеніе когда оныя поскуды повсемѣстно тебѣ подъ носъ тычутся... Положимъ, сказано—Богъ препояса мя силой.... Точно, но и о путяхъ нечестивыхъ тоже въ писаніи есть—блаженъ мужъ иже не идетъ.

Скитъ по величинѣ равняется небольшому монастырю. Посреди четвероугольника, окаймленнаго стѣною, большая и красивая каменная церковь. Къ стѣнамъ прислонились восемь домиковъ, изъ камня тоже. Тутъ кельи, транеза и кладовыя. Домики смотрятъ весело, много зелени скрашиваетъ прямолинейность построекъ.... Братіи живетъ всего восемь человѣкъ.

— Вотъ тутъ есть свѣтильникъ! Истинно святой отшельникъ—изъ болгаръ.

— Кто такой?

— Антиппа.... Онъ одинъ чего стоитъ. Нынѣ ужъ безмолствовать сталъ. Ни къ кому не выходитъ и окно у себя держитъ всегда на затворѣ. Не видать его вовсе. Черезъ дверь послушникъ подаетъ ему что надо, и опять его три дня не видно. Ѣстъ онъ два раза въ недѣлю, по вторникамъ и субботамъ. Его хотѣли было показывать, да старецъ воспротивился.... Такъ и сидитъ въ затворѣ. Прежде онъ на Аѳонѣ былъ,—не по душѣ ему стало тамъ. Суеты много и пререканій, ну, и уставъ не столь строгимъ показался ему. Онъ и пошелъ гулять.. Мѣстовъ искалъ. До Москвы добрался—пріютила его у себя купчиха одна. Малое оконце и келія малая была у него въ подвалѣ. Онъ и говоритъ: я затворюсь — молиться стану, а вы меня не тревожьте.... Затворился. День, другой, третій—на четвертый всполошились всѣ, не случилось ли чего съ старцемъ. На пятый силой отворили дверь, а онъ лежитъ предъ иконой, распростерся ницъ. Вдохновеніе на него нашло духовное. Безъ пищи и питія пребылъ. Ну, благочестивая купчиха испугалась, — какъ бы не вышло чего, просить его уйти. Оно положимъ—Богъ, но вѣдь и полиція тоже! Ушелъ. Къ намъ тутъ явился. Отецъ Никандръ ему въ гостиницѣ номеръ отвелъ. Опять затворился, да четыре дня опять безъ пищи и безъ питія. Тутъ его о. Дамаскинъ призвалъ. Ты что, говоритъ, братію соблазняешь? Если хочешь спасаться, ступай въ скитъ. Онъ и пошелъ. И вѣдь какой старецъ утѣшительный! Пріѣзжаютъ богатые благодѣтели изъ Москвы. Знаютъ его. Зовутъ. Онъ къ нимъ приходитъ и все у нихъ ѣстъ и пьетъ, хоть и съ сокрушеніемъ, а все!.. Чтобы не возомнили о немъ, какъ о сосудѣ съ гордыней сатанинской. А теперь смолкъ и не говоритъ уже ни слова. Отъ людей уходитъ. Съ Господомъ и наединѣ все.

— Да вѣдь ѣсть-то надо же?

— Ему положено три тысячи поклоновъ въ день, двѣ тысячи поясныхъ и тысячу земныхъ. Да сверхъ того онъ долженъ прочитать сколько параклисовъ, каноновъ, акафистовъ. Если бы онъ ѣлъ, ему бы никогда не исполнить этого послушанія. Оттого и не ѣстъ. Ему и думать некогда.

Валаамскій докторъ Таннеръ — личность очень крупная. И опять таки сильный характеръ. Не фанатизмъ, а характеръ.

Собственно тутъ два понятія, которыя часто смѣшиваются. Я ужъ разъ говорилъ объ этомъ и теперь повторю опять. «Будь направлена та же громадная сила воли на достиженіе благихъ цѣлей, на дѣло, которому мы могли бы сочувствовать, и передъ нами былъ бы характеръ и никакимъ инымъ именемъ мы бы его не назвали. Въ данномъ случаѣ, это тоже характеръ настойчивый, упорный, презирающій внѣшнія условія, сбрасывающій прочь всѣ препятствія, побѣждающій самую жизнь. Характеръ, питающійся лишеніями и страданіями и укрѣпляющійся ими какъ организмъ здоровою пищею. Характеръ какъ желѣзо, въ горнилѣ твердѣющее подъ молотомъ. Мнѣ возразятъ, что слѣдовательно и фабиры тоже характеры. И еще какіе! Именно не галлюцинаты, а характеры. Галлюцинація потомъ приходитъ. Вѣритъ человѣкъ, что это добро зѣло, вѣритъ и стремится къ нему.

— Такъ значитъ, намъ о. Антиппу и не удастся видѣть?

— Нѣтъ! Блаженный старецъ сегодня не покажется намъ. Затворился!

Строителемъ здѣсь о. Георгій. Уставъ скита строгъ. Псалтырь читается и день, и ночь. Каждый изъ братіи по очереди читаетъ два часа днемъ и два часа ночью. Скитъ почти все самъ на себя производитъ. Монастырь даетъ ему только хлѣбъ. Такимъ образомъ, братіи и здѣсь не приходится вести жизнь созерцательную, а, напротивъ, работать въ потѣ лица своего. О. Георгій былъ долгое время «на Іоаннѣ Предтечѣ». Тотъ скитъ, отдаленный, съ безмолвниками и скудостію, былъ ему болѣе по душѣ.

— Ахъ, какъ-бы опять хотѣлъ туда! вздыхаетъ онъ. Хоть послушникомъ....

Заговорилъ я о томъ, какъ такіе молодые люди могутъ уходить въ скиты.

— Молодымъ очень полезно. Въ обители не спасешься. А тутъ они и не видятъ, и не слышатъ, и на сердце не приходитъ.

Тонъ у него грустный, очи долу. По худому лицу прошли какія-то страданія, оставивъ слѣдъ въ его тихой улыбкѣ и въ этомъ задумчивомъ взглядѣ печальныхъ глазъ. Говоритъ онъ едва слышно, медленно какъ-бы думая, стоитъ-ли говорить.

— Читаете-ли здѣсь что?

— Духовныхъ книгъ сколько угодно.... Времени нѣтъ.

Газеты запрещены. Журналы и вообще періодическія изданія доступны только «начальству» обители. Монаху не подобаетъ да

и работѣ газета мѣшаетъ. Къ старому тянуть начнетъ, если не совсѣмъ въ сердцѣ умерло.

И вглядываясь въ этого монаха, я думалъ: нѣтъ, старое совсѣмъ умереть не можетъ. Не даромъ человѣкъ бѣжитъ изъ обители въ скиты «чтобы на сердце не приходило». Пока закостенѣешь, сколько муки самой лютой примешь на себя. И хорошо, что не умираетъ старое. Хоть грусть о немъ да связываетъ человѣка съ жизнью, не вовсе дѣлаетъ его аскетомъ, трупомъ!

Я вошелъ на колокольню церкви. Видъ отсюда красоты изумительной. Цѣлое море лѣса кругомъ.... Шумятъ внизу его вершины. Точно плывешь надъ какими-то зелеными облаками. И не одинъ плывешь. Вонъ за нѣсколько верстъ бѣлый весь Валаамъ тоже плыветъ и тоже охваченный отовсюду зелеными облаками. Солнце ударило въ него. Весь засіялъ Валаамъ... Засвѣтился гдѣ-то далеко и золотой куполъ заброшеннаго въ лѣсное царство скита.... Хорошо дышется....Какъ-бы и жилось хорошо, если-бы....

— И на природу соблазняться грѣшно! слышится позади печальный голосъ.

— Какъ? Да вѣдь это твореніе Божіе....

— И женщина твореніе Божіе. Небомъ еще можно. Устреми въ него око твое и ищи знаменія! А эти лѣса да горы на землю тянутъ.... Мірскимъ вѣютъ. Какъ туманъ, отъ нихъ грѣховные помыслы идутъ. Особливо весной, какъ зацвѣтетъ да запахнетъ.... Голову кружитъ—слова молитвы на языкѣ останавливаются.... Одно спасеніе—въ церковь и ницъ. Господи помилуй, Господи помилуй, Господи помилуй! Сказываютъ далеко земли такія есть—море да камень. Зима десять мѣсяцевъ. Никакой травки.... Лишай одинъ по каменю, да мохъ гдѣ въ низинѣ. И небо точно грозное тамъ—все въ тучахъ. Вотъ-бы гдѣ обитель устроить. Гдѣ бы спасаться! хорошо!

Колодезь и здѣсь также изящный, обшитый тесанымъ гранитомъ. Онъ выбуренъ порохомъ въ камнѣ. Вода стоитъ «какъ въ кадкѣ». Колодцы всѣ вырылъ и устроилъ о. Дамаскинъ.... Онъ же и дерева насадилъ.... Кленъ передъ кельей строителя—точно круглое облако. Садъ тщательно содержится. Прибранъ весь. Тутъ «голая луда» была, земли навозили и развели «кущу». Подъ деревьями разчищено такъ, что упавшій съ вѣтви листокъ и тотъ уносится.

— Въ свободное время надъ садомъ больше работаемъ. Знаемъ, что игуменъ любилъ его, ну, такъ почитаючи его. Недавно пріѣхалъ сюда о. Дамаскинъ. Немощный уже. Ни рукой, ни ногой. Посмотрѣлъ на древа свои. Сказать ничего не можетъ, только слеза у него катится. Истинно премудрый старецъ былъ.

— Ну и Господь благословилъ его начинанія!

— Силу ему далъ, да творитъ во славу Его.

Въ кельѣ строителя портреты старцевъ, почему либо прославившихся въ этомъ скитѣ. Одинъ изъ нихъ, о. Афанасій, отличался чисто монашескими добродѣтелями: ненавидѣлъ людей, прятался отъ нихъ въ дебри лѣсныя, не принималъ посѣтителей, жилъ одинъ. Вѣки надвинулись на глаза, холодный взглядъ, жесткое лицо, сумрачное, ничего не обѣщающее. Былъ онъ тульскимъ оружейникомъ и постригся въ монашество въ 1821 году. Пройдя степени келаря, очереднаго чтеца въ скиту, потомъ онъ ушелъ въ пустыню, гдѣ и провелъ въ полномъ уединеніи двадцать долгихъ лѣтъ. Даже иноковъ онъ не принималъ въ свой срубъ. Когда ему говорили, что мірскому богомольцу бесѣда его принесла бы утѣшеніе, отшельникъ съ чисто монашескимъ эгоизмомъ отвѣчалъ:

— Я за нихъ Богу отвѣта не дамъ, а за себя непремѣнно истязанъ буду.

Пробовали его пронимать воспоминаніями дѣтства. Одинъ инокъ сталъ ему разсказывать о его родинѣ, Тулѣ, какія тамъ нынѣ широкія улицы, постройки прекрасныя и т. д.

— Братъ, скажи лучше, много-ли понадобится досокъ для моего гроба и великъ-ли холмъ земли подымется надъ моимъ прахомъ.

По поводу его кончины даже видѣнія были. Схимонаху Михаилу почудилось, что въ церкви собралось многое множество духовныхъ чудной красоты и въ дивныхъ свѣтлыхъ ризахъ. Они лобызали другъ друга и кланялись одному старцу, носившему на себѣ, на плечѣ, красную ленту съ бѣлыми цвѣтами. Когда же на другой день схимонахъ Михаилъ подошелъ проститься къ новопреставленному, то почувствовалъ во всемъ существѣ своемъ «неизъяснимую премѣну» и лобызалъ мертвеца «со сладостію». А то вотъ еще типъ монаха—Антоній изъ вольно-отпущенныхъ. Онъ провелъ въ пустынномъ уединеніи тридцать лѣтъ. Потомъ, игуменъ Варлаамъ перевелъ его въ обитель. Тутъ онъ все время отказывался отъ мантіи и ходилъ въ крашенинномъ подрясникѣ въ заплатахъ—за то что оставилъ «многолюбезную пустыню».

За трапезой, сидя въ отдаленіи одинъ, онъ всѣ кушанія смѣшивалъ въ одно общее мѣсиво и пожиралъ его, «лишая себя услажденія пищей». Еще рясофорный монахъ Ѳедоръ Косенковъ. Этотъ былъ секретаремъ при курскомъ губернаторѣ Веревкинѣ. Онъ вообще говорилъ слова «въ простотѣ сердца». За одно изъ такихъ Косенкова посадили въ холодную, гдѣ его стали ѣсть крысы. Испуганный онъ далъ обѣтъ постричься на Валаамѣ. Такъ и сдѣлалъ. Въ обители онъ былъ извѣстенъ тѣмъ, что никогда и никто на немъ улыбки не видалъ. «Постоянно бывало воздыхаетъ».... Схимникъ Ѳеоктистъ былъ инаго закала. Онъ никогда не омывался, почему тѣло его было въ язвахъ и распухшее. Ни язвы, ни недуговъ никогда не лечилъ и о нихъ никому не говорилъ. Также и Серафимъ тѣла своего не обмывалъ. Вслѣдствіе этого отъ плечъ и до пояса со спины его сошла вся кожа. Силой накладывали на его раны живительный пластырь, но, оставаясь одинъ, схимникъ сдиралъ его. Вся келья его была пропитана тяжелымъ запахомъ, но когда онъ умеръ, и келья, и тѣло его «источали благоуханіе, а язвы его ранъ благолѣпно покрыла тонкая кожица». Еще интереснѣе, хотя и въ томъ же родѣ, былъ о. Михаилъ. Онъ былъ въ Соловкахъ, любилъ уединенную жизнь, много лѣтъ провелъ въ пустынѣ, истязая себя жестоко, носилъ ветхое рубище, пищу употреблялъ суровую; когда она загнивала и покрывалась плѣсенью, схимонахъ говаривалъ:

— Ничего, что попортилась, все равно исполняетъ тѣлесную нужду.

Этотъ тоже, перейдя на Валаамъ, келью занялъ крошечную, никогда не позволялъ ее мыть и самъ не мылся. Духота у него была нестерпимая.

А то вотъ еще монахъ—Христа-ради юродивый Антонъ Ивановичъ. Этотъ такъ и являлся зимой и лѣтомъ въ одномъ рубищѣ. Принималъ все, что ему давали. Ѣлъ всякую гадость.

— Свиньѣ все годится, я съѣмъ, говорилъ онъ.

Іеромонахъ Никонъ, тотъ славился тѣмъ, что много лѣтъ подвизался въ пещерѣ, которую самъ вырылъ. Тамъ съ инокомъ поселились ужи и онъ вмѣстѣ съ ними пребывалъ въ вѣчной темнотѣ, неозаряемой ни солнцемъ, ни луною.

Когда мы плыли изъ большаго скита—на право выростали громадныя сѣрыя скалы. Мохъ по нимъ цѣплялся до самой воды.

Деревья едва держатся въ трещинахъ. Осока внизу густая, обильная. Монастырю и она нужна. Какъ ледъ станетъ, она надъ нимъ и остается. Ее косятъ на подстилку скоту. Уловы тутъ бываютъ большіе. Пуда по полтора заразъ попадаетъ въ неводъ, а то и по десяти пудовъ выволакиваютъ разной рыбы.

Заливъ едва вздымался... Точно онъ дышалъ полною грудью, но медленно, ровно, спокойно.

Отсюда опять каналъ. Его порохомъ вырвали въ сплошномъ гранитѣ, который приходилось бурить подъ водой. На верху набросили мостикъ для проѣзжей дороги. Теченіе тутъ сильное и оно быстро вынесло насъ къ обители....

— Ну, что, видѣли? встрѣтилъ меня о. Никандръ.

— Видѣлъ.

— И удивлялись, поди! Сколько вы земель объѣхали, но Валаамъ—въ лучшемъ видѣ!.. Схимниковъ нашихъ встрѣли? Красота духовная. И всѣ отъ разныхъ странъ и народовъ.... Иной разъ самъ человѣкъ не знаетъ, что его въ схиму обратитъ. Въ одномъ монастырѣ было: нѣкій легкомысленникъ просфоры съ образа у тетки укралъ, а Господь его за это въ схиму привелъ.

В. И. Немировичъ-Данченко.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Эспронседа.

Одинъ изъ замѣчательныхъ испанскихъ литературныхъ дѣятелей эпохи 1833—1843 г., — самаго блестящаго періода въ испанской литературѣ текущаго столѣтія,— одинъ изъ лучшихъ представителей этой эпохи—поэтъ донъ Хозе-де-Эспронседа. Онъ былъ глубоко проникнутъ тѣмъ страстнымъ чувствомъ, подъ вліяніемъ котораго Испанія того времени стряхнула съ себя тяжелыя узы абсолютизма и клерикализма, такъ долго ее угнетавшія. Эспронседа принадлежитъ къ школѣ Байрона, Леонарди, Альфреда де-Мюссэ и, въ полномъ смыслѣ слова, можетъ быть названъ поэтомъ нашего времени. Вопросы, занимавшіе его, еще и теперь живо затрогиваютъ насъ; его поэзія не есть неопредѣленная, безсодержательная, красивая мелодія звуковъ, подобно произведеніямъ большинства теперешнихъ испанскихъ поэтовъ, вдохновляющихся описаніемъ разныхъ незначительныхъ предметовъ, напр., встрѣчей въ церкви, боя быковъ, вызова на дуэль и т. п. Нѣтъ, Эспронседа захватываетъ глубоко нашу душу, онъ затрогиваетъ въ ней такія струны, которыя никогда не перестанутъ звучать. Стихъ его полонъ страстности, жизни и носитъ печать могучаго, энергичнаго, мужественнаго таланта. Правда, Эспронседа только скептикъ и не идетъ дальше отрицанія, но онъ умеръ такъ рано, что талантъ его не могъ еще достигнуть полной зрѣлости, а глубокое, страстное чувство не могло еще быть регулировано разсудкомъ. Эспронседа написалъ немного, но это немногое такія вещи, что пока испанскій языкъ будетъ звучать, стихотворенія Эспронседы никогда не потеряютъ своей цѣнности.

Донъ Хозе Эспронседа родился въ началѣ нынѣшняго столѣтія, въ то самое время, когда въ Испаніи, вслѣдствіе нашествія

французовъ, все встрепенулось и оживилось. Отецъ Эспронседы былъ полковникомъ и командовалъ въ войнѣ за независимость кавалерійскимъ отрядомъ въ провинціи Эстрамадурѣ. Жена его, слѣдовавшая за нимъ во всѣхъ трудныхъ переходахъ его отряда, должна была, наконецъ, остановиться въ городкѣ Альмендралехо, гдѣ и родился, весною 1810 г., Эспронседа, лучшій представитель испанской поэзіи XIX ст. Родившись во время войны за независимость, говоритъ Гюбаръ, авторъ «Исторіи современной испанской литературы», Эспронседа никогда не забывалъ этого и вся жизнь его была, такъ сказать, посвящена дѣлу освобожденія народовъ. По окончаніи войны, семейство Эспронседа поселилось въ Мадридѣ. Получивъ первоначальное образованіе дома, мальчикъ поступилъ въ только что открывшуюся тогда (въ 1821 г.) коллегію св. Матвѣя (San Mateo). Эта коллегія была организована нѣсколькими выдающимися педагогами съ цѣлью преподавать въ ней юношеству ученіе, пропитанное духомъ современности и болѣе разумное, чѣмъ прежнее, находившееся почти исключительно въ рукахъ католическаго духовенства и сильно отзывавшееся схоластикою. Аббатъ Листа, человѣкъ высокой честности и, вмѣстѣ съ тѣмъ, поэтъ, критикъ и ученый, игравшій видную роль въ дѣлѣ возрожденія Испаніи, былъ директоромъ этого заведенія и въ то же время преподавателемъ нѣсколькихъ предметовъ. Листа окружилъ себя плеядой молодыхъ людей, въ которыхъ онъ съумѣлъ возбудить самыя возвышенныя стремленія къ служенію родинѣ. Подъ его вліяніемъ и руководствомъ воспиталась бо̀льшая часть извѣстныхъ писателей той эпохи, а также и государственныхъ дѣятелей, игравшихъ не послѣднюю роль въ исторіи испанскаго парламентаризма.

Поэтическій талантъ Эспронседы проявился въ немъ очень рано. Первая его ода была написана по поводу народнаго движенія 7-го іюля 1824 г. и была одобрена Листою. Когда, вскорѣ послѣ того, обстоятельства заставили Листу закрыть основанную имъ коллегію San Mateo, онъ сталъ заниматься дома у себя съ нѣкоторыми изъ прежнихъ своихъ воспитанниковъ, которыхъ онъ считалъ особенно способными и обладавшими поэтическимъ талантомъ. Въ числѣ этихъ избранныхъ былъ и Эспронседа. Эти отборные ученики Листа, которымъ онъ помогалъ своими совѣтами и указаніями, составили въ томъ же 1824 г. нѣчто въ родѣ литературнаго общества, подъ названіемъ «Академіи мирта». Они не только занимались здѣсь вопросами литературы и кри-

тики, но и читали, и обсуждали собственныя свои произведенія. Будучи членомъ этого общества и развивая свой поэтическій талантъ, Эспронседа чувствовалъ вмѣстѣ съ тѣмъ влеченіе и къ политикѣ и уже 14-тилѣтнимъ юношею вступилъ въ ряды политическаго общества «Нумантиносъ»; но за это онъ вскорѣ, вмѣстѣ съ Вегою и другими своими товарищами, былъ удаленъ изъ Мадрида и приговоренъ къ заключенію въ монастырь въ городѣ Гвадалахарѣ, гдѣ въ то время жилъ его отецъ. Здѣсь, въ тишинѣ монастырской жизни, вдохновившись раннею эпохою испанской исторіи, Эспронседа принялся за писаніе поэмы, озаглавленной имъ «El Pelayo», основною мыслью которой, было нарисовать картину борьбы христіанской Испаніи противъ магометанъ-арабовъ. Авторъ «Pelayo» очень увлекался ширью контрастовъ, представляемой избраннымъ имъ сюжетомъ; двѣ различныя вѣры, двѣ цивилизаціи, два знамени: крестъ и луна. Поэма эта осталась неоконченною, хотя Эспронседа и послѣ, въ болѣе зрѣлые годы, имѣлъ намѣреніе возвратиться къ ней, увлекаясь красотою сюжета. Въ оставшихся отрывкахъ этой поэмы, напечатанныхъ въ собраніи его стихотвореній, есть прекрасныя страницы, какъ напр., «Картина голода», «Сонъ Родриго» и др.

Высидѣвъ въ монастырѣ опредѣленный срокъ заключенія, Эспронседа вернулся въ Мадридъ, но преслѣдованія подозрительной полиціи заставили его совсѣмъ удалиться изъ Испаніи. Онъ отправился сначала въ Гибралтаръ, а оттуда въ Лиссабонъ. Когда онъ подъѣзжалъ къ столицѣ Португаліи и расплатился за переѣздъ, у него осталось всего только денегъ два франка, которые онъ тутъ же и кинулъ въ воду, не желая «войти въ такую большую столицу съ такими небольшими деньгами». Но для такого человѣка, какъ Эспронседа, съ его энергіею, твердостью и молодостью, отсутствіе отца, крова и помощи дружеской руки не казалось еще особенно великимъ бѣдствіемъ. Въ Лиссабонѣ Эспронседѣ недолго пришлось оставаться: правительство Фердинанда VII не желало допустить, чтобы эмигранты были такъ близко отъ границъ Испаніи и находило возможность преслѣдовать ихъ и тутъ; результатомъ этихъ преслѣдованій было то, что Эспронседа и другіе эмигранты должны были удалиться изъ Португаліи и отправились въ болѣе гостепріимный Лондонъ. Здѣсь Эспронседа занялся изученіемъ Шекспира, Мильтона и Байрона; послѣдній произвелъ на него самое сильное вліяніе, что сказалось и въ его поэтическихъ произведеніяхъ. Между прочимъ, онъ

здѣсь написалъ прекрасное стихотвореніе «къ отчизнѣ», въ которомъ онъ, бѣдный изгнанникъ, осужденный издали смотрѣть на бѣдствія горячо любимаго отечества, въ глубоко прочувствованныхъ и сильныхъ стихахъ обращается къ милой родинѣ, горько сожалѣя о теперешнемъ ея малодушіи и безсиліи и напоминая ей былыя времена ея славы, силы и могущества, когда она владычествовала чуть ли не надъ цѣлымъ міромъ и предписывала законы другимъ народамъ. Приводимъ цѣликомъ это стихотвореніе:

Къ отечеству

(элегія).

Забыта, заброшена, словно въ пустынѣ
Лежишь ты, родная страна,
Ты долго надъ міромъ царила, а нынѣ
Унижена ты и бѣдна.
Изъ глазъ твоихъ слезы по блѣднымъ ланитамъ
Текутъ непрерывной струей;
На сердцѣ измученномъ, скорбью разбитомъ,
Унынье гнѣздится змѣей.
Смерть тьмою одѣла тебя непроглядной,
Покрыла покровомъ своимъ,
Съ зловѣщимъ весельемъ тиранъ безпощадный
Смѣется надъ горемъ твоимъ.
Тебя онъ несчастную, злобно терзая,
Дѣтей твоихъ лучшихъ губилъ.
Свободу и правду пятой попирая,
Кого нечестивецъ щадилъ?
О, братья товарищи! къ вамъ шлю воззванье
Печальнымъ стихомъ я своимъ,
Скажите: какое сравнится страданье
Съ мученіемъ горькимъ моимъ?
Я знаю, несчастный—скитаясь въ изгнаньи,
Что стонетъ отчизна въ цѣпяхъ,—
Что доблести прежней въ ней нѣтъ обаянья,
Что гибнетъ родная въ слезахъ.
Въ угоду тирану клевреты бездушно
Пронзили страдалицы грудь,
Покрыли позоромъ ее равнодушно,
Ей терньемъ осыпали путь.

Испанья объятья въ тоскѣ непритворной
Къ сынамъ простирала съ мольбой,
Они поднялись,—но змѣною черной
Расторгнутъ союзъ ихъ святой.
Гдѣ-жъ мечъ твой могучій, отчизна родная?
Гдѣ славныхъ героевъ ряды?
Гдѣ каменныхъ стѣнъ твоихъ броня тройная?
Увы! гдѣ свободы слѣды?
Искусно поставлены были ей сѣти,—
Не смѣвъ разорвать ихъ тогда,
Въ ярмо деспотизма впряглись твои дѣти,
Покрытые краской стыда.
А славой когда-то гремѣла Испанья,
Сверкала лучемъ золотымъ
Могущества, доблести, блескомъ сіянья,
На диво народамъ другимъ.
Какъ кедры Ливана, она упирала
Чело свое въ высь облаковъ;
Какъ громы пугаютъ дѣтей—устрашала
Такъ рѣчью своею враговъ.
Теперь-же лежитъ, словно камень въ пустынѣ,
Она одиноко,—сыны,
Въ защиту ей вставшіе, всѣ на чужбинѣ
Въ изгнаньи скитаться должны.
Величье и роскошь былыя покрыты
Травою забвенія, мхомъ—
Дни блеска, могущества, счастья—забыты,
Унынье, стонъ лишь кругомъ.
И носимъ на сердцѣ, горюя въ изгнаньи,
Все тѣ же мы думы свои:
Залечитъ кто раны тебѣ, о Испанья,
Кто слезы осушитъ твои?

Изъ Лондона Эспронседа вскорѣ переѣхалъ въ Парижъ. Тутъ онъ, въ 1830 году, дрался на баррикадахъ въ продолженіе трехъ іюльскихъ дней, затѣмъ сопровождалъ Шапалангарру въ его экспедиціи въ Пиринеи. Послѣ объявленія амнистіи Фердинандомъ VII, Эспронседа однимъ изъ первыхъ возвратился на родину и, благодаря своему знакомству съ тогдашнимъ министромъ Сеа-Бормудецъ, поступилъ въ королевскую гвардію. Но стихотвореніе

политическаго оттѣнка, прочитанное имъ на какомъ-то обѣдѣ, повело къ тому, что, по настоянію короля, Эспронседа былъ удаленъ изъ гвардіи. Будучи высланъ на жительство въ городъ Хуэльву, онъ сталъ здѣсь собирать матеріалы и печатать повѣсть подъ заглавіемъ «Санчо де Салданья». Послѣ 1833 г., когда можно было свободнѣе вздохнуть въ Испаніи, молодой поэтъ сдѣлался журналистомъ, однимъ изъ редакторовъ журнала «El siglo». Но вскорѣ журналъ этотъ былъ запрещенъ и сотрудники его разсѣялись въ разныя стороны. Въ движеніи 35 и 36 г.г. Эспронседа принималъ очень дѣятельное участіе. Однако возстаніе Ла-Гранха подѣйствовало на него весьма сильно и охладило его порывы. Но Эспронседа снова принимаетъ дѣятельное участіе въ движеніи 1840 г. Затѣмъ онъ является защитникомъ подвергшагося суду редактора журнала »El Huracan», и, благодаря его горячей и блистательной рѣчи, редакторъ выигралъ дѣло. Въ декабрѣ 1741 г. Эспронседа отправился въ Голландію секретаремъ испанскаго посольства. Но холодный, сырой климатъ этой страны и поѣздка туда въ суровое, зимнее время подѣйствовали очень вредно на его здоровье, уже и безъ того ослабѣвшее, вслѣдствіе бурной, полной разныхъ приключеній жизни. Хотя Эспронседа вскорѣ возвратился изъ Голландіи, будучи избранъ въ конгрессъ представителемъ города Аликанте; но, по возвращеніи въ Мадридъ, гдѣ онъ былъ встрѣченъ съ восторгомъ всею молодежью, онъ вскорѣ заболѣлъ острою горловою болѣзнью. 23 мая 1842 г., 32 лѣтъ отъ роду, умеръ этотъ талантливый испанскій поэтъ. Эта ранняя смерть огорчила всю Испанію.

Поэтъ, обладавшій замѣчательнымъ талантомъ, одаренный богатою фантазіею и изумительной силой выраженія, изяществомъ и красотою формы, Эспронседа отличался вмѣстѣ съ тѣмъ горячимъ энтузіазмомъ; онъ всегда стремился къ опасностямъ всякаго рода, онъ любилъ ихъ и безразсчетливо тратилъ себя на разныя рискованныя предпріятія. Подъ наружною личиною равнодушія и разочарованности у Эспронседы крылось доброе и любящее сердце. Гдѣ только могъ, онъ вездѣ помогалъ. Когда въ Мадридѣ свирѣпствовала холера, Эспронседа ухаживалъ за больными и утѣшалъ умирающихъ.

Приведенный нами краткій перечень главныхъ событій изъ жизни Эспронседы, заимствованный нами изъ біографіи предпосланной Антоніемъ Ферреръ-дель-Ріо собранію стихотвореній Эспронседы, даетъ лишь слабое понятіе о богатой приключеніями

и происшествіями жизни его. Эспронседой, обладавшимъ такою пылкою душою и страстною натурой увлекались почти всѣ женщины, даже самыя добродѣтельныя. Постоянная перемѣна мѣстопребыванія и окружающей среды, участіе въ войнѣ, въ рискованныхъ экспедиціяхъ, въ заговорахъ, безпорядочный образъ жизни, ночи, проведенныя за карточной игрою, въ оргіяхъ и пирушкахъ—все это, конечно, способствовало быстрому разрушенію здоровья поэта и свело его такъ преждевременно въ могилу.

Но небольшой сборникъ поэтическихъ произведеній Эспронседы останется навсегда драгоцѣннымъ перломъ въ сокровищницѣ испанской литературы. Въ лирическомъ отдѣлѣ его стихотвореній наиболѣе извѣстны слѣдующія: «*Пѣснь пирата*», въ которой ярко сказывается страсть Эспронседы ко всякаго рода опасностямъ и рискованнымъ предпріятіямъ и въ которой онъ, со всѣмъ могуществомъ своего таланта, рисуетъ человѣка, считающаго море своею отчизною, представляетъ блестящую картину жизни человѣка, поставленнаго внѣ законовъ и всякихъ узъ общества. «*Палачъ*», въ которомъ Эспронседа выражаетъ ту основную мысль, что негодованіе и презрѣніе, съ которымъ мы отворачиваемся отъ палача—этого исполнителя узаконенныхъ постановленій общества—справедливѣе было бы перенести на самое общество, узаконившее смертную казнь. Палачъ только орудіе общества и это послѣднее само ставитъ его въ тѣ ужасныя условія, въ которыхъ онъ находится, осуждаетъ его на его позорное ремесло, а потомъ съ омерзеніемъ и ужасомъ отрекается отъ него. «*Нищій*», въ которомъ прекрасными стихами изображенъ пролетарій, принимающій отъ всѣхъ подаянія, но не чувствующій за нихъ ни къ кому ни благодарности, ни любви,—онъ за полученную милостыню отплачиваетъ молитвою и считаетъ себя свободнымъ отъ всѣхъ другихъ обязательствъ, такъ какъ знаетъ что ближніе помогаютъ ему не изъ любви и состраданія, а только изъ страха наказанія. Не слѣдуетъ забывать, что родина этого нищаго яро-католическая Испанія. Несмотря на нѣкоторый цинизмъ его рѣчей, «Нищій» Эспронседы, этотъ образъ очерствѣлаго, ко всему безучастнаго, ко всему равнодушнаго, но гордо кутающагося въ свои лохмотья, пролетарія, все таки вызываетъ къ себѣ не отвращеніе, а глубокое состраданіе. «*Прощаніе греческаго патріота съ дочерью ренегата*», въ которомъ сказывается горячая любовь Эспронседы къ отечеству, «*Пѣснь козака*», «*Гимнъ къ солнцу*», «*Приговоренный къ смерти*» и нѣсколько

другихъ. Изъ упомянутыхъ стихотвореній приведемъ въ нашемъ переводѣ: «Палача» и «Прощаніе греческаго патріота съ дочерью отступника».

Палачъ.

Гонимый презрѣньемъ, проклятьемъ отмѣченъ,
Одинъ человѣчества грѣхъ я несу,
Преступные люди надменно кидаютъ
Въ меня все презрѣнье и ненависть всю.
Кровавыя муки,
Расправу и дикую месть свою дали
Они въ мои руки
И громко сказали:
«Пусть общій позоръ нашъ падетъ на него,
«Пусть будетъ отнынѣ онъ проклятъ во всемъ!
«Презрѣньемъ покрытое имя его
«И хлѣбъ, добываемый крови путемъ,
«Онъ сыну въ наслѣдство
«Пускай оставляетъ,
«Его наставляетъ
«Быть тѣмъ же, чѣмъ онъ».
И всѣ устранились,
Взваливъ на меня всѣ свои преступленья
И издали слушаютъ, безъ сожалѣнья
Мой плачъ и мой стонъ.

* *
*

А тотъ, кто на пытку и смерть осуждаетъ,
Того превозноситъ и чествуетъ свѣтъ....
Иль думаютъ люди, что чувства, быть можетъ,
Палачъ не имѣетъ, что сердца въ немъ нѣтъ?
Не знаютъ, что тоже
И онъ, какъ они, на себѣ отражаетъ
Твой образъ, о Боже!
Какъ звѣрю бросаетъ
Голодному, лютому, сторожъ живьемъ,
Въ желѣзную клѣтку, добычу порой,—
Бросаютъ такъ люди, въ бездушьи своемъ,
На смерть осужденнаго — мнѣ на убой!...
И всѣ неповинны!...
Одинъ я изъятье,

Одинъ я проклятье
Несу за все зло....
Смотрите, въ уплату
За казни мнѣ деньги въ лицо какъ швыряютъ!
Меня, всѣмъ имъ равнаго, какъ презираютъ
Они глубоко!

* *
*

Мученья, ужасныя пытки, рыданья
Страдальцевъ, ихъ крики, глухой трескъ костей —
И вопли, и стонъ, раздирающій душу,
Кровавые взмахи сѣкиры моей —
Все духъ возбуждаетъ
И дикимъ веселіемъ, злобнымъ, глубокимъ,
Мнѣ грудь наполняетъ.
Подъ взмахомъ жестокимъ,
Отъ плечъ отдѣлившись, на плахѣ летитъ
Когда голова, вся въ крови, а кругомъ
Толпа любопытныхъ стоитъ и дрожитъ —
Сіяю я гордо въ восторгѣ нѣмомъ.
Мнѣ злоба людей вѣдь
Всю грудь сожигаетъ,
Въ ней дышетъ, пылаетъ
Ихъ ненависть вся;
Жестокость ихъ сердца
Ко мнѣ перешла и, кровавое мщенье
Ихъ выполнивъ, ужасъ—и въ немъ наслажденье—
Испытывалъ я.

* *
*

Поднявшись надъ гордой, вельможною знатью,
Вездѣ попирающей дерзко законъ,
Палачъ съ королемъ всталъ на плаху и кровью
Державной обрызгалъ разрушенный тронъ.
И ею, ликуя,
Упился въ тотъ день, и въ веселіи шумномъ
Сіялъ, торжествуя,
Въ восторгѣ безумномъ.
Съ лица его ужаса мрачная тѣнь
Исчезла, явилась улыбка на немъ
И весь просвѣтлѣлъ онъ въ тотъ памятный день,
Глаза загорѣлись зловѣщимъ огнемъ:

Вѣдь самъ сталъ царить онъ,
Палачъ величавый!
Онъ местью кровавой,
Онъ злобой блисталъ!
Народъ, такъ высоко
Вознесшій, въ свирѣпомъ своемъ увлеченьи,
Его — въ немъ державца, властителя мщенья
Со страхомъ призналъ.

* *
*

И всюду въ исторіи мрачныхъ скрижаляхъ,
Написанныхъ кровію рокомъ, судьбой,
Стоитъ во весь ростъ изваянный мой образъ,
Преступнаго прошлаго отблескъ живой.
Вѣка за вѣками
Ужъ сотнями канули въ вѣчность, — а твердо
Онъ, злобы руками
Воздвигнутый гордо,
Позорный тотъ памятникъ — плаха стоитъ....
И тщетно, о люди! вашъ разумъ орломъ
Къ источнику свѣта стремится, летитъ:
Въ нашъ вѣкъ еще мыслимъ палачъ съ топоромъ!
О, каждая капля,
Пролитая мною,
Пусть ляжетъ горою
На совѣсть людей.
Да! все еще живъ я—
Преступныхъ, далекихъ временъ отраженье,
Повсюду влача за собою видѣнье
Кровавыхъ тѣней!

* *
*

О, сынъ мой, малютка мой бѣдный, несчастный,
Зачѣмъ ты родился на стыдъ и позоръ?...
Улыбкою ангела личико свѣтитъ,
Сіяетъ невинною кротостью взоръ....
Ахъ, сердце терзаешь
Мнѣ дѣтской ты прелестью, чистой и ясной;
Ты грудь разрываешь
Мнѣ мукой ужасной!...
Съ восторгомъ любви не гляди на него

Несчастная женщина, бѣдная мать!
Жалѣя дитя, задуши ты его,
И будетъ онъ счастливъ — не будетъ страдать:
Иль хочешь, чтобъ тоже
На путь мой неправый,
Позорный, кровавый
И сынъ нашъ вступилъ?
Чтобъ милый малютка
Невинный, прелестный, добру лишь доступный,
Какъ я — о проклятье!—презрѣнный, преступный,
На свѣтѣ прожилъ?

Кромѣ мелкихъ стихотвореній, Эспронседа написалъ три большія поэмы: «El Pelayo» (Пелай, сынъ герцога Фавила, избранный вождемъ горными жителями, возмутившимися противъ мавровъ, основатель перваго христіанскаго государства, Астурійскаго королевства), о которой мы уже говорили, и которая осталась неоконченной; «El Estudiante de Salamanca», (Саламанскій студентъ) самое удавшееся и совершенное произведеніе Эспронседы, по мнѣнію Эдгара Кинэ (Vacances en Espagne, p. 135), которое быстро проникло въ народъ и поется имъ на улицахъ и, наконецъ, поэма «El diablo mundo» (Міръ-сатана) къ сожалѣнію оставшаяся неоконченной по случаю смерти автора. Въ своемъ «Саламанскомъ студентѣ», (легендѣ, извѣстной всей Испаніи подъ названіемъ «El Estudiante Lizardo»), Эспронседа рисуетъ вѣрную картину того, до чего довелъ Испанію католицизмъ. Лицардо, своего рода Донъ-Жуанъ, встрѣчаетъ молодую женщину подъ густою вуалью; упорно и смѣло преслѣдуя ее, онъ наконецъ попадаетъ въ самую глубину ада. Здѣсь безстрашный кабальеро срываетъ вуаль женщины, за которою онъ послѣдовалъ сюда и видитъ предъ собою страшный скелетъ. Въ героѣ этой поэмы Лицардо или донъ-Феликсѣ де Монтемаръ многіе увидѣли портретъ самаго Эспронседы. Неоконченная поэма—осталось всего шесть пѣсенъ—«El diablo mundo», по своему замыслу и плану весьма грандіозна. Авторъ очевидно задумалъ изобразить въ ней цѣлую исторію человѣчества. Главный герой этой поэмы—нѣкто Адамъ-старецъ, вновь помолодѣвшій, въ родѣ Гётевскаго Фауста, съ тою только разницею, что онъ получаетъ даръ молодости и безсмертія безъ всякихъ условій и вмѣстѣ съ тѣмъ, душа его пріобрѣтаетъ снова невинность, непосредственность чувствъ и

ощущеній. Этому Адаму, съ душой младенца, приходится пройти черезъ весьма оригинальныя положенія среди разныхъ слоевъ живущихъ въ мірѣ людей. Въ прологѣ къ этой поэмѣ—въ фантастическомъ жанрѣ, это—верхъ совершенства—авторъ проявляетъ величайшее разнообразіе тона, чувствъ и версификаціи. Хотя поэма и не окончена, но въ написанныхъ шести пѣсняхъ проглядываетъ, среди цѣлой бури сомнѣній, преобладающая, основная мысль. Начинается поэма съ того, что поэтъ ночью, углубленный въ размышленія, слышитъ какой-то странный шумъ, какіе-то смутные и невѣдомые звуки, которые пробуждаютъ его. Въ этомъ шумѣ слились всѣ страсти, всѣ интересы жизни: дружба, ненависть, любовь, слава, богатство, всѣ добродѣтели и пороки. Но видѣнія исчезаютъ, шумъ утихаетъ и поэтъ въ первой пѣсни излагаетъ основные мотивы великой драмы, которую онъ предполагалъ развить въ такихъ широкихъ размѣрахъ.

Мы видимъ передъ собой человѣка, отягченнаго бременемъ годовъ, разочарованнаго тяжкимъ и безполезнымъ опытомъ жизни. Преисполненный горечи, сомнѣваясь во всемъ, ясно сознавая безсиліе даже науки—онъ съ отчаяніемъ закрываетъ книгу, которую онъ читалъ и засыпаетъ. Является смерть и поетъ ему гимнъ, приглашающій его къ отдохновенію, успокоенію, миру и тишинѣ могильной сѣни. Старикъ уже съ наслажденіемъ чувствуетъ, какъ всѣ его члены начинаютъ цѣпенѣть и умъ погружается въ сладкую летаргію, но вдругъ передъ нимъ предстаетъ сіяющій образъ безсмертія, и въ противоположность гимну смерти раздается гимнъ въ честь безсмертія, полный жизни и страсти. Выбрать смерть или безсмертіе предоставляется старику, который, не задумываясь, выбираетъ безсмертіе и вновь молодѣетъ. Въ гимнѣ безсмертію не говорится о безсмертіи духа, а рѣчь идетъ только о безсмертіи вещества и только это послѣднее предлагается старику и пріобрѣтается имъ.

Въ прекрасныхъ стихахъ Эспронседы смерть очень привлекательна, она является облеченною меланхолической, туманною красою; это сладостный, успокоивающій образъ, именно такое представленіе о смерти, что каждый готовъ будетъ пожелать ее, кто не видитъ уже себѣ цѣли въ жизни, чье сердце устало, чья душа недовольна. Вотъ этотъ отрывокъ:

Изъ бездны, покрытой глубокою ночью,
Туманною, черною, страшною мглой,

Гдѣ тишь и молчанье ничто не нарушитъ,
Гдѣ вѣчно царитъ непробудный покой,
Встаетъ съ тихой жалостью, съ грустью во взглядѣ,
Прозрачною дымкой окутанъ кругомъ,
Туманнаго призрака обликъ неясный
Видѣніе женщины съ блѣднымъ лицомъ.
Несутся по воздуху дивные звуки
И сладостный голосъ внезапно занѣлъ,
Для слуха неслышно, лишь сердцу понятно
Напѣвъ тотъ сребристой струною звенѣлъ:

«Не страшися, слабый смертный,
Темноты кругомъ меня,
Сладкій отдыхъ забытья
На моей груди найдешь ты,
Успокою я тебя.
Милосердая, дарую
Людямъ тихій я пріютъ,
Гдѣ печали не живутъ,
Гдѣ вдали отъ шума міра
Безъ слѣда онѣ замрутъ.

* *
*

Я средь жизненнаго моря
Островъ отдыха. Въ конецъ
Утомившійся пловецъ
Тутъ грозу минувшей бури
Забываетъ наконецъ.
Тутъ ко сну манитъ прохлада
Молчаливыхъ, ясныхъ водъ
Легкій вѣтера налетъ
Тихо тутъ порхая, пѣсню
Колыбельную поетъ.

* *
*

Я плакучей ивы образъ —
Надъ страдальческимъ челомъ
Тѣнью сумрачной кругомъ
Наклоняю грустно вѣтви
Съ внизъ поникнувшимъ лицомъ.
Усыпляю сномъ глубокимъ,

И уснувшему на вѣкъ
Тихій я даю ночлегъ:
Спитъ подъ крыльями забвенья
Здѣсь спокойно человѣкъ.

* *
*

Я послѣдней страсти жрица,
Сбросивъ съ плечъ своихъ покровъ,
Безъ печали и шиповъ
Для любви изготовляю
Ложе сна среди цвѣтовъ.
Жгучей нѣгою желанья
Пыломъ счастья не горю,
Но за то любовь мою
Безъ обмана и измѣны
Я навѣки отдаю.

* *
*

Предо мной наука молкнетъ,
Предо мной сомнѣній гласъ
Утихаетъ—и какъ разъ,
Тотчасъ правдѣ обучаю
Ясной, голой, безъ прикрасъ.
Тайну жизни, тайну смерти,
Знанья всякаго вѣнецъ
Здѣсь коснется лишь мудрецъ,
Для него когда открою
Въ вѣчность дверь я, наконецъ.

* *
*

Приходи въ мои объятья,
Мнѣ на грудь склонись главой,
Отдыхъ долгій, вѣковой
У меня найдешь ты, кончивъ
Подвигъ жизни трудовой.
Приходи, постель готова —
Сладко ты заснешь на ней
Подъ охраною моей—
Словно мать любовью нѣжной
Окружу тебя своей.

* *
*

Пусть бросаются другіе
Безбоязненно впередъ
Въ жизненный водоворотъ,
Гдѣ обманчивой волною
Ихъ въ глубь бездны унесетъ.
Въ жизни все вѣдь ложь, все призракъ:
Громогласный гулъ побѣдъ,
Быстротечной славы свѣтъ,
Блескъ надежды лучезарный
И любви безумный бредъ!

* *
*

Я неслышною рукою
Прикоснусь къ твоимъ очамъ,
И тогда уже слезамъ,
Полнымъ горести и муки,
Не струиться по щекамъ;
Наболѣвшую я душу
Сладкимъ ядомъ оболью,
Всѣ страданія уйму,
Лишь въ груди біенье сердца
Я на вѣкъ остановлю.

Но на блѣдномъ горизонтѣ смерти, какъ мы уже говорили, тотчасъ же во слѣдъ является безсмертіе со всѣмъ блескомъ сіяющаго своего великолѣпія. Здѣсь Эспронседа расточаетъ такое обиліе красокъ, богатство картинъ и образовъ, такую роскошь выразительности, умѣнья и мысли, что это прекрасное описаніе одно изъ самыхъ удавшихся мѣстъ всей поэмы. Мы же ограничимся лишь переводомъ гимна въ честь безсмертія, раздающагося надъ всѣмъ этимъ разновиднымъ и разнообразнымъ великолѣпіемъ, надъ безконечнымъ гуломъ кругомъ, ликованьемъ и т. д. Вотъ этотъ гимнъ:

«Слава тебѣ, животворное пламя,
Неистощимое жизни зерно,
Творческой силы побѣдное знамя,
Въ цѣпи творенья златое звено!

* *
*

Пламенемъ вѣчнымъ ты солнце питаешь,
Небо обводишь лазурью кругомъ,
Розовымъ блескомъ зарю украшаешь,
Въ сумракѣ мѣсяцъ даришь серебромъ.

* *
*

Эхо даешь ты дремучему бору,
Зелени роскошь его деревамъ,
Ревъ урагана морскому простору,
Говоръ сребристый студенымъ ключамъ.

* *
*

Ты ароматы въ цвѣты наливаешь,
Въ каждой росинкѣ огонь твой блеститъ,
Въ шепотѣ вѣтра ты тихо вздыхаешь,
Въ грохотѣ бури твой голосъ звучитъ.

* *
*

Въ нѣдрахъ глубокихъ земли всѣ металлы
Ты разливаешь могучей рукой —
Жемчугу блескъ ты даешь и кораллы
Ты насаждаешь въ пучинѣ морской.

* *
*

Черною мантіей ты разстилаешь
По небу тучи и въ вихрѣ летишь,
Воздухъ дыханьемъ своимъ наполняешь,
Въ яркомъ сіяніи молній горишь.

* *
*

«Ты тотъ рычагъ, что вкругъ оси незримой
Всѣ заставляешь вращаться міры,
Юности вѣчной и неуловимой
Щедрой рукой раздаешь ты дары».

Конечно, слабый переводъ нашъ не можетъ дать должнаго понятія о всѣхъ достоинствахъ поэтическихъ произведеній Эспронседы, но, по крайней мѣрѣ, читатель хоть отчасти познакомится съ этимъ выдающимся испанскимъ поэтомъ.

М. Ватсонъ.

ПОДСѢЧНОЕ ХОЗЯЙСТВО,

или

ЗЕМСТВО СТРОИТЪ ЖЕЛѢЗНУЮ ДОРОГУ!

Глава IV.

Разговоръ полицеймейстера съ хорошенькой дамочкой и разговоръ пьяной компаніи въ трактирѣ.—Скандалъ, кончившійся благополучно.

I.

Едва полицеймейстеръ постучался въ дверь квартиры пристава мироваго съѣзда Ахнева, какъ почти тотчасъ же за дверью раздался сильный топотъ. Полицеймейстеръ, думая, что это спѣшитъ прислуга отворить дверь, пересталъ стучать и сталъ противъ дверей. Но едва онъ сдѣлалъ это, какъ дверь быстро отворилась, и молодой мужчина, въ фуражкѣ съ кокардой и въ пальто, стремглавъ выскочилъ на улицу и такъ сильно всею своею массою столкнулся съ полицеймейстеромъ, что послѣдній далеко отлетѣлъ въ сторону и едва удержался на ногахъ. Онъ уже хотѣлъ было начать кричать «караулъ!», но, вспомнивъ о свисткѣ въ карманѣ, торопливо вынулъ его и засвисталъ въ него пронзительно и долго. Онъ пересталъ только тогда свистать, когда немного успокоился, а успокоился онъ тогда, когда прибѣжавшій будочникъ крикнулъ надъ самымъ ухомъ полицеймейстера:—Чего изволите, ваше благородіе? Полицеймейстеръ осмотрѣлся кругомъ. Виновника толчка и слѣдъ простылъ, и только отворенная дверь въ квартиру Ахнева какъ бы указывала на нить къ его открытію.

— Ступай туда, указывая на домъ, сказалъ полицеймейстеръ,—и скажи, что я желаю видѣть пристава.

— Слушаю-съ, ваше благородіе, отвѣтилъ будочникъ, направляясь въ дверь.

— Кажись, это онъ самъ убѣжалъ, какъ очумѣлый? думалъ полицеймейстеръ, по уходѣ городоваго. Ночь свѣтлая, за сто шаговъ узнать можно, но онъ, проклятый, выскочилъ какъ оглашенный и прямо въ грудь.... А, сто чертей, тебѣ лѣшему.... Ажъ искры изъ глазъ посыпались!... Но мелькомъ замѣтилъ, что, какъ будто, онъ.... Чувствую боль въ груди, проклятый!... Но куда его чертъ несъ, какъ угорѣлаго?....

— Пристава нѣту-ти дома, ваше высокоблагородіе, отрапортовалъ будочникъ.

— Такъ и зналъ.... Но куда и на какого лѣшаго онъ удралъ, какъ оглашенный? громко думалъ полицеймейстеръ.

— Не могу знать, ваше благородіе, отвѣтилъ за него будочникъ.

— Не съ тобой говорятъ! сердито крикнулъ полицеймейстеръ. Ступай, спроси, дома-ли барыня, и можно-ли къ ней зайти?

— Слушаю-съ, ваше благородіе.... Горничная сказывала, что онѣ плакать изволятъ, уходя, сказалъ будочникъ.

— Драка, что-ли, у нихъ была? Ну, да, отъ драки и убѣжалъ, какъ очумѣлый.... Тьфу, сто болячекъ тебѣ проклятому! прикладывая руку къ груди, громко и сердито говорилъ полицеймейстеръ....

— Просятъ, ваше благородіе, пожаловать.... въ горницу изволятъ просить, сказалъ возвратившійся будочникъ.

— Ступай на мѣсто! сердито сказалъ полицеймейстеръ, входя въ дверь.

Въ небольшой комнатѣ, съ тремя окнами на улицу, съ обстановкой залы и вмѣстѣ гостинной, съ новой и небѣдной мебелью, съ цвѣтами на окнахъ и съ красивой лампой на столѣ у дивана,—на диванѣ сидѣла женщина лѣтъ двадцати, въ чистенькомъ, голубенькомъ ситцевомъ платьѣ. Она была недурненькая блондинка, съ маленькимъ и вздернутымъ къ верху носикомъ, съ пухленькими и румяными щечками и губками, и съ небольшими голубенькими глазками, которые свѣтились уже черезъчуръ мягко и нѣжно. Она, при входѣ полицеймейстера, держала носовой платокъ у глазъ.

— Что это? Да вы никакъ плачете? Что съ вами, дорогая Анна Павловна? Здравствуйте!... говорилъ полицеймейстеръ, подходя къ сидѣвшей на диванѣ женщинѣ. Онъ взялъ ея руку

съ платкомъ, бережно отвелъ ее отъ глазъ и, держа въ своей рукѣ, сѣлъ на кресло, стоявшее рядомъ съ диваномъ.

— Я умру, Филаретъ Пупліевичъ, всхлипывая, заговорила женщина немного пискливымъ голосомъ. Несчастье за несчастьемъ обрушиваются на меня!... Я не переживу всего этого.... Это свыше моихъ силъ!... и она отняла свою руку съ платочкомъ изъ руки полицеймейстера и опять приложила платочекъ къ глазамъ.

— Какъ это можно умереть такой хорошенькой, такой миленькой барынькѣ! взявъ ея другую руку, заговорилъ полицеймейстеръ, причемъ голосъ его былъ нѣженъ и немного пискливъ, малымъ чѣмъ отличаясь отъ голоса женщины. Этого позволить никакъ нельзя! За это нашего брата въ отставку! Какъ, скажетъ губернаторъ, ты, полицеймейстеръ, допустилъ у себя въ городѣ умереть такой молодой и хорошенькой барынькѣ! А что я ему скажу? Скажу, что ничего не зналъ. А онъ меня за это въ отставку! Въ отставку безъ пенсіона! А у меня семейство!... Нѣтъ, вы не умирайте, Анна Павловна, вы меня пожалѣйте.... Вы мнѣ скажите, въ чемъ ваша печаль?.... Я, навѣрно, какъ рукой сниму ее....

— Какой вы добрый, немного успокоясь, отвѣтила Анна Павловна. Какъ вы славно говорите!... Но вы не успокоите меня.... Разбита вся жизнь! Нѣтъ цѣли жизни!... и она вздыхала, но уже не плакала и только жала въ рукѣ платочекъ.

— Да вы разскажите по порядку, милѣйшая Анна Павловна! Успокойтесь, да и разскажите подробно, подробно, чтобы понятно было. А ужъ я, какъ только пойму, такъ и успокою. Ей-ей, успокою! Полиція не шутитъ! болѣе громко сказалъ полицеймейстеръ.

— Длинно, длинно разсказывать, Филаретъ Пупліевичъ.... О послѣднемъ нашемъ несчастьѣ вы, навѣрно, уже слыхали.... Весь городъ знаетъ!... и она опять приложила платокъ къ глазамъ.

— Да вы успокойтесь, Анна Павловна. Не такой страшный чертъ, какъ его рисуютъ! Добрые люди всякой бѣдѣ помочь могутъ! Вы только имъ разскажите бѣду, да попонятнѣе....

— Не записалъ въ опись лошадей, золотыхъ вещей, стараго вина! съ ужасомъ сказала Анна Павловна.

— И прекрасно! Это бываетъ. Отъ этого пока умирать не для чего....

— Но объ этомъ говоритъ весь городъ! Пріѣзжаютъ ко мнѣ узнавать!... Охаютъ, жалѣютъ!... Но каково мнѣ! Какъ мнѣ переносить все это!... Нѣтъ, я не переживу.... Его подъ судъ отдадутъ, сошлютъ въ дальнія губерніи, это выше моихъ силъ, уже совсѣмъ плаксиво говорила Анна Павловна.

— И не сошлютъ, и не умрете, и все, Богъ дастъ, кончится благополучно. За это дѣло не только не сошлютъ вашего супруга, но еще начальство окажетъ ему нѣкоторое покровительство.

— Я васъ не понимаю.... Вы шутите?... серьезно спросила Анна Павловна, причемъ на ея глазахъ не было и признаковъ слезъ.

— Наисовершеннѣйшую правду говорю. Съ полиціей не шутятъ, а полиція и подавно шутить не любитъ!... Дѣло въ томъ, милѣйшая Анна Павловна, что его превосходительство, губернаторъ, сегодня изволилъ говорить мнѣ, что до него дошелъ слухъ, будто вашъ супругъ дѣйствовалъ по подговору, даже по приказанію другихъ.... Ну, а чай, и вы знаете, что въ подговорщикѣ — вся вина. Подговариваемый и совсѣмъ правъ, если онъ состоитъ въ служебной зависимости отъ подговорщика.... Я вамъ прямо скажу, что если слухъ, дошедшій до его превосходительства, справедливъ, такъ ваше горе—наплевать, тьфу!

— Но я ничего не знаю, ничего не понимаю! Кто подговаривалъ и можно-ли доказать? серьезно и какъ бы сама себя спрашивала Анна Павловна, хотя глаза ея умоляюще смотрѣли на полицеймейстера.

— Я вамъ все разъясню, милѣйшая Анна Павловна.... Только вы слушайте внимательно, потому что вамъ нужно будетъ разъяснить все это муженьку. Правду, молъ, скрывать нечего, своя, молъ, рубашка ближе къ тѣлу....

— Я васъ слушаю, Филаретъ Пупліевичъ, нетерпѣливо, но умоляющимъ голосомъ сказала Анна Павловна.

— До губернатора дошелъ слухъ, внушительно и протяжно началъ полицеймейстеръ,—что почетный мировой судья, князь Король-Кречетовъ подговаривалъ....

— Это такой не очень красивый, но богатый и молодой? перебила полицеймейстера Анна Павловна.

— Вотъ, вотъ, онъ самый.... Такъ говорятъ, что вотъ этотъ самый, молодой, богатый и неженатый князь, подговаривалъ вашего муженька не вносить въ опись старой водки и другихъ

разныхъ рѣдкостныхъ вещей. Вы, говоритъ, господинъ приставъ, не вносите въ опись старой водки и рѣдкостныхъ вещей, а препроводите ихъ ко мнѣ; а себѣ, говоритъ, препроводите лошадей, экипажъ и тамъ еще кое-что, что найдете подходящимъ.... Ну, супругъ вашъ, какъ молодой и неопытный, и повѣрилъ. Да и какъ не повѣрить почетному мировому судьѣ, богатому помѣщику, и притомъ князю?...

— Но правда-ли это? удивленно спросила Анна Павловна.

— Говорятъ, многіе говорятъ!... Говорятъ, что и свидѣтели есть, какъ вашъ мужъ отправлялъ старую водку и древности разныя къ князю.... Словомъ, говорятъ, что это правда, что подговоръ былъ.... А коли правда, такъ вашъ муженекъ не при чемъ, а виноватъ во всемъ князь.... Такъ думаетъ и его превосходительство и говоритъ, что если подговоръ есть, то онъ, губернаторъ, вашего супруга, какъ вѣрнаго исполнителя чужихъ, хотя и злыхъ, распоряженій, возьметъ подъ свое покровительство.

— Такъ-то, милѣйшая барынька, впадая въ игривый тонъ, продолжалъ полицеймейстеръ, печалиться вамъ и нечего. Подъ покровительствомъ его превосходительства будете.... А вы ужъ тогда и меня не забудьте: замолвите вашими хорошенькими губками за меня словечко его превосходительству.

— Да правда-ли это, Филаретъ Пупліевичъ? спросила Анна Павловна, нѣжно смотря на полицеймейстера.

— Правда, правда сущая! Съ полиціей не шутятъ!...

— Князь такъ богатъ,—онъ бы могъ купить водку и древности, въ раздумьи какъ бы сама себѣ сказала Анна Павловна.

— Когда бы то онѣ еще продавались, а ему сейчасъ захотѣлось.... Да вы, Анна Павловна, вѣрно, не знаете, что старую водку любители на вѣсъ золота покупаютъ, да и то въ продажѣ ея нѣтъ. Тоже и съ древностями, антиками называются. Эти антики любители готовы воровать одинъ у другаго, даже убиваютъ на смерть другъ друга! Да-съ, объ этомъ даже романы есть очень интересные.... Ну, а князь Кречетовъ большой любитель.... Какъ ему не любить — богатъ, князь, не женатъ, молодъ!...

— Можетъ, это и правда.... Я ничего объ этомъ не знала.... Нѣтъ, это вы все смѣетесь, Филаретъ Пупліевичъ? желая вѣрить въ правду его словъ и узнать отъ него подробности, вопросительно и удивленно сказала она.

— Полиція не шутитъ! очень внушительно замѣтилъ полицеймейстеръ.

— Но, почему онъ самъ ничего не говорилъ? Объ томъ говорилъ, а объ этомъ нѣтъ!

— А можетъ онъ утаилъ отъ васъ? закуривая отъ лампы папиросу, равнодушно сказалъ полицеймейстеръ.

— Ахъ, правда, правда!... Все можетъ быть. Прежде бы онъ не утаилъ, а теперь.... она опять прижала платокъ къ глазамъ. Вѣдь онъ пересталъ меня любить, Филаретъ Пупліевичъ!... Прежде, въ первый годъ нашего замужества, онъ во мнѣ души не чаялъ.... Самъ учился держать экзаменъ, мнѣ книжки читалъ.... А потомъ.... Вѣдь онъ нѣсколько разъ не ночевалъ дома! Приходилъ пьяный! Онъ пересталъ меня любить!... Можетъ и правда, что его подговорили? уже спокойно, какъ бы жалуясь полицеймейстеру, закончила она.

— Пустяки, барыня! Перемелется,—мука будетъ! затягиваясь папиросой и откинувшись на спинку кресла, равнодушно говорилъ полицеймейстеръ.

— А вы вотъ что сдѣлайте! Я вамъ отъ души желаю добра, Анна Павловна, и совѣтую для вашей пользы, потому мнѣ жаль, когда такая, какъ вы, молодая, красивая и добрая барыня, терпитъ горе и нужду.

— Благодарю васъ! Я вамъ вѣрю, Филаретъ Пупліевичъ, нѣжно и отъ души сказала Анна Павловна.

— Вы его приласкайте. Скажите: прошлое, молъ, забыто. Твоя-де бѣда, исторія эта, заставила меня все думать о тебѣ. Сперва-де ненавидѣть тебя хотѣла, бросить,—да не смогла. Люблю, молъ, тебя, въ Сибирь съ тобой пойду.... Онъ и раскроетъ вамъ душу. А вы ему слухъ про Кречетова и подпустите, да потомъ и обдумайте вмѣстѣ, какъ дѣло повести, чтобы и оправдаться, и ласку его превосходительства заслужить.

— Какой вы добрый, Филаретъ Пупліевичъ!

— А зачѣмъ быть злымъ? Ласковое телятце двухъ матокъ сосетъ. Вотъ и вы ласкою, да любовью его пройдите. Я это потому говорю, что на самомъ себѣ испыталъ, какъ ласкою да любовью такъ и этакъ можетъ ворочать нашего брата такая красивая барынька, какъ вы. Женская любовь при красотѣ — бѣдовое дѣло, Анна Павловна! вздохнувъ и показывая руками, какъ хорошенькая барынька, вотъ такъ и этакъ можетъ ворочать нашего брата, серьезно сказалъ полицеймейстеръ.

— Вы, мужчины, это все комплименты намъ говорите, уже улыбнувшись, сказала она.

— Нельзя и безъ комплиментовъ, особенно молодому человѣку. А намъ, старикамъ, есть о чемъ поговорить, кромѣ комплиментовъ. Комплименты эти сорвутся съ языка развѣ невзначай. Заговоритъ ретивое сердечко, застучитъ немножко посильнѣе,— ну, и вырвется съ языка комплиментъ.

— Ахъ, какой вы добрый, Филаретъ Пупліевичъ! Я скоро пожалѣю, что не пошла замужъ за пожилаго мужчину... Они такъ умѣютъ ласкать, нѣжить и дорожить женами!

— Этого жалѣть нечего. Стоитъ вамъ захотѣть,— и не то что я, а самъ губернаторъ будетъ у васъ ручки цѣловать. Хе, хе, хе! потирая руки, шутилъ полицеймейстеръ.

— Въ самомъ дѣлѣ? Ха, ха, ха! Онъ очень красивый, серьезный мущина... Но я такъ люблю мужа, грозя на полицеймейстера пальчикомъ, бойко говорила Анна Павловна.— Нѣтъ, вы мнѣ не говорите подобныхъ вещей!

— Я только къ слову, Анна Павловна. Мужа любить нужно, и Богъ, и законъ это приказываютъ, но мужа хорошаго. А за что мужа любить, если онъ не захочетъ себя избавить отъ наказанія, а жену отъ позора, если онъ не ночуетъ дома, если онъ пьянствуетъ? Такого мужа любить нельзя. Мужъ долженъ доставлять женѣ и приличное званію одѣяніе, и развлеченія разныя, не часто, а такъ въ мѣсяцъ разъ, другой: театръ, благородное собраніе, хорошее знакомство... и прочее тому подобное.

— Да, онъ не любитъ меня, и я не знаю, за что люблю его. Онъ такой умный, такъ хорошо говоритъ, могъ бы, какъ и другіе, доставлять удовольствія женѣ, если бы любилъ меня, опять жалобно говорила она.

— А вотъ вы его испытайте. И если онъ не захочетъ и себѣ, и вамъ сдѣлать добра, такъ скажите ему дурака и не любите больше. Что вамъ морить себя? Вы тогда мнѣ скажите, а ужъ я вамъ устрою...

— Благодарю васъ, подавая руку и съ чувствомъ сказала Анна Павловна.—Вы бы съ нимъ сами переговорили, Филаретъ Пупліевичъ, просящимъ голосомъ закончила она, немного помолчавъ.

— Послѣ васъ, послѣ васъ поговорю. Вы передадите мнѣ, какъ онъ приметъ разговоръ о Кречетовѣ, а тогда и я поговорю... А теперь, вы меня извините, долженъ васъ покинуть.

Очень радъ, если успокоилъ васъ, милѣйшая Анна Павловна, но далѣе оставаться, чтобы вамъ не было скучно, не могу: долгъ службы. Полиція не шутитъ!... До пріятнаго свиданія, покойнѣйшей ночи, подавая руку и цѣлуя ея руку, говорилъ полицеймейстеръ.

Она просила его навѣщать чаще ее, обѣщала скоро увѣдомить его о разговорѣ съ мужемъ и поцѣловала его въ голову. А когда полицеймейстеръ ушелъ, она прошлась по комнатѣ, посмотрѣлась въ зеркало, улыбнулась и сказала:

— Ахъ, какой добрый Филаретъ Пупліевичъ!...

II.

А Филаретъ Пупліевичъ, тихо идя по улицѣ, думалъ:—И отъ чего это, я такъ бойко могу разговаривать и съ хорошенькой, молоденькой барынькой, и съ аристократомъ помѣщикомъ, и съ толстопузымъ плутомъ-хитрецомъ купцомъ, и съ дуракомъ себѣ-на-умѣ мужикомъ, а не могу только, какъ слѣдуетъ, разговаривать съ его превосходительствомъ? Вотъ, сейчасъ, какъ толково и убѣдительно говорилъ, а у его превосходительства трушу... Дѣло выгоритъ, навѣрное, выгоритъ! И антики, и романъ объ нихъ, и все прочее подпустилъ, шельмецъ!... А его превосходительства трушу.... Никакъ въ «Англіи» огонь? спросилъ онъ самъ себя, проходя мимо лучшаго ресторана въ городѣ.— Зайти развѣ выпить рюмку очищенной?...

Онъ зашелъ... Въ залѣ никого не было, и лампа тускло горѣла. За буфетомъ дремала дѣвушка, дочь хозяина ресторана, чистенько одѣтая, но уже немолодая и некрасивая.

— А что, если я возьму да поцѣлую, — испужаетесь? говорилъ полицеймейстеръ, трогая дѣвушку. Дѣвушка, нехотя, встала, хотѣла зѣвнуть, но, разглядѣвъ полицеймейстера,— улыбнулась.

— Скажите, Таня, когда мужчина цѣлуетъ спящую дѣвушку, что ей тогда снится? Чай, сладкій сонъ? А?

— Я не знаю, смѣясь, отвѣтила дѣвушка.

— Мнѣ сказать можно: съ полиціей не шутятъ! Налейте-ка мнѣ рюмку очищенной, да бутербродъ приготовьте, знаете, хозяйственный.

— Знаю, Филаретъ Пупліевичъ!

Дѣвушка перерѣзала пополамъ въ длину пятикопѣечный хлѣбъ, намазала щедро обѣ половинки масломъ, наклала на нихъ густо

колбасы съ языкомъ и обѣ половинки, поверхъ колбасы съ языкомъ, толсто вымазала горчицей и, не скупясь, посыпала солью. Полицеймейстеръ въ это время тихо прошелъ залу, поводилъ глазами вокругъ нея, прошелъ по бильярдной и, когда спящій, сидя, маркеръ вскочилъ, ласково сказалъ ему:

— Можешь спать, любезный.

— Виноватъ, Филаретъ Пупліевичъ. Публики нѣтъ,—вздремнулось.

— Это ничего. При публикѣ—чтобы ухо востро было, а безъ публики вздремнуть можно. Съ полиціей не шутятъ! уходя, самодовольно улыбаясь и грозя на маркера пальцемъ, сказалъ полицеймейстеръ.

— Слушаю-съ, Филаретъ Пупліевичъ, серьезно отвѣтилъ маркеръ.

Возвратясь въ буфетъ, полицеймейстеръ залпомъ выпилъ рюмку водки.

— Это, Таня, по пожарному такъ пьютъ, сказалъ онъ, и началъ есть бутербродъ. Его большіе бѣлые зубы ловко откусывали куски бутерброда, а губы, бойко возясь одна объ другую, утирали и усы, и сами себя отъ прилипавшей къ нимъ горчицы.

— Скучаете, Таня, по театру? Театра нѣтъ,—и публики нѣтъ? скучно? спрашивалъ полицеймейстеръ во время ѣды.

— Да-съ. Безъ театра въ это время гости рѣдко бываютъ. Не закрываемъ только по положенію, отвѣтила дѣвушка.

— Такъ, такъ. Положеніе соблюдать слѣдуетъ,—съ полиціей не шутятъ!... А теперь пропустимъ по вашему, по купечески, и, когда дѣвушка налила вторую рюмку, онъ выпилъ ее медленно, закрывъ глаза и искрививъ лицо. Дѣвушка улыбалась.

— А что, Таня, инженеры по старому хорошо поддерживаютъ торговлю? доѣдая бутербродъ, спрашивалъ полицеймейстеръ.

— По старому. Инженеры, да подрядчики.

— Ну, а чиновники? Съ нихъ—какъ отъ козла молока?

— Отъ нихъ только шумъ одинъ. Степенные по гостинницамъ не ходятъ, одна только мелкота шары катаетъ. Придутъ, напившись, да нашумятъ.

— Такъ, такъ. Теперь бутылочку пивца, Таня, окончивъ бутербродъ, говорилъ полицеймейстеръ.—Но шумятъ тихо? Хохотъ, смѣхъ и больше ничего?

— Дерутся рѣдко,—другъ дружку унимаютъ. Если сильно напившись, такъ и ко мнѣ лѣзутъ.

— Ну, изрѣдка нельзя, чтобы не—того и тѣмъ болѣе выпивши. А вы мнѣ, Таня, всегда всю правду, какъ передъ Богомъ! Слышите? Съ полиціей не шутятъ! выпивъ полкружки пива и грозя пальцемъ, серьезно говорилъ полицеймейстеръ.

— Я вамъ, Филаретъ Пупліевичъ, всегда могу, какъ отцу, правду говорить...

— Вы, Таня, обратите особенное вниманіе на одного пріѣзжаго. Лѣтъ этакъ подъ двадцать шесть, темноватый и смотритъ во всѣ глаза, а, кажется, изъ подлобья, по волчьи, понимаете?

— Угадаю. А какъ ихняя фамилія?

— Фамилія — Могутовъ, Гордій, Петровъ сынъ. Когда придетъ,—глазъ не спускать и все подробно запомнить и мнѣ сообщить! Съ полиціей не шутятъ! вставая, грозя пальцемъ и глядя серьезно на дѣвушку, говорилъ полицеймейстеръ.—Скоро двѣнадцать,—пора спать. Онъ зѣвнулъ.—Такъ смотрѣть въ оба, Таня, и мнѣ сообщить! Съ полиціей не шутятъ! уже за дверью сказалъ полицеймейстеръ.

Домой онъ шелъ тихо. Онъ былъ доволенъ собой, и въ его головѣ носились обрывки неопредѣленныхъ мыслей: удастся-ли какъ слѣдуетъ дѣло съ Ахневымъ, скоро-ли Тотемкина перестанетъ упрямиться, надо не забыть распечь кожевеннаго заводчика...—Бибиковъ—тоже свинья, возится по мировымъ судамъ...

— Откуда и куда путь изволите держать? обратился полицеймейстеръ къ Лукомскому, когда поровнялся съ нимъ и разсмотрѣлъ его, задумчиво идущаго по тротуару.—Добрый вечеръ, Орестъ Ильичъ!

— А, здравствуйте, подавая руку и чуть вздрогнувши отъ внезаннаго перерыва полицеймейстеромъ мыслей, кружившихся въ его головѣ, отвѣчалъ Лукомскій.—Былъ у Рымниныхъ и возвращаюсь домой.

— Прекраснѣйшая ночь, Орестъ Ильичъ! Знаете, невольно даже намъ, старикамъ, мечтательности разныя въ голову приходятъ... Молодость, знаете, вспоминается, и становится жаль, что ея ужъ нѣтъ, а я страдаю, какъ въ романсахъ поётся.

— Да?... Скажите, правда, что у Плитовыхъ есть долги? разсѣянно спросилъ Лукомскій.

— Не слыхалъ! удивленно сказалъ полицеймейстеръ.—Имѣніе ихъ не заложено, это я навѣрно знаю... Нѣтъ, долговъ, навѣрно, нѣтъ. Денегъ тоже большихъ нѣтъ, а тысяча — другая найдется. Да вѣдь вамъ это лучше извѣстно, Орестъ Ильичъ,—

вы женихъ. Это весь городъ говоритъ, и если позволите поздравить...

— Наврядъ. Я слыхалъ,—есть долги, а я не охотникъ платить чужіе долги, хотя и очень интересовался mademoiselle Плитовой, зѣвая, сказалъ Лукомскій.

— Не ожидалъ, не ожидалъ! А вѣдь...

— Прощайте, мнѣ направо, сухо сказалъ Лукомскій.

— Желаю вамъ покойнѣйшей ночи, Орестъ Ильичъ! Не прикажете-ли проводить васъ?

— Нѣтъ, благодарю...

— Не ожидалъ, не ожидалъ! грустно повторялъ полицеймейстеръ, пока не дошелъ до своего дома—при полиціи, съ высокой, но покосившейся каланчей.

III.

Могутовъ проспалъ послѣ обѣда до восьми часовъ. Когда онъ всталъ, луна ласково свѣтила въ окна его комнаты, рисуя на полу слабыя тѣни оконныхъ рамъ, и ему захотѣлось пройтись. Онъ перемѣнилъ бѣлье, надѣлъ черный, почти новый, драповый костюмъ, какъ называютъ петербургскіе гостинноДворцы пиджакъ, брюки и жилетъ, когда все это одинаковаго цвѣта и одинаковой матеріи,—и, въ извѣстной уже намъ шубѣ и шляпѣ, вышелъ изъ номеровъ полковницы Песковой. Онъ пришелъ въ городской садъ и началъ гулять по немъ. Ночь была морозная, отъ луннаго свѣта тѣни деревъ переплетали дорожки сада и кругомъ было тихо: пѣшеходовъ—ни души, только издали доносился рѣдкій гулъ и стукъ ѣдущихъ гдѣ-то дрожекъ, да на окраинахъ города, въ разныхъ мѣстахъ лаяли и выли собаки. Въ окнахъ присутственныхъ мѣстъ было темно, въ губернаторскомъ домѣ горѣлъ ярко огонь у подъѣзда и въ двухъ крайнихъ окнахъ...

Могутовъ ни о чемъ не думалъ, вдыхалъ полной и здоровой грудью свѣжій ночной воздухъ, смотрѣлъ беззаботно въ заманчивую глубь аллей и дорожекъ и тихонько напѣвалъ малороссійскую пѣсенку о какой-то бѣдовой гетманшѣ: «Да и не такъ гетманъ, якъ гетмонска маты хоче нами, нами козаками, турка взвоевати. Да и ни взвою, тилько разратуе, тилько нами, нами козаками Дунай загатуе».

— А гдѣ бы тутъ газетъ почитать? вздумалось ему, когда ноги начали уставать, и онъ оставилъ садъ и вышелъ на главную улицу.

— Послушайте, обратился онъ къ мужчинѣ, съ бляхой будочника, въ очень норванной барашковой шапкѣ и въ дубленой шубѣ,—гдѣ у васъ въ городѣ есть трактиръ—съ газетами?

— Трактеровъ много, нехотя и сипло отвѣчалъ будочникъ,—а въ коемъ трактерѣ глазеты показываютъ,—не знаю. У Тихова орфянки играютъ, а гдѣ глазеты,—не знаю.

— Я хочу у васъ спросить, въ какомъ трактирѣ вѣдомости печатныя получаютъ? Почтой изъ Петербурга приходятъ, и господа въ нихъ читаютъ о происшествіяхъ: буйствахъ, грабежахъ, наградахъ...

— А, вѣдомостя! Въ какомъ трактерѣ есть вѣдомостя? не знаю. Господа ѣздятъ за рѣку шарманку слушать, можетъ тамъ и вѣдомостя есть.

— А далеко это будетъ?

— Сказано за рѣкой, икнувши и еще болѣе сипло, отвѣтилъ будочникъ.

— А сколько извощику нужно заплатить, если туда доѣхать?

— Два двугривенныхъ.

— Покорнѣйше васъ благодарю, повернувшись сказалъ Могутовъ.

— Баринъ! Ваше благородіе! догоняя Могутова, кричалъ будочникъ.—Вы, ваше благородіе, болѣе двугривеннаго извощику не давайте: болѣе не слѣдуетъ.... А мнѣ, ваше благородіе, пяточокъ на водочку одолжите.... Вчера, грѣшнымъ дѣломъ, выпилъ, а нонѣ голова дуже трещитъ, а похмѣлиться нечѣмъ..... Не откажите, ваше благородіе!

— Причина уважительная, это все равно, что на лекарство вамъ. Извольте, подавая пятакъ, сказалъ Могутовъ.

— Извощикъ! закричалъ будочникъ во все свое осипшее горло. Покорнѣйше благодаримъ. Извощикъ! Это точно: одинаково, какъ на лекарство. Покорнѣйше благодарю. Извощикъ!

Къ нимъ подъѣхало трое извощиковъ, перегоняя другъ друга, ругаясь и хлеща лошадей.

— Какъ зовутъ? строго спросилъ у перваго извощика будочникъ.

— Меня-то? отвѣчалъ передній извощикъ.

— Не батьку твоего лысаго, съ матерью дурою, а тебя! грозно сказалъ будочникъ.

— Феногеномъ.

— А номеръ какой?

— Номеръ? Номеръ сорокъ семь.

— Такъ ты вотъ слушай, сорокъ семь! Ты, сорокъ семь, свезешь барина въ трактиръ за рѣку, въ новую ресторацію. Да свезешь хорошенько! Потому—приставъ приказалъ! И приказалъ тебѣ, сорокъ семь, болѣе двугривеннаго не брать. Слышишь? Баринъ тутъ вновѣ, такъ чтобы обиды ни Боже мой! Приставъ приказалъ!

— Ладно, ладно, солдатское твово благородіе, трогая лошадь, отвѣтилъ извощикъ.

Трактиръ, въ который пріѣхалъ Могутовъ, былъ новенькій, нѣсколько недѣль назадъ открытый для публики, и потому не успѣлъ еще принять той сальности и помятости, которыми такъ богаты трактиры всѣхъ русскихъ городовъ, не исключая Петербурга и особенно Москвы. Большая зала, чистая, хорошо освѣщенная керасиновой люстрой у потолка, чистыя бѣлыя скатерти на столахъ, диваны безъ грязныхъ пятенъ и неровностей отъ сидѣнья, цвѣты на окнахъ не полузавялые; по срединѣ одной изъ стѣнъ залы стоялъ огромный органъ, а чрезъ арку у противоположной стѣны былъ видѣнъ большой буфетный шкафъ и буфетный столъ, на которомъ и въ которомъ было много блеска отъ графиновъ, бутылокъ, вазъ и т. п., — таковъ былъ трактиръ. Въ большой залѣ было почти пусто. За однимъ столомъ сидѣлъ низенькій, худенькій, съ сѣдыми усами и головой, отставной, судя по костюму, полковникъ. Онъ внимательно читалъ «Московскія Вѣдомости», держа ихъ огромный листъ за края, такъ что худыя руки полковника были перпендикулярны къ туловищу, а самъ онъ походилъ на тѣ шесты на огородахъ, на которыхъ старый солдатскій мундиръ пугаетъ воробьевъ, замѣняя для нихъ настоящаго человѣка; передъ нимъ стоялъ холодный, едва начатый, стаканъ чаю, и, судя по этому, а также и потому, что онъ сурово и сердито посматривалъ на органъ, когда барабанъ органа громко стучалъ, можно было заключить, что не чай и не органъ, а внимательно читаемыя имъ «Московскія Вѣдомости» заставили его пожаловать въ трактиръ. На другомъ концѣ залы за столомъ сидѣло двое мужчинъ. Одинъ — болѣе средняго роста, съ продолговатымъ худымъ лицомъ, небольшими впалыми глазами, закрытыми выпуклыми синими очками, съ маленькой жиденькой бородкой и съ угреватымъ высокимъ лбомъ; другой — немного ниже ростомъ, съ округленнымъ лицомъ, съ живыми небольшими глазами, бритый и робко,

и часто посматривающій по сторонамъ. Передъ ними на столѣ стояли графинъ съ водкой, нѣсколько бутылокъ пива и закуска на двухъ тарелкахъ.

Могутовъ усѣлся за столъ, одинаково удаленный отъ обоихъ занятыхъ столовъ, и, когда человѣкъ подалъ ему «Петербургскія Вѣдомости» и порцію чаю, внимательно началъ читать газету и медленно пить чай. Двое мужчинъ за столомъ разговаривали громко и постоянно приказывали человѣку ставить новые валы и «пущать машину». Органъ игралъ правильно, тонъ его былъ мягкій, и въ залѣ былъ хорошій резонансъ.

IV.

Почти вслѣдъ за Могутовымъ, въ залу вошелъ новый посѣтитель, молодой, лѣтъ двадцати шести мужчина, брюнетъ, съ красивымъ лицомъ и большими прищуренными глазами. Онъ вошелъ развязно, немного пошатываясь, и, осмотрѣвъ залу, прямо направился къ столу, за которымъ сидѣло двое.

— Наше-съ вамъ, протягивая руку угреватому, заговорилъ онъ громко. Какъ я радъ, что васъ тутъ встрѣтилъ. Я, знаете, зашелъ въ «Англію», пропустилъ, оживился и въ положеніе общественное вошелъ, а въ «Англіи», не то-что пріятелей, а образа человѣческаго нѣтъ. Я Таню не то что за образъ человѣческій, а даже за образъ женскій не считаю!... Потянуло сюда музыку слушать. Правду говоря, не музыку слушать, а голову затуманить потянуло.... У меня, дорогой Викторъ Александровичъ, — онъ сѣлъ за столъ, — голова дурацкая въ отношеніи загула! Скверная и въ другихъ отношеніяхъ, но въ отношеніи загула особливо скверная. Подавай ей компанію для этого, а такъ, значитъ, одна, по аглицки, въ уединенности, этого она никакъ не можетъ.... Примайте меня въ компанію!... Судя по сему и по этому, указывая на графинъ и бутылки, говорилъ онъ все болѣе и болѣе громко и развязно, — вы тоже голову успокоить захотѣли? Ну, и давайте будемъ вмѣстѣ кутить! А? Примаете въ компанію?

— Садись, братъ, отвѣчалъ угреватый сильно въ носъ. Можно успокоеніе совмѣстно произвести. Мы уже малость въ успокоеніи обрѣтаемся.

— И больше можемъ погрузиться въ оное, добавилъ круглолицый. —

— Душа человѣкъ, — Викторъ Александровичъ! подвигаясь къ угреватому и хлопая его по плечу, говорилъ красивый. А тебя, Филиппъ Федоровичъ, я хотя и мало знаю, но уважаю, потому вы оба люди образованные.... Переѣхавшій—профессоръ и музыку понимаетъ, а ты, Пантюхинъ, ты, братъ,—помѣщикъ! Настоящій помѣщикъ! Потому ты, братъ, гордый, какъ лордъ, и никого знать не хочешь, какъ самъ князь Король-Кречетовъ, чтобъ ему ни дна, ни покрышки!... Выпьемъ, братцы!... За ваше здоровье! наливая рюмки и поднявъ высоко одну, крикнулъ онъ.

Полковникъ сурово посмотрѣлъ на пирующихъ, посматривалъ на нихъ и Могутовъ, когда, отрывая лицо отъ газеты, пилъ чай.

— Выпить всегда можно, если не душа, а голова того требуетъ.... Ты за наше, а мы за твое.... Пьемъ, други моя! громко и сильно въ носъ говорилъ угреватый, онъ-же Переѣхавшій.

— Только нужно потише, потише, друзья, а то свободу другихъ нарушаемъ.... не будемъ мѣшать.... Можетъ люди почитать хотятъ.... захлебывая слова и тихо говорилъ Пантюхинъ, замѣтивъ суровое посматриваніе полковника.

— Они читать хотятъ, а мы пить и разговаривать хотимъ, говорилъ красивый, когда вся компанія опорожнила рюмки и начала часто прихлебывать пиво.

— Дѣльно! одобрилъ Переѣхавшій.

— Это, друзья, выходитъ насиліе, а свобода—первая вещь, потому ты, Ахневъ, самъ сказалъ, что я—гордый лордъ, а британскій лордъ свободой гордъ! противорѣча самому себѣ, громко закончилъ Пантюхинъ.

— Браво! Вѣрно! Вѣрно и браво! Я люблю свободу и.... піано и адажіо. Будемъ піано и адажіо, не будемъ мѣшать читать ерунду.... Теперь, Ахневъ, газетъ читать не стоитъ, потому газеты — ерунда.... Бисмаркъ-те, Наполеонъ-те, Папа-те, Бейстъ-те—вотъ-те и газета.... Народы молчатъ, ну и пошли въ ходъ разные «те», а на этихъ «те»—наплевать.... Пускай машину, Гугенотъ! не очень громко въ началѣ, но уже сильно громко въ концѣ, сказалъ Переѣхавшій.

— А какой, вашей милости, валъ завгодно? спросилъ человѣкъ.

— Ставь наугадъ.... Мы теперь, Гугенотъ, не музыку твою пришли слушать, а головы наши въ спокой привести....

Понимаешь?... Намъ теперь лишь-бы шумъ.... ну, ты и производи шумъ.... Пущай машину, Гугенотъ, изъ Мейербера!

Компанія пила и шумѣла, органъ игралъ безъ остановки, полковникъ сердито и часто посматривалъ на пирующихъ, а Могутовъ нѣсколько разъ пристально посмотрѣлъ на угреватаго. Такъ вотъ каковъ мой сосѣдъ, господинъ Переѣхавшій, подумалъ онъ при этомъ.

— А какимъ манеромъ ты, братъ, пьянствуешь? спрашивалъ чрезъ часъ Пантюхинъ Ахнева. Женатому, братъ, не слѣдъ.... не хорошо.... Право, не хорошо....

— Ты, Пантюхинъ,—пантюха!... По твоему женатый—не человѣкъ!... Женатый, по твоему, бракованный!... Пантюха ты настоящая! гнусавилъ Переѣхавшій.

— Ты не то.... Ты, братъ, не туда.... Ты меня не понимаешь.... Для женатаго водка—жена.... Ежели жена не водка—она не жена.... Она должна радость и горе мужа развести.... Горе у тебя, другъ, обнимая Ахнева и захлебываясь, говорилъ Пантюхинъ,—такъ ты долженъ сказать объ этомъ женѣ, а она должна тебя въ хмѣль ввести и пѣсню, грустную такую, слезливую пѣсню тебѣ спѣть, чтобы тебя въ слезы ударило.... Веселъ ты,—опять жена тебя должна упоить, чтобы плясать началъ, безъ удержу плясать.... И онъ, поднявшись, началъ подпрыгивать на стулѣ, какъ-бы показывая, какъ нужно плясать.

— У меня, братцы, жена—тьфу, понуривъ голову и слезливо, говорилъ Ахневъ. А какъ я ее любилъ!... Ахъ, какъ я ее любилъ!... Я дуракъ, я гимназію не кончилъ, а если-бы она сказала: будь профессоромъ, будь уменъ, какъ Переѣхавшій.... и я былъ бы профессоромъ.... Клянусь честью, былъ бы Переѣхавшимъ!... Только-бы пущай сидѣла около меня.... Пущай-бы глядѣла своими глазенками на меня.... Какіе, братцы, глаза у моей жены!... Нѣту этого.... Было, день было, два было, а потомъ.... У, идолъ малеванный! Убью! хлопнувъ рукою по столу, дико крикнулъ Ахневъ, потомъ вдругъ опустилъ голову на столъ и началъ испускать слезливые вздохи: Я пропащій.... я тряпка.... я жалкій.

— А ты не плачь.... потому слеза-вода.... Если жена тебя не любитъ,—брось ее.... если жена не водка—къ.... Почему я не женатъ?... Почему одичалъ въ деревнѣ съ демократкой, съ дѣвкой простой?... Потому, что нѣтъ, братъ, женщины—водки.... У насъ все, братъ, барышни, чрезъ губу сами не плюнутъ....

ты имъ каждый кусокъ въ ротъ клади, потому онѣ барышни, а ты ихъ мужъ.... А я такихъ къ.... Ну и одичалъ.... и болѣе того одичать могу.... Совсѣмъ дикимъ стану! уже громко, какъ и его пріятели, говорилъ Пантюхинъ.

— Ты, братъ, врешь! громко началъ Переѣхавшій. Русская женщина—богатырь.... Ты умѣй найти.... Ты понимаешь, ацтекъ ты этакой, «типъ величавой славянки возможно и нынѣ сыскать!».... А при какихъ условіяхъ, милостивые государи, живетъ и.... и не погибаетъ величавая славянка?... Знаешь-ли ты, ацтекъ и пантюха, при какихъ?... «Три горькія доли имѣла судьба, и первая доля—съ рабомъ повѣнчаться, вторая—быть матерью сына раба, а третья—до гроба рабу покоряться».... «И всѣ эти тяжкія доли легли на женщину русской земли».... Видишь ты, пантюха, видишь!... Всѣ тяжкія доли.... Понимаешь ты, пантюха, дурень....

— Ну, и что?... Ну, и понимаю.... Ну, и задавили онѣ, доли тяжкія.... Ну, и нѣтъ женщины—водки.... Ну, и остались барышни.... Ну, и клади имъ нашъ братъ каждый кусокъ въ ротъ. Ну, и одичаешь, ежели барышень къ.... ежели съ демократкой, съ дѣвкой канитель поведешь....

— Нѣтъ, врешь!... Врешь, пантюха!... Ты—ацтекъ, ты дикій.... «Есть женщины въ русскихъ селеньяхъ».... «Типъ величавой славянки возможно и нынѣ сыскать».... Ты—пантюха, для тебя и нѣтъ.... Я вотъ совсѣмъ насчетъ брака отвергаю, а потому и не ищу женщины, а захоти я—нашелъ бы, ей Богу, нашелъ-бы....

— Ты, Переѣхавшій, —профессоръ.... ты.... А я несчастнѣйшій человѣкъ! поднявъ голову, говорилъ плаксивымъ голосомъ Ахневъ. Меня въ Сибирь.... я мошенникъ.... я воръ....

— Послушай, Ахневъ! стараясь быть серьезнымъ и потому еще болѣе въ носъ, началъ Переѣхавшій. Разскажи ты намъ толкомъ, что за исторія съ тобой приключилась?... Смирно! зарычалъ онъ на Пантюхина, который все это время бормоталъ: «ну и нѣтъ, ну и ацтекъ я, ну и въ квадратѣ ацтекъ».....

— Скверная, братцы, исторія.... Описывалъ я, братцы, имущество.... Старый чертъ добра много припасъ, а умеръ скотиной.... Наслѣдниковъ—ни души, въ казну добро все.... Не скажи мнѣ пѣтушій—король.... «Узнайте, господинъ приставъ, не осталось-ли у покойнаго старой водки и древнихъ вещей».... Описываю.... Отлично.... А какъ дошелъ до старой водки....

пропалъ.... чортъ попуталъ.... Это онъ.... ей Богу, онъ.... Онъ велѣлъ вложить въ экипажъ старую.... И лошадей не я закладывалъ.... ей, ей, не я.... Это онъ.... а меня подъ судъ.... воръ, скажутъ.... Подлецъ я, скажутъ! стукнувъ кулакомъ по столу и вслѣдъ за ударомъ падая на столъ головою, кричалъ безсвязно Ахневъ.

— Скверно, очень скверно, стараясь быть грустнымъ, говорилъ Переѣхавшій. Честность—первое дѣло.... Будь ты нищій, будь ты пьяница, но честный—и ты человѣкъ, homo.... А честь просадишь.... пропалъ.... Искупленіе прими.... безъ искупленія пропалъ....

— Честный! Что ты мнѣ честный тычешь! вскочивъ на ноги и ухватившись рукою за стулъ, дико кричалъ Ахневъ. — Ты одинъ, такъ и честенъ.... Нѣтъ, будь ты честенъ, когда жена.... Честенъ.... Всѣ воры.... Всѣхъ въ Сибирь и . . . . . .

V.

— Какъ вы смѣете! пронзительнымъ голосомъ закричалъ полковникъ, вскочивъ съ своего стула и подбѣжавъ къ пьяной компаніи. Какъ вы смѣете говорить подобныя вещи? Позвать полицію! Человѣкъ, позвать полицію!...

— Какія вещи? поднимаясь и закладывая руки назадъ, съ насупившимися грозно бровями, громко и гнусавя, спросилъ Переѣхавшій.—Онъ ничего не говорилъ.... Вы, милостивый государь, зачитались.... шатаясь и приближаясь къ полковнику, продолжалъ онъ. Его фигура была смѣшна, но онъ, сравнительно съ трясущейся отъ злости мизерной фигурой полковника, былъ грозенъ, въ движеніяхъ проглядывала смѣлость, ухарство. Полковникъ задомъ отскочилъ отъ него.

— Ты слышалъ? Зови полицію! хватая человѣка за руку, кричалъ полковникъ.

— Никакъ-съ нѣтъ-съ. Я былъ ушедши. Шумѣли, а объ какой надобности — не могу знать, не моргнувъ бровью и прямо глядя въ глаза полковника, говорилъ человѣкъ.

— Вы слышали? Они кричали на всю залу. Вы слышали, милостивый государь? подскочилъ полковникъ къ Могутову.

— Слышалъ, господинъ полковникъ, но никому не скажу, что они говорили, вставъ и серьезно, сказалъ Могутовъ.

— А! Вы раздѣляете ихъ дерзкія рѣчи! Это стачка! Позвать полицію! кричалъ полковникъ.

Въ дверяхъ показалась толстая фигура буфетчика.

— Дѣло въ томъ, господинъ полковникъ, что подслушивать— очень не похвально, а если нечаянно пришлось,—нужно держать про себя, спокойно смотря въ устремленные на него глаза полковника, хладнокровно отвѣчалъ Могутовъ. Военный человѣкъ, болѣе всякаго другаго, долженъ быть рыцаремъ чести и джентельменства, и вы, полковникъ, также должны быть такимъ рыцаремъ. Вы, какъ человѣкъ извѣстныхъ убѣжденій, вспылили, остановили заболтавшихся людей; но, какъ военный, какъ человѣкъ благородный, вы никому не должны сказать того, что нечаянно, благодаря откровенности языка выпившихъ людей, вамъ пришлось услышать.... Кажется, я не ошибаюсь въ васъ, господинъ полковникъ?

— Но въ публичномъ мѣстѣ этого позволить нельзя! Это безнаказаннымъ остаться не можетъ! громко, но гораздо тише прежняго, говорилъ полковникъ.

— Вы правы, но съ пьянаго грѣхъ строго спрашивать; пьяному и по закону много не вмѣняется въ вину. Не угодно ли вамъ присѣсть, господинъ полковникъ, подавая стулъ, говорилъ Могутовъ.

— И я вамъ тоже скажу, шатаясь и смотря менѣе грозно, началъ Переѣхавшій.—Человѣкъ въ горѣ.... въ успокоеніи ума....

— Только вы уйдите! Заплатите деньги и уйдите. Послушайте меня, старика, уже спокойно и ласково сказалъ полковникъ.

— Это мы сейчасъ.... потому, голова въ успокоеніи.... Пойдемъ, братцы.... Перестань! крикнулъ Переѣхавшій, толкая въ бокъ Ахнева, который, опустивъ голову, жалобно выл: «Нѣтъ, я говорилъ, меня въ Сибирь, всѣхъ въ Сибирь».

— Цыцъ! громко успокоивалъ его Переѣхавшій. — Піано и адажіо! Бери, Пантюхинъ, его.... бери подъ руки и тащи.... домой тащи.... Сколько тебѣ, другъ-человѣкъ, слѣдуетъ?

— Три рубля семь гривенъ, отвѣтилъ человѣкъ.

— Получай, другъ-человѣкъ....

Шатаясь и безсвязно болтая, пьяная компанія двинулась отъ стола. Ровнѣй и бодрѣй всѣхъ шелъ Переѣхавшій; Пантюхинъ сильно шатался и, прячась за Ахнева, поддерживалъ и тащилъ его впередъ; Ахневъ, еле переводя ногами, не шелъ, а плелся и все хныкалъ: «Я говорилъ, меня въ Сибирь, всѣхъ въ Сибирь».

— Честь имѣю кланяться, господинъ полковникъ, началъ Переѣхавшій, когда пьяная компанія поровнялась со столомъ, за которымъ сидѣли полковникъ и Могутовъ.

— Осторожнѣй, не упадите, ну васъ, отодвигаясь въ сторону, говорилъ полковникъ, когда Переѣхавшій чуть не упалъ, желая подать ему руку.

— Мы пьяны.... господинъ храбрый полковникъ.... но мы понимаемъ.... Во хмѣлю душа чутче.... къ правдѣ и благородству.... Позвольте пожать.... руку вашу, храбрый воинъ....

— Ну, хорошо, хорошо, прощайте, идите себѣ скорѣй, пожимая руку Переѣхавшаго, торопливо говорилъ полковникъ.

— И вы.... Homo, humanum est.... Если вы въ нашихъ.... Homo.... ты не тутошній!... Руку твою человѣкъ и перлъ, хватая руку Могутова, говорилъ Переѣхавшій.

— Пусти, пусти меня! крикнулъ Ахневъ и, толкнувъ Пантюхина такъ, что тотъ далеко отскочилъ въ сторону и еле удержался на ногахъ, пустился бѣжать. Онъ набѣжалъ на столъ, ударился объ него животомъ, отскочилъ отъ него и грянулся на полъ, растянувшись на немъ во всю длину и безсмысленно вытаращивъ глаза въ потолокъ.

— Ай, ай!... Убился.... Женатый.... Бѣдная жена! жалобно кричалъ Пантюхинъ, схватившись руками за голову и качая ею изъ стороны въ сторону, но не двигаясь подать помощь Ахневу.

— Смирно!... Піано и адажіо!... Ратуй ближняго, пантюха плаксивая! кричалъ грозно Переѣхавшій, бросая руку Могутова и устремляясь на помощь Ахневу.

— Кто это? спросилъ полковникъ у буфетчика, когда пьяная компанія, вмѣстѣ съ человѣкомъ, подняла и увела Ахнева, у котораго отъ удара, какъ-будто, прояснилось въ головѣ и походка сдѣлалась болѣе твердой.

— Чиновники, отвѣчалъ недовольно буфетчикъ. Въ нашемъ дѣлѣ нельзя дюже строгимъ на счетъ словъ.... Ежели всякое слово слушать, особливо пьянаго, такъ торговлю—брось, и ходи знай по судамъ....

— Но нельзя же и позволять дѣлать и болтать чертъ знаетъ что! раздражительно, но и конфузливо вмѣстѣ, сказалъ полковникъ.

— А что съ пьянаго взять? Пьяный — малое дитя, уходя сказалъ буфетчикъ. — Ты вотъ словъ этихъ не говоришь, да только на гривенникъ торговать даешь, а свѣчки за газетою на

семь копѣекъ спалишь.... А они, вона, чуть не на четыре цѣлковыхъ дали торговать.... А что слово? Тьфу — вотъ и все! и буфетчикъ плюнулъ и растеръ плевокъ ногою, такъ что и слѣда не оставилъ отъ плевка.

— Мнѣ очень пріятно съ вами познакомиться, молодой человѣкъ, обратился полковникъ къ Могутову.—Я отставной полковникъ Митрофанъ Карпѣевичъ Масловъ.

— Очень пріятно. Дворянинъ Гордій Петровичъ Могутовъ.

— Очень пріятно. Разсудительныхъ молодыхъ людей мало. Всегда, положимъ, молодежь была распутна, но теперь молодежь—хуже самаго распутства. Въ каждомъ номерѣ «Московскихъ» читаешь и только удивляешься. Очень, очень пріятно видѣть въ васъ исключеніе. Прошу быть знакомымъ, а сегодня мнѣ пора: шестой годъ минута въ минуту въ одиннадцать часовъ спать ложусь.

Глава У.

Сцены и образы ранняго дѣтства вреднаго человѣка.—Разбитый человѣкъ съ чуткою душою, и какъ онъ игралъ на віолончели.

I.

Было двѣнадцать часовъ, когда Могутовъ возвращался изъ трактира, и около половины перваго, когда онъ дошелъ до городскаго сада. Дорога была не близкая, все въ гору, и онъ, идя хотя и не очень скоро, вступивъ въ садъ, захотѣлъ отдохнуть.

— Что за люди? задалъ онъ себѣ вопросъ, когда усѣлся на уединенной скамьѣ по срединѣ главной аллеи, откуда не видно было однообразныхъ желтыхъ домовъ, а видна была луна на синемъ, безоблачномъ небѣ и много было тѣней отъ деревьевъ на землѣ. Одинъ женщину—водку ищетъ и, не находя, дичаетъ; другой—даже и искать не хочетъ, потому бракъ отвергаетъ, а третій пошелъ далѣе всѣхъ: всѣхъ въ Сибирь!... Не много-ли и такъ уже! Стоитъ-ли и тебя туда посылать?... «Будь ты честенъ, когда жена».... А примѣръ отца.... и въ умѣ его, нѣтъ, предъ его глазами проносятся сцены его ранняго дѣтства.

Степь земли Войска Донскаго оборвалась широкимъ, извилистымъ оврагомъ, за которымъ мѣстность мало-по-малу переходитъ сперва въ небольшіе пологіе холмы, потомъ — въ горки причудливой формы, потомъ — въ сплошную цѣпь горъ, далеко

на горизонтѣ теряющихся въ небѣ. Среди этихъ горъ виднѣется двухъ-вершинный Эльбрусъ, какъ громадная колоссальная масса чего-то синеватаго, дымчатаго, и только ночью, когда взойдетъ луна, онъ, какъ громадная глыба стекла, блѣднѣетъ и поблескиваетъ на горизонтѣ.

Въ извилистомъ оврагѣ раскинулся губернскій городъ С—ль, въ которомъ родился, учился въ гимназіи, и изъ котораго, года четыре назадъ, уѣхалъ въ Петербургъ Могутовъ. На окраинѣ степи, прямо надъ оврагами, противъ города и горъ стоитъ пятиглавый кафедральный соборъ съ высокою колокольнею. Прекрасный видъ съ площади вокругъ собора и разнообразныя картины открываются взору, если смотрѣть съ разныхъ сторонъ собора. На югъ отъ собора идетъ широкая лѣстница съ площадками между ступенекъ, усаженныхъ по сторонамъ стройными тополями; у подножья лѣстницы — небольшая площадка, среди нея — бассейнъ, а на право и на лѣво — длинные, болѣе версты, бульвары изъ акацій и тополей; за бульварами— красивые, каменные, двухъ и трехъ-этажные дома, расположенные параллельно бульварамъ въ нѣсколько длинныхъ и широкихъ улицъ; далѣе — нѣсколько улицъ изъ рядовъ маленькихъ домиковъ, за ними—покатые холмы, потомъ—горы и сплошная цѣпь горъ съ Эльбрусомъ; противъ самой лѣстницы, противъ площадки съ бассейномъ—длинное, выходящее на двѣ улицы, трехъ-этажное зданіе, съ красивенькой башенькой на углу, на темномъ шпилѣ которой блеститъ золотой крестъ, — это гимназія. На востокъ — тоже хорошая часть города, съ расположенными въ правильныя улицы домами, хотя дома болѣе деревянные и крыши на нихъ только изрѣдка желѣзныя, а большею частію деревянныя и даже соломенныя, но за то здѣсь много домовъ въ зелени садовъ; но за то среди этой части города видна торговая площадь, базаръ, на которомъ вѣчно копошатся люди. Позади этой части города—тѣ-же холмы и горы, но среди нихъ нѣтъ Эльбруса. На западъ — оврагъ съузился, въ глубинѣ его течетъ небольшая рѣченка, а по обоимъ бокамъ оврага — маленькіе, бѣленькіе, турлучные (изъ глины) домишки, неправильно разбросанные, но каждый домикъ въ зелени садовъ; посреди этихъ садовъ и домиковъ улицы, какъ развѣваемыя вѣтромъ ленты на головѣ красавицы, разбѣгаются въ разныя стороны, перепутываются, вьются около садовъ, взбираются то круто, то полого на гору и теряются въ садахъ. На сѣверъ—

громадная площадь, на дальнемъ концѣ которой—сумрачное, съ высокой стѣной, огромное зданіе острога, а по другимъ окраинамъ площади расположены казармы, провіантскіе и комиссаріатскіе магазины, всевозможныя присутственныя мѣста—все однообразное, длинное, каменное; далѣе за площадью—ровная, безпредѣльная степь.

Два часа. Жаркій день. По небу медленно ходятъ обрывки облачковъ, тѣнь отъ которыхъ также медленно двигается по зелени садовъ, по бѣлымъ домамъ и по сѣрымъ улицамъ и дорогамъ. На площади собора, спрятавшись за уголъ колокольни, противъ изображенія Христа, несущаго крестъ на Голгофу, стоитъ на колѣняхъ гимназистъ лѣтъ десяти. По щекамъ его бѣгутъ слезы, глаза, полные восторженной вѣры, обращены ко Христу, руки сложены одна въ другую на груди и уста тихо произносятъ молитву. О чемъ такъ укромно, такъ горячо молится дитя?

Молю тебя, Христосъ, шепчетъ ребенокъ,—пошли отцу моему денегъ! Пусть онъ, старикъ, придетъ веселый домой! Пусть мать перестанетъ плакать и бранить отца. Пусть отецъ не будетъ до поздней ночи писать, а разскажетъ мнѣ и Васѣ, какъ жили въ старину запорожскіе казаки, какъ они боролись съ врагами твоими, турками; какъ нашъ дядя, молясь Тебѣ, Господи, имѣлъ успѣхъ во всѣхъ дѣлахъ!... Пусть мать дастъ намъ на ужинъ кислаго молока съ бѣлымъ хлѣбомъ! Вѣдь мы вчера не обѣдали и сегодня не будемъ ничего ѣсть, если Ты, Господи, не пошлешь моему отцу денегъ!... Я буду молиться Тебѣ, Господи! Я буду поступать по Твоимъ заповѣдямъ! Пошли же, Господи, денегъ моему отцу....

Такъ около часу молится дитя. Но вотъ, завидя идущаго человѣка, оно вскочило на ноги, отерло слезы съ глазъ и щекъ, приняло беззаботный видъ, заложило рученки назадъ и тихой походкой отправилось къ той части города, въ которой турлучные домишки терялись въ зелени садовъ и въ которой нанималъ квартиру Петръ Афанасьевичъ Могутовъ, чиновникъ губернскаго правленія, получавшій двадцать рублей въ мѣсяцъ и имѣвшій жену и пятерыхъ дѣтей.

II.

Опять жаркій день, два часа, и тотъ-же гимназистъ возвращается изъ гимназіи домой, съ улыбающимся лицомъ и поспѣш-

ной, но приличной походкой. Онъ дома, и, полный величія и радости, сообщаетъ отцу, что его приняли на казенный счетъ въ пансіонъ при гимназіи. Онъ будетъ тамъ жить, у него будетъ все платье казенное, онъ будетъ ѣсть казенный обѣдъ, ужинъ, пить казенный чай и имѣть казенныя книги.... Его вся семья поздравляетъ, отецъ плачетъ и цѣлуетъ; мать гладитъ по головкѣ и говоритъ, что теперь и остальной семьѣ будетъ полегче: все однимъ ртомъ будетъ менѣе; три сестры цѣлуютъ его и говорятъ, что Гордюша будетъ красавчикомъ въ сюртукѣ съ краснымъ воротникомъ и золотыми петлицами.... Одинъ только братъ Вася, худенькій блондинъ, лѣтъ семи, съ большими голубыми глазами, въ которые, казалось, вылилась вся добрая, пугливая душа мальчика, смотрѣлъ тоскливо.

— Теперь ты, отецъ, отдашь на мое мѣсто въ гимназію брата Васю, говоритъ Гордій, замѣтивъ тоску Васи.

— Да, да... робко говоритъ отецъ.—Ему пора начинать...

— Да, да! передразниваетъ отца мать.—Ты-бы сперва сказалъ, когда будутъ у насъ деньги? Тогда-бы и отдавалъ сыновей по гимназіямъ! Дочери—невѣсты, ходятъ хуже горничныхъ простыхъ чиновниковъ, а онъ, тоже чиновникъ, столоначальникъ вексельнаго стола, гроша за душой не имѣетъ, весь въ долгу, семья безъ хлѣба днюетъ!

Отецъ садится за столъ и начинаетъ писать подъ воркотню матери; сестры, надувшись, садятся за пяльцы, начинаютъ скоро шить и зло откусывать нитки; Гордій и Вася уходятъ въ садъ. Они забираются въ глухое, заросшее бурьяномъ, мѣсто.

— А что я безъ тебя буду дѣлать, Гордюша?... Всѣ меня будутъ обижать!... Большіе голубые, прозрачные, какъ стекло, глаза Васи наливаются слезами.—Сестры будутъ обижать, мать будетъ бить, тебя не будетъ,—никто не заступится!... Отецъ перестанетъ разсказывать, ты перестанешь учить меня и играть со мной... Мальчикъ рыдалъ, обнявши ручонками другаго мальчика.

— А ты, Вася, учи наизусть книжки, чтобы не скучно было смирно сидѣть.... Будемъ вмѣстѣ просить отца, чтобы онъ и тебя отдалъ въ гимназію.... Ты тоже будешь хорошо учиться и тебя тоже примутъ на казенный счетъ. Мы будемъ рядомъ спать! Какія тамъ славныя постели!... Только ты, Вася, тамъ не шали. Дома мамаша за шалости только бранитъ, за волосы выдеретъ, а тамъ розгами порютъ! Ой, ой, какъ больно! Меня еще не сѣкли, но я разъ видѣлъ... Скинутъ штаны, одинъ сол-

дать держитъ за голову, другой за ноги, а третій со всего размаху бьетъ розгами! Сперва синія полоски остаются, а потомъ кровь идетъ! Сперва ученикъ кричитъ, а потомъ только стонетъ!... А какъ потомъ ему бѣдному стыдно! Весь красный, два дня сидѣть не можетъ, въ глаза стыдится смотрѣть.... Я, Вася, умру, когда меня поведутъ сѣчь!... Я въ гимназіи тихонькій, сижу ровно, все смотрю на доску, уроки учу крѣпко на крѣпко!... Я никогда не бѣгаю, а все читаю книжки, меня и зовутъ долбешкой, кантонистомъ, сперва даже били, а теперь только смѣются.... Вотъ и ты, Вася, такъ: все читай, крѣпко учи уроки, смотри на доску и ровно сиди,—тебя и примутъ на казенный счетъ.... Намъ будетъ тогда весело, тогда и я не буду всегда одинъ....

— Мать не позволитъ отцу отдать меня въ гимназію! Отецъ мало носитъ денегъ, а въ гимназію нужно платить....

— А ты проси мать, и я буду просить. Скажемъ, что и тебя примутъ на казенный счетъ, тогда не нужно будетъ одѣвать и кормить тебя.....

Такъ долго, долго лежатъ мальчики; но отъ житейскихъ разговоровъ они не вдаются въ поэзію, старшій не разсказываетъ младшему сказокъ, а, покончивъ разговоръ, принимается, въ томъ-же бурьянѣ и при братѣ Васѣ, учить уроки. Онъ учитъ новый завѣтъ, какъ Христосъ воскресилъ Лазаря, какъ Іуда продалъ Христа. Вася слушаетъ со вниманіемъ, лежа безъ движенія въ бурьянѣ; но его большіе глаза дѣлаются теперь еще бо́льшими, длинныя вѣки по цѣлымъ часамъ подняты и безъ движенія, бѣлая, блѣдная кожа на лицѣ еще блѣднѣе, рѣдкіе, мягкіе волосы ребенка разметались во всѣ стороны, и на его большомъ, высокомъ лбу выступили жилки, налитыя кровью.

— Хорошо-бы было, Гордюша, если-бы Іуда не продалъ Христа! Зачѣмъ Богъ не убилъ Іуду маленькимъ? спрашиваетъ Вася, когда Гордій, окончивъ одинъ урокъ, потягивается, прежде чѣмъ приняться за другой.

— Такъ самъ Богъ захотѣлъ. Помнишь, мы учили въ ветхомъ завѣтѣ, какъ Богъ, задолго до рожденія Христа, говорилъ пророкамъ, «что Христосъ умретъ и въ третій день воскреснетъ, какъ Іона во чревѣ кита былъ три дня и три ночи»....

Гордій опять принимается за урокъ, Вася лежитъ, какъ мертвый, блѣдный, съ едва замѣтнымъ признакомъ дыханія.

— А зачѣмъ Богъ захотѣлъ, чтобы Іуда продалъ Христа? Пусть-бы Христосъ жилъ. Онъ воскрешалъ-бы мертвыхъ, давалъ хлѣбъ бѣднымъ, исцѣлялъ больныхъ.... тихо, какъ въ бреду, говоритъ Вася.

— Христосъ своею кровію искупилъ грѣхъ Адама и Евы. Развѣ ты забылъ, какъ Адамъ и Ева преступили заповѣдь Божію, и Богъ изгналъ за это Адама и Еву изъ рая?!—Христосъ своею кровію искупилъ ихъ грѣхъ.

— А для чего Богъ не простилъ Еву? Вѣдь Богъ добрый... Зачѣмъ Богъ погубилъ Іуду?...

Гордій молчитъ. Ему, постоянно занятому, подобныя мысли не приходили въ голову, и онъ задумывается надъ вопросомъ брата. И какъ сосредоточенны лица обоихъ мальчиковъ! Сколько какой-то поэтической грусти въ широко-раскрытыхъ глазахъ Васи и сколько солиднаго напряженія, мысли серьезной, въ задумчиво-сосредоточенномъ взглядѣ Гордія!

— Я самъ не знаю, Вася, угрюмо отвѣчаетъ Гордій, какъ-бы недовольный тѣмъ, что не могъ надумать, отъ чего Богъ, прощающій грѣхи молящимся Ему, не простилъ Адаму и Евѣ ихъ перваго и единственнаго грѣха? Отъ чего Богъ, предназначивъ смерть Сыну, задолго до Его рожденія, выбралъ Іуду виновникомъ этой смерти?

— Надо спросить батюшку, отца Серапіона, когда онъ не будетъ сердитый.... Могутъ на экзаменѣ объ этомъ спросить.

— Спросимъ отца.... Онъ, Гордюша, знаетъ хорошо законъ Божій.... Онъ боится матери,—все молчитъ, а я слышалъ, какъ онъ ночью молился Богу: такъ долго и хорошо.... Ты такъ не умѣешь, Гордюша!

— Спросимъ отца. Пусть онъ и молиться поучитъ насъ, какъ самъ умѣетъ.

— Нѣтъ, не нужно.... Когда отецъ всталъ ночью молиться, онъ сперва потрогалъ меня, спросилъ: Васи, ты спишь?... Я притворился, что сплю.... Надо молиться, чтобы никто не видѣлъ....

Гордій опять принимается за урокъ.... Начинаетъ темнѣть. Куры съ крикомъ влетаютъ на верхушки деревъ и тамъ мостятся на ночь.

— Гордюша, куры любятъ холодъ? спрашиваетъ Вася, когда Гордій бросаетъ урокъ за темнотой.

— Нѣтъ, Вася. Куры зимой сами лѣзутъ въ кухню.

— А зачѣмъ куры ложатся спать такъ высоко? Вѣдь чѣмъ выше, тѣмъ холоднѣе.

Опять оба мальчика молчатъ и опять, послѣ долгаго молчанія, отвѣчаетъ Гордій, что нужно спросить объ этомъ учителя естественной исторіи, который тоже иногда бываетъ добрый.

Совсѣмъ темно. Мальчики встали и, на перегонки, бѣгутъ на верхъ сада, откуда видѣнъ соборъ и почти вся подгорная. Тамъ, обернувъ лица къ собору, мальчики становятся на колѣни, и Гордій говоритъ громко ту же молитву, что и у собора, съ добавленіемъ просьбы о прощеніи грѣховъ, какъ имъ, мальчикамъ, такъ и всей ихъ семьѣ, а равно и всѣмъ людямъ, а Вася, молча, кладетъ частые поклоны. По щекамъ обоихъ струятся обильныя слезы, а у Васи выступили на щекахъ красныя пятна: кровь отхлынула отъ успокоившейся молитвою головы ребенка, разлилась по всему тѣлу и пятнами выступила на его худенькихъ щекахъ.

Молитва кончена. Мальчики садятся и, какъ будто усталые, молча отдыхаютъ послѣ молитвы. А предъ ихъ глазами, въ окнахъ закрытыхъ иглою домиковъ подгорной, зажглись огни,—какъ ихъ много и какъ они разбросаны!... А на синемъ, безоблачномъ небѣ свѣтятъ и мерцаютъ звѣзды,—какъ онѣ манятъ и приковываютъ глаза мальчиковъ!... А кругомъ—тишина, тишина отдохновенія, сна природы, когда ухо не слышитъ, но душа чувствуетъ дыханіе спящей жизни.... Вотъ на соборной колокольнѣ тихо и мягко бьютъ часы: одинъ, два... восемь, и опять все тихо... Вотъ раздается робкое, слабое пѣніе соловья, но гдѣ-то застучала ѣдущая телѣга, и все опять смолкло... Вѣтеръ шелестнулъ деревьями, показались по небу звѣзды, безъ шума пролетѣла летучая мышь... Соловей запѣлъ громко, ему отвѣчаетъ другой, третій....

Мальчики встаютъ и тихо идутъ въ домикъ....

III.

Гордій въ четвертомъ классѣ и уже другой годъ казенно-коштнымъ пансіонеромъ; Вася прямо принятъ приходящимъ ученикомъ во второй классъ. Они учатся отлично; но Вася часто ловитъ галокъ, по выраженію учителя географіи. Осень. Идетъ урокъ географіи, въ классѣ тишина. Вася знаетъ урокъ, сидитъ смирно, но онъ невнимателенъ, онъ не смотритъ на доску, на

которой виситъ географическая карта и по которой учитель водитъ пальцемъ, показывая границы Африки. Вася позабылъ или не могъ слѣдовать совѣтамъ Гордія, устремлять глаза безъ смысла, но сдвинувъ брови, на учителя или на доску; поэтическая головка Васи въ это время занята солнечными часами, имъ самимъ придуманными,—и глаза его не смотрятъ на доску, а наблюдаютъ тѣнь на стѣнѣ отъ рамы окна. Тѣнь рамы замѣтно приближается къ черточкѣ карандаша на стѣнѣ.

— Сейчасъ тѣнь дойдетъ до черточки, думаетъ въ это время Вася, — и будетъ звонокъ.... Сегодня будетъ вкусный обѣдъ: отецъ вчера принесъ денегъ.... Онъ скоро выучитъ послѣ обѣда уроки, въ пять часовъ нарветъ въ саду сливъ и яблокъ и понесетъ ихъ Гордюшѣ въ гимназію.... Въ половинѣ шестаго у пансіонеровъ рекреація,—и онъ пойдетъ съ Гордюшей, на верхнюю галлерею, сперва походятъ тамъ, онъ скажетъ Гордюшѣ уроки, Гордюша поправитъ.... Потомъ они вмѣстѣ будутъ смотрѣть съ верхней галлереи, какъ бѣгаютъ на дворѣ и играютъ въ мячъ гимназисты.... Будутъ смотрѣть на горы, на орликовъ, что, какъ мертвые, распростерши крылья, висятъ въ воздухѣ....

— А гдѣ я показывалъ пальцемъ? Я тебя, галко-ловъ, спрашиваю! говоритъ учитель злымъ и громкимъ голосомъ и тащитъ Васю къ доскѣ.

Васи блѣденъ; на его высокомъ лбу жилки налились кровью, глаза широко раскрыты. Онъ хочетъ сообразить, найти границы Африки,—вѣдь около границъ Африки учитель водилъ пальцемъ.

— А ты не лови галокъ! Смотри на доску, не давая сообразить Васѣ, продолжалъ учитель. Маршъ въ сѣкущую, галко-ловъ!

. . . . . .

Воскресенье. Гордій торопливо идетъ изъ гимназіи въ отпускъ домой. Путь его не близокъ. Онъ, чуть не бѣгомъ, идетъ по глухимъ улицамъ и скромно, и ровно, какъ сказано въ его отпускномъ билетѣ, идетъ по главнымъ улицамъ. У него тревожный взглядъ, а въ головѣ рой мыслей.

— Почему съ четверга не ходитъ въ классъ Вася? Не боленъ-ли онъ? Онъ такой худенькій, блѣдный,—трудно-ли заболѣть, такъ легко простудиться.... А можетъ дома кто заболѣлъ? Нѣтъ, дома народу много,—Васю не будутъ держать.... Но ты скоро поправишься, мой дорогой, мой худенькій братишка! Я не отойду отъ тебя сегодня, буду разсказывать тебѣ, читать буду,— ты заснешь, сонъ укрѣпитъ тебя, ну, ты и поправишься....

Онъ вбѣгаетъ въ комнату. Его встрѣчаютъ сестры и сообщаютъ, что Вася боленъ, сильно боленъ, лежитъ въ безпамятствѣ съ четверга, и докторъ сказалъ, что если онъ сегодня не поправится, то — умретъ. Онъ входитъ въ маленькую комнатку, почти темную отъ закрытаго платкомъ окна, и съ трудомъ различаетъ лежащаго на постелѣ Васю. Вася лежитъ безъ движенія, блѣдный, съ засохшими, потрескавшимися губами, разбросанными рученками и съ громадной головой: она обрита, на ней положена мушка, она натянула уже пузырь и такъ сильно увеличила голову больнаго.... Около постели, сгорбившись, сидитъ отецъ, устремивъ глаза на больнаго сына. Онъ не замѣтилъ, какъ вошелъ Гордій; онъ принялъ его за одну изъ дочерей, и онъ отстраняетъ Гордія; рукой, какъ бы говоря, что онъ самъ будетъ ухаживать за больнымъ, чтобы не подходили къ нему.... Отецъ замѣтилъ ошибку, и Гордій въ объятіяхъ отца, и слезы, неудержимыя слезы бѣгутъ изъ глазъ старика отца и изъ глазъ молодаго, четырнадцатилѣтняго сына.

— Онъ сегодня къ вечеру поправится, тихо говоритъ отецъ, послѣ долгаго, безмолвнаго рыданія. Докторъ сказалъ, что сегодня молодыя силы возьмутъ верхъ, будетъ кризисъ.... Меня не было дома, когда онъ пришелъ изъ гимназіи. Мать говоритъ, что онъ пришелъ блѣдный и прямо легъ на диванъ.... Когда я пришелъ со службы, онъ уже былъ безъ памяти и весь въ жару. Я его раздѣлъ, думалъ — простудился мальчикъ,—положилъ въ свою постель, заперъ дверь на ключъ, самъ сѣлъ у дверей и никого къ нему не пускалъ: вѣтеръ не будетъ заходить, онъ поспитъ, успокоится и будетъ, Богъ дастъ, здоровъ.... Наступила ночь. Онъ началъ кричать. Я сѣлъ около него, а онъ началъ махать рученками, какъ будто убѣжать хочетъ. Я его легонько удерживаю и стараюсь разобрать, что онъ кричитъ. «Не буду! Я буду, ей Богу, буду смотрѣть на палецъ! Я умру!» — вотъ только это и кричалъ.... Въ пятницу утромъ замолкъ, и вотъ такъ лежитъ до сихъ поръ.... Ходилъ самъ за докторомъ и, спасибо ему, сейчасъ пришелъ,—это въ пятницу утромъ,— прописалъ что-то, но не осматривалъ, а только руку къ головѣ приложилъ.... Былъ опять въ субботу, а сегодня утромъ пришелъ съ цирюльникомъ, голову обрилъ, мушку на голову положилъ и сказалъ, что къ вечеру поправится,—будетъ кризисъ....

— Онъ умретъ, Гордюша! помолчавъ немного и какъ бы не владѣя собой и потому громко, вскрикнулъ отецъ. Докторъ

спросилъ: сколько у меня сыновей? Я сказалъ, что два, и онъ сказалъ, что сегодня вечеромъ у меня останется только одинъ сынъ....

Опять рыданія, долгія, молчаливыя рыданія отца и сына; казалось, слезы сами текли изъ ихъ глазъ, напряженно смотрящихъ на безжизненно лежащаго больнаго....

Отецъ и сынъ не отходятъ цѣлый день отъ больнаго. Къ вечеру Вася пришелъ въ сознаніе. Онъ открылъ глаза, мутные, безсмысленные глаза, и узналъ прежде всего Гордія. Онъ хотѣлъ вскочить съ постели, казалось, хотѣлъ броситься на шею Гордія, но отецъ удержалъ его рукою.

— Гордюша, началъ слабымъ, хриплымъ голосомъ Вася. Я умру.... Меня.... Я не шалилъ, Гордюша.... я зналъ урокъ.... Ты самъ сказалъ.... лучше нельзя, братишка.... Я не видалъ, гдѣ пальцемъ водилъ.... Я не вижу далеко....

На глазахъ больнаго мальчика показались чуть замѣтныя слезы. Онъ откинулъ голову, вздохнулъ, силился что-то еще сказать, но лицо конвульсивно подергивалось, ученки откидывались въ сторону, но словъ нельзя было разобрать. Онъ скоро умолкъ.

— Гордюша, заговорилъ черезъ нѣсколько минутъ больной. Вверху.... теплѣе.... чѣмъ внизу.... Тамъ ласточки шалятъ и дразнятъ ворона.... Тамъ орлики.... раскинувъ крылья висятъ.... грѣются.... солнышко.... Христосъ на небѣ.... Я тамъ.... молиться.... Гордюша.... отецъ....

Три тихіе вздоха вырвались изъ груди больнаго, и всему конецъ.... Вася умеръ.

IV.

Октябрь. Воскресный день. Холодновато. Былъ здоровый утренній морозъ, но въ полдень солнышко свѣтитъ ярко. Оно слабо грѣетъ; но скорый свой путь пробѣгаетъ весело, хотя все груститъ, зная скорое его исчезновеніе: деревья роняютъ свои листья и какъ бы плачутъ за короткую любовь къ нимъ солнышка; въ садахъ не поютъ птицы, и только вороны стаями перелетаютъ съ одного двора на другой.

Гордій въ легонькой шинелькѣ бодро идетъ изъ гимназіи въ отпускъ. Вотъ онъ идетъ по глухой улицѣ, усыпанной желтыми листьями деревъ, и къ нему, какъ будто выскочивъ изъ-за де-

рева, подходитъ скорой и нервной походкой, потупивъ глаза въ землю, отецъ.

— А я тебя, сынишка, поджидаю, говоритъ онъ. Въ соборѣ обѣдня давно кончилась, тамъ теперь безлюдно,—пойдемъ туда.... Я хочу разсказать тебѣ исторію, случившуюся со мной.... Ты, пожалуйста, не пугайся; исторія такъ себѣ.... Не я — первый, не я—и послѣдній.... Это можетъ случиться со всякимъ....

Глаза старика моргали, голосъ дребезжалъ, шагъ то ускорялся, то замедлялся. Гордій робко, со страхомъ смотритъ на него. Онъ хочетъ слушать, внимательно слушать, что говоритъ отецъ, а въ голову лѣзутъ навязчивыя мысли: «Что случилось? Не умеръ-ли дядя, которому Богъ за его молитву посылалъ успѣхъ въ дѣлахъ, и который, вѣроятно, не оставилъ отцу наслѣдства, о которомъ такъ часто говорила мать? Нѣтъ, не то. Отецъ былъ бы тогда скучный, сидѣлъ бы дома, не былъ бы такой растерянный.»

— Дѣло въ томъ, продолжалъ отецъ, но лучше мы сперва сядемъ около собора: знаешь, за колокольней. Тамъ никто не ходитъ, а видъ оттуда знатный.... Сперва холмики, потомъ горочки, а потомъ горы, и среди нихъ, какъ царь среди народа, Эльбрусъ.... Сперва зелененькія горы, потомъ все свѣтлѣй и свѣтлѣй, а потомъ и совсѣмъ бѣлыя, чистыя, бриллiантовыя.... Да, сынишка, на верху хорошо! Тамъ бриллiантовъ много.... А внизу — одна зелень, а зелень скотина топчетъ, кушаетъ. Сперва кушаетъ полегоньку, весной только листочки молоденькіе, а къ осени съ корнемъ повырветъ.... Скверно, сынишка, травушкѣ! Не даютъ ей разцвѣсть и покойно умереть....

Онъ остановился, какъ бы переводя духъ, но при этомъ шаги его, медленные во время разговора, стали торопливыми.

— Вотъ придемъ къ собору, я тебѣ подробно разскажу, какъ меня, бѣдную травушку, подъѣли.... Ну, да это ничего: ты не тревожься. Я немного колючая трава, меня сразу не съѣшь.... Видалъ, сынишка, какъ осенью козаки траву въ степи выжигаютъ? Издали красиво смотрѣть, а каково самой травушкѣ!

Они пришли къ собору и сѣли за уголъ колокольни. Отецъ молчалъ. Гордій смотрѣлъ въ землю, боясь встрѣтить блуждающій, тревожный взглядъ отца, который то часто хлопалъ вѣками, то устремлялъ глаза на одну точку, то скоро переходилъ глазами съ одного предмета на другой.

— Ишь, какъ высоко повисъ на воздухѣ! глядя на парящаго въ небѣ орла, продолжалъ отецъ. Помнишь, Вася предъ смертью вспоминалъ орликовъ.... Спалили и его, голубчика! Убили его!

Отецъ зарыдалъ. Онъ подперъ голову одной рукой, а другою обнялъ сына, притянувъ его къ своей груди, и слезы, крупныя слезы, падали изъ глазъ отца на лицо сына, мѣшались тамъ со слезами сына....

— Ты, Гордюша, ѣсть хочешь? порывисто спросилъ отецъ, и, не дожидая отвѣта, вынимаетъ изъ кармановъ баранки, яблоки и сливы.—Я, братъ-сынишка, припасъ про тебя. Я съ утра не ѣлъ и не хочу ѣсть, а ты кушай.... Я—старикъ, а ты—дитя, ты кушай.... Такъ, такъ, молодчина! Глядя на тебя, и я яблоко съѣмъ.

Гордій ѣлъ жадно, а отецъ нехотя кусалъ и медленно пережевывалъ. Первый рвался услышать, что случилось съ отцомъ, но инстинктивная жалость къ любимому отцу удерживала его отъ разспросовъ, а второй медлилъ раскрыть свое горе предъ другомъ-сыномъ, боясь потерять его любовь къ себѣ.

— Но Гордюша пойметъ, думалъ отецъ. Онъ у меня умный, онъ не похожъ на сестеръ. Онъ проститъ отца, если даже я виноватъ.... Рѣшимость придала старику бодрости, и онъ заговорилъ ровно, внятно:

— Ты часто слышалъ, Гордій, упрекъ матери, что такіе же чиновники, какъ и я, даже занимающіе мѣсто хуже моего, имѣютъ свои дома, дѣти ихъ ходятъ, какъ куколки, а у меня, кромѣ долговъ, ничего нѣтъ. Откуда чиновники все это берутъ? Жалованье у нихъ не болѣе моего, а у другихъ даже менѣе!... Они берутъ взятки, надуваютъ просителей, тянутъ съ одной стороны и съ другой, противной, обѣщаютъ и той, и другой, а въ концѣ концовъ, сдѣлаютъ въ пользу того, кто имъ больше надавалъ. Они умѣютъ дѣлиться съ высшими, и потому дѣло бываетъ шито-да-крыто....Они заглушили въ себѣ совѣсть, усвоили взятки, какъ жалованье казны, безъ чего немыслимо существованіе службы.... Я не могъ усвоить этого, я не бралъ взятокъ, меня къ тому не допускала вѣра въ Бога, стыдъ, честь.... Ты, сынишка, спросишь: откуда же ты, отецъ, приносилъ домой—рѣдко, правда, а все же приносилъ, по сто, по пятидесяти, по десяти и по пяти рублей? Правда, правда. Я приносилъ въ годъ разъ пять—шесть такія деньги, всего въ годъ рублей двѣсти — три-

ста... Онѣ не валились мнѣ съ неба, мнѣ давали ихъ люди, но давали за мой трудъ, за то, что я работалъ, что я училъ просителей, какъ надо вести дѣло, что указывалъ статьи закона, на которыя имъ нужно опираться. Но я не бралъ денегъ за то, что или пускалъ ихъ дѣло въ ходъ, или держалъ дѣло подъ сукномъ, или подводилъ дѣло подъ подходящія статьи закона, но идущія въ разрѣзъ съ правдою дѣла.... Клянусь Господомъ Богомъ, совѣсть моя чиста! Я не обидѣлъ ни одного человѣка, не гнулъ закона въ одну сторону, какъ объ этомъ меня ни просили, какія деньги за это ни предлагали.... Но если ко мнѣ приходилъ проситель, разсказывалъ въ чемъ его дѣло, спрашивалъ какъ ему поступить, — я ему это разъяснялъ, и за это, только за это, получалъ благодарность.... Иногда просили меня написать прошеніе, и я, если видѣлъ, что трудно найти просителю сочинителя, по серьезности его дѣла, по запутанности законовъ объ его дѣлѣ,—я сочинялъ прошеніе.... Какую же я плату бралъ за свой трудъ? Я бралъ, что давали, я никогда не торговался, не говорилъ — мало, не просилъ больше.... Скажи же, мой сынишка, есть-ли въ моихъ поступкахъ неправда, беззаконіе?

Гордій, нахмуривъ брови, слушалъ внимательно; но онъ плохо понималъ отца. Въ его головѣ не рисовалась картина; отвлеченныя мысли отца не слагались ни во что опредѣленное, ясное,— и онъ молчалъ, стараясь припомнить еще разъ слова отца.

— Ты плохо понялъ меня, мой глупенькій мальчикъ? спросилъ отецъ, послѣ нѣсколькихъ пытливыхъ взглядовъ, брошенныхъ на сына.—Я разскажу тебѣ понятнѣй. Кто правъ изъ двухъ учителей? Одинъ, послѣ уроковъ въ классѣ, занимается на дому съ гимназистомъ, сыномъ богатаго человѣка, который платитъ учителю за это деньги, платитъ за то, что учитель помогаетъ мальчику приготовлять на дому уроки; но въ гимназіи, въ классѣ, учитель забываетъ объ ученикѣ, за котораго ему платятъ, одинаково для всѣхъ учениковъ объясняетъ урокъ, одинаково—ровно вызываетъ всѣхъ къ доскѣ, ставитъ всѣмъ баллы по отвѣту... Другой учитель—не таковъ. Онъ тоже получаетъ деньги, чтобы помогать гимназисту приготовлять послѣ обѣда уроки; но этотъ учитель лѣнивъ, не занимается дома съ гимназистомъ, проводитъ послѣобѣденное время въ свое удовольствіе, а за то прямо ставитъ своему ученику пятерку или четверку, хотя тотъ плохо знаетъ урокъ; онъ и другихъ учителей проситъ быть несправедливыми,

и тѣ, по добротѣ или дружбѣ, соглашаются... Какой же изъ двухъ учителей правъ? котораго ученики болѣе любятъ?

— Первый—честный человѣкъ, а второй—плутъ и мошенникъ! порывисто и громко отвѣчалъ Гордій.

— Ну, слушай далѣе, мой глупый мальчикъ, продолжалъ отецъ.—Ты видѣлъ у меня толстыя книги? Это—законы. Такихъ книгъ до сотни. Сколько нужно потратить времени, чтобы знать хорошо, гдѣ, что и какъ написано въ этихъ книгахъ!... Простой народъ, мѣщане, купцы, военные не знаютъ законовъ. Который же изъ двухъ чиновниковъ лучше? Тотъ-ли, который выслушаетъ человѣка, въ чемъ его дѣло, справится съ законами и потомъ скажетъ, куда и какъ нужно обратиться съ просьбой? Или тотъ, который прямо скажетъ: дайте мнѣ вотъ столько рублей, и я дѣло рѣшу въ вашу пользу? Незнающій законовъ человѣкъ даетъ деньги, а чиновникъ начинаетъ вести дѣло только затѣмъ, чтобы противная сторона явилась къ чиновнику, дала ему взятку, а потомъ чиновникъ возьметъ да и спрячетъ дѣло. Проходитъ годъ. Приходитъ къ чиновнику первый проситель, спрашиваетъ о своемъ дѣлѣ,—не по формѣ написано прошеніе, отвѣчаетъ чиновникъ.—Напишите другое, и дѣло будетъ рѣшено въ вашу пользу... Чешетъ въ головѣ проситель, пишетъ опять прошеніе, опять даетъ взятку чиновнику, и опять тотъ дѣлаетъ то же самое... Ну, понялъ, сынишка?

— Да, да! Второй—обманщикъ, а первый—честный человѣкъ! порывисто и громко отвѣтилъ Гордій.

— Такъ и мнѣ кажется... Послушай же, что будетъ дальше, болѣе оживленно, продолжалъ отецъ.—Бѣдный тягался съ богатымъ. Онъ пришелъ ко мнѣ и слезно просилъ помочь. Я зналъ его дѣло, оно было у меня въ столѣ. Онъ уже жаловался въ судъ, въ губернское правленіе и вездѣ проигралъ, а между тѣмъ онъ былъ правъ... Я пожалѣлъ его и написалъ ему прошеніе въ сенатъ. Я хорошо написалъ! Не спалъ ночи, каждое слово обдумалъ, каждую строку нѣсколько разъ передѣлывалъ, трое сутокъ рылся въ законахъ,—и вышло прошеніе хорошее. Я самъ зачитывался имъ!... Сенатъ, послѣ моего прошенія, потребовалъ къ себѣ дѣло и рѣшилъ его въ пользу бѣдняка... Ну, какъ ты думаешь, хорошо я сдѣлалъ?

— Да, да, отецъ! и Гордій хватаетъ руку отца и крѣпко цѣлуетъ ее.

— А вышло, что скверно... Бѣдный сталъ богатъ и, угощая, по поводу другаго дѣла, совѣтника моего стола, хвалилъ меня и, по простотѣ, показалъ ему мое черновое прошеніе... По нашимъ законамъ, чиновникъ не имѣетъ права самъ сочинять прошенія по дѣламъ, которыя въ его столѣ... Совѣтникъ взялъ да и представилъ мое прошеніе губернатору... И вотъ, за это прошеніе меня прогнали со службы, при всѣхъ въ присутствіи назвали взяточникомъ, крючкодѣемъ!...

Отецъ гордо смотрѣлъ, глаза его разширились, онъ теперь далекъ былъ отъ грусти. Подъ вліяніемъ оправданія сыномъ, въ немъ зашевелился протестъ, заговорило возмущенное чувство правды. Но протестъ, геройство не могутъ долго владѣть чувствомъ и мыслями бѣднаго, обремененнаго семействомъ чиновника. Онъ скоро начинаетъ сознавать, что нѣтъ пользы отъ самовосхваленія, что его протестъ и гнѣвъ далѣе безлюднаго мѣста у собора не пойдутъ, а семья лишилась средствъ къ жизни, а жена будетъ пилить его каждую секунду, а по городу пойдетъ слухъ о немъ, какъ о взяточникѣ, и слухъ дойдетъ до дѣтей!... И вотъ, бойкій шалунъ начинаетъ звать его Гордюшу, его единственнаго дорогаго друга-сына, — сыномъ взяточника!... Нѣтъ, это тяжело! Это выше гнѣва на несправедливость!... И какъ-то сразу пропадаетъ гнѣвъ, и только скорбь, тоска, жалость наполняютъ всего старика. И хлынули слезы изъ глазъ его, и бѣгутъ онѣ ручьями по щекамъ его, и онъ сидитъ безъ движенія, какъ статуя, изъ глазъ которой струится фонтанъ слезъ.

Гордій тоже сидитъ безъ движенія. Рядъ тревожныхъ вопросовъ, какъ рой пчелъ, закружились и зашумѣли въ его головѣ.

— Гдѣ же правда? Въ гимназіи нѣтъ правды. Гимназисты богатыхъ родителей безъ труда сидятъ на первыхъ партахъ; сильные бранятъ и бьютъ слабыхъ; юркій шалунъ избѣгаетъ порки, а его Вася, его худенькій, робкій Вася, умеръ отъ розогъ!... Въ судѣ тоже нѣтъ правды! Его отецъ, вѣчный труженикъ, спина котораго согнулась отъ вѣчнаго сидѣнія за бумагами, — и вотъ онъ прогнанъ, этотъ богомольный тихій старикъ, прогнанъ со службы, прогнанъ, какъ крючкодѣй!... Гдѣ же правда, гдѣ же правда?...

Но мысли мальчика принимаютъ другое направленіе, при видѣ слезъ отца, его убитой, окаменѣлой фигуры:—Вѣдь онъ правъ, чего же плакать? мелькаетъ у мальчика вопросъ; но, вмѣсто отвѣта, невольно лѣзетъ и ему въ голову мысль: что же будетъ

съ матерью, дѣтьми теперь, когда отецъ не будетъ доставать денегъ?... И ему рисуются картины нужды, горькой нужды! И не можетъ онъ безъ слезъ видѣть этихъ картинъ, и рыдаетъ онъ безъ всхлипыванія, безъ вздоховъ, какъ отецъ, неподвижно сидя, и безцѣльно смотритъ впередъ, хотя слезы слѣпили глаза....

А осеннее солнышко уже дошло до горизонта, готовится скоро спрятаться и какъ бы дразнитъ природу. Смотри, молъ, природа, какое я хорошенькое, сколько силы во мнѣ и пожалѣй, что я скоро ухожу, поскучай обо мнѣ; вѣдь ты, природа, женщина, ты любишь веселье и смѣхъ, любишь перемѣны, долгая привязанность, даже красавца-солнышка, наскучаетъ тебѣ. Да, солнышко знаетъ это, и, яркое, широкое, какъ распустившійся павлинъ, поворачиваясь и опускаясь все ниже и ниже, испускаетъ снопы мягкихъ, не жгучихъ, пріятно-теплыхъ, заманчиво-яркихъ, кокетливыхъ лучей....

Смотритъ соборъ на солнышко, и горятъ его позолоченные куполы, и гордо посматриваютъ они на желѣзныя крыши домовъ города, что не умѣютъ они такъ свѣтло смотрѣть на солнышко, что только кое-гдѣ, какъ маленькія звѣздочки, сверкаютъ крыши тамъ, гдѣ краска соскочила съ нихъ.... Смѣется соборъ надъ каланчей полиціи, что, какъ дурная трава, вытянулась она и стоитъ, какъ оголенное отъ вѣтвей дерево на толстомъ пнѣ, съ окошками, какъ трещинами въ корѣ сухаго дерева, и съ сторожемъ въ черномъ плащѣ, какъ вороной на самой верхушкѣ того же оголеннаго дерева. И доволенъ соборъ, что солнышко какъ бы не обращаетъ вниманія на каланчу, что оно только невзначай, ошибкою, изрѣдка броситъ на каланчу снопъ слабыхъ лучей; и, чуть-чуть отразясь въ угольномъ окнѣ, не освѣщаютъ эти лучи каланчи, и стоитъ она скучная, высокая, худая.

Недоволенъ соборъ подгорною и ревнуетъ онъ ее къ солнышку. Ишь, вѣдь, какъ обняло солнышко сады и бѣлыя хатки въ подгорной! Какъ нѣжится оно въ зелени садовъ и какіе переливы оставляетъ на этихъ садахъ! Вонъ, какъ желтые цвѣты водяной кувшинки на темной водѣ заросшаго озера, разбросаны среди садовъ подгорной золотистыя кущи яблонь. Онѣ уже съ пожелтѣлыми листьями; но солнышко своими лучами прильнуло къ нимъ, а яблоньки обхватили лучи солнца своими объятіями, закрыли ихъ своими вѣтвями, и только листья выдаютъ поцѣлуи солнышка съ яблоньками, изъ желтыхъ сдѣлались красными, какъ румянецъ на щекахъ красавицы выдастъ жгучій поцѣлуй

ея любовника... Вонъ цѣлыя рощи вишень. Онѣ уже совершенно безъ листьевъ и, какъ старыя кокетки, шалятъ и играютъ съ солнышкомъ: ихъ сѣренькая, тоненькая, гладко-обтянутая кожа блеститъ, но не краснѣетъ, а капельки клея, выступившія изъ трещинъ коры, горятъ, какъ алмазы перстней на сухихъ пальцахъ старухи.... Но болѣе всего нѣжится солнышко съ березками. Его лучи пронизываютъ жиденькія, стыдливо-опущенныя внизъ вѣточки березокъ, пробѣгаютъ мимо ихъ и ласкаютъ травку у корней; и скучаютъ, ревнуютъ вѣточки березокъ, и жалобно, безжизненно склонились онѣ своими головками, какъ бы стыдясь посмотрѣть на солнышко, какъ бы завидуя и любуясь счастьемъ травушки внизу; и жалко стало березокъ солнышку, и бросило оно на нихъ снопы шаловливыхъ лучей, но березки, какъ бы пугаясь нежданной ласки, стали блѣдными, бѣлая кожа ихъ еще болѣе побѣлѣла, какъ будто кровь отхлынула отъ коры, а лучи солнца, какъ бы довольные ихъ стыдливостью, сплошною массою слабыхъ блестокъ отражаются отъ каждой точки березокъ...

Не доволенъ соборъ и горами. Съ нимъ играетъ солнышко, какъ со школьникомъ, и какъ школьникъ, когда наставнику вздумается съ нимъ пошалить,—весь одна улыбка и радостная дрожь, такъ и соборъ горитъ и сіяетъ золотыми куполами, блеститъ стеклами въ окнахъ, отражаетъ свѣтъ и отъ священныхъ картинъ въ нишахъ, и отъ алебастровыхъ карнизовъ, и отъ водосточныхъ трубъ. А съ горами солнышко обращается, какъ съ солидными людьми. Какъ ровно, покойно, серьезно стоятъ горы! Онѣ сплошь одѣты темно-синею дымкою, и только вершины ихъ блестятъ и сверкаютъ, какъ сверкаютъ штыки далеко протянувшейся рати солдатъ, а Эльбрусъ, какъ герой-полководецъ въ блестящей каскѣ на высоко-поднятой головѣ, гордо стоитъ среди горъ....

Недоволенъ соборъ и начинаетъ онъ хмуриться, начинаютъ не горѣть огнемъ, а только—желтѣть его куполы, а солнышко, какъ-бы испугавшись гнѣва собора, взяло да и спряталось совсѣмъ... Но вмѣсто солнца взошла полная луна. И обрадовался ей соборъ, и опять, какъ школьникъ, шалитъ онъ съ луною, не обращая вниманія на то, что и луна лучше, солиднѣе смотритъ и, какъ будто, толковѣе разговариваетъ и съ горами, и съ садами, и съ домиками подгорной, чѣмъ съ нимъ, пятиглавымъ соборомъ.

— Тебѣ пора въ гимназію, сказалъ послѣ долгаго молчанія отецъ, лѣниво вставая.

Гордій тоже лѣниво поднялся и они пошли.

— Нѣтъ правды на свѣтѣ, сынишка! громко, какъ - бы не владѣя собой, началъ отецъ.—Какъ Содомъ и Гоморра провалится скоро русская земля, отъ воровства и преступленій.... *) Видишь, сынишка, площадь съ казенными домами? Вонъ магазины провіантскихъ и коммиссаріатскихъ коммиссій. Они должны поставлять хлѣбъ, сухари, крупу, сукно, холстъ, сапоги и все прочее для нашего войска, а развѣ тамъ это дѣлаютъ? Тамъ чиновники наживаютъ деньги, берутъ съ подрядчиковъ тысячи, сотни тысячъ, кладутъ ихъ себѣ въ карманъ, а войску доставляютъ вмѣсто сухарей—гниль съ пескомъ и кирпичомъ, вмѣсто сукна—дрянь, расползающуюся между пальцами, сапоги — изъ дряной кожи съ кардонными подошвами, такіе же—рубахи, медикаменты, палатки. Что имъ за дѣло, что гибнетъ русское войско не отъ пуль и штыковъ врага, а отъ голода и холода, идущихъ отъ этихъ коммиссій! Чиновники наложили себѣ тысячи въ карманъ, имъ все равно. Развѣ они боятся суда?... И кто-же судить будетъ? Развѣ воръ можетъ судить вора! А кто не воръ? Гдѣ такой человѣкъ?... Вонъ уѣздный судъ, вонъ уголовная палата; но развѣ имъ можно позволить судить тѣхъ, у кого есть деньги! Они осуждаютъ только несчастныхъ крестьянъ, когда тѣ, выйдя изъ терпѣнія, бунтуютъ противъ помѣщиковъ. Помнишь, сынъ, какъ два года назадъ, мы отъ собора смотрѣли, какъ вонъ тамъ, изъ-за той горки, стрѣляли изъ пушекъ по возмутившимся крестьянамъ Каланторова?... А вонъ видишь, сынишка, полицію? Ты думаешь, она ловитъ воровъ, оберегаетъ жителей города отъ грабежа и насилія? Нѣтъ, мой глупый мальчикъ. Она сама воруетъ и держитъ на службѣ воровъ; но за то отлично бьетъ купцовъ, поретъ чуть не до смерти мѣщанъ и солдатъ ограбленной пожарной команды... Помнишь, сынишка, какъ въ прошлыя каникулы мы были съ тобой на пожарѣ? Пожарная команда пріѣхала безъ воды, съ дырявыми бочками, поломаннымъ насосомъ, порванною кишкой? За то, какъ ловко кварташки хлопали по лицамъ несчастныхъ водовозовъ, что медленно возили воду

*) Читатель, вѣроятно, догадается, что старикъ говоритъ сыну вскорѣ послѣ Крымской войны, и что къ настоящему времени слова старика относиться не могутъ. *Авт.*

на своихъ замореныхъ лошаденкахъ!... А конецъ! Помнишь конецъ? Мы были около полиціи, когда пожарная команда возвращалась съ пожара. У одной бочки свалилось колесо съ дрогъ.— Пороть солдата—кучера! гаркнулъ полицеймейстеръ. Мы пошли скорѣе, но крикъ несчастнаго солдата долеталъ до насъ.... А вѣдь онъ старикъ былъ!... Онъ лежалъ болѣе года хворый послѣ порки!... Какимъ онъ страшнымъ смотрѣлъ потомъ, въ могилу глядя, но продолжая чистить конюшни!...

Гордій хорошо помнилъ этотъ случай. Онъ дрожалъ тогда всѣмъ тѣломъ, когда, послѣ взвизга розогъ, раздавались отчаянные крики солдата. Онъ видѣлъ потомъ болѣзненное, зеленое лицо солдата и слышалъ его глубокій, какъ бы надрывающій всѣ его внутренности, кашель.

— Ну, да Господь прости имъ всѣмъ! спокойно продолжалъ отецъ.—Я не затѣмъ сильно хотѣлъ видѣться съ тобой, чтобы бранить тѣхъ, кто насъ не слышитъ. Я хотѣлъ сказать тебѣ, что я уѣду къ дядѣ.... А ты оставайся тутъ одинъ. Учись, старайся попасть въ университетъ, а потомъ работай честно, не забывай тогда меня и семью... Только дай себѣ зарокъ, сынъ, не служить ни въ гражданской, ни въ военной службѣ. Будь учителемъ. Это служба честная, а остальныя службы скверныя... Мой зарокъ тебѣ, сынъ, чуждайся ихъ, какъ черта... Ну, да объ этомъ мы съ тобой писать будемъ... А теперь прощай. Совсѣмъ прощаться ты еще придешь, а теперь только на время...

Отецъ креститъ сына, цѣлуетъ его разъ, другой, третій и припадаетъ къ лицу сына на нѣсколько минутъ. На соборной колокольнѣ бьютъ часы. Отецъ отбѣгаетъ, отстранивъ сына, и идетъ въ одну сторону, а сынъ въ другую. Отецъ оглядывается часто на сына, а сынъ скорой походкой, вытянувшись, какъ солдатъ, не оборачиваясь, зашагалъ въ гимназію. Онъ вошелъ въ темный корридоръ гимназіи, поднялся по лѣстницѣ во второй этажъ и остановился. Направо шелъ ярко-освѣщенный корридоръ, ведущій въ классный залъ пансіонеровъ, а прямо противъ него шла темная широкая лѣстница, ведущая къ гимназической церкви. Гордій опрометью побѣжалъ по лѣстницѣ и, какъ-бы мгновенно остановленный какой-то посторонней силой, упалъ передъ дверью церкви, стукнулся лбомъ объ полъ и безъ словъ и мыслей рыдалъ, слезы текли изъ его глазъ и обильно падали на полъ у дверей храма.

— За что Ты караешь меня? Чѣмъ я заслужилъ гнѣвъ Твой? За что Ты вводишь меня во искушеніе? шепталъ онъ, стоя на колѣнахъ и устремивъ глаза вверхъ, въ темноту, въ то мѣсто, гдѣ висѣлъ надъ дверью маленькій образъ Христа, благословляющаго дѣтей.—Пожалѣй меня, Господи! Простри руку Твоей помощи надъ несчастнымъ старикомъ-отцомъ, не доведи до злобы и отчаянія сердце мое! Я выучу наизусть евангеліе Твое, я буду поступать по заповѣдямъ Твоимъ, я посвящу всю жизнь мою на служеніе Тебѣ; только не карай меня болѣе, не посылай несчастій на семью мою....

Онъ спустился съ лѣстницы, вошелъ въ освѣщенный корридоръ. Съ нимъ столкнулся товарищъ по классу, сынъ чиновника, уже успѣвшій узнать исторію съ отцомъ Гордія.

— А, кантонистикъ, что, братъ, не веселъ? спрашиваетъ гимназистъ.—Отца поймали... и прогнали со службы! Жаль мнѣ тебя, кантонистикъ! И твоего старика жаль! Онъ такой тихенькій....

Гордій со всего размаха трахнулъ по лицу сожалѣвшаго товарища и, самъ не сознавая сдѣланнаго, не останавливаясь, вытянутой походкой отправился далѣе.

А гимназистъ сперва ошалѣлъ, потомъ хотѣлъ крикнуть, потомъ хотѣлъ догнать кантониста, избить его; но, въ заключеніе, остался на мѣстѣ и, потирая рукой щеку, бормоталъ про себя:—этотъ проклятый кантонистъ сталъ удивительно страшнымъ и смѣшнымъ! Ужъ на что азіатъ нашъ, Кумызовъ, а и тотъ струсилъ третьяго дня. Проклятый кантонистъ насупилъ брови, втянулъ щеки въ ротъ, стиснулъ зубы и смѣло подошелъ съ кулаками къ азіату. Будешь меня трогать? не крикнулъ, а какъ гадина прошипѣлъ кантонистъ. И азіатъ струсилъ. Не буду, говоритъ, какъ взглянулъ на руку кантониста.... Чертъ съ нимъ! Не буду и я его трогать.... А что онъ угостилъ меня по мордѣ,—никто не видѣлъ.... Кантонистъ, какъ лѣшій молчаливый, не скажетъ никому....

V.

— Да, и ты, отецъ, всѣхъ посылалъ въ Сибирь, продолжалъ думать Могутовъ, когда, какъ молнія, промелькнули въ его умѣ, какъ живыя картины, быстро смѣняясь одна за одной, пронесшись предъ его глазами, сцены его дѣтства. А сколько

лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ?... И выводъ одинъ и тотъ же: всѣхъ въ Сибирь!... Не много-ли и такъ уже!... Да и какой смыслъ? Перемѣна мѣстъ не сдѣлаетъ насъ лучшими, особенно, когда всѣ сразу перейдемъ на новое мѣсто.... Тяжелый, но смѣшной крикъ слабыхъ волею людей.... Пора подумать о работѣ.... Завтра пойду съ визитомъ къ полицеймейстеру и попрошу его дать или указать, гдѣ найти работу.... «Дай слово себѣ не служить, чуждайся службы какъ черта»—это-то я исполню, отецъ. Доволенъ-ли ты сыномъ?... Явись мнѣ, какъ являлась мать некрасовскому «Рыцарю на часъ!...» А обстановка почти тождественна.... «Даль глубоко прозрачна, чиста, мѣсяцъ полный плыветъ надъ дубровой, и господствуютъ въ небѣ цвѣта голубой, блѣдносиній, лиловый».... «Появись легкой тѣнью на мигъ! Всю ты жизнь прожила нелюбимая, всю ты жизнь прожила для другихъ!» громко продекламировалъ Могутовъ и вперилъ глаза въ глубь аллеи сада.

До него долетѣлъ шумъ шаговъ и говоръ двухъ громкихъ голосовъ.

— Это недавніе знакомые, подумалъ Могутовъ, узнавъ по гнусавому голосу Переѣхавшаго и по захлебыванію словъ—Пантюхина, которые оба, поровнявшись съ нимъ, начали пристально всматриваться въ него.

— Это онъ, тихо сказалъ Пантюхинъ.

— Идемъ къ гражданину правды! громко сказалъ Переѣхавшій, и оба пріятеля подошли къ Могутову.

— Позвольте вамъ, милостивый государь, началъ серьезно и не очень пьянымъ языкомъ Переѣхавшій. Позвольте сказать вамъ искреннее благодарю за то, что вы въ трудныхъ случаяхъ жизни можете оставаться правдивы и находчивы!... При правдивости, логикой мысли способны усмирять звѣрей!... Позвольте вашу.... руку вашу пожать, гражданинъ!... и онъ схватилъ руку Могутова, вставшаго на ноги, и, крѣпко пожимая и потрясая ее, продолжалъ:

— Жми, Пантюхинъ, его руку! Жми крѣпче его честную, крѣпкую руку!... Жми, только жми, и онъ совалъ руку Могутова въ руки Пантюхина, не выпуская ее изъ своихъ рукъ.

— Извините.... обезпокоили.... но долгъ глубокаго уваженія.... Правда, при умѣ,—бриллiантовое зерно среди навоза.... робко говорилъ Пантюхинъ, ловя руку Могутова.

— Молчи, Пантюха! Ты жми его руку и молчи,—я долженъ говорить! громко вскрикнулъ Переѣхавшій. Замѣтно было, что хмѣль у обоихъ пріятелей значительно уменьшился, что они уже могли сознательно владѣть языкомъ и конечностями тѣла и только откровенность, сообщительность и бойкость языка указывали на ихъ недавній сильный хмѣль.

— Я не знаю, кто вы, милостивый государь, и зачѣмъ изволили пожаловать въ наши палестины, продолжалъ, силясь быть серьезнымъ и прочувствованнымъ, Переѣхавшій. Предполагаю, что, благодаря желѣзной дорогѣ, вамъ захотѣлось пріѣхать изъ столицы и посмотрѣть на нашъ священный градъ.... И вы, какъ свѣтлый метеоръ, пролетите надъ градомъ. Палестинцы—слѣпы, они не замѣтятъ метеора.... но среди нихъ есть человѣкъ, занесенный къ нимъ ураганомъ жизни.... Этотъ человѣкъ замѣтитъ метеоръ! Этотъ человѣкъ — я.... Викторъ, Александровъ сынъ, Переѣхавшій, замѣтилъ метеоръ правды и ума, мгновенно пролетѣвшій надъ палестиною.... Викторъ Переѣхавшій сочинитъ для віолончели симфонію,—нѣтъ элегію á la Эрнстъ.... Позвольте ему присѣсть за это около васъ....

— Сдѣлайте одолженіе. Я очень радъ познакомиться, только я не такая цаца, какъ вы предполагаете, и проживу въ вашемъ городѣ....

— Въ нашихъ палестинахъ! прервалъ Могутова Переѣхавшій. У насъ палестины, милостивый государь!

— Пожалуй въ вашихъ палестинахъ проживу, вѣроятно, долго....

— Жалѣю, жалѣю отъ глубины! опять горячо и громко прервалъ Переѣхавшій Могутова. Жалѣю отъ глубины понимающаго мысль и правду ума!... Пропадете! Испортитесь въ палестинахъ! Дрянью станете, милостивый государь!...

— Что же дѣлать, замѣтилъ Могутовъ.

— По какому дѣлу изволили пожаловать въ нашъ Іерусалимъ? спросилъ Пантюхинъ, видя, что Переѣхавшій молчитъ и сильно сапитъ носомъ,—знакъ, что онъ не скоро заговоритъ, и ужъ что-нибудь очень и очень умное.

— Пріѣхалъ жить въ вашъ городъ, отвѣчалъ Могутовъ. Думаю искать тутъ работы. Не посовѣтуете-ли вы, господа, къ кому обратиться за чертежной работой? Я и фабричное дѣло понимаю.

— Да вы кто такой будете? спросилъ Переѣхавшій. Вы насъ не пугайтесь.... Мы люди пьяные сегодня, но у насъ душа есть, у насъ совѣсть есть.... Мы—жалкіе, но мы не дурные люди.... Не бѣгите насъ! схвативъ руку Могутова и дребезжащимъ голосомъ, продолжалъ Переѣхавшій. Намъ трудно оставаться честными людьми среди палестинцевъ. Не бѣгите насъ!... Утри мнѣ слезы, Пантюхинъ! бросая руку Могутова, громко и жалобно окончилъ Переѣхавшій.

— Я присланъ сюда подъ надзоръ полиціи. Пріѣхалъ сегодня утромъ. У меня здѣсь нѣтъ знакомыхъ, и я очень радъ, что случай свелъ съ вами.

— Братъ! Кровный! Братенекъ мой! бросаясь на шею Могутова, кричалъ громко Переѣхавшій. Онъ обнялъ Могутова, припалъ къ его лицу губами и цѣловалъ его гдѣ попало, чуть не царапая очками его лица. А Пантюхинъ схватилъ руку Могутова и началъ цѣловать ее.

Кровь бросилась въ голову Могутова. Онъ вырвалъ руку изъ рукъ Пантюхина, вскочилъ на ноги, хотѣлъ было бѣжать, но обхватилъ Переѣхавшаго своими сильными руками, сжалъ его, приподнялъ, крѣпко поцѣловалъ и бережно посадилъ.

— Только рабы цѣлуютъ руку у пановъ. Я не панъ, и не думаю найти въ васъ раба, а поэтому забудемъ это и поцѣлуемся, сказалъ онъ серьезно Пантюхину и поцѣловался горячо съ нимъ.

— Ты мой сосѣдъ, успокоившись говорилъ Переѣхавшій, еще замѣтнѣе въ носъ, но не громко, сильно дребезжащимъ голосомъ, въ которомъ ясно была слышна слезливая нота. Тебя самъ Богъ мнѣ послалъ.... А ты знаешь, кто я?... Я, братъ, кончилъ курсъ въ Горигорецкомъ Институтѣ.... Былъ пять лѣтъ учителемъ въ М — нскомъ земледѣльческомъ училищѣ въ С — вской губерніи.... Меня любили ученики.... А я для нихъ всю душу, все здоровье, все время, всего себя отдавалъ!... Попъ, Богъ ему судья, донесъ на меня.... Меня прогнали.... Ахъ, какъ прощались ученики со мной!... Меня сгубили; но я не жалѣю: какъ они прощались со мной,—мнѣ больше ничего не нужно!... Они и теперь помнятъ меня, письма пишутъ, а я ихъ подбодряю своими отвѣтами.... Меня тоже упрятали подъ надзоръ и пять лѣтъ держали подъ нимъ.... Тяжело, больно тяжело!... Я голодалъ, я въ носъ говорю, я рыбій жиръ пью,—а было время и я такой какъ ты, добрый и бравый молодецъ былъ.... «Гдѣ-жъ

дѣвалася сила дюжая, доблесть царская, рѣчь высокая?...» пропала, пропала на вѣкъ!... Онъ зарыдалъ, и слезы крупными каплями текли изъ его глазъ....

— И я одичалъ... Я ацтекомъ сталъ... въ кубѣ ацтекомъ... тоже рыдая, мямлилъ Пантюхинъ....

— Неужто такъ страшно?... Не идеальничаемъ-ли?... Жажду дѣла въ груди затая, горячась отъ безплодныхъ сомнѣній, былъ лѣнивъ какъ Обломовъ Илья и скучалъ какъ Онѣгинъ Евгеній»,— такъ что-ли? думалъ въ это время Могутовъ....

— Освободили меня, продолжалъ Переѣхавшій, — освободили разбитаго, безъ средствъ, и я тысячу верстъ сдѣлалъ пѣшкомъ и съ віолончелью за плечами.... Игралъ по дорогамъ, деревнямъ и селамъ; кланялся низко за брошенный изъ окна пятакъ; цѣловался съ пьяными мужиками у кабака или на свадьбѣ; лазаря игралъ съ нищими на базарахъ.... Ну, вотъ и пришелъ я, такимъ образомъ, въ эти палестины. Тутъ у меня родня есть,—захотѣлось умереть среди близкихъ. Мнѣ скоро сорокъ будетъ и срокъ тоже скоро будетъ... Сестра тутъ у меня за учителемъ, Подосеновымъ. Я тебя съ нимъ познакомлю: увидишь педагога, посмотришь что за мужъ... Еще тутъ товарищъ по Горигорецкому, Вороновъ, есть. Совѣтникъ губернскаго правленія и родственникъ губернатору — знатная протекція!... Ну, вотъ и живу тутъ. Меня любятъ палестинцы: ноги не подставляю, подслушиваю какую ни на-есть душу ихъ, плачу, когда они плачутъ, смѣюсь, когда они смѣются, — а это и нравится нашимъ жалкимъ палестинцамъ. Они, братъ, жалкіе! Глупы до жалости и добры до мордобитія!... Дали мнѣ мѣсто въ статистическомъ комитетѣ—тридцать рублей въ мѣсяцъ и книги изъ библіотеки даромъ брать можно. Я и счастливъ. Поломанному, разбитому человѣку много-ли нужно?... Работаю шесть часовъ, читать есть что, играть на віолончели не мѣшаютъ, сытъ, обутъ и одѣтъ—чего же мнѣ нужно? Больному не нужна семья! Стремиться впередъ, къ славѣ—удѣлъ здоровыхъ, а не больнаго!.. Вотъ я и утѣшаю палестинцевъ... Вы думаете, милостивый государь, я пьяница? Нѣтъ, я самъ не пью никогда. Вотъ экземпляръ этотъ, ацтекомъ въ кубѣ самъ себя зоветъ, пріѣхалъ изъ деревни, плачетъ, скучно, говоритъ, утѣшь. Я ему музыку подпустилъ,—не принимаетъ; горячею рѣчью и умнымъ споромъ пробовалъ разшевелить,—не пробираетъ; послѣднимъ лекарствомъ угостить друга пришлось, пьянствовать вмѣстѣ,—проняло... Я,

милостивый государь, не дурной, а разбитый, съ чуткою душою человѣкъ!... и онъ опять зарыдалъ.

— Ты, Переѣхавшій... Ты человѣкъ, рыдая, говорилъ Пантюхинъ.

Могутовъ ничего не сказалъ, но крѣпко пожалъ руку Переѣхавшему.

— Но ты не тревожься, опять заговорилъ и уже болѣе громкимъ и самоувѣреннымъ голосомъ Переѣхавшій.—Ты не пропадешь, какъ я! Другія времена теперь, братъ. Теперь въ каждой палестинѣ, есть одна, двѣ плакальщицы вотъ такія, какъ я... Ты надъ ними не смѣйся... Пантюхинъ! громко крикнулъ онъ.— Убей меня, какъ пса негоднаго, если я его не сберегу! Какъ пса убей, слышишь!... Его самъ Богъ послалъ мнѣ: онъ и сосѣдъ мнѣ и въ первый вечеръ сошлись, и сошлись, какъ рыцари. Только я, какъ трусливый и лукавый рыцарь, съ ложью на языкѣ и съ пьяной физіономіей, а онъ, какъ настоящій рыцарь, поднялъ забрало и съ словомъ правды и логики вышелъ въ бой.... Но ты меня за это не презирай: я жалкій, разбитый человѣкъ и часто фальшиво стою за свободу, но все-таки стою, буду стоять и умру, стоя за нея!...

— Знаешь что? вставая продолжалъ Переѣхавшій.—Пойдемъ ко мнѣ,—я тебя музыкой угощу. Хочешь? Я хорошо играю: слезы подступаютъ къ глазамъ, рука сама смычкомъ водитъ, и очень хорошо становится на душѣ....

Они всѣ трое пошли. Скоро Переѣхавшій затянулъ тихо и въ носъ, а Могутовъ и Пантюхинъ подхватили не громко,—и въ тихомъ морозномъ воздухѣ понеслась далеко французская пѣсня: Par la voix du canon de l'armée la France appélle ses enfants....

VI.

Въ это время Львовъ и Орѣцкій возвращались отъ Рымниныхъ и проходили около городскаго сада. Ночью считалось небезопаснымъ ходить по саду, и они шли по тротуару, около присутственныхъ мѣстъ.

— Милая дѣвушка! говорилъ Львовъ.—Сколько чувства, любви, нѣжности и доброты въ каждомъ ея поступкѣ, въ каждомъ словѣ! О ней, только о ней можно сказать: «ты для меня что солнце юга, тепло и свѣтъ—въ тебѣ одной!»

— О, да! О, да! отвѣчалъ Орѣцкій.—Вы не влюбились? О, да! Любовь — безуміе. О, да! А въ жизни нужна разсудительность, логика практики жизни, а не безуміе. О, да! О, да!

— А вы, капитанъ, развѣ не влюблены въ этого ангела? Нѣтъ, вы, навѣрно, влюблены въ нее. Кто разъ посмотрѣлъ на нее, кто послушалъ ее, тотъ сейчасъ-же замѣтилъ ея ангельскую душу и не можетъ не влюбиться въ нее!

— О, да! О, да! Но не до безумія. О, да! Она хороша, умна, добра, нѣжна и, о, да! у ней отличное,—богатое приданое. Влюбиться до женитьбы—не дурно, о, да! Но до безумія—нѣтъ.

— Я сожалѣю, что она богата. Я-бы хотѣлъ, чтобы она была бѣдной дѣвушкой.... О, я-бы тогда смѣло открылъ ей мою душу.... и онъ тихо запѣлъ: «Вьется ласточка сизокрылая подъ окномъ моимъ одинешенькимъ».

— О, да! О, да! Вамъ откликаются. О, да! послушайте.

Въ это время, далеко позади ихъ, въ городскомъ саду тріо пѣло: «Mourir pour la patrie! Mourir pour la patrie! C'est le sort le plus beau, le plus digne d'énvie».

— Хорошо, о, да! Прогрессъ, о, да! Французскія революціонныя пѣсни къ намъ ночью прилетѣли! И притомъ тріо. Прогрессъ! О, да! Желѣзная дорога, міровой судъ, о, да! Потомъ этотъ студентъ и, наконецъ, mourir pour la patrie! О, да! О, да! И въ заключеніе земство, вчера явленное земство, стронтъ на новыхъ началахъ тысячеверстную желѣзную дорогу! О, да! О, да! Прогрессъ, о, да!... и Орѣцкій, а за нимъ и Львовъ, ускорили шагъ.

А въ маленькой комнаткѣ Переѣхавшаго, чрезъ полчаса, лились звуки віолончели, лилась «послѣдняя элегія» Эрнста. Свѣчи въ комнатѣ не было, Переѣхавшій игралъ по срединѣ комнаты и игралъ, какъ артистъ въ минуту вдохновенія. То тихій плачъ умирающихъ молодыхъ силъ, то бурный, но безсильный, послѣдній протестъ противъ смерти, то тихая, сладкая надежда на небо, то надрывающій душу порывъ отчаянія при безвѣріи, слышались въ звукахъ, овладѣвали человѣкомъ, и замиралъ при этомъ человѣкъ, и только сильнѣй, какъ будто, билось сердце въ немъ, и широко раскрывались глаза его, и подступали сами собой, помимо его воли, слезы къ его глазамъ.... А въ окно свѣтила равнодушно луна и отчетливо обрисовывала худую, желтую, со впалыми глазами, угреватымъ лбомъ, жиденькою бородкою, фигуру Пе-

реѣхавшаго. Вотъ эта жалкая фигура подняла голову, послѣдніе звуки элегіи замерли, и потомъ вдругъ понеслись звуки бойкой, скачущей, пьяной, ухарской безъ удержу мазурки. Казалось, звуки нагоняли другъ друга, барахтались, вскакивали, обхватывали другъ друга и неслись, неслись безъ удержу, ломая все на пути, какъ вихрь, какъ ураганъ, какъ буря....

Могутовъ вздрогнулъ отъ этихъ звуковъ. Онъ вперилъ глаза въ Переѣхавшаго, который съ напряженіемъ послѣднихъ силъ водилъ смычкомъ и перебиралъ струны, и хотѣлъ думать о немъ, но мысли не шевелились въ головѣ. А Пантюхинъ, сидѣвшій во время элегіи, положивъ руки на столъ и склонивъ на нихъ голову, вскочилъ, когда раздались звуки мазурки, топалъ ногами, кричалъ: жги его! дуй его! бей его! жми его! такъ его! и махалъ руками въ пространствѣ.

— Будя.... Спать идемъ, измученнымъ, разбитымъ, хриплымъ и носовымъ голосомъ сказалъ Переѣхавшій.

— Это Виктора Александровича сочиненіе, прощаясь съ Могутовымъ, шепнулъ ему на ухо Пантюхинъ.

Глава VI.

Несмѣющійся никогда и неулыбающійся никогда директоръ. Чахоточный учитель русской и иностранной словесности. Исправляющій должность инспектора. Романъ отъ безъ толку прочитанныхъ книгъ.

I.

Могутовъ, придя въ свой номеръ, раздѣлся и легъ спать, но онъ долго не могъ заснуть.

— Экій чудакъ этотъ Переѣхавшій, думалъ онъ. «Подайте мальчику на хлѣбъ, онъ Велизарія питаетъ», и заправскія слезы при этомъ льетъ.... Чувствительные нервы имѣетъ человѣкъ.... Плакать надъ самимъ собою? И добро-бы у человѣка не было ни ногъ, ни рукъ, или былъ бы прикованъ къ стѣнѣ, заключенъ въ казематъ, разбитъ параличемъ.... Да нѣтъ, и при такихъ даже условіяхъ жили люди, жили полною жизнію, а не хныкали, какъ нищіе, не плакали надъ самими собою.... Чужое горе волновало ихъ, благо родины оживляло ихъ тюрьму, стоны родины вызывали слезы и проклятія въ нихъ, а не своя некрасивая жизнь.... А что такое полицейскій надзоръ?... Поживемъ—увидимъ, только не онъ превратилъ Переѣхавшаго въ хны-

калу.... А что?... Рабство, барство, халуйство.... Но и ты такимъ можешь быть! Вѣдь всѣ эти блага не покинули міръ, и твоя родина ими богаче всѣхъ другихъ!... Поживемъ—увидимъ, сердито и громко сказалъ онъ, и хотѣлъ заснуть.

Онъ закрылъ глаза, укрылся плотно фланелевымъ одѣяломъ, зѣвнулъ, но не сонъ, а сцены и образы прожитаго прошедшаго, завладѣли имъ:

Отецъ съ семействомъ уѣхалъ. Гордій остался одинъ. Онъ никуда не ходитъ по праздникамъ и только изрѣдка, послѣ обѣда, отправляется къ собору, садится на мѣсто, гдѣ послѣдній разъ бесѣдовалъ съ отцомъ, и долго, и молча сидитъ тамъ. Потомъ онъ идетъ къ тому домику, гдѣ жила семья, походитъ вдали отъ него и возвращается въ пансіонъ.

Сперва онъ писалъ длинныя письма къ отцу, въ которыхъ описывалъ свою жизнь, свои думы и мысли; но отецъ скоро умеръ отъ скуки и бездѣлья, какъ онъ самъ опредѣлялъ причину своей болѣзни и возможность скорой смерти въ послѣднемъ письмѣ къ сыну, — и переписка съ семьей прекратилась, такъ какъ, полныя сухой морали, письма сестеръ не вызывали охоты писать имъ часто. И все свободное время онъ посвящалъ книгамъ. Онъ читалъ жадно какія только попадались ему книги. Книги стали его друзьями, учителями, собесѣдниками. И чистая, глубоко вѣрующая душа поэта откликалась въ немъ, глубоко проникала въ душу и голову его, наполняла его всего. Онъ живетъ жизнію поэта-лирика; волнуется, смѣется, или воюетъ жизнію героевъ и дѣйствующихъ лицъ повѣстей, романовъ и драмъ. И все забитое, страдающее, несчастное, униженное и оскорбленное вызываетъ слезы на его глазахъ; а все смѣлое, протестующее, борющееся противъ насилія, неправды, зла, вызываетъ въ немъ восторгъ, экзальтируетъ его до напряженія всѣхъ чувствъ. Онъ ходитъ тогда по верхней галлереи, глаза гордо и далеко смотрятъ впередъ, станъ выпрямленъ и не кантонистомъ тогда выглядываетъ этотъ пятаго класса гимназистъ, а героемъ, полнымъ силъ и отваги.

На каникулахъ послѣ перехода изъ четвертаго класса въ пятый, возвращаясь однажды съ прогулки, онъ увидѣлъ у воротъ маленькаго домика сидѣвшую на лавочкѣ дѣвочку лѣтъ двѣнадцати, очень бѣдно одѣтую, босую, съ распущенными и давно нечесанными волосами; но очень похожую на его покойнаго брата Васю. Онъ хотѣлъ подойти къ дѣвочкѣ; но слезы,

подступившія къ его глазамъ, чѣмъ-то стиснутая вдругъ грудь и спертое дыханіе приковали его къ мѣсту, и онъ издали смотрѣлъ на дѣвочку, а въ головѣ рисовался Вася и всѣ случаи и сцены его короткой жизни.

— Аленка! кто-то крикнулъ громкимъ голосомъ на дворѣ, у воротъ котораго сидѣла дѣвочка.

Дѣвочка ушла во дворъ. Онъ долго дожидалъ ея возвращенія за ворота; но было уже поздно, и онъ ушелъ, не дождавшись дѣвочки. Дорогой, онъ думалъ о ней: чья она, счастлива-ли она, любятъ-ли ее, какъ бы съ ней познакомиться и сдѣлаться ея братомъ? Я бы училъ ее, она бы любила меня за это, ожидала моего прихода, говорила какъ съ роднымъ! Можетъ у нея добрый отецъ и мать? Я бы былъ ихъ сыномъ. И долго мечты возможнаго родства съ семьею дѣвочки не покидали его, коротавшаго все свое время только съ книгами.

На другой день онъ отправился къ домику дѣвочки. Не видя никого у воротъ, онъ сѣлъ на ту лавочку, на которой вчера сидѣла дѣвочка. Онъ началъ обдумывать, что ему сказать, когда выйдетъ дѣвочка или ея отецъ, или мать, или сестра, братъ, словомъ, кто бы ни вышелъ. Сперва онъ надумалъ прямо сказать, что онъ сирота, что ему скучно, что поэтому онъ проситъ позволить ему приходить къ нимъ, что онъ будетъ учить дѣвочку всѣмъ гимназическимъ наукамъ, что за ученіе онъ ничего не будетъ просить и всегда будетъ приходить сытымъ; но потомъ это показалось ему длиннымъ для перваго раза, и онъ рѣшилъ попросить только дать ему напиться воды и уже потомъ сказать свою длинную просьбу. Онъ просидѣлъ съ часъ. Ему не было скучно: мечты о возможности найти себѣ сестру не переставали кружиться въ его головѣ и тепло ласкали и нѣжили его. Вдругъ онъ вздрогнулъ. До ушей его доносился откуда-то тихій плачъ. Онъ прислушивается. Плачъ идетъ со двора, онъ пронзителенъ, какъ плачъ ребенка.

— Можетъ ее сѣкутъ? Она умретъ! электрическимъ токомъ пробѣжала въ головѣ мысль, и онъ, какъ сумасшедшій, бросился во дворъ и опомнился только тогда, когда очутился внутри домика, въ маленькой комнаткѣ, бѣдно убранной, по срединѣ которой стояла на колѣняхъ дѣвочка, со слезами на глазахъ, со сложенными ручонками на груди, съ выраженіемъ мольбы о прощеніи на лицѣ, а у окна стояла высокая женщина и молча выдергивала изъ вѣника прутья.

— Что вамъ? продолжая вытягивать прутья, спросила женщина.

Онъ смотритъ кругомъ. Вотъ онъ увидѣлъ дѣвочку на колѣняхъ, со слезами на глазахъ. Какъ она похожа на Васю! мелькаетъ у него въ головѣ. Вотъ онъ услышалъ вопросъ женщины, и оборачивается къ ней, видитъ прутья въ ея рукѣ, вспоминаетъ, зачѣмъ пришелъ,—и падаетъ въ ноги женщины, хватаетъ ея руки, цѣлуетъ ихъ и говоритъ скоро и сквозь слезы:

— Простите ей, не сѣките, меня высѣките! Она умретъ отъ этого, — она похожа на брата Васю, а Вася умеръ отъ розогъ....

Женщина смотрѣла на него съ удивленіемъ. Онъ былъ въ гимназической формѣ, чистенькій, какъ благородный,—и онъ валяется въ ногахъ солдатской вдовы, торговки вареными раками и картофелемъ, — валяется за тѣмъ, чтобы она не наказывала дочь, простую, глупую дѣвченку! Что за притча такая? думала удивленная торговка и, какъ-бы не вѣря своимъ глазамъ, молчала и посматривала то на барченка, то на дочь.

Вѣникъ выпалъ изъ рукъ торговки.

— Встаньте, панокъ! Что вамъ вздумалось за глупую дѣвченку просить? Встаньте, баринъ! говорила ласково торговка, когда упавшій вѣникъ вывелъ ее изъ молчаливаго созерцанія.

— А вы не будете ее сѣчь? Вы простите ее? Она можетъ умереть отъ розогъ! продолжая стоять на колѣняхъ и жать руку торговки, говорилъ онъ.

— Ну, не буду, не буду, только встаньте! Господь съ ней и съ вами! поднимая его, говорила торговка. Встань, Аленка! Смотри у меня,—ради барина прощаю!

Дѣвочка все время стояла на колѣняхъ и глядѣла удивленными глазами на нежданнаго защитника. Она улыбалась, когда, вставши съ колѣнъ, увидѣла, что защитникъ, какъ слѣпой или больной, утиралъ платкомъ слезы и очень смѣшно шелъ за ея матерью, которая его подвела къ скамейкѣ и посадила на нее.

— И что это вамъ вздумалось за глупую дѣвченку плакать? И откуда вы ее знаете? Да и бить-то ее, развѣ бью, какъ другіе? Такъ, для страху только. Ну, а она, баловница, голосиста у меня выть. Съ улицы услыхали, небось? Доброй души панокъ! Аленка, дай рачковъ барина угостить! Онъ тебя, глупую, пожалѣлъ.... И картошекъ дай!

— Я пить хочу. Дайте мнѣ, пожалуйста, воды.

— Испей, испей, жалостливый, отъ слезъ, что отъ поту, жажда пронимаетъ. И откуда ты такой—жалостливый? Родители у васъ есть?

— У меня никого здѣсь нѣтъ.... Я одинъ, мнѣ скучно.... У меня былъ братъ, я любилъ его крѣпко, больше самого себя любилъ, но онъ умеръ, и я теперь одинъ живу въ гимназіи.... Я вчера видѣлъ на улицѣ ее. Она такъ похожа на брата Васю....

Онъ остановился. Дѣвочка принесла и держала около него деревянный ковшъ съ водою. Онъ выпилъ жадно всю воду изъ ковша.

— Еще принести? серьезно смотря на него, спросила дѣвочка.

Онъ не отвѣчалъ, а пристально смотрѣлъ на нее.

Дѣвочка была, дѣйствительно, сильно похожа на покойнаго Васю. Такіе же большіе голубые глаза, только не такъ сильно выдались впередъ и болѣе густаго, темносиняго цвѣта, такой же большой, высокій лобъ, такіе же мягкіе, свѣтлые волосы и длинныя, темныя рѣсницы; но кожа на лицѣ не такъ сильно бѣла и прозрачна, въ лицѣ болѣе беззаботности, веселости, здоровья, и, когда она улыбалась, она мало походила на Васю; но когда она смотрѣла серьезно, причемъ глаза ея подавались впередъ, она была поразительно похожа на поздоровѣвшаго Васю.

— Позвольте мнѣ быть братомъ ей! Будьте моей матерью! горячо вырвались у него слова, когда дѣвочка, не получая отъ него отвѣта на свой вопросъ, повернулась и пошла отъ него.— Я буду любить васъ, буду учить ее, мнѣ ничего не нужно, я буду сытымъ приходить къ вамъ! Онъ всталъ и хотѣлъ броситься къ ногамъ торговки.

— И что это тебѣ вздумалось, жалостливый? ласково усаживая Могутова на скамью, говорила торговка. Гдѣ таки тебѣ любить насъ, да еще и сыномъ моимъ быть? Ишь мы какія барыни! Въ шелкахъ да въ бархатахъ! А вы—баринъ, бѣленькій, чистенькій.

Дѣвочка поставила на столъ чашку съ раками и положила краюху чернаго хлѣба.

— Покушай лучше, жалостливый мой, рачковъ, выдвинувъ изъ стола ящикъ и доставая оттуда солонку и ножикъ, продолжала говорить торговка.—Мои рачки всегда на отличку! Пропор-

цію соли знаю для каждаго рака, а въ соли-то вся отличка и есть. Ну, и варить тоже, по раку глядя, нужно. Попробуй, жалостливый, рачковъ.

Онъ взялъ рака и началъ медленно чистить его, а торговка отрѣзала кусокъ хлѣба и положила около него. Дѣвочка принесла чашку горячаго картофеля.

— Сядь, Аленушка, около барина. Вишь онъ — чудной да жалостливый какой! За тебя, дурочку, плакалъ, жалѣючи тебя, у меня, бабы, руки цѣловалъ? Ты на братца, покойничка, ихняго похожа; ну и пущай, жалостливый баринъ, на тебя посмотритъ, братца любимаго вспомянетъ.

Дѣвочка сѣла на лавку рядомъ съ нимъ и посматривала на него.

— Будешь, Леля, моей сестрой? Я буду любить тебя крѣпко, крѣпко! Буду учить тебя!

Рука его перестала чистить рака, а глаза съ любовью и мольбою смотрѣли на дѣвочку.

— Буду, отвѣтила дѣвочка.

Онъ обхватилъ ее руками, прижалъ къ себѣ и цѣловалъ въ лобъ, глаза, носъ, по всему лицу.

— Господи, Іисусе Христе, Сыне Божій! Защити, помилуй и сохрани насъ Твоею благодатью! крестясь, говорила торговка и крестила его и Лелю.

Съ этого дня онъ чуть не цѣлые дни проводилъ въ домикѣ торговки. Торговка, обыкновенно, вставала въ четвертомъ часу утра, варила въ двухъ большихъ чугунахъ раки и картофель, потомъ укутывала чугуны ватнымъ старьемъ, ставила ихъ на двухколесную телѣжку, увозила ее на базаръ и торговала «варевомъ»; въ десять часовъ, возвратясь домой, она баловалась чайкомъ и въ то же время варила свѣжіе раки и картофель, потомъ опять отправлялась торговать до двухъ часовъ; въ третьемъ часу обѣдала, засыпала на часокъ, потомъ опять варила раки и картофель, опять отправлялась торговать и возвращалась домой часовъ въ девять, ужинала и, усталая отъ работы, жары, пыли, суеты и крику, ложилась спать, послѣ счета мѣдяковъ, короткой молитвы и болтовни съ дочерью. Она была вдова, очень недурна и не стара, имѣла собственный домикъ съ садикомъ и огородомъ и сильно любила свою единственную дочь, которая была прижита ею не съ покойнымъ мужемъ солдатомъ, а съ приглянувшимся ей, когда она была еще дѣвкою, красивымъ,

молодымъ и доброй души офицеромъ. Онъ-то и выдалъ ее замужъ за солдата, и купилъ ей домикъ съ садомъ и огородомъ, и погибъ, вмѣстѣ съ солдатомъ, мужемъ торговки, въ крымскую войну. Много было торговкѣ хлопотъ съ маленькой Лелей, часто болѣло у ней сердце, когда, суетясь и крича на базарѣ, она вспоминала о любимой дочери, запертой одной-одинешенькой въ домикѣ, гдѣ только Жучка, большая злая собака, караулила и домъ, и дитя. Дѣвочка росла; заботы о ея одиночествѣ рѣже тревожили мать; но и теперь, когда дѣвочкѣ минуло двѣнадцать лѣтъ, когда разсказывали торговки городскія происшествія,— у матери поднималась тревога за дочь. У ней не было охоты къ новому вступленію въ бракъ; но она подумывала о немъ, какъ о единственномъ исходѣ для охраненія дочери во время своего отсутствія. У ней даже былъ на примѣтѣ вдовецъ сапожникъ, у котораго тоже есть дочь и который, если будетъ обижать ея Лелю, будетъ видѣть отъ нея обиду своей, сапожничьей дочери. «Нежданный сынъ», какъ она называла Могутова, былъ кладомъ для нея. Онъ такой скромный, добрый, не только не мѣшаетъ Лелѣ помогать матери, но еще самъ помогаетъ ей, ловко ставитъ чугуны на телѣжку, носитъ воду изъ колодца, рубитъ дрова, полетъ огородъ, собираетъ и сушитъ вишни и чуть не моетъ съ Лелей бѣлье,— и торговка любитъ его, какъ сына, рада его ежедневному приходу, спокойна теперь за дочь, оставляя ее уже не одну, а съ такимъ жалостливымъ, и какимъ ни на есть, мужчиной. И не приходитъ ей на умъ мысль о сапожникѣ.

А Могутовъ? Онъ на седьмомъ небѣ, и небо это дѣлается все прекраснѣе и прекраснѣе, ослѣпляетъ его, онъ блаженствуетъ въ немъ. Его сестра оказалась умненькой, доброй, способной, смѣлой, любопытной, какъ ни одна дѣвочка въ мірѣ, какимъ не могъ быть самъ Вася, такъ какъ онъ былъ больной мальчикъ, а она здоровенькая, хорошенькая, улыбающаяся.... Онъ весь поглощенъ Лелей, онъ сдѣлаетъ изъ нея.... Онъ не знаетъ въ мірѣ еще никого, съ кѣмъ можетъ сравниться въ будущемъ его Леля! Она будетъ выше, о, гораздо выше! всего, что доселѣ было на свѣтѣ во образѣ человѣка.... Его не смущаетъ мысль, что скоро конецъ каникулъ. Онъ знаетъ, что съ пятаго класса гимназистамъ разрѣшается имѣть уроки въ домахъ, онъ скажетъ, что у него есть урокъ, его будутъ отпускать каждый день на два часа и.... Этого времени вполнѣ довольно, чтобы превра-

тить Лелю въ чудо на весь міръ!.... «Надежда дѣлаетъ раба царемъ, послѣдняго жъ равняетъ съ Богомъ», сказалъ Шекспиръ. А въ союзѣ съ юношей! «Надежда юношей питаетъ!» Этого мало.... Шекспиръ! Отъ чего ты не повѣдалъ намъ объ этомъ?

II.

Утро воскреснаго дня. Гимназисты-пансіонеры стоятъ по росту въ рядъ въ рекреаціонной залѣ и по ней порывисто ходитъ высокій, худой, во фракѣ и съ книгою въ рукахъ директоръ гимназіи и объясняетъ, по заведенному имъ обычаю, евангеліе, которое будетъ читаться въ обѣднѣ.

Директоръ сперва, какъ бы весь погруженный въ текстъ евангелія, прочелъ его мелодично, слащаво, потомъ дѣлаетъ къ нему комментаріи и объясненія, причемъ онъ еще болѣе ускоряетъ шаги, голосъ его переходитъ въ крикливый, изо-рта брызжутъ слюнные фонтаны.

— Не десять-ли очищешеся, а девять гдѣ? Какъ не пришли они воздать хвалу Богу? Только одинъ иноплеменникъ пришелъ! Я васъ спрашиваю, гдѣ же девять? гдѣ же остальные девять? и директоръ подбѣгаетъ къ одному изъ гимназистовъ, хватаетъ его за пуговицу сюртука и еще визгливѣе спрашиваетъ: гдѣ же девять? Я тебя, Ярмаркинъ, спрашиваю: какъ они осмѣлились не пасть ницъ передъ Христомъ?

Въ это время въ залу вошелъ въ полной генеральской формѣ, высокій, статный, пожилой мужчина. Онъ остановился при входѣ въ залу и, скрестивъ руки на груди и смотря внизъ, простоялъ неподвижно все время, пока директоръ не окончилъ объясненія евангелія.

— Какъ они не пали, не только не оросили Его ногъ слезами, но не сказали Христу даже спасибо, даже совсѣмъ не пришли ко Христу! О, какъ окаменѣли въ нихъ души! Какое черствое, неблагодарное сердце у нихъ! Какъ черства, грязна, отвратительна, какъ та зараза, отъ которой ихъ исцѣлилъ Христосъ, была ихъ совѣсть, если они не обратили вниманія на Его святое лице, не пришли пасть къ Его ногамъ!... Дѣти мои! старайтесь, просите Бога, чтобы ваши души не сдѣлались такими черствыми, грубыми, какъ у этихъ неблагодарныхъ девяти, исцѣленныхъ Христомъ. Старайтесь помнить добро, которое дѣлаютъ для васъ ваши наставники, ваши учители, ваше

начальство. Благодарите, благодарите крѣпко ихъ! Какъ Христу пріятно было видѣть даже иноплеменника, возвратившагося къ нему съ благодарностью; такъ и вашимъ начальникамъ пріятно видѣть мягкость вашихъ душъ, полныхъ благодарности къ нимъ, услужливыхъ для нихъ, а не черствыхъ, грубыхъ, неблагодарныхъ, какъ эти девять прокаженныхъ, очищенныхъ Христомъ.

На этомъ окончилось объясненіе евангелія. Оно было сухо, какъ сухъ былъ видъ у директора; ученики не уловляли смысла словъ его, а слѣдили глазами за расходившеюся, высокою, худою, съ блуждающимъ взоромъ, съ пѣною у рта, цаплеобразною фигурою директора.

Директоръ окончилъ объясненіе въ концѣ залы, и, какъ будто теперь только замѣтя генерала, торопливо направился къ нему. Генералъ гордо поднялъ свою большую, гладко остриженную, сѣдую голову и крупными шагами вышелъ на средину залы.

— Къ тому, что говорилъ вамъ, дѣти, вашъ директоръ, началъ генералъ громкимъ, самоувѣреннымъ голосомъ,—я позволю себѣ прибавить, что не внѣшней благодарности и не словеснаго выраженія чувствъ хотѣлъ Христосъ. Онъ говорилъ: «что мнѣ глаголиши: Господи, Господи, и не твориши еже азъ глаголю». Нужно, дѣти, быть благодарными, но выражайте вашу благодарность поступками вашими, работою, любовью къ людямъ, желаніемъ помогать ближнимъ.... Словесную же благодарность проявляйте на столько, на сколько это необходимо, чтобы, на первыхъ порахъ, не сочли васъ за неблагодарныхъ, и, не зная вашей души, не отстранились отъ васъ. Этого хотѣлъ Христосъ и этого желаетъ вамъ новый вашъ попечитель учебнаго округа, сегодня пріѣхавшій къ вамъ съ визитомъ.

Генералъ поклонился гимназистамъ и потомъ подалъ руку стоящему передъ нимъ директору.

Во второе, тоже неожиданное посѣщеніе, попечитель приказалъ гимназистамъ надѣть ихъ парадную форму, — и на пятидесяти гимназистахъ не оказалось формы. Явившись утромъ въ классъ, попечитель не засталъ въ немъ учителя, и, прождавъ четверть часа, когда явился учитель, строго сказалъ: «вамъ нужно помнить, что не ученики для васъ, а вы для учениковъ». Въ четвертый разъ попечитель просидѣлъ почти цѣлый урокъ физики. Учитель, полякъ, съ орлиной физіономіей, читалъ однѣ легонькіе, мелкіе общеинтересные фактики изъ физики, рѣдко спрашивалъ учениковъ, слѣдилъ не за отвѣтомъ ихъ, а, главное, за тѣмъ,

чтобы подтрунить надъ неудачною фразою ученика, — и потому самъ забылъ предметъ, если только зналъ его прежде. Онъ началъ сперва вызывать учениковъ къ отвѣту; но ученики, частью отъ робости, частью вслѣдствіе непривычки,—учитель очень рѣдко спрашивалъ ихъ,—путались и ясно обнаруживали свое полное незнаніе предмета. Тогда учитель, понадѣясь на свою память, на свою сообразительность,—смѣлость города беретъ,—захотѣлъ щегольнуть собою, собою загладить незнаніе учениковъ. Онъ бойко началъ излагать законы преломленія свѣта, при прохожденіи чрезъ трехгранную стеклянную призму, ловко начертилъ призму, провелъ падающій лучъ, пропустилъ его чрезъ призму, вывелъ за призму и... спутался и сбился, когда приступилъ къ выводу формулы, математическаго выраженія для луча, проходящаго чрезъ трехгранную призму.

— Тутъ что-то не то? Но мы сейчасъ поправимъ, говорилъ онъ сиплымъ голосомъ.—Ошибка навѣрное здѣсь... я пропустилъ гдѣ нибудь m... Окончательная формула должна быть... должна быть r.... Вотъ если мы...

Попечитель молча вышелъ изъ класса, а учитель-полякъ энергично бросилъ мѣлъ и еще болѣе энергично обтиралъ испачканные мѣломъ пальцы объ полы сюртука. И этотъ изящный, всегда щегольски одѣтый, имѣющій наиболѣе человѣческую внѣшность, учитель былъ, навѣрное, первый разъ во всю свою учительскую жизнь сконфуженъ незнаніемъ предмета и имѣлъ на себѣ сюртукъ, испачканный мѣломъ.

Въ гимназіи начались перемѣны. Сперва уѣхалъ въ Петербургъ директоръ, этотъ извѣстный педагогъ, который, наполнялъ тогдашніе педагогическіе журналы статьями, проникнутыми безжизненнымъ, формальнымъ гуманизмомъ, полныя сладкихъ фразъ и словъ; но, въ концѣ концовъ, оканчивающимися выводомъ «о необходимости введенія кодекса нравственности для учениковъ», т. е. книжки для каждаго ученика, въ которой прописаны были бы всѣ грѣхи, могущіе быть сдѣланными ученикомъ, противъ грѣховъ было бы бѣлое мѣсто для записи, при какихъ обстоятельствахъ сдѣланъ грѣхъ, и далѣе, тоже напротивъ грѣховъ, прописаны были бы наказанія, которыми искуплялись грѣхи. Вскорѣ за отъѣздомъ директора, инспекторъ, этотъ палачъ гимназистовъ, этотъ Терзаевъ, какъ его звали ученики—былъ уволенъ и уѣхалъ тоже въ Петербургъ. Въ гимназіи повѣяло чѣмъ-то новымъ, свѣжимъ, бодрящимъ, увлекательнымъ, какъ и

въ русской жизни вообще. Это было начало, дошедшее и до дальняго юга, того движенія, которое обхватило русское общество вскорѣ послѣ неудачной крымской войны, послѣ вступленія на престолъ нынѣ благополучно царствующаго Царя-Освободителя, и когда слухи объ освобожденіи крестьянъ начали упорно распространяться.

III.

И вотъ предсталъ теперь предъ лежащимъ Могутовымъ, какъ живой, смѣнившій извѣстнаго педагога, новый директоръ гимназіи, Александръ Сергѣевичъ Іодновъ. Онъ небольшаго роста, широкій въ кости, съ гладко-остриженными черными волосами и съ никогда не смѣющимся, не улыбающимся лицомъ; но его черные блестящіе глаза, смотрѣвшіе изъ-подъ очковъ всегда спокойно и ровно, казалось, насквозь проникаютъ ученика, читаютъ его мысли, ловятъ налету его догадки. Онъ самъ читаетъ пятому, шестому и седьмому классу алгебру, геометрію и физику, такъ какъ учитель этихъ предметовъ счелъ за лучшее примѣнять свои математическія познанія въ провіантской коммиссіи, а новый учитель на его мѣсто еще не пріѣхалъ. И никогда директоръ не опаздывалъ на урокъ, никогда не уходилъ ранѣе окончанія класса, но за то онъ не тратилъ времени на объясненіе ученикамъ яснаго, такъ высоко-просто изложеннаго евангельскаго повѣствованія; онъ не тратилъ времени на разсортированіе учениковъ по ихъ заслугамъ два раза въ мѣсяцъ, хотя, несмотря на то, строго ставилъ баллы, и баллы пріобрѣли въ глазахъ учениковъ громадное значеніе. Прежде ученикъ училъ урокъ, чтобы его не отпороли, чтобы его пустили домой на праздникъ, чтобы не оставили безъ обѣда, теперь онъ училъ потому, что стыдился спокойнаго, невозмутимаго взгляда директора, такъ аккуратно всегда являющагося въ классъ и съ такимъ терпѣніемъ добивающагося отъ ученика любви къ предмету, толковымъ объясненіемъ уроковъ; потому, что директоръ, какъ начнетъ вызывать къ отвѣту ученика, вызываетъ каждый урокъ, вызываетъ до тѣхъ поръ, пока наконецъ разшевелится мысль въ головѣ школьника, получится сознательное отношеніе къ предмету, а слѣдовательно, явится и любовь къ предмету. Какъ только достигалъ школьникъ этого, директоръ оставлялъ его въ покоѣ, и, какъ бы довѣряя и надѣясь на характеръ ученика, только по временамъ

спрашивалъ его съ мѣста о томъ, надъ чѣмъ задумался ученикъ у доски. И совѣстно, страшно становилось ученику, если обнаруживалась такимъ образомъ его лѣность: его опять будутъ вызывать къ отвѣту, въ немъ усомнился, въ него потерялъ вѣру директоръ! И рѣдкій, рѣдкій ученикъ, разъ расшевеленный директоромъ, опускался снова до лѣни, до нелюбви къ предмету. И какъ теперь незамѣтно проходило время въ классѣ для большинства, какъ сосредоточено было вниманіе учениковъ на отвѣтахъ товарища у доски, какъ тихо, безъ школьническихъ потайныхъ развлеченій, сидѣли гимназисты въ классѣ на урокѣ директора! За то какъ глубоко врѣзалось въ память учениковъ стойкое, энергическое, умное лицо директора, этого упрямаго, трудящагося, знающаго, коренастаго, небольшаго роста человѣка! Эти пугливыя, робкія, порой плутоватыя, порой не въ мѣру шаловливыя дѣти, въ благодарность за дѣловое, серьезное отношеніе къ нимъ директора, влюблялись въ него; онъ становился для нихъ образцомъ для подражанія: они усвоивали его говоръ, произносили, какъ и онъ, слово звѣзды, произнося букву ѣ, не какъ ё; они подражали его почерку, давали слово не смѣяться и не улыбаться.... Міръ праху твоему, незабвенный наставникъ! Ты до конца дней своихъ оставался образцомъ истиннаго наставника! Заброшенный на дальній сѣверъ, ты умеръ недавно отъ простуды, полученной при разъѣздахъ по ревизіи гимназій, но память о тебѣ не изгладится въ твоихъ бывшихъ ученикахъ до ихъ могилы.

IV.

Но если директоръ, Александръ Сергѣевичъ Іоановъ, имѣлъ большое вліяніе, какъ рельефный образецъ человѣка сильнаго характеромъ, послѣдовательно и систематически достигающаго ясно опредѣленныхъ цѣлей, то для направленія мыслей, для выработки первыхъ зачатковъ гражданскаго направленія, которое дѣлитъ потомъ гражданъ на группы и партіи, — имѣли, если только жизнь не изгладитъ намѣченнаго школой, какъ на Могутова, такъ и на его школьныхъ товарищей, учитель словесности и учитель естественныхъ наукъ.

Учитель русской и иностранной словесности былъ суровый, худой, чахоточный, высокаго роста, лѣтъ подъ сорокъ, брюнетъ. Оставляя классъ послѣ звонка, онъ всегда долго кашлялъ или въ самомъ классѣ, или въ корридорѣ, или въ учительской ком-

натѣ; но, ужъ Богъ его знаетъ какъ, онъ ухитрялся во время урока не кашлять и сохранять свое лице безъ страдальческаго вида. Онъ рѣдко вызывалъ къ отвѣтамъ учениковъ, никогда не разговаривалъ съ ними послѣ урока; но ни одинъ предметъ изъ всего гимназическаго курса не интересовалъ такъ сильно учениковъ, какъ русская и иностранная словесность. Виною этому, конечно, былъ не самъ предметъ, а учитель этого предмета — Илья Александровичъ Красновъ. Онъ, обыкновенно, почти все время урока посвящалъ на чтеніе лучшихъ сочиненій поэтовъ и мыслителей, и только тогда, когда характерное для автора міросозерцаніе, выраженное въ сценахъ и образахъ, когда грандіозная картина, выпукло нарисованная поэтомъ, невольно заставляли слушателей подолѣе остаться подъ впечатлѣніемъ дивныхъ образовъ и картинъ,—Красновъ останавливался, какъ бы погружался въ думу, потомъ подымалъ своей худой рукой длинные, черные волосы на головѣ, раскрывалъ мало-по-малу свои большіе, съ фосфорическимъ блескомъ глаза, во время чтенія казавшіеся закрытыми, и начиналъ еще болѣе понятно разъяснять мысли автора, объяснять характеръ героя, значеніе его для современнаго общества и для того времени, когда высказывалъ свои мысли, писалъ свои образы поэтъ. Голосъ Краснова постоянно былъ одинаковъ, глухой и громкій, но сила внутренняя, по мѣрѣ его разсказа, все болѣе и болѣе начинала слышаться въ его голосѣ: казалось, что онъ самъ, мало-по-малу, обращается въ того героя, котораго объясняетъ, въ того автора, мысли котораго развиваетъ,—и для слушателей онъ становился тогда не учителемъ, а священникомъ отъ литературы, пиѳагорейцемъ на молитвѣ....

И вотъ, предъ лежащимъ въ темнотѣ Могутовымъ, когда образъ Іоанова исчезъ, проносится цѣлый рядъ дивныхъ образовъ и картинъ. Сперва предъ нимъ рисуется классный залъ. Въ немъ сумрачно и тихо, и только, какъ глухой турецкій барабанъ, разносится по немъ голосъ Краснова.... Потомъ онъ видитъ бѣдную, позеленѣлую отъ сырости комнату и въ ней, опершись на простую палку, поддерживаемый двумя бѣдно одѣтыми дѣвушками, стоитъ измученный, слѣпой, съ искривленными пальцами на рукахъ старикъ.

— Ты сразу узналъ меня, слабымъ, дребезжащимъ голосомъ говоритъ старикъ.—Да, я—Мильтонъ. Я съ раннихъ лѣтъ посвятилъ моей родинѣ всѣ свои силы и единственнымъ для меня

вознагражденіемъ были спокойная совѣсть и добрыя слова. Другіе достигали почестей и богатствъ, я же никогда не былъ низкопоклонникомъ, ничего не добивался посредствомъ друзей, жилъ всегда собственнымъ трудомъ и считалъ грѣхомъ жить только для себя, когда мои сограждане сражались за свободу. Моимъ мечомъ въ бою было перо, я мыслію свѣтлою враговъ разилъ, я проповѣдывалъ свободу, я воевалъ съ тиранами народа моего!... Народъ страдалъ отъ произвола власти короля и духовенства,—и я требовалъ для народа права судить и наказывать тирановъ, имѣть полную свободу въ религіозныхъ мнѣніяхъ, обнаруживать всѣ злоупотребленія духовныхъ и гражданскихъ властей, имѣть полную свободу печати, такъ какъ она есть единственная основа политической и религіозной свободы.... За горячую защиту свободы и народа, когда республика была подавлена и снова воцарились Стюарты, я выдержалъ тяжкія преслѣдованія, а моя книга «Защита англійскаго народа» была сожжена рукою палача.... Теперь ужъ третій годъ

Я немощный слѣпецъ: подъ бременемъ работъ,
Потухъ мой свѣтлый взоръ. Ни солнца ливень страстный,
Ни звѣзды, ни луна на синевѣ прекрасной
Не усладятъ очей; незримъ и мой народъ....
Но волю Господа, подателя невзгодъ,
Не оскорблю хулой бездушной и напрасной!
Я слѣпотой горжусь: подавленный трудомъ,
Я зрѣнье потерялъ, свободу защищая;
Я спавшихъ разбудилъ, и, точно Божій громъ,
Глаголъ мой прогремѣлъ, Европу потрясая!...

И въ воображеніи Могутова рисуется страшная адская бездна, пылающая огнемъ, но въ ней нѣтъ свѣта, и только сумракъ печальный едва-едва озаряетъ ее; въ нее не проникаютъ надежда, вѣра, любовь; и только однѣ безконечныя муки царятъ въ этой юдоли терзаній и бѣдствій. Среди этой ужасной тюрьмы блуждаетъ безсмертный взоръ сатаны и замѣчаетъ весь ужасъ, безобразіе и дикость окружающаго его пространства, замѣчаетъ тьму подобныхъ себѣ духовъ, мучимыхъ и терзаемыхъ огненной бездной, замѣчаетъ, вблизи себя, равнаго себѣ по силѣ, Вельзевула,—и, среди этой огненной пучины, среди поверженныхъ во прахъ сонма духовъ, раздается могучій голосъ сатаны.

Онъ пораженъ угрюмымъ видомъ Вельзевула, онъ груститъ при видѣ страданій въ безднѣ тьмы духовъ, послѣдовавшихъ за

нимъ въ возмущеніи противъ самодержавія Бога и теперь раздѣляющихъ съ нимъ паденіе и бѣдствіе; но ни ужасная сила Бога, ни то, что во гнѣвѣ можетъ еще болѣе страшнаго придумать побѣдитель,—ничто не принудитъ его измѣниться. Да и къ чему? Проиграна битва, но не все съ нею! Судьба дала имъ всѣмъ божественную сущность, они никогда не могутъ погибнуть, ихъ умъ просвѣтленъ неудачей, они стали осторожнѣй,—такъ неужели они не могутъ съ новой надеждой начать вѣчный бой съ самодержавіемъ Бога? Вѣдь Богъ только сильнѣе ихъ по оружію, но они могутъ нападать не только открытою силою, но и хитростью тайной.

И изъ огненной бездны летитъ сатана, не тотъ сатана, безобразный видъ котораго пугаетъ въ дѣтствѣ, не страшный чертъ картинъ страшнаго суда въ церквахъ, не хитро-плутовато-дураковатый чертъ народныхъ сказокъ, — нѣтъ! Тяжелымъ щитомъ его плечи покрыты, изъ стали эфирной была его броня, огромныхъ размѣровъ и круглаго вида, она покрывала погибшаго станъ весь, сіяя подобно ночному свѣтилу. Равнялось копье его соснѣ громадной, въ Норвегіи взятой для мачтъ корабельныхъ, оно было тростью въ рукахъ его мощныхъ.... Онъ зоветъ падшихъ духовъ изъ бездны и говоритъ имъ рѣчь, полную ласки, похвалы и вѣры въ ихъ силы, полную ободряющаго юмора и шутливой угрозы врагамъ,—и духи ринулись изъ адской пропасти за сатаной и всѣ собрались на огненной землѣ. И вотъ, съ минуты созданья творцомъ человѣка, еще никогда и нигдѣ не бывало собранія такой многочисленной силы. Всѣ силы военнаго міра земнаго, сравнительно съ грознымъ тѣмъ полчищемъ духовъ, казались бы кучкою лишь муравьиной, которая въ бой съ муравьями вступаетъ.

И среди этого блестящаго воинства—ихъ вождь, сатана, выше всѣхъ ростомъ, смѣло стоитъ съ гордо поднятой головой. Лицо его носитъ слѣды недавней битвы: оно страшно изрыто молніями, изъ-подъ нависшихъ бровей, глаза сверкаютъ гордостью, злобой и надеждой на отмщеніе; но, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ его глазахъ свѣтились состраданіе и грусть, когда онъ, при видѣ несмѣтнаго полчища духовъ, невольно вспоминалъ, что всѣ они чрезъ него низвергнуты съ неба. Онъ подаетъ знакъ, что хочетъ говорить; духи приближаются къ нему, но три раза уста открываетъ духъ падшій и три раза изъ глазъ его льются горячія слезы.

Наконецъ, онъ пересиливаетъ чувство состраданія, и однимъ только чувствомъ безстрашнаго полководца полна его рѣчь: о, вы міріады духовъ безконечныхъ! О, силы, съ которыми можетъ сравниться своимъ всемогуществомъ только Всевышній! Вы сражались въ недавней битвѣ съ честью и славой, но вы проиграли битву.... Но развѣ могъ самый высокій умъ предвидѣть, чтобы такая несмѣтная сила безсмертныхъ могла когда-либо узнать пораженіе? Кто, даже теперь, послѣ испытанной неудачи, можетъ подумать, что это войско, сверженное съ высоты неба, не можетъ опять своей собственной силой возвратиться назадъ, въ предѣлы отечества? Развѣ можетъ хотя одинъ, изъ всего воинства Бога, сказать, что вы проиграли упорную и страшную битву вслѣдствіе моихъ ошибочныхъ совѣтовъ, или вслѣдствіе моей трусости, испуга въ опасную минуту? Нѣтъ! Самодержавный Богъ царствовалъ мирно, только одна пышность была признакомъ его божественной власти, отъ всѣхъ были скрыты тайныя силы, поразившія насъ во время битвы,—и мы имѣли право заключить, что онъ, повелитель, сидитъ на тронѣ, какъ царь и Властитель небесный, только потому, что на то была наша воля, а не собственныя его достоинства, слава о которыхъ терялась въ такомъ отдаленномъ времени, что скорѣе приписывалась ему только по привычкѣ. Это дало намъ смѣлость возстать и это было причиной нашего пораженія.... Но мы теперь знаемъ Его силу, мы не будемъ стремиться искать новой битвы, не будемъ возбуждать врага къ нападенію. Теперь намъ разумнѣе дѣйствовать надо. Чего невозможно исполнить силой, то можно сдѣлать обманомъ и хитростью, и пусть тогда научится Онъ, что тотъ, кто лишь силой одной управляетъ, можетъ врага покорить въ половину. Пространство наводитъ на мысли о новыхъ мірахъ; да и было когда-то преданіе на небѣ, что Онъ намѣренъ былъ создать новый міръ и тамъ поселить какое-то племя, нѣжно имъ любимое. Туда-то, въ міръ новый, должны мы стремиться и сдѣлать его убѣжищемъ нашимъ.... Но мы не можемъ, во всякомъ случаѣ, покориться! Пусть будетъ война и война безконечно!...

И въ воображеніи Могутова рисуется классный залъ. За кафедрой сидитъ Красновъ. Онъ провелъ рукою по волосамъ, приподнялъ голову отъ книги, обвелъ слушателей, какъ бы желая узнать ихъ мысли и чувства, своими живыми фосфорическими глазами, и началъ говорить плавно, громко, хотя глухо, безъ искусственнаго пафоса и жестовъ, но съ горячимъ увлеченіемъ.

У человѣка всегда было двѣ цѣли въ жизни: съ одной стороны, стремленіе къ наслажденію жизнью, къ удовлетворенію своихъ физіологическихъ потребностей; съ другой — стремленіе познать окружающее, отъ окружающаго перейти къ болѣе далекому, отъ земли къ небу и, наконецъ, проникнуть въ глубь самаго неба. Постепенно шли впередъ люди въ познаніи земли и неба и постепенно составляли изъ своихъ знаній ученіе о землѣ и небѣ. Изъ изученія земли люди все болѣе и болѣе извлекали удобства для жизни физической, а изъ изученія неба они составляли себѣ религіи, составляли себѣ идею бога,—того идеала, приблизиться къ которому невольно стремится человѣкъ. Вы знакомы уже съ религіями народовъ, знаете, что всѣ эти религіи — созданіе ума человѣческаго. Знанія людей шли впередъ,—и измѣнялись идеалы, измѣнялись религіи. Но среди всѣхъ религій есть одна, вѣчная, неизмѣнная, истинная религія, религія нашего Бога, разъясненная Христомъ. Сатана Мильтона не похожъ на злаго духа нашей религіи, но Мильтонъ и не имѣлъ желанія иначе толковать истины священнаго писанія, какъ и Дантъ не имѣлъ этой цѣли; хотя адъ Данта ближе къ аду священнаго писанія, чѣмъ сатана Мильтона къ злому духу. Мильтонъ взялъ только сюжетъ изъ священнаго писанія, и его поэма, при сверхъестественномъ содержаніи, полна человѣчностью. Сверхъестественные герои поэмы близки намъ, возбуждаютъ живое участіе къ себѣ, потому что въ нихъ, при сверхъестественныхъ формахъ, живетъ человѣческая душа. Мильтонъ, какъ я уже сказалъ, былъ смѣлый борецъ за благо народа, врагъ деспотизма и насилія, и онъ, какъ бы свою собственную душу, свой идеалъ изобразилъ въ сатанѣ. Какъ самъ Мильтонъ возставалъ противъ деспотизма Карла I, ревностно и упорно защищалъ свободу и народъ, презиралъ низкопоклонничество, любилъ трудъ, предпочиталъ бѣдность, неволю и гоненія стѣсненію своихъ убѣжденій, такъ и его сатана возсталъ противъ небесной автократіи, былъ сброшенъ въ адскую пропасть и тамъ, среди огненной пучины, имѣя врагомъ самого Бога, онъ не испугался, не упалъ духомъ, не измѣнилъ ни на минуту своихъ убѣжденій, остался мужественнымъ, смѣлымъ, готовый первый жертвовать собою для общаго блага и, вмѣстѣ съ тѣмъ, любящій, понимающій горе другихъ, готовый плакать и страдать по ближнему. Это не сатана — врагъ людей, а другъ всего притѣсненнаго, поклонникъ свободы, мужественный боецъ за правду, великій полководецъ въ войнѣ за

народное благо. Это идеалъ, который имѣлъ вліяніе на всю Европу, которому невольно сочувствуешь, которому хочешь невольно подражать, въ которомъ живетъ любовь къ свободѣ, правдѣ и добру, какъ это все жило въ душѣ самого Мильтона....

Раздался звонокъ. Классъ кончился. Изъ-за кафедры встала худая фигура Краснова. Онъ направился къ выходу изъ класса, и, вдругъ, кашель, глубокій, долгій кашель, душитъ его, заволакиваетъ слезами его живые глаза и покрываетъ его худое лице красными, чахоточными пятнами,—а кучка гимназистовъ стоитъ, какъ пораженная....

Жалкій вы плаксa, господинъ Перехавшій! громко сказалъ Могутовъ и еще болѣе плотно укрылся одѣяломъ, желая заснуть. Но вмѣсто сна, образъ другаго учителя и сцены изъ его жизни начали носиться въ его головѣ.

V.

Илларіонъ Сергѣевичъ Сидоровъ, учитель естественной исторіи, былъ хорошо сложенный, болѣе средняго роста, лѣтъ подъ тридцать, блондинъ, съ красивымъ, веселымъ, какъ-бы улыбающимся лицомъ. Онъ кончилъ курсъ въ педагогическомъ институтѣ вмѣстѣ съ Добролюбовымъ, который былъ его товарищемъ и другомъ. Онъ часто спрашивалъ учениковъ, толково разъяснялъ и поправлялъ ошибки, облегчалъ память наглядными, насколько имѣлъ возможность, преподаваніемъ естественныхъ наукъ; но когда онъ водилъ учениковъ на ботаническія экскурсіи, когда, какъ исправляющій должность инспектора, все послѣобѣденное время проводилъ въ пансіонѣ,—онъ съ любовью, съ увлеченіемъ, горячо разъяснялъ имъ ихъ вопросы, дѣлился съ ними своими мыслями, давалъ имъ читать новые журналы и книги, охотно слушалъ, опровергалъ и разъяснялъ фантазіи и мысли, зарождавшіяся въ молодыхъ, горячихъ головахъ гимназистовъ. Его ученики уважали, какъ Краснова, любили, какъ Іоанова, вѣрили, какъ тому и другому вмѣстѣ, и довѣряли, какъ другу, какъ нянѣ!

Начало весны. Въ классѣ свѣтло, и лучи солнца робко проходятъ чрезъ оконныя стекла, шалятъ зайчиками на потолкѣ и стѣнахъ. Сидоровъ, стоя около передней парты, разсказываетъ о кактусахъ, о ихъ причудливыхъ формахъ, о ихъ листьяхъ-иглахъ, о ихъ громадной величинѣ, о кактусовыхъ лѣсахъ въ

жаркихъ странахъ, о роскошномъ цвѣткѣ кактуса, о вкусномъ сокѣ внутри громаднаго кактусоваго плода, о томъ, какъ оригинально и искусно животныя жаркихъ странъ умѣютъ и любятъ пользоваться сокомъ этихъ плодовъ,—и вдругъ, когда въ головахъ учениковъ рисовались пышные, поразительно красивые лѣса и картины Африки, до ихъ слуха доходитъ слезливый, молящій, жалобный голосъ ребенка, ведомаго на сѣкуцію.

— Простите! Ей-Богу, это не я! Ей-Богу, не я!

Сидоровъ вздрогнулъ, глаза его сверкнули гнѣвомъ и онъ, не докончивъ фразы, скоро вышелъ изъ класса.

Потомъ гимназисты узнали, что Сидоровъ отнялъ у надзирателя ученика и, со словами: пороть стыдно и грѣшно, отослалъ гимназиста въ классъ; что по поводу этого случая собранъ былъ педагогическій совѣтъ, что на совѣтѣ Сидорову пришлось просить извиненія у надзирателя и учителя, пославшаго ученика на порку; что на этомъ же совѣтѣ, благодаря горячимъ рѣчамъ и доказательствамъ Сидорова и Краснова, благодаря согласію съ ихъ рѣчами Іоанова, принято рѣшеніе, прибѣгать къ розгѣ только въ самыхъ крайнихъ случаяхъ.

Въ гимназіи перестали пороть. Не знаю, отмѣнена-ли теперь порка въ гимназіяхъ de jure, но de facto порка теперь не существуетъ *); но во времена, описываемыя здѣсь, въ началѣ шестидесятыхъ годовъ, она царила въ гимназіяхъ, по крайней мѣрѣ, на югѣ Россіи, и въ русской литературѣ еще только-что раздался голосъ Добролюбова о всероссійской гимназіи, разрушаемой розгою. Понятно поэтому, что протестъ Сидорова противъ розги былъ великъ въ глазахъ учениковъ, какъ наглядный примѣръ чего-то въ родѣ геройзма.

Не скоро дошло до юга Россіи вѣяніе новой жизни, жажда реформъ, обхватившія русское общество послѣ крымской войны; но за то скоро дошло до него реакціонное направленіе, обуявшее сейчасъ послѣ начала польскаго возстанія, казалось, еще болѣе горячо русское общество, чѣмъ прежняя жажда перемѣнъ и реформъ. Могутовъ былъ въ седьмомъ классѣ, ему оставалось только полгода до окончанія курса, когда отразилось реакціонное направленіе и на С—ской гимназіи. Прежде всего, бывшій ин-

*) Въ Московскихъ Вѣдомостяхъ, отъ 29 января 1880 г., описанъ случай порки гимназиста въ Воронежской военной гимназіи и тотъ грустный результатъ, къ которому привела порка.

инспекторъ, Терзаевъ, какъ его называли гимназисты, назначенный директоромъ въ К—скую гимназію, того же учебнаго округа, какъ и С—ская, по пути, заѣхалъ въ городъ С—ль и прожилъ въ немъ три дня. Уѣхавъ три года назадъ сильно сконфуженнымъ, Терзаевъ теперь, въ эти три дня, какъ-бы желая изгладить изъ памяти гражданъ города воспоминаніе о неприсномъ своемъ отъѣздѣ, бывалъ вездѣ съ высоко поднятой головой, съ гордымъ взглядомъ, съ выраженіемъ лица и всей фигуры, ясно говорящими, что онъ теперь большая, очень большая птица. Ему захотѣлось побывать и въ гимназіи: вѣдь гимназисты видѣли его паденіе, такъ пусть же они увидятъ и его торжество. Онъ выбралъ для посѣщенія воскресный день и, прежде всего, пожаловалъ въ гимназическую церковь. Изъ церкви онъ пожелалъ пройтись по гимназическимъ заламъ, и свободные отъ занятій гимназисты, привыкшіе уже не бѣгать страха ради отъ глазъ директора, слѣдили, какъ Іоановъ, вмѣстѣ съ нимъ, ходилъ по заламъ, дортуарамъ и классамъ гимназіи. Іоановъ, какъ всегда, былъ ровенъ и спокоенъ, а голосъ Терзаева, сильно отзывающійся востокомъ, еще громче, чѣмъ въ оны дни, раздавался по заламъ.

— Все осталось по старому, а я думалъ не узнать С—ской гимназіи! Только одно существенное измѣнилось, вижу: вынесены изъ рекреаціонной залы изображенія почившихъ монарховъ. Я вижу только благополучно царствующаго императора; но нѣтъ уже представительницы великаго и пышнаго времени—Екатерины, нѣтъ ея наслѣдника—Павла, нѣтъ Александра-Благословеннаго, нѣтъ, даже, суроваго блюстителя правды и порядка—Николая! Вы замѣнили ихъ географическими картами и прекрасными картинами библейской исторіи?... Отличныя картины! но мнѣ лучше нравится въ свободное время имѣть предъ глазами изображенія великихъ монарховъ и, глядя на нихъ, вспоминать дѣла недавняго прошлаго.... Знаете, очень поучительно прошлое! Какой постепенный прогрессъ видѣнъ въ жизни! Какъ недолговѣчны скачки впередъ, какъ они грозны въ началѣ и какъ смѣшны въ концѣ концовъ!

— Портреты покойныхъ императоровъ и императрицы Екатерины помѣщены въ залѣ совѣта. Эти картины недавно пожертвованы гимназіи, и, мнѣ кажется, полезно дѣтямъ смотрѣть на нихъ и припоминать по нимъ священное писаніе, тѣмъ болѣе, что я засталъ портреты покойныхъ императоровъ сильно попорченными сыростью залы.

— Безспорно, безспорно! Особенно когда портреты перешли въ залу совѣта. Намъ даже необходимѣе почаще смотрѣть на нихъ и при этомъ вспоминать факты недавняго прошлаго! Я въ К—ской гимназіи непремѣнно заведу такой-же порядокъ. Вѣкъ живи,— вѣкъ учись!... Ха, ха, ха!

Они вошли въ классный залъ пансіонеровъ и поровнялись съ небольшой кучкою гимназистовъ старшихъ классовъ, стоявшихъ около надзирательскаго стола, за которымъ, разговаривая съ учениками, стоялъ Сидоровъ и старшій надзиратель пансіонеровъ, бывшій въ этой должности и во времена Терзаева. Сидоровъ прервалъ разговоръ и своимъ обыкновеннымъ, свѣтлымъ взглядомъ посмотрѣлъ на проходившихъ мимо стола Іоанова и Терзаева, лице котораго теперь покрылось еще болѣе самодовольной улыбкой.

— А, Иларіонъ Сергѣевичъ! Вы кажется меня не узнаете? А я, представьте, чуть было не прошелъ, не поздоровавшись съ вами! Здравствуйте! И рука Терзаева слегка отдалилась отъ туловища, но, вѣроятно, не замѣтивъ подобнаго движенія со стороны руки Сидорова, не двинулась далѣе.

— Здравствуйте. Нѣтъ, я узналъ васъ. Да и время вашего инспекторства глубоко врѣзалось въ мою память.

— О, да? ха, ха, ха! У васъ всегда была хорошая память!... А вы все по старому: égalité и проч.? Ха, ха, ха!... и онъ, продолжая громко смѣяться, направился къ выходу изъ залы, вмѣстѣ съ Іодановымъ.

— Какой замѣчательный человѣкъ! И какъ мало измѣнился: по старому, бодръ и свѣжъ! Какой онъ былъ справедливый и строгій начальникъ, говорилъ старшій надзиратель о Терзаевѣ, не обращаясь ни къ кому, но такъ, чтобы слышалъ Сидоровъ и стоявшіе близъ него гимназисты.

— Не знаю, измѣнился-ли онъ къ лучшему? Но если онъ остался тѣмъ, чѣмъ былъ; то я, на его мѣстѣ, посовѣстился-бы заглянуть въ эту гимназію, гдѣ все полно свѣжихъ воспоминаній о его, кажется, не совсѣмъ блестящей дѣятельности, сказалъ Сидоровъ, тоже не обращаясь ни къ кому, но громко.

Этотъ разговоръ въ тотъ-же день сталъ извѣстенъ всѣмъ учителямъ, служившимъ и при Терзаевѣ, и недовольнымъ тѣмъ, что такой молодой учитель, какъ Сидоровъ, всего только пять лѣтъ, какъ окончившій ученіе, исправляетъ должность инспектора, исправляетъ уже второй годъ и, притомъ, пользуясь лю-

бовью учениковъ и довѣріемъ директора. На другой день, въ учительской комнатѣ, во время долгой перемѣны, поднялась чуть не драка этихъ, вновь обратившихся въ поклонниковъ Терзаева, благодаря высокому положенію, въ которое онъ опять попалъ и благодаря извѣстію, что бывшій директоръ гимназіи, другъ Терзаева, извѣстный педагогъ, назначенъ попечителемъ ихъ учебнаго округа,—поднялась чуть не драка этихъ учителей съ Сидоровымъ, изъ-за словъ послѣдняго о прошедшемъ Терзаева, сказанныхъ въ присутствіи учениковъ. По поводу этой чуть не драки собранъ былъ педагогическій совѣтъ. Большинство членовъ совѣта, хотя и почуяли перемѣну направленія въ русскомъ обществѣ; но все еще, какъ-бы не желая вдругъ измѣниться, разсудили дѣло о происшествіи въ учительской комнатѣ изъ-за Терзаева безпристрастно, и учителя, охотники до дракъ, принуждены были извиниться передъ Сидоровымъ.... За то терзаевцы послали доносъ на Сидорова новому попечителю и извѣстному педагогу.

Прошло два мѣсяца послѣ посѣщенія гимназіи Терзаевымъ. Тоскливый мартовскій день. Идетъ мелкій дождь, слышно завываніе вѣтра; по стекламъ оконъ слезами струятся дождевыя капли. Гимназія ждетъ новаго попечителя и желаетъ встрѣтить его безъ особенныхъ приготовленій: безъ побѣлки стѣнъ и тщательнаго мытья и натиранія половъ, безъ приготовленія особенныхъ кушаньевъ,—словомъ, гимназія сохраняетъ свой обыкновенный видъ. Только гимназисты стоятъ по росту въ два ряда въ рекреаціонной залѣ, да учителя и все прочее начальство щеголяетъ мундирами и шпагами; но обойтись безъ этого было нельзя, такъ какъ новый попечитель заранѣе увѣдомилъ о времени своего посѣщенія, а это означало необходимость встрѣчи.

Въ часъ дня въ залу вошелъ попечитель, бывшій директоръ гимназіи и извѣстный педагогъ. Онъ сильно измѣнился, сталъ, какъ будто, еще выше, еще худѣе, на лицѣ не было и слѣда прежняго довольства и мягкой, чуть замѣтной улыбки около губъ,—теперь лице было усталое, задумчивое, серьезное, и только глаза также были прищурены, какъ и прежде.

— Здравствуйте, дѣти! сказалъ онъ громко.

— Здравія желаемъ! крикнули гимназисты не стройно, не вмѣстѣ начавъ и не вмѣстѣ окончивъ, словомъ,—такъ, какъ

могутъ кричать триста гимназистовъ отъ 8 до 20 лѣтъ безъ репетицій и частаго упражненія въ подобныхъ крикахъ.

Лице попечителя стало еще болѣе задумчивымъ. Онъ началъ быстро оглядывать сперва ряды гимназистовъ съ ногъ до головы, потомъ стѣны, потолокъ, полъ и даже, какъ будто, воздухъ залы.

— Въ которомъ ты классѣ, мой милый? спросилъ попечитель, остановившись предъ однимъ изъ гимназистовъ.

— Въ шестомъ, смѣло отвѣчалъ гимназистъ.

— Что-же, ты помнишь меня?

— Помню.

— Что-же, находишь во мнѣ перемѣну?

Гимназистъ молчалъ и водилъ глазами по попечителю.

— Ну, что-же, мой милый, отвѣчай! Постарѣлъ прежній твой директоръ или онъ похудѣлъ?

— Выше стали, отвѣтилъ гимназистъ.

— И похудѣлъ, не правда-ли, мой милый? На лицѣ попечителя на секунду показалась мягкая улыбка около губъ.

— Да.

Попечитель опять началъ осматривать ряды гимназистовъ.

— Помнишь, милый мой, какъ я въ этой залѣ объяснялъ вамъ евангеліе? спросилъ попечитель у другаго гимназиста, тоже старшаго класса.

— Помню.

— Какого евангелія объясненіе особенно помнишь ты?

— Объ исцѣленіи Спасителемъ десяти прокаженныхъ мужей.

— Почему-же ты, мой милый, особенно помнишь мое объясненіе именно этого евангелія?

— Тогда новый попечитель вошелъ первый разъ.

— Вы имъ объясняете евангеліе? повернувшись отъ ученика къ директору, спросилъ попечитель.

— Нѣтъ, ваше превосходительство, отвѣтилъ спокойно Іодановъ.

— Да? и попечитель направился къ выходу изъ залы для осмотра спаленъ, а гимназисты пошли въ столовую.

Чрезъ полчаса попечитель вошелъ въ столовую съ еще болѣе серьезнымъ видомъ и прищуренными глазами. Онъ не остановился въ столовой, не попробовалъ кушанья, а со словами: «прощайте, дѣти», прямо направился къ выходу.

Послѣ обѣда желающихъ отпустили въ отпускъ, а въ три часа уже всѣ гимназисты знали, что попечитель остался недоволенъ порядками гимназіи и, сдѣлавъ выговоръ директору, велѣлъ Сидорову, какъ исполняющему должность инспектора, немедленно отправиться на три дня подъ арестъ на гауптвахту.

Могутову, съ тремя товарищами его по классу, захотѣлось сильно повидаться съ Сидоровымъ, и они отправились на гауптвахту. Они думали найти Сидорова скучнымъ, сконфуженнымъ, убитымъ горемъ за несправедливость къ нему; но, къ своему удивленію, нашли его на гауптвахтѣ спокойнымъ и, какъ всегда, съ ласковымъ, смѣющимся взглядомъ.

— Пожалѣть или поскучать пришли? спросилъ онъ, улыбаясь, подавая руку пришедшимъ гимназистамъ.

— Скучно стало, что васъ, Илларіонъ Сергѣевичъ, нѣтъ въ пансіонѣ, такъ мы и пришли сами къ вамъ, сказалъ одинъ изъ гимназистовъ.

— На гауптвахту? Впрочемъ, какъ сами видите, помѣщеніе не дурное: студенческую комнату въ Питерѣ напоминаетъ; разница только въ этихъ прутьяхъ въ окнахъ, а величина, кровать, два стула и столъ,—какъ въ студенческой комнатѣ.

— За что онъ васъ посадилъ сюда, Илларіонъ Сергѣевичъ? спросилъ Могутовъ.

Онъ шутливо передалъ свой разговоръ съ попечителемъ.

— Почему на стѣнахъ видна пыль, почему не блестятъ полы, на кроватяхъ не совершенно свѣжее бѣлье? и т. д. спрашиваетъ у меня попечитель. Отвѣчаю, что де гимназія представлена предъ очи его превосходительства въ будничномъ своемъ видѣ; что къ его пріѣзду ни одного гвоздя нигдѣ не вбито и нигдѣ лишній разъ, противъ обыкновеннаго, не потерли шваброй половъ; что три года назадъ, ваше превосходительство, изволили бывать ежедневно въ гимназіи и, вѣроятно, изволили замѣтить перемѣну къ лучшему теперь. Что? крикнулъ онъ. Почему я могу знать, что не усиленно прибранную гимназію показываете вы мнѣ въ такомъ видѣ?—Прикажите, ваше превосходительство, отвѣчаю я, провѣрить бѣлье, платье, кухню; спросите тѣхъ, кто бываетъ каждый день въ гимназіи. О томъ, каковы у васъ порядки, я уже знаю кое-что, отвѣтилъ онъ. Теперь провѣрять васъ у меня нѣтъ времени, а пока вы должны немедленно отправиться на трое сутокъ на гауптвахту и немедленно же подать прошеніе о вашемъ увольненіи. Я про-

силъ позволенія подать прошеніе послѣ экзаменовъ, такъ какъ до нихъ осталось всего два мѣсяца. Это увидимъ, отвѣтилъ попечитель.

— Вотъ вамъ и весь разговоръ, сказалъ въ заключеніе Сидоровъ.

Гимназисты молчали. Сидоровъ закурилъ папироску.

— А я бы на вашемъ мѣстѣ, Иларіонъ Сергѣевичъ, не пошелъ подъ арестъ! энергично сказалъ одинъ изъ гимназистовъ.

— Почему? улыбнувшись, спросилъ Сидоровъ.

— Потому, что за правду не наказываютъ! еще болѣе энергично отвѣчалъ тотъ же гимназистъ.

— Но за правду сплошь и рядомъ страдали и страдаютъ, сказалъ Сидоровъ, и не улыбка, а скорѣе чуть-чуть злая усмѣшка, пробѣжала по его лицу.--Но дѣло не въ этомъ, господа, продолжалъ онъ. Грустно то, что тучи начинаютъ опять, какъ будто, заволакивать было прояснившееся небо нашей родины.... И онъ говорилъ своимъ гостямъ о польскомъ возстаніи, начатомъ польскимъ панствомъ, начатомъ въ видахъ узкихъ, чисто барскихъ интересовъ, а, между тѣмъ, это дѣло приписываютъ русской молодежи, русскимъ либеральнымъ людямъ.... говорилъ о петербургскихъ пожарахъ, которые тоже приписываютъ молодежи и либераламъ, а, между тѣмъ, ни въ возстаніи пановъ, ни въ петербургскихъ пожарахъ эти люди совершенно неповинны. Эти люди желаютъ блага родинѣ, чтобы родина была не хуже другихъ государствъ, была также умна и богата, какъ Европа; но они желаютъ достигнуть этого не путемъ поджоговъ и возстаній, а путемъ распространенія просвѣщенія, знанія, правды въ народѣ и въ обществѣ, путемъ обнаруживанія злоупотребленій, воровства, неправды, лжи, которыя, благодаря почти трехсотъ-лѣтнему тяготѣнію крѣпостнаго права, глубоко укоренились у насъ всюду, — въ судѣ, въ семействѣ, въ интимномъ разговорѣ, въ литературѣ и даже въ наукѣ. По его словамъ, во всей русской поэзіи не было еще героя, чуждаго лжи. Инсаровъ — правдивъ, но онъ болгаринъ, а Онѣгины, Печорины, Обломовы, Рудины, Бельтовы — полны ложью. Базаровъ — почти безъ лжи. По его характеру, ложь должна быть чужда ему, хотя Тургеневъ и навязалъ ему ея нѣкоторое количество; но вѣдь Базаровъ и есть плохое изображеніе современной молодежи, которую, вмѣстѣ съ либеральными людьми всѣхъ возрастовъ, и обвиняютъ въ поджогахъ и польскомъ бунтѣ, и воз-

буждаютъ правительство къ преслѣдованію ея. Это грустно, хотя и понятно. Людей неисковерканныхъ, смѣлыхъ, честныхъ, правдивыхъ очень мало, а продуктовъ крѣпостнаго права очень много; немудрено, что этому большинству противны люди не похожіе на нихъ, желающіе добра родинѣ, а не имъ, своимъ отцамъ; немудрено, что они клевещутъ на молодое, чуждое лжи и узкаго эгоизма, поколѣніе; но грустно то, что эти люди, враги реформъ и прогресса родины, начинаютъ высоко поднимать свою голову, начинаютъ прибирать въ свои руки вліятельныя должности, начинаютъ громко требовать чуть не возобновленія крѣпостнаго права. Онъ не вѣритъ въ возможность поворота назадъ; но груститъ и боится, что, благодаря крѣпостникамъ, снова выплывшимъ на жизненную арену дѣятельности, движеніе впередъ русской жизни сильно затормозится; боится и груститъ, что благодаря заторможенію жизни, горячія молодыя головы, полныя желанія добра родинѣ, полныя желанія работать на пользу родинѣ, бросятся, дѣйствительно, въ активную борьбу съ тормазомъ жизни и, конечно, будутъ погибать безслѣдно. А между тѣмъ, у насъ мало людей честныхъ, любящихъ не эгоистически свою родину, готовыхъ исключительно работать для нея; а между тѣмъ, мы сильно отстали отъ Европы, намъ надо торопиться, мы можемъ такъ отстать, что прежде чѣмъ успѣемъ сравняться съ народами Европы, эти народы поглотятъ насъ, заполонятъ насъ, безъ войны или войною сотрутъ съ лица земли.

— Но мнѣ что-то говоритъ, что грусть и боязнь мои напрасны. Реакція далеко не пойдетъ, молодое поколѣніе будетъ благоразумно,—потерпитъ, но не начнетъ борьбу на явную свою погибель, — потерпитъ, но останется при этомъ правдивымъ, честнымъ, любящимъ родину и родной народъ болѣе всего, гораздо болѣе самихъ себя. И вы, господа, будете такими людьми! Вы никогда не будете лгать!

Такъ кончилъ Сидоровъ свою длинную бесѣду на гауптвахтѣ, и гимназисты, прощаясь съ нимъ, крѣпко жали его руку.

Было темно, когда они возвращались съ гауптвахты въ гимназію. Небо было покрыто сплошной тучей, моросилъ густой и мелкій дождикъ; въ степи шумѣлъ сильный вѣтеръ и доносился до города и оврага протяжнымъ и заунывнымъ воемъ, визгомъ, стономъ.

— А что, если пустить каменюку вонъ туда? сказалъ одинъ изъ гимназистовъ, указывая рукой на домъ, мимо котораго они

шли, и въ которомъ остановился попечитель, и окна котораго были ярко освѣщены.

— А что убѣжать отлично можно,—темно, сказалъ другой.

Всѣ остановились противъ дома. На улицѣ не было ни души; фонари, чуть не на полверсту одинъ отъ другаго, не горѣли, а какъ звѣздочки, едва мерцали въ туманѣ мелкаго дождя; стоны степнаго вѣтра носились по оврагу.

— Бросить камень и убѣжать — дѣло не честное! какъ бы въ раздумьи, сказалъ Могутовъ. И вы будете такими людьми! Вы не будете никогда лгать! какъ-бы повторяя слова Сидорова, сказалъ онъ далѣе.

Гимназисты пошли отъ дома.

— Я даю слово никогда не лгать! громко сказалъ одинъ изъ нихъ.

— И я! вскрикнулъ другой.

— Друзья! дадимъ другъ другу руки и никогда не будемъ лгать! пародируя стихи Плещеева, но громко и горячо, сказалъ третій.

— Дадимъ, дадимъ руки!

— Поклянемся!

— Давай руку, Могутовъ!

Такъ кричали гимназисты и жали другъ другу руки въ темнотѣ, подъ мелкимъ густымъ дождикомъ, при сильномъ вѣтрѣ въ степи, вой и стонъ котораго носились по оврагу и улицамъ города.

VI.

Послѣ этой, промелькнувшей въ головѣ Могутова, сцены, онъ началъ засыпать. И снится ему послѣдній день его жизни въ городѣ С—лѣ, послѣднее воспоминаніе его гимназической жизни.

Средина августа. Жаркій, безоблачный, тихій день. Два часа. Близъ старой вѣтвистой яблони, сквозь густыя вѣтви и листья которой не пробиваются лучи солнца и не дѣлаютъ ни одного свѣтлаго пятна на землѣ, въ маленькомъ садикѣ торговки вырыта ямка; надъ ней два большихъ чугуна; подъ ними горятъ щепки, синенькій дымокъ которыхъ, смѣшавшись съ паромъ изъ чугуновъ, медленно поднимается вверхъ, подъ тихую воркотню кипящей воды въ чугунахъ и подъ слабый трескъ щепокъ, горящихъ подъ ними. Могутовъ, уже не въ гимназической

формѣ, а въ парусиновыхъ брюкахъ и жилетѣ, въ красной кумачевой рубахѣ, безъ пиджака и безъ фуражки, съ длинными, успѣвшими отрости за каникулы, закинутыми небрежно назадъ, волосами, стоитъ около чугуновъ и, часто поднимая съ нихъ крышки, слѣдитъ за цвѣтомъ, варящихся въ чугунахъ, раковъ, чтобы по немъ опредѣлить конецъ варки. Подъ яблоней, вытянувшись во всю длину своего болѣе средняго роста, лежитъ Леля. На ней короткое, коленкоровое, коричневаго цвѣта, простенькое платье, безъ кринолина и юбокъ, одна рука ея, также вытянутая ровно, лежитъ вдоль нея, прижавъ платье и оттянувъ его въ одну сторону, назадъ, обрисовавъ формы ногъ, ступни которыхъ, обутыя въ простыя кожаные башмаки, безъ чулокъ, видны изъ-подъ короткаго платья до самыхъ щиколодокъ; другая рука ея, упираясь локтемъ въ землю, поднята вверхъ и, чуть-чуть согнутыми пальцами, поддерживаетъ голову. Возлѣ нея лежитъ открытая книга.

Прошло болѣе трехъ лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ Гордій сталъ ея братомъ. Онъ не пропускалъ, во все это время, почти ни одного дня въ году, чтобы, хотя часъ-другой не заниматься съ нею, а во время каникулъ не посвящать всего своего времени на обученіе и развитіе ея. За то теперь, ей скоро будетъ шестнадцать лѣтъ. Она отлично читаетъ, правильно и очень порядочно пишетъ, знаетъ всѣ слова и фразы изъ французскаго Олендорфа, хорошо знаетъ ариѳметику, знакома, не по наслышкѣ, съ родной поэзіей и прозой, знакома, не по наслышкѣ, и съ переводами иностранныхъ писателей и поэтовъ, знакома поверхностно съ исторіей и естественными науками; но она по прежнему дочь торговки, живетъ съ ней и любитъ её, одѣвается и работаетъ, какъ дочь торговки, и только головка ея знаетъ много, гораздо болѣе, чѣмъ любая барышня ея лѣтъ. Она знаетъ, между прочимъ, что ея братъ, ея Гордюша, кончившій съ медалью гимназическій курсъ, ѣдетъ на казенный счетъ въ Петербургъ, выбравъ, по совѣту Сидорова, не университетъ, а институтъ; она знаетъ, что, по окончаніи курса, Гордюша устроитъ фабрику, на которой, какъ въ мастерской Вѣры Павловны Лопуховой, съ которой она очень хорошо знакома, всѣ, начиная отъ Гордюши, запѣвалы фабрики, и до послѣдняго работника, будутъ одинаково заинтересованы въ работѣ, будутъ одинаково счастливы, веселы и довольны; она знаетъ, что, когда зашумитъ, пущенная въ ходъ, могутовская фабрика, она и мать ея

также будутъ на этой фабрикѣ въ качествѣ работницъ, не переставая быть сестрою и матерью Гордюши; она знаетъ.... Но чего только не знаетъ сестра, другъ, единственная привязанность такого героя, какъ ея братъ, Гордій Могутовъ!... Не знаетъ она только одного, что этотъ герой, этотъ братъ ея, часто, когда лежитъ ночью на гимназической койкѣ, когда ему почему-то не спится и онъ думаетъ о ней,—она, его сестра, вотъ уже скоро съ годъ, рисуется ему не въ роли сестры, а какъ любовница, гражданская жена, какъ вѣчный другъ — женщина, на которой онъ, впрочемъ, никогда не женится, такъ какъ, по его мнѣнію, бракъ-форма, ложь, неисполнимая клятва въ вѣчной любви, тогда какъ вѣчной любви не можетъ быть, какъ это прекрасно доказано и въ «Подводномъ камнѣ», и въ «Что дѣлать», и въ романахъ Бальзака, и въ романахъ Жоржъ-Занда; не знаетъ она, что часто, цѣлуя ее при прощаньи, онъ торопится уйти съ глазъ ея, стараясь скрыть вдругъ выступившую краску на его лицѣ, сильное біеніе сердца; не знаетъ она, что часто онъ хочетъ сказать ей обо всемъ этомъ, но что у него не поворачивается языкъ для этого.

— Тебѣ жарко, Гордюша? спросила дѣвушка, глядя на раскраснѣвшееся лицо Могутова, варившаго раки.

— Есть тотъ грѣхъ, Леля! отвѣчаетъ онъ, поднимая крышку съ чугуна и силясь сквозь паръ заглянуть внутрь его.—За то, напослѣдки, что ни на есть съ наилучшей отличкой сварю матери рачковъ.

— Ну, что-же дальше? спросилъ онъ немного погодя, утирая потъ съ лица рукавомъ рубахи и посмотрѣвъ на дѣвушку, глаза которой пристально и серьезно смотрѣли на него.

Она разсказывала ему предъ этимъ свой разговоръ съ матерью вчерашней ночью.

— Что дальше? Мать хочетъ замужъ выходить, не моргнувъ бровью и продолжая серьезно смотрѣть на брата, сказала дѣвушка.

— Ты не шутишь? Разсказывай по порядку, Леля, сказалъ онъ, окинувъ взглядомъ лицо дѣвушки и, по ею серьезности, рѣшивъ, что она не шутитъ.

— А вѣдь тебѣ скучно будетъ безъ братца? хорошо копируя голосъ матери, начала она продолжать свой разсказъ.

— Ничего, мать. Я буду часто писать къ Гордюшѣ, онъ тоже будетъ писать мнѣ длинныя письма, буду продолжать учиться, работать,—ну, и незамѣтно пройдетъ четыре года.

— Шабашъ! крикнулъ Могутовъ.—Пускай теперь ихъ внутреннимъ огнемъ доваритъ, и будутъ раки съ преразотличнѣйшей отличкой! и онъ началъ поспѣшно выгребать толстой палкой горящія щепки изъ-подъ чугуновъ.

— Будемъ слушать дальнѣйшее повѣствованіе, сказалъ онъ, затушивъ огонь подъ чугунами и, сильно раскраснѣвшійся, подошелъ подъ тѣнь яблони и легъ, какъ и дѣвушка, бокомъ и вытянувшись, лицомъ къ ней.

— Смотри, дитятко! Питеръ—городъ большой, отъ насъ не близкій, а за четыре года много воды утечетъ въ море.

— Что-жъ ты хочешь, мать? спросила я, сама не знаю почему, сердито.

— Сынокъ-то у меня, а у тебя братецъ, что и говорить,—хорошій, спасибо ему, а только, боюсь я,—не къ добру все это.

— Что не къ добру, мать? испуганно спросила я.

— Да то, что на барышню ты у меня стала походить. При нашихъ-то достаткахъ, да при нашей работѣ,—какой прокъ съ того? Какъ-бы, сохрани Царица Небесная, горя и слезъ не было отъ того?

Она остановилась и стала прислушиваться къ лаю собаки на дворѣ. Онъ все время смотрѣлъ на нее. Она лежала все въ томъ же положеніи, вытянувъ ровно свой станъ и склонивъ голову на пальцы руки, упертой локтемъ въ землю.

— Какая она красавица! думалъ онъ. Сейчасъ скажу, что я люблю ее, какъ сорокъ тысячъ братьевъ вмѣстѣ любить не могутъ....

Онъ не замѣтилъ, что это фраза Гамлета, онъ силился начать говорить, но робость, стыдъ, забившееся вдругъ сердце, сковали его уста, и онъ молча только смотрѣлъ на нее и любовался ею. Любовался ея тонкими, свѣтлыми, мягкими волосами, гладко причесанными спереди и отчетливо окаймлявшими большой, гладкій и ровный лобъ, незамѣтно сливавшійся съ прямымъ, немного расшириннымъ на концѣ носомъ; любовался большими, темно-голубыми глазами, которые, казалось, дѣлаются все болѣе и болѣе и, изъ-подъ длинныхъ, неподвижныхъ, темныхъ рѣсницъ, все серьезнѣе и внимательнѣе смотрятъ на него, блестя мягкимъ, покойнымъ, нѣжнымъ, манящимъ, темно-голубымъ свѣтомъ, какъ свѣтъ луны, когда она въ зенитѣ, когда на небѣ нѣтъ ни одной тучки и когда луна, какъ будто, вся погружен-

ная въ глубокую думу, плыветъ по небу спокойно, ровно, какъ-бы не замѣчая сама своего движенія; любовался свѣжими, розовыми губами, крупными ямками щекъ, дышащихъ свѣжестью, молодостью и румянцемъ здоровья; любовался всѣмъ корпусомъ съ почти уже сформировавшеюся грудью взрослой дѣвушки.

— Какого горя, мать? спросила я, а у самой грудь чего-то сжало и сердце забилось скоро.

— А такого горя, дитятко, что теперь тебя замужъ за простаго человѣка и насильно не выдашь, а благородные женихи не про насъ. Развѣ бракъ какой, пьянчушка или голь непроглядная, польстится на дочь торговки, что съ солдатомъ прижита!

— Къ чему ты это говоришь? сердито спросила я, а самой плакать хочется.

— А къ тому, дочка, что и тебѣ, и мнѣ очень бы хорошо было, коли бы Гордюша да женился на тебѣ. Бросилъ бы ѣхать въ Питеръ: не маленькій, чуть не двадцать лѣтъ, пора и перестать учиться. Началъ бы служить тутъ, на тебѣ бы женился, я бы при васъ жила и торговлю не бросила бы. А то вѣдь, коли Богъ и пошлетъ тебѣ счастья, благословитъ на бракъ и съ путнымъ благороднымъ чиновникомъ,— мнѣ все не жить съ вами. Нешто позволитъ благородный торговать мнѣ на базарѣ, вмѣстѣ-то жимши съ вами? А мнѣ безъ торговли—смерть.

— Я не пойду замужъ, мать, сказала я.

— Придетъ время захотѣть, такъ пойдешь.... Вѣрно слово, дитятко, говорю, забудетъ Гордюша въ Петербургѣ тебя. Много, годъ пономнитъ, а тамъ и лови журавля въ небѣ.... Вѣдь онъ тебя любитъ?

— Да, мать, сказала я, а сама все слышу, что она говоритъ, а понять не понимаю, только страшно чего-то.

— Ну, и пущай бы женился. Ты, слава Богу, не малый ребенокъ: я, въ твои лѣта, чуть не матерью была. Ты бы сама, сказала Гордюшѣ: женись, молъ, Гордюша на мнѣ.

— Онъ ни на комъ не женится, мать! горячо сказала я.— Онъ далъ себѣ слово никогда не служить и не лгать, а женитьба—ложь. Развѣ можно дать клятву предъ Богомъ, при народѣ, записавъ свою клятву въ книгу, что весь свой вѣкъ мужъ будетъ любить жену, а жена мужа!

— А то какъ же! Удивленно спросила мать и сильно при этомъ вздохнула.

— Какъ? разгорячась начала я, забывъ, что недавно хотѣла плакать. Нужно всегда быть свободнымъ человѣкомъ и не связывать себя клятвами! Нужно любить человѣка, пока онъ заслуживаетъ любви, и бросить, уйти отъ него, если онъ сдѣлается сволочью. А развѣ можетъ сдѣлать это мужъ съ женою, а жена съ мужемъ при бракѣ? Ихъ полиція заставитъ жить вмѣстѣ.

— Откуда все это у тебя? испуганно спросила мать и опять сильно вздохнула.

— Умные и честные люди, мать, объ этомъ книги написали, а я съ Гордюшей читала эти книги и хочу быть тоже честной!...

— Это Богъ за грѣхи мои наказываетъ меня, долго помолчавъ и вздыхая, начала мать. Говорила не къ добру, такъ оно и есть.... Ты эту белиберду брось! Потаскухой быть у меня не смѣй! Своими руками задушу тогда! Въ Сибирь пойду, а до грѣха не допущу!

Дѣвушка отлично копировала мать, и теперь она кричала, какъ кричала ея мать на базарѣ, когда, заспоривъ изъ-за пустяка съ товаркой, крикъ ея заглушалъ стукъ и гамъ базарной площади.

— Она начала плакать. Мнѣ стало жаль ее. Я хотѣла успокоить ее, растолковать понятно о гражданскомъ бракѣ; да мнѣ самой стало грустно, плакать опять захотѣлось, ну, я и молчала.

— Знаешь, что я надумала? спросила мать немного погодя.

— Что, мать? И, сама не знаю чего, опять испугалась....

— А то, дочка, что я надумала за Прѣснухина, сапожника, замужъ идти. Ты въ такомъ возрастѣ, что пуще глазъ за тобой нуженъ, а что я одна подѣлаю? А онъ человѣкъ хорошій, непьющій, работящій, деньги имѣетъ.... Дочь у него твоихъ лѣтъ: тебѣ веселѣе будетъ, и твое при тебѣ останется: домишко на твое имя запишу.

— Мнѣ страшно стало. Что я буду дѣлать? думала я. Ты уѣдешь завтра, я останусь одна, чужой человѣкъ въ дому, глазъ за мной нуженъ.... живаго слова не съ кѣмъ будетъ сказать.... можетъ и ты за четыре года забудешь меня....

— Возьми меня съ собой, Гордюша! сказала она, вдругъ оборвавъ свой разсказъ, и, приподнявшись, она обхватила руками его шею и ласковымъ, просящимъ взглядомъ смотрѣла ему въ глаза.

Онъ вздрогнулъ. Кровь бросилась ему въ голову, онъ обнялъ ее за талію, прижалъ къ себѣ и, горячо цѣлуя ее, говорилъ:

— Родная моя! Леля, дорогая моя! Я люблю тебя сильно, крѣпко, горячо! Люблю не какъ сестру, нѣтъ! больше, гораздо больше! Люблю, какъ сорокъ тысячъ братьевъ вмѣстѣ любить не могутъ. Я пойду за тебя въ огонь и въ воду, въ адъ и....

— Ты задушишь меня! Гордюша, больно! Ты горишь весь! Постой, подожди, ой! Больно, пусти! кричала дѣвушка, стараясь высвободиться изъ его страстныхъ объятій. Она, сама не зная чего, страшно испугалась.

Онъ порывисто выпустилъ ее и, вскочивъ съ земли, хотѣлъ идти; но, какъ безсильный, сѣлъ опять. Лице его было красно и потно, растопыренные пальцы рукъ, торопливо поднимали волосы на головѣ, брови сблизились одна къ другой, щеки втянулись еще болѣе внутрь, губы стали тоньше, и онъ имѣлъ видъ, очень похожій на тотъ, въ какомъ мы его видѣли въ канцеляріи начальника С—нской губерніи.

— О чемъ ты думаешь, Гордюша? робко смотря на него, тихимъ и боязливымъ голосомъ спросила дѣвушка.

Онъ молчалъ и тяжело дышалъ.

— Какой ты страшный, Гордюша!... Ты сердишься, Гордюша?... братъ!... Гордюша, прости меня.... Прости меня.... Прости меня, дорогой другъ мой!

Она обняла его и заговорила еще нѣжнѣе.

— Ну, не бери меня съ собой, не нужно.... Ты не забудешь меня.... Мать сочиняетъ, и я не буду скучать.... Я буду читать, работать, учиться, писать къ тебѣ длинныя, длинныя письма.... Ты не сердишься, Гордюша?... Не сердись, Гордюша! вѣдь ты завтра уѣдешь.... можетъ быть, не увидимся больше.

Слезы, крупныя слезы потекли изъ ея глазъ, а она все смотрѣла на него, обнявъ его за шею.

— Плакать — стыдно, Леля! суровѣе, чѣмъ обыкновенно, сказалъ онъ.

Она, какъ послушное дитя, поспѣшно начала вытирать слезы рукавомъ.

— Ты не любишь меня, Леля? тѣмъ же голосомъ спросилъ онъ.

— Люблю, люблю! Больше матери, больше всѣхъ люблю! Вотъ какъ люблю тебя! и она обхватила его шею руками и крѣпко поцѣловала его.

— Хочешь быть моей гражданской женой? все еще суровымъ голосомъ спросилъ онъ.

— Хочу, хочу! хочу, Гордюша! радостно вскрикнула она и опять ласково улыбаясь, довольная смотрѣла на него, положивъ руки на его плечи.

Онъ смотрѣлъ на нее.

— Какая ты дивная красавица, Леля! невольно вырвались у него слова, но уже безъ волненія.

Она, дѣйствительно, была дивно хороша, какъ только можетъ быть хороша молодая, красивая дѣвушка, когда лице ея улыбается ангельской улыбкой, а глаза, съ едва сдвинутыми бровями, полны мысли, чувства, стремленій къ небу отъ земли, какъ море, какъ океанъ при штилѣ, полны загадочнаго покоя, величія, силы, красоты.

— Я люблю тебя, Леля, больше чѣмъ сестру. Я люблю тебя, какъ женщину. Я предлагаю тебѣ быть моей гражданской женой. Если ты любишь меня, не какъ брата, а какъ мужчину, если мать не пошатнула у тебя правильныхъ понятій на счетъ законнаго брака; то намъ ничто не мѣшаетъ быть мужемъ и женой.

— Я согласна, Гордюша! Я люблю тебя, и мать не пошатнула моихъ правильныхъ понятій на счетъ брака. Я согласна, и лице ея при этомъ покрылось довольной и самой беззаботной улыбкой; но щеки ея не покрылись усиленнымъ румянцемъ, глаза не потупились внизъ, въ нихъ не замѣтно было усиленнаго блеска, дыханіе ея было ровно.

— Нѣтъ, она меня не любитъ, какъ я её! глядя на нее, думалъ онъ.—А можетъ быть, она еще молода, еще дитя?...

Онъ пристальнымъ взглядомъ окинулъ дѣвушку съ головы до ногъ.

Она все также, безъ признаковъ горячаго волненія въ крови, но довольная и счастливая, смотрѣла на него.

— Такъ, такъ! Она еще дитя, думалъ онъ и лице его прояснилось.

— Значитъ, я поѣду съ тобой? Да, Гордюша? увидѣвъ прояснившееся его лице, вскрикнула она, чуть не хлопая въ ладоши.

— Ѣхать намъ вмѣстѣ нельзя. Насъ ѣдетъ много и насъ везетъ чиновникъ.

— Значитъ, я останусь тутъ? Улыбка исчезла съ ея лица.

— Какая ты скорая на умозаключенія! Серьезно говорилъ онъ.— Ты знаешь, что меня везутъ на казенный счетъ въ Петербургъ, что тамъ будутъ давать каждый мѣсяцъ по двадцати пяти рублей, что у меня есть двѣсти пятьдесятъ рублей за репетиціи....

— Я знаю это, Гордюша, нетерпѣливо сказала она.

— Я тебѣ дамъ половину этихъ денегъ, а ты съ ними и поѣдешь въ Питеръ. Мы тамъ будемъ жить вмѣстѣ, будемъ учиться.... Я кончу ученье, ты поумнѣешь и подростешь, ты еще дитя, Леля.... Ну, тогда мы и будемъ гражданскими мужемъ и женою. Согласна?

— Согласна, согласна! Отлично, Гордюша!

— А какъ же ты уѣдешь? Вѣдь мать не пуститъ тебя охотою.

— А я убѣгу, если она не пуститъ.

— А она поймаетъ. Поѣдетъ въ догонку, да и поймаетъ.

— Я шибко буду бѣжать, Гордюша, робко уже сказала она.

— Надо сдѣлать, чтобы не воротила мать. Я объ этомъ уже давно думалъ и придумалъ. Ты знаешь, гдѣ коммиссаріатская коммиссія?

— Знаю, Гордюша.

— Тамъ, почти каждый день, стоятъ повозки, по тройкѣ лошадей въ каждой. Они привозятъ изъ Москвы товары въ коммиссію и потомъ назадъ ѣдутъ. Ты сходи туда, попроси ихъ взять тебя до Москвы, сторгуйся.... Да прямо объясни, чтобы они тебя спрятали. Когда все уладишь, тогда попроси мать пустить тебя. Проси хорошенько, скажи, что жизни себя лишишь, если не пуститъ.... Вѣдь это не будетъ ложь! Вѣдь, если ты меня любишь, то это такъ и должно быть.... Ну, если пуститъ, тогда и разговаривать нечего; но я убѣжденъ, что она не пуститъ тебя. Тогда ты убѣги къ фурщикамъ и оставь, когда будешь уходить, записку матери, что ты убѣжала ко мнѣ.... Фурщиковъ обыскивать не будутъ; только попроси ихъ спрятать хорошенько, да чтобы они тебя не выдали. Изъ Москвы скоро, по желѣзной дорогѣ, въ Питеръ, а тамъ мы матери напишемъ все, ну и успокоимъ ее. Она и будетъ....

— Дѣтки, готовы рачки? крикнула со двора торговка, которая долго не спала прошлую ночь, послѣ разговора съ дочерью, и надумала, что не слѣдъ очень серьезно принимать слова дочери о развратной жизни, вмѣсто брака; такъ какъ, послѣ отъѣзда Гордюши, вся белиберда изъ головы дочери уйдетъ, а потому

сердиться на дѣтей нечего, а за Прѣснухина, сапожника, выходить все-таки нужно.

— Готовы, мать, и съ преразотличнѣйшей отличкой! крикнулъ Могутовъ.

— На другой день, въ седьмомъ часу утра, изъ города на площадь, какъ длинный свадебный поѣздъ, выѣхали одинъ за однимъ, сперва дорожный фаэтонъ, запряженный по-русски тройкою, за нимъ—длинный, крытый нѣмецкій фургонъ, запряженный четверкою въ рядъ, за первымъ фургономъ — второй такой же, за вторымъ—третій, за третьимъ—четвертый, за четвертымъ—пятый и послѣдній. Длинный поѣздъ ѣхалъ скоро, почтовые колокольчики бойко звенѣли, фургоны сильно дребезжали и стучали, площадная пыль тучей поднималась и неслась вправо, а изъ фургоновъ смотрѣли молодыя лица гимназистовъ, кончившихъ отлично курсъ, собранныхъ со всѣхъ гимназій С—аго учебнаго округа и везомыхъ теперь въ разныя высшія учебныя заведенія. Поѣздъ проѣхалъ длинный рядъ домовъ присутственныхъ мѣстъ, проѣхалъ длинные ряды магазиновъ провіантскихъ и коммиссаріатскихъ коммиссій, проѣхалъ высокіе бурты съ казеннымъ хлѣбомъ и солью, проѣхалъ госпиталь, казармы и поровнялся съ высокимъ, угрюмымъ зданіемъ острога, обнесеннымъ высокою стѣною, съ черными высокими воротами, съ большимъ крестомъ на верху воротъ и съ распятымъ Христомъ на крестѣ. Около воротъ острога и росписанной національными цвѣтами будки, стоялъ солдатъ на часахъ и отъ скуки выдѣлывалъ ружейные пріемы.

Фургонъ сталъ. Могутовъ выскочилъ изъ фургона и побѣжалъ на встрѣчу торговкѣ и ея дочери, идущимъ отъ воротъ острога къ нему на встрѣчу.

— Мы уже тебя больше часу дожидаемъ, Гордюша! громко говорила Леля, первая подбѣжавъ къ Могутову и бросившись къ нему на шею.

Они крѣпко цѣловались. Онъ смотрѣлъ серьезно, на глазахъ его не было слезъ. Она плакала, но сквозь слезы ея видѣнъ былъ полный надежды на скорое свиданіе взглядъ.

— Мы и помолиться за тебя, Гордюша, успѣли, глядя на Господа Іисуса Христа на томъ крестѣ! говорила торговка, указывая на крестъ на воротахъ острога. Пускай онъ пошлетъ тебѣ всякаго благополучія, здоровья, счастья и успѣха, что мою си-

ротку уму-разуму научилъ.... Вотъ только на счетъ разврата не хорошо, ну.... Вѣдь она у меня благородная, Гордюша!

Она зарыдала и, всхлипывая, крестила его маленькимъ золотымъ образкомъ, съ чернымъ, толстымъ шнуромъ въ ушкѣ, потомъ дала ему поцѣловать его, повѣсила ему на шею, растегнула воротъ красной рубахи, открыла грудь его и, опустивъ на нее образъ, сама поцѣловала сперва образъ, а потомъ его голую грудь. Онъ задрожалъ, когда слезы ея упали на его голое тѣло, схватилъ руку ея и крѣпко цѣловалъ; но слезы не показывались на его глазахъ.

— Отстанемъ, господа, далеко отъ своихъ! сказалъ громко ямщикъ.

— Прощай, дорогой мой! Насъ не забывай. Господь, храни тебя, жалостливый! Цѣлуя въ послѣдній разъ нежданнаго сына, говорила торговка.

Леля молча крѣпко поцѣловала его, а онъ съ сухими глазами, серьезный, сѣлъ въ фургонъ. Фургонъ тронулся и быстро покатилъ догонять товарищей.

— Рачки, рачки! Рачки возьми! Гордюша! кричала торговка, забывшая отдать принесенные ею раки сегодняшней варки.

Фургонъ не остановился и быстро катилъ все далѣе и далѣе отъ города. Вотъ онъ минулъ лагерныя палатки; вотъ онъ чуть видѣнъ въ степи; вотъ видна только пыль, поднимаемая имъ, вотъ и пыль пропала, и видна одна голая, безпредѣльная степь.

— Прощай, Гордюша! тихо сказала Леля, утирая слезы.

— Господь его храни! крестясь сказала торговка. — А я, дочка, рачки несчастнымъ отдамъ.

— Отдай, мать.

Онѣ опять подошли къ воротамъ острога. Торговка отдала въ форточку узелокъ съ раками; чья-то рука взяла его и скоро подала пустымъ назадъ. Торговка взяла узелокъ и долго-долго потомъ молилась на Распятаго.

— Зачѣмъ это Христосъ, распятый на крестѣ, на воротахъ тюрьмы? думала въ это время Леля.

М. Забѣлло.

Конецъ 1-й части.

Не пора-ли написать исторію крестьянъ въ Россіи?

Извѣстно, что чѣмъ необразованнѣе человѣкъ, тѣмъ болѣе его воображеніе поражаютъ подвиги личной храбрости, извѣстія о военныхъ событіяхъ для него наиболѣе интересны, имена разныхъ знаменитыхъ полководцевъ всего популярнѣе среди простаго народа. Это объясняется прежде всего тѣмъ, что въ военныхъ событіяхъ народъ всего болѣе участвуетъ, принося въ этихъ случаяхъ обильную дань и своею кровью, и своими скудными средствами. Но, помимо этой причины, — самый фактъ военной доблести проще, доступнѣе уму, чѣмъ заслуги какого-нибудь знаменитаго писателя, государственнаго дѣятеля, чѣмъ то или другое явленіе общественной жизни. Понятно, что чѣмъ неразвитѣе общество, тѣмъ болѣе элементарныя требованія оно предъявляетъ своему историку, тѣмъ болѣе оно интересуется военными событіями, тѣмъ болѣе мѣста отводитъ историкъ для описанія войнъ и біографій полководцевъ. Когда на ряду съ рѣшеніемъ международныхъ распрей посредствомъ одной грубой силы дѣлаются попытки разрѣшенія такихъ спорныхъ вопросовъ мирными переговорами, дипломатическими сношеніями, когда общество еще не утратило вѣры во всемогущество разныхъ конгрессовъ, признаетъ великое значеніе за всевозможными «конъюнктурами», измышленными въ дипломатическихъ канцеляріяхъ, — это общественное настроеніе отражается и на историкѣ, и онъ дѣятельно ищетъ подобныхъ же фактовъ и въ прошлой жизни народа. Съ возвышеніемъ общественнаго самосознанія, военные подвиги и дипломатическія конъюнктуры перестаютъ уже удовлетворять; разныя домашнія неустройства, скрашиваемыя до поры до времени призрачною внѣшнею силою государства, начинаютъ все рѣзче и больнѣе бить въ глаза; просыпающееся общество при-

ходитъ въ столкновеніе съ властью, которая старается удержать его въ прежнихъ путахъ, мысль начинаетъ работать надъ вопросомъ о необходимости созданія новаго общественнаго строя,—и вотъ, рано или поздно, старый порядокъ рушится подъ давленіемъ общаго неудовольствія. Дѣло не обходится безъ кровавой борьбы, безъ жертвъ съ той и другой стороны, жертвъ, трагическая смерть которыхъ вызываетъ вполнѣ естественное сожалѣніе, но которыя всегда менѣе многочисленны, чѣмъ тѣ гекатомбы, которыя приносились и приносятся Богу войны: вѣдь странно было бы и ожидать, чтобы работа созданія новаго общественнаго строя не вызывала бы никакихъ пожертвованій, если ихъ требуется такъ много для того, чтобы посадить на престолъ того или другаго князька, чтобы отвоевать у сосѣда тотъ или другой клочекъ земли. Картина борьбы, ведущей къ созданію новаго общественнаго порядка, не можетъ не быть заманчивою для историка; блестящія личности, выдвигаемыя въ это время теченіемъ событій изъ разныхъ слоевъ народа, невольно привлекаютъ его вниманіе; критическая работа мысли, приведшая къ паденію стараго строя, вызываетъ внимательное изслѣдованіе. Такіе подъемы народнаго сознанія никогда не остаются безплодными; много накопившагося вѣками мусора смыто, снесено бурнымъ потокомъ, но положительные результаты сплошь и рядомъ не соотвѣтствуютъ массѣ затраченныхъ усилій, утомленіемъ и потребностію отдыха, сказывающимися въ обществѣ послѣ энергической работы, умѣютъ пользоваться разные беззастѣнчивые честолюбцы,—и вотъ, на развалинахъ прежняго порядка реставрируется много старыхъ безобразій, хотя бы и скрытыхъ новыми формами. Нѣсколько неудачныхъ опытовъ исключительно политическихъ реформъ, непрочныхъ именно потому, что онѣ не приносятъ существенной пользы массѣ народа, еще далеко не убѣдили большинства въ шаткости такихъ нововведеній и въ необходимости придавать наибольшее значеніе реформамъ соціальнымъ; но, во всякомъ случаѣ, опыты прошлой жизни образованнаго міра не остались совершенно безплодными, и въ сознаніе европейскаго общества начинаетъ мало по малу проникать убѣжденіе, что соціальные факторы имѣютъ первенствующее значеніе. Сознаніе это не могло не отразиться и на научныхъ трудахъ вообще, въ томъ числѣ и на историческихъ изслѣдованіяхъ.

Правда, мысль о томъ, что исторія внѣшняя должна отступить на второй планъ предъ изученіемъ внутренней жизни на-

рода, успѣла стать общимъ мѣстомъ. Но до сихъ поръ она преимущественно примѣняется въ трудахъ монографическихъ; въ общихъ же исторіяхъ той или другой страны внѣшнія явленія и до сихъ поръ, по большей части, сохраняютъ преобладающее значеніе. Событіямъ военнымъ, правда, уже менѣе счастливится и онѣ все болѣе отходятъ въ область своей спеціальной исторіи. За то исторія дипломатическихъ сношеній, благодаря общему стремленію ученыхъ къ изученію архивныхъ источниковъ и наибольшей легкости для обработки дипломатическихъ матеріаловъ, въ настоящее время особенно въ модѣ. Это общее теченіе отразилось и на русской исторической наукѣ: стоитъ только вспомнить, сколько мѣста для исторіи дипломатіи отводилъ въ своемъ трудѣ покойный Соловьевъ, вдаваясь въ подробности, нерѣдко болѣе важныя для исторіи другихъ государствъ, и во всякомъ случаѣ къ положительному ущербу для нашей внутренней исторіи. Нечего и говорить, что для внѣшнихъ событій должно быть свое мѣсто въ исторіи, но нужно не ихъ поверхностное описаніе, а глубокое изученіе тѣхъ внутреннихъ факторовъ, которыми онѣ обусловливаются. Теперь принято говорить, что побѣда Пруссіи надъ Франціею есть побѣда школьнаго учителя; уже эта ходячая фраза указываетъ на явившееся сознаніе, что при историческомъ описаніи этой эпохи важнѣе будетъ сравнительное изученіе умственнаго развитія этихъ двухъ народовъ, чѣмъ подробное описаніе расположенія различныхъ корпусовъ германской и французской армій въ сраженіяхъ при Вёртѣ и Седанѣ; а это, въ свою очередь, поведетъ къ болѣе глубокому изслѣдованію причинъ войны и иной разъ заставитъ объяснить столкновеніе двухъ народовъ преимущественно экономическими условіями. Сознаніе важности изученія умственнаго развитія народа уже значительно распространилось; вліяніе этого сознанія очень замѣтно и въ исторической наукѣ. Какъ въ жизни, такъ и въ развитіи науки, не бываетъ строго обособленныхъ эпохъ: ничто вымирающее никогда не уступаетъ сразу своего мѣста явленіямъ свѣжимъ, молодымъ. Естественно, что и въ исторіографіи до сихъ поръ существуютъ, хотя не въ одинаковой степени, самыя различныя теченія. Но, во всякомъ случаѣ, мы можемъ сказать, что изъ всѣхъ сторонъ внутренней жизни народа едва-ли не болѣе всего обращаетъ вниманіе современная исторіографія на исторію умственнаго развитія; трудъ Бокля служитъ самымъ талантливымъ выраженіемъ этого направленія. О важ-

ности этой стороны въ исторіи человѣчества нечего и говорить; о необходимости возможно подробнѣйшаго ея изученія не можетъ быть и спора; но было бы крайнею односторонностью не видѣть такой же важности и другихъ сторонъ народной жизни, и прежде всего экономическаго положенія народа, а также его домашней жизни и нравовъ. Научные труды, посвященные историческому изученію экономическаго положенія народа, начинаютъ уже появляться на западѣ и у насъ, но это пока лишь отдѣльныя монографіи, которымъ не безъ боя приходится занимать мѣсто среди сочиненій по исторіи военной, дипломатической, исторіи литературы. Монографіямъ этимъ не только не удалось еще завоевать себѣ вниманіе образованнаго общества, но даже и историки прежнихъ школъ не безъ нѣкоторой брезгливости смотрятъ на чудаковъ, розыскивающихъ историческія данныя о цѣнахъ хлѣба, о размѣрѣ рабочей платы, о количествѣ земли, принадлежавшей разнымъ сословіямъ. Нѣкоторое пренебреженіе къ подобнымъ ученымъ объясняется и тѣмъ, что по свойству предмета своего изученія, они не могутъ давать такихъ блестящихъ картинъ, какъ историки политической жизни, какъ авторы біографій и т. п.

Смѣемъ думать, однако, что этимъ трудамъ принадлежитъ будущее. Мы намекнули уже выше на то, что вѣра во всемогущество исключительно политическихъ реформъ начинаетъ пошатываться въ Европѣ подъ вліяніемъ печальнаго жизненнаго опыта, и что все сильнѣе, и сильнѣе слышатся требованія важныхъ соціальныхъ измѣненій. Этотъ новый фазисъ въ общественномъ развитіи неминуемо отразится и на развитіи исторической науки *); это замѣтно уже теперь и будетъ все сильнѣе сказываться въ будущемъ. Мы полагаемъ даже, что въ теченіи извѣстнаго времени изученіе прошлаго экономическаго быта народа должно будетъ получить преобладающее значеніе, и именно до тѣхъ поръ, пока въ извѣстной степени не пополнится пробѣлъ, несомнѣнно существующій въ современной исторіографіи. Это обусловливается не только требованіемъ полноты и многосторонности въ историческомъ описаніи жизни человѣчества; изученіе прошлаго юридическаго и экономическаго быта народа

*) „Разработка историческаго матеріала всегда совершается подъ прямымъ и неотразимымъ вліяніемъ руководящихъ идей и потребностей времени", справедливо говоритъ г. Забѣлинъ („Современные взгляды и направленія въ русской исторіи" въ „Опытахъ изученія русск. древн. ист." II, 301).

займетъ подобающее ему мѣсто въ исторіи и въ силу своей практической важности для рѣшенія самыхъ животрепещущихъ вопросовъ народной жизни, и вслѣдствіе того полезнаго вліянія, которое оно должно имѣть на состояніе общественнаго самосознанія.

Говоря объ изученіи прошлаго экономическаго быта, мы разумѣемъ жизнь всего народа, въ широкомъ смыслѣ этого слова. Но, такъ какъ намъ придется имѣть дѣло съ исторіею того сословія, которое, хотя и занимаетъ низшее мѣсто въ общественной іерархіи, но несомнѣнно наиболѣе важно не только по своей многочисленности, но и потому, что оно преимущественно несетъ на себѣ бремя государственнаго тягла, то мы приведемъ два примѣра изъ нашего недавняго прошлаго, гдѣ большее изученіе прошлой жизни народа могло повліять на рѣшеніе практическихъ вопросовъ первостепенной важности и гдѣ недостатокъ исторической разработки народной жизни лишилъ законодателя возможности, какъ слѣдуетъ, воспользоваться уроками исторіи.

Когда въ началѣ нынѣшняго царствованія былъ рѣшительно поставленъ вопросъ объ уничтоженіи крѣпостнаго права, какому сословію было предоставлено его рѣшеніе? Это дѣло было отдано въ руки дворянства, т. е. одной изъ заинтересованныхъ сторонъ. Мѣстные комитеты состояли только изъ дворянства, въ редакціонныхъ комиссіяхъ также присутствовали исключительно дворяне. Коммиссіи эти работали надъ матеріаломъ, собраннымъ дворянствомъ; при рѣшеніи самаго важнаго вопроса—опредѣленіи существующихъ размѣровъ крестьянскихъ надѣловъ—основнымъ источникомъ послужили свѣдѣнія, сообщенныя самими помѣщиками. Между тѣмъ, изъ исторіи Екатерининской законодательной коммиссіи, будь матеріалы о ней разработаны въ то время, правительство увидѣло бы, что даже въ прошломъ столѣтіи находили возможнымъ привлекать къ обсужденію крестьянскаго вопроса не однихъ дворянъ, а также горожанъ, казаковъ и свободныхъ крестьянъ. Устраненіе другихъ сословій отъ участія въ рѣшеніи этого вопроса въ эпоху крестьянской реформы имѣло вліяніе весьма неблагопріятное; если бы крестьяне могли въ этомъ случаѣ подать свой голосъ, то навѣрное не было бы назначено за помѣщичьи земли выкупныхъ платежей, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ далеко превосходящихъ ихъ цѣнность, и гдѣ, слѣдовательно, при освобожденіи взимается нѣкоторая сумма какъ бы

за личное освобожденіе, чего правительство вовсе не имѣло въ виду. Сознаніе необходимости выслушать и другую сторону промелькнуло въ предложеніи предсѣдателя редакціонныхъ коммиссій Я. И. Ростовцева «о выборѣ до десяти или управляющихъ имѣніями (?), или старостъ изъ разныхъ мѣстностей Россіи для приглашенія ихъ въ отдѣленія по одиночкѣ, съ цѣлью отобранія отъ нихъ полезныхъ свѣдѣній *)»; однако, даже и это, болѣе чѣмъ скромное предложеніе, хотя оно и было принято коммиссіями, вовсе не осуществилось. Съ другой стороны, изученіе прошлаго экономическаго быта крестьянъ указало бы на то, что количество земель, отводимое имъ положеніемъ 19-го февраля, не можетъ быть достаточнымъ «для обезпеченія ихъ быта и для выполненія ихъ обязанностей предъ правительствомъ и помѣщикомъ», т. е. достиженія цѣли, поставленной крестьянской реформѣ Высочайшими рескриптами. Внимательно пересмотрѣвъ въ межевомъ архивѣ результаты генеральнаго межеванія (во второй половинѣ XVIII вѣка) относительно 20 губерній Великороссіи, мы пришли къ заключенію, что въ оброчныхъ имѣніяхъ, гдѣ крестьяне обрабатывали землю только на себя, *одной пахотной земли* приходилось среднимъ числомъ по 3,8 десятины на каждую мужскую душу (въ разныхъ мѣстностяхъ отъ 2,8 до 5,3 десятины на душу), между тѣмъ, какъ теперь *всей земли* приходится въ нечерноземной полосѣ среднимъ числомъ по 4 десятины на душу **), всей же земли въ оброчныхъ вотчинахъ приходилось въ прошломъ столѣтіи по 15,4 дес. на душу; а такъ какъ, въ то время, въ оброчныхъ имѣніяхъ вся земля отдавалась въ пользованіе крестьянамъ, то, слѣдовательно, тогда у оброчныхъ крѣпостныхъ было вчетверо болѣе земли, чѣмъ теперь. Принявъ во вниманіе увеличеніе народонаселенія, нельзя, конечно, и думать о такихъ надѣлахъ въ настоящее время, но во всякомъ случаѣ сравненіе того, сколько земли крестьянинъ обрабатывалъ на себя въ концѣ прошлаго столѣтія, со всѣмъ количествомъ его земли въ настоящее время, приводитъ къ печальному заключенію, что теперь надѣлы бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ не могутъ обезпечивать продовольствіе населенія и уплаты громадныхъ платежей, на нихъ лежащихъ, какъ это убѣдительно доказываетъ и только что названная книга профессора Янсона.

---

*) Записки Я. И. Соловьева въ „Русской Старинѣ“ 1880 г. № 2, стр. 350.

**) *Янсонъ*. „Опытъ изслѣдованія о крестьянскихъ надѣлахъ“, 1877 г., стр. 14.

Для черноземной полосы уменьшеніе размѣровъ пашни, приходящейся на каждаго жителя мужскаго пола, будетъ еще очевиднѣе. Въ прошломъ столѣтіи въ оброчныхъ вотчинахъ черноземной полосы, по нашимъ вычисленіямъ, на основаніи данныхъ генеральнаго межеванія, приходилось на душу среднимъ числомъ по 4,4 дес. *одной пахотной* земли (въ различныхъ мѣстностяхъ отъ 2-хъ до 6), всей же земли, среднимъ числомъ, по 10,2 дес., между тѣмъ, въ настоящее время, *весь надѣлъ* бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ составляетъ въ этой полосѣ лишь по 3 дес. на душу *), т. е. одной пахотной земли было въ прошломъ вѣкѣ въ полтора раза болѣе всего нынѣшняго надѣла, всей же земли было въ 3½ раза болѣе. Всякіе комментаріи къ этому совершенно излишни.

Мы вовсе не хотимъ сказать, что если бы прошлая экономическая жизнь народа была болѣе извѣстна въ эпоху крестьянской реформы, то дѣло непремѣнно приняло бы болѣе благопріятный для крестьянъ оборотъ: научные выводы вовсе не имѣютъ у насъ такого практическаго вліянія, какъ это бываетъ въ иныхъ государствахъ, но все-таки подобные факты дали бы лишній аргументъ защитникамъ крестьянскихъ интересовъ въ редакціонныхъ коммиссіяхъ и, быть можетъ, хоть нѣсколько ограничили бы стремленіе къ постепенной урѣзкѣ, первоначально предположенной нормы надѣловъ.

Еще примѣръ изъ той же эпохи. Отсутствіе подробной исторіи крестьянскаго сословія вредно отразилось во время реформы и на рѣшеніи вопроса о поссессіонныхъ крестьянахъ, при чемъ дѣло было поставлено такимъ образомъ, что заводовладѣльцы стали получать отъ мастеровыхъ плату за земли, дѣйствительнымъ собственникомъ которыхъ была казна, вслѣдствіе того, что не было сдѣлано различія между землями, данными отъ казны и тѣми, которыя были пріобрѣтены самими владѣльцами. Забыто было также и то, что въ числѣ мастеровыхъ находилось не мало людей, данныхъ отъ казны. Принятое правительствомъ рѣшеніе было настолько странно, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ сами крестьяне, среди которыхъ съ замѣчательною живучестью сохраняются вѣрныя воспоминанія о ихъ прошломъ, дали хорошій урокъ людямъ, канцелярскимъ порядкомъ рѣшившимъ ихъ судьбу. Въ началѣ 1862 года мастеровые

*) *Янсонъ*, 45.

и рабочіе Алопаевскихъ горныхъ заводовъ, переданныхъ въ 1757 г. во владѣніе секундъ-маіора Гурьева, и гдѣ, слѣдовательно, и земля, и мастеровые были казенные, постановили въ виду этого ходатайствовать о разрѣшеніи платить оброкъ за поземельный надѣлъ не заводчикамъ, а казнѣ, которая есть настоящій собственникъ земель, поступившихъ въ надѣлъ. Однако же, пермское губернское по крестьянскимъ дѣламъ присутствіе, руководствуясь точнымъ смысломъ правилъ 19-го февраля, принуждено было отказать крестьянамъ въ ихъ совершенно разумномъ ходатайствѣ. Подобные случаи, а быть можетъ и указанія людей, сдѣлавшихъ нѣкоторыя справки въ нашемъ прошломъ законодательствѣ, заставило правительство нѣсколько исправить сдѣланныя имъ ошибки и хотя сколько-нибудь улучшить правила 19-го февраля о поссессіонныхъ крестьянахъ; но все-таки ихъ участь была рѣшена весьма неудовлетворительно *).

Подробное изученіе прошлой жизни народа можетъ не только быть крайне полезнымъ при рѣшеніи различныхъ законодательныхъ вопросовъ, — оно еще представляетъ хорошую узду для воинствеиныхъ и иныхъ увлеченій общества. У насъ есть спеціальныя исторіи той или другой войны, мы повторяемъ имена отличившихся полководцевъ и выигранныхъ сраженій, но мы почти не знаемъ, чего стоили эти побѣды, не вычисляемъ, во что обошлось народу пріобрѣтеніе того или другаго клочка земли: на сколько возросъ государственный долгъ, какъ вслѣдъ затѣмъ были увеличены подати, сколько людей было похищено рекрутчиною. Если бы почаще думали объ этомъ, мы рѣже желали бы новой войны, а главное, начинали бы её только тогда, когда могли бы довести до конца то дѣло, ради котораго она была предпринята, когда имѣли бы силы за него постоять. Если бы исторія учила насъ прежде всего обращать вниманіе на интересы народа, то мы не предавались бы и кой-какимъ инымъ увлеченіямъ, не считали нѣкоторыхъ политическихъ формъ панацеею отъ всякаго зла и ставили бы соціальныя реформы выше политическихъ, поэтому стремились бы къ послѣднимъ не какъ къ цѣли, а только какъ къ средству для достиженія реформъ соціальныхъ, и стали бы сочувствовать имъ лишь по стольку, по скольку онѣ ведутъ къ этой послѣдней цѣли.

---

*) Смотри подробности объ этомъ въ нашей статьѣ: „Поссессіонные крестьяне въ XVIII вѣкѣ“. „Вѣстникъ Европы“ 1878 г., № 10, стр. 611—617.

Намъ могутъ сказать, что необходимость исторіи крестьянъ въ Россіи—истина слишкомъ элементарная, и потому ее нечего доказывать. Это дѣйствительно истина общеизвѣстная, но, какъ и многія другія, она легко признается, но не находитъ осуществленія, поэтому о ней не мѣшаетъ напоминать какъ можно чаще. Мы имѣемъ исторію Государства Россійскаго, пора подумать объ исторіи Русскаго Народа.

Но развѣ мало появляется всевозможныхъ историческихъ изслѣдованій, скажутъ намъ. Нѣтъ, вообще историческіе матеріалы подвергаются научной обработкѣ гораздо менѣе дѣятельно, чѣмъ бы слѣдовало. Что же касается исторіи крестьянъ, то она должна быть создана почти вновь: наша историческая наука еще слишкомъ мало сдѣлала въ этомъ отношеніи, несмотря на то, что земледѣльческій классъ въ Россіи составляетъ элементъ, болѣе чѣмъ гдѣ нибудь многочисленный, и болѣе чѣмъ гдѣ нибудь несетъ на себѣ все бремя существованія государства. Между тѣмъ, какъ напр., англійская аристократія, еще въ средніе вѣка не была въ привилегированномъ положеніи относительно денежныхъ повинностей, русскіе дворяне, избавившись при Петрѣ III отъ обязательной службы, сдѣлались потомъ совершенными неплательщиками. Наша современная интеллигенція вскормлена грудью крѣпостныхъ мамокъ, выращена на доходы, получавшіеся при помощи крѣпостнаго труда, а теперь воспитываетъ своихъ дѣтей на выкупныя за земли, облитыя потомъ и кровью крѣпостныхъ, и въ общественныхъ заведеніяхъ, содержимыхъ преимущественно на народныя деньги. При подобныхъ условіяхъ, интеллигенція обязана потрудиться на пользу крестьянъ и въ жизни, и въ наукѣ; ученые должны прежде всего внимательно изучить прошлое и настоящее положеніе народа. Однимъ словомъ, если ограничиться нашею спеціальною областію, мы можемъ сказать, что исторія русскихъ крестьянъ есть долгъ нашей науки народу. Нужно только хорошенько это сознать,—и, мы увѣрены, найдутся научныя силы для подобнаго труда. Людьми энергичными не оскудѣло наше молодое поколѣніе; любви къ народу ему также не занимать стать: мы были свидѣтелями того, сколько увлеченія и самопожертвованія выказало оно, почувствовавъ необходимость сблизиться съ народомъ, послужить ему. Стоитъ только понять, что знакомство съ прошлымъ не менѣе необходимо, чѣмъ изученіе настоящаго, что послѣднее правильно понимается только при основательномъ знакомствѣ съ первымъ, что, наконецъ, хо-

рошее будущее создается лишь какъ результатъ внимательной критики прошлаго и настоящаго, стоитъ только это понять,—и найдутся самоотверженные работники, готовые всю жизнь положить на изученіе дурныхъ и хорошихъ сторонъ прежняго народнаго быта.

Въ какомъ же положеніи находится въ настоящее время исторія русскихъ крестьянъ?

Въ ряду историковъ нашего земледѣльческаго класса мы не можемъ обойти самаго народа. Любопытно взглянуть, какъ онъ самъ понимаетъ свое прошлое. Вотъ какое сказаніе записалъ г. Барсовъ на сѣверѣ Россіи.

«Въ старину князьки мѣстами жили. Кто гдѣ расширился и овладѣвалъ мѣстомъ, тутъ и жилъ. И пріѣхалъ Юрикъ-новоселъ изъ сѣверной стороны, изъ дальней Украины, и распоселился жить въ Ладогѣ. Но тутъ ему мѣсто не по люби, и пріѣзжаетъ онъ въ Новгородъ великой, и не съ голыми рукама, и въ союзъ вступаетъ. И живетъ онъ день ко дню, и недѣля ко недѣлѣ, и годъ ко году,—и залюбили его новогородцы, што человѣкъ онъ веселаго нраву и хорошаго разуму и повышаетъ себя житьемъ-богатствомъ, а тутъ и побаиваться стали. Вотъ зазвонили на суёмъ въ колоколъ, и выступаетъ этотъ Юрикъ-новоселъ: «Што, говоритъ, честное обчество, возьмите меня въ совѣтъ къ себѣ и будь я надъ вами, какъ домовой хозяинъ. Только можете-ли вы за нарядъ платить мнѣ половину бѣлочьяго хвоста?» Смѣтили и погадали граждане-новогородцы, и сказали: «Можемъ и платить будемъ половину бѣлочьяго хвоста». И мало-по-малу платили они, и имъ не въ обиду это. Вотъ опять зазвенѣлъ колоколъ, и на сходѣ собрались, и говоритъ Юрикъ: «А што, честное обчество-новогородцы: можете-ли вы платить мнѣ и весь бѣлочій хвостъ?» Подумали-погадали и опять сказали: «Можемъ»,—и платить стали. Прошло немного, опять въ совѣтъ собрались: «А што, честное обчество, можете-ли половину бѣлочьей шкуры платить?» И отвѣтъ держатъ: «Можемъ». Еще немного прошло, и въ совѣтѣ опять спрашиваетъ Юрикъ: «А што, честное обчество, можете-ли вы платить мнѣ и всю бѣлочью шкуру?» Порѣшили платить и всю бѣлочью шкуру, и платили долго. Видитъ Юрикъ, что платятъ, собралъ всѣхъ на сходку и говоритъ: «За бѣлочью шкуру хочу я наложить на васъ малыя деньги, можете-ли вы поднять мнѣ?» И малыя деньги они подняли, — и по нынѣ помнятъ этого домоваго хозяина и въ Сѣверной Украинѣ,

и въ Олонецкомъ краѣ, и въ Новѣгородѣ. И послѣ этого Юрика пуще и пуще повышали дань, съ алтына на четвертину, а съ четвертины на полтину, а съ полтины на рубль, и такъ до Петра I-го, а послѣ Петра платили и съ живой души, и съ мертвой и рубль, и два, и три, и четыре, и пять» *).

Вотъ вамъ философія русской исторіи съ точки зрѣнія самого народа. Правда, разсказъ слишкомъ кратокъ, но нельзя не признать, что въ такомъ объемѣ нельзя лучше схватить сущности по крайней мѣрѣ одной стороны народной жизни, и притомъ имѣющей для него весьма большое значеніе, а правдивость разсказа признаютъ и люди посторонніе, если вспомнить современный принципъ Разуваева: «ёнъ достанетъ!»

Таковъ трудъ самого народа по исторіи крестьянъ; посмотримъ, что сдѣлала въ этомъ отношеніи интеллигенція. Не будемъ останавливаться на нѣкоторыхъ замѣчаніяхъ по исторіи крестьянъ въ извѣстномъ трудѣ Болтина, изданномъ при Екатеринѣ II (1790 г.), на сочиненіи Грибовскаго «О состояніи крестьянъ господскихъ въ Россіи» (1816 г.) и нѣкоторыхъ другихъ трудахъ **): все это имѣетъ только историческое значеніе. Болѣе серьезное изученіе исторіи русскихъ крестьянъ началось лишь съ первыхъ годовъ настоящаго царствованія. Правда, стремленіе къ серьезному изученію прошлаго быта народа сказалось нѣсколько ранѣе: уже въ первой половинѣ 50-хъ годовъ, К. Аксаковъ подготовлялся къ труду по исторіи крестьянъ въ древней Россіи, но сочиненіе это не было окончено. Только съ начала новаго царствованія, когда живо почувствовались освободительныя вѣянія, стали впервые появляться важные труды по исторіи крестьянъ. Первое мѣсто въ хронологическомъ порядкѣ занимаетъ обстоятельная для своего времени статья г. Чичерина «Несвободныя состоянія въ древней Россіи» ***), въ 1858 и 61 гг. въ томъ же журналѣ печатаются «Замѣтки для исторіи крѣпостнаго права въ Россіи» и «Утвержденіе крѣпостнаго права въ XVIII столѣтіи» г. Побѣдоносцева, въ «Русской Бесѣдѣ» 1859 г. появляется изслѣдованіе И. Д. Бѣляева «Крестьяне на Руси»

---

*) „Сѣверныя народныя сказанія о древне-русскихъ князьяхъ и царяхъ“ въ „Древней и новой Россіи“ 1879 г. № 9, стр. 400—401.

**) Историческія работы Сперанскаго не были напечатаны въ свое время и появились лишь въ 1859 г. въ Архивѣ г. Калачева.

***) „Русскій Вѣстникъ“ 1856 г. Издана позднѣе въ „Опытахъ“ того же автора, подъ названіемъ „Холопы и крестьяне въ Россіи до XVI вѣка“.

(отдѣльное изданіе 1860 г.) и, наконецъ, печатаются статьи г. Вешнякова «Историческій обзоръ происхожденія разныхъ названій государственныхъ крестьянъ» (Жур. Мин. Госуд. Имущ. 1857 г.), «Бѣлопашцы и обѣльные вотчинники и крестьяне» (тамъ же 1859 г.), «Крестьяне-собственники въ Россіи» (1859 г.).

Мы не имѣемъ въ виду упоминать о всѣхъ мелкихъ статьяхъ по исторіи русскихъ крестьянъ, вызванныхъ эпохою крестьянской реформы, а потому ограничимся тѣмъ, что скажемъ нѣсколько словъ о трудахъ И. Д. Бѣляева и гг. Побѣдоносцева и Вешнякова.

Трудъ Бѣляева былъ замѣчательнымъ явленіемъ для своего времени, и одного его достаточно для того, чтобъ сохранить благодарную память въ русской исторіографіи объ этомъ ученомъ, еще недостаточно оцѣненномъ, каковы бы ни были недостатки нѣкоторыхъ его трудовъ, и до сихъ поръ не удостоившемся не только обстоятельной біографіи, но даже, если не ошибаемся, сноснаго некролога; *) а между тѣмъ, по его книгѣ мы всѣ начинали учиться исторіи русскихъ крестьянъ, и до сихъ поръ это единственное сочиненіе, обнимающее всю ихъ прошлую жизнь до начала XIX вѣка. Нужно замѣтить однако, что Бѣляевъ вовсе не даетъ намъ исторіи всѣхъ разрядовъ крестьянъ, на которые они постепенно раздѣлились. Несмотря на заглавіе, заставляющее ожидать, что мы имѣемъ здѣсь дѣло съ исторіею, хотя бы и сжатою, всего крестьянскаго сословія, мы встрѣчаемъ въ концѣ труда заявленіе, что цѣль автора «состояла только въ томъ, чтобы на основаніи памятниковъ, показать постепенное развитіе той болѣзни нашего общества, которая извѣстна подъ именемъ крѣпостнаго состоянія» (стр. 302, 2-го изд.). Съ этой точки зрѣнія авторъ, на сколько могъ въ то время, прекрасно исполнилъ свою задачу; онъ даетъ даже болѣе того, что обѣщаетъ въ приведенныхъ словахъ, такъ какъ, во первыхъ подробно говоритъ о времени, предшествовавшемъ крѣпостному праву, а во вторыхъ въ эпоху его существованія (въ XVII и въ XVIII вѣкѣ) касается иногда и некрѣпостныхъ, напр., нерѣдко говоритъ о крестьянахъ, принадлежавшихъ духовенству, къ сожалѣнію не выдѣляя ихъ въ особые очерки **).

*) Какой-то злой рокъ тяготѣетъ надъ этимъ ученымъ: второе изданіе его книги, вышедшее въ Москвѣ въ 1879 г., сдѣлано въ высшей степени небрежно: оно не только переполнено самыми грубыми опечатками, но можно указать даже пропуски въ нѣсколько словъ.

**) Изъ другихъ трудовъ Бѣляева укажемъ еще статью: «О поземельномъ владѣніи въ Московскомъ государствѣ». Временникъ 1851 г. кн. II.

Трудъ К. П. Побѣдоносцева *) ограничивается второю половиною XVII в. и первою половиною XVIII вѣка, и для этого времени представляетъ сжатый, но ясно и точно написанный очеркъ развитія крѣпостнаго права. Нужно замѣтить впрочемъ, что авторъ ограничивается юридическою стороною вопроса и не сообщаетъ почти никакихъ фактовъ для характеристики экономическаго положенія крестьянъ.

Между тѣмъ какъ оба эти автора имѣли въ виду исторію крѣпостнаго права, В. И. Вешняковъ обратилъ вниманіе въ своихъ статьяхъ на нѣкоторые изъ многочисленныхъ разрядовъ земледѣльческаго сословія, вошедшихъ въ послѣдствіи въ составъ крестьянъ государственныхъ **). Уже самое обиліе разсматриваемыхъ авторомъ разрядовъ крестьянскаго сословія показываетъ, что онъ не могъ въ четырехъ статьяхъ, имѣющихъ всего около ста страницъ, исчерпать этого предмета ***), не могъ уже и потому, что источникомъ для него служило, почти исключительно, Полное Собраніе Законовъ. Впрочемъ, мы не можемъ и предъявлять автору слишкомъ большихъ требованій, такъ какъ его цѣлію было, какъ видно изъ самаго заглавія, объясненіе происхожденія *разныхъ названій* государственныхъ крестьянъ, для чего и потребовались лишь нѣкоторыя историческія свѣдѣнія, а не полная исторія каждаго изъ этихъ разрядовъ. По характеру своей задачи В. И. Вешняковъ вовсе не коснулся нѣкоторыхъ весьма важныхъ отдѣловъ некрѣпостнаго сельскаго населенія: удѣльныхъ и поссессіонныхъ крестьянъ, такъ какъ они не входили въ составъ крестьянъ государственныхъ,—приписныхъ или горнозаводскихъ и такъ называемыхъ экономиче-

*) Изданъ вновь въ „Историческихъ изслѣдованіяхъ и статьяхъ„ того же автора (1876 г.).

**) Авторъ сгруппировалъ оффиціальныя свѣдѣнія объ архіерейскихъ и монастырскихъ служителяхъ, войсковыхъ обывателяхъ, о такъ называемыхъ вольныхъ людяхъ (въ Западной Россіи), о государственныхъ крестьянахъ, водворенныхъ на собственныхъ земляхъ (бывшіе „свободные хлѣбопашцы"), евреяхъ земледѣльцахъ, колонистахъ, коннозаводскихъ крестьянахъ, лашманахъ (приписанныхъ къ корабельнымъ лѣсамъ), ленныхъ крестьянахъ, лоцманахъ, малороссійскихъ казакахъ, обѣльныхъ вотчинникахъ, однодворцахъ, остзейскихъ крестьянахъ, пахотныхъ солдатахъ, поіезуитскихъ, помонастырскихъ крестьянахъ, солтысахъ и старостинскихъ крестьянахъ. См. жур. мин. госуд. имущ. 1857 г., январь, февраль, мартъ, апрѣль и декабрь, т. 52, 53 и 55.

***) Дополненіемъ къ этому труду, кромѣ двухъ названныхъ выше работъ того же автора, служатъ его статьи: „Панцырные бояре" (Архивъ Калачева 1860—61 г. книга IV); о ленныхъ имѣніяхъ въ Западныхъ губерніяхъ, (Журн. мин. гос. им. 1861 г., № 1), „Острожская ординація и ординацкіе крестьяне".

скихъ (принадлежавшихъ прежде духовенству), такъ какъ они давно вошли въ составъ государственныхъ крестьянъ; авторъ не упомянулъ также о половникахъ и ямщикахъ. Вслѣдствіе того, что г. Вешняковъ ограничилъ свой матеріалъ почти исключительно Полнымъ Собраніемъ Законовъ, его трудъ отличается значительною сухостью; экономической стороны быта разсматриваемыхъ имъ крестьянъ, онъ почти не касается, но, тѣмъ не менѣе нельзя не помянуть статей В. И. Вешнякова словомъ благодарности. Онѣ были полезны для насъ самихъ и будутъ полезны для послѣдующихъ историковъ крестьянства уже тѣмъ, что сразу показываютъ, какъ много разнообразныхъ подраздѣленій представляло наше крестьянское сословіе, и если не даютъ полной его классификаціи, то, во всякомъ случаѣ, сообщаютъ перечень большей части разрядовъ государственныхъ крестьянъ, съ болѣе или менѣе подробными историческими объясненіями, на основаніи оффиціальныхъ источниковъ. Нужно помнить, что это былъ первый трудъ о нашихъ казенныхъ крестьянахъ, что и въ настоящее время намъ некуда обратиться за историческою справкою о нѣкоторыхъ отдѣлахъ сельскаго населенія, кромѣ трудовъ г. Вешнякова. Всего внимательнѣе обработанъ авторомъ очеркъ о «крестьянахъ-собственникахъ въ Россіи» (С.-Петерб. 1858 г. *), въ которомъ мы находимъ подробныя свѣдѣнія о сословіи «свободныхъ хлѣбопашцевъ», образовавшемся при Александрѣ I, съ приложеніемъ статистическихъ свѣдѣній, извлеченныхъ изъ неизданныхъ источниковъ.

Около того же времени, какъ появились вышепоименованные труды, было напечатано изслѣдованіе Вл. Милютина «О недвижимыхъ имуществахъ духовенства въ Россіи» **) представляющее полный, внимательный сводъ изданнаго матеріала по этому предмету. Слѣдуетъ еще упомянуть о трудѣ г. Лешкова «Русскій народъ и государство. Исторія русскаго общественнаго права» (1858 г.). Каковы бы ни были его недостатки, какъ бы ни были странны нѣкоторые изъ выводовъ автора, въ этомъ сочиненіи было собрано не мало фактовъ для исторіи внутренней жизни, и оно было полезно уже тѣмъ, что обращало вниманіе на многія весьма важныя стороны народнаго быта, напр., промышленность, торговлю, народное продовольствіе и проч.

*) Отдѣльный оттискъ изъ журн. мин. госуд. имущ. 1858 г. т. 69, № 12.

**) „Чтенія общ. исторіи и древн. россіи." 1859 г. томъ IV, 1860 г. т. III, 1861 г., т. I и II.

Рядомъ съ попытками новыхъ построеній въ исторіи внутренняго быта, шла въ этомъ направленіи и критическая работа. Тутъ слѣдуетъ съ особенною благодарностью помянуть К. Аксакова. Не успѣвъ обработать задуманнаго имъ труда по исторіи крестьянъ въ древней Россіи *), Аксаковъ въ критическихъ своихъ статьяхъ, по поводу исторіи Соловьева, настоятельно высказываетъ требованіе о необходимости большаго вниманія къ исторіи народнаго быта. Разбирая въ 1858 году седьмой томъ «Исторіи Россіи съ древнѣйшихъ временъ», авторъ говоритъ: «Во время царствованія Ѳеодора произошло одно изъ важнѣйшихъ явленій въ общественной жизни допетровской Россіи—прикрѣпленіе крестьянъ къ землѣ. Въ исторіи Россіи г. Соловьева это столь важное явленіе далеко не объяснено — точно также, какъ далеко не объясненъ бытъ вотчинныхъ и помѣщичьихъ крестьянъ, отношеніе ихъ къ владѣльцамъ, къ государству, къ другимъ крестьянамъ, до укрѣпленія и послѣ укрѣпленія. Да и вообще бытъ крестьянства не объясненъ. Не естественно ли было ожидать отъ нашего историка, что онъ займется этимъ предметомъ и, говоря объ укрѣпленіи крестьянъ, опредѣлитъ намъ тѣ отношенія, въ какихъ находились они къ другимъ крестьянамъ, къ другимъ сословіямъ государства, къ помѣщику или вотчиннику и вообще къ государству? Если опредѣлить эти отношенія довольно трудно, то хотя бы авторъ высказалъ свои предположенія, хотя бы постановилъ вопросы, и это была бы заслуга, и за это были бы ему благодарны. Но ничего этого нѣтъ; этому вопросу посвящаетъ авторъ всего 6 страницъ». Разборъ этого тома труда С. М. Соловьева Аксаковъ заканчиваетъ слѣдующими энергическими словами: «Теперь, когда вышло уже семь томовъ «Исторіи Россіи», можно сказать вообще о ней мнѣніе, т. е. о всемъ написанномъ. Въ «Исторіи Россіи» авторъ не замѣтилъ одного: Русскаго народа. Русскаго народа не замѣтилъ и Карамзинъ; но въ то время этого далеко нельзя было и требовать, какъ въ наше время; къ тому же, Карамзинъ назвалъ свою исторію «Исторіею Государства Россійскаго». «Исто-

*) Собранные имъ матеріалы напечатаны въ „Собраніи сочиненій". Только въ статьѣ по поводу „Бѣлевской библіотеки" (Русская Бесѣда 1858 г. т. III, перепечатанной съ Собран. сочиненій) Аксаковъ успѣлъ высказать свои мысли о прикрѣпленіи крестьянъ. Среди собранныхъ имъ печатныхъ матеріаловъ для предположенной исторіи разбросано много мѣткихъ замѣчаній, которыми можетъ воспользоваться будущій историкъ.

рія Россіи», предметъ настоящаго разбора, можетъ совершенно справедливо быть названа тоже Исторіею Россійскаго Государства, не болѣе; земли, народа—читатель не найдетъ въ ней» (Собр. сочин. стр. 253—254). Критики Аксакова производили извѣстное впечатлѣніе, такъ что по поводу 8-го тома труда г. Соловьева, онъ могъ уже замѣтить, что въ «исторіи междуцарствія обращено вниманіе на движеніе собственно народное, и народъ не остался въ тѣни» (стр. 282—283). Однако же при обзорѣ первыхъ 10 томовъ исторіи Соловьева К. Н. Бестужеву-Рюмину пришлось повторить жалобу К. Аксакова: «не достаетъ самаго существеннаго: не видать жизни и духа народнаго» *).

Обиліе научныхъ трудовъ по исторіи крестьянъ, появившихся во второй половинѣ 50-хъ и въ началѣ 60-хъ годовъ, очевидно объясняется интересомъ, возбужденнымъ въ обществѣ къ прошлымъ судьбамъ крестьянскаго сословія вслѣдствіе грядущей реформы. Послѣ того, когда долгіе споры объ уничтоженіи крѣпостнаго права завершились законодательнымъ актомъ 19-го февраля 1861 года, перестаютъ нѣкоторое время появляться и труды по исторіи нашего земледѣльческаго сословія. Прошло много времени до тѣхъ поръ, когда послѣ сочиненій И. Д. Бѣляева и г. Побѣдоносцева, вышло въ свѣтъ новое изслѣдованіе, хотя и не спеціально посвященное исторіи крѣпостныхъ крестьянъ, но представляющее особый отдѣлъ по этому предмету. Мы разумѣемъ прекрасный трудъ г. Романовича-Славатинскаго: «Дворянство въ Россіи отъ начала XVIII вѣка до отмѣны крѣпостнаго права» (С.-Пет. 1870 г.), гдѣ въ обширной главѣ (126 страницъ) авторъ говоритъ о крѣпостномъ правѣ и его значеніи въ исторіи дворянства. Правда, составитель этого сочиненія, ограничился только печатными источниками, но все-таки собралъ много интереснаго матеріала. Разумѣется, и тутъ дѣло не обошлось безъ значительныхъ пропусковъ, но авторъ обезоруживаетъ слишкомъ строгія требованія критики, называя свой трудъ только «Сводомъ матеріала и пріуготовительными этюдами для историческаго изслѣдованія». Нельзя не поставить ему въ заслугу и того, что будучи по спеціальности юристомъ, онъ не ограничился, при изученіи исторіи крѣпостнаго права, одними правительственными распоряженіями по этому предмету, но вездѣ приводитъ не мало фактовъ, рисующихъ дѣйствитель-

*) Отеч. Записки 1860 г. № 9, стр. 16.

ное положеніе крѣпостныхъ. Нѣкоторыя стороны изъ жизни крестьянъ не разсмотрѣны вовсе, или потому, что для этого требовались архивныя розысканія, или по незнакомству съ нѣкоторыми печатными источниками. Такъ напр., авторъ, какъ и предшествовавшіе изслѣдователи крѣпостнаго права *), не приводитъ никакихъ данныхъ о количествѣ земли, находившейся въ пользованіи крестьянъ и не сопоставляетъ повинностей въ пользу господина съ размѣрами земельнаго надѣла; не сообщаетъ свѣдѣній объ общей численности крѣпостныхъ и ихъ отношеніи къ другимъ разрядамъ сельскаго населенія; не опредѣляетъ количества оброчныхъ и барщинныхъ крестьянъ, ничего не говоритъ о порядкахъ управленія помѣщичьими вотчинами и крестьянскомъ самоуправленіи, особенно въ оброчныхъ имѣніяхъ; игнорируетъ вопросъ о крѣпостной поземельной общинѣ, не замѣчаетъ такого важнаго факта, что у помѣщичьихъ крестьянъ были свои холопы и т. д. Но весьма уважительнымъ извиненіемъ этой неполноты, можно считать то, что исторія крѣпостнаго права не составляетъ главной задачи г. Романовича-Славатинскаго, а есть лишь одинъ изъ отдѣловъ его труда, замѣчательнаго не только по обилію собраннаго матеріала, но и по важности и чрезвычайному интересу вопроса, выбраннаго для изслѣдованія. Послѣднее обстоятельство также нельзя не цѣнить, такъ какъ наша образованная публика весьма не избалована вниманіемъ къ себѣ ученыхъ, нерѣдко старающихся выбрать для диссертаціи вопросъ, какъ можно мелочнѣе и суше. Если бы мы имѣли подобные труды относительно всѣхъ другихъ сословій, то сдѣланъ былъ бы значительный шагъ къ созданію исторіи русскаго народа; жаль только, что авторъ, несмотря на данное имъ обѣщаніе (стр. XII) познакомить читателей и съ бытовою стороною жизни дворянства, почти совершенно не исполнилъ его, за исключеніемъ отдѣла, посвященнаго отношеніямъ къ крѣпостнымъ. Желательно было бы, чтобы другіе ученые съ такимъ же вниманіемъ потрудились бы надъ изученіемъ исторіи городскаго сословія **), чернаго духовенства ***), казаковъ, не говоря уже объ исторіи крестьянъ, объ чемъ рѣчь еще впереди.

*) За исключеніемъ нѣсколькихъ отрывочныхъ указаній у Бѣлаева.

**) Весьма добросовѣстный трудъ г. Дитятина „Устройство и управленіе городовъ Россіи“ (т. I, 1874 г., т. II, 1877 г.), вторая часть котораго составлена на основаніи не только печатнаго, но и архивнаго матеріала, имѣетъ, какъ показываетъ самое заглавіе, болѣе частную цѣль.

***) Относительно исторіи сельскаго духовенства въ XVIII и XIX в. мы

Трудъ г. Романовича-Славатинскаго, какъ мы уже замѣтили, представляетъ группировку только печатнаго матеріала, при томъ лишь въ императорскій періодъ русской исторіи, но за то онъ обнимаетъ почти всѣ стороны жизни дворянскаго сословія. Инымъ характеромъ отличается изслѣдованіе проф. М. И. Горчакова: «О земельныхъ владѣніяхъ всероссійскихъ митрополитовъ, патріарховъ и. Св. Синода». (С.-Птб. 1871 г.); авторъ не расширяетъ своей задачи до разсмотрѣнія исторіи всѣхъ духовныхъ вотчинъ, но за то беретъ гораздо болѣе обширный періодъ времени (съ 988 по 1738 г.) и притомъ не ограничивается печатными источниками, а пользуется массою архивнаго матеріала, значительную долю котораго и сообщаетъ въ приложеніи. Если такимъ образомъ трудъ проигрываетъ въ широтѣ, за то неизмѣримо выигрываетъ въ глубинѣ и основательности. Монографія проф. Горчакова принадлежитъ къ числу такихъ солидныхъ изслѣдованій, въ которыхъ особенно нуждается русская наука и которыя, когда ихъ накопится достаточное количество, дадутъ возможность заново построить исторію русскихъ крестьянъ. Въ этомъ трудѣ особенно интересны именно тѣ части, гдѣ авторъ говоритъ о положеніи крестьянъ, жившихъ на земляхъ митрополичьихъ, патріаршихъ и синодальныхъ.

Съ особеннымъ удовольствіемъ останавливаемся мы на трудахъ П. А. Соколовскаго («Очеркъ исторіи сельской общины на сѣверѣ Россіи» С.-Птб. 1877 г.) и «Экономическій бытъ земледѣльческаго населенія Россіи и колонизація юговосточныхъ степей предъ крѣпостнымъ правомъ» (1878 г.), дополняющихъ одинъ другой и настолько тѣсно связанныхъ другъ съ другомъ, что могли бы, при новой переработкѣ, слиться воедино. Изслѣдованія г. Соколовскаго посвящены самому животрепещущему вопросу, имѣющему не только историческій, но и огромный практическій интересъ: наша община въ настоящее время интересуетъ не одну русскую интеллигенцію, но и ученыхъ изслѣдователей Германіи, Англіи и Франціи. Авторъ не вноситъ въ науку новыхъ, до толѣ невѣдомыхъ матеріаловъ, но прекрасно умѣетъ пользоваться изданными источниками (преимущественно писцовыми книгами), до него почти не подвергнутыми научной обработкѣ. Несмотря на сухость матеріаловъ, г. Соколовскій умѣетъ набросать живой,

---

имѣемъ прекрасный трудъ г. Знаменскаго „Приходское духовенство въ Россіи со времени реформъ Петра". Казань 1873 г.

интересный очеркъ по исторіи крестьянъ въ XVI вѣкѣ, не забываетъ дѣлать сопоставленія съ данными о современной общинѣ, указываетъ на сходныя поземельныя отношенія у нашихъ инородцевъ и т. п. Авторъ въ вопросѣ объ общинѣ стоитъ вполнѣ на уровнѣ современной науки и хотя уклоняется отъ сравненій съ фактами, собранными западно-европейскими изслѣдователями относительно подобныхъ же явленій во всемъ остальномъ мірѣ, но знакомъ со многими изъ ихъ трудовъ и, несомнѣнно, значительно обязанъ ихъ изученію. — Въ то время, когда шелъ знаменитый споръ объ исторіи общины между Чичеринымъ и Бѣляевымъ, не могло быть получено вполнѣ правильнаго рѣшенія вслѣдствіе того, что не обращали вниманія на возможность одновременнаго или послѣдовательнаго существованія различныхъ типовъ общины. Почти двадцать лѣтъ спустя послѣ того г. Лалошу удалось впервые наблюдать, въ одномъ изъ глухихъ уголковъ сѣверной Россіи, не одну, а нѣсколько формъ общиннаго пользованія землею. Въ своей статьѣ: «Сельская община въ Олонецкой губерніи» *), онъ не только констатировалъ факты, съ которыми ему случилось познакомиться, но и указалъ на то, какое значеніе имѣютъ они для исторіи общиннаго владѣнія въ Россіи. Небольшая статья Лалоша была настоящимъ откровеніемъ для всѣхъ, интересовавшихся этимъ вопросомъ. Если за Лалошемъ остается неотъемлемая заслуга, что онъ первый бросилъ въ науку плодотворную мысль, то еще болѣе мы должны быть благодарны г. Соколовскому. Знакомство съ трудами западныхъ ученыхъ, и особенно Маурера, дало ему возможность оцѣнить, какое значеніе имѣетъ открытіе Лалоша и, внимательно изучивъ писцовыя книги XVI вѣка, онъ могъ указать не мало фактовъ, доказывающихъ существованіе и въ Россіи явленія аналогичнаго съ тѣмъ, что въ Германскомъ мірѣ носило названіе *марки*. (Нужно замѣтить, впрочемъ, что на сходство германской марки съ русскою вервью указывалъ еще г. Лешковъ).

Сказаннаго достаточно, чтобы показать, что мы придаемъ большое значеніе трудамъ г. Соколовскаго. Тѣмъ болѣе мы считаемъ не безполезнымъ сдѣлать автору нѣсколько общихъ замѣчаній, не имѣя возможности, по плану статьи, подробнѣе говорить объ этомъ. Слѣдуетъ прежде всего сказать, что заглавіе перваго труда г. Соколовскаго («Очеркъ исторіи сельской общины

*) Отеч. Зап. 1874 г. № 2.

на сѣверѣ Россіи») гораздо шире его содержанія. Послѣ очень бѣглаго очерка экономическаго положенія земледѣльческаго сословія на сѣверѣ Россіи до конца XV вѣка, авторъ разсматриваетъ довольно кратко экономическій бытъ крестьянъ въ концѣ XV и въ XVI столѣтіи. Наиболѣе важную и существенную часть его труда составляетъ описаніе общиннаго владѣнія землею въ XV—XVI вѣкахъ. За то XVII и XVIII столѣтія блистаютъ почти совершеннымъ отсутствіемъ. Напротивъ того, авторъ довольно подробно, иногда даже болѣе чѣмъ нужно для его цѣли *), останавливается на современной общинѣ. И такъ, этотъ первый очеркъ не удовлетворяетъ ожиданіямъ, возбуждаемымъ его настоящимъ заглавіемъ **).

Съ гораздо болѣе скромнымъ заглавіемъ появился второй трудъ того же автора. Первыя двѣ трети его представляютъ лишь развитіе и болѣе подробную разработку того, что было уже намѣчено авторомъ въ первомъ трудѣ; сюрпризомъ для читателя оказывается только обширное описаніе поземельныхъ отношеній у нашихъ современныхъ инородцевъ, занимающее почти шестую часть книги (стр. 83—122), причемъ авторъ довольно усердно пользуется извѣстною работою Щапова о бурятской общинѣ (стр. 83—103). Мысль сопоставить наши старинные поземельные порядки съ обычаями, установившимися въ этомъ отношеніи у инородцевъ, вообще можно признать довольно удачною, но г. Соколовскій приводитъ по этому предмету гораздо болѣе свѣдѣній, чѣмъ нужно для его цѣли, и тѣмъ нарушаетъ стройность своего труда. Въ послѣдней трети своей книги авторъ сообщаетъ нѣкоторыя историческія указанія о колонизаціи Донской и Уральской областей, но тутъ болѣе всего мѣста отведено описанію современной Донской и Уральской общины. Г. Соколовскій прекрасно дѣлаетъ, что внимательно изучаетъ нынѣшнюю общину—въ подобныхъ вопросахъ это совершенно необходимо, но, во первыхъ, нѣтъ никакой надобности вносить въ такомъ количествѣ современный матеріалъ для очерка колонизаціи предъ установленіемъ крѣпостнаго права, а, во вторыхъ, можно пожелать

*) Мы разумѣемъ тутъ страницы, посвященныя описанію артелей для ловли рыбы и моржей на сѣверѣ Россіи, гдѣ г. Соколовскій только повторяетъ уже сдѣланное до него г-жею Ефименко.

**) Нѣсколько замѣчаній объ общинѣ въ XVII вѣкѣ см. въ маленькомъ, но прекрасномъ очеркѣ Н. В. Калачева, напечатанномъ въ „Лѣтописяхъ Археографической Коммиссіи“, вып. III.

иногда болѣе осторожности въ заключеніяхъ отъ настоящаго къ прошлому. Если г. Соколовскій возразитъ намъ, что онъ вводитъ въ свои историческіе труды такъ много данныхъ о современной общинѣ потому, что указанія о ея прошломъ слишкомъ скудны, то мы отвѣтимъ, что эти свѣдѣнія были бы значительно пополнены, если бы онъ не ограничивался одними печатными источниками, а тронулъ бы, хоть до нѣкоторой степени, и архивный матеріалъ: вѣдь однихъ писцовыхъ книгъ XVI вѣка сохранилось въ различныхъ древлехранилищахъ около сотни, издано же ихъ не много. Такъ, напримѣръ, когда г. Соколовскій приводитъ указанія Бѣляева, что въ писцовыхъ книгахъ Старицкаго уѣзда встрѣчается много данныхъ о передѣлахъ земли («Очеркъ ист. сельск. общ.» стр. 86), то читатель не можетъ не пожалѣть, что авторъ не обратился къ ихъ изученію и лишилъ себя такого прекраснаго подспорья.

Къ этому обзору болѣе или менѣе выдающихся трудовъ по исторіи крестьянъ намъ остается прибавить нѣсколько сочиненій, посвященныхъ историческому изученію ихъ быта, въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ Россіи. Относительно малороссійскихъ крестьянъ мы имѣемъ очень хорошій очеркъ А. М. Лазаревскаго, составленный по архивнымъ источникамъ *). Заслуга автора, кромѣ группировки совершенно новаго матеріала, заключается между прочимъ въ томъ, что онъ обратилъ вниманіе ученыхъ на знаменитую генеральную опись Малороссіи, составленную при гр. Румянцовѣ, найденная до сихъ поръ часть которой состоитъ изъ ста сорока восьми фоліантовъ. Г. Лазаревскій началъ составлять и обозрѣніе этой описи, трудъ продолжаемый въ настоящее время г. Константиновичемъ **). Матеріалъ, заключающійся въ этомъ замѣчательномъ памятникѣ, богаче и важнѣе даже того, что даютъ намъ писцовыя книги, такъ какъ, кромѣ подробнаго описанія каждаго отдѣльнаго двора, мы находимъ тамъ множество разнообразныхъ документовъ: гетманскихъ универсаловъ, купчихъ записей, духовныхъ завѣщаній и т. п. Въ названномъ очеркѣ г. Лазаревскаго этотъ матеріалъ только затронутъ. Благодаря такому превосходному источнику, положеніе малороссійскихъ крестьянъ въ прошломъ столѣтіи въ лѣвобережной

*) „Малороссійскіе посполитые крестьяне“ (1648—1783 г.) въ Запискахъ Черниг. Статист. комитета, 1866 г. кн. I, стр. 1—158.

**) „Обозрѣніе Румянцовской описи Малороссіи“. Черниг. Вып. I и II, 1866—67 г. Лазаревскаго, вып. III, 1875 г. Константиновича.

Украйнѣ можетъ быть описано съ гораздо большею точностію, чѣмъ экономическій бытъ народа въ Великороссіи.

Для исторіи крестьянъ юго-западной Россіи, въ эпоху литовскаго и польскаго владычества, существуетъ трудъ Леонтовича: «Крестьяне юго-западной Россіи по литовскому праву XV и XVI столѣтія» (Кіевъ 1863 г.) и затѣмъ прекрасныя введенія проф. В. Б. Антоновича и г. Новицкаго къ матеріаламъ, печатающимся въ Архивѣ Юго-западной Россіи *). Изслѣдованіе г. Антоновича посвящено преимущественно XVIII вѣку; въ немъ слѣдуетъ обратить вниманіе на интересную попытку характеризовать положеніе крѣпостныхъ крестьянъ отдѣльно по различнымъ мѣстностямъ, на что даютъ возможность сохранившіеся въ значительномъ количествѣ инвентари помѣщичьихъ имѣній. Трудъ г. Новицкаго, болѣе обширный по объему, представляетъ, главнымъ образомъ, описанія судьбы крестьянъ до XVIII вѣка. Такимъ образомъ, оба эти изслѣдованія взаимно пополняютъ другъ друга. Г. Новицкій продолжаетъ трудиться надъ этимъ предметомъ. **)

Польскіе историки еще не достаточно поработали надъ исторіею крестьянъ своей стороны. Книга Мацѣевскаго далеко не отвѣчаетъ своему громкому заглавію ***). Лучшее, что сдѣлано въ этомъ отношеніи, принадлежитъ перу Любомірскаго *).

Исторія крестьянъ въ остзейскомъ краѣ, далеко еще не разработана какъ слѣдуетъ. Изъ появившихся по этому предмету работъ назовемъ уже давно изданную книгу Самсона фонъ-Гиммельштирна **). Трудъ Самарина ***) посвященъ преимущественно исторіи крестьянскаго вопроса въ Лифляндіи, а не быта

*) Ч. VI, томъ I, Кіевъ 1876 г. и т. II 1870 г.

**) Въ „Критическомъ Обозрѣніи“ 1880 г. № 4-й мы нашли извѣстіе о рефератѣ, читанномъ имъ въ Кіевскомъ юридическомъ обществѣ: „Чиншевое владѣніе въ Западной Россіи, въ литовскій и польскій періодъ“.

***) Hystoria włosciań i stosunków ich politycznych, społecznych i ekonomicznych, które istniały w Polsce od czasów najdawniejszych aż do drugiej połowy XIX wieku. W. 1874.

*) T. X-cia. L. Rolnicza ludność w Polsce въ журн. «Bubliotheca Warszawska» 1857, t. 2, 1858, t. 1 и 4, 1861 t. III и окончаніе въ отдѣльной брошюрѣ подъ тѣмъ же заглавіемъ. Изъ русскихъ работъ о польскихъ крестьянахъ, болѣе компилятивнаго, чѣмъ самостоятельнаго характера, можно назвать ст. Ю. *Рєхневскаго* „Крест. сословіе въ Польшѣ“, Рус. Вѣст. 1858 г. т. XV и книгу г. *Горемыкина* „Очерки исторіи крестьянъ въ Польшѣ.“ Спб. 1869.

**) „Historische Versuch über die Aufhebung der Leibeigenschaft in den Ostseeprovinzen, in besonderer Beziehung auf das Herzogthum Livland, von Samson v. Himmelstiern, приложеніе къ журналу Inland 1838.

***) „Окраины Россіи“ вып. VI, Берл. 1876.

крестьянъ. Книга Рихтера имѣетъ нѣкоторое значеніе только для исторіи крестьянъ въ XIX вѣкѣ *). Архивные матеріалы остзейскаго края, несомнѣнно заключающіе массу важныхъ данныхъ для исторіи крестьянскаго сословія, совершенно не разработаны въ этомъ отношеніи.

На основаніи предшествующаго обзора читатель-неспеціалистъ можетъ подумать, что сдѣлано уже очень много и, что остается только сгруппировать данныя, добытыя отдѣльными изслѣдователями, для того, чтобы составить полную исторію крестьянъ въ Россіи. Но это совершенно несправедливо. Мы имѣемъ очерки исторіи крѣпостнаго права, почти исключительно по печатнымъ источникамъ, обстоятельный сводъ изданнаго матеріала объ исторіи поземельныхъ владѣній духовенства—въ трудѣ Милютина и разработку небольшой части того же предмета по архивнымъ даннымъ въ изслѣдованіи проф. Горчакова; затѣмъ весьма недурно разработана исторія крестьянъ въ юго-западной Россіи, а очеркомъ г. Лазаревскаго положено начало изученію исторіи посполитыхъ крестьянъ въ лѣвобережной Малороссіи; затѣмъ, труды г. Соколовскаго представляютъ попытку изученія экономическаго быта народа и исторіи общины въ XVI вѣкѣ; они показываютъ, какъ много можно извлечь важныхъ данныхъ изъ писцовыхъ книгъ. Вотъ собственно и все, чѣмъ мы богаты. Есть большіе и важные отдѣлы крестьянскаго сословія, совершенно не затронутые въ названныхъ выше изслѣдованіяхъ: стоитъ только назвать крестьянъ дворцовыхъ и государевыхъ, поссессіонныхъ, горнозаводскихъ, или, такъ называемыхъ, приписныхъ; о черносошныхъ крестьянахъ есть лишь нѣкоторыя свѣдѣнія относительно XVI в. въ трудахъ г. Соколовскаго, да нѣсколько страницъ о XVII в. въ статьѣ г. Калачева; объ однодворцахъ есть только небольшая статья Я. Соловьева, составленная исключительно по Полному Собранію Законовъ **). По исторіи общины, кромѣ, опять-таки, трудовъ г. Соколовскаго, приходится упомянуть о книгѣ Кейслера ***), далеко не исчер-

*) *Рихтеръ*. „Исторія крестьянскаго сословія въ присоединенныхъ къ Россіи прибалтійскихъ губерніяхъ". Рига. 1860. Указаніе на статьи по этому предмету см. Winkelmann, Verzeichniss der Quellen zur Geschichte Esthlands, Livlands und Kurlands. 1878.

**) „Отеч. Записки" 1850 г. мартъ Т. LXIX.

***) «Zur Geschichte und Kritik des bäeurlichen Gemeindebesitzes in Russland». I Th. 1876.

павшей и печатные источники. Есть-ли у насъ исторія податей, исторія натуральныхъ повинностей и, самой тяжелой изъ нихъ, рекрутчины? *) Есть-ли у насъ исторія земледѣлія, исторія цѣнъ? Нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ.

На этомъ послѣднемъ предметѣ, вслѣдствіе его особенной важности, мы должны остановиться подробнѣе. Еще П. Мухановъ, въ своей статьѣ «Desiderata для русской исторіи», помѣщенной въ его сборникѣ (1866 г.), указывалъ на необходимость составленія исторіи сельскаго хозяйства въ Россіи, но и до сихъ поръ это желаніе не исполнилось **) и не скоро еще исполнится, такъ какъ печатныхъ источниковъ для этого совершенно недостаточно, а чтобы составить такой трудъ по архивнымъ матеріаламъ, нужны совокупныя усилія многихъ изслѣдователей, ученые труды, посвященные отдѣльнымъ эпохамъ. Къ сожалѣнію, мы почти совершенно не имѣемъ и такихъ частныхъ работъ, поэтому нельзя не помянуть съ благодарностію книги г. Аристова «Промышленность древней Руси» (СПБ. 1866 г.), гдѣ авторъ собралъ извѣстія о земледѣліи, огородничествѣ, скотоводствѣ и пчеловодствѣ до XV вѣка. Затѣмъ остается лишь нѣсколько журнальныхъ статей. Нѣкоторыя историческія свѣдѣнія о земледѣліи въ древней Россіи есть также въ книгѣ г. Совѣтова «Системы земледѣлія».

Исторіи цѣнъ не только не существуетъ у насъ, но этотъ предметъ почти и не затронутъ. Сводъ данныхъ о цѣнахъ въ древней Россіи до XV в. можно найти въ только что названной книгѣ г. Аристова. Но правильное опредѣленіе цѣнъ въ это время

*) Трудъ *Кури* „О прямыхъ налогахъ въ древней Россіи“ (въ сборникѣ Мейера и отдѣльно. Каз. 1855 г.) слишкомъ кратокъ (48 стр.). Тѣмъ же предметомъ занимался молодой ученый, А. Г. Ильинскій, къ сожалѣнію рано похищенный смертію и не успѣвшій окончить и издать своего труда. Въ книгѣ *Руковскаго* „Историко-статистическія свѣдѣнія о подушныхъ податяхъ“ (СПБ. 1862 г., I т. Трудовъ коммиссіи о податяхъ и сборахъ) историческая часть слишкомъ недостаточно разработана. Кн. г. *Сидоренка* „Рекрутская повинность“ ч. I. (Кв. 1869 г.) заключаетъ въ себѣ незначительное количество историческихъ данныхъ.

**) „Исторія сельскаго хозяйства въ Россіи отъ временъ историческихъ (?) до 1850 г.“ Турчиновича (СПБ. 1854 г. 168 стр.) книга совершенно неудовлетворительная. Въ сочиненіи Ходецкаго (Кіевъ 1856 г.) лишь нѣсколько страницъ отведено историческому очерку земледѣлія. Дѣльнѣе обѣихъ этихъ книгъ сочиненіе Чугунова «Историческій обзоръ мѣръ для развитія земледѣлія въ Россіи» (Каз. 1858 г.), но уже изъ самаго заглавія видно, что и въ ней мы не найдемъ характеристики состоянія земледѣлія въ разныя эпохи русской исторіи.

крайне затрудняется тѣмъ, что ученые не пришли еще къ соглашенію относительно цѣнности древней монеты *). Для императорскаго періода русской исторіи есть нѣсколько изслѣдованій о денежномъ обращеніи **), но нѣтъ ни одного сочиненія по исторіи цѣнъ.

Мы не имѣемъ также исторіи домашняго быта простаго народа (пищи, одежды и т. п.); впрочемъ относительно XVI и XVII ст. много свѣдѣній разбросано въ прекрасной книгѣ г. Костомарова «Очеркъ домашней жизни и нравовъ Великорусскаго народа» (СПБ. 1860 г.) ***).

Такимъ образомъ, богатство изслѣдованій по исторіи крестьянъ въ Россіи оказывается въ значительной степени призрачнымъ: самыя важныя стороны ихъ быта или совсѣмъ не разработаны, или только затронуты; цѣлые отдѣлы крестьянъ оставлены безъ вниманія.

Въ виду этого можно безъ всякаго преувеличенія сказать, что тотъ, кто задумалъ бы написать полную исторію крестьянъ въ Россіи, согласно съ современными требованіями науки, долженъ почти совершенно заново начать трудъ. Подобное предпріятіе — дѣло крайне не легкое и едва-ли можетъ быть исполнено, при настоящемъ положеніи науки, силами одного ученаго, если бы даже онъ положилъ на эту работу всю свою жизнь. Самая большая трудность заключается прежде всего въ недостаточности изданныхъ матеріаловъ. Въ этомъ отношеніи изслѣдователь допетровской Руси находится, конечно, въ сравнительно болѣе выгодномъ положеніи, такъ какъ трудами ученыхъ обществъ (особенно Археографической Коммиссіи) и частныхъ лицъ издано много драгоцѣнныхъ источниковъ. Но стоитъ только припомнить, что изъ писцовыхъ книгъ XVI вѣка, источника первостепенной важности, для исторіи экономическаго быта народа, издана небольшая часть, а писцовыя книги XVII вѣка, которыя сохранились въ особенномъ изобиліи, почти вовсе не початы, чтобы понять, что

*) О старинныхъ монетахъ укажемъ лишь сочиненіе Д. И. *Прозоровскаго* „Монета и вѣсъ въ Россіи до конца XVIII столѣтія“ (СПБ. 1865 г., Записки Археологическаго Общества, Т. XII, вып. II). Въ этомъ трудѣ сдѣланъ обзоръ и предшествующихъ сочиненій о монетахъ въ Россіи.

**) Сочиненія Патлаевскаго, Шторха, Е. Ламанскаго, Куломзина и Брикнера и ст. г. Куломзина объ ассигнаціяхъ при Екатеринѣ II.

***) Трудовъ по исторіи колонизаціи, раскола, народныхъ движеній, въ родѣ разиновщины и пугачевщины, и т. п. мы здѣсь касаться не будемъ, такъ какъ эти явленія затрогиваютъ исторію не однихъ крестьянъ.

изъ числа матеріаловъ, необходимыхъ для исторіи крестьянъ, издано лишь ничтожное количество. Очень жаль также, что различные акты не издаются въ болѣе систематическомъ порядкѣ; Н. В. Калачевъ былъ намѣренъ начать изданіе актовъ о крестьянахъ въ XVII вѣкѣ, но это предпріятіе почему то не осуществилось, къ величайшему прискорбію для ученыхъ, которые пожелаютъ посвятить свой трудъ этому столѣтію *). Если даже для допетровской эпохи историкъ нашего крестьянскаго сословія не можетъ удовольствоваться печатными матеріалами, то для изслѣдователя XVIII и XIX вѣковъ объ этомъ не можетъ быть и рѣчи, несмотря на усердіе, съ какимъ печатаются у насъ теперь различные документы этихъ столѣтій. Дѣйствительно, за послѣдніе 20 лѣтъ, русская историческая литература обогатилась многими важными матеріалами для исторіи этого времени. Кромѣ прежняго повременнаго изданія—«Чтенія въ Обществѣ исторіи и древностей Россійскихъ», въ которомъ, съ самаго возобновленія ихъ, въ 1858 году, удѣлялось много мѣста для матеріаловъ по новой русской исторіи, за это время возникаютъ историческіе журналы: «Русскій Архивъ», «Русская Старина», «Древняя и Новая Россія», «Историческій Вѣстникъ», издаются такіе сборники, какъ «Восемнадцатый и Девятнадцатый вѣкъ» г. Бартенева, даже нѣкоторые ежемѣсячные журналы («Заря») пробовали открывать у себя особыя приложенія, гдѣ помѣщались сырые матеріалы, начинаютъ издаваться документы изъ семейныхъ архивовъ (18 томовъ »Архива кн. Воронцова»), наконецъ, основывается «Историческое Общество», успѣвшее издать 28 обширныхъ томовъ съ матеріалами первостепенной важности. Но не говоря уже о томъ, что не весь изданный такимъ образомъ матеріалъ имѣетъ значеніе, спрашивается: много-ли среди этой груды документовъ издано какихъ бы то ни было источниковъ для исторіи крестьянъ. Изъ всѣхъ этихъ изданій, исключительно научныя цѣли преслѣдуютъ «Чтенія Общества Исторіи» и «Сборникъ Историческаго Общества». Въ первомъ были помѣщены весьма важныя для исторіи экономическаго быта народа въ прошломъ столѣтіи сочиненія Щербатова, матеріалы для исторіи Сибири—Потанина, со множествомъ данныхъ о положеніи народа въ этой мѣстности въ первой половинѣ XVIII вѣка, дѣла о Пу-

*) Быть можетъ мы найдемъ ихъ въ приготовляемомъ г. Калачевымъ къ печати трудѣ объ исторіи волостныхъ судовъ.

гачевѣ, разныя мнѣнія прошлаго и нынѣшняго вѣка по крестьянскому вопросу и нѣкоторые другіе документы (тутъ же былъ напечатанъ и трудъ Милютина «О недвижимыхъ имуществахъ духовенства»). Изъ «Сборника Историческаго Общества», для историка крестьянъ, чрезвычайно важны три тома (IV, VIII и XIV), посвященные изданію матеріаловъ объ екатерининской законодательной коммиссіи. Въ «Русскомъ Архивѣ» и «Русской Старинѣ» также найдутся нѣкоторые интересные документы для исторіи крестьянъ и крестьянскаго вопроса въ Россіи. Но все-таки нашему простому народу удѣляется гораздо менѣе мѣста, чѣмъ бы слѣдовало. Правда, мы сдѣлали уже значительный шагъ впередъ, сравнительно съ тѣмъ временемъ, когда изслѣдователи XVIII вѣка почти исключительно ограничивались исторіею двора и разработкою соотвѣтсвующихъ источниковъ. Явилось весьма много фактовъ для характеристики отдѣльныхъ замѣчательныхъ личностей, для исторіи литературы. Еще болѣе важнымъ вкладомъ оказываются многія записки современниковъ, которыя начали постепенно выводить насъ за петербургскую околицу и знакомить съ жизнью провинціальнаго дворянина средней руки (наприм. записки *Болотова*, помѣщенныя въ «Русской Старинѣ»), провинціальнаго духовенства (записки *Добрынина* см. тамъ же), провинціальнаго администратора (въ біографіи Сиверса, составленной Блумомъ), но все-таки Петербургъ и его интересы преимущественно привлекаютъ вниманіе издателей историческихъ документовъ: централизація господствовавшая въ жизни отражается и на литературѣ; однообразная провинціальная жизнь, съ ея мѣстными нуждами, остается все-таки въ тѣни, народъ отодвинутъ далеко на задній планъ. Не пора-ли, наконецъ, перестать усердно пересчитывать разныхъ «случайныхъ людей» XVIII вѣка со всѣми ихъ восходящими и нисходящими родичами; не пора-ли обратить серьезное вниманіе на исторію народа, а не одного двора или дипломатіи *).

*) Желательно, чтобы и при изданіи документовъ изъ семейныхъ архивовъ печатались-бы дѣла хозяйственныя, челобитныя крестьянъ господину, распоряженія помѣщика и пр. Теперь-же, напримѣръ, изъ 18 томовъ Архива кн. Воронцова, ни въ одномъ мы не находимъ подобнаго рода документовъ. Какъ мало еще сознаютъ у насъ необходимость исторіи народа, видно, между прочимъ, изъ слѣдующаго примѣра: покойный Мухановъ, въ своей книжкѣ „Что желательно для русской исторіи“ (1870 г.), указывая на то, что пора написать исторію царствованія Екатерины II, говоритъ: „необходимо разработать нужные для сочиненія ея матеріалы по каждой части государственнаго управленія от-

Кромѣ недостатка предшествовавшихъ научныхъ изслѣдованій по исторіи крестьянъ и даже изданныхъ для этого матеріаловъ, историкъ крестьянскаго сословія въ Россіи почти совершенно лишенъ еще одного необходимаго подспорья — хорошихъ работъ по исторіи отдѣльныхъ мѣстностей нашего обширнаго отечества. Сколько бы труда ни положилъ онъ на собираніе матеріаловъ, сколько бы ни рылся въ столичныхъ архивахъ, онъ все-таки будетъ чувствовать, что крайне важные источники должны скрываться въ архивахъ глухихъ провинціальныхъ захолустій. Разные документы, касающіеся крестьянскаго самоуправленія,—волостныя приходо-расходныя книги, постановленія мірскихъ сходовъ, все это, если и сохранилось, то преимущественно на мѣстѣ, а не въ центральныхъ архивахъ; понятно, что изслѣдователь исторіи крестьянъ не можетъ изучать провинціальныхъ архивовъ, разбросанныхъ по всему лицу земли русской. Западному историку въ этомъ и не чувствуется такой необходимости: посмотрите, какъ разработана мѣстная исторія во Франціи и Германіи; тамъ не только каждая провинція, но каждый городъ, чуть не каждая деревушка имѣетъ своего историка. Это-то и дастъ возможность производить очень обширныя историко-юридическія изслѣдованія, почти не затрогивая неизданныхъ матеріаловъ. Укажемъ для примѣра на извѣстные труды Маурера. Правда, авторъ воспользовался нѣкоторыми неизданными источниками, но это капля въ морѣ сравнительно съ печатными матеріалами, а они преимущественно добыты трудами мѣстныхъ изслѣдователей. Положительно необходимо, чтобы на ряду съ изслѣдованіями, охватывающими исторію того или другаго сословія во всей Россіи, одновременно шли мѣстныя историческія работы; нужно, такъ сказать, строить исторію не только сверху внизъ, но и снизу вверхъ, не только отъ центра къ периферіи, но и наоборотъ. Благодаря ограниченности задачи, мѣстный историкъ можетъ войти въ такія детальныя изслѣдованія прошлой крестьянской жизни, придти къ столь несомнѣннымъ, точнымъ выводамъ, разумѣется, вѣрнымъ только для данной мѣстности, о какихъ не смѣетъ еще пока и мечтать изслѣдователь, захватывающій въ область своего труда всю Россію или большую ея часть. Желательны изслѣдованія не только

дѣльно: дѣла церкви, дворъ, администрація, законодательство, судоустройство и судопроизводство, просвѣщеніе, финансы, сношенія съ иностранными державами, дѣла военныя, флотъ, пути сообщенія, почты. „Авторъ забылъ о пустякѣ— о жизни всего народа.

исторіи цѣлыхъ губерній, но и уѣздовъ, если можно, даже отдѣльныхъ волостей и селеній. Намъ приходилось слышать отъ людей, разыскивавшихъ матеріалы для исторіи извѣстной мѣстности, что удавалось неожиданно находить груду всевозможныхъ документовъ не только XVIII, но даже XVII столѣтія; хотя рѣже, но должны встрѣчаться и еще болѣе древніе документы. Всѣ найденные матеріалы слѣдуетъ, конечно, принять во вниманіе, но мы и теперь уже можемъ указать рядъ источниковъ, изученіе которыхъ въ хронологическомъ порядкѣ и ихъ сопоставленіе можетъ привести къ выводамъ первостепенной важности относительно исторіи экономическаго быта народа: мы разумѣемъ писцовыя книги XVI—XVII столѣтія. Что касается XVIII вѣка, то тутъ мы имѣемъ данныя генеральнаго межеванія, такъ называемыя «Экономическія примѣчанія», а для Малороссіи—Румянцовскую опись; кромѣ того есть не мало, частію печатныхъ, частію неизданныхъ описаній губерній, составленныхъ въ XVIII и XIX вѣкѣ. Наконецъ, въ послѣднее время многія земства (наприм. московское, тверское, вятское, черниговское) предприняли самое внимательное хозяйственно-статистическое изслѣдованіе своего края; какой прекрасный матеріалъ могутъ дать эти источники для изученія экономическаго прошлаго губерніи, уѣзда даже отдѣльнаго селенія и для сравненія его съ настоящимъ: чѣмъ тѣснѣе кругъ изученія, тѣмъ точнѣе были бы выводы. Нужно помнить, что народная жизнь имѣетъ очень ограниченный кругъ интересовъ: количество земли, размѣры податей, распредѣленіе того и другаго — все это вопросы, которые нельзя изучать съ высоты птичьяго полета. Если основательную картину экономическаго положенія одной губерніи мы можемъ получить только при помощи такого многолѣтняго, громаднаго труда, какой былъ предпринятъ, напримѣръ, московскимъ земствомъ, то нѣтъ основанія думать, что можно было бы достигнуть вполнѣ правильныхъ результатовъ безъ такого-же внимательнаго труда и надъ данными прошлой жизни народа. Только эти детальныя, мѣстныя изслѣдованія и дали Мауреру возможность прослѣдить судьбу той или другой общины, нарисовать картину постепеннаго разложенія марки на деревенскія общины и т. п. Правда, и для мѣстныхъ изслѣдователей есть не мало затрудненій, прежде всего въ томъ, что указанные нами матеріалы хранятся въ центральныхъ (преимущественно московскихъ) архивахъ, но во-первыхъ, дубликаты писцовыхъ книгъ, «экономическихъ примѣчаній», неизданныхъ

описаній губерній сплошь и рядомъ оказываются и въ какомъ либо провинціальномъ древлехранилищѣ, а во-вторыхъ, все-таки главная масса матеріала (разныхъ актовъ, документовъ о крестьянскомъ самоуправленіи и т. п.) должна несомнѣнно оказаться на мѣстѣ, на сколько они уцѣлѣли отъ губительнаго вліянія времени и невѣжественнаго равнодушія нашего общества къ своему прошлому. Вотъ прекрасная задача для молодыхъ нашихъ историковъ! Если бы каждый изъ оканчивающихъ университетскій курсъ спеціалистовъ по исторіи составилъ, на основаніи указанныхъ матеріаловъ, историческій очеркъ какого нибудь клочка той мѣстности, откуда онъ родомъ,—какъ скоро наша наука обогатилась бы цѣлымъ рядомъ, совершенно новыхъ и чрезвычайно важныхъ данныхъ! Обязанность начать такіе труды лежитъ особенно на молодыхъ историкахъ-москвичахъ. До сихъ поръ они слишкомъ мало пользуются тѣми богатствами, какія заключаютъ въ себѣ архивъ Министерства Юстиціи и отчасти архивъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, а важности для науки результатовъ генеральнаго межеванія въ архивѣ Межевомъ еще и не подозрѣваютъ. Пусть не подумаютъ нѣкоторые радѣтели народа, слишкомъ узко понимающіе его интересы, что приглашать молодыя силы къ подобнымъ трудамъ, значитъ отвлекать ихъ отъ насущной необходимости изученія современнаго положенія народа. Уже не говоря о томъ, что мы обращаемся только къ спеціалистамъ по русской исторіи, которые составляютъ лишь небольшую часть молодыхъ научныхъ силъ, посвящающихъ себя всѣмъ областямъ знанія, мы должны сказать, что изслѣдованіе прошлаго, какое мы рекомендуемъ, не менѣе важно, чѣмъ изученіе современнаго быта. Только при такомъ внимательномъ изслѣдованіи прошлой экономической жизни народа можно рѣшить, дѣйствительно-ли мы двигаемся впередъ, или, напротивъ, несмотря на нѣкоторыя измѣненія къ лучшему, не происходитъ-ли серьезнаго ухудшенія въ экономическомъ положеніи народа. Многимъ самый вопросъ этотъ можетъ показаться дикимъ и парадоксальнымъ: можетъ-ли быть сравненіе между временами свободной жизни народа, избавленнаго отъ ферулы помѣщика, и какимъ нибудь XVII или XVIII вѣкомъ. Но исторія произноситъ иногда совершенно неожиданные приговоры: напомнимъ для примѣра хоть то, что англійскій профессоръ Роджерсъ, послѣ многолѣтняго, кропотливаго труда надъ исторіею земледѣлія и цѣнъ въ Англіи въ XIII и XIV столѣтіи, пришелъ къ выводу, что нынѣшній

англійскій рабочій находится въ худшемъ положеніи, чѣмъ его собратъ за четыреста, пятьсотъ лѣтъ тому назадъ. Настоящее только тогда можетъ быть освѣщено правильнымъ свѣтомъ, когда оно изучается на историческомъ основаніи.

Не слѣдуетъ, конечно, думать, что для мѣстной исторіи у насъ не сдѣлано рѣшительно ничего; бѣда только въ томъ, что многое придется вновь передѣлывать; естественно, что въ нашихъ мѣстныхъ изслѣдованіяхъ отражались недостатки общаго направленія науки. И здѣсь, въ разныхъ исторіяхъ того или другаго княжества, того или другаго края, преобладалъ разсказъ о внѣшнихъ событіяхъ; пересчитывались разные князья или другіе правители, а народная жизнь совершенно стушевывалась, или для описанія ея отводился задній уголокъ, нѣсколько страничекъ. Исключенія составляютъ только исторіи Новгорода и Пскова въ періодъ ихъ свободнаго существованія: тутъ народная жизнь ужъ слишкомъ била ключемъ, чтобы ее игнорировать. Однако и относительно этого края изученіе собственно экономическаго быта народа только начинается. Но если немного сдѣлано для надлежащей обработки мѣстной исторіи, то матеріаловъ для нея собрано не мало въ разныхъ провинціальныхъ изданіяхъ: губернскихъ и епархіальныхъ вѣдомостяхъ, памятныхъ книжкахъ и т. п. Историкъ не долженъ игнорировать этого рода матеріаловъ, хотя розысканіе ихъ—дѣло не легкое, такъ какъ не только для немногихъ провинціальныхъ изданій есть указатели, но и найти-то полные экземпляры губернскихъ вѣдомостей и памятныхъ книжекъ не всегда возможно даже въ столичныхъ библіотекахъ.

И такъ, вотъ сколько трудностей приходится преодолѣть историку нашего крестьянства: и недостатокъ предшествовавшихъ изслѣдованій по этому предмету, и скудость печатнаго матеріала, и отсутствіе мѣстныхъ работъ, и разбросанность неизданныхъ источниковъ по разнымъ архивамъ, и не всегда легкій доступъ въ эти послѣдніе. Объ архивахъ мы поговоримъ ниже, а теперь укажемъ еще на необходимость, кромѣ своихъ непосредственныхъ источниковъ и пособій, изучать двоякаго рода произведенія: изслѣдованія современной народной жизни и труды западныхъ ученыхъ по исторіи крестьянъ въ другихъ государствахъ.

Знакомство съ матеріалами и изслѣдованіями о современномъ положеніи русскаго крестьянина необходимо не только потому, что оно даетъ матеріалъ для сравненія и позволяетъ опредѣлить,

лучше или хуже было положеніе крестьянъ въ старину, въ какомъ направленіи измѣнился ихъ бытъ; оно вводитъ историка въ глубь крестьянской жизни, оно позволяетъ ему открывать въ настоящемъ остатки давней старины, оно заставляетъ искать въ прошломъ явленія, которыя, безъ подобнаго предварительнаго изученія, могли бы остаться незамѣченными. Такія изданія, какъ доклады высочайше утвержденной комиссіи для изслѣдованія нынѣшняго положенія сельскаго хозяйства (1873 г.), матеріалы по сельско-хозяйственной статистикѣ московской губерніи, обработанные гг. Орловымъ, Каблуковымъ и др., сборникъ матеріаловъ для статистики тверской губерніи, собранныхъ В. И. Покровскимъ, труды статистическаго отдѣленія при черниговской губернской земской управѣ (матеріалы для оцѣнки земельныхъ угодій, 1877 г.), труды этнографическо-статистич. экспедиц. въ западно-русскій край, снаряженной географическихъ обществомъ, изслѣдованія о хлѣбной торговлѣ Раевскаго, Чаславскаго, Янсона, работы г. Ефименко (матеріалы для этнографіи русскаго населенія архангельской губерніи въ трудахъ этнографическаго Отд. Общ. Любит. Естествозн., Антроп. и Этнограф. Кн. V) и г-жи Ефименко (напр., Матеріалы объ артеляхъ въ архангельской губ. въ «Сборникѣ объ артеляхъ» вып. 1 и 2), извѣстные труды кн. Васильчикова («Землевладѣніе и земледѣліе») и Янсона («Опытъ статистич. изслѣд. о надѣлахъ» 1877 г. и «Сравнительная статистика», особенно II томъ) и многія другія изданія, — все это должно быть настольными книгами спеціалиста по русской исторіи, все это даетъ ему точки опоры для сравненія.

Но нигдѣ историкъ не нуждается до такой степени въ содѣйствіи матеріаловъ и работъ, посвященныхъ изученію современнаго народнаго быта, какъ при изслѣдованіи исторіи поземельной общины. Мы видѣли, что самое открытіе новаго типа общиннаго землевладѣнія—безъ передѣловъ пахатной земли, было сдѣлано даже не спеціалистомъ по русской исторіи, подъ вліяніемъ непосредственнаго наблюденія поземельныхъ отношеній въ одномъ изъ уголковъ сѣверной Россіи. Сдѣланные имъ указанія для исторіи вопроса объ общинѣ подтвердились позднѣйшими изслѣдованіями. Точно также и при историческомъ изученіи того типа общины, который распространенъ по всей центральной Россіи, современныя наблюденія, какъ напримѣръ, В. И. Орлова (въ «Матеріалахъ для сельско-хозяйственной статистики

московской губерніи»), Трирогова («Вѣстн. Европ.» и «Отеч. Записк.»), Щербины (въ «Отеч. Зап.» 1879 г. и «Русской Мысли» 1880), И. М. Красноперова (въ «Русской Рѣчи» 1880 г. № 5 и «Русской Мысли» 1880 г. № 8) и многія другія *) чрезвычайно облегчаютъ намъ пониманіе историческихъ матеріаловъ и, при скудости этихъ послѣднихъ по данному вопросу, помогаютъ угадывать очень многое изъ краткихъ намековъ, которые легко могли-бы остаться незамѣченными изслѣдователемъ, если бы онъ не былъ знакомъ съ порядками современнаго общиннаго пользованія землею. Однимъ словомъ, по нашему глубокому убѣжденію, знакомство съ современною крестьянскою жизнію столь-же необходимо для ея историка, какъ и изученіе разныхъ старинныхъ столбцевъ и фоліантовъ, и для него такъ же полезно пожить среди мужиковъ, какъ и рыться въ архивахъ. Нѣсколько мѣсяцевъ деревенской жизни, если, конечно, хватитъ умѣнья сойтись съ крестьянами, или, по крайней мѣрѣ, книжное изученіе ихъ современной жизни—при извѣстной живучести народныхъ бытовыхъ формъ—дадутъ молодому ученому болѣе знаній *въ исторіи* русскихъ крестьянъ, чѣмъ многотомные труды нѣкоторыхъ изслѣдователей судебъ государства россійскаго.

Историку русскаго крестьянства необходимо познакомиться и съ трудами иностранныхъ ученыхъ по исторіи земледѣльческаго сословія въ западной Европѣ. Не слѣдуетъ, впрочемъ, думать, что такой историкъ, если онъ пожелаетъ найти для себя образецъ въ трудахъ иностранныхъ изслѣдователей, будетъ удовлетворенъ въ своихъ стремленіяхъ. Несмотря на то, что западная наука гораздо старше нашей, и тамъ ученые долго глядѣли по верхамъ, и тамъ въ неслишкомъ-то давнее время начались глубокія, основательныя изслѣдованія прошлой народной жизни. На западѣ несравненно болѣе собрано матеріаловъ для исторіи народа, неизмѣримо болѣе отдѣльныхъ монографій, которыя значительно облегчаютъ трудъ изслѣдователя въ этой области, наконецъ, тамъ мѣстная исторія замѣчательно разработана и, несмотря на то, мы можетъ сказать положительно, что въ Германіи, Франціи и Англіи до сихъ поръ не появилось еще полной исторіи крестьянъ каждой изъ этихъ странъ, удовлетворяющихъ

*) См. Указатель книгъ и статей объ общинѣ, состав. П. А. Соколовскимъ, въ I томѣ „Матеріаловъ объ общинномъ землевладѣніи“, издаваемыхъ Географ. и Вольноэконом. Общ. (1880 г.). Перечень русскихъ трудовъ сдѣланъ довольно внимательно, списокъ же иностран. сочиненій весьма неполонъ.

современныхъ требованій науки. Да можно-ли этому и удивляться: это лишь новое подтвержденіе несомнѣннаго правила, что наука, при всемъ томъ вліяніи, какое она оказываетъ на современную жизнь, современное міросозерцаніе, въ то же время отражаетъ и на себѣ вліяніе той же жизни. Естественно, что съ побѣдою буржуазіи и историки внутренней жизни или прямо посвящали свое вниманіе изслѣдованію ея прошлыхъ судебъ, или, по крайней мѣрѣ, вносили въ исторію буржуазные взгляды. Теперь настала очередь для четвертаго сословія: съ тѣхъ поръ, какъ оно громко потребовало себѣ мѣста въ государственной жизни, и западно-европейскіе историки начинаютъ все болѣе и болѣе удѣлять вниманія какъ городскимъ рабочимъ, такъ и крестьянамъ. Но, такъ какъ четвертое сословіе далеко еще не завоевало себѣ того положенія, какое оно должно имѣть по своему громадному значенію для государства, то естественно, что оно и не дождалось еще своихъ Гизо, Тьерри, Маколеевъ и т. п.

Но если западныя литературы не могутъ похвастать полными научными исторіями крестьянскаго сословія, то все-таки тамъ можно указать нѣсколько трудовъ, изъ которыхъ русскій изслѣдователь можетъ, во первыхъ, позаимствовать факты для указанія сходства и различія съ явленіями русской жизни, а во вторыхъ, поучиться научнымъ пріемамъ при обработкѣ подобнаго же матеріала. Пріятно видѣть, что къ иностраннымъ ученымъ начинаютъ примыкать, для изученія явленій западной исторіи, и русскіе имена, которымъ при томъ иной разъ приходится отвести довольно видное мѣсто. Мы упомянемъ о нѣсколькихъ произведеніяхъ по исторіи крестьянъ въ западной Европѣ, знакомство съ которыми будетъ весьма полезно для русскаго историка.

На первомъ мѣстѣ тутъ несомнѣнно нужно поставить знаменитаго Г. Лудв. Маурера *), труды котораго составляютъ эпоху въ изученіи внутренняго быта германскаго народа по громадной эрудиціи автора, обширному плану, выполненіе котораго подготовлялось въ теченіи нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ и громадному количеству фактовъ. Для русскаго изслѣдователя

*) „Einleitung zur Geschichte der Mark-, Hof-, Dorf- und Stadtverfassung“ (1854, русскій переводъ изданъ въ Москвѣ въ 1880 г.) „Geschichte der Markenverfassung in Deutschland“ (1856), „Geschichte der Fronhöfe, der Bauernhöfe und der Hofverfassung in Deutschland“ (4 Bde. 1862—63) и „Geschichte der Dorfverfassung in Deutschland“ (2 Bde, 1865).

труды Маурера тѣмъ драгоцѣннѣе, что онъ обратилъ особенное вниманіе на исторію общиннаго владѣнія въ Германіи и воспользовался, какъ данными современнаго быта, такъ и свидѣтельствами историческихъ источниковъ для изученія марки и деревенской общины. Въ трудахъ Маурера есть свои недостатки: изложеніе его весьма утомительно, но онъ можетъ послужить примѣромъ того, какъ неутомимо, въ теченіи всей жизни, слѣдуетъ подготовлять труды, касающіеся такихъ важныхъ вопросовъ, какъ исторія крестьянъ, дворянства и городовъ *).

Сочиненія Маурера обнимаютъ исторію внутренняго быта Германіи до XVI вѣка; позднѣйшая жизнь германскихъ крестьянъ гораздо менѣе разработана. Тутъ большаго вниманія заслуживаютъ книги Штадельмана по исторіи сельскаго хозяйства при Фридрихѣ-Вильгельмѣ I и Фридрихѣ Великомъ, составленныя преимущественно на основаніи архивныхъ источниковъ **). Много любопытныхъ фактовъ о положеніи народа въ Германіи въ XVIII вѣкѣ можно найти также въ превосходномъ трудѣ Бидермана ***). Вслѣдствіе тѣсной связи исторіи крестьянъ съ исторіею сельскаго хозяйства вообще, слѣдуетъ упомянуть еще о трудѣ Лангеталя ****), который однако по разработкѣ матеріала оставляетъ весьма многаго желать съ современной точки зрѣнія. За то теперь научной исторіи хозяйства въ Германіи положено основаніе новѣйшимъ трудомъ Инама-Штернегга *****).

Въ англійской литературѣ есть одно превосходное изслѣдованіе по исторіи сельскаго хозяйства, мы разумѣемъ извѣстное сочиненіе Роджерса: «Исторія земледѣлія и цѣнъ въ Англіи». Авторъ предполагаетъ изложить исторію избраннаго имъ пред-

---

*) Съ трудами Маурера однородны сочиненія Ганауэра объ эльзасскихъ крестьянахъ: *Hanauer*, Les paysans de l'Alsace au moyen âge" и собраніе документовъ подъ заглавіемъ „Les constitutions de l'Alsace au moyen âge", 1865. См. также *Waitz* Deutsche Verfassungsgeschichte.

**) *Stadelmann*. „Friedrich Wilhelm I in seiner Thätigkeit für die Landescultur Preussens", помѣщ. въ „Publicationen aus den K. Preussischen Staatsarchiven", II-ter Band, 1878 и его же „Friedrich der Grosse in seiner Thätigkeit für den Landbau Preussens", 1876.

***) *Biedermann*. Deutschland im XVIII Iahrhundert. Bd. I. Это сочиненіе давно заслуживаетъ перевода на русскій языкъ.

****) Geschichte der deutschen Landwirthschaft.

*****) „Deutsche Wirthschaftsgeschichte bis zum Schluss der Karolingerperiode". 1879. По исторіи цѣнъ въ Эльзасѣ есть еще чрезвычайно обстоятельный трудъ Ганауэра „Etudes économiques sur l'Alsace ancienne et moderne", t. 1. Les monnaies, 1876, t. II. Denrées et salaires. 1878.

мета отъ 1259 г. до начала континентальной войны (1793 г.); къ сожалѣнію, до сихъ поръ вышло только два тома; изъ нихъ въ первомъ мы находимъ изслѣдованіе съ половины XIII до начала XV вѣка, а во второмъ сводъ неизданныхъ матеріаловъ по исторіи цѣнъ за это время *). «Я знаю напередъ», говоритъ авторъ въ предисловіи къ своему труду,— «что изслѣдованія и факты, заключающіеся въ этихъ двухъ томахъ, привлекутъ немногихъ читателей. Форма такого труда, по необходимости, отталкивающая, и сухія подробности о событіяхъ, совершившихся много столѣтій тому назадъ, будутъ представлять слишкомъ малый интересъ для всей читающей публики. А между тѣмъ, въ этихъ уцѣлѣвшихъ остаткахъ заключается немалая доля прошлой жизни англійскаго народа, быть можетъ даже нѣкоторые матеріалы, которые могутъ содѣйствовать построенію философіи исторіи, такъ какъ они придадутъ глубину и основательность политическимъ событіямъ, о которыхъ разсказываютъ наши лѣтописцы. «Работы, подобныя предпринятой мною», продолжаетъ Роджерсъ, «весьма важны для изученія экономической стороны исторіи, а такое изученіе, осмѣлюсь утверждать, столь-же важное пособіе для пониманія прошлаго, какъ изслѣдованіе древностей права, дипломатическихъ интригъ или военныхъ компаній. Немного найдется событій, имѣющихъ какую-либо важность, на которыя изученіе этихъ фактовъ, составляющее спеціальность политико-эконома, не броситъ значительнаго свѣта». Бо́льшую часть труда авторъ посвящаетъ изслѣдованію цѣнъ различныхъ продуктовъ, но, кромѣ того, мы находимъ у него статьи о средневѣковомъ земледѣліи, о распредѣленіи богатствъ, домашнемъ хозяйствѣ, средневѣковомъ правосудіи, податяхъ и т. п. Несмотря на то, что сочиненіе это далеко не окончено, оно и теперь имѣетъ огромное значеніе: трудъ, разработанный по такой широкой программѣ, въ высшей степени важенъ не только для того времени, изученію котораго онъ посвященъ; онъ служитъ образцомъ при разработкѣ подобныхъ фактовъ въ другихъ странахъ и въ другія эпохи, а въ томъ государствѣ, одну изъ эпохъ жизни котораго онъ характеризуетъ, такое изслѣдованіе, кромѣ научнаго значенія, можетъ имѣть еще и самый животрепещущій интересъ, какъ матеріалъ для сравненія съ настоящимъ временемъ и рѣшенія вопроса, дѣйствительно-ли увеличивается въ

*) *Thorold Rogers*, A history of agriculture and prices in England. Oxf. 1866. 2 vls.

странѣ народное благосостояніе. О печальномъ выводѣ, къ какому пришелъ при подобномъ сравненіи Роджерсъ, мы уже упоминали. Не мало новыхъ и любопытныхъ фактовъ о положеніи англійскихъ крестьянъ въ средніе вѣка можно найти и въ сочиненіи нашего соотечественника проф. Ковалевскаго («Экономическій строй Англіи въ средніе вѣка», М. 1880 г.), имѣвшаго возможность ознакомиться со многими неизданными документами. Въ этомъ трудѣ читатели найдутъ указанія и на тѣ крайне немногочисленные труды, какіе существуютъ въ англійской литературѣ по исторіи крестьянъ; мы же упомянемъ только о книгѣ Охенковскаго *).

Общія исторіи крестьянъ во Франціи (Leymarie 1856 года, Doniol 1857 г., Dareste de la Chavanne 1858 г. и Bonnemère, 2-е изд. 1874 г.), совершенно не удовлетворятъ того, кто пожелаетъ найти въ нихъ отвѣты на всѣ вопросы, разсмотрѣніе которыхъ, какъ было указано нами выше, должно входить въ исторію крестьянъ. Изъ новѣйшихъ работъ упомянемъ о книгѣ Бабо (Le village sous l'ancien regime, 2 edit. 1879 г.), посвященной XVI—XVIII вѣкамъ и составленной отчасти по архивнымъ источникамъ. Авторъ не мастеръ излагать и далеко не даетъ полной исторіи крестьянъ въ указанное время: это картина общественной жизни деревни, ея управленія, отношеній къ священнику, къ сеньеру и государству; тутъ же есть нѣкоторыя свѣдѣнія о народномъ образованіи, общественной благотворительности, земледѣліи, матеріальномъ и нравственномъ положеніи жителей. Неизмѣримо выше всѣхъ этихъ трудовъ, по широтѣ взгляда и разработкѣ матеріала (правда, для одной небольшой эпохи) книга нашего соотечественника Карѣева «крестьяне и крестьянскій вопросъ во Франціи въ послѣдней четверти XVIII вѣка», 1879 г.), которую мы усердно рекомендуемъ вниманію читателей, тѣмъ болѣе, что и по своему изложенію она представляетъ выдающееся явленіе. Въ ней читатель найдетъ указанія и на обширную литературу **). Весьма обстоятельную, хотя и сжатую картину экономическаго быта Франціи съ конца

*) *Ochenkowsky.* Englands wirthschaftliche Entwickelung im Ausgange des Mittelalters. Iena 1879.

**) Мы упомянемъ о слѣдующихъ сочиненіяхъ: *Doniol.* Larévolution française et la féodalité (1874), *Poncins.* Les cahiers de 1789 (1866), *Taine.* Les origines de la France contemporaine—сочиненіе очень страннаго направленія, но обильное новыми фактами. Въ послѣднее время вышла еще книга *Chassin.* L'église et les derniers serfs. (1880).

XVI до начала XVIII вѣка можно найти въ прекрасной книгѣ Моро де Жонеса *); попытку серьезнаго изученія французскаго хозяйства въ одинъ изъ періодовъ среднихъ вѣковъ представляетъ работа Лампрехта **) образцемъ мѣстнаго изслѣдованія по исторіи крестьянъ можетъ служить книга Делиля. ***)

Объ исторіи крестьянъ въ другихъ европейскихъ странахъ, можно найти свѣдѣнія въ извѣстной книгѣ Зугенгейма *), гдѣ подробно указаны и законодательныя мѣры, принятыя для уничтоженія крѣпостнаго права; собственно же литературы крестьянскаго вопроса авторъ не разсматриваетъ. Въ этомъ отношеніи обѣщаетъ быть интересною работа проф. Лучицкаго: «Исторія крестьянской реформы въ западной Европѣ» **). Къ труду Зугенгейма примыкаетъ спеціальная работа Гансена о Шлезвигѣ и Гольштиніи ***). Литература крестьянскаго вопроса во Франціи въ XVIII вѣкѣ, кромѣ труда г. Лучицкаго, разсмотрѣна и въ названной книгѣ Карѣева. Крестьянскій вопросъ въ Пруссіи внимательно разработанъ Самаринымъ (Собраніе сочиненій т. II).

Для исторіи рабства въ древнемъ мірѣ, которое можетъ дать матеріалъ для сравненій съ бытомъ нашихъ холоповъ допетровской Руси и съ дворовыми императорскаго періода, есть обстоятельное сочиненіе Валлона ****).

Изъ трудовъ по исторіи общиннаго землевладѣнія, кромѣ названныхъ уже книгъ Маурера и Ганауэра, заслуживаютъ особеннаго вниманія сочиненія Отто Гирке, Ландау и статьи Гансена по исторіи германской общины, труды Мясковскаго и Ковалевскаго для швейцарской общины, Нассе объ англійской, Гер-

---

*) *Moreau de Jonnès.* Etat économique et social de la France depuis Henri IV jusqu 'à Louis XIV, 1589 à 1715. P. 1867.

**) *Lamprecht.* Beiträge zur Geschichte des französischen Wirthschaftslebens im elften Jahrhundert. 1878. Для начала среднихъ вѣковъ укажемъ на талантливую книгу *Фюстель-Куланжа*—Histoire des institutions politique de l'ancienne France. I Part. 2 edit. 1877.

***) *L. Delisle.* Etudes sur la condition de la classe, agricole et l'état de l'agriculture en Normandie au moyen âge. 1851.

*) *Sugenheim.* Geschichte der Aufhebung der Leibeigenschaft und Hörigkeit. Spb. 1861.

**) „Кіевскія универс. извѣстія" 1878. №№ 10—12, 1879, № 2.

***) *Hanssen.* Die Aufhebung der Leibeigenschaft und die Umgestaltung der gutsherrlich—bäeurlichen Verhältnisse überhaupt in den Herzogthümern Schleswig und Holstein. 1861.

****) *Wallon.* Histoire de l'esclavage dans l'antiquité, 2 edit. P. 1879, 3 vols. О колонатѣ см. статью г. Виноградова въ Ж. М. Н. Пр. 1880 г. № 1, гдѣ указана и предшествовавшая литература этого вопроса.

рига о скандинавской, Бутора о французской, Мена и Ковалевскаго объ индійской, а какъ общій обзоръ, въ которомъ къ тому же старательно указана литература, назовемъ книгу Лавлея въ нѣмецкой переработкѣ Бюхера съ совершенно новыми главами относительно остатковъ общиннаго землевладѣнія въ Германіи *).

Мы вовсе не претендуемъ на полноту этого перечня, но увѣрены, что начинающіе изслѣдователи исторіи русскихъ крестьянъ скажутъ намъ спасибо за эти указанія. Знакомство съ трудами по исторіи крестьянъ на западѣ поможетъ имъ выработать планъ собственнаго труда, снабдитъ запасомъ фактовъ для сравненія, иной разъ научитъ методу въ пользованіи матеріалами и наконецъ предостережетъ отъ той ошибки, въ которую часто впадаютъ ученые, мало знакомые съ исторіею другихъ странъ: признанія національными особенностями того, что было болѣе или менѣе общимъ достояніямъ народовъ въ извѣстную эпоху развитія.

Послѣ указанія на всѣ тѣ требованія, какимъ по нашему мнѣнію должны удовлетворять труды по исторіи крестьянъ, дѣлается болѣе понятнымъ, почему въ нашей молодой исторической литературѣ, которая всего-то существуетъ какихъ нибудь 50, 60 лѣтъ (если вести счетъ ея сознательной жизни со времени исторіи Карамзина), вовсе нѣтъ полной исторіи крестьянъ: мы видѣли, что этимъ не могутъ похвастать и болѣе зрѣлыя литературы запада. Но это во всякомъ случаѣ не резонъ, чтобы еще медлить съ выполненіемъ такого настоятельнаго труда, и Западъ въ этомъ случаѣ, какъ и во многихъ другихъ (особенно въ сферѣ явленій экономическихъ), намъ не указъ. Нашей странѣ, по преимуществу земледѣльческой, нашему государству, под-

*) *Otto Gierke.* „Rechtsgeschichte der deutschen Genossenschaft“ 1868 — 73; *Landau.* „Geschichte der Territorien“, 1854; *Hanssen.* «Agrarhistorische Abhandlungen“, 1880 и „Agrarhistorische Fragmente zur Erkenntniss der deutschen Feldmarkverfassung“, Zeitschr. für die gesammte Staatswissenschaft 1880, 36 Jahrgang, 3 Heft. *Miaskowski.* „Die Verfassung der Land-, Alpen-und Forstwirthschaft der deutschen Schweiz“ (1878) и его же „Die schweizerische Allmend in ihrer Geschichtlichen Entwickelung vom XIII Jahrhundert bis zur Gegenwart.“ 1879. *Bouthors.* Les sources du droit rural. P. 1865. *Nasse.* Ueber die mittelaltert. Feldgemeinschaft in England. Bonn. 1869 (русск. перев. Яросл. 1878). *Herrig.* De rebus agrariis sueciies et danicis. Berl. 1868. *Мэнъ.* Деревенскія общины на Востокѣ и Западѣ. (1874). *Ковалевскій.* Общинное землевладѣніе, вып. I. 1879. *Laveleye.* Das Ureigenthum, vervollständigt von *Bücher.* 1878. О поземельной общинѣ въ Византіи см. въ ст. профес. Васильевскаго „Матеріалы для внутренней исторіи византійскаго государства“. (Ж. М. Н. Пр. 1879, мартъ).

держанному въ теченіе тысячелѣтія почти исключительно мужицкими плечами, нашей наукѣ, выхоленной на казенный, другими словами, мужицкій счетъ,—пора во всѣхъ отношеніяхъ воздать должное тому, кому они всѣмъ обязаны; а такъ какъ это исполнится лишь тогда, когда указанная необходимость будетъ ясно сознана наукою и литературою, то обѣ онѣ должны отдать главное свое вниманіе народнымъ нуждамъ.

Что касается спеціально исторіи нашихъ крестьянъ, то какъ только будетъ сознана ея настоятельная необходимость, найдутся и нужныя силы, мы въ этомъ глубоко увѣрены; найдутся, если не среди ученыхъ, пріобрѣвшихъ себѣ извѣстность, то между начинающими изслѣдователями, а это быть можетъ и лучше, такъ какъ научное изслѣдованіе исторіи крестьянъ—трудная, утомительная и не эффектная работа (по крайней мѣрѣ въ настоящее время), требующая свѣжихъ силъ: нужно изучать самые сухіе печатные матеріалы, нужно на много лѣтъ зарыться въ архивѣ и не брезгать кропотливой работой, медленно собирая строительные матеріалы для будущаго зданія. Повторяемъ, что при современномъ состояніи нашей науки (о чемъ было говорено уже выше) и въ то же время при тѣхъ серьезныхъ требованіяхъ, которыя мы должны предъявить изслѣдователямъ прошлой народной жизни, написать полную исторію русскихъ крестьянъ дѣло не посильное для одного человѣка: необходимо раздѣленіе труда, нужна одновременная работа нѣсколькихъ силъ надъ разными эпохами исторіи народа. Быстрота работы тутъ прежде всего зависитъ отъ скудости или обилія матеріаловъ и отъ того, въ какой степени онъ изданъ. Такъ, напримѣръ, исторія крестьянъ до XV вѣка включительно нуждается въ неизмѣримо меньшей затратѣ силъ, чѣмъ послѣдующія эпохи: тутъ не только большая часть матеріаловъ издана, но они и въ значительной степени разработаны. Шестнадцатый вѣкъ требуетъ уже болѣе труда: одни неизданныя писцовыя книги потребуютъ не малой затраты на нихъ ученаго труда, но все-таки масса матеріала по исторіи крестьянъ и вообще внутренняго быта въ этомъ столѣтіи менѣе, чѣмъ для двухъ послѣдующихъ вѣковъ. Семнадцатое столѣтіе представляетъ особенныя трудности, такъ какъ для построенія исторіи народа въ это время сдѣлано даже менѣе, чѣмъ для императорскаго періода русской исторіи. Какъ бы то ни было, мы полагаемъ, что если бы нашелся десятокъ работниковъ, которые захотятъ положить свою жизнь на это дѣло, то въ де-

сять, пятнадцать лѣтъ мы могли бы имѣть, если не полную исторію крестьянъ, то по крайней мѣрѣ рядъ обстоятельныхъ монографій, которыя послужили бы превосходнымъ матеріаломъ для такой исторіи. А тогда, будьте увѣрены, явятся ученые съ художественнымъ талантомъ Н. И. Костомарова, которые, не становясь чернорабочими, не зарываясь на многіе годы въ архивы, какъ это по неволѣ приходится дѣлать теперь, сольютъ результаты предшествовавшихъ трудовъ въ одно цѣлое, соединятъ детали, которые въ свое время были нужны для правильнаго общаго вывода и дадутъ намъ художественную исторію русскаго мужика. Тогда явится возможность и для самого крестьянина написать правдивый разсказъ о его прошломъ, освѣтить всѣ тѣ страданія, какія онъ вынесъ въ былое время, но вмѣстѣ съ тѣмъ указать и на то, въ чемъ жизнь его предковъ была вольготнѣе, словомъ общедоступно, но на научномъ основаніи изложить народу его исторію, тому народу, который пока долженъ довольствоваться преданіемъ о Юрикѣ-Новоселѣ.

Мы сами принуждены были употребить около десяти лѣтъ на изученіе исторіи крестьянъ при Екатеринѣ II. Если принять въ соображеніе, съ одной стороны, важность этой эпохи, а съ другой громадное количество почти непочатаго архивнаго матеріала, это вовсе не покажется страннымъ. Важность этого періода въ жизни народа не подлежитъ сомнѣнію: относительно крестьянъ крѣпостныхъ — окончательное закрѣпленіе власти помѣщиковъ, напротивъ для принадлежавшихъ духовенству—освобожденіе отъ ига барщинныхъ и иныхъ повинностей въ пользу монастырей, нѣкоторыхъ церквей, архіереевъ и синода и причисленіе крестьянъ къ государственнымъ; для дворцовыхъ—окончательный переходъ отъ барщинной системы къ оброчной, т. е. другими словами также почти уравненіе съ казеннымъ земледѣльческимъ населеніемъ; среди горнозаводскихъ—обширное волненіе и постепенное, но медленное улучшеніе ихъ быта, подготовившее освобожденіе отъ обязательныхъ работъ при Александрѣ I; для казенныхъ крестьянъ (черносошныхъ и однодворцевъ) — участіе чрезъ своихъ депутатовъ въ законодательной коммиссіи. Наконецъ, цѣлый рядъ войнъ, страшно увеличившихъ тяжесть податей, но съ другой стороны, открывшій новый благодатный край для колонизаціи, и наконецъ все это освѣщено заревомъ Пугачевскаго пожара,—это ли не интересный и важный сюжетъ для историческаго изслѣдованія!

Имѣя въ виду другихъ историковъ крестьянской жизни, укажемъ на планъ нашего труда. Мы находимъ, что было бы полезно, если бы и другіе изслѣдователи народнаго быта высказывали соображенія и взгляды, сложившіеся у нихъ во время ихъ занятій надъ тѣмъ или другимъ трудомъ.

Мы только что перечислили нѣсколько крупныхъ отдѣловъ изъ общей массы крестьянскаго сословія, а это еще далеко не все; обиліе этихъ разрядовъ обусловливаетъ и нашъ планъ. Мы находимъ необходимымъ изучить каждый изъ этихъ видовъ крестьянъ отдѣльно и указать на ихъ особенности, а затѣмъ представить общую картину экономическаго и домашняго быта народа. При этомъ мы совершенно отдѣляемъ изученіе Великороссіи и Сибири, разница между которыми, по отношенію къ крестьянскому населенію, сказывалась лишь въ томъ, что въ Сибири не было нѣкоторыхъ изъ разрядовъ земледѣльческаго сословія,—отъ изслѣдованія Малороссіи, съ совершенно инымъ населеніемъ и иными формами быта, вмѣстѣ съ которою необходимо изучать и такъ называемую Слободскую Украйну. Крестьянъ же въ областяхъ, присоединенныхъ отъ Польши, въ Остзейскомъ краѣ и Финляндіи мы вовсе исключаемъ изъ плана нашего изслѣдованія.

Многочисленные разряды великороссійскихъ крестьянъ мы можемъ раздѣлить на три группы: 1) крѣпостныхъ, 2) казенныхъ и третью, составляющую переходъ отъ первой ко второй. Къ числу казенныхъ крестьянъ принадлежатъ черносошные или государственные въ тѣсномъ смыслѣ этого слова (съ выдѣлившеюся изъ нихъ кучкою половниковъ), экономическіе (принадлежавшіе до секуляризаціи духовенству), однодворцы, старыхъ службъ служилые люди, ямщики, отписные и обѣльные крестьяне. Къ переходной группѣ мы причисляемъ, во-первыхъ, всѣхъ крестьянъ дворцоваго вѣдомства (дворцовые, государевы, конюшенные и сокольи помытчики), изъ нихъ собственно дворцовые, съ повсѣмѣстною замѣной барщины оброкомъ, уподобились казеннымъ крестьянамъ, но государевы и конюшенные были болѣе близки къ крѣпостнымъ; во-вторыхъ, мы относимъ сюда крестьянъ такъ-называемыхъ поссессіонныхъ, т. е. принадлежащихъ не лицу, а къ какой-нибудь фабрикѣ или заводу. Съ ними можно сблизить и особый видъ государственныхъ крестьянъ, такъ-называемыхъ приписныхъ, т. е. обязанныхъ не деньгами платить всю подать или часть ея, а отработывать на заводахъ (преимущественно гор-

ныхъ). Мы выдѣляемъ ихъ изъ всѣхъ другихъ государственныхъ крестьянъ, такъ какъ заводская работа имѣла огромное вліяніе на весь ихъ бытъ. За изученіемъ всѣхъ отдѣловъ великороссійскихъ крестьянъ въ частности долженъ слѣдовать общій обзоръ ихъ экономическаго и домашняго быта. Здѣсь прежде всего слѣдуетъ разсмотрѣть, такъ сказать, активъ крестьянскаго бюджета, т. е. подробно изучить народные промыслы: земледѣліе, огородничество, скотоводство, пчеловодство, рыболовство, охоту, лѣсные и отхожіе промыслы; разсмотрѣть всевозможные заработки мужчинъ, женщинъ и дѣтей и цѣны на ихъ трудъ въ связи съ цѣнами на главнѣйшіе жизненные припасы. Затѣмъ слѣдуетъ изучить пассивъ крестьянской экономіи, т. е. подати и повинности. Такимъ образомъ будетъ видно, какъ сложилось экономическое положеніе крестьянъ подъ вліяніемъ того и другаго фактора, будутъ понятнѣе отдѣльныя указанія о бѣдности и зажиточности крестьянъ, о нищенствѣ, о займѣ денегъ и размѣрѣ процентовъ, о неурожаяхъ, о мѣрахъ для обезпеченія народнаго продовольствія. Затѣмъ слѣдуетъ сгруппировать многочисленныя для второй половины XVIII в. указанія о пищѣ, одеждѣ и жилищѣ крестьянъ, о семейной жизни, характерѣ народа, увеселеніяхъ, нравственномъ и умственномъ состояніи крестьянина. Тутъ же необходимо изучить поземельную общину и артель, описать деревенское самоуправленіе и отношенія крестьянъ къ священнику. Изслѣдователь этой эпохи въ жизни крестьянъ не можетъ, конечно, обойти и ихъ участіе въ Пугачевщинѣ. Подобный же планъ можетъ быть принятъ и относительно Малороссіи *).

*) Для интересующихся исторіею крестьянъ укажемъ на наши статьи, въ которыхъ уже выполнена часть вышеупомянутаго плана: „Крѣпостные крестьяне при Екатеринѣ II“ („Русс. Стар.“ 1876 г. №№ 11 и 12); „Волненія крѣпостныхъ крестьянъ при Екатеринѣ II“ („Русс. Стар.“ 1877 г. № 2); „Очерки изъ исторіи крѣпостнаго права въ Великороссіи во второй половинѣ XVIII вѣка“ („Рус. Мысль“ 1880 г. №№ 5, 6, 8, 9 и 10); „Крестьяне дворцоваго вѣдомства въ XVIII вѣкѣ“ („Вѣст. Европы“ 1878 г. №№ 5 и 6); „Поссессіонные крестьяне въ XVIII вѣкѣ“ („Вѣст. Европы“ 1878 г. №№ 10 и 11); „Горнозаводскіе крестьяне на Уралѣ въ 1760 — 1764 годахъ“ („Вѣст. Европы“ 1877 г. №№ 1 и 2); „Волненія крестьянъ, приписанныхъ къ Олонецкимъ заводамъ въ 1769—1771 году“ („Древ. и Нов. Рос.“ 1877 г. №№ 6 и 7); „Казенные крестьяне при Екатеринѣ II“ („Рус. Стар.“ 1879 г. №№ 1—6); „Сельскій священникъ во второй половинѣ XVIII вѣка“ („Рус. Стар.“ 1877 г. № 8). Упомянемъ еще о двухъ статьяхъ: „Крестьянскій вопросъ при Екатеринѣ II“ („Отеч. Зап.“ 1879 г. №№ 10—12) и „Раздача населенныхъ имѣній при Екатеринѣ II“ („Отеч. Зап.“ 1877 г. № 8).

Въ настоящее время авторы трудовъ по исторіи крестьянъ, желающіе вполнѣ стоять на уровнѣ современной науки, отнюдь не могутъ довольствоваться группировкою исключительно оффиціальнаго матеріала: разныхъ правительственныхъ распоряженій, указовъ и т. п.; что было возможно двадцать пять лѣтъ тому назадъ, что было въ свое время полезно, какъ первая попытка оріентироваться въ печатномъ матеріалѣ, то въ настоящее время уже немыслимо. При обработкѣ иныхъ эпохъ предложенный нами планъ долженъ, конечно, до нѣкоторой степени измѣниться: чѣмъ древнѣе будетъ выбранное время, тѣмъ болѣе будетъ съуживаться частный отдѣлъ труда, такъ какъ встрѣтится все менѣе подраздѣленій крестьянскаго сословія, тѣмъ болѣе сжатый объемъ можетъ принимать и все изслѣдованіе; быть можетъ окажется даже возможнымъ полное слитіе частнаго и общаго отдѣла подобныхъ изслѣдованій въ одной картинѣ юридическаго, экономическаго и домашняго быта народа, но, во всякомъ случаѣ, указанный нами планъ можетъ пригодиться для соображеній другихъ историковъ.

Мы предлагаемъ дѣлать попытки всесторонняго изученія крестьянъ въ отдѣльныя эпохи нашей прошлой жизни; возможенъ и иной пріемъ раздѣленія труда въ области исторіи народа. Вмѣсто поперечнаго разрѣза, какой мы дѣлаемъ, возможны, такъ сказать, разрѣзы продольные: т. е. вмѣсто изученія всѣхъ разнообразныхъ видовъ крестьянскаго сословія въ какую-нибудь одну эпоху, можно предпринять изслѣдованіе прошлой жизни одного изъ разрядовъ крестьянъ, но за то въ теченіи многихъ вѣковъ. Образцомъ такого труда можетъ служить указанная выше книга проф. Горчакова: «О земельныхъ владѣніяхъ митрополитовъ, патріарховъ и Святѣйшаго Синода». Можно даже заранѣе предвидѣть, что юристы предпочтутъ именно такой способъ спеціализаціи труда, такъ какъ они рѣдко затрогиваютъ экономическое положеніе народа и преимущественно ищутъ измѣненій въ сферѣ правовыхъ отношеній. Напротивъ того, для историка, по нашему мнѣнію, удобнѣе ограниченіе одною извѣстною эпохою русской исторіи, но съ тѣмъ, чтобы въ этотъ періодъ была изучена жизнь всѣхъ разновидностей крестьянъ и по возможности всесторонне. Послѣдній пріемъ дѣлается даже едва-ли не единственно возможнымъ, если желаешь дать обстоятельную картину экономическаго быта, потому что источники по этому предмету, какъ изданные, такъ и неизданные, настолько разбросаны, что нерѣдко, изучая матеріалъ для исторіи одного изъ разрядовъ

крестьянъ, неожиданно находишь данныя для характеристики совершенно иного отдѣла. Разумѣется, принятая нами система имѣетъ одно большое неудобство: ограничиваясь самымъ подробнымъ изученіемъ одной эпохи, изслѣдователь не имѣетъ возможности одновременно дѣлать подобныя же изысканія и для исторіи предшествовавшихъ эпохъ, но происходящіе отъ этого недостатки исчезнутъ, когда появится цѣлый рядъ монографій по исторіи крестьянъ, взаимно пополняющихъ другъ друга. Да и вообще изслѣдованія народнаго быта въ извѣстныя эпохи имѣютъ болѣе широкое научное значеніе, чѣмъ это кажется, не только потому, что они даютъ важный матеріалъ для сопоставленія настоящаго съ прошлымъ и разныхъ эпохъ прошедшей жизни между собою, но и потому, что каждая такая работа, если она исполнена старательно и добросовѣстно, указываетъ, въ какомъ направленіи слѣдуетъ вести другіе подобные же труды и непремѣнно вызываетъ ихъ появленіе.

Выше было уже указано, что издано вообще весьма мало матеріаловъ для исторіи нашихъ крестьянъ. Такимъ образомъ каждый изслѣдователь, желающій поближе изучить народную жизнь въ ту или другую эпоху, принужденъ будетъ обратиться къ неизданнымъ источникамъ. Имѣя въ виду, что опытность одного работника въ этой области можетъ облегчить труды другаго, мы перечислимъ тѣ архивы, въ которыхъ намъ приходилось до сихъ поръ заниматься, и укажемъ на то, какого рода матеріалы хранятся въ нихъ.

Самымъ важнымъ архивомъ, для исторіи внутренняго быта, не только въ XVIII вѣкѣ, но и въ предшествовавшія эпохи, особенно въ XVI—XVII столѣтіяхъ, несомнѣнно нужно считать Архивъ Министерства Юстиціи въ Москвѣ, находящійся подъ управленіемъ нашего извѣстнаго ученаго изслѣдователя и редактора изданій многихъ матеріаловъ Н. В. Калачева. Здѣсь хранятся боярскія книги и списки, десятни, жилецкіе списки, дѣла конторъ герольдмейстерской, печатной и др., приказовъ малороссійскаго, разряднаго, сибирскаго и многихъ другихъ, родословныя, разряды, множество жалованныхъ грамотъ монастырямъ и церквамъ, дѣла канцелярій конфискаціи, тайной и другихъ, камеръ, ревизіонъ- и юстицъ- коллегій, коллегіи экономіи и нѣкоторыхъ конторъ, коммиссіи о моровой язвѣ 1771 года, нѣкоторыхъ магистратовъ, разныхъ судовъ, разыскной экспедиціи, книги записныя, отказныя, писцовыя, наконецъ, обширное производство

разныхъ учрежденій (съ начала XVII столѣтія по 1867 годъ), расположенное по мѣстностямъ. Для исторіи крестьянъ въ XVIII в. матеріала слѣдуетъ преимущественно искать въ огромной коллекціи дѣлъ сената (какая масса документовъ хранится въ этомъ архивѣ, видно уже изъ того, что однихъ сенатскихъ дѣлъ, съ 1711 по 1797 г., здѣсь находится 7428 книгъ и 1186 вязокъ). Для исторіи великороссійскихъ крестьянъ при Екатеринѣ всего обильнѣе матеріалами дѣла I-го департамента, а относительно крестьянъ духовныхъ вотчинъ, слѣдуетъ преимущественно искать свѣдѣній въ дѣлахъ коллегіи экономіи. Тутъ же хранятся дѣла камеръ-коллегіи, но, къ несчастію, изъ нихъ сохранились только наименѣе важные документы о винѣ и о соли, остальные же, какъ говорятъ, при одномъ изъ прежнихъ директоровъ архива, признаны ненужными и истреблены, причемъ должна была погибнуть масса драгоцѣнныхъ вѣдомостей о цѣнахъ хлѣба въ прошломъ столѣтіи, обязательно присылавшихся въ камеръ-коллегію со всѣхъ концовъ Россіи. Въ этомъ же архивѣ, между прочимъ, особое производство кн. Вяземскаго и А. И. Бибикова по дѣлу усмиренія уральскихъ крестьянъ въ 1760—1764 годахъ. Тутъ же, наконецъ, хранится много новыхъ документовъ для исторіи пугачевскаго пунта, теперь приготовляемыхъ къ печати (они должны появиться въ Сборникѣ Историческаго Общества подъ редакціею Н. В. Калачева). Администраціею архива приступлено уже къ печатанію описанія хранящихся въ немъ документовъ *). Въ первомъ томѣ этого изданія помѣщено обозрѣніе учрежденій, изъ которыхъ поступили въ архивъ документы, и краткая вѣдомость матеріаламъ, хранящимся въ архивѣ. Это даетъ возможность изслѣдователю оріентироваться на первыхъ порахъ, но затѣмъ, начавъ самыя работы, ему придется погрузиться въ массу рукописныхъ описей, такъ, напримѣръ, для изученія однихъ сенатскихъ дѣлъ Екатерининскаго царствованія нужно просмотрѣть *нѣсколько десятковъ описей,* изъ которыхъ каждая составляетъ толстый томъ in f°. Понятна-ли теперь необходимость спеціализаціи труда по исторіи крестьянъ?

*) „Описаніе документовъ и бумагъ, хранящихся въ Московскомъ Архивѣ Министерства Юстиціи", 3 тома. Въ I томѣ помѣщена подробная опись книгамъ писцовымъ, переписнымъ, дозорнымъ, перечневымъ, платежнымъ и межевымъ, какъ въ хронологическомъ, такъ и въ алфавитномъ порядкѣ по мѣстностямъ. Изъ этой описи и изъ дополнительнаго списка къ ней помѣщеннаго во II т. видно, что для одного XVI в. такихъ книгъ болѣе ста, а для XVII в. около трехъ съ половиною тысячъ.

Другое громадное московское древлехранилище—Главный Архивъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ—какъ показываетъ и самое его названіе, имѣетъ преимущественно значеніе для исторіи дипломатическихъ сношеній; тутъ хранятся трактаты съ европейскими державами, договоры съ азіатскими владѣтелями, дѣла министерской корреспонденціи по европейской и азіатской экспедиціямъ, но здѣсь-же есть очень много источниковъ и для исторіи внутренняго быта: разныя государственныя книги, грамоты и договоры съ древнѣйшихъ временъ, жалованныя грамоты, письма государей, секретныя дѣла, не мало документовъ Елизаветинскаго царствованія, дѣла Верховнаго Тайнаго Совѣта, дѣла о выѣздѣ въ Россію иностранцевъ, о донскихъ казакахъ, духовныя дѣла (о поставленіи патріарховъ и пр.), матеріалы о духовенствѣ иностранныхъ исповѣданій, кабинетныя дѣла Анны Іоанновны, малороссійскія дѣла (1522—1775 г.), дѣла кн. Меншикова, почтовыя, смоленскаго приказа, монастырскія конца XVII ст. и пр. Здѣсь есть также нѣкоторые документы, касающіеся Екатерининской коммиссіи для составленія новаго уложенія и сношенія государей съ разными правительственными мѣстами и должностными лицами по дѣламъ внутреннимъ, доклады по дѣламъ финансовымъ второй половины XVIII в., дѣла о раскольникахъ, самозванцахъ и пр. Намъ удалось еще познакомиться, благодаря любезному разрѣшенію г. директора архива, барона Ѳ. А. Бюллера, съ хранящимся тамъ же семейнымъ архивомъ вице-канцлера императрицы Екатерины кн. А. М. Голицына, занимающимъ 10 шкафовъ, описаніе которыхъ уже начато, но еще не скоро можетъ быть приведено къ концу. Въ этомъ драгоцѣнномъ собраніи есть интересная переписка съ вицеканцлеромъ нашихъ дипломатическихъ агентовъ, а также и разныхъ высокопоставленныхъ лицъ, служившихъ въ Россіи, письма самой императрицы Екатерины, переписка семейная, заключающая массу самыхъ любопытныхъ данныхъ о бытѣ дворянства того времени, донесенія изъ вотчинъ, какъ принадлежавшихъ самому кн. Голицыну, такъ и находившихся подъ его опекою или наблюденіемъ; наконецъ, цѣлая масса приходо-расходныхъ книгъ, веденныхъ въ домѣ господина, а также и въ различныхъ вотчинахъ. Все это документы первостепенной важности для исторіи дворянскаго быта, крѣпостнаго права; наконецъ, исторіи цѣнъ; между тѣмъ, этими дѣлами до сихъ поръ еще никто не пользовался. Кромѣ документовъ самого архива не мало любопытныхъ рукописей хранится

и въ обширной его библіотекѣ (между прочимъ коллекція портфелей академика Г. Ф. Миллера).

Изслѣдователи экономическаго быта Россіи, начиная съ половины XVIII столѣтія, найдутъ матеріалы громадной важности въ Архивѣ Межевомъ (въ Москвѣ). Въ чертежномъ отдѣленіи этого архива хранятся результаты генеральнаго межеванія (такъ называемыя «Экономическія примѣчанія»). Относительно каждаго уѣзда имѣется книга in f°, въ которой помѣщенъ перечень всѣхъ населенныхъ и ненаселенныхъ дачъ, какъ въ уѣздѣ, такъ и въ городской чертѣ, съ обозначеніемъ числа дворовъ, числа душъ, количества земли усадебной, пахатной, сѣнокосной, лѣсу и неудобной. Кромѣ того въ послѣдней графѣ приводятся нѣкоторыя свѣдѣнія о положеніи селеній, о качествѣ лѣса, промыслахъ жителей, а относительно помѣщичьихъ имѣній всегда отмѣчается, на барщинѣ крестьяне или на оброкѣ; вообще-же свѣдѣнія, помѣщенныя въ этой послѣдней графѣ (которыя собственно и составляютъ «Экономическія примѣчанія»), крайне скудны и совсѣмъ не оправдываютъ тѣхъ блестящихъ надеждъ, которыя возлагалъ на нихъ гр. Д. А. Толстой, первый обратившій вниманіе ученыхъ на эти документы, хотя и не воспользовавшійся ими самъ *). Главное значеніе результатовъ генеральнаго межеванія состоитъ въ томъ, что они даютъ полный матеріалъ для статистики землевладѣнія во второй половинѣ прошлаго столѣтія, а подобныя данныя должны служить фундаментомъ для исторіи крестьянъ, такъ какъ что-же можетъ быть важнѣе въ характеристикѣ жизни земледѣльца, какъ не опредѣленіе количества земли, которымъ онъ владѣетъ или пользуется. Межевой Архивъ, вмѣстѣ съ Архивомъ Мин. Юстиціи, настоящій кладъ для мѣстныхъ изслѣдователей; дай-то Богъ, чтобы они пожелали ими воспользоваться! **)

Изъ тѣхъ петербургскихъ архивовъ, въ которыхъ мы имѣли возможность заниматься, первое мѣсто по значенію хранящихся въ нихъ документовъ занимаетъ Сенатскій Архивъ. Всего важнѣе тутъ коллекція подлинныхъ именныхъ указовъ начиная съ Петра Великаго (за одно царствованіе императрицы Екатерины II именные указы сенату составляютъ около 80 толстыхъ томовъ).

---

*) См. его статью „О статистическихъ работахъ межевыхъ чиновъ въ царствованіе императрицы Екатерины II", Жур. Мин. Вн. Д. 1848 г., ч. XXI.

**) Мы не сомнѣваемся, что всякій ученый встрѣтитъ столь же любезный пріемъ со стороны г. предсѣдателя межевой канцеляріи В. И. Ахшарумова, какой былъ оказанъ и намъ при занятіяхъ въ Межевомъ Архивѣ.

Въ этомъ же архивѣ хранятся указы и протоколы Верховнаго Тайнаго Совѣта, дѣла главной полицмейстерской канцеляріи и пр. Пользованіе архивомъ, для времени до Екатерины II, чрезвычайно облегчено прекрасно составленною г. завѣдующимъ архивомъ П. Барановымъ описью именнымъ высочайшимъ указамъ и повелѣніямъ (3 тома).

Для изслѣдователей второй половины XVIII в. еще болѣе важный матеріалъ хранится въ Архивѣ II-го Отдѣленія собственной Его Величества Канцеляріи: здѣсь находятся всѣ дѣла, относящіяся къ Коммиссіи для составленія новаго Уложенія, т. е. дневныя записки Большаго Собранія и частныхъ коммиссій, мнѣнія, поданныя депутатами, наказы отъ разныхъ государственныхъ учрежденій, отъ дворянъ, городовъ, крестьянъ, казаковъ, своды изъ этихъ наказовъ и пр. Изъ всего этого драгоцѣннаго матеріала напечатаны въ Сборникѣ Историческаго Общества только часть дневныхъ записокъ Большаго Собранія и дворянскихъ наказовъ. Продолженіе этого изданія, начатаго покойнымъ Д. В. Полѣновымъ, поручено теперь извѣстному ученому проф. В. И. Сергѣевичу, которымъ уже и приготовленъ къ печати новый томъ, посвященный преніямъ по крестьянскому вопросу въ Большомъ Собраніи; но окончанія этого громаднаго труда мы, вѣроятно, не дождемся при нашей жизни, если даже изданіе будетъ ведено очень энергично, потому что наказы всѣхъ сословій, особенно крестьянъ, представляютъ огромную коллекцію документовъ, и, чтобы исчерпать ихъ, нужно множество томовъ. Дѣло усложняется тѣмъ, что депутаты крестьянъ черносошныхъ не представляли сводныхъ наказовъ: крестьяне каждой волости или погоста, выбирая кого либо изъ своей среды для избранія уѣзднаго повѣреннаго, давали ему отъ себя письменное наставленіе съ изложеніемъ «своихъ нуждъ и недостатковъ»; уѣздные повѣренные получали отъ избирателей всѣ привезенныя имъ наставленія и передавали ихъ, въ свою очередь, депутату отъ провинціи (крестьянскіе депутаты выбирались не отъ каждаго уѣзда, какъ дворянскіе, а отъ цѣлой провинціи). Такимъ образомъ, депутатъ велико-устюжской провинціи привезъ 192 наказа или довѣренности отъ черносошныхъ крестьянъ да еще 16 отъ половниковъ. Депутатъ отъ крестьянъ архангельской провинціи привезъ 103 довѣренности отъ черносошныхъ и 92 отъ экономическихъ и дворцовыхъ волостей. Такимъ образомъ, одни наказы черносошныхъ крестьянъ, не говоря уже объ однодворцахъ и другихъ,

представляютъ такую массу матеріаловъ, которая чрезвычайно трудно поддается изданію, а между тѣмъ, въ этихъ документахъ мы находимъ множество любопытныхъ подробностей объ экономическомъ бытѣ и поземельныхъ отношеніяхъ крестьянъ; тоже самое слѣдуетъ сказать и относительно городскихъ, казацкихъ наказовъ и пр.

Матеріалы для исторіи крестьянъ приписныхъ или горнозаводскихъ и вообще для исторіи горнаго дѣла въ Россіи, хранятся въ архивѣ горнаго департамента Министерства Госуд. Имуществъ, вмѣщающемъ въ себѣ, между прочимъ, богатый архивъ бергъ-коллегіи. Архивъ департамента мануфактуръ и торговли заключаетъ въ себѣ любопытные документы для исторіи промышленности въ Россіи и между прочимъ для характеристики быта поссессіонныхъ крестьянъ. Много любопытныхъ данныхъ о сельскомъ хозяйствѣ и экономической жизни народа съ половины XVIII столѣтія хранится въ Архивѣ Вольнаго Экономическаго Общества. Наконецъ, отдѣльныя интересныя для исторіи внутренняго быта рукописи встрѣчаются въ рукописныхъ отдѣленіяхъ Публичной Библіотеки и Академіи Наукъ въ С.-Петербургѣ, Румянцевскаго музея и Чертковской библіотеки въ Москвѣ *).

Посвящаемъ нашу статью молодымъ изслѣдователямъ въ области русской исторіи въ надеждѣ, что быть можетъ она побудитъ нѣкоторыхъ изъ нихъ обратиться къ изученію прошлой жизни нашихъ крестьянъ. Мы не скрыли того, что работа по этому предмету въ настоящее время очень трудна и вовсе не эффектна, но надѣемся, что намъ удалось высказать нѣсколько

---

*) Перечисливъ всѣ архивы и хранилища рукописей, съ которыми до сихъ поръ мы имѣли возможность лично познакомиться, мы назовемъ еще нѣсколько архивовъ, гдѣ могутъ храниться документы для исторіи крестьянъ: государственный архивъ, архивъ кабинета, св. синода, государственнаго совѣта, минист. внутрен. дѣлъ, минист. госуд. имуществъ, морскаго министерства, ученый архивъ военно-топографическаго депо, департамента таможенныхъ сборовъ (гдѣ хранятся между прочимъ дѣла сибирскаго приказа и поташской конторы), наконецъ собраніе рукописей археографической коммиссіи и археологическаго общества—въ Петербургѣ; центральный дворцовый архивъ и архивъ военнаго министерства—въ Москвѣ, центральный архивъ и рукопис. отдѣленіе публичной библіотеки въ Вильно, центральный архивъ въ Витебскѣ, центральный архивъ въ Кіевѣ, черниговскій архивъ губернс. статистическаго комитета (нынѣ переданный харьковскому университету), гдѣ хранится знаменитая опись Малороссіи, составленная при Румянцовѣ, архивъ черниговскаго губернс. правленія, гдѣ находятся дѣла малороссійской коллегіи, рукописное отдѣленіе библіотеки казанскаго университета и различные архивы въ губернскихъ городахъ. Все это богатая жатва для мѣстныхъ изслѣдователей.

вѣскихъ соображеній въ пользу настоятельной необходимости такихъ трудовъ. Во всякомъ случаѣ, историкъ Россіи, если онъ хочетъ въ тоже время служить современнымъ интересамъ народа, принесетъ наиболѣе пользы, работая въ этой области. Намъ приходилось слышать замѣчанія, что въ исторіи все одинаково важно и нельзя придавать такого огромнаго значенія изученію исторіи одного сословія. Да, для историка все имѣетъ значеніе, но только далеко не въ одинаковой степени: въ исторіи, какъ и въ живописи, должна быть перспектива, и несомнѣнно, что исторія крестьянскаго сословія вообще, а у насъ въ особенности должна стоять на первомъ мѣстѣ не только вслѣдствіе его многочисленности, но и по тому значенію, какое оно имѣетъ для государства. Намъ остается только прибавить, что если исторія крестьянъ необходима даже въ виду насущныхъ интересовъ настоящаго времени, то ея научная важность ясна сама собою: подробное изученіе прошлаго народнаго быта несомнѣнно прольетъ совершенно новый свѣтъ на многія событія нашей исторіи, низведетъ съ пьедестала нѣкоторыя личности, не по заслугамъ возвеличенныя, но за то воздастъ должное многимъ дѣятелемъ, еще недостаточно оцѣненнымъ, и наконецъ, быть можетъ, даже вызоветъ совершенно новое построеніе русской исторіи.

В. И. Семевскій.

Русская крестьянская община

ВЪ СВЯЗИ СЪ НАРОДНЫМЪ ХАРАКТЕРОМЪ.

I.

Ни въ одной странѣ не было такой жаркой борьбы въ наукѣ и литературѣ между приверженцами національнаго и космополитическаго направленій, какъ въ Россіи: борьба между западниками и славянофилами продолжалась, продолжается и будетъ продолжаться до тѣхъ поръ, пока ученые не отбросятъ старыхъ партіозныхъ предразсудковъ, т. е. исключительнаго пристрастія къ тому или другому направленію и не внесутъ въ науку синтеза, устраняющаго крайности того и другаго ученія. Развитію этой борьбы способствовало особенное положеніе, которое занимала Россія въ ряду европейскихъ государствъ. Европейскіе народы въ своемъ развитіи, умственномъ и экономическомъ, далеко опередили русскій народъ; русскій народъ долгое время жилъ замкнутою и отсталою жизнью. Знакомство съ европейской жизнью разомъ показало всѣ сокровища цивилизаціи, всѣ выгоды и преимущества болѣе развитой европейской жизни предъ нашею отсталою. Приблизиться къ Европѣ, ввести европейскую цивилизацію, перенести на нашу почву европейскія учрежденія и нравы было для многихъ равнозначительно съ тѣмъ, чтобы сдѣлать счастливымъ русскій народъ. Началась ломка народной жизни, введеніе иностранныхъ законовъ и обычаевъ, введеніе скроенныхъ по западно-европейскимъ образцамъ учрежденій; но, не смотря на эти нововведенія, Русь слабо подвигалась впередъ и до сихъ поръ остается Русью, а не Европой, хотя, по внѣшности, усвоила много европейскаго. Такое исключительное направленіе вызвало въ 30-хъ и 40-хъ годахъ нынѣшняго столѣ-

тія реакцію въ лицѣ такъ-называемыхъ славянофиловъ. Основныя положенія этого направленія сводились къ тому, что русскій народъ въ своихъ психическихъ свойствахъ представляетъ глубокое различіе съ народами западно-европейскими, что эти особенности русскаго народнаго духа влали и кладутъ отпечатокъ на его исторію, на его міровоззрѣніе, на политическія и юридическія отношенія, на его экономическую и даже на бытовую домашнюю жизнь. Славянофилы доказывали, что ходъ исторіи Европы и Россіи существенно различенъ, что тамъ и здѣсь вырабатывались учрежденія, неимѣющія ничего общаго между собою. «У насъ», говорили они, «не было ни феодализма, ни буржуазныхъ корпорацій, ни сословій въ европейскомъ смыслѣ слова. Хотя у насъ было крѣпостное право, совсѣмъ, однако, не похожее на европейскій феодализмъ; но, кромѣ этого темнаго пятна и другихъ печальныхъ явленій, въ жизни русскаго народа можно остановиться на многихъ свѣтлыхъ особенностяхъ, на многихъ учрежденіяхъ, являющихся исключительнымъ созданіемъ русскаго народнаго духа». Законодательная дѣятельность, по ученію славянофиловъ, должна, слѣдовательно, соображаться съ этими психическими особенностями русскаго народа и, сообразуясь лишь съ ними, вводить новыя учрежденія, а старыя—вѣковыя и цѣлесообразныя учрежденія хранить какъ святыню, завѣщанную исторіею. Съ особенною любовью останавливались славянофилы на русской сельской общинѣ, считая ее исключительнымъ достояніемъ славянской расы, порожденіемъ ея психическихъ особенностей, результатомъ ея творческаго народнаго духа. Не говоря уже о томъ, что заслуга славянофиловъ велика въ смыслѣ разработки нашей исторіи, въ смыслѣ собранія и обобщенія историческихъ фактовъ, несомнѣнна также ихъ заслуга и въ смыслѣ освѣщенія и объясненія этихъ фактовъ. Въ первомъ отношеніи достаточно, напримѣръ, указать на разработку историческаго вопроса о русской сельской общинѣ. Труды Бѣляева, Лешкова и др. много дали матеріала, много пролили свѣта на историческое развитіе сельской общины. Но и самыя основныя идеи славянофильскаго ученія не остались безслѣдными; благодаря имъ, стало болѣе и болѣе укореняться убѣжденіе, что нельзя ломать по произволу историческую жизнь народовъ, нельзя навязывать народу по произволу западно-европейскихъ учрежденій, чуждыхъ его понятіямъ, потребностямъ, привычкамъ, нравамъ, словомъ—его исторической жизни. Благодаря усиленной и друж-

ной дѣятельности славянофиловъ въ литературѣ, великая крестьянская реформа 1861 года была проведена съ сохраненіемъ древняго русскаго общиннаго владѣнія землею въ частности, и общиннаго устройства сельскаго населенія вообще. Заслуги Кошелева, Юрія Самарина и друг. въ этомъ отношеніи несомнѣнны, хотя онѣ еще недостаточно оцѣнены*). Не могли, конечно, западники, послѣ ожесточенной борьбы съ славянофилами, не сознаться, что пересаживать, зря и огуломъ, европейскія учрежденія на русскую почву не только безполезно, но и вредно, что привить народу учрежденія, несогласныя съ его понятіями, привычками и нравами, нельзя. Тѣмъ не менѣе западники далеко не сошлись и не примирились съ основными положеніями ученія славянофиловъ. Мнѣніе объ исключительной принадлежности извѣстныхъ учрежденій славянскимъ племенамъ по прежнему ими оспаривались, хотя и искуснѣе прежняго. Жизнь всѣхъ народовъ,—говорятъ въ настоящее время западники,—представляетъ много поразительно сходнаго и общаго. Въ своемъ ходѣ развитія разные народы проходятъ сходныя стадіи и создаютъ болѣе или менѣе сходныя политическія, юридическія и экономическія учрежденія: все зависитъ, главнымъ образомъ, отъ различной степени умственнаго развитія народовъ; разница въ учрежденіяхъ разныхъ народовъ объясняется не ихъ психическими особенностями, но неодинаковою степенью ихъ умственнаго развитія. Учрежденія европейскія, въ своемъ существѣ полезныя и пригодныя для всѣхъ народовъ, не прививаются къ русской жизни лишь вслѣдствіе невѣжества массы, вслѣдствіе необразованности высшихъ классовъ: поднимется умственное развитіе русскаго народа, улучшатся экономическія условія—и русская жизнь повторитъ, въ политическомъ и юридическомъ отношеніи, съ нѣкоторыми измѣненіями, тотъ же ходъ, какой мы видѣли на Западѣ Европы; въ созданіи же особенностей русской жизни, русскій народный духъ не причемъ.

Въ послѣднее время ученые, причисляющіе себя къ школѣ западниковъ, хотятъ поразить славянофильское ученіе въ самое сердце, подрѣзать его въ корнѣ, коснувшись вопроса объ общинномъ бытѣ вообще и объ общинномъ владѣніи землей въ частности. Исторія разработки вопроса объ общинѣ въ Россіи нача-

*) *Keussler*. Zur Geschichte und Kritik des bäuerlichen Gemeidenbesitzes in Russland, p. 113—223.

лась, какъ извѣстно, съ барона Гакстгаузена.*) Ученый нѣмецъ Гакстгаузенъ, посвятивъ себя изученію сельскихъ учрежденій, предпринялъ поѣздку въ наше отечество и былъ пораженъ своеобразностью поземельныхъ отношеній, господствующихъ въ средѣ нашихъ крестьянъ, именно — общиннымъ владѣніемъ землей и значеніемъ *міра*. Такъ какъ онъ не встрѣчалъ ничего подобнаго среди нѣмцевъ, французовъ и другихъ германскихъ и романскихъ народовъ, а много сходнаго съ русскими общинами имѣли общины другихъ славянскихъ народовъ; то это подало Гакстгаузену поводъ почесть общинное владѣніе землей исключительнымъ созданіемъ славянскихъ народовъ. «Принципъ равнаго раздѣла земли по душамъ есть первобытный славянскій принципъ»— говоритъ онъ;—«это такой же дѣлежъ земли, какой происходитъ въ Сербіи, Кроаціи, Славоніи и у другихъ славянскихъ народовъ» **). Мысль барона Гакстгаузена была подхвачена и развита славянофилами, хотя съ нѣкоторыми измѣненіями; такъ, напримѣръ, мнѣніе Гакстгаузена о родовомъ происхожденіи славянскихъ общинъ было отброшено. Община русская, по ученію славянофиловъ, не есть остатокъ старой родовой общины, свойственной всѣмъ народамъ на первыхъ ступеняхъ ихъ исторической жизни. Старая родовая община, если и существовала въ Россіи, то разрушилась въ незапамятныя времена; взамѣнъ ея явилась община договорная. Ея возникновеніе, ея устой, развитіе, упорное сохраненіе ея въ теченіе тысячелѣтія, не смотря на историческіе перевороты, на вліяніе западно-европейской культуры, которою проникались съ Петра I-го законодатели и подъ вліяніемъ ея часто измѣняли бытовыя отношенія крестьянъ,— все это, по мнѣнію славянофиловъ, доказываетъ, что русская община есть явленіе, порожденное исключительно отличительными свойствами славянской расы вообще и русской въ особенности, есть не болѣе, не менѣе, какъ частное проявленіе русскаго общиннаго быта, получавшаго свое выраженіе не только въ сельской общинѣ, но и въ другихъ учрежденіяхъ древней Руси, на-

*) Тутъ почтенный авторъ нѣсколько ошибается. Еще до пріѣзда въ Россію барона Гакстгаузена, Аксаковъ, Хомяковъ, Кошелевъ и другіе занимались разработкою вопроса объ общемъ и мірскомъ управленіи, какъ о коренныхъ фактахъ русскаго быта. Хомяковъ указалъ Гакстгаузену на русскую общину и разъяснялъ ему значеніе ея и мірскіе общинные порядки.

Ред.

**) *Гакстгаузенъ*. Изслѣдованіе внутреннихъ отношеній народной жизни и въ особенности сельскихъ учрежденій въ Россіи, т. 1-й, стр. 78.

примѣръ, въ вѣчахъ и земскихъ соборахъ; русская община есть продуктъ самый живой и выразительный русскаго народнаго духа; другіе народы ничего подобнаго этому учрежденію не знаютъ, ихъ городская и сельская община есть не болѣе, не менѣе, какъ случайныя искусственныя корпораціи, неимѣющія самостоятельной жизни *).

Выходя изъ этой точки зрѣнія, славянофилы ожесточенно нападали на теорію извѣстнаго ученаго Чичерина, пытавшагося доказать, что русская сельская община обязана своимъ происхожденіемъ законодательнымъ и административнымъ мѣрамъ правительства, преслѣдовавшаго въ своихъ мѣропріятіяхъ фискальные интересы **).—Пока вопросъ стоялъ такимъ образомъ и пока славянофиламъ приходилось имѣть дѣло съ мнѣніями, подобными мнѣнію г. Чичерина, славянофилы стояли на твердой почвѣ. Но вотъ въ послѣднее время западно-европейскіе ученые—Мауреръ, Менъ, Насе, Лавеле и др. обратились къ изслѣдованію первобытныхъ поземельныхъ отношеній у разныхъ народовъ и обнаружили существованіе общинное и общиннаго владѣнія землей у многихъ народовъ арійскаго и другихъ племенъ, на первыхъ ступеняхъ ихъ общественнаго развитія. Въ этихъ изслѣдованіяхъ противники славянофильскаго ученія нашли для себя поддержку; такъ, напримѣръ, эти научныя изслѣдованія дали основаніе одному изъ русскихъ ученыхъ М. Ковалевскому придти къ слѣдующимъ выводамъ: тѣ или другія формы поземельнаго владѣнія находятся въ зависимости отъ степени общественнаго развитія народа; положеніе это примѣнимо ко всѣмъ народамъ арійской семьи и даже другихъ племенъ. Общинное землевладѣніе извѣстно всему средневѣковому Западу, а индивидуализація недвижимой собственности есть явленіе сравнительно новое, обязанное своимъ возникновеніемъ дѣйствію міроваго закона борьбы за существованіе.

Спеціальная работа, которую предпринялъ г. Ковалевскій для изслѣдованія поземельныхъ отношеній у народовъ кельтической расы, у индусовъ, у народовъ не арійскаго племени, краснокожихъ, берберовъ и малайцевъ, дали ему поводъ думать, что

---

*) *М... З... К...* „Москвитянинъ“, 1847, т. II. (См. также *Кавелинъ*. Полное собраніе сочиненій, стр. 380—413, Отвѣтъ „Москвитянину“.)

**) *Чичеринъ*. Обзоръ историческаго развитія сельской общины въ Россіи. Опыты по исторіи русскаго права, стр. 1—58.—*Бѣлов*. Русская Бесѣда 1856 г., т. 1-й, стр. 101—146. Разборъ статьи Чичерина.

отнынѣ навсегда устранена возможность разглагольствованій объ исключительномъ пристрастіи той или другой расы, или народа, къ тому или другому виду землевладѣнія и что ученіе о творческой роли народнаго духа должно быть навсегда оставлено*). Нельзя, конечно, не отнестись съ глубокимъ уваженіемъ къ работамъ г. Ковалевскаго, но нельзя также и согласиться съ его основными выводами, тѣмъ болѣе, что, предпринявъ изслѣдованіе общиннаго землевладѣнія у дикихъ народовъ, а также у индусовъ и алжирцевъ, и имѣя, кажется, задачей перейти къ изслѣдованію тѣхъ же отношеній на западѣ Европы и въ Россіи, г. Ковалевскому слѣдовало бы, прежде чѣмъ придти къ конечнымъ выводамъ и признать ученіе о творческомъ народномъ духѣ негоднымъ, представить намъ параллельный ходъ общиннаго владѣнія землей въ Россіи и другихъ народовъ и сравнить тамъ и здѣсь процессъ развитія общиннаго владѣнія землей. Только послѣ такого параллельнаго изслѣдованія можно было имѣть право осуждать ученіе славянофиловъ о вліяніи психическихъ особенностей славянской расы на формы поземельныхъ отношеній. Совершенно соглашаясь съ г. Ковалевскимъ, что степень умственнаго развитія народовъ есть одинъ изъ главныхъ факторовъ въ созданіи политическихъ и юридическихъ учрежденій и что разные народы въ своемъ постепенномъ развитіи переживаютъ болѣе или менѣе сходныя стадіи въ ихъ политическихъ, юридическихъ и экономическихъ отношеніяхъ и институтахъ, мы не можемъ однако думать, что умственное развитіе есть единственный факторъ, дѣйствующій въ общественной жизни. Самъ г. Ковалевскій не отвергаетъ вліянія и другихъ факторовъ въ общественной жизни народовъ; помимо ихъ умственнаго развитія и связаннаго съ нимъ развитія экономической жизни, онъ допускаетъ, что однимъ умственнымъ развитіемъ и находящимся въ зависимости отъ него постепеннымъ осложненіемъ исконной борьбы за существованіе, прогрессивнымъ дифференцированіемъ общественныхъ группъ, нельзя объяснить всѣхъ явленій исторической жизни народовъ, всѣхъ особенностей въ ихъ обычаяхъ и учрежденіяхъ, и соглашается съ тѣмъ, что нѣкоторыя явленія останутся все-таки необъяснимыми и что въ нихъ слѣдуетъ видѣть особенности правоваго развитія изучаемаго народа, источникъ которыхъ лежитъ

*) *М. Ковалевскій.*—Общинное землевладѣніе, часть I, стр. I—VII.—*Его-же:* Историко-сравнительный методъ въ юриспруденціи, стр. 22—26.

частью въ привитыхъ ему исторіей психическихъ свойствахъ, частью въ физическихъ условіяхъ занимаемой имъ страны. Однако, количество этихъ особенныхъ явленій будетъ, по мнѣнію г. Ковалевскаго, сравнительно небольшое *). Мы не знаемъ на чемъ основано мнѣніе г. Ковалевскаго, совершенно произвольное, о сравнительно небольшомъ количествѣ явленій въ жизни народа, которыя, не будучи результатомъ его умственнаго развитія, суть продуктъ его психическихъ особенностей. Намъ кажется совершенно наоборотъ: общественная жизнь создается дѣйствіями отдѣльныхъ индивидуумовъ; въ жизни же отдѣльнаго лица дѣйствуетъ не одинъ факторъ—умъ его и степень умственнаго развитія; на ряду съ умственнымъ развитіемъ громадную роль въ человѣческой жизни играютъ чувства, склонности, страсти, темпераментъ и сумма всѣхъ тѣхъ психическихъ явленій, которыя опредѣляются понятіемъ характера. Что̀ имѣетъ большое значеніе въ судьбѣ отдѣльнаго человѣка — его ли умственное развитіе, или его характеръ—рѣшить трудно. Несомнѣнно, что умственное развитіе индивидуума оказываетъ вліяніе не только на его дѣйствія, но и на образованіе въ немъ тѣхъ или другихъ чувствъ, страстей, склонностей, привычекъ и другихъ особенностей характера; но, въ свою очередь, развѣ люди совершенно одинаковаго умственнаго развитія не отличаются существенно въ своемъ поведеніи, благодаря разнымъ склонностямъ и чувствамъ, разнымъ темпераментамъ?! Развѣ тѣ или другія склонности и чувства не вліяютъ въ свою очередь на убѣжденія человѣка, не наклоняютъ его умственныхъ выводовъ въ ту или другую сторону? Подобно тому, какъ два субъекта, одинаковаго развитія и одинаковыхъ знаній, сплошь и рядомъ представляютъ глубокій контрастъ въ своихъ дѣйствіяхъ, въ своей жизни и судьбѣ, такъ точно и два народа, при одинаковой стадіи ихъ умственнаго и связаннаго съ нимъ экономическаго развитія, могутъ представлять громадныя несходства въ ихъ политической, юридической и экономической жизни, несходства, которыя нужно отнести на долю другихъ великихъ факторовъ, дѣйствующихъ въ исторіи,—на долю народныхъ чувствъ, страстей, народнаго темперамента, народнаго характера. Всякій индивидуумъ и всякій народъ способенъ къ большему или меньшему умственному развитію; какъ бы ни былъ

*) *Ковалевскій.* — Историко-сравнительный методъ въ юриспруденціи, стр. 25—26.

невѣжественъ народъ, мы не можемъ сомнѣваться, чтобы онъ въ будущемъ не могъ сравняться въ отношеніи умственнаго развитія съ другими народами; истина имѣетъ характеръ космополитическій, истину въ состояніи усвоить рано или поздно каждый народъ, каждый индивидуумъ. Поэтому, на сколько и въ исторической жизни народовъ играетъ роль умственное развитіе, всѣ народы, проходя постепенно одинаковыя степени умственнаго развитія, представляютъ въ своей исторической жизни много общаго исходнаго. Совсѣмъ другое свойство имѣютъ чувства, страсти, темпераментъ и характеръ индивидуума или народа; усвоить истину одному индивидууму или народу отъ другаго легко, но измѣнить свои склонности, чувства, привычки, переломить характеръ, пересоздать темпераментъ — не легко, да и почти невозможно, — попытки такихъ усвоеній давно окрещены названіемъ—обезъянничества. Вотъ почему особенности въ поведеніи отдѣльныхъ субъектовъ и особенности въ политической, юридической и экономической жизни народовъ объясняются, главнымъ образомъ, психическими особенностями ихъ чувственной, ихъ эмоціональной сферы. Если мы видимъ, что извѣстное учрежденіе, возникновеніе котораго зависитъ отъ извѣстной степени умственнаго развитія народа, будучи вслѣдствіе этого явленіемъ повсемѣстнымъ и общимъ всѣмъ народамъ, — у одного народа быстро разрушается, а у другаго народа держится—и держится упорно, не смотря на то, что этотъ народъ проходитъ тѣ же степени развитія, какъ и другіе народы; то очевидно, что хотя созданіе этого учрежденія и можно объяснить извѣстною степенью умственнаго развитія, чрезъ которую проходятъ всѣ народы, но устой этого учрежденія, его прочность и прогрессивное развитіе его у одного народа и быстрое исчезновеніе у другаго объясняются психическими особенностями въ чувственной и эмоціональной сферѣ народа, его національными свойствами. Напримѣръ, мы видимъ, что общинное владѣніе землей въ древнихъ германскихъ маркахъ существовало точно такъ, какъ и въ древнихъ русскихъ общинахъ — вервяхъ. Въ началѣ среднихъ вѣковъ большія германскія общины—марки распадаются на болѣе мелкія—сельскія общины, такъ точно, какъ въ Россіи распадаются верви. Въ Германіи въ сельскихъ общинахъ поля и луга переходятъ въ отдѣльное индивидуальное владѣніе еще въ первое время среднихъ вѣковъ, а въ общемъ владѣніи остаются лѣса, выгоны и нѣкоторыя другія угодья, которыя, въ свою очередь, въ 16, 17

и 18 столѣтіяхъ переходятъ въ индивидуальное владѣніе *). Въ Россіи сельскія общины сохраняютъ не только до послѣдняго времени въ общественномъ пользованіи выгоны и лѣса, но и поля и луга. Неужели это значитъ, что Россія въ своемъ умственномъ и экономическомъ развитіи до сихъ поръ стоитъ на такой стадіи, на которой стояла Германія въ началѣ среднихъ вѣковъ? Въ Германіи мы замѣчаемъ постоянно усиливающееся стремленіе перейти отъ общинности къ индивидуализаціи владѣнія, — въ исторіи русской общины можно замѣтить обратный ходъ: чѣмъ болѣе мы приближаемся къ послѣднему времени, тѣмъ болѣе поземельныя отношенія крестьянъ проникаются характеромъ общинности, тѣмъ сильнѣе власть общины надъ отдѣльными членами, тѣмъ тѣснѣе общинный союзъ, тѣмъ живѣе мірской духъ. Другими словами: исторія поземельнаго владѣнія русскихъ крестьянъ представляетъ процессъ постепеннаго стѣсненія односторонникъ индивидуалистическихъ стремленій началомъ общинной солидарности, процессъ постепеннаго уравновѣшенія личныхъ выгодъ и интересовъ общественныхъ. Процессъ этотъ можно наглядно прослѣдить въ исторіи свободной заимки пустопорожнихъ или никому не принадлежащихъ земель. Свободная заимка земель есть обычай, восходящій къ весьма отдаленной древности и, хотя, въ большей части Русскаго государства обычай этотъ давно не имѣетъ мѣста по недостатку пустующихъ, никому не принадлежащихъ земель,— въ Сѣверной Россіи, въ Архангельской, Вологодской, Олонецкой губерніяхъ, обычай свободной заимки дѣйствуетъ въ полной силѣ. Наблюдая въ этой части Россіи тѣ видоизмѣненія, которыя переживаетъ этотъ обычай отъ начала первыхъ заселеній въ извѣстномъ краѣ до послѣдняго времени, мы наглядно можемъ видѣть исторію свободной заимки земель нѣкогда существовавшей во всей Россіи **). Въ общихъ чертахъ ходъ этого процесса, какъ онъ представляется въ исторіи обычая свободной заимки земель на Сѣверѣ Россіи, таковъ: въ началѣ заселенія какого либо края обычай свободной заимки практикуется безъ всякихъ ограниченій. Землевладѣлецъ, въ силу этого обычая, совершенно свободно, по своему усмотрѣнію и сообразно своимъ выгодамъ, избираетъ мѣсто заимки. Самый фактъ занятія совершается приложеніемъ извѣстнаго труда на какомъ либо пространствѣ никѣмъ не за-

*) *Maurer.*—Geschichte der Dorfererfassung in Deutschland, т. I, p. 1—68.

**) *Щербина.* — Русская земельная община. „Русская Мысль.“ 1880 г., т. 6, стр. 90—122.

нятой земли. Разъ къ извѣстному пространству земли приложенъ трудъ,—будетъ ли это приложеніе въ значительной или ничтожной степени, напр., подрубитъ ли заимщикъ лѣсъ и сдѣлаетъ другія приготовленія для обращенія лѣснаго участка въ пахоть или просто сдѣлаетъ только мѣтки на занятомъ пространствѣ, подрубивъ вѣтви деревьевъ,—во всякомъ случаѣ занятое такимъ образомъ пространство остается во владѣніи и пользованіи заимщика до тѣхъ поръ, пока онъ его самъ не оставитъ. Община не вмѣшивается въ такихъ случаяхъ въ дѣла заимщика, не только не стѣсняетъ его правъ, но даже ограждаетъ заимщика отъ всякихъ стѣсненій и насилій со стороны другихъ лицъ. Но обычай этотъ, какимъ онъ представляется въ своей древней формѣ съ теченіемъ времени все болѣе и болѣе измѣняется въ извѣстномъ направленіи: свободная заимка обставляется извѣстными правилами и ограниченіями, имѣющими цѣлью ввести въ этотъ обычай на ряду съ личными и трудовыми началами другой элементъ: элементъ общественнаго интереса и общественной солидарности. Правила эти относятся къ выбору мѣста заимки, къ срокамъ пользованія ею и къ способамъ эксплуатаціи ея. Заимщикъ не такъ уже свободенъ въ выборѣ мѣста: въ нѣкоторыхъ случаяхъ онъ обязанъ, облюбовавъ себѣ извѣстное мѣсто, испросить согласіе общины на его занятіе. Хотя разъ занятое мѣсто считается по прежнему неприкосновеннымъ и его не имѣетъ права занимать никто уже другой, но мѣсто это считается принадлежащимъ заимщику не на правахъ собственности, а лишь на правахъ временнаго владѣнія община обыкновенно назначаетъ срокъ пользованія, по прошествіи котораго, заимка дѣлается достояніемъ общины и переходитъ въ разрядъ передѣляемыхъ періодически общинами угодій. Сроки этого пользованія различны въ разныхъ общинахъ, но при назначеніи ихъ обращается вниманіе на взаимное уравненіе интересовъ предпринимателя и общины, причемъ постепенно въ теченіи исторіи, общинный интересъ получаетъ въ этомъ отношеніи все большее и большее значеніе, то есть сроки пользованія дѣлаются меньше и меньше. Наконецъ, самый способъ эксплуатаціи занятаго пространства подчиняется ограниченіямъ со стороны общины въ томъ смыслѣ, что заимщикъ обязанъ культивировать занятое имъ мѣсто и передать его общинѣ въ болѣе или менѣе годномъ для хозяйственныхъ операцій видѣ. Въ такомъ измѣненномъ видѣ, обычай свободной заимки практикуется не только по отношенію къ лѣснымъ пространствамъ и болотамъ, обращае-

мымъ въ пашни и сѣнокосы, но и къ другимъ угодьямъ, въ частности по отношенію къ водянымъ мельницамъ. Между тѣмъ, какъ въ прежнее время каждый могъ строить мельницу на любомъ мѣстѣ рѣки и пользоваться ею неограниченное число лѣтъ, съ теченіемъ времени установилось правило, по которому предприниматель, построивъ мельницу, пользуется ею лишь извѣстный срокъ, по истеченіи котораго мельница становится мірскою, общинною, причемъ община, вступивъ во владѣніе мельницею эксплуатируетъ ее или сама хозяйственнымъ образомъ, или отдаетъ ее въ аренду. Изъ представленныхъ фактовъ наглядно можно видѣть исторію свободной заимки земель не только на сѣверѣ Россіи, но и на всемъ ея пространствѣ, исторію, въ которой ясно проглядываетъ постепенное стѣсненіе сферы личныхъ интересовъ, сферою интересовъ общинныхъ и постепенное ограниченіе индивидуалистическихъ стремленій духомъ общинной солидарности. Изъ послѣдующаго изложенія читатель увидитъ, что совершенно обратный ходъ представляетъ исторія поземельныхъ отношеній въ Германіи, чѣмъ ближе мы идемъ отъ среднихъ вѣковъ къ новымъ, тѣмъ болѣе замѣчаемъ, какъ индивидуалистическія стремленія общинниковъ дѣйствуютъ все съ большей и большей силой, какъ онѣ шагъ за шагомъ ломаютъ тѣ преграды, которыя были положены на нихъ въ видахъ общинной солидарности, пока наконецъ эта солидарность и мірской духъ не падаютъ окончательно. Если стать на точку зрѣнія г. Ковалевскаго, что исторія экономическихъ отношеній обусловливается если не исключительно, то главнымъ и существеннымъ образомъ умственнымъ развитіемъ народа; тогда, замѣчая въ двухъ странахъ, въ Россіи и Германіи, совершенно обратный ходъ поземельныхъ отношеній, слѣдуетъ предположить, что Россія и Германія въ умственномъ развитіи шли въ обратномъ отношеніи, то есть Германія впередъ, а Россія назадъ или на оборотъ. Едва-ли нужно доказывать нелѣпость такого вывода. Волей неволей приходится согласиться, что прочность и крѣпость общиннаго владѣнія надо признать особенностію русскаго народа, отнести его на долю психическихъ или этнографическихъ условій русскаго народа; надо согласиться, что если община и не есть исключительное созданіе русскаго или славянскаго народнаго характера, то во всякомъ случаѣ народный характеръ въ ея упроченіи, въ ея развитіи игралъ большую роль.

Не можемъ мы также согласиться съ г. Ковалевскимъ, что дѣло общественныхъ наукъ, въ настоящее время, сводится на выдѣленіе чертъ сходства въ жизни разныхъ народовъ, а выдѣленіе чертъ различія есть дѣло будущихъ изслѣдованій, что объясненіе причинъ отклоненій того или другаго народа отъ общаго всѣмъ и *потому нормальнаго* (?) хода немыслимо, пока не будетъ достаточно рѣшенъ вопросъ, въ чемъ заключается сходство *). *Во-первыхъ*, умственныя операціи вообще и научныя въ частности на основаніи ученія опытной психологіи сводятся къ нахожденію сходства и различія между явленіями и оба эти акта — нахожденіе сходства и нахожденіе различія—обусловливаютъ другъ друга: находя сходства въ явленіяхъ, мы тѣмъ самымъ открываемъ въ нихъ и различія **). Невозможно такимъ образомъ говорить о сходныхъ чертахъ въ исторіи разныхъ народовъ, не замѣчая въ то же время ихъ особенностей и различій. *Во-вторыхъ*, исключительное стремленіе открыть сходство въ явленіяхъ всѣхъ странъ и народовъ можетъ повести къ ошибочнымъ выводамъ, могущимъ имѣть вредныя послѣдствія въ научномъ и практическомъ отношеніи. Стремясь подбирать однѣ общія черты въ жизни народовъ, ученый легко можетъ впасть въ ошибку, принявъ за главную и даже исключительную причину всѣхъ историческихъ явленій постоянные факторы, дѣйствующіе въ исторіи всѣхъ и каждаго народовъ, примѣръ чего мы можемъ видѣть у г. Ковалевскаго, объясняющаго причины возникновенія и хода общиннаго владѣнія и его разложенія однимъ факторомъ—умственнымъ и связаннымъ съ нимъ экономическимъ развитіемъ народа. Тогда какъ эти факторы не исключительно единственны, а что касается до практическихъ послѣдствій такого воззрѣнія, то они весьма очевидны: разрушая старыя, излюбленныя народныя учрежденія, вопреки воли народа, мы можемъ сказать, что только разрушеніемъ ихъ, ускоряемъ процессъ разложенія такихъ учрежденій, которыя и безъ того разрушились бы сами собою, но только въ теченіи болѣе долгаго времени,—слѣдовательно, ускоряемъ ходъ исторіи, способствуемъ теченію общественнаго развитія, прогресса. Стараясь привить къ народу учрежденія, чуждыя его исторіи, скроенныя на иностранный манеръ, и видя всю несостоятельность и негодность подобной прививки, мы мо-

*) *Ковалевскій*. Истор. сравнит. методъ, стр. 20.
**) *Bain*. Les sens et l'intelligence. Traduit par Gazelles.

жемъ ошибочно сказать, что нашъ народъ не дорось, не доразвился, не дозрѣлъ до этихъ учрежденій, но придетъ время и все будетъ хорошо, словомъ, утѣшать себя и народъ словами одного щедринскаго героя: «милые, я знаю, что вамъ больно; но погодите,—вы сами узнаете, сколько сіе вамъ было полезно!» или «стерпится—слюбится, а впослѣдствіи сами меня будете благодарить!»

Упрекъ, дѣлаемый западниками славянофиламъ, заслуживаетъ вниманія въ одномъ отношеніи: славянофилы говорятъ о творческой роли народнаго духа, но ничего не говорятъ, или говорятъ въ самыхъ неопредѣленныхъ и общихъ чертахъ, въ чемъ заключается этотъ народный духъ, въ чемъ же состоятъ психическія особенности народа. Народный духъ сдѣлался общимъ, избитымъ мѣстомъ и повелъ ко многимъ злоупотребленіямъ. — «Чего славянофилы не умѣютъ объяснить, — говорятъ западники, — причину всего того они видятъ въ какомъ-то особенномъ народномъ духѣ». Такое возраженіе, какъ нельзя болѣе, вѣрно, но причина неопредѣленности выраженій славянофильской школы заключается, по нашему мнѣнію, въ недостаткахъ господствующаго въ общественныхъ наукахъ историко-органическаго метода. Историки и соціологи наблюдаютъ общество, какъ цѣлое, стараются, слѣдя за жизнію цѣлаго организма, вывести законы его развитія, законы общественной жизни, или, другими словами, законы человѣческаго духа въ его проявленіи, въ общественныхъ явленіяхъ, въ жизни общества, какъ цѣлаго. При этомъ они весьма мало занимаются анализомъ составныхъ частей этого организма, анализомъ психическихъ свойствъ индивидуума, словомъ индивидуальной психологіей отдѣльнаго человѣка, а такой анализъ пролилъ бы большой свѣтъ на законы, управляющіе общественною жизнію. Законы общественнаго организма могутъ быть выведены двоякимъ образомъ: мы можемъ наблюдать общество, какъ цѣлое; сравнивая между собою разные общественные организмы, замѣчая сходства и различія въ ихъ явленіяхъ, можемъ подмѣчать причины тѣхъ или другихъ явленій и даже въ большей или меньшей мѣрѣ, установить законы, управляющіе жизнію цѣлыхъ организмовъ. Съ другой стороны, мы можемъ наблюдать и анализировать отдѣльныя составныя части общественныхъ организмовъ, изучать психологическіе законы отдѣльныхъ индивидуумовъ, и, исходя изъ положеній психологіи индивидуумовъ, заключать отъ свойствъ инди-

видуума, какъ части, о свойствахъ цѣлаго, повѣрять на свойствахъ и явленіяхъ цѣлаго наши предположенія о психическихъ свойствахъ и явленіяхъ индивидуума и, наоборотъ, наблюдая жизнь цѣлаго общества, заключать о свойствахъ его составныхъ частей, т. е. отдѣльнаго человѣка. Подобный методъ можно назвать историко-психологическимъ, въ отличіе отъ историко-органическаго, предъ которымъ онъ имѣетъ несомнѣнныя преимущества. Пользуясь имъ, мы не такъ легко можемъ впасть, при изученіи историческихъ явленій, въ ошибки, избѣгая опаснаго «post hoc, ergo propter hoc». А такія ошибки весьма часты у соціологовъ; напримѣръ, извѣстно, что болѣе широкое умственное развитіе влечетъ за собою понятіе о равенствѣ политическихъ правъ и обязанностей всѣхъ гражданъ, о равенствѣ всѣхъ предъ закономъ, словомъ къ демократіи; но то же умственное развитіе влечетъ за собою измѣненіе въ экономическомъ бытѣ общества, — вмѣсто прежняго патріархальнаго земледѣльческаго строя появляется новый капиталистическій съ борьбою капитала съ трудомъ, съ гибельными послѣдствіями необузданной конкурренціи. Заимѣчая многія явленія, свойственныя демократіямъ, напримѣръ, непрочность политическихъ формъ и общественныхъ учрежденій, измѣнчивость и непостоянство народныхъ массъ, отсутствіе въ обществѣ консервативныхъ началъ, нивеллировку индивидуумовъ и связанное съ ней исчезновеніе оригинальности въ отдѣльныхъ лицахъ, развитіе алчности, корысти и т. п., ученые не задумались отнести всѣ эти темныя явленія на долю идей равенства, игнорируя вліяніе, преобладаніе капитала надъ трудомъ и, какъ послѣдствіе этого, развитіе пролетаріата. Подобную ошибку дѣлали Платонъ и Аристотель въ прежнее время, Токвиль и другіе въ новое время. Ошибки не могло быть, если бы, занявшись анализомъ отдѣльныхъ индивидуумовъ, ученые выяснили, насколько, напримѣръ, безграничная конкурренція способствуетъ развитію алчности и корысти капиталистовъ, насколько необезпеченность матеріальнаго положенія пролетарія способствуетъ его непостоянству, порывистости и, если можно такъ выразиться, его безшабашности въ политической и общественной жизни. Тогда стало бы ясно, что многое въ дѣйствіяхъ демократическихъ обществъ нужно отнести не на долю идей о равенствѣ, а на долю тяжелаго гнета капитала надъ трудомъ. Недостаткомъ историко-органическаго метода и отсутствіемъ историко-психологическаго объясняется и неопредѣленность въ опре-

дѣленіи тѣхъ особенностей въ общественныхъ явленіяхъ, которыя должны быть отнесены на долю психическихъ особенностей той или другой расы. Замѣчая сходство и различіе въ жизни отдѣльныхъ народовъ, ученые совершенно вѣрно устанавливаютъ связь между политическими, юридическими и экономическими учрежденіями и отношеніями съ одной стороны и между умственнымъ развитіемъ, степенью образованія общества, его этнографическими условіями и другими подобными факторами, съ другой стороны. Остается масса явленій и особенностей, которыя не могутъ быть поставлены въ причинную связь ни съ однимъ изъ этихъ факторовъ; приходится относить ихъ на долю психическихъ особенностей расы, но такъ какъ анализа психическихъ свойствъ расы обыкновенно не дѣлается, то вслѣдствіе этого всѣ необъяснимыя явленія народной жизни объясняются общимъ и неопредѣленнымъ словомъ — творческимъ народнымъ духомъ. Противъ удобопримѣнимости историко-психологическаго метода для объясненія явленій соціальной жизни могутъ возразить, указывая на то, что въ настоящее время психологія, какъ наука, находится въ зачаточномъ состояніи. Возраженіе это неосновательно: что психологія должна составлять вспомогательную науку къ наукамъ общественнымъ, подобно тому, какъ химія составляетъ вспомогательную науку физіологіи, физика къ химіи—въ этомъ едва-ли кто можетъ сомнѣваться. Но въ этомъ отношеніи представляется удивительная разница между пріемами естественно-научниковъ и пріемами соціологовъ. Въ естественныхъ наукахъ всякое новое открытіе въ области науки находитъ себѣ тотчасъ-же примѣненіе и въ области другой, къ которой первая служитъ вспомогательной; всѣ знаютъ, какое широкое примѣненіе въ химіи получило, напримѣръ, открытіе спектральнаго анализа въ физикѣ. Между тѣмъ, въ послѣднія десятилѣтія труды многихъ англійскихъ, нѣмецкихъ и французскихъ ученыхъ — Спенсера, Бена, Милля, Льюиса, Фехнера, Вундта, Тена, Франциска Буллье, Летурно и многихъ другихъ, представили цѣлую серію изслѣдованій, направленныхъ на объясненіе самыхъ важныхъ, запутанныхъ и темныхъ явленій въ природѣ—явленій психическихъ; отвергать важность и значеніе этихъ изслѣдованій можетъ только тотъ, кто положительно незнакомъ съ ними. Не смотря на это, мы не встрѣчаемъ гдѣлибо попытокъ примѣненія положеній, безспорно установленныхъ, — господствующею среди психологовъ школою психоло-

говъ-позитивистовъ, къ объясненію общественныхъ явленій. Всякая попытка въ этомъ родѣ представляется намъ не безполезною; попытки примѣнить къ объясненію общественныхъ явленій данныя, выработанныя психологической наукой, повторяясь чаще и чаще, рано или поздно могутъ пролить новый свѣтъ къ объясненію до сихъ поръ неизслѣдованныхъ причинъ этихъ явленій. Предпринимая подобную попытку, мы предупреждаемъ читателя, что въ видѣ посылокъ будемъ выставлять самыя простыя элементарныя психологическія истины, которыя каждый можетъ провѣрить своимъ чувственнымъ опытомъ и здравымъ смысломъ; при этомъ просимъ читателя не смотрѣть на нашу статью, какъ на статью строго научную, а просто, какъ на этюдъ, имѣющій задачей возбудить въ умѣ читателя нѣсколько мыслей относительно исторіи самаго любопытнаго и оригинальнаго учрежденія въ нашемъ отечествѣ. Что касается до фактической стороны этой исторіи, мы не намѣрены внести никакихъ новыхъ фактовъ, а ограничимся систематическимъ изложеніемъ фактовъ, безспорно установленныхъ въ литературѣ по исторіи русской общины; для объясненія же этихъ фактовъ мы будемъ руководствоваться самыми элементарными истинами науки психологіи, излагаемыми въ столь популярной формѣ, что онѣ представятся въ видѣ положеній, добытыхъ практическимъ опытомъ; подтвержденіе нашихъ дедуктивныхъ выводовъ мы будемъ находить въ провѣркѣ исторіи русской общины и въ сравненіи ея съ исторіей общины другихъ народовъ. При этомъ насъ нисколько не смущаетъ то обстоятельство, что уже такъ много было писано у насъ объ общинномъ землевладѣніи; мы не боимся впасть въ повтореніе того, что было сказано другими, и если разглагольствованія о своеобразномъ проявленіи русскаго духа въ общинномъ владѣніи землей до крайности надоѣли всѣмъ и каждому, какъ говоритъ г. Ковалевскій *), то это нисколько не говоритъ въ пользу того, чтобы вопросъ объ общинномъ землевладѣніи, вопросъ, о которомъ, существуетъ въ настоящее время столько противорѣчивыхъ теорій, до сихъ поръ непримиренныхъ, долженъ быть — изъ боязни писать о томъ, о чемъ такъ много писано было, — вовсе оставленъ, или разсматриваемъ исключительно въ томъ направленіи, въ какомъ его желаетъ разсматривать г. Ковалевскій, то есть нисколько не затрогивая вопроса о вліяніи особенностей психическихъ качествъ славянской расы на формы

*) *Ковалевскій.* Общинное землевладѣніе, стр. I.

ея учрежденій. Нашей задачей будетъ прежде всего разсмотрѣть вкратцѣ всѣ теоріи, какія до сихъ поръ высказаны въ литературѣ по вопросу о причинахъ происхожденія русской общины вообще и русскаго общиннаго владѣнія землей въ частности.

II.

Такъ какъ цѣль настоящей статьи сводится къ тому, чтобы показать вліяніе русскаго народнаго характера и его отличительныхъ свойствъ на созданіе и развитіе одного изъ самыхъ оригинальныхъ и любопытныхъ учрежденій русскаго общества — крестьянской общины, то намъ предстояло бы прежде всего представить историческій очеркъ этого учрежденія. Но, такъ какъ русская литература представляетъ очень много основательныхъ изслѣдованій по этому вопросу, то намъ кажется, будетъ излишнимъ вдаваться въ подробное изложеніе исторіи русской крестьянской общины—иначе мы рискуемъ повторять прежде насъ сказанное и болѣе или менѣе извѣстное всякому интеллигентному читателю. Мы укажемъ лишь на главные моменты историческаго развитія русской общины вплоть до 17 вѣка, т. е. до образованія крѣпостнаго права въ Россіи, или до уничтоженія свободной крестьянской общины. При этомъ не можемъ обойти молчаніемъ о томъ важномъ недостаткѣ, которымъ страдаетъ, по нашему мнѣнію, большинство историческихъ изслѣдованій о русской общинѣ: въ нихъ разсматривается исторія этого учрежденія какъ-то изолированно, безъ всякой связи съ общимъ теченіемъ исторической жизни русскаго народа и безъ всякаго отношенія къ кореннымъ началамъ русской общественной жизни. Чтобы понять эти основныя начала русской общественной жизни, составляющія душу нашего народнаго организма, начала, исходъ изъ которыхъ, русскій народъ началъ свою историческую жизнь, начала никогда не утратившія своего значенія, въ сознаніи народа и въ жизни, не смотря на всѣ историческіе перевороты, переломы и потрясенія общественнаго организма, начала, открыть и уразумѣть которыя безспорно необходимо для правильнаго общественнаго самопознанія; чтобы открыть ихъ, надо взглянуть на первыя ступени историческаго развитія русскаго народа. На этихъ ступеняхъ народный организмъ болѣе простъ, менѣе сложенъ, представляетъ меньшую дифференціацію своихъ отдѣльныхъ частей, меньшую запутанность во взаимныхъ отношеніяхъ этихъ частей

и больше доступенъ для наблюденія, для открытія въ немъ главныхъ существенныхъ свойствъ его. Съ другой стороны, въ настоящее время изслѣдователю русской общественной жизни прежде всего бросаются въ глаза государственныя начала и проникновеніе ихъ во всѣ стороны общественныхъ отношеній. Дѣйствительно, глубоко проникли въ жизнь русскаго общества государственныя начала; нѣтъ угла въ обширной русской территоріи, куда бы не проникла государственная власть, нѣтъ той стороны общественныхъ отношеній, которая не была бы нормирована такъ или иначе правительственною властью.

Многіе публицисты и историки, видя какъ широко раскинулась по русской землѣ сѣть государственныхъ началъ, правительственныхъ мѣропріятій, останавливаются на нихъ и приковываютъ къ нимъ исключительно все вниманіе; отсюда взглядъ на исторію русскаго народа, какъ на исторію правительства: какъ будто живетъ и дѣйствуетъ одно правительство, а народъ исполняетъ его повелѣнія; какъ будто народъ, отдавъ въ руки правительства власть, ничего отъ себя не предпринимаетъ, ничего помимо государственной власти не вырабатываетъ изъ собственнаго самосознанія; какъ будто въ русской исторіи нѣтъ народа, а есть одно правительство. Конечно, государственныя начала, мѣропріятія правительствъ составляютъ весьма важныя стороны общественнаго организма. Но тѣмъ не менѣе, не единственныя. Сливать въ одно понятіе государство и общество, государственныя и общественныя начала, значитъ плохо понимать общественную науку. Мы знаемъ, къ чему стремилась, что преслѣдовала, что дала русскому народу въ теченіи его исторической жизни государственная власть; но знаемъ-ли мы настолько же, къ чему стремился, что выработалъ самъ отъ себя, помимо правительства, въ своей исторической жизни русскій народъ, какія начала носилъ въ своемъ правовомъ сознаніи, насколько провелъ эти начала въ жизнь, насколько онѣ развились и заглохли? Въ этомъ лежитъ также коренной недостатокъ многихъ изслѣдователей русской общественной жизни и ея исторіи и чтобы сколько-нибудь пополнить его, мы обращаемся къ тому періоду исторической жизни русскаго народа, когда не было ни государства, ни правительства среди него, когда онъ жилъ и управлялся самъ собою.

Несмотря на скудость свѣдѣній о первобытномъ устройствѣ славянскихъ обществъ на Руси до Рюрика, можно, тѣмъ не ме-

нѣе, составить довольно ясное понятіе, объ ихъ устройствѣ, по крайней мѣрѣ, въ главныхъ его чертахъ *).

Изъ этихъ свѣдѣній оказывается, что первобытное устройство общественной жизни славянъ на Руси было общинно-вѣчевое; въ первую историческую эпоху русскаго народа мы ясно замѣчаемъ рельефно выдающіяся начала его общиннаго быта. Этотъ бытъ характеризуется слѣдующими существенными чертами: общество распадается на союзы, связью которыхъ служитъ не кровное родство, не единство племени, а общность территоріальныхъ интересовъ; въ устройствѣ этихъ союзовъ мы видимъ полное отсутствіе аристократическихъ началъ или военнаго деспотизма, напротивъ, строй ихъ отмѣченъ характеромъ свободы и демократіи, т. е. равнаго участія всѣхъ членовъ общины или союза въ рѣшеніи всѣхъ вопросовъ, касающихся общихъ дѣлъ. Дѣла общественныя рѣшаются на сходѣ всѣхъ членовъ общины—вѣчѣ, рѣшаются не по большинству голосовъ, а единогласно, при отсутствіи привилегированности однихъ членовъ надъ другими. Каждый населенный пунктъ—село, деревня, улица города—составляетъ отдѣльную автономную общину, рѣшавшую свои собственныя дѣла, до ней одной относящіяся, самостоятельно; нѣсколько такихъ первичныхъ общинъ, находящихся въ близкомъ сосѣдствѣ, имѣя общія потребности, для удовлетворенія ихъ группировались въ общины втораго порядка—улицы въ концы города, или въ цѣлый городъ, села и деревни въ верви; общины втораго порядка группировались въ общины высшаго порядка—союзы городовъ и селъ. Хотя полусознательно, но правильно слагалъ русскій народъ свою общественную жизнь. Однако въ этомъ стремленіи онъ на полпути споткнулся: создать первичную общину было не трудно, не трудно было создать и болѣе широкія общины — города или верви; но этого было мало: разбросанные на сѣверѣ города и села Новгородской области скоро почувствовали необходимость создать болѣе широкій союзъ—союзъ, который обнималъ бы собою цѣлый край; въ образованіи этого союза русская общинная жизнь встрѣтила камень преткновенія. Трудно было требовать отъ первобытнаго общества осуществленія этой грандіозной задачи — по-

*) *Лентовичъ*. Задружно-общинный характеръ быта древней Россіи. Журналъ Министерства Народн. Просвѣщ., 1874 г., іюль, стр. 127—136, 194—233. К. *Аксаковъ*. О древнемъ бытѣ у славянъ вообще. Полн. собр. соч. стр. 59—129. *Бѣляевъ*. Лекціи по исторіи Русскаго Законодательства, стр. 7—29.

строенія идеальной федераціи общинъ; но, какъ бы то ни было, общество оказалось въ осуществленіи этой задачи несостоятельно и задумало искать помощи на сторонѣ, прибѣгнуть къ внѣшней, посторонней силѣ, т. е. призвать князя для суда и управы.— Пришли князья, водворились скоро во всей русской землѣ, образовали государство; но не задавили, не уничтожили общины, не отняли у народа его общественной самодѣятельности. Князья селились въ городахъ, управляли цѣлыми областями и стояли лицомъ къ лицу съ городскими общинами; власть городской общины долгое время не уничтожается, а существуетъ параллельно съ властью князя и обѣ власти заправляютъ дѣлами цѣлаго края. Существованіе вѣча въ городахъ было явленіемъ постояннымъ и повсемѣстнымъ; въ организаціи его ясно проявлялись начала общиннаго быта, о которыхъ мы говорили выше, начала демократіи и свободы: на вѣче имѣли доступъ и въ немъ имѣли одинаковыя права всѣ граждане, лучшіе и худшіе; общенная власть дѣйствовала не на началахъ принужденія, а на началахъ свободнаго и добровольнаго подчиненія членовъ общины рѣшеніямъ, ими же самими постановленнымъ; всѣ важнѣйшія дѣла законодательства и управленія были столько же дѣломъ князя, сколько и вѣча; но вѣче было сильнѣе князя *).

Однако проявленію началъ общиннаго быта въ политической жизни русскаго народа не суждено было развиться и продолжаться во всей нашей исторіи; княжеская власть, въ началѣ слабая, крѣпнетъ болѣе и болѣе, мало-по-малу подавляетъ политическія функціи городской общины и съ установленіемъ Московскаго Самодержавія, уничтожаетъ ихъ окончательно. Не такова была судьба общинныхъ началъ въ примѣненіи къ другимъ сторонамъ общественной жизни; начала общиннаго быта проявили себя съ особенною силою въ созданіи и развитіи сельской общины, которая, будучи частнымъ выраженіемъ этихъ началъ, нестѣсняемая государственною властью, постепенно крѣпла и развивалась, проявляя свою дѣятельность въ отправленіи административныхъ, финансовыхъ, земскихъ и экономическихъ функцій. Съ этими функціями представляется намъ въ первую эпоху княжескаго періода древняя дорюриковская сельская община — вервь, какъ союзъ многихъ селъ и деревень.

Большія сельскія общины — верви, существовавшія еще въ

*) *Сергѣевичъ.* Вѣче и князь, стр. 1—85.

эпоху Ярослава и его дѣтей, мало-по-малу съ переходомъ въ руки князей и городскихъ общинъ значительной доли тѣхъ правъ и обязанностей, которыми владѣли въ началѣ сельскія общины, теряютъ свой raison d'être; потребность въ образованіи большихъ общинъ съ усиленіемъ княжеской власти, взявшей въ свои руки массу обязанностей, отправляемыхъ прежде непосредственно сельскими общинами — исчезла. Вслѣдствіе этого большія сельскія общины—верви распадаются на болѣе мелкіе союзы — волостныя общины, которыя продолжаютъ вести самостоятельно свою общинную жизнь: кругъ дѣятельности становится болѣе тѣснымъ, но за то союзы эти становятся компактными, болѣе захватывающими въ себя всѣ стороны общественной жизни сельскаго населенія или крестьянъ. Начала общиннаго быта не умерли; но продолжаютъ жить и развиваться все болѣе и болѣе въ теченіи всего періода русской исторіи вплоть до образованія крѣпостнаго права *). Въ этотъ періодъ сельское населеніе жило или на своихъ собственныхъ (черныхъ) земляхъ; или на земляхъ богатыхъ владѣльцевъ изъ служилаго сословія; но волостныя общины обнимали собою не только крестьянъ собственниковъ, но и крестьянъ, сидѣвшихъ на владѣльческихъ земляхъ.

Во все время до образованія крѣпостнаго права, волостныя общины, составляя союзы свободныхъ крестьянъ, связанныхъ территоріальною общностью интересовъ, сохраняютъ характеръ административныхъ, финансовыхъ и экономическихъ союзовъ. Въ качествѣ административныхъ союзовъ сельскія волостныя общины имѣютъ двоякую задачу: съ одной стороны—вѣдать свои внутреннія дѣла, творить внутренній распорядокъ и судъ, а съ другой стороны, общинная власть, стоя лицомъ къ лицу съ правительственною властью, помогаетъ этой власти въ отправленіи ея функцій, ограничиваетъ власть правительственныхъ чиновниковъ, умѣряетъ ихъ злоупотребленія и защищаетъ отдѣльныхъ своихъ членовъ предъ органами правительственной власти**). Еще болѣе пользовалось правительство крестьянскими общинами для отправленія своихъ финансовыхъ задачъ и поручало общинамъ раскладку податей и повинностей, относительно которой община была полнымъ хозяиномъ; въ это не вмѣшивалась правительствен-

*) *Лешковъ*. Русскій народъ и государство, стр. 163.

**) *Бѣляевъ*. Кр. по Руси стр. 39—42, 64, 54—55. *Лешковъ*. Русскій народъ государство, стр. 249—253.

ная власть. Можно сказать смѣло, что правительство сносилось съ крестьянами во всѣхъ своихъ требованіяхъ, предъявленныхъ къ нимъ, посредствомъ общины *).

Хотя административныя и финансовыя функціи общины, глубоко охватывая жизнь каждаго отдѣльнаго крестьянина, сами уже по себѣ представляютъ яркое отраженіе началъ древняго общиннаго быта и даютъ примѣръ ихъ крайней живучести, но еще сильнѣе и рельефнѣе проявили себя эти начала въ экономической жизни крестьянской общины; что и составляетъ ея главную отличительную черту и сообщаетъ ей оригинальность сравнительно съ общинами другихъ Европейскихъ народовъ.

Изъ историческихъ памятниковъ несомнѣнно явствуетъ, что крестьяне древней Руси, сидѣвшіе на черныхъ земляхъ, т. е. своихъ собственныхъ, всегда смотрѣли на занимаемую и обрабатываемую ими землю какъ на принадлежность всей общины, а не отдѣльныхъ лицъ. Въ силу этого воззрѣнія крестьянскія общины представляютъ собою земледѣльческія ассоціаціи и какъ таковыя заботятся общими силами сохранить за собою свои поземельныя владѣнія, и по возможности, ихъ разширить: крестьяне ведутъ отъ лица цѣлыхъ общинъ процессы на судѣ о правахъ на землю, покупаютъ земли, промѣниваютъ ихъ, отдаютъ ихъ въ аренду и берутъ сами въ аренду отъ постороннихъ владѣльцевъ, производятъ цѣлыми общинами расчистку лѣсовъ и никому непринадлежавшихъ полей, и добывая новыя земли, надѣляютъ участками своихъ членовъ **). Съ другой стороны, изъ понятія о принадлежности земли цѣлой общинѣ вытекало право каждаго отдѣльнаго числа общины, одинаковое съ правами другихъ членовъ, по которому каждый членъ получалъ въ пользованіе участокъ земли независимо отъ своего происхожденія отъ болѣе богатаго и болѣе бѣднаго лица, отъ малосемейнаго или семьянистаго отца. Подобному праву каждаго отдѣльнаго члена община удовлетворяла прежде всего, разширяя свои владѣнія, добывая себѣ новыя земли и надѣляя изъ нихъ участками лицъ подростающаго поколѣнія наравнѣ съ другими членами общины. Но какъ общины не всегда имѣли возможность разширить свои владѣнія, то для осуществленія равноправія между своими членами, общины прибѣгали къ періодическимъ или въ неопре-

*) *Бѣляевъ.* Крест. по Руси, стр. 65—67.

**) *Соколовскій.* Экономическій бытъ древней Россіи стр. 156—157. *Его же.* Очеркъ исторіи сельской общины на Сѣверѣ Россіи стр. 69.

дѣленное время передѣламъ пахотной и луговой земли между членами общины для надѣленія нуждающихся и безземельныхъ членовъ общины участками въ видахъ уравненія имуществъ. Послѣ всѣхъ имѣющихся въ русской литературѣ изслѣдованій о древней русской общинѣ едва-ли возможно сомнѣваться въ существованіи обычая передѣловъ земли между членами общины въ древней Россіи: объ этомъ обычаѣ говоритъ еще древнѣйшій законодательный памятникъ—«Уставъ о земскихъ дѣлахъ», говорятъ разныя грамоты, по смыслу которыхъ передѣлы земли въ общинахъ были явленіемъ повсемѣстнымъ и обыкновеннымъ, цѣлью которыхъ было уравненіе имуществъ. При отсутствіи передѣловъ ничѣмъ нельзя было бы объяснить того поразительнаго равномѣрнаго распредѣленія владѣній между крестьянами, какое мы замѣчаемъ изъ древнихъ окладныхъ книгъ Московскаго государства *).

Въ такомъ видѣ представляется общинная жизнь не только на черныхъ земляхъ, но и на владѣльческихъ, гдѣ общины устроивались по типу черныхъ общинъ и различались отъ нихъ только въ томъ отношеніи, что на обработываемую ими землю имѣли лишь право владѣнія, но не собственности, а въ остальномъ не только административныя, но экономическія функціи тѣхъ и другихъ были одинаковы. Съ прикрѣпленіемъ крестьянъ къ землѣ и вслѣдъ затѣмъ съ образованіемъ крѣпостнаго права въ Россіи, физіономія крестьянской общины существенно видоизмѣняется; но объ этомъ мы будемъ говорить послѣ, а теперь прибавимъ еще нѣсколько соображеній по поводу свободной древне-русской крестьянской общины.

Въ экономическихъ отношеніяхъ крестьянъ общинниковъ начала древняго общиннаго быта славянъ, начала свободы и демократіи, равнаго участія всѣхъ членовъ союза въ распоряженіи общественными дѣлами, въ частности общественнымъ имуществомъ, выразилась съ особенною силою; но тѣмъ не менѣе начала русской крестьянской общины суть только частное проявленіе началъ общественной жизни русскаго народа, который всегда носилъ въ своемъ сознаніи ихъ и проявлялъ тамъ, гдѣ только имѣлъ возможность. Особеннаго вниманія заслуживаетъ то, что русскій народъ въ своихъ общинахъ преслѣдовалъ не одну фор-

*) *Соловьевъ*. Споръ о сельской общинѣ, Рус. Вѣст., 1856 г. т. 6 стр. 300—304. *Соколовскій*, Экономич. бытъ, стр. 155—160, Очерки ист. сельск. общ. стр. 82—93. *Бѣляевъ*. Русск. Бесѣда, 1856 г. т. 1, стр. 118.

мальную свободу, но и свободу матеріальную; онъ устранялъ не только давленіе однихъ членовъ надъ другими, производимое грубою силою, но и то давленіе одного члена на другаго, которое является слѣдствіемъ матеріальной зависимости бѣдняка пролетарія отъ богача капиталиста; подобное давленіе устранялось путемъ общинныхъ передѣловъ земли въ видахъ уравненія имуществъ. Аристократическое начало въ русскихъ крестьянскихъ общинахъ было изгнано въ двоякомъ значеніи его; здѣсь не только не было аристократіи, опирающейся на формальныя привилегіи; но не могло быть и аристократіи, опирающейся на матеріальныя средства, такъ называемой буржуазной аристократіи.

Изъ сказаннаго выше видно, что исторія русскаго народа въ древней Россіи представляетъ параллельное развитіе двухъ началъ: начала государственнаго и начала общиннаго, первое идетъ сверху отъ лица правительственной власти — князей и потомъ царей, второе, снизу отъ самаго народа безъ участія правительственной власти. Въ началѣ исторіи общество живетъ исключительно общинными началами, которыя охватываютъ всѣ стороны общественной жизни; съ пришествіемъ князей государственныя начала развиваются все болѣе и болѣе и давятъ общинныя; эти послѣднія, изгнанныя государственною властью изъ области политической жизни не только не умерли; но, постоянно живя въ народномъ сознаніи, съ особенною энергіею проявили себя въ экономической и юридической жизни низшихъ слоевъ общества, наиболѣе удаленнаго отъ государственной власти. Этого мало: тамъ, гдѣ государственная власть по историческимъ обстоятельствамъ была слаба, какъ на сѣверѣ Россіи въ Новгородѣ, Псковѣ и другихъ городахъ, начало общиннаго быта охватило собою по прежнему, какъ и до призванія князей, политическую и съ ней соприкасающіяся другія важныя стороны общественной жизни. Всегда и вездѣ въ той области, гдѣ народу оставляло правительство свободу дѣйствій, онъ проводилъ въ жизнь свои любимыя общинныя начала. При этомъ взглядѣ становится яснымъ, что ни въ чемъ другомъ мы не должны искать причинъ проявленія въ жизни русскаго народа началъ общиннаго быта и въ частности началъ крестьянской общины, какъ въ народномъ самосознаніи или, выражаясь языкомъ славянофиловъ, въ творческомъ народномъ духѣ. И только съ этой точки зрѣнія мы увидимъ корень ошибки извѣстнаго ученаго г. Чичерина, пытавшагося объяснить происхожденіе и развитіе русской общины

мѣропріятіями правительственной власти; г. Чичеринъ, какъ и многіе другіе, придавалъ черезъ-чуръ много значенія въ исторіи русскаго народа началамъ государственнымъ, проведеннымъ въ жизнь правительственною властью и совершенно игнорировалъ начала народныя или общинныя *).

Если Чичеринъ виноватъ въ томъ, что разсматривалъ исторію русской крестьянской общины внѣ всякой связи съ началами народнаго быта и его общаго правоваго сознанія; то недостатокъ многихъ другихъ изслѣдователей русской общины въ томъ, что они разсматривали исторію ея совершенно изолированно, внѣ всякой связи съ другими сторонами общественной жизни. Кромѣ того, эти изслѣдователи съузили еще болѣе свой горизонтъ наблюденія: сосредоточивъ все свое вниманіе на выдающейся сторонѣ русской крестьянской общины — ея экономической жизни, погружаясь исключительно въ область экономическихъ отношеній, они естественно объясняли экономическія отношенія крестьянъ-общинниковъ въ Россіи экономическими причинами. Такая узость точекъ зрѣнія проглядываетъ въ изслѣдованіи исторіи русскаго общиннаго землевладѣнія нѣмецкаго ученаго Кейсслера **), который, доказавъ совершенно вѣрно, что общинное землевладѣніе на первыхъ ступеняхъ исторической жизни, при переходѣ народа отъ кочеваго состоянія къ земледѣлію, есть явленіе свойственное всѣмъ безъ исключенія народамъ, обусловленное экономическими условіями этой эпохи, пытается объяснить быстрое исчезновеніе общиннаго землевладѣнія на западѣ Европы и его устой и развитіе въ Россіи разностью экономическихъ условій западной Европы и Россіи. Ему бросается въ глаза существенное различіе экономическихъ условій западной Европы и Россіи до 17 вѣка, а именно: большая густота населенія на западѣ и большая рѣдкость его въ Россіи. Такъ какъ въ допетровской Россіи населеніе было весьма рѣдко, земли было вдоволь; то, при истощеніи почвы и избыткѣ населенія, люди уходили съ мѣста осѣдлости и занимали новыя мѣста никѣмъ еще незанятыя. Отсюда, по мнѣнію Кейсслера, понятно, что земля имѣла небольшую цѣнность, при которой ослаблялось стремленіе пріобрѣтать ее въ неотъемлемую собственность и образовался взглядъ на землю, какъ на общее

*) *Чичеринъ*. Обзоръ историческаго развитія сельской общины въ Россіи. Опыты по исторіи Русскаго права.

**) *Keussler*. Zur Geschichte und Kritik des russischen bäuerlichen Gemendebesitzes p. 1—8, 44—82.

достояніе. Не говоря уже о томъ, что населеніе древней Россіи далеко было не такъ подвижно, какъ думаетъ Кейсслеръ, и что хотя земля въ это время имѣла невысокую цѣнность, но далеко не столь низкую, чтобы для отдѣльнаго лица было безразлично— владѣть-ли участкомъ земли или отдать его безвозмездно другимъ, г. Кейсслеръ кромѣ того впадаетъ въ сильное противорѣчіе самъ съ собою. Сначала г. Кейсслеръ въ своемъ изслѣдованіи о русскомъ общинномъ землевладѣніи доказываетъ, что обиліе земли и рѣдкость населенія способствовали развитію общиннаго землевладѣнія въ Россіи, а вслѣдъ затѣмъ онъ приводитъ убѣдительныя доказательства *), что рѣдкость населенія и обиліе земли не только не способствуютъ къ образованію общиннаго землевладѣнія, но, напротивъ, суть факторы, дѣйствующіе въ обратномъ смыслѣ; съ чѣмъ совершенно согласны и мы. При обиліи земли отдѣльные хозяева разбрасываются по отдѣльнымъ далеко другъ отъ друга отстоящимъ дворамъ, слѣдовательно, находятся въ меньшей зависимости отъ общины; имѣя округленныя владѣнія, приходя мало въ соприкосновеніе и столкновеніе съ сосѣдями, они менѣе нуждаются въ содѣйствіи общинной власти и, слѣдовательно, меньше склонны подчиняться ей. Съ другой стороны, при обиліи свободныхъ пустопорожнихъ земель неимущему или имѣющему мало земли болѣе сподручно удовлетворить свой недостатокъ, занявъ и обработавъ свободныя земли, чѣмъ настойчиво добиваясь передѣловъ и выдѣленія ему участка изъ участковъ болѣе имущихъ лицъ. Убѣдительнымъ доказательствомъ этого разрушительнаго вліянія на общинное землевладѣніе рѣдкости населенія и обилія земли можетъ служить тотъ фактъ, что между тѣмъ, какъ въ огромной части центральной Россіи, гдѣ населеніе плотно и земля имѣетъ болѣе цѣнности, господствуетъ общинная форма землевладѣнія; по окраинамъ же Россіи, при рѣдкости населенія и массѣ никѣмъ не обработываемой земли, господствуетъ между крестьянами или индивидуальное владѣніе или хотя общинное, но по типу своему болѣе приближающееся къ индивидуальному. Въ Вологодской губерніи господствуетъ форма частной поземельной собственности и, какъ видно изъ указа Правительствующаго Сената отъ 25 Іюля 1775 г., соблюдается тамъ во многихъ мѣстахъ, по особымъ обстоятельствамъ и резонамъ, несравненно съ другими провинціями, какъ сказано въ

*) Ibidem, p. 76—77, 80—81.

этомъ указѣ *). Въ сѣверной части Олонецкой губерніи, гдѣ населеніе рѣдко, нѣтъ обычая крестьянскихъ передѣловъ; въ южной части, гдѣ населеніе болѣе густо, всѣ земли, обработываемыя по системѣ трехпольнаго хозяйства, подвергаются передѣламъ **). Переходъ отъ индивидуальнаго владѣнія къ общинному при постоянно увеличивающейся густотѣ населенія, можно наблюдать въ Новороссійскихъ и Самарской губерніяхъ. Въ Сибири хотя существуетъ общинное владѣніе землей, но общинное sui generis, при которомъ лицо имѣетъ болѣе индивидуальныхъ правъ, чѣмъ въ центрѣ Россіи. Эти соображенія говорятъ въ пользу того, что различіе въ экономическихъ и территоріальныхъ условіяхъ между древней Россіей и средневѣковой Европой не играли роли въ развитіи или разрушеніи общиннаго землевладѣнія; такъ какъ рѣдкость населенія древней Россіи и обиліе земли скорѣе должны были бы ослаблять и разрушать въ ней общинное землевладѣніе, чѣмъ на западѣ Европы, а между тѣмъ въ Россіи оно сохранялось и развивалось, а въ Европѣ погибло.

Точно также, вмѣстѣ съ г. Соколовскимъ ***) мы не можемъ согласиться съ весьма распространеннымъ мнѣніемъ, что община обязана своимъ происхожденіемъ борьбѣ русскаго народа съ неблагопріятными условіями природы. Суровый климатъ Россіи, говорятъ поборники этого мнѣнія, неплодородная почва и другія неблагопріятныя природныя условія, требовали величайшаго напряженія силъ человѣка для борьбы съ окружающею его природой. Отдѣльная личность при такихъ условіяхъ не могла достичь здѣсь сколько нибудь сноснаго существованія; достиженіе его возможно было только при соединеніи индивидуумовъ въ союзы. Но борьба съ неблагопріятными условіями, по мнѣнію г. Соколовскаго, могла оказать лишь вліяніе на многолюдность поселковъ, съ цѣлью защиты отъ нападенія дикихъ звѣрей, разбойниковъ; но ею никакъ нельзя объяснить происхожденіе общинной формы землевладѣнія. Крестьянинъ могъ пахать отдѣльно отъ другихъ, отдѣльно отъ другихъ ловить звѣрей и вообще вести борьбу съ естественными препятствіями въ большинствѣ случаевъ одиноко. Защита деревень отъ наводненій, посредствомъ постройки плотинъ въ Россіи, была очень рѣдкимъ явленіемъ. Поселки,

*) *Бѣляевъ.* Русская Бесѣда, 1856 г., т. 1, стр. 118—119.

**) *Л—шъ.* Сельская Община въ Олонецкой губ. Отеч. Зап. 1874 г., т. 2, стр. 218—237.

***) *Соколовскій.* Очеркъ Истор. Сельск. Общ. на Сѣверѣ Россіи, стр. 110—111

большею частію, строились на возвышенныхъ мѣстахъ, слѣдовательно, нѣтъ никакой причинной связи между неблагопріятными условіями природы и развитіемъ общинной жизни и общиннаго землевладѣнія. Это самое доказывается, между прочимъ, тѣмъ, что на сѣверѣ Россіи Финны, жившіе и живущіе въ тѣхъ же мѣстахъ, какъ и Русскіе, не образовали общины, не образовали ея ни Самоѣды, ни другіе сѣверные народы; ясно, что причина образованія и развитія общиннаго владѣнія землею лежала не внѣ человѣка, а внутри его, не въ условіяхъ природы, среди которой жилъ русскій народъ, а въ его внутреннихъ духовныхъ свойствахъ, отличныхъ отъ свойствъ западно-европейскихъ и другихъ народовъ, въ его отличительныхъ свойствахъ присущихъ ему, какъ племени славянской расы. Даже въ Германіи огерманизировавшіяся славянскія племена сохранили въ своихъ поземельныхъ отношеніяхъ такія особенности, которыя ничѣмъ не объяснимы, какъ только особенностями славянской расы. Эти особенности, нисколько необъяснимыя народнымъ германскимъ бытомъ, подали поводъ извѣстному изслѣдователю поземельныхъ отношеній Европы — Гакстгаузену познакомиться ближе съ славянскими народами, съ поземельными отношеніями, господствующими среди нихъ и съ этою цѣлью баронъ Гакстгаузенъ предпринялъ путешествіе въ Россію.*) И этотъ изслѣдователь русской общины, глубокій знатокъ сельскихъ отношеній западной Европы, признавалъ общинное владѣніе землею результатомъ отличительныхъ свойствъ славянскаго племени. Къ анализу этихъ свойствъ и психическихъ особенностей славянской расы вообще и русскихъ въ особенности, мы перейдемъ къ слѣдующей главѣ.

III.

Для того, чтобы дать отчетъ себѣ, какія психическія особенности отличаютъ народы славянской расы отъ другихъ, нужно сравнить ихъ съ народами какой-либо другой расы и, подмѣтя различіе въ ихъ характерахъ, выдѣлить черты различія, повторять такое же сравненіе съ народами еще какой-либо расы до тѣхъ поръ, пока намъ не удастся начертать основныя типическія свойства славянина, рѣзко его отличающія отъ другихъ народностей. Для сравненія возьмемъ прежде всего германскую расу и самый коренной и выдающійся типъ этой расы—нѣмца, и по-

*) Современникъ 1857 г. LXV разборъ соч. Гакстгаузена стр. 16.

ставимъ его въ параллель съ выдающимся типомъ славянской расы — русскимъ. Какая разница между характеромъ нѣмца и русскаго, какія отличительныя психическія свойства того и другаго? На этотъ вопросъ послышатся многіе неопредѣленные и разнообразные отвѣты: русскій, скажутъ намъ, болѣе впечатлителенъ, нѣмецъ болѣе медленъ въ воспріятіи впечатлѣній; русскій болѣе порывистъ и способенъ больше дѣйствовать подъ непосредственнымъ впечатлѣніемъ, нѣмецъ болѣе сдержанъ, болѣе способенъ не поддаваться дѣйствующимъ на него непосредственно впечатлѣніямъ; русскій болѣе горячъ и вспыльчивъ, нѣмецъ болѣе спокоенъ и хладнокровенъ; русскій болѣе размашистая, широкая натура, нѣмецъ аккуратенъ и методиченъ; русскій болѣе мягокъ, нѣмецъ болѣе сухъ и черствъ; русскій безшабашенъ и безалаберенъ, нѣмецъ разсчетливъ и остороженъ; русскій общителенъ, нѣмецъ болѣе сосредоточенъ въ самомъ себѣ и т. д. Каждый знаетъ, что темпераменты того и другаго различны: русскій темпераментъ называется сангвиническимъ темпераментомъ, нѣмецкій — флегматическимъ. Но это нисколько не рѣшаетъ опредѣленно вопроса объ основныхъ особенностяхъ того и другаго характера и о причинахъ этихъ особенностей. Самое раздѣленіе темпераментовъ въ наукѣ точно не установлено и постоянно мѣняется. Вслѣдствіе этого мы должны выбрать изъ всѣхъ указанныхъ выше особенностей нѣмца и русскаго то, что можетъ быть признано болѣе опредѣленнымъ и болѣе безспорнымъ.

Вѣроятно каждый согласится съ слѣдующимъ, по нашему мнѣнію, кореннымъ различіемъ характеровъ русскаго и нѣмца: русскій человѣкъ болѣе воспріимчивъ къ впечатлѣніямъ, скорѣе усвоиваетъ ихъ и поддается имъ, въ силу чего болѣе склоненъ дѣйствовать подъ непосредственнымъ вліяніемъ впечатлѣній, чѣмъ нѣмецъ. Это различіе надо объяснить на основаніи простѣйшихъ законовъ, управляющихъ явленіями человѣческаго духа и основанныхъ на положеніяхъ позитивной психологической науки. Основныя положенія этой науки, между прочимъ, слѣдующія *): всѣ психическія явленія, при всей ихъ сложности и разнообра-

*) Въ своихъ изложеніяхъ основныхъ положеній психологіи мы будемъ болѣе всего руководствоваться слѣдующими сочиненіями: *Herbert Spenser*. Principes de psychologie. Traduit de l'anglais. *Bain*. Les sens et l'intelligence, tr. de l'ang. *Bain*. Les Emotions et la volonté tr. de l'ang. *Bain*. L'esprit et le corps, tr. de l'ang. *Bain* de l'intelligence. *Letourneau*. La physiologie des passions. *Lewes*. Le creveau et ses fonctions и другія, дѣлая сами вытекающіе изъ этихъ положеній выводы.

зіи, сводятся къ простѣйшему первичному явленію — ощущенію. Ощущеніе есть извѣстное измѣненіе въ нервной системѣ, дошедшее до сознанія. Ощущеніе можетъ быть разсматриваемо съ двухъ сторонъ: со стороны интеллектуальной и эмоціональной. Со стороны интеллектуальной ощущеніе есть сознаніе извѣстной перемѣны, происшедшей въ нашей нервной системѣ, въ нашемъ духѣ, въ нашемъ—я; со стороны эмоціональной—ощущеніе есть извѣстное удовольствіе или страданіе, испытываемое нашимъ организмомъ при этой перемѣнѣ. Всякое ощущеніе есть результатъ впечатлѣнія, т. е. результатъ воздѣйствія внѣ насъ стоящихъ силъ природы на нашу нервную систему, хотя бы это воздѣйствіе приходило не непосредственно изъ внѣшней природы (внѣшнія чувства), но чрезъ посредство нашего собственнаго организма (внутреннія ощущенія: голодъ, жажда и проч.). Этотъ результатъ воздѣйстія внѣшней природы на наше—я передается сознанію посредствомъ возбужденія нервныхъ токовъ, которое распространяется въ мозгу и вообще въ нервной системѣ. Возбужденіе нервныхъ токовъ есть движеніе нервной силы, которая подобна другимъ силамъ природы: электричеству, механической силѣ, теплотѣ, магнетизму, химической силѣ и др., имѣетъ одно съ ними начало и, подобно имъ, способна превращаться въ другія силы, причемъ къ ней примѣнимы вообще законы физическихъ силъ и самые главные изъ этихъ законовъ: сохраненіе силы и эквивалентность силъ. Если, такимъ образомъ, всякое сложное психическое явленіе сводится на простѣйшее ощущеніе, а ощущеніе всегда сопровождается извѣстнымъ физическимъ явленіемъ въ организмѣ, возбужденіемъ нервнаго тока; то всѣ психическія явленія и измѣненія всегда сопровождаются извѣстными физическими явленіями и измѣненіями въ нервной системѣ. Это положеніе позитивной психологіи нисколько не есть матеріалистическое, т. е. вовсе не тождественно съ тѣмъ положеніемъ, что всѣ явленія міра психическаго имѣютъ причину въ явленіяхъ міра физическаго; напротивъ того, для объясненія того положенія, что всѣ нравственныя явленія находятся въ строгомъ соотвѣтствіи съ явленіями физическими, возможны три предположенія: первое, матеріалистическое, что явленія нравственныя или психическія имѣютъ причину въ матеріальныхъ силахъ, второе, что, наоборотъ, явленія матеріальныя суть результаты явленій духовныхъ, и третье, что психическія или нравственныя явленія, съ одной стороны, и физическія явленія

въ нервной системѣ—съ другой, находясь между собою въ строгомъ и неизмѣнномъ соотвѣтствіи, суть, тѣмъ не менѣе, результаты жизненной дѣятельности двухъ самостоятельныхъ, отличныхъ другъ отъ друга, субстанцій. Мы не будемъ входить въ разсмотрѣніе того, которое изъ этихъ предположеній наиболѣе вѣрно; но замѣтимъ только, что позитивная психологія не осуждаетъ насъ на матеріализмъ.

Итакъ, мы сказали, что всякое впечатлѣніе сопровождается возбужденіемъ нервныхъ токовъ, т. е., другими словами, производитъ движеніе въ извѣстныхъ нервныхъ нитяхъ и центрахъ; при отсутствіи впечатлѣнія, нервная сила находится въ покоѣ, въ латентномъ состояніи. Впечатлѣніе не только приводитъ нервную силу въ движеніе; но, кромѣ того, прибавляетъ къ нервной силѣ новую величину. Это положеніе можно подтвердить тѣмъ соображеніемъ, что впечатлѣнія—результаты воздѣйствій внѣшнихъ силъ на нашу нервную систему, возбуждаютъ къ дѣятельности наши внутреннія силы и обогащаютъ насъ новыми ощущеніями, которыя остаются въ нашей памяти, новыми опытами, новыми свѣдѣніями. Эти новые опыты и новыя свѣдѣнія, присоединяясь къ запасу прежнихъ опытовъ и свѣдѣній, увеличиваютъ энергію нашихъ внутреннихъ силъ для борьбы съ окружающею насъ природою и дѣлаютъ насъ болѣе опытными и болѣе разсудительными и устойчивыми, болѣе сильными духомъ: менѣе испытавшій — менѣе силенъ въ борьбѣ съ природой и съ другими людьми. Всякій нервный токъ, возбужденный впечатлѣніемъ и сопровождаемый извѣстнымъ сознаніемъ или чувствованіемъ, стремится распространиться дальше и дальше по нервной системѣ и, проходя чувствительные нервы, проходитъ затѣмъ мозговые центры, потомъ распространяется по нервамъ двигательнымъ, порождая мускульныя движенія. Возбужденіе чувствительныхъ нервовъ, выражающееся въ движеніи токовъ, имѣетъ стремленіе всегда перейти въ движеніе двигательныхъ нервовъ и произвести извѣстное мускульное движеніе или извѣстное дѣйствіе, хотя стремленіе это иногда не осуществляется вовсе, т. е. нервный токъ, пройдя чувствительные нервы и перейдя въ нервные центры, распространяется по двигательнымъ нервамъ въ такой слабой степени, что не порождаетъ мускульнаго движенія. Такимъ образомъ, количество движенія, возбуждаемое мускулами, зависитъ отъ двухъ причинъ: во-первыхъ, отъ силы нервныхъ токовъ въ чувствительныхъ нервахъ, или отъ силы возбужденія,

отъ силы и интенсивности ощущеній. Если подъ вліяніемъ впечатлѣнія ощущеніе сильнѣе и нервные токи возбуждаются быстрѣе и стремительнѣе, то они распространяются на большее разстояніе; если эти ощущенія воспринимаются медленнѣе, то движеніе токовъ хотя происходитъ въ теченіи большаго промежутка времени, но въ каждый моментъ распространяется на меньшее пространство по пути отъ чувствительныхъ нервовъ къ двигательнымъ и менѣе достигаетъ сихъ послѣднихъ. Во-вторыхъ, количество движенія, освобождаемое мускулами, зависитъ отъ того, насколько нервная сила, или нервный токъ, проходя по пути отъ чувствительныхъ нервовъ къ двигательнымъ, задерживается въ нервныхъ центрахъ; чѣмъ болѣе задерживается при этомъ движеніи въ центрахъ нервной силы, тѣмъ менѣе ея высылается наружу въ формѣ движенія. Но такъ какъ нервная сила при своемъ движеніи, задерживаясь въ центрахъ нервной системы, не исчезаетъ, въ силу закона сохраненія силъ, а остается внутри нервныхъ клѣтокъ въ скрытомъ состояніи, въ состояніи покоя, прибавляя, такимъ образомъ, новую величину къ запасу нервной силы, находящейся внутри организма, то изъ этого дѣлается очевиднымъ слѣдующее положеніе: чѣмъ болѣе впечатлѣнія, порождающія ощущенія, вызываются непосредственно наружу, въ формѣ всевозможныхъ движеній, тѣмъ меньшій запасъ нервной силы остается внутри нашего нервнаго организма и, наоборотъ, чѣмъ менѣе возбужденія, порождаемыя впечатлѣніями, переходятъ непосредственно въ двигательные нервы и порождаютъ дѣйствія, тѣмъ болѣе увеличивается запасъ внутренней нервной силы.

Этотъ простой психологическій выводъ объясняетъ различіе двухъ основныхъ типовъ человѣческихъ характеровъ — характеровъ экспансивныхъ и характеровъ сдержанныхъ. Экспансивный человѣкъ, получая впечатлѣніе, быстро поддается ему и стремится дѣйствовать подъ вліяніемъ этого впечатлѣнія: онъ говоритъ, напримѣръ, много о занимающихъ его ощущеніяхъ и это есть результатъ стремленія нервнаго возбужденія перейти изъ чувствительныхъ нервовъ въ мускульное движеніе; подъ вліяніемъ того же стремленія онъ худо скрываетъ свои ощущенія, отражаетъ ихъ въ движеніяхъ лица, глазъ, во всей игрѣ своей физіономіи, при стыдѣ краснѣетъ, при гнѣвѣ багровѣетъ; его голосъ при наплывѣ впечатлѣній измѣняется; его грудь то гордо вздымается, то безнадежно опускается; его сердце стучитъ, или

замираетъ, глаза блестятъ, или тускнѣютъ и потупляются; голова гордо закидывается назадъ, или поникаетъ; рѣчь льется рѣкой, жесты сильны и порывисты, и ежеминутно онъ готовъ приступить къ дѣйствію. Спокойнымъ и невозмутимымъ представляется, наоборотъ, человѣкъ сдержанный: онъ молчитъ; мускулы его лица не двигаются; глаза никакой перемѣны въ душевномъ настроеніи не выражаютъ; голосъ столь же ровенъ; жесты спокойны; во всемъ онъ умѣетъ владѣть собою, больше думаетъ, чѣмъ говоритъ, и медленно, и осторожно приступаетъ къ дѣйствію, обдумавъ каждый шагъ и взвѣсивъ всѣ обстоятельства. Но такъ какъ впечатлѣнія, сопровождаясь нервнымъ возбужденіемъ и движеніемъ нервныхъ токовъ, у перваго субъекта быстро и значительно изливаются наружу въ формѣ движеній; то подобная экспасивность можетъ быть названа растратой нервной силы, растратой полученныхъ впечатлѣній, и такая растрата производится въ ущербъ запасу внутренней или нервной силы, хранящейся въ латентномъ или потенціальномъ состояніи во внутреннихъ частяхъ нервной системы или, другими словами, въ клѣткахъ мозгововаго вещества; наоборотъ, всякая сдержанность, всякое подавленіе стремленія нервнаго тока, возбужденнаго впечатлѣніемъ, вылиться наружу увеличиваетъ запасъ этой внутренней силы. Экспансивный человѣкъ долженъ, такимъ образомъ, обладать меньшимъ запасомъ внутренней нервной силы, чѣмъ человѣкъ сдержанный и вслѣдствіе этого меньшимъ характеромъ, меньшей силой воли. Характеръ или сила воли есть сила человѣческаго духа, съ помощью которой онъ борется съ окружающей природой, съ внѣшними силами, дѣйствующими на него, въ формѣ впечатлѣній; онъ тѣмъ сильнѣе, чѣмъ обильнѣе у него запасъ внутренней нервной силы. Поясникъ нашу мысль примѣромъ. Положимъ, что на меня дѣйствуютъ впечатлѣнія извнѣ, возбуждая у меня похоти, желанія и побуждая меня дѣйствовать непосредственно къ удовлетворенію этихъ похотей и желаній; но поддаться этимъ желаніямъ— вредно для меня и неблагоразумно. Напримѣръ: видъ наркотическаго вещества побуждаетъ меня возбудить себя пріемомъ этого вещества для полученія непосредственнаго удовольствія; но искусственное возбужденіе нервной системы должно болѣзненно отозваться на ней въ будущемъ и причинить мнѣ многія страданія. И вотъ, чѣмъ свѣжѣе и сильнѣе сохранились у меня опыты отъ страданій, причиненныхъ мнѣ прежде употребленіемъ подоб-

ныхъ наркотическихъ веществъ; тѣмъ болѣе способности или внутренней силы у меня подавить непосредственно дѣйствующее впечатлѣніе, сдержать желаніе и воздержаться отъ вреднаго дѣйствія. Наоборотъ, мнѣ, положимъ, надо совершить для пользы моей непріятное непосредственно дѣйствіе; сознаніе непосредственной непріятности — страхъ, стыдъ или отвращеніе побуждаютъ меня опускать руки и не двигаться съ мѣста; но чѣмъ сильнѣе у меня сознаніе пользы, имѣющей получиться въ будущемъ, какъ результатъ моего дѣйствія, т. е. чѣмъ сильнѣе работа внутренней нервной силы, чѣмъ яснѣе комбинація прошедшихъ впечатлѣній и составленное изъ нихъ представленіе объ отдаленной пользѣ, тѣмъ болѣе способности у меня подавить страхъ, стыдъ, отвращеніе или другое непріятное непосредственно дѣйствующее чувство и поступить, какъ говорятъ, съ характеромъ, благоразумно. Всякое дѣйствіе, носящее на себѣ признаки сильной воли или характера, есть побѣда сохранившихся внутри нашей нервной системы представленій надъ непосредственно возбуждаемыми ощущеніями; всякій безхарактерный поступокъ, наоборотъ, есть побѣда непосредственно дѣйствующаго на человѣка впечатлѣнія, надъ его, раньше сего накопленными и внутри его пребывающими опытами, мотивами и представленіями. Сила прежде добытыхъ опытовъ, представленій и внутреннихъ мотивовъ, побѣждающихъ ощущенія, непосредственно возбужденныя впечатлѣніемъ, есть внутренняя нервная сила и она тѣмъ больше, чѣмъ больше запасъ этой силы. Но, какъ мы видѣли, запасъ внутренней нервной или, другими словами, душевной силы увеличивается тѣмъ больше, чѣмъ меньше истрачиваются и выливаются въ движеніяхъ возбужденныхъ впечатлѣніемъ, чѣмъ менѣе человѣкъ экспансивенъ, чѣмъ болѣе онъ сдержанъ; то отсюда получается результатъ: экспансивный человѣкъ, какъ растрачивающій свою получаемую извнѣ внутреннюю силу, долженъ обладать меньшимъ характеромъ или силой воли, чѣмъ человѣкъ сдержанный. А такъ какъ всякая прибавка къ запасу душевной силы даетъ новый шансъ задерживать и новыя впечатлѣнія; то отсюда — постепенное увеличеніе характера у человѣка сдержаннаго и постоянный недостатокъ его у человѣка экспансивнаго. Этотъ выводъ объясняетъ многія явленія, встрѣчающіяся на каждомъ шагу: кто много говоритъ, тотъ мало дѣйствуетъ;—это потому, что сила возбужденія, вылившаяся въ словахъ, ослабѣваетъ настолько, что не даетъ стимуловъ для дѣйствій. Далѣе: кто

сильно клянется, тотъ даетъ всѣ шансы не вѣрить ему, что онъ исполнитъ клятву; кто скоро дружится, тотъ плохой другъ; кто вспыльчивъ, тотъ не злопамятенъ; кто начинаетъ стремительно дѣйствовать, тотъ быстро охладѣваетъ и плохо кончаетъ. Воля или характеръ есть внутренняя сила, образовавшаяся путемъ задержки впечатлѣній *) и, если говорить языкомъ физическихъ явленій, то понятіе ощущенія совпадаетъ съ понятіемъ движенія, а понятіе воли съ понятіемъ сжимаемости.

Мы сказали, что возбужденное впечатлѣніемъ стремленіе вылиться наружу въ видѣ движенія есть прежде всего результатъ силы непосредственно порожденнаго этимъ впечатлѣніемъ ощущенія, или результатъ силы движенія нервныхъ токовъ. Сила ощущеній или движеній нервныхъ токовъ зависитъ отъ возбудимости нервовъ, отъ ихъ впечатлительности, которая въ свою очередь обусловливается конструкціей нервнаго вещества. Отсюда слѣдуетъ, что чѣмъ скорѣе и сильнѣе человѣкъ возбуждается подъ вліяніемъ непосредственно дѣйствующихъ на него впечатлѣній, чѣмъ онъ впечатлительнѣе, чѣмъ воспріимчивѣе, чѣмъ легче усваиваетъ явленія внѣшняго міра, тѣмъ болѣе онъ экспансивенъ и, наоборотъ, медленное воспріятіе впечатлѣній и слабое возбужденіе нервовъ подъ вліяніемъ ихъ рождаетъ сдержанность и, какъ послѣдствіе сего, силу и стойкость характера. Эти два типа — людей впечатлительныхъ и нервныхъ, и людей спокойныхъ и хладнокровныхъ — суть два основныхъ типа людскихъ характеровъ, и различіе между ними можно замѣтить на каждомъ шагу. Вотъ въ обществѣ человѣкъ впечатлительный: онъ весело говоритъ, его слушаютъ; онъ говоритъ съ жаромъ, съ пафосомъ; отъ восторженнаго состоянія переходитъ въ веселое и игривое, остритъ и каламбуритъ, быстро сближается съ людьми; душа его на распашку; это пріятный собесѣдникъ, легко воспламеняется, съ жаромъ бросается на новое дѣло, на затѣянныя предпріятія. Другой угрюмъ и молчаливъ, ровенъ и спокоенъ, нелюдимъ и необщителенъ; его мало видно, мало слышно, съ нимъ скучно, онъ тугъ на подъемъ; на него плохо разсчитывать на скорую поддержку въ задуманномъ дѣлѣ. Въ жизни будетъ, однако, успѣшнѣе дѣйствовать второй, а не первый. Этотъ мало собралъ впечатлѣній,

*) Мы полагаемъ, что такое опредѣленіе воли нѣсколько односторонне и не исчерпываетъ опредѣляемаго имъ понятія; но это нисколько не ослабляетъ дальнѣйшихъ выводовъ автора.

Ред.

мало задержалъ ихъ въ себѣ, много растратилъ внутренней силы; человѣкъ сдержанный копитъ впечатлѣнія, какъ скупой копитъ деньги, хоронитъ ихъ внутри себя и, если можно такъ выразиться,—заряжается. Не много надо имѣть практической опытности, чтобы заранѣе опредѣлить характеръ того и другаго: первый не стоекъ, нетерпѣливъ, быстро охлаждается, начинаетъ дѣйствовать и перестаетъ, хватается за другое дѣло, не любитъ принциповъ, не любитъ рамокъ, безалаберенъ, и иногда безшабашенъ, не тактиченъ, неровенъ, постоянно прорывается; другой медленъ, но упоренъ въ достиженіи своихъ замысловъ, стоекъ и непоколебимъ въ своемъ дѣлѣ, принципіаленъ, методиченъ, акуратенъ и тактиченъ, спокойно и хладнокровно обдѣлываетъ свои дѣла; въ его поведеніи замѣчается вездѣ ровность, вездѣ система и отсутствіе эксцентричности. Вотъ, по нашему мнѣнію, основы различія психическихъ особенностей русскаго и нѣмца; нѣмецъ менѣе воспріимчивъ, медленнѣе въ воспріятіи впечатлѣній, но за то, болѣе сдержанъ, болѣе стоекъ, болѣе постояненъ. Мы не хотимъ обижать ни русскаго, ни нѣмца; мы не хотимъ сказать, какой изъ этихъ характеровъ лучше или симпатичнѣе;—мы только хотимъ указать на основное различіе въ свойствахъ этихъ характеровъ, объясняющее всѣ хорошія и дурныя особенности того и другаго.

Воспріимчивостью русской натуры, его способностью, поддаваясь впечатлѣніямъ, быстро и стремительно дѣйствовать подъ вліяніемъ ихъ объясняется склонность русской натуры — безъ оглядки ударяться въ крайность. Въ силу этой-то склонности является та широкая русская натура, о которой всѣ говорятъ и которую изобразилъ поэтъ А. К. Толстой въ извѣстныхъ стихахъ, гдѣ русскій человѣкъ, если любитъ, такъ любитъ безъ разсудка; если ругается и грозитъ, такъ горячо и не на шутку; если споритъ или дѣйствуетъ, такъ смѣло и порывисто, съ плеча; если прощаетъ, такъ прощаетъ всей душой; если пируетъ, такъ пируетъ, отдаваясь пиру всецѣло, затрачивая на него сколько возможно: «коли пиръ,—такъ пиръ горой!». Нѣмецъ не любитъ крайностей; его спокойствіе, его хладнокровіе, умѣренность и отсутствіе эксцентричности вошли въ поговорку. Воспріимчивостью русской натуры объясняется его доброта и мягкость. Доброта не тождественна съ нравственностью или альтруизмомъ, въ широкомъ смыслѣ слова: доброта есть одинъ изъ видовъ нравственнаго начала, которое коренится въ болѣе глубокомъ

чувствѣ — совѣсти; это начало, какъ общее начало, какъ-бы преломляясь въ призмѣ, порождаетъ разные цвѣта — справедливость, правдивость, честность, состраданіе или доброту и другія чувства. Поэтому мы, называя русскаго добрѣе и мягче нѣмца, вовсе не хотимъ сказать, что русскій народъ гораздо нравственнѣе нѣмецкаго. Доброта и состраданіе зависятъ отъ силы представленія, которое субъектъ составляетъ себѣ о страданіяхъ другаго; но такъ какъ представленіе ощущенія есть тоже ощущеніе, различающееся отъ дѣйствительнаго ощущенія лишь количественно, а не качественно, какъ это прекрасно доказалъ Тенъ въ своемъ изслѣдованіи: «de l'intelligence»; то, слѣдовательно, представленіе страданія другаго есть само по себѣ такое же страданіе, хотя въ меньшей мѣрѣ, лица сочувствующаго. Чѣмъ сильнѣе, чѣмъ рельефнѣе это представленіе, тѣмъ чувствительнѣе ощущаетъ субъектъ страданіе другаго, тѣмъ сильнѣе онъ самъ страдаетъ и тѣмъ болѣе стимуловъ у него, прекративъ или облегчивъ страданіе другаго, прекратить или облегчить свои собственныя. Эта сила, эта рельефность представленій зависитъ отъ большей или меньшей воспріимчивости или впечатлительности субъекта: чѣмъ воспріимчивѣе нервы, тѣмъ полнѣе представленіе о страданіи другаго, тѣмъ болѣе стимуловъ къ состраданію и добротѣ. Доброта и сострадательность русскаго, особенно простаго народа видна вездѣ: между тѣмъ, какъ западноевропейская чернь обыкновенно провожаетъ конвойныхъ преступниковъ, осыпая ихъ бранью, насмѣшками, укорами, комками грязи *), у русскаго народа для арестанта и каторжнаго въ разговорномъ языкѣ нѣтъ другаго названія, какъ *несчастный;* при шествіи конвоя съ арестантами часто можно видѣть, какъ бѣднякъ спѣшитъ по улицѣ догнать ихъ, чтобъ подать копѣйку *несчастненькому*, а въ Сибири, по дорогамъ разставляются припасы пищи для бѣглыхъ каторжниковъ; ибо въ сердцѣ русскаго народа, какой-бы ни былъ страшный и закоренѣлый злодѣй, и къ тому живетъ состраданіе, и возможность его голодной смерти пугаетъ русскаго человѣка. Сухость и черствость нѣмца, съ другой стороны,—хорошо извѣстные всякому факты.

Открытость и откровенность русскаго характера, замкнутость и сосредоточенность нѣмца — также хорошо извѣстныя всѣмъ явленія, объясняющіяся, по нашему мнѣнію, экспансив-

*) См. Victor Hugo. Le dernier jour d'un condamne.

ностью перваго и сдержанностью втораго. Русскаго человѣка волнуютъ чувства радости или горя, онѣ сильно бушуютъ въ немъ и просятся наружу; русская душа идетъ раздѣлить съ кѣмъ-либо горе и радость, раскрыться на распашку,—безъ этого ей не по себѣ; скрыть и подавить въ себѣ свои чувства она не можетъ; хранитъ тайны она тоже плохо. Насколько сильно и неудержимо желаніе русскаго человѣка раскрыть свою душу и повѣдать другому тайны, прекрасно изображено въ одной русской сказкѣ, гдѣ пастухъ, не могшій открыть тайны другимъ, чтобы освободиться отъ мученія, разрылъ немного земли и повѣдалъ занимавшую его тайну матери — сырой землѣ; на этомъ мѣстѣ выросла тростинка и когда ее срѣзали и, сдѣлавъ дудочку, заиграли, тростинка разсказала всѣмъ тайну пастуха. Стремленіе подѣлиться впечатлѣніями съ другими неудержимо влечетъ русскаго человѣка къ обществу, онъ ищетъ бесѣды, компаніи; русскіе люди скоро сходятся, повѣряютъ другъ другу свои мысли, чувства, надежды и опасенія, скоро сближаются между собою. Это качество—общительность русскаго народа, обыкновенно сопровождаемое радушіемъ и гостепріимствомъ, есть древнее свойство славянской натуры; по историческимъ свидѣтельствамъ, древніе славяне были народомъ радушнымъ, гостепріимнымъ и охотно принимали странниковъ. Между прочимъ, замѣтимъ также, проявлявшееся еще у древнихъ славянъ, другое качество русскаго народа, о которомъ мы говорили выше,—мягкость и доброту; мягкость и доброту древнихъ русскихъ славянъ можно видѣть изъ ихъ обращенія съ рабами. Съ рабами древніе славяне обращались на столько мягко и гуманно, что приравнивали ихъ къ домочадцамъ, или, подержавъ ихъ нѣсколько времени, отпускали на свободу. Едва-ли кто станетъ опровергать, что замкнутость, сосредоточенность нѣмца, его необщежительность, медленность въ сближеніи съ людьми составляютъ совершенно противоположныя качества съ качествами славянина вообще и русскаго въ частности.

Много хорошихъ и симпатичныхъ свойствъ можно указать въ русской натурѣ, объясняя ихъ происхожденіе выведеннымъ нами принципомъ; но нельзя скрывать и дурныхъ сторонъ его характера. Изображать эти дурныя стороны слѣдуетъ не для порицанія народа, не для упрека ему, не для осужденія его на историческое безсиліе; но для истиннаго пониманія его исторической жизни, уясненія особенностей ея и условій, при кото-

рыхъ возможно достиженіе народнаго развитія и благосостоянія; только уяснивъ особенности народнаго характера, можно рѣшить вопросъ, какія формы жизни и учрежденія наиболѣе для него пригодны. Главный коренной недостатокъ русской экспансивной натуры, какъ мы уже сказали выше, отсутствіе большаго запаса внутренней нервной силы или силы характера, силы воли. Если впечатлѣнія, быстро проносясь по нервной системѣ, мало оставляютъ въ ней слѣдовъ, если опыты жизни не запечатлѣваются глубоко въ душѣ, если испытанныя радости и страданія не прочно залегли въ ней и воспоминанія о нихъ хотя есть, но не глубоко и сильно ощущаются;—трудно ожидать отъ человѣка твердыхъ убѣжденій, твердыхъ правилъ и принциповъ, прочныхъ и постоянныхъ чувствъ*). Человѣкъ мыслитъ и вырабатываетъ себѣ большинство убѣжденій подъ вліяніемъ волнующихъ его чувствъ и страстей; въ этой истинѣ едва-ли кто станетъ сомнѣваться: мы легко и охотно вѣримъ тому, во что намъ хочется вѣрить. Съ другой стороны, по пословицѣ: у страха глаза велики, мы въ виду боязни предстоящей опасности склонны преувеличивать значеніе происходящихъ или имѣющихъ произойти событій. Подъ вліяніемъ этого закона происходитъ у человѣка впечатлительнаго отсутствіе постоянства убѣжденій и ровности въ поведеніи: человѣка поражаетъ впечатлѣніе; внутренней силы мало, чтобы противостоять ему; прошлые опыты недостаточно живы въ сознаніи, чтобы не допустить этому впечатлѣнію овладѣть человѣкомъ; оно охватываетъ его цѣликомъ; возбуждается желаніе получить удовольствіе или избѣжать страданія;

*) Если бы воля человѣка создавалась только, какъ выражается задержкою впечатлѣній, интенсивностью запаса нервной силы, мы должны бы были придти къ печальному результату. Излишняя экспансивность русскаго человѣка, какъ причина недостатка у насъ характеровъ, говоря вообще, была-бы органическимъ, неисцѣлимымъ порокомъ нашей природы. Къ счастію, воля не образуется только задержкою впечатлѣній, запасомъ потенціальной нервной силы, она—сила самостоятельная человѣческаго духа, могущая, повинуясь разуму, повелительно (императивно) задерживать впечатлѣнія, не давать нервному току распространяться по двигательнымъ нервамъ и, такимъ образомъ, полагая разумныя предѣлы излишней экспансивности человѣка, создавать для него характеръ, не лишая его при этомъ духа общительности. Объ этомъ свидѣтельствуетъ ежедневный опытъ каждаго. Такое значеніе воли, однако, нисколько не колеблетъ результата изслѣдованія почтеннаго автора, его вывода духа общинности изъ экспансивности природы человѣка. Мы желаемъ только сказать, что экспансивность русскаго человѣка не лишаетъ его возможности стать личностью съ твердыми убѣжденіями.

Ред.

желаніе это дѣлается господствующимъ стимуломъ; подъ вліяніемъ аффекта умъ начинаетъ работать односторонне; и вотъ—всѣ задатки, чтобы человѣкъ поступилъ стремительно, съ горяча, подъ вліяніемъ перваго впечатлѣнія. Быстро возбужденные нервы быстро ослабляются; страстное желаніе скоро охладѣваетъ, какъ сухая солома быстро воспламеняется и скоро гаснетъ; является новое впечатлѣніе и—новая страсть, новое возбужденіе, новый строй мысли и новые поступки. Но такъ же, какъ смѣна впечатлѣній разнообразна, бываетъ разнообразенъ, нестоекъ, непостояненъ и измѣнчивъ впечатлительный человѣкъ: нѣтъ у него ровности въ поведеніи, нѣтъ стойкости и упорства въ стремленіи къ достиженію глубоко запавшей въ сознаніи цѣли, нѣтъ твердыхъ принциповъ, постоянства чувствъ и убѣжденій; быстры у него переходы отъ радости къ горю, отъ надежды къ отчаянію, отъ страстной любви къ ненависти, отъ увлеченія къ апатіи, отъ очарованія къ разочарованности; впечатлѣнія, какъ волны, ударяютъ въ этого человѣка, охватываютъ его и несутъ то въ ту, то въ другую стороны; внутренней силы для борьбы съ внѣшними вліяніями мало, устойчивости нѣтъ, и онъ, не управляя обстоятельствами, самъ дѣлается игрушкою ихъ или судьбы и колеблется въ жизненныхъ волнахъ, какъ утлая ладья, какъ перо на вѣтрѣ. Таковы крайнія послѣдствія нашей нервной и впечатлительной славянской натуры. Взглянемъ на нѣмца: онъ тугъ на воспріятіе впечатлѣній и съ перваго раза кажется просто тупымъ; онъ медленно соображаетъ, плохо усвоиваетъ, рѣдко увлекается, но за то у него есть ровность въ поведеніи, постоянство въ убѣжденіяхъ, упорство въ достиженіи цѣли, методичность, аккуратность, принципіальность во всемъ. Медленно, тихо, ровно, спокойно шествуетъ онъ по заранѣе обдуманному пути; его не увлекутъ въ сторону моментальныя впечатлѣнія; его не собьютъ съ пути пылающія огнемъ страсти; онъ медленно ступаетъ, но твердъ шагъ его, тяжело ложится ступня его на землю; его трудно поколебать,—онъ постояненъ и упоренъ.

Подтвердить фактами нарисованную нами картину русскаго и нѣмца весьма трудно, въ виду подавляющей массы ихъ; надо перебрать всю исторію и литературу; мы ограничимся указаніемъ того типа, который въ нашей беллетристической литературѣ такъ рельефно возвышается надъ всѣми другими типами, который живетъ и не умираетъ—типъ Онѣгина, Печорина, Рудина, Бельтова, Тентетникова, Обломова, Агарина, типъ Гамлетовъ щигров-

скихъ и «лишнихъ людей». Если первыя два лица окрещивались названіемъ разочарованныхъ людей, то, по нашему мнѣнію, эта разочарованность есть прямое слѣдствіе ихъ впечатлительности, экспансивности и безхарактерности; быстро бросаются они въ жизнь, окунаются въ море страстей, ихъ «влечетъ жажда жизни впередъ и впередъ»; но воспламенившаяся страсть быстро угасаетъ, на смѣну ей является новая и новая до тѣхъ поръ, пока всѣ страсти не исчерпаны, пока нервная система не придетъ въ состояніе апатіи и угнетенія. Тогда начинается горькая пора жизни, пора безнадежности, скуки, грусти, апатіи и пустоты жизни: прошедшія впечатлѣнія бурно бушевали, но мало оставили слѣдовъ въ глубинѣ души; въ ней, по выраженію поэта, «прошлаго нѣтъ и слѣда — и горе, и радость, и все такъ ничтожно». Но если прослѣдить дальнѣйшее развитіе этого типа, то намъ во всѣхъ указанныхъ выше лицахъ предстанутъ съ поразительною ясностью основныя черты ихъ психическихъ свойствъ. Всѣ эти люди глубоко *впечатлительны*, *люди добрые, мягкіе*, *довольно открытые*, *общительные и экспансивные*. Экспансивность ихъ выражается въ ихъ желаніи говорить: они говорятъ много, умно и горячо, что̀ переходитъ часто въ болтовню, какъ у Чацкаго и Рудина. Горячо и съ увлеченіемъ хватаются они за дѣло, чувствуя въ себѣ необъятныя силы, готовые, казалось бы, перевернуть міръ; но встрѣчаются препятствія, удары судьбы, неудачи,—и надежды, вслѣдствіе первоначальнаго увлеченія и преувеличенія ихъ, разбиваются, а затѣмъ и внутри ихъ происходитъ охлажденіе, безсиліе, и человѣкъ сбитъ уже съ пути и впадаетъ въ вялость и апатичность. Одни складываютъ руки и забиваются въ деревню, какъ Тентетниковъ; другіе хватаются за новое дѣло, снова увлекаются и снова бросаютъ его и скитаются безпріютными, рыскаютъ по свѣту, не зная куда пристать, что̀ начать и какъ покончить съ своею судьбою. На сколько вначалѣ гордости и самомнѣнія, на столько впослѣдствіи робости и малодушія: они боятся сдѣлать важный и серьёзный шагъ въ жизни. Эта робость, это малодушіе—сознаніе внутренней пустоты и безсилія. Измѣнчивость и непостоянство, недостатокъ стойкости и упорства, непостоянство чувства и убѣжденій—характерныя черты этого преобладающаго въ нашей литературѣ типа. На это отсутствіе твердой воли, на эти постоянно смѣняющіяся паденія и поднятія духа слышатся жалобы въ мірѣ; поэты слились въ одинъ хоръ, жалуясь на без-

силіе, выражая отчаяніе. Много слышится скорби въ нашей поэзіи, много ея и въ душѣ каждаго русскаго человѣка; склонность русскаго человѣка къ тоскѣ, его безконечная грусть также безконечна, какъ русская степь, и поражаетъ всѣхъ иностранцевъ. Она слышится въ народныхъ пѣсняхъ, — печальныхъ и заунывныхъ; «народныя пѣсни»—говоритъ Гакстгаузенъ: «монотонны, всегда бемольны, съ жалобной и растянутой послѣдней нотой. Грусть и печаль сдѣлались характерными тонами самаго органа словъ русскаго народа: русскій человѣкъ даже сердится, бранится, кричитъ на лошадей всегда мягкимъ, кроткимъ голосомъ, никогда не слышно у него рѣзкаго, гнѣвнаго крика, какъ у романскихъ и германскихъ; напротивъ того, слышатся всегда отголоски тихой грусти *). Откуда эти грустныя пѣсни,—спрашиваетъ Гакстгаузенъ,—что это: жалобы ли на суровый климатъ, мрачное небо, непріютную природу?—Нѣтъ,—отвѣчаетъ онъ,—эту грусть и тоску мы встрѣчаемъ вездѣ: и среди щедрой природы, и тамъ, гдѣ народъ живетъ въ довольствѣ». И Гакстгаузенъ такъ и не рѣшаетъ этого вопроса. Присущая русскому духу меланхоличность есть, по нашему мнѣнію, послѣдствіе разбитыхъ надеждъ, испытанныхъ разочарованій и неудачъ, неосуществимости завѣтныхъ думъ и желаній. Мы такъ много ждемъ, на многое надѣемся, выходя на жизненное поприще, и такъ мало достигаемъ, такъ оказываемся безсильны въ проведеніи своихъ идей, что сознаніе этого безсилія невольно гнететъ нашу душу и ждетъ выхода въ жалобныхъ пѣсняхъ тоски и отчаянія. Тоска и грусть русской души объясняются также вѣчными диссонансами, присущими ей, диссонансами чувствъ и ощущеній. Сколь разнообразны впечатлѣнія, дѣйствующія на человѣка, сколь быстро они смѣняютъ другъ друга; столь-же разнообразныя чувства волнуютъ русскаго человѣка и смѣняются въ душѣ его. Много страстей, много противоположныхъ желаній обуреваютъ его душу: не успѣваетъ умереть одно, рождается другое и многаго ему хочется. Это столкновеніе ощущеній порождаетъ, если можно такъ выразиться, диссонансъ въ душѣ человѣка; говоря физіологическимъ языкомъ, диссонансъ ощущеній есть столкновеніе нервныхъ токовъ, а всякое столкновеніе нервныхъ токовъ, какъ напримѣръ, при музыкѣ, сопровождается страданіемъ и потерей нервной силы, такъ какъ при столкновеніи силы другъ друга

*) *Гакстгаузенъ*. Изслѣдованія, стр. 423.

уничтожаютъ (законъ Бэна) *). Разнообразіе противоположныхъ страстей, борящихся между собою, сопровождается потерей силы и страданіемъ или тоской. Этотъ диссонансъ въ душѣ человѣка, эта смѣна разнообразныхъ ощущеній, сопровождающихся, въ концѣ концовъ, грустью, прекрасно выражена Пушкинымъ въ стихахъ:

Что-то слышится родное
Въ долгихъ пѣсняхъ ямщика:
То разгулье удалое,
То сердечная тоска!

Русскій человѣкъ груститъ и недоволенъ самъ собой; его желанія всегда выше ихъ осуществленія, и какая разница въ этомъ отношеніи съ нѣмецкимъ самодовольствомъ! Нѣмецъ самодоволенъ и спокойно веселъ, но за то онъ узко самодоволенъ. Мы тоскуемъ, мы бичуемъ себя, но въ этомъ самобичеваніи, въ этомъ добровольномъ распятіи лежитъ залогъ искупленія и обновленія нашего; ибо распятіемъ искупился міръ и черезъ него— спасеніе рода человѣческаго.

Чтобы избѣжать недоразумѣній, мы должны коснуться сравненія славянской расы съ романской, въ частности — сравненія русскаго съ французомъ. Возраженіе, которое могутъ представить намъ, мы предчувствуемъ: намъ скажутъ, что тѣ качества, въ которыхъ мы видимъ отличительное свойство русскаго, есть также отличительныя свойства француза; французъ, — возразятъ намъ, — также впечатлителенъ, также непостоянен и измѣнчивъ, какъ и русскій. Дѣйствительно, характеръ французовъ болѣе близокъ къ намъ, чѣмъ характеръ нѣмца; но сильно ошибутся тѣ, которые отождествятъ характеръ русскаго съ характеромъ француза. Мы согласны, что французъ также впечатлителенъ, какъ и русскій, но дѣло въ томъ, что у француза болѣе способности задерживать свои впечатлѣнія и препятствовать имъ выливаться непосредственно наружу. Мы сказали, что стремленіе возбужденныхъ чувствительныхъ нервовъ перейти въ двигательные нервы и проявиться въ мускульныхъ движеніяхъ, во-первыхъ, тѣмъ больше, чѣмъ больше впечатлительность или возбудимость чувствительныхъ нервовъ, во-вторыхъ, чѣмъ больше нервные токи, проходя по пути отъ чувствительныхъ нервовъ къ двигательнымъ, задерживаются въ нервныхъ центрахъ, т. е. чѣмъ

*) Bain. L'esprit et le corps.

болѣе нервные центры имѣютъ способности задерживать эти движенія и скоплять въ себѣ нервную силу. Такимъ образомъ, возбудимость нервовъ можетъ быть у двухъ субъектовъ одна и та же, но задерживающая способность центровъ у одного больше, чѣмъ у другаго; отсюда понятенъ и результатъ: первый будетъ скоплять болѣе внутренней нервной силы и обладать бо̀льшимъ характеромъ, нежели второй. Разница между русскимъ и нѣмцемъ зависитъ отъ неодинаковой впечатлительности; между русскимъ и французомъ—отъ неодинаковой способности сдерживать впечатлѣнія. Вслѣдствіе этого, въ своей частной и экономической жизни французъ также акуратенъ, упоренъ и постояненъ, какъ нѣмецъ; французъ—лучшій въ мірѣ промышленникъ; доброта его издѣлія, его богатство и развитіе экономической предпріимчивости объясняется, сравнительно съ нѣмецкою, его воспріимчивостью и связанною съ нею быстротою и остротою соображенія, какими качествами мало обладаетъ нѣмецъ; а сравнительно съ русскою промышленностью французъ превосходитъ русскаго вслѣдствіе своей дисциплины, своей акуратности, стойкости и упорства въ достиженіи цѣли. Безхарактерный человѣкъ не могъ бы быть такимъ хорошимъ хозяиномъ и промышленникомъ, какъ французъ. Его отличіе отъ славянина проявляется во всѣхъ другихъ чертахъ: французъ тоже добръ, но болѣе сдерживаетъ свои порывы доброты и состраданія и не протягиваетъ такъ скоро руки помощи, какъ русскій; французъ менѣе мягокъ и болѣе черствъ. Французъ можетъ полюбить человѣка, какъ и русскій; но меньше выскажетъ свое чувство и не полѣзетъ такъ скоро въ объятія, какъ русскій. Французъ болтливъ, но онъ болтаетъ о пустякахъ; въ вещахъ серьезныхъ, важныхъ онъ съумѣетъ скрыть себя, и его душа не такъ открыта на распашку, какъ душа русскаго. Измѣнчивость и непостоянство француза замѣтны не въ его домашней и экономической жизни, а въ его политической жизни; но и въ этомъ отношеніи между французомъ и русскимъ большая разница: французъ, проникаясь извѣстными политическими идеями и страстями, обнаруживаетъ ихъ не сразу, но долго хранитъ въ себѣ, накопляетъ запасъ ненависти противъ господствующаго режима, запасъ злобы и другихъ политическихъ страстей; долго онъ бездѣйствуетъ и повѣряетъ свои политическіе замыслы, свой образъ мыслей и тайны избранному кружку людей. Эдгардъ Кине, въ «Исторіи революціи,» замѣчаетъ, что до самой революціи большинство дѣятелей

ея были совершенно неизвѣстны ни публикѣ, ни правительству, и неизвѣстенъ также былъ и образъ ихъ мыслей; когда настала пора дѣйствовать, тогда огромный запасъ энергіи, ненависти, надеждъ на лучшее будущее, запасъ политическихъ страстей разразился сразу въ вулканическомъ потокѣ дѣйствій французской революціи. Судорожное и быстро-стремительное разряженіе политическихъ страстей неминуемо, по закону реакціи, должно было повести къ охлажденію ихъ, къ апатіи и равнодушію общества, на почвѣ котораго водворился цезаризмъ. Другое аналогичное историческое явленіе—февральская революція и воцареніе Наполеона III. Русскій человѣкъ гораздо экспансивнѣе въ своихъ политическихъ страстяхъ: безумныя дѣйствія извѣстной части русской молодежи объясняются страшною впечатлительностью русскаго человѣка, а также его несдержанностью, когда онъ, подъ вліяніемъ первыхъ жизненныхъ впечатлѣній, увлекается своими страстями до самозабвенія, до потери здраваго смысла. Едва юноша вступилъ въ жизнь, едва онъ почувствовалъ политическую страсть, какъ уже стремительно ищетъ дѣйствовать и осуществить на дѣлѣ свой образъ мыслей. Съ зрѣлымъ возрастомъ страсти угасаютъ; русскій человѣкъ, мало того, что дѣлается спокойнымъ и разсудительнымъ, но совершенно апатичнымъ и равнодушнымъ къ общественнымъ интересамъ, тогда какъ французы, сплошь и рядомъ, сохраняютъ свои политическіе идеалы отъ юныхъ лѣтъ до сѣдыхъ волосъ. Если взять зрѣлаго русскаго человѣка, то онъ, видя какія-либо печальныя явленія въ общественной жизни, возмущается, кричитъ, на словахъ лѣзетъ на стѣну, а затѣмъ обнаруживаетъ полное бездѣйствіе и апатію и занимается провожденіемъ времени за картами и въ увеселеніяхъ. Французъ измѣнчивъ, но его шествіе можно изобразить линіею съ крутыми зигзагами, движеніе нѣмца съ медленнымъ движеніемъ по прямой линіи, а движеніе русскаго можно изобразить неправильной смѣшанной линіей. Конечно, во всѣхъ печальныхъ явленіяхъ русской жизни, можетъ быть, дѣйствуютъ и другіе факторы, но только народному характеру нужно приписать большое участіе въ нихъ.

Мы сравнили выдающіеся тины славянской, романской и германской расъ. Всѣ другіе народы этихъ расъ повторяютъ въ себѣ выдающіяся черты этихъ трехъ типовъ. Англичанинъ, въ его спокойствіи и желѣзной волѣ, уподобляется нѣмцу; испанецъ и итальянецъ также впечатлительны, какъ французъ, но умѣютъ

задерживать на долго свои ощущенія, что̀ доказывается, напримѣръ, злопамятностью и мстительностью испанца. Полякъ, малороссъ и другіе также воспріимчивы и экспансивны, какъ и великоруссъ. Говорятъ иногда, что хохлы упорны. Это не совсѣмъ вѣрно: зная малоросовъ, мы убѣждены, что масса ихъ — удивительно мягкій и податливый народъ; упорство отдѣльныхъ личностей не есть признакъ ихъ характера или постоянства; упорство это—просто нежеланіе согласиться съ мнѣніемъ другаго и хохолъ упоренъ въ этомъ отношеніи особенно тогда, когда его заставляютъ сознаться, что онъ неправъ; слѣдовательно, упорство малоросса есть результатъ ложнаго самолюбія, аффектированнаго подъ вліяніемъ непосредственнаго впечатлѣнія. Мы знаемъ примѣры такихъ упорныхъ, повидимому, малоросовъ, которые являлись въ жизни такими же нестойкими, неровными и эксцентричными людьми, какъ вообще всѣ славяне. Нельзя также отвергать и того, что среди русскихъ вообще появляются отдѣльныя лица съ могучей волей и желѣзнымъ характеромъ; но мы говоримъ не объ отдѣльныхъ личностяхъ, а о массѣ. Появленіе отдѣльныхъ личностей съ могучей волей объясняется закономъ контрастовъ; контрастъ отдѣльныхъ единичныхъ личностей съ окружающимъ ихъ обществомъ есть явленіе, постоянно замѣчаемое въ исторіи: среди нравственно разлагавшейся древней Греціи являются высоконравственныя личности Сократа, Платона и Аристотеля; среди развращеннаго древняго римскаго міра являются образцы высочайшей добродѣтели въ лицѣ первыхъ христіанъ. Появленіе желѣзныхъ характеровъ среди всеобщей слабости и нестойкости объясняется весьма просто: болѣе сильный и твердый характеръ, начиная побѣждать и ломать все окружающее, одерживая вездѣ побѣду, все за собою увлекая, удачами своими упражняетъ и развиваетъ свою волю, проникается высокимъ сознаніемъ своей внутренней силы и дѣлается могучъ этимъ возвышающимъ человѣческій духъ сознаніемъ. Однако и въ этихъ желѣзныхъ характерахъ отдѣльныхъ личностей русскаго народа проявляются коренныя свойства славянской расы: широта натуры, крайность, эксцентричность, порывистость, какъ у Петра Великаго, и даже измѣнчивость и нестойкость, какъ, напримѣръ, у Никона. По отдѣльнымъ личностямъ нельзя составлять понятія о свойствахъ цѣлаго народа, и русскій народъ въ общемъ представляетъ нарисованную нами картину его психическихъ свойствъ.

IV.

Трудно представить себѣ человѣка, у котораго въ такой степени соединились бы всѣ свойства, дѣлающія его такъ мало способнымъ къ индивидуальной борьбѣ за существованіе, какъ у русскаго человѣка; русскій человѣкъ, дѣйствуя въ одиночку, легко можетъ погибнуть физически или нравственно *). Борьба за существованіе требуетъ ока недремлющаго, сердца каменнаго и воли желѣзной. Въ началѣ исторіи борьба за существованіе идетъ въ видѣ грубой войны и взаимнаго разбоя съ оружіемъ въ рукахъ; затѣмъ она видоизмѣняется: вмѣсто грубой войны идетъ война экономическая, посредствомъ конкурренціи, посредствомъ эксплуатаціи работника и потребителей. Разорить и пустить по міру своего конкуррента, выжать сокъ изъ работающаго на тебя, прижать, сколько возможно, нуждающагося въ тебѣ — необходимые спутники борьбы за существованіе. Кто устоитъ въ этомъ бою, кто удачнѣе выдержитъ борьбу, кто одержитъ побѣду? Устоитъ тотъ, кто твердъ и постояненъ въ своихъ дѣйствіяхъ; кто колеблется, кто, бросаясь въ разныя стороны, шатается, кто нестоекъ, тотъ скоро упадетъ. Если человѣкъ не проникнутъ твердыми принципами, если онъ не твердо зарубилъ въ головѣ своей извѣстныя, неизмѣнныя правила, доступенъ разнообразнымъ, дѣйствующимъ на него впечатлѣніямъ, будетъ разнообразенъ въ своихъ чувствахъ, желаніяхъ и страстяхъ, то разнообразныя желанія и страсти будутъ бороться и сталкиваться въ его душѣ. Отсюда произойдетъ отсутствіе цѣльности, шатаніе и колебаніе: разнообразны и противоположны чувства, разнообразны и противоположны и мысли, идущія другъ другу навстрѣчу и вслѣдствіе этого: сомнѣнія, колебаніе и нерѣшительность,—куда направить ударъ, гдѣ стать твердою ногою. Это колебаніе, эта нерѣшительность губятъ дѣло, и человѣкъ проигрываетъ битву; лучше имѣть меньше силъ, да быть цѣльнѣе, чѣмъ имѣть ихъ много, да къ внѣшней борьбѣ присоединить еще внутреннюю, ибо всякое царство, раздѣленное внутри себя, погибаетъ; и какъ часто мы видимъ тупыхъ и глу-

*) Этотъ недостатокъ русскаго человѣка и многіе другіе, о которыхъ упоминается въ статьѣ, коренятся не только въ его природѣ; но и въ неспособности его къ самодѣятельности, неспособности, воспитанной въ немъ строемъ его Государства.

Ред.

поватыхъ людей, но болѣе цѣльныхъ, болѣе рѣшительныхъ, отлично устраивающихъ свои дѣла, и умныхъ,—размышляющихъ и разбрасывающихся въ стороны, — безвременно погибающихъ или сходящихъ со сцены! Кто удачнѣе выдержитъ борьбу? Тотъ, кто терпѣливъ. При увлеченіи, при преувеличенныхъ, подъ вліяніемъ этого увлеченія, надеждахъ, при страстномъ желаніи, какъ можно скорѣе осуществить свою цѣль, должно явиться и нетерпѣніе: встрѣчаются препятствія; человѣку не хочется идти обыкновенной долгой и скучной дорогой, ему хочется перейти путь въ бродъ, сразу дойти до желаннаго мѣста; но въ рѣкѣ можно легко утонуть, и много погибаетъ русскаго народа вслѣдствіе страстнаго желанія разбогатѣть, во что бы то ни стало, безъ особаго труда, сразу.

— «Знаю, знаю тебя, голубчикъ!» говоритъ Гоголь: «Если хочешь, всю исторію разскажу твою. Учился ты у нѣмца, который кормилъ васъ всѣхъ вмѣстѣ, билъ ремнемъ по спинѣ за неакуратность и не выпускалъ на улицу повѣсничать, и былъ ты чудо, а не сапожникъ, и не нахвалился тобою нѣмецъ, говоря съ женой или съ камрадомъ; а какъ кончилось твое ученье: «А вотъ теперь я заведусь своимъ домкомъ», сказалъ ты, «да не такъ, какъ нѣмецъ,—что изъ копѣйки тянется,—я вдругъ разбогатѣю». И вотъ, давши барину порядочный оброкъ, завелъ ты лавчонку, набралъ заказовъ кучу и пошелъ работать. Досталъ гдѣ-то въ три-дешева гнилушки кожи, и выигралъ, точно, вдвое на всякомъ сапогѣ, да черезъ недѣли двѣ перелопались твои сапоги и выбранили тебя подлѣйшимъ образомъ. И вотъ лавчонка твоя запустѣла, и ты пошелъ попивать да валяться по улицамъ, приговаривая: «Нѣтъ, плохо на свѣтѣ! Нѣтъ житья русскому человѣку — все нѣмцы мѣшаютъ».

Одержитъ побѣду тотъ, кто чуждъ состраданія, кто ничѣмъ не смягчится, у кого не дрогнетъ рука нанести другому самый тяжелый ударъ; разбогатѣетъ ростовщикъ, котораго не тронутъ слезы вдовы, не потрясутъ раздирающіе душу слезы и вопли сиротъ. Мягкость и доброта русскаго человѣка вредны для него въ безжалостной борьбѣ за существованіе: здѣсь, мало того, что нужно отсутствіе мягкости, — здѣсь надо имѣть злопамятность и глубокую ненависть къ врагу, прочно запавшую въ душу и никогда не угасавшую, для того, чтобы бить врага безъ пощады. А русская незлобливость, отсутствіе ненависти и даже состраданіе къ врагу, прощеніе ему всѣхъ обидъ, — развѣ не

общеизвѣстные факты? Развѣ эти качества въ русскомъ солдатѣ не поражали иностранныхъ корреспондентовъ во время послѣдней войны? Не въ силу умственной слабости славянъ, не въ силу ихъ невѣжества; но лишь въ силу коренныхъ ихъ психическихъ свойствъ происходитъ то явленіе, что славяне, сталкиваясь съ нѣмцами, не выдерживали съ ними борьбы, не только политической, но и экономической, и становились въ политическую и экономическую зависимость отъ нихъ. Въ борьбѣ русскихъ между собою происходятъ самыя печальныя явленія. Мы сказали, что чѣмъ разнообразнѣе чувства человѣка и чѣмъ они больше сталкиваются между собою, какъ у русскаго человѣка, тѣмъ меньше цѣльности и меньше силы у человѣка и тѣмъ вѣрнѣе онъ гибнетъ. Для борьбы надо создать въ себѣ цѣльность; для этого представляется весьма простой способъ: чѣмъ человѣкъ порядочнѣе, чѣмъ онъ идеальнѣе, чѣмъ болѣе, на ряду съ животными потребностями, у него разныхъ нравственныхъ, умственныхъ, эстетическихъ и другихъ интересовъ, тѣмъ труднѣе для него, если это — натура впечатлительная и экспансивная, выработать цѣльность характера, тѣмъ болѣе поводовъ внутренно бороться, сомнѣваться и колебаться; эгоизмъ и нравственныя чувства, приходя постоянно въ столкновеніе, часто непримиримы между собою, и изъ этой борьбы противоположныхъ чувствъ является слабость. Слѣдовательно, если человѣкъ не выработалъ въ себѣ твердыхъ убѣжденій, принципіальныхъ правилъ для жизни, онъ становится цѣльнымъ въ своемъ родѣ характеромъ, когда заглушитъ въ себѣ и что въ немъ было идеальнаго и святаго и ограничится животными цѣлями. Человѣкъ, забывшій Бога, поправшій совѣсть, у котораго не дрогнетъ рука, не задумается голова, этотъ человѣкъ, тоже въ своемъ родѣ цѣльный, и въ борьбѣ съ порядочнымъ человѣкомъ, при нестойкости и порывистости этого послѣдняго, погубитъ его. Трудно забыть тяжелое впечатлѣніе, которое производитъ повѣсть Тургенева: «Постоялый дворъ»; здѣсь ведутъ борьбу два русскихъ мужика: одинъ добръ, нѣсколько идеаленъ, хотя не герой, а съ людскими слабостями; другой — типъ русскаго кулака — черная душа безъ сердца, безъ всякаго намека на порядочность, безъ сомнѣній и тревогъ. Въ завязавшейся между ними борьбѣ послѣдній бьетъ и накрываетъ перваго вездѣ такъ искусно, такъ удачно, какъ будто ему помогаетъ какая-то невѣдомая злая сила. Этими соображеніями объясняются тѣ факты, почему среди русскаго на-

рода возвышаются кулаки — типъ достаточно извѣстный, чтобы о немъ говорить. Чтобъ быть нравственно цѣльнымъ, надо выработать себѣ строгіе принципы и имѣть силу подчинить себя имъ. Въ западной Европѣ есть типъ буржуа; этотъ человѣкъ — эгоистъ и черствъ, но у него есть правила чести, строгіе принципы, болѣе или менѣе нравственные, отъ которыхъ онъ никогда не отступаетъ; нашъ кулакъ безъ правилъ, безъ принциповъ, у него нѣтъ ни *foi,* ни *loi.* Это потому, что западно-европейскій человѣкъ, ведя борьбу за существованіе, стоекъ и принципіаленъ, терпѣливъ и постояненъ и, вслѣдствіе этого, цѣленъ, причемъ можетъ, помимо эгоистическихъ интересовъ, имѣть и другіе—умственные, нравственные и эстетическіе. Наоборотъ, рѣдко мы видимъ, чтобы нашъ кулакъ имѣлъ другіе умственные интересы, кромѣ соображеній о рублѣ, чтобы онъ имѣлъ какіе-либо эстетическіе интересы. А что касается до честности, то честность нѣмецкаго торговца — и обманы, обмѣриванія и обвѣшиванія русскаго хорошо знакомы намъ. «Простой русскій мужикъ добросовѣстенъ и симпатиченъ», говоритъ Гакстгаузенъ: «но если онъ богатѣетъ, становится торговцемъ, купцомъ,—онъ портится и дѣлается мошенникомъ»*). Это не потому, чтобы нѣмецъ былъ по натурѣ честнѣе, но потому, что русскій, по своей натурѣ, стремится въ крайности, что нѣмецъ можетъ довольствоваться срединой, т. е. быть эгоистомъ и остаться формально честнымъ, а русскій — одно изъ двухъ: или быть высоко добродѣтельнымъ, или быть безчестнымъ. Наши мнѣнія находятъ себѣ подтвержденіе въ теперешнемъ, тяжеломъ для нашей родины, времени. Когда высшее сословіе—дворянство жило, при крѣпостномъ трудѣ, на даровыхъ хлѣбахъ и стояло внѣ борьбы за существованіе, у насъ являлось и возвышалось много идеальныхъ характеровъ и было больше порядочныхъ людей, или, по крайней мѣрѣ, они играли лучшую роль. Когда разрублены были крѣпостныя перегородки, когда всѣ по жадности или по неволѣ бросились въ экономическую борьбу за существованіе, тогда проникла всюду грязь: по деревнямъ возвышаются кулаки, міроѣды; въ общественной жизни высшаго сословія—хищники и пѣнкосниматели, выражаясь языкомъ Щедрина. На этомъ темномъ фонѣ порядочныхъ людей не видно, они выбиты изъ колеи и, чувствуя свое безсиліе, сидятъ, сложа руки, ожидая откуда-то

*) *Гакстгаузенъ.* Изслѣдованія, т. I, стр. 35.

спасенія. Спасеніе не придетъ съ неба, спасеніе должно придти отъ насъ самихъ, отъ нашего народа. Чтобы узнать, въ чемъ наше спасеніе, надо изучить этотъ народъ, узнать его исторію, его свойства, и посмотрѣть, какой выходъ находилъ для себя этотъ народъ при своей неспособности къ индивидуальной борьбѣ за существованіе. Нѣкоторые скажутъ намъ, что мы свои мнѣнія подтверждаемъ лишь наблюденіемъ надъ высшимъ классомъ общества; но кто знакомъ съ русскимъ крестьяниномъ, тотъ согласится съ нами, что онъ воспроизводитъ въ своемъ характерѣ всѣ типическія особенности славянской натуры. Разница между человѣкомъ русскимъ высшаго сословія и простымъ та, что простой человѣкъ по нуждѣ долженъ много трудиться и представляется большимъ труженикомъ, а не пустымъ человѣкомъ. Но въ то же время русскій крестьянинъ можетъ работать цѣлые мѣсяцы безъ отдыха, безъ устали, какъ волъ, и потомъ загулять и спустить все добытое—въ одинъ день. Русское простонародное *авось* объясняется ничѣмъ инымъ, какъ отсутствіемъ принципіальности, систематичности и методичности въ жизни, причемъ, конечно, вездѣ приходится имѣть дѣло съ случайностями и разсчитывать на случай*). Самое пьянство русскаго народа объясняется отчасти слабостью его воли, неровностью характера; русскій человѣкъ то даетъ зарокъ и не пьетъ вовсе, то предается дикому разгулу. Всѣ типичныя свойства русской натуры проявляются въ простомъ народѣ не только въ настоящее время, но и въ древней Руси. Пусть говоритъ самъ народъ, пусть онъ самъ укажетъ причину своего несчастія, пусть самъ опишетъ исторію своего «горя-злосчастія». Повѣсть народная «о Горѣ-Злосчастіи» прекрасно рисуетъ всѣ типическія свойства русскаго простаго человѣка, и мы считаемъ нужнымъ разсказать здѣсь ея содержаніе. Повѣсть о «Горѣ-Злосчастіи» («какъ Горе-Злосчастіе довело добра молодца во иноческій чинъ») относится къ весьма отдаленному времени; по крайней мѣрѣ, по словамъ г. Костомарова, сюжетъ повѣсти принадлежитъ глубокой древности: «это произведеніе чисто русское, самобытное по содержанію, языку и духу; по содержанію оно единственное до

*) Но въ этомъ виновна не одна экспансивность природы русскаго человѣка, а главнѣйше, можетъ быть, то, что не выработалась *личность* у насъ. Правильно развитая личность не противорѣчитъ общинности.—Да и гдѣ-же было выработаться такой личности, когда были задавлены и самодѣятельность и свобода ея.
Ред.

сихъ поръ произведеніе и не можетъ быть ни съ чѣмъ сравниваемо». Повѣсть начинается приступомъ, заключающимъ въ себѣ благочестивыя размышленія, въ которыхъ высказывается мысль о грѣхопаденіи. Потомъ слѣдуютъ наставленія родителей доброму молодцу, предостереженія его отъ пороковъ. Но добрый молодецъ былъ самонадѣянъ:

Своему отцу стыдно покориться,
А матери — поклониться;
А хотѣлъ жити, какъ ему любо.

Онъ не слушается наставленій родителей. Здѣсь прежде всего проявляется черта, присущая впечатлительной славянской натурѣ: въ началѣ дѣятельности люди этой натуры удивительно самонадѣянны, проникаются несбыточными надеждами, не хотятъ жить въ узкой рамкѣ старинныхъ преданій, ищутъ новой жизни, самостоятельности и новыхъ впечатлѣній. Добрый молодецъ не взялъ отъ отца и матери благословенія великаго и, отказавшись отъ роду и племени, нашелъ себѣ плохую опору въ дружбѣ; молодецъ наживаетъ пятьдесятъ рублей и у него является пятьдесятъ друзей. Это тоже одно изъ коренныхъ качествъ русскаго человѣка—быстро сходиться, сближаться съ людьми и вступать съ ними въ дружбу. При этомъ не послѣднюю роль играетъ и довѣрчивость впечатлительной натуры; натура эта поражается непосредственными впечатлѣніями, которыя производятъ на нее ласковыя слова, пріятныя увѣренія людей и т. п.; отрѣшаться отъ этихъ непосредственныхъ впечатлѣній и заглянуть въ глубь человѣка она не любитъ. Другъ добра-молодца, названный братъ, при первомъ удобномъ случаѣ напоилъ его замертво и даетъ добрый совѣтъ, чтобы онъ «гдѣ пилъ, тамъ и ложился спать», и соннаго его ограбилъ. Проснувшись, молодецъ приходитъ въ отчаяніе; ему стало нечего ѣсть и пить: «какъ не стало ни деньги, ни полуденьги, какъ не стало ни друга, ни пол-друга, родъ и племя отчитаются, всѣ друзья прочь отпираются». Выходъ изъ затруднительнаго положенія былъ: стоило только пойти къ отцу и матери и покаяться, но не такова эта натура; она такъ поражается несчастіемъ, что приходитъ въ отчаяніе, главное — ему стыдно явиться къ отцу и матери и нѣтъ силы превозмочь это непріятное чувство; поэтому онъ пошелъ въ дальнюю сторону. Здѣсь попалъ онъ къ добрымъ людямъ; сидитъ онъ на пиру и, какъ человѣкъ экспансивный, не можетъ скрыть своихъ

печальныхъ ощущеній, сидитъ съ печальнымъ лицомъ, далеко не было у него той твердой воли, о которой говорилъ Кольцовъ: «чтобы съ горемъ въ пиру быть съ веселымъ лицомъ». Но этого мало; ощущенія его просятся наружу, и онъ сразу раскрываетъ мало знакомымъ людямъ свою душу и пускается въ совершенно нетактичную и непрактичную откровенность: начавъ разсказывать имъ про свои пороки, про свое пьянство медвяное, про свою непокорность родителямъ. Такая совершенно нетактичная и лишняя рекомендація могла бы, конечно, повредить ему, уронивъ его въ глазахъ людей; но по счастію люди на этотъ разъ оказались добрыми. Они даютъ ему полезные совѣты, и онъ съ тѣхъ поръ сталъ жить умѣючи и *отъ великаго своего ума-разума* наживалъ имѣнія больше прежняго. Тутъ задумалъ онъ жениться, но на бѣду сталъ похваляться: «нажилъ-де я, молодецъ, живота больше стараго». Похвальба и хвастовство — постоянно проявляющіяся качества подобныхъ натуръ; скрыть свою радость, свои надежды—для нихъ очень трудно:

«А всегда гнило слово похвальное,
Похвала живетъ — человѣку пагуба».

Подслушало эту похвальбу «Горе-Злосчастіе»—какое-то безобразное чудовище, посланное судьбою терзать молодца. Оно начинаетъ искушать молодца, является ему во снѣ, дѣлаетъ наговоры на невѣсту. Добрый молодецъ опять высказалъ свое природное качество—довѣрчивость; онъ повѣрилъ коварнымъ навѣтамъ и отказался отъ женитьбы. Ясно, что «Горе-Злосчастіе» есть олицетвореніе стеченія обстоятельствъ, вредящихъ постоянно русскому человѣку, причина которыхъ лежитъ въ немъ самомъ. И безъ этого чудовища похвальба могла найти завистниковъ, которые, чтобы помѣшать счастію человѣка, прибѣгли бы къ наговорамъ; причина несчастія не въ этомъ миѳическомъ существѣ, а въ похвальбѣ и довѣрчивости. Напортивъ самъ себѣ, добрый молодецъ такъ поддается горю и такъ безразсудно дѣйствуетъ подъ его вліяніемъ, что пропилъ все добро, порвалъ всѣ общественныя связи и пошелъ скитаться въ чужую сторону, словомъ, поступилъ крайне эксцентрично. Но на чужой сторонѣ онъ уже окончательно не владѣетъ собою, приходитъ въ отчаяніе и рѣшается на самоубійство. На этотъ рѣшительный шагъ не хватило духу,—мало-по-малу отчаяніе проходитъ и уступаетъ мѣсто другому чувству—покорности: онъ рѣшается покориться смиренно

горю—нечистому и жить по пословицѣ: «въ горѣ жить некручинну быть». Если бы это настроеніе духа продолжалось долго, добрый молодецъ, можетъ быть, и успокоился-бъ; но оказалось, что это опять минутное настроеніе. Горе идетъ съ нимъ подъ руку, подъ правую:

«Научаетъ молодца богато жить,
Убить и ограбити,
Чтобы молодца за то повѣсили».

Опять, значитъ, новое настроеніе, новыя чувства и желанія, новые соблазны и мысли. Не стало у молодца ни силы, ни духу бороться съ нечистымъ горемъ, т. е., по-просту, съ самимъ собою; горе ему, излукавившись, прежде совѣтовало пропить все имѣніе, потому что: «босому-ногому разбой не страшенъ», а теперь, когда у него ничего нѣтъ, злобно подзадоривало его богато жить. Тогда добрый молодецъ, не видя для себя никакого исхода въ лукавствѣ нечистаго духа, вспомянулъ спасенный путь и, признавъ свою душевную несостоятельность, пошелъ постригаться въ монастырь, «а Горе у святыхъ воротъ оставается».

Эта несчастная жертва съ своей кротостью, пьянствомъ, уступчивостью, безхарактерностью, непостоянствомъ, довѣрчивостью и безсиліемъ справиться съ самимъ собою, жертва самого себя, своего собственнаго характера есть удивительно мѣткое изображеніе крайнихъ послѣдствій обыкновеннаго русскаго характера, который, конечно, рѣдко проявляется въ такихъ рельефныхъ чертахъ. А мораль этой повѣсти ясна: причина несчастій русскаго человѣка, главнымъ образомъ, въ немъ самомъ, въ его психическихъ свойствахъ, которыя грозятъ ему погибелью; добрый молодецъ страдаетъ не отъ глупости, онъ великаго умаразума, какъ говорится въ повѣсти,—онъ страдаетъ отъ другихъ качествъ его души.

Но не таково безнадежно положеніе русскаго человѣка, не таковъ печальный исходъ его, какимъ представляется онъ въ этой народной повѣсти. Горю нечистому не обречь русскаго человѣка на затворничество, не заставить его подписать себѣ смертный приговоръ и наложить на себя руки, и напрасно хвастаетъ «Горе-горинское», говоря русскому человѣку: «стой, отъ меня—Горя не уйдешь никуда!» Здравый смыслъ народа нашелъ для себя выходъ, котораго не придумали бы ни великіе философы, ни высокіе моралисты и которымъ не мѣшаетъ поучиться

у простаго народа, гдѣ его спасеніе и какъ долженъ русскій человѣкъ устроивать свою жизнь.

Если русскій человѣкъ оказывается менѣе способнымъ къ индивидуальной борьбѣ за существованіе, чѣмъ другіе европейскіе народы; если, ведя эту борьбу въ одиночку, онъ часто осужденъ на физическую или нравственную погибель, то само собою разумѣется, что спасеніе русскаго человѣка въ томъ, чтобы вмѣсто раздробленія индивидуальныхъ силъ, при которомъ онѣ, ведя борьбу между собою, сталкиваются и взаимно другъ друга въ большей или меньшей мѣрѣ уничтожаютъ, вмѣсто того, чтобы дѣйствовать въ одиночку,—соединить всѣ силы въ одно стройное и гармонично цѣлое и направить совокупность гармонично дѣйствующихъ силъ на кооперативную борьбу съ неорганическою и органическою природою. Это первый raison d'être русской общины и русскаго общиннаго землевладѣнія: вмѣсто раздробленія земли на отдѣльные участки, поступающіе въ индивидуальную собственность отдѣльнымъ хозяевамъ, вмѣсто связанной съ такимъ раздробленіемъ конкуренціи, при которой кулакъ долженъ задавить добросовѣстнаго труженика и, приведя его въ состояніе крайней нужды, заставить продать ему свой участокъ и затѣмъ, въ качествѣ міроѣда, давить и эксплуатировать батрака,—вмѣсто такого порядка вещей, при которомъ, по свойству русской натуры, неизбѣжно перевѣсъ силъ былъ бы не на сторонѣ болѣе талантливыхъ и способныхъ лицъ, но на сторонѣ болѣе беззастѣнчивыхъ и безсердечныхъ,—русскій человѣкъ инстинктивно и даже сознательно ищетъ выхода изъ этой пропасти въ другомъ порядкѣ вещей. Отдѣльные хозяева-сосѣди, жители извѣстнаго околодка, близко стоящіе другъ къ другу по территоріи и занятіямъ и, слѣдовательно, имѣющіе всѣ условія для столкновенія, для экономической борьбы,—эти естественные конкуренты оставляютъ свои индивидуалистическія стремленія, совокупляютъ свои силы въ одно цѣлое, гармонически направляютъ ихъ къ одной цѣли—борьбѣ съ природой, выработываютъ строй, при которомъ невозможно столкновеніе силъ и уничтоженіе одною изъ нихъ другой. Они смотрятъ на главный источникъ богатства — землю, какъ на общую собственность, чѣмъ устраняется опасное послѣдствіе конкуренціи — скопленіе въ однѣхъ рукахъ главнаго капитала и условій жизни — поземельнаго владѣнія въ ущербъ другимъ, болѣе слабымъ, причемъ, при прогрессивномъ шествіи давленія богатаго надъ бѣднымъ,

послѣдній долженъ былъ бы рано или поздно очутиться въ положеніи безвыходномъ и рабски зависимымъ отъ богача. Для того же, чтобы не дать возможности образоваться неравенству поземельнаго владѣнія и, слѣдовательно, неравенству условій жизни и условій борьбы за существованіе, земля, какъ общая собственность, какъ созданіе не отдѣльнаго, индивидуальнаго труда, а созданіе Бога, данное во владѣніе всѣмъ людямъ для ихъ жизни и развитія, подлежитъ болѣе или менѣе частымъ передѣламъ между членами общины, въ видахъ уравненія имущества, въ видахъ надѣленія всѣхъ и каждаго, сообразно его *силамъ, способностямъ и потребностямъ*, т. е. въ виду достиженія цѣли—гармоническаго сочетанія экономическихъ силъ и вытекающаго отсюда сбереженія ихъ. Болѣе всѣхъ другихъ народовъ русскій народъ долженъ былъ почувствовать необходимость удержанія и развитія общинной жизни, развитія экономическихъ союзовъ, присвоивая этимъ союзомъ, кромѣ экономическихъ функцій, еще и другія въ виду одной и той же цѣли — кооперативной борьбы за существованіе. Кромѣ того, что общинно-экономическая жизнь, устраняя возможность индивидуальной борьбы за существованіе, устраняетъ раздробленіе, столкновеніе и погибель экономическихъ силъ, въ условіяхъ общинной жизни есть всѣ данныя, благотворно вліяющія на русскаго человѣка, дѣлающія его изъ слабаго сильнымъ, изъ раздѣленнаго внутри себя—цѣльнымъ, изъ нестойкаго и измѣнчиваго—постояннымъ и упорнымъ въ достиженіи общей цѣли.

Мы сказали, что впечатлительный и экспансивный человѣкъ страдаетъ тѣмъ, что поддается непосредственно дѣйствующимъ на него впечатлѣніямъ, вслѣдствіе малаго запаса внутренней силы, даетъ имъ слабый отпоръ и позволяетъ имъ овладѣвать собою, причемъ непосредственныя ощущенія обнаруживаютъ вліяніе на его умственную сферу и заставляютъ человѣка мыслить подъ ихъ вліяніемъ односторонне, создавать скорыя и несбыточныя надежды, обманывать себя, поддаваясь искушеніямъ и соблазнамъ, забывать отдаленныя послѣдствія дѣйствій, могущихъ страшнымъ вредомъ далеко превзойти моментальныя наслажденія, или, съ другой стороны, преувеличивать опасенія и изъ чувства страха, стыда и другихъ непріятныхъ, непосредственно овладѣвающихъ человѣкомъ, чувствъ удерживаться отъ рѣшительныхъ и необходимыхъ для своего благосостоянія дѣйствій. Спасеніе человѣка безъ твердаго характера заключается въ созданіи прин-

циповъ, какъ твердыхъ и неизмѣнныхъ правилъ жизни, обнимающихъ собою цѣлые ряды болѣе или менѣе однородныхъ случаевъ поведенія, и въ непреложномъ слѣдованіи этимъ принципамъ. Человѣкъ съ сильнымъ характеромъ менѣе нуждается въ принципахъ, чѣмъ человѣкъ съ слабой волей: первый имѣетъ болѣе шансовъ разрѣшить каждый отдѣльный случай, болѣе спокойно и обдуманно поступить, какъ слѣдуетъ. Слѣдующіе примѣры докажутъ нашу мысль: человѣкъ съ твердымъ характеромъ имѣетъ въ себѣ всѣ шансы, чтобы, напримѣръ, временно поддавшись соблазну и искушенію, не идти по наклонной плоскости въ этомъ искушеніи дальше и дальше; онъ съумѣетъ во время овладѣть собою и остановиться. Человѣкъ съ слабой волей, поддавшись соблазну, идетъ по наклонной плоскости, ему труднѣе остановиться и вернуться назадъ; слѣдовательно, этотъ субъектъ болѣе нуждается въ выработкѣ и твердомъ слѣдованіи за принципомъ—не поддаваться извѣстнаго рода искушеніямъ никогда и ни подъ какимъ видомъ; коль скоро онъ разъ измѣнитъ этому принципу, онъ гибельно стремится, увлекаемый искушеніемъ къ вреднымъ для него дѣйствіямъ и послѣдствіямъ. Человѣкъ съ твердымъ характеромъ, обсуждая, какъ ему поступить въ предстоящемъ случаѣ, слабо поддаваясь непосредственнымъ впечатлѣніямъ, рѣшаетъ вопросъ не подъ ихъ непосредственнымъ вліяніемъ, а спокойно, на основаніи прежнихъ опытовъ, глубоко залегшихъ въ его душѣ; человѣкъ съ слабой волей имѣетъ всѣ данныя мыслить и поступать опрометчиво, поражаясь выдающимися впечатлѣніями окружающихъ его событій, слѣдовательно, онъ нуждается болѣе въ напередъ составленныхъ въ спокойномъ и обдуманномъ состояніи формулахъ, разрѣшающихъ извѣстнымъ правильнымъ образомъ рядъ однородныхъ случаевъ, подъ которые подходитъ болѣе или менѣе и данный случай. Дѣло однако въ томъ, что слабый характеръ менѣе способенъ къ выработкѣ принциповъ и къ неизмѣнному слѣдованію имъ, чѣмъ характеръ твердый. Принципы составляются не подъ вліяніемъ моментальныхъ впечатлѣній, а на основаніи многолѣтнихъ опытовъ и наблюденій; слѣдовательно, обиліе и сила ихъ зависятъ отъ обилія силъ и живучести въ нервной системѣ чувственныхъ опытовъ; принципы составляются не въ возбужденномъ состояніи, и легче имъ слѣдовать въ спокойномъ, нежели въ возбужденномъ состояніи; слѣдовательно, спокойствіе человѣка твердаго есть благопріятное условіе для выработки принциповъ и ихъ

неизмѣнному слѣдованію. Словомъ, сила и неизмѣнность принциповъ прямо пропорціональна обилію запаса внутренней нервной силы; отсюда—печальный выводъ, что человѣкъ съ слабой волей, болѣе всего нуждаясь въ созданіи и прочной живучести принциповъ, менѣе всего къ этому способенъ. Этотъ заколдованный кругъ разрывается условіями общинной жизни, условіями жизни и дѣйствій отдѣльнаго лица въ союзѣ съ другими. Всякій союзъ, составленный съ опредѣленною цѣлью, имѣетъ въ своемъ основаніи извѣстныя правила, начала или принципы, съ которыми должны сообразаться и которымъ должны слѣдовать всѣ члены союза; слѣдовательно, созданіе принциповъ и выработка ихъ есть необходимое условіе союзной жизни, а такъ какъ союзъ есть не случайное соединеніе людей, то и созданіе принциповъ, лежащихъ въ его основаніи, не есть созданіе подъ вліяніемъ минутныхъ увлеченій, но созданіе въ спокойномъ и обдуманномъ состояніи, а это ручается за пригодность и разумность самыхъ принциповъ. Кромѣ того, въ общинѣ или союзѣ есть сила, восполняющая недостатокъ внутренней силы отдѣльнаго лица и заставляющая его дѣйствовать, неизмѣнно слѣдуя началамъ, положеннымъ въ основаніе общины или союза. Сила эта есть, во-первыхъ, сила подражательная; всякому извѣстно, что примѣръ гораздо сильнѣе дѣйствуетъ на человѣка, чѣмъ убѣжденія; никакое убѣжденіе не производитъ желаемаго результата, если убѣждающій не подастъ примѣра приложенія своихъ убѣжденій или представитъ противорѣчащія этимъ убѣжденіямъ дѣйствія; молчаливое высоконравственное поведеніе во сто кратъ поражаетъ болѣе людей, чѣмъ шумныя и запальчивыя рѣчи. Слова забываются, — высоконравственный подвигъ никогда не не умираетъ въ памяти людей. Сила примѣра и вызываемая ими подражательность находятся въ прямомъ соотвѣтствіи съ обиліемъ примѣровъ; дѣйствіе гармоничное и согласное нѣсколькихъ лицъ влечетъ за собою больше отдѣльное лицо, чѣмъ примѣръ одного; примѣръ цѣлаго общества еще больше. Автору настоящей статьи приходилось наблюдать человѣка въ пылу сраженія, въ пылу энергической битвы и паники: мы пришли къ убѣжденію, что ни страхъ главнокомандующаго, ни страхъ быть разстрѣляннымъ, но сила подражательности, возбужденная величественнымъ гармоничнымъ дѣйствіемъ другихъ, влечетъ человѣка въ битву, и обратно — среди паники заставляетъ его бѣжать безумно, безъ оглядки, при

чемъ никакой страхъ не можетъ остановить человѣка. Возможность проявленія силы подражательности и вліяніе на отдѣльное лицо примѣра цѣлаго общества проявляется въ союзѣ или общинѣ. Но кто же начнетъ дѣйствовать, если всѣ съ слабой волей? Нужно появиться одному твердому характеру, а появленіе твердыхъ характеровъ среди слабыхъ натуръ, какъ мы сказали, явленіе естественное и даже необходимое; за нимъ пойдутъ другіе, за другими всѣ — и намъ предстанетъ картина гармоничнаго дѣйствія всѣхъ въ виду сознанныхъ принциповъ и въ виду достиженія цѣли. Мало-по-малу начала общины или союза по привычкѣ укоренятся такъ прочно въ сознаніи отдѣльныхъ лицъ, что всегда найдутся люди, даже съ слабой волей, которые начнутъ дѣйствовать, а въ силу подражательности найдутся и другіе. Если кто усомнится, что сила подражательности играетъ громадную роль въ нашей общинѣ, мы сошлемся на слова прекраснаго наблюдателя русской общины — Гакстгаузена: «между полевыми работами», говоритъ онъ, описывая крестьянскую общину: «царствуетъ величайшій, почти военный порядокъ. Въ одинъ и тотъ-же день, въ одинъ и тотъ-же часъ всѣ вмѣстѣ выходятъ пахать, боронить и т. д. Въ одинъ часъ всѣ возвращаются домой. На это нѣтъ никакихъ предписаній свыше, никакихъ распоряженій старосты, — дѣло дѣлается само собою. Русское стремленіе къ общинной дѣятельности, могущество общиннаго порядка на всемъ обнаруживаетъ свое дѣйствіе *). Въ другомъ мѣстѣ Гакстгаузенъ замѣчаетъ, что однодворцы—самый лѣнивый народъ. Гакстгаузенъ правъ, называя силу общины *русскою* силою; силы подражательности, вліяніе примѣровъ дѣйствуютъ въ человѣкѣ тѣмъ сильнѣе, чѣмъ онъ впечатлительнѣе, чѣмъ болѣе онъ склоненъ поражаться непосредственно дѣйствующими на него образами; слѣдовательно, русская славянская натура болѣе способна къ общинной жизни, чѣмъ какая либо другая. Община или союзъ обладаетъ другой силой заставить дѣйствовать отдѣльное лицо согласно съ принципами, положенными въ основаніе этого союза; это сила—принудительная. Сила эта можетъ быть физической силой; люди съ слабой волей весьма склонны подпадать подъ власть другихъ;—никто не можетъ такъ хорошо повиноваться, какъ люди слабохарактерные. Но представить себѣ, чтобы всѣ члены общины пользовались физическою

*) *Гакстгаузенъ*.—Изслѣдованія,... стр. 89.

силою и властью надъ самимъ собою—логическое противорѣчіе. Поэтому очень часто въ союзѣ русскіе люди способны подпадать физической власти одного лица или нѣсколькихъ лицъ и повиноваться имъ безгранично. Но этого не случилось въ русской общинѣ; здѣсь мѣсто физической силы заступила сила нравственная, сила общественнаго мнѣнія; сила общественнаго мнѣнія по природѣ своей можетъ принадлежать не одному лицу, а цѣлому обществу. Всякое нарушеніе со стороны отдѣльнаго лица коренныхъ правилъ и принциповъ общинной жизни, выработанныхъ вѣками и прочно живущихъ въ народномъ сознаніи, вызываетъ негодованіе со стороны членовъ общины и кладетъ на него позоръ со стороны общественнаго мнѣнія. Но никто такъ не дрожитъ предъ общественнымъ мнѣніемъ, какъ человѣкъ впечатлительный, и не поддается силѣ его, какъ человѣкъ экспансивный; человѣкъ спокойный и сдержанный менѣе поддается мучительному чувству страха и стыда передъ лицомъ общества; никто такъ не дорожитъ мнѣніемъ своего кружка, своей общины, какъ человѣкъ слабой воли, и не подчиняется ему такъ, какъ онъ, инстинктивно чувствуя, что внѣ кружка своего, внѣ союза, внѣ общины, ему грозитъ погибель. Вслѣдствіе этого нигдѣ—во всемъ свѣтѣ сила общественнаго мнѣнія не играетъ такой роли, не руководитъ такъ поведеніемъ отдѣльнаго лица, какъ въ русской крестьянской общинѣ. Уронить себя въ глазахъ міра — великое несчастіе для крестьянина; боязнь прослыть «лядащимъ», безпутнымъ человѣкомъ заставляетъ его преодолѣвать лѣнь, во время начинать работу, во время кончать ее, не отставать отъ другихъ, въ исправномъ видѣ являться передъ глазами міра на работу и въ другихъ случаяхъ вести себя порядочно и честно. Съ другой стороны, нравственный надзоръ со стороны мірскаго мнѣнія въ русской общинѣ является необходимостью. Въ силу общаго владѣнія землей и общности многихъ экономическихъ интересовъ, община должна входить не только въ матеріальное, но и нравственное положеніе своихъ членовъ *). Другія качества русскаго народа, такъ вредящія ему въ индивидуальной борьбѣ за существованіе, въ общинной жизни — ничѣмъ незамѣнимыя сокровища: славянская доброта, сострадательность, мягкость и уступчивость необходимыя условія для общинной жизни и общин-

*) *Унанецъ.* — Сельская Община въ Россіи, статья 3-я, Отечественныя Записки, 1863 г., т. 150, стр. 491.

нато владѣнія землей въ частности. При общинности владѣнія и общности интересовъ нельзя обойтись безъ жертвъ, безъ уступокъ со стороны однихъ въ пользу другихъ, со стороны сильныхъ въ пользу слабыхъ; на эти жертвы и уступки русскій крестьянинъ соглашается охотно, въ силу присущихъ ему качествъ—доброты и уступчивости; сухой, холодный и эгоистическій нѣмецъ едва-ли способенъ на подобныя жертвы и уступки. При общинномъ владѣніи нужны не одни пожертвованія матеріальными интересами, какъ, напримѣръ, при мірскихъ передѣлахъ земли; здѣсь нужна взаимная помощь и поддержка: «въ русской общинѣ»,—говоритъ Кошелевъ: «сосѣдъ помогаетъ сосѣду въ обмолоткѣ овина, въ подачѣ сноповъ на одонье и проч.; у крестьянина нѣтъ пилы, бурава, другаго топора и многаго тому подобнаго, и онъ беретъ все нужное у своего сосѣда; у крестьянъ считается, что нельзя не пособить иному неимущему, вѣдь онъ — поселянинъ, всегда на глазахъ» *). Русская общительность — другое условіе прочности общинной жизни; ничто такъ не разрываетъ общинной связи, какъ индивидуальная замкнутость, нелюдимость и необщительность. Русская общительность скрѣпляетъ узы общественной связи; сходясь по вечерамъ зимою и лѣтомъ покалякать, пѣсни попѣть, въ хороводѣ поиграть и проч. **), крестьяне поведутъ рѣчь о мірскихъ дѣлахъ, обсудятъ общественные интересы и въ доброй бесѣдѣ сговорятся, условятся и сойдутся на счетъ ихъ близко другъ друга касающихся дѣлъ. Русская довѣрчивость тоже—одинъ изъ главныхъ цементовъ общинной связи; община, или какой-бы-то ни было союзъ только и могутъ держаться при взаимномъ довѣріи; при взаимной недовѣрчивости и подозрительности членовъ союза является несогласіе, раздоры и союзъ быстро распадается. Русская открытая душа, ея откровенность облегчаетъ контроль общественнаго мнѣнія надъ отдѣльными членами общины и болѣе отдаетъ его въ руки власти общины. Словомъ, всѣ выдающіяся типическія особенности русской славянской натуры, дѣлая его слабымъ и несчастнымъ, когда онъ дѣйствуетъ въ одиночку, суть драгоцѣнныя качества его, какъ члена общины. Эта неспособность къ дѣйствію индивидуальными силами въ борьбѣ за существо-

*) *Кошелевъ.*—По поводу журнальныхъ статей о замѣнѣ обязанной работы наемною и о поземельной общинной собственности.—Русская Бесѣда, 1857, т. IV, стр. 159.

**) Ibidem.

ваніе, проявляясь въ русскомъ народѣ несравненно сильнѣе, чѣмъ у другихъ народовъ, грозя ему нравственною, или физическою погибелью, заставили русскій народъ сильнѣе другихъ почувствовать необходимость кооперативной борьбы за существованіе общинной жизни, заставила его сохранить, поддерживать и развивать въ теченіе тысячелѣтія общинные союзы и общинное землевладѣніе; а его психическія особенности, какъ залогъ прочности и успѣшнаго развитія общинныхъ союзовъ, помогали ихъ сохраненію, укрѣпленію и развитію; и съ этой точки зрѣнія русское общинное владѣніе землей, русская община есть русское національное учрежденіе, отличающее его отъ другихъ народовъ, и съ этой точки зрѣнія можно оправдать покойнаго Бѣляева, передъ умомъ и трудами котораго мы преклоняемся, и другихъ славянофиловъ, утверждавшихъ, что русскій человѣкъ не знаетъ и не любитъ жизни внѣ общины, что русскій человѣкъ — общинникъ по своей природѣ. Внѣ общины русскій человѣкъ погибаетъ, какъ рыба внѣ воды; въ общинѣ, въ союзѣ онъ въ своей сферѣ: изъ слабаго онъ дѣлается сильнымъ, изъ неровнаго и нетерпѣливаго стойкимъ и упорнымъ, изъ измѣнчиваго— постояннымъ, изъ малодушнаго и апатичнаго — дѣятельнымъ и могучимъ; насколько онъ слабъ и жалокъ, дѣйствуя въ одиночку, настолько онъ силенъ и несокрушимъ въ союзѣ или общинѣ; индивидуальная борьба для него — смерть, кооперативная—спасеніе. Въ союзѣ или общинѣ русскаго народа слабые укрѣпляются, малодушные ободряются и не боятся; ибо они чувствуютъ свою силу, свое спасеніе и побѣду. Русскій человѣкъ, дѣйствуя въ союзѣ, сокрушаетъ неопреодолимыя препятствія, переходитъ непроходимыя горы и всѣ преграды, лежащія по его пути, и насколько онъ жалокъ и несчастенъ передъ иностранцемъ, дѣйствуя въ одиночку, настолько онъ могучъ и страшенъ ему, дѣйствуя въ союзѣ, ибо въ союзѣ всѣ недостатки его, какъ единичнаго человѣка, обращаются въ достоинства и добродѣтели. Такъ какъ русская крестьянская община есть самое главное проявленіе русскаго общиннаго духа, краеугольный камень его исторической жизни, залогъ самобытности и прогресса русскаго народа; то мы и должны заняться изложеніемъ исторіи развитія этого учрежденія. При этомъ мы не можемъ обойти молчаніемъ слѣдующихъ камней преткновенія всякаго союза или всякой общины. Мы сказали, что въ основаніи общиннаго союза должны лежать извѣстные принципы и что въ общинѣ русской—

всѣ данныя для того, чтобы заставить отдѣльное лицо непреложно слѣдовать этимъ принципамъ; но, само собою разумѣется, прежде, нежели выступятъ и онажутъ свое дѣйствіе, связующее факторы общины, — сила подражательности, сила общественнаго мнѣнія и другія соціальныя качества русскаго народа — для самаго подражанія, для того, чтобы могло сложиться общественное мнѣніе, необходимо, чтобы принципы, легшіе въ основу общины, были выработаны и прочно окрѣпли въ сознаніи, если не всѣхъ, то, по крайней мѣрѣ, нѣкоторыхъ членовъ общины, чтобы, такимъ образомъ, были образцы для подражанія, масштабъ для суда общественнаго мнѣнія. Это первичное укорененіе въ народномъ сознаніи принциповъ среди русскаго народа должно было быть весьма трудно при нелюбви русскаго народа къ принципіальности. Но въ исторіи русской это затрудненіе было обойдено тѣмъ, что, какъ мы видѣли, общинная жизнь и общинное землевладѣніе на первыхъ порахъ исторической жизни всѣхъ странъ и народовъ, являются необходимой фазой общественной жизни всѣхъ странъ и народовъ, въ силу условій экономической жизни, conditio sine qua non существованія народовъ на первыхъ ступеняхъ его исторіи; и въ силу этихъ, общихъ всѣмъ народамъ, причинъ, создалось и среди русскаго народа общинное землевладѣніе, на первыхъ порахъ его исторической жизни. Такимъ образомъ, принципы общинной жизни, какъ преданія, укрѣпились въ народномъ сознаніи; а въ то время, когда измѣнились экономическія условія, когда у другихъ народовъ выступили наружу индивидуалистическія стремленія, разложившія общинное землевладѣніе, у русскаго народа начали свое дѣйствіе факторы, о которыхъ мы говорили, какъ о связывающихъ цементахъ общины, лежащихъ въ психическихъ свойствахъ русскаго народа. Слѣдовательно, принципы общинной жизни и землевладѣнія, свойственные въ началѣ исторической жизни всѣмъ странамъ и народамъ, были базисомъ и фундаментомъ, на которомъ совокупныя усилія вышеупомянутыхъ факторовъ возвели зданіе нынѣшней русской крестьянской общины. Если принципъ общиннаго землевладѣнія, общій всѣмъ первобытнымъ народамъ, былъ корнемъ; то психическія качества русскаго народа были почвенными соками, солнечною теплотою и влагою, выростившими многовѣковое дерево русскаго мірскаго поземельнаго владѣнія. Кромѣ того, развитіе жизни союзовъ вообще и жизни поземельной общины встрѣчаются и другія затрудненія: всякій принципъ

имѣетъ оборотную сторону медали; принципъ никогда не обнимаетъ собою цѣликомъ каждаго отдѣльнаго случая со всѣми его индивидуальными особенностями. Эти случаи въ частной и общественной жизни такъ же разнообразны, какъ разнообразна жизнь;—каждая новая эпоха еще болѣе измѣняетъ это разнообразіе особенностей въ жизненныхъ явленіяхъ. Каждый отдѣльный случай въ своихъ особенностяхъ, хотя мелкихъ, не похожъ на другой, а зачастую настолько оригиналенъ, что не подходитъ даже ни подъ одинъ изъ типовъ жизненныхъ явленій; поэтому каждый случай требуетъ для себя особеннаго самостоятельнаго разрѣшенія, а принципы обнимаютъ собою цѣлыя группы явленій, болѣе или менѣе сходныхъ, но могущихъ представить въ себѣ такія особенности, что подведеніе ихъ подъ заранѣе составленный принципъ будетъ не вполнѣ цѣлесообразнымъ и разумнымъ. Поясникъ нашу мысль примѣромъ: принципъ, что надо жертвовать частью своихъ матеріальныхъ благъ въ пользу другихъ и при этомъ быть умѣреннымъ настолько, чтобы не поставить самого себя въ безъисходно затруднительное положеніе,—самъ по себѣ кажется вѣрнымъ и благоразумнымъ принципомъ; но вотъ мы видимъ человѣка, которому надо отдать все, что имѣешь въ карманѣ, и остаться, не зная, что будешь самъ дѣлать завтра, чтобы спасти его отъ вѣрной погибели. Человѣкъ принципіальный, положившій себѣ за правило жертвовать въ мѣсяцъ извѣстное количество денегъ, не придетъ на помощь погибающему, а человѣкъ, дѣйствующій подъ непосредственнымъ впечатлѣніемъ, отдастъ все, что имѣетъ, полагаясь на то, что и ему поможетъ Богъ выйти изъ затруднительнаго положенія. Предоставляемъ судить читателямъ, какъ бы слѣдовало здѣсь поступить; но, думаемъ, они согласятся съ нами, что всякій принципъ и необходимость имъ руководствоваться указываетъ на несовершенство человѣческой природы; что если бы человѣкъ былъ существо всесовершенное, то онъ, не руководствуясь принципами, какъ заранѣе составленными формулами, разрѣшалъ бы каждый отдѣльный случай отдѣльно, принимая во вниманіе всѣ его индивидуальныя особенности. Такъ точно положительное законодательство, какъ рядъ принциповъ, заранѣе составленныхъ формулъ, всегда имѣетъ тотъ коренной недостатокъ, что никогда не обнимаетъ собою цѣликомъ каждаго отдѣльнаго случая со всѣми его индивидуальными особенностями и создаетъ часто формальную правду, идущую въ разрѣзъ съ

дѣйствительной. А такъ какъ жизненныя явленія постоянно измѣняются со временемъ, то принципы общественной жизни должны также постоянно измѣняться; въ этомъ—ахиллесова пята общественной жизни. Постоянное измѣненіе принциповъ роняетъ ихъ авторитетъ, уничтожаетъ самую великую силу общественной жизни — силу преданія, уваженіе къ укоренившимся въ народномъ сознаніи нормамъ; а, съ другой стороны, неизмѣнность принциповъ тормозитъ прогрессъ и обрекаетъ народъ на застой и косность. Всѣ древнія восточныя цивилизаціи погибли вслѣдствіе того, что законодатели, создавъ извѣстные принципы или нормы, годныя для извѣстной эпохи, и боясь, чтобы народъ, при постоянномъ измѣненіи этихъ нормъ, не потерялъ уваженія къ ихъ авторитетности, провозгласили эти нормы, какъ божественные, абсолютные, непреложные и постоянные законы; а такъ какъ общественная жизнь въ своемъ развитіи не могла удовлетворяться этими нормами, то народъ, приковавъ свои мысли и свою дѣятельность къ этимъ абсолютнымъ и неизмѣннымъ законамъ, долженъ былъ остановиться на точкѣ замерзанія. Таково было вліяніе, напримѣръ, законодательства Моусея, прекраснаго и великаго для той эпохи, для которой оно издано; но понятое, какъ абсолютныя и непреложныя истины, не подлежащія измѣненію никогда и ни въ какихъ случаяхъ, оно затормозило движеніе впередъ еврейскаго народа, сдѣлало его народомъ рутиннымъ, его религію узко формальной и обрядовой. «Законъ данъ чрезъ Моусея», говоритъ евангелистъ, «а истина чрезъ І. Христа». Христосъ не принесъ принциповъ, кромѣ одной великой заповѣди о любви и предоставилъ человѣку самому разрѣшать каждый отдѣльный индивидуальный случай; въ этомъ заключается великое значеніе христіанства для прогресса. Но быть совершеннымъ христіаниномъ, значитъ быть человѣкомъ совершеннымъ,—и, слѣдовательно, человѣкъ, какъ существо несовершенное, все-таки нуждается въ принципахъ.

Если въ общинѣ, при ея основаніи, положены извѣстные нормы или принципы, то они должны видоизмѣняться сообразно условіямъ времени; но постоянное измѣненіе ихъ грозитъ опасностью и болѣе всего у народа съ такими психическими свойствами, какъ русскій. Сила русской общины заключается въ непреложномъ слѣдованіи отдѣльныхъ членовъ принципамъ, положеннымъ въ основаніе общиннаго союза; но ихъ постоянное измѣненіе можетъ подорвать ихъ авторитетность, разрушить об-

щинную связь и создать положеніе, въ которомъ «всякій молодецъ на свой образецъ». Другая диллемма общинной жизни, требующая разрѣшенія, это та, чтобы община не подавила собою индивидуальныхъ силъ, не убила бы въ нихъ личной свободы и личнаго самостоятельнаго развитія, не создала бы коммунизма, не создала бы изъ человѣка пчелы въ ульѣ,—словомъ, не создала бы рабскаго подчиненія и стѣсненія индивидуума ради цѣлаго—общины. Посмотримъ,—какъ удачно русскій народъ разрѣшилъ эти диллеммы, какъ блистательно вышелъ онъ изъ этихъ затрудненій. Въ этомъ разрѣшеніи сказался весь великій здравый смыслъ русскаго народа, сказался залогъ его свободнаго прогрессивнаго шествія впередъ по пути правды и добра, и разрѣшеніе этой диллеммы положила глубокій и особый отпечатокъ на весь строй его жизни.

К. Одарченко.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Расколъ и его изслѣдователи.

I.

Изъ того, что говорили мы о значеніи сектанства въ русской народной жизни *), ясно само собою, что расколъ, въ мѣстахъ его распространенія, оказываетъ огромное вліяніе на умственный, нравственный и бытовой строй жизни русскаго народа.... А гдѣ-же не распространенъ расколъ?

Возьмемъ-ли мы центры Россіи, возьмемъ-ли ея окраины, вездѣ и всюду мы встрѣтимся съ расколомъ. Гнѣздится онъ и въ Москвѣ, и въ Петербургѣ, и въ Казани, и въ Одессѣ. Широко раскинулся онъ по Волгѣ, по Камѣ, по Уралу, по Дону, по Двинѣ; крѣпко упрочился онъ въ лѣсахъ и тундрахъ сѣвера, въ степяхъ юга, въ горахъ Кавказа и Сибири.

Необычайная, поразительная живучесть раскола, его огромное, повсемѣстное распространеніе среди народа и непрерывное возникновеніе все новыхъ и новыхъ сектъ ясно свидѣтельствуютъ о значеніи его въ народной жизни.

Но несмотря на все это, наши свѣдѣнія о расколѣ крайне отрывочны, не точны, не полны. Ни администрація, ни духовенство, ни миссіонеры не знаютъ раскола, хотя и ведутъ борьбу съ нимъ. Точно также и наше общество, наша интеллигенція никогда не знали и до сихъ поръ не знаютъ раскола. Мы до сихъ поръ не имѣемъ исторіи религіозно-бытовыхъ движеній русскаго народа. Извѣстный трудъ покойнаго Щанова, по его собственнымъ словамъ, есть «не болѣе какъ только первыя попытки раскрыть историческія причины появленія и распространенія въ Россіи раскола-старообрядчества». При всѣхъ несомнѣнныхъ до-

*) „Русская Мысль“ 1881 годъ № 1.

стонствахъ, трудъ этотъ является въ настоящее время уже въ значительной степени устарѣвшимъ, такъ какъ, будучи написанъ въ пятидесятыхъ годахъ, онъ совсѣмъ не касается весьма многочисленной и самой интересной группы нашихъ сектантовъ, извѣстной подъ общимъ именемъ «духовныхъ христіанъ», группы, получившей свое развитіе, главнымъ образомъ, въ послѣдніе 30—40 лѣтъ. Весь этотъ трудъ исключительно посвященъ исторіи старообрядчества, въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, т. е. двумъ первымъ группамъ раскола вообще: поповщины и безпоповщины.

Эта первая попытка философскаго изслѣдованія причинъ возникновенія и быстраго развитія раскола до сихъ поръ остается единственною въ этомъ родѣ. Нельзя, разумѣется, сказать, чтобъ расколъ не имѣлъ своей литературы. Напротивъ, по вопросу этому писалось и до сихъ поръ пишется весьма много. Но дѣло въ томъ, какъ пишется?

Прежде всего мы видимъ цѣлый рядъ изданій по расколу чисто спекулятивнаго свойства, предпринятыхъ нерѣдко съ самыми темными побужденіями. Типомъ такихъ изданій могутъ считаться извѣстныя писанія г. Ливанова. Говорятъ, наши старообрядцы имѣютъ обычай скупать всѣ тѣ произведенія печати, которыя направлены къ изобличенію раскола. Этимъ вѣроятно и объясняется «успѣхъ» сочиненій въ родѣ г. Ливанова; благодаря этому обстоятельству, подобныя писанія расходятся въ огромномъ числѣ экземпляровъ и нерѣдко выдерживаютъ нѣсколько изданій. И чѣмъ грубѣе эти обличенія, чѣмъ больше они приближаются къ доносу, тѣмъ вѣрнѣе и скорѣе расходятся они.

Потомъ идутъ многочисленныя изслѣдованія, составленныя лицами духовнаго званія или вѣдомства; тутъ вы встрѣчаете и сельскаго священника, и архіепископа, и профессора духовной семинаріи и академіи. Отдавая должную дань искренности этихъ трудовъ, необходимо замѣтить, однако, что всѣ они страдаютъ крайнею односторонностію взгляда, такъ какъ смотря на дѣло раскола исключительно съ точки зрѣнія церковно-догматической, обращая главное вниманіе на разные, чисто богословскіе, теологическіе вопросы. Бытовое-же и соціальное значеніе раскола обыкновенно совершенно не затрогивается ими. Къ тому же, почти всѣ изслѣдованія этого рода носятъ рѣзко полемическій характеръ и съ предвзятою цѣлью уронить, унизить расколъ и сектантство и превознести православіе во всѣхъ отношеніяхъ.

Наконецъ, третью, послѣднюю группу изслѣдованій о расколѣ составляютъ труды лицъ, смотрящихъ на дѣло болѣе или менѣе разносторонне и безстрастно. Къ сожалѣнію, эта группа изслѣдованій крайне малочисленна и, притомъ, за исключеніемъ упомянутой уже нами попытки Щапова, всѣ остальные труды представляютъ изслѣдованія лишь отдѣльныхъ сектъ или же отдѣльныхъ эпизодовъ изъ исторіи раскола безъ общей связи историческаго развитія раскола и его современнаго состоянія.

О современномъ состояніи раскола или сектантства общество знаетъ еще гораздо менѣе, чѣмъ о его исторіи. Оно не знакомо какъ слѣдуетъ съ ученіями даже главныхъ наиболѣе распространяющихся теперь сектъ, не говоря уже о массѣ болѣе мелкихъ и менѣе распространенныхъ сектъ и толковъ, которые чуть не ежедневно возникаютъ въ разныхъ концахъ и углахъ Россіи. Оно не знакомо съ внутреннимъ строемъ многочисленныхъ сектанскихъ общинъ, и почти ровно ничего не знаетъ о тѣхъ процессахъ и движеніяхъ, которые непрестанно и безпрерывно совершаются въ развитіи большей части сектъ и ученій въ духѣ раскола.

Наше грубое, полное незнаніе такого крупнаго явленія народной жизни, какъ расколъ, бросалось въ глаза и поражало даже иностранцевъ. Такъ, баронъ Гакстгаузенъ, которому нельзя отказать въ серьезномъ и безпристрастномъ отношеніи къ дѣлу изученія различныхъ сторонъ русской народной жизни, говоритъ: «Вообще русское сектанство еще совершенно не изучено: о немъ ничего нельзя узнать ни отъ православнаго духовенства, ни отъ чиновниковъ, такъ какъ они въ самомъ дѣлѣ ничего о немъ не знаютъ». Затѣмъ, далѣе, выясняя значеніе раскола, онъ продолжаетъ: «такъ какъ нельзя узнать и правильно оцѣнить жизнь и бытъ народа, его общественныя и политическія учрежденія, не выяснивъ его религіи, то я, во время моего путешествія повсюду собиралъ данныя о русскихъ сектахъ. Я не могу утвердить, чтобъ вполнѣ исчерпалъ этотъ предметъ, но все-же, въ концѣ концовъ, знаю о немъ больше, нежели всѣ иностранцы, даже нежели большинство русскихъ, не исключая и чиновниковъ» *). И дѣйствительно, нельзя не отдать въ этомъ случаѣ должной справедливости ученымъ иностранцамъ путешественни-

*) Изслѣдованія внутреннихъ отношеній народной жизни и въ особенности сельскихъ учрежденій Россіи". Москва 1870 г. 221—222.

камъ, посѣщавшимъ Россію: изъ ихъ сочиненій (для примѣра укажу хоть на Маккензи-Уолеса) русское общество, говоря вообще, чуть-ли не впервые черпало свѣдѣнія о русскомъ сектантствѣ... Не странно ли это?

Недостаточнымъ знакомствомъ съ расколомъ слѣдуетъ, безъ сомнѣнія, объяснить существованіе въ нашемъ обществѣ и печати самыхъ противоположныхъ взглядовъ на значеніе раскола, какъ историческаго явленія народной жизни. Поставьте вопросъ: «что такое расколъ? что такое раскольники?»—и вы услышите самые разнообразные отвѣты.

«Расколъ,—говорятъ одни,—это порожденіе грубаго народнаго невѣжества и вѣками накопившагося суевѣрія».

«Расколъ, говорятъ другіе,—это крупное явленіе народнаго умственнаго прогресса.

Далѣе раздаются такіе отвѣты и заявленія:

«Расколъ—это результатъ тупой, безсмысленной приверженности къ буквѣ и старинѣ. Это синонимъ застоя и неподвижности. Это Лотова жена, обернувшаяся назадъ и оставшаяся неподвижною».

«Расколъ—это нашъ русскій народный протестантизмъ, постепенно и безостановочно прогрессирующій свое ученіе. Онъ давно доказалъ свою поразительную живучесть и свои права на существованіе, а потому необходимо признать его и примириться съ нимъ».

«Расколъ—это язва, разъѣдающая народный организмъ, это нравственная болѣзнь, которая искусственно вызывается и поддерживается лишь разными вожаками и наставниками раскола. Изъ своихъ личныхъ видовъ и разсчетовъ они морочатъ темный людъ и создаютъ разныя нелѣпыя секты».

«Расколъ—это протестъ подневольнаго, закрѣпощеннаго земства; это—возстаніе противъ иноземныхъ началъ русской жизни; это—вопль противъ имперіи и правительства, смѣлый протестъ противъ подушныхъ переписей, податей и «даней многихъ», противъ рекрутства, крѣпостнаго права и областнаго начальства».

«Расколъ, по самому существу своему, не можетъ имѣть никакого политическаго будущаго, равно какъ и въ настоящее время онъ лишенъ всякаго политическаго смысла и значенія. Побольше миссій и школъ и онъ исчезнетъ самъ собою».

О сектантахъ же слышатся такіе отзывы:

«Раскольники — это лучшіе представители нашего земства, нашей народной массы; это самая трезвая, самая работящая, промышленная и грамотная часть нашего крестьянства; это лучшіе представители ума и гражданственности въ русской простонародной средѣ».

«Раскольники — это дикіе, невѣжественные изувѣры, вносящіе развратъ и деморализацію въ народную среду, увлекающіе подкупомъ голодный, обнищалый людъ въ свои гнусныя секты».

И такъ: кто же правъ? Кому вѣрить?

Несомнѣнно, что мы имѣемъ очень много выводовъ, много обобщеній, много цѣльныхъ приговоровъ, но очень мало фактовъ, мало точныхъ данныхъ, цифръ, наблюденій. Одно только не можетъ подлежать никакому сомнѣнію, что умственныя и нравственныя особенности нашего народа проявились, по преимуществу, въ расколѣ; поэтому изученіе раскола необходимо для всякаго общественнаго дѣятеля, который захотѣлъ бы идти не ощупью и не наугадъ въ своихъ дѣйствіяхъ и предположеніяхъ.

Наше общество не только плохо знакомо съ ученіями и внутреннею жизнію различныхъ сектантскихъ общинъ; но оно до сихъ поръ не знаетъ даже *приблизительно* числа ихъ приверженцевъ. Объ этомъ довольно много и подробно писалось въ нашихъ журналахъ и газетахъ и потому здѣсь мы лишь вкратцѣ коснемся этого вопроса. Прежде всего необходимо замѣтить, что всѣ тѣ статистическія свѣдѣнія, которыя мы имѣемъ о числѣ сектантовъ, не заслуживаютъ никакого вѣроятія и не даютъ ни малѣйшаго понятія о степени развитія и распространенія раскола. Обыкновенно свѣдѣнія полиціи о числѣ раскольниковъ говорятъ одно, духовное вѣдомство совершенно другое, статистическій комитетъ третье и такъ далѣе. Наконецъ изслѣдованія частныхъ лицъ обыкновенно совершенно расходятся въ этомъ вопросѣ со всѣми извѣстіями и данными оффиціальныхъ учрежденій.

Каждый разъ, когда въ той или другой мѣстности предпринимались болѣе или менѣе точныя и обстоятельныя изслѣдованія, каждый разъ они обнаруживали полную, вопіющую невѣрность имѣвшихся до тѣхъ поръ статистическихъ данныхъ о расколѣ. Такъ напримѣръ, когда въ 1852 году были назначены правительствами «статистическія экспедиціи» для изученія раскола въ губерніяхъ Нижегородской и Ярославской, онѣ пришли къ слѣдующимъ результатамъ:

Въ Нижегородской губерніи, по оффиціальнымъ свѣдѣніямъ, числилось 20.246 раскольниковъ обоего пола. По изслѣдованію же статистической экспедиціи, ихъ оказалось 172.500 человѣкъ, т. е. болѣе въ восемъ съ половиною разъ.

Въ Ярославской губерніи оффиціально показывалось 7,454 раскольника; по изслѣдованію же статистической экспедиціи ихъ оказалось 278.417 человѣкъ, т. е. болѣе *въ тридцать семь разъ*.

Г. фонъ-Бушенъ, въ «Статистическихъ таблицахъ», изданныхъ по распоряженію г. министра внутреннихъ дѣлъ, въ 1863 г., высчитываетъ, что всѣхъ старообрядцевъ и раскольниковъ въ Россіи до 8.000.000 или вѣрнѣе, одна шестая всего православнаго населенія. Онъ предполагаетъ:

1.	Послѣдователей поповщины.	5.000.000 чел.
2.	Поморцевъ.	2.000.000 »
3.	Федосѣевцевъ, филиповцевъ и бѣгуновъ.	1.000.000 »
4.	Молоканъ и духоборцевъ.	110.000 »
5.	Хлыстовъ и скопцовъ	110.000 »
	Всего. .	8.220.000 чел.

Г. Мельниковъ по поводу этихъ данныхъ замѣчаетъ, что въ исчисленіи этомъ опущена цѣлая отрасль сектъ, составляющихъ средину между поповщиной и безпоповщиной. Это именно Спасово согласіе, которое особенно распространено во всѣхъ приволжскихъ губерніяхъ. Большая часть ихъ въ православныхъ церквахъ креститъ дѣтей и вѣнчается. Такихъ, по мнѣнію г. Мельникова, болѣе 2.000.000 чел., что, вмѣстѣ съ цифрою г. фонъ-Бушена, составитъ слишкомъ 10.000.000 чел.

Съ своей стороны, мы не можетъ не замѣтить, что цифра, выставленная г. фонъ-Бушеномъ противъ молоканъ и духоборцевъ, ни въ какомъ случаѣ, не можетъ считаться даже *приблизительно* вѣрною. Все, что до сихъ поръ извѣстно о распространеніи молоканства, заставляетъ думать, что число послѣдователей этого ученія нужно считать, по крайней мѣрѣ, сотнями тысячъ. Варадиновъ въ своей «Исторіи министерства внутреннихъ дѣлъ», въ одной Тамбовской губерніи опредѣляетъ число молоканъ въ 200.000.... А духоборцы, воздыханцы, субботники, общіе? Наконецъ, въ этихъ свѣдѣніяхъ ни слова не говорится о числѣ штундистовъ, ученіе которыхъ въ послѣднее время получило, какъ мы видѣли, огромное распространеніе.

Нѣкоторые изъ новѣйшимъ изслѣдователей раскола опредѣляютъ цифру сектантовъ, въ настоящее время, въ 13.000.000—14.000.000 *). Но нельзя не замѣтить, конечно, что всѣ эти цифры черезчуръ произвольны и гадательны. Если же мы обратимся къ чисто оффиціальнымъ свѣдѣніямъ, то увидимъ, что численность сектантовъ опредѣляется рѣдко болѣе одного милліона. Такъ, въ 1870 году, по этимъ свѣдѣніямъ, числилось въ Европейской Россіи лишь 997.600 раскольниковъ, въ цѣлой-же Россіи ихъ насчитывалось 1.171.006 **). Эта цифра вошла и во всѣ календари.

Чѣмъ-же объясняется такое поразительное противорѣчіе?

Объясняется оно главнымъ образомъ тѣмъ, что въ оффиціальныхъ свѣдѣніяхъ значатся только «записные раскольники», то-есть потомки платившихъ въ XVIII вѣкѣ двойной окладъ. «Да и тѣ не всѣ,—говоритъ г. Мельниковъ,—въ иныхъ уѣздахъ цифры не измѣнялись *по сорока лѣтъ*, и, несмотря на естественное приращеніе населенія, вслѣдствіе перевѣса числа рожденій надъ числомъ умершихъ, число раскольниковъ показывалось или одно и тоже чрезъ цѣлые десятки лѣтъ, или съ каждымъ годомъ по немножку убавлялось исправниками, чтобъ показать предъ начальствомъ благополучіе уѣзда и усердіе свое къ ослабленію раскола».

Точно также поступаютъ и священники и духовныя консисторіи при донесеніяхъ своихъ духовному начальству о числѣ уклоняющихся отъ церкви. Поэтому, свѣдѣнія духовнаго вѣдомства точно также не могутъ заслуживать ни малѣйшаго вѣроятія. Какъ тѣ, такъ и другія одинаково произвольны и фантастичны.

До какихъ колоссальныхъ курьезовъ доходила въ этомъ отношеніи оффиціальная статистика, можно судить по слѣдующему примѣру. Въ Пермской губерніи, въ 1826 году, показывалось 112.000 раскольниковъ; въ тридцатыхъ годахъ, при бывшемъ тамъ архіепископѣ Аркадіѣ, обращено изъ нихъ въ православіе, не больше, не меньше, какъ 100.000 чел., но въ 1841 г., по оффиціальнымъ свѣдѣніямъ, раскольниковъ остается еще 108.000. Откуда явилась эта новая сотня тысячъ раскольниковъ, повидимому никто не интересовался знать. Въ сороковыхъ годахъ въ

*) Г. Юзовъ, „Слово“, 1878 годъ №№ 7 и 8 „Старовѣріе“.

**) Статистическій временникъ россійской имперіи. Серія II-я, выпускъ 9. Петербургъ. 1875 г.

пермской епархіи снова обращено было изъ раскола еще до 100.000 человѣкъ, а въ 1850 году, все-таки, показывается 72.899 раскольниковъ; затѣмъ, въ пятидесятыхъ годахъ было обращено еще до сотни тысячъ, а въ 1864 году, все-таки показывается 70.000 раскольниковъ.... И подобныхъ примѣровъ можно было бы привести многое множество; но мы не дѣлаемъ этого, такъ какъ и сказаннаго, надѣемся, совершенно достаточно, чтобы составить понятіе о точности нашей статистики раскола.

Справедливость требуетъ, однако, замѣтить при этомъ, что причины столь жалкаго состоянія статистики раскола лежатъ не столько въ пріемахъ и способахъ, которые употребляются при исчисленіи сектантовъ, сколько въ условіяхъ общественнаго положенія нашихъ сектантовъ въ государствѣ. По этому поводу я считаю не лишнимъ привести слова профессора казанской духовной академіи г. Ивановскаго. Въ статьѣ своей: «о численности раскольниковъ», г. Ивановскій говоритъ: «репрессивныя мѣры правительства по отношенію къ расколу, въ какой бы формѣ онѣ ни проявлялись, ставятъ непреодолимыя препятствія создать раскольническую статистику; потому что при такихъ отношеніяхъ раскольники будутъ всегда скрываться отъ взора правительства; только подъ условіемъ вѣротерпимости (полной и безусловной—замѣтимъ мы отъ себя) и возможна болѣе или менѣе вѣрная статистика раскола *).

Въ прошлой статьѣ мы упомянули, что какъ крестьянская земельная община является наиболѣе яркимъ выразителемъ экономическихъ отношеній народной жизни, такъ точно расколъ представляетъ собою самое характерное явленіе интеллектуальной жизни нашего народа. Къ изученію и тщательному изслѣдованію земельной общины мы уже приступили. Многія земства работаютъ по этому вопросу. Наши ученыя общества, вольное экономическое и географическое, стали во главѣ этого дѣла. Пройдутъ два-три года, и мы, безъ сомнѣнія, получимъ полную картину экономической жизни нашего земледѣльческаго класса, картину современнаго состоянія крестьянской общины со всѣми ея свѣтлыми и темными сторонами, со всѣми ея достоинствами и недостатками.

Это будетъ прочное начало для нашего фактическаго, серіознаго знакомства съ народомъ, съ тѣмъ народомъ, о которомъ

*) „Православный Собесѣдникъ“ 1867 г. № 2.

въ сущности, до сихъ поръ мы знаемъ весьма немного и который вслѣдствіе этого, до сихъ поръ представляется какимъ-то таинственнымъ, загадочнымъ сфинксомъ, котораго каждый разгадываетъ, толкуетъ и комментируетъ вкривь и вкось, надѣляя этого сфинкса разными добродѣтелями и пороками, стремленіями и желаніями, сообразно своихъ собственныхъ вкусовъ и симпатій. Но это будетъ только *началомъ* дѣла; для того-же, чтобы узнать народъ ближе, тѣснѣе, необходимо также тщательно, фактически и всесторонне узнать расколъ.

Починъ въ этомъ дѣлѣ должны принять на себя ученыя общества, поставившія своею цѣлью изученіе жизни русскаго народа. Необходимо выработать подробную, однообразную программу для собиранія свѣдѣній о современномъ религіозно-соціальномъ состояніи русскаго народа, программу, которая служила бы руководствомъ для изслѣдователей, обращая ихъ вниманіе на болѣе важныя и выдающіяся стороны народнаго религіозно-бытоваго культа. Между тѣмъ, до настоящаго времени ни одно изъ нашихъ ученыхъ обществъ не обратило должнаго вниманія на изученіе раскола. Всѣ они совершенно игнорировали это явленіе. Знакомясь съ программами, которыя въ разное время изданы учеными обществами для изслѣдованія различныхъ сторонъ русской народной жизни, вы не находите въ нихъ *ни одного* прямаго вопроса, который обращалъ бы вниманіе изслѣдователя народной жизни на состояніе раскола въ изучаемой имъ мѣстности.... Это-ли не аномалія?!

Впрочемъ, такой пробѣлъ въ значительной степени понятенъ и объясняется тѣмъ, что еще недавно было время, когда вопросъ о расколѣ облекался въ непроницаемую тайну и составлялъ чуть-ли не государственный секретъ. «Намъ кажется,—говоритъ поэтому поводу Кельсіевъ,—что только цензура и полицейское управленіе мѣшали русскимъ ученымъ заняться серіезнымъ изученіемъ раскола; иначе мы не можемъ объяснить невниманія къ этому многозначительному явленію въ великорусской жизни, которое до сихъ поръ занимало только духовенство и чиновниковъ министерства внутреннихъ дѣлъ *).

Года три тому назадъ въ одномъ изъ губернскихъ статистическихъ комитетовъ (архангельскомъ) нами былъ возбужденъ вопросъ о необходимости изученія мѣстнаго раскола. Когда за-

*) Сборникъ правительствен. свѣдѣній о раскольникахъ. Выпускъ. I.

ниска, трактовавшая объ этомъ вопросѣ, была прочитана въ комитетѣ и члены его готовы были заняться ея обсужденіемъ — предсѣдатель комитета (губернаторъ г. Игнатьевъ) вдругъ объявляетъ, что расколъ — дѣло секретное, отнюдь неподлежащее огласкѣ и что вопросъ этотъ представляетъ собою не больше не меньше, какъ административный, государственный секретъ. Онъ не допустилъ до обсужденія записки и даже лишилъ права слова тѣхъ членовъ комитета, которые пытались было возражать ему.... *). Понятно, что при подобныхъ условіяхъ гласное, открытое изслѣдованіе раскола было невозможно. Но это время, слава Богу, уже прошло и прошло, конечно, не за тѣмъ, чтобы вернуться снова.

II.

Мы уже не разъ упоминали о «статистическихъ экспедиціяхъ», имѣвшихъ цѣлью спеціальное изслѣдованіе раскола въ мѣстахъ его наиболѣе сильнаго развитія. Эти учено-административныя изслѣдованія, какъ извѣстно, производились главнымъ образомъ въ теченіе 1852 года. На основаніи тѣхъ данныхъ, которыя собраны были на мѣстахъ, чиновники-изслѣдователи составили «записки» и «отчеты о современномъ состояніи раскола» и представили ихъ въ министерство внутреннихъ дѣлъ. «Отчеты эти,—говоритъ г. Розовъ—не были публикованы, но правительство приняло ихъ за норму, по которой установило свой взглядъ на расколъ и его развитіе, *взглядъ, который до сихъ поръ опредѣляетъ дѣйствія министерства по дѣламъ о раскольникахъ*» **).

Уже одного этого обстоятельства вполнѣ достаточно для того, чтобы повнимательнѣе остановиться на этихъ изслѣдованіяхъ. Но къ этому побуждаютъ еще и другія соображенія. Въ извѣстной части нашего общества сложилось и до сихъ поръ существуетъ черезчуръ преувеличенное мнѣніе о серьезности и капитальности этихъ изслѣдованій, вслѣдствіе чего каждый разъ какъ только заходитъ рѣчь объ отсутствіи у насъ необходимыхъ изслѣдованій по вопросу о расколѣ, — сейчасъ же побѣдоносно

*) Исторія съ этой запиской была довольно подробно разсказана нами въ „Голосѣ“ за 1880 г. № 51.

**) „Вѣстникъ Европы“ 1872 г. № 11. Статья г. Розова: „Странники или бѣгуны“.

выдвигаются на видъ труды этихъ «статистическихъ экспедицій». И такъ, посмотримъ же, что это за труды.

Вотъ въ двухъ словахъ исторія этихъ изслѣдованій. Въ ноябрѣ 1850 года исполнилось двадцатипятилѣтіе царствованія императора Николая Павловича. Всѣ министры и главно-управляющіе отдѣльными частями, кромѣ обычныхъ годовыхъ отчетовъ по своему управленію, представили государю отчеты за послѣдніе 25 лѣтъ. При отчетѣ министерства внутреннихъ дѣлъ бывшій тогда министромъ графъ Л. А. Перовскій представилъ особую записку о расколѣ. Авторомъ этой записки былъ извѣстный ученый, бывшій передъ тѣмъ профессоромъ московскаго университета и редакторомъ журнала Телескопъ — Н. И. Надеждинъ. Въ запискѣ этой главнымъ образомъ обращалось вниманіе на то, какъ скудны и неточны свѣдѣнія, которыми обладаетъ администрація о расколѣ вообще и о численности раскольниковъ въ особенности. По прочтеніи записки, государь приказалъ графу Перовскому придумать средства, какимъ бы образомъ собрать возможно вѣрныя свѣдѣнія о числѣ раскольниковъ, хотя въ нѣкоторыхъ губерніяхъ.

Графъ Перовскій возложилъ это дѣло на Надеждина, поручивъ ему придумать средства къ исполненію государевой воли и выбрать способныхъ на то людей, какъ изъ министерскихъ чиновниковъ, такъ и изъ лицъ постороннихъ. Въ концѣ-концовъ рѣшено было образовать на первый разъ двѣ статистическія экспедиціи: одну въ Ярославскую губернію, другую—въ Нижегородскую. Начальникомъ первой назначенъ былъ предсѣдатель петербургской уголовной палаты г. Синицынъ, а начальникомъ второй чиновникъ министерства внутреннихъ дѣлъ г. Мельниковъ. Что касается до остальнаго состава этихъ учено-административныхъ экспедицій, то большинство членовъ ихъ состояло изъ болѣе или менѣе крупныхъ административныхъ чиновниковъ; таковы напримѣръ, были: тайный совѣтникъ графъ Сиверсъ (бывшій нѣкогда московскимъ губернаторомъ), дѣйствительный статскій совѣтникъ Григорьевъ (бывш. владимірскій губернаторъ), статскій совѣтникъ графъ Гуттенъ-Чайской (быв. петербургскій вице-губернаторъ), камеръ-юнкеръ Галаховъ и нѣкоторые другіе. Въ Костромскую губернію были посланы: дѣйств. ст. совѣтн. Брянчаниновъ (бывшій ставропольскій губернаторъ) и стат. сов. Арнольди (быв. калужскій губернаторъ).

Спрашивается: насколько всѣ эти лица были подготовлены къ тѣмъ занятіямъ, которыя ожидали ихъ? Обладали-ли они достаточными знаніями народной среды и тѣхъ мѣстныхъ условій, среди которыхъ имъ предстояло дѣйствовать?—на всѣ эти вопросы мы поищемъ отвѣтовъ въ ихъ собственныхъ запискахъ и отчетахъ. Прежде всего, при чтеніи этихъ отчетовъ невольно бросается въ глаза то обстоятельство, что почти всѣ оффиціальные изслѣдователи стараются представить расколъ какимъ-то пугаломъ, страшнымъ не столько для церкви, но еще болѣе для государства. Всѣ ихъ изслѣдованія имѣютъ цѣлью запугать правительство антигосударственными, чуть-ли не революціонными стремленіями раскола. Особенно же въ этомъ отношеніи выдаются гг. статскій сов. Синицынъ и дѣйств. ст. сов. Алябьевъ.

Первый изъ нихъ при каждомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ заявляетъ и докладываетъ объ антиправительственномъ направленіи раскола. Сообщая напримѣръ о томъ, что у одного крестьянина Романовскаго уѣзда найдена была книга «Цвѣтникъ», въ которой говорилось между прочимъ, что «антихристъ есть царь злочестивый и что вообще цари, вельможи, архіереи и учители—наши грабители и мучители»—г. Синицынъ, этотъ, быть можетъ, единичный, быть можетъ, совершенно исключительный случай тотчасъ же обобщаетъ и утверждаетъ, что среди раскольниковъ ходитъ множество рукописей, «наполненныхъ ругательствами и проклятіями на царей и вельможъ». Далѣе, онъ разсказываетъ о существованіи среди петербургскихъ филиповцевъ тайнаго общества, ученіе котораго состоитъ въ томъ, что оно всѣхъ людей считаетъ «равными братьями», царемъ признаетъ только царя небеснаго, т. е. Бога. Общество это, состоящее изъ богатыхъ крестьянъ, собирается будто бы въ первомъ часу ночи и расходится въ 6 часовъ утра, и что въ члены его допускаются только люди, испытанные въ скромности и въ умѣньи хранить тайну.

Онъ не пропускаетъ ни одного случая проявленія изувѣрства, которые могутъ компрометировать раскольниковъ въ глазахъ властей. Одинъ крестьянинъ послѣ причастія выплюнулъ св. дары на грязный церковный полъ и растеръ ихъ сапогомъ. Женщина приходитъ къ священнику съ вопросомъ: «не знаетъ-ли онъ, скоро-ли будетъ гоненіе?» и при этомъ прибавляетъ: «охъ, если бы Господь привелъ пострадать за святую вѣру!» Одинъ филиповецъ высказалъ, что каждый изъ нихъ съ радостію пойдетъ

на мученичество и т. д. и т. д. Что же касается странниковъ или бѣгуновъ, то они являются въ запискахъ г. Синицына настоящими конспираторами. По его словамъ, они ходятъ съ оружіемъ въ рукахъ; одинъ странникъ подстерегъ помѣщика въ кустарникѣ, зарѣзалъ и бросилъ его на дорогѣ; другой при поимкѣ стрѣлялъ изъ пистолетовъ и т. д.

Въ своемъ стремленіи выставить раскольниковъ какими-то заклятыми революціонерами г. Синицынъ нерѣдко доходитъ просто до нелѣпостей, до абсурдовъ. Такъ, желая доказать, что «ученіе о братствѣ и равенствѣ—общее у всѣхъ филиповцевъ», онъ разсказываетъ слѣдующій случай, который въ устахъ г. ученаго изслѣдователя является на столько характернымъ, что я не могу отказать себѣ въ удовольствіи привести этотъ разсказъ цѣликомъ.

«На границѣ Тверской губерніи и Мышкинскаго уѣзда,—повѣствуетъ г. Синицынъ, — съ однимъ изъ членовъ экспедиціи встрѣтились два крестьянина деревни Подосиновки, Михаилъ Устиновъ и сынъ его Григорій, мужчина огромнаго роста и, *несмотря шапокъ*, при разговорѣ съ нимъ нерѣдко употреблялъ слово «*братецъ*». Когда полицейскій служитель замѣтилъ: какъ они смѣютъ такъ обращаться съ чиновникомъ министерства, одинъ изъ нихъ грубо отвѣчалъ: «а што-жъ такое? по вашему кто царь, кто енералъ, кто ваше высокоблагородіе, а по нашему всѣ равные братья!»

Такой отвѣтъ повергаетъ ученаго изслѣдователя въ ужасъ. Но этого мало. Когда взволнованный этой встрѣчей, изслѣдователь пріѣзжаетъ въ ближайшую деревню, онъ наталкивается тамъ на нѣчто еще гораздо болѣе ужасное. Войдя въ одинъ домъ, онъ застаетъ тамъ какую-то дряхлую старуху. Представьте себѣ его ужасъ, когда эта старуха, вступивши съ нимъ въ разговоръ, начала.... величать его «братцемъ» и, болтая о разныхъ вещахъ, «намекнула на старорусское возмущеніе».

Наблюденія и «изслѣдованія» г. Синицына привели его къ убѣжденію, что «главная причина, поддерживающая расколъ, есть поблажки духовенства и полиціи». Онъ горько жалуется на то, что раскольникамъ предоставлена будто бы «полная свобода дѣйствовать, какъ хотятъ». И все это писалось въ то время, когда всякаго рода преслѣдованія и гоненія были въ полномъ ходу. Г. Синицынъ не указываетъ, къ сожалѣнію, тѣхъ мѣръ, которыя могли бы, по его мнѣнію, уничтожить расколъ. Болѣе

прямо и откровенно дѣйствуетъ другой изслѣдователь раскола, дѣйств. ст. сов. Алябьевъ. Въ своей «запискѣ о страннической или сопелковской ереси» онъ предлагаетъ цѣлый рядъ мѣръ, которыми онъ надѣется уничтожить эту секту. Всѣ эти мѣры имѣютъ чисто полицейскій характеръ и направлены главнымъ образомъ на усиленіе полицейскаго надзора. Такъ, онъ предлагаетъ «поставить въ обязанность земской полиціи производить по временамъ обыски въ лѣсахъ, гдѣ укрываются странники, причемъ эти обыски во избѣжаніе огласки должны производиться безъ соблюденія существующихъ по этому предмету законоположеній. Кромѣ того, чрезъ каждые 3 — 4 года, слѣдуетъ дѣлать «общіе обыски лѣсовъ съ обѣихъ сторонъ смѣжныхъ между собою Ярославской и Вологодской губерній». Такіе обыски должны производиться непремѣнно чиновниками министерства внутреннихъ дѣлъ. Такіе же точно періодическіе обыски слѣдуетъ производить и въ домахъ всѣхъ тѣхъ крестьянъ, которые почему-нибудь навлекаютъ на себя подозрѣніе мѣстныхъ властей. Затѣмъ, онъ предлагаетъ увеличить штрафы за пристанодержательство вдвое противъ существующихъ, и, наконецъ, считаетъ необходимымъ *разъ навсегда* опредѣлить: «какое должно быть допущено внутреннее устройство крестьянскихъ избъ, чтобы преградить впредь устройство тайниковъ въ избахъ». Но г. Алябьевъ не останавливается и на этомъ и требуетъ срыть съ лица земли все селеніе Сопелки; такъ какъ, по его словамъ, «доколѣ будетъ существовать село Сопелки, дотолѣ никакими мѣрами не уничтожится распространеніе страннической секты».

Дальше этого, кажется, идти уже некуда. Замѣчательно, что подобные взгляды не составляли исключительной особенности г. Алябьева; но раздѣлялись, болѣе или менѣе, и всѣми остальными изслѣдователями раскола. Такъ, гг. Брянчаниновъ и Арнольди рекомендуютъ слѣдующія мѣры для «уничтоженія раскола». 1) удаленіе (вѣроятно въ монастырскія тюрьмы) главныхъ двигателей раскола. 2) уничтоженіе всѣхъ молитвенныхъ домовъ и часовень, какъ явныхъ, дозволенныхъ правительствомъ, такъ и тайныхъ. 3) воспрещеніе выбирать въ удѣльныхъ и казенныхъ имѣніяхъ старшинъ и старостъ не только изъ раскольниковъ явныхъ, но и изъ тѣхъ даже, которые не усердны къ церкви и могутъ быть подозрѣваемы въ принадлежности къ расколу. 4) учрежденіе тайнаго полицейскаго надзора надъ лицами, подозрѣваемыми въ пристанодержательствѣ бѣглыхъ раскольн-

никовъ. 5) частые обыски въ домахъ пристанодержателей посредствомъ благонадежныхъ чиновниковъ. 6) медицинское освидѣтельствованіе тѣхъ изъ раскольниковъ, которые подозрѣваются въ принадлежности къ сектѣ скопцовъ и, наконецъ, 7) поимка хлыстовъ во время ихъ ночныхъ собраній». Это «единственныя мѣры», которыя, по мнѣнію названныхъ изслѣдователей, могутъ «уничтожить расколъ».

Г. Липранди съ своей стороны рекомендуетъ окружить раскольниковъ шпіонами, которые слѣдили-бы за каждымъ шагомъ ихъ. Между прочимъ, онъ проэктируетъ «заключеніе всѣхъ вообще скопцовъ въ монастыри, гдѣ имъ приличнѣе было-бы спасать свои души; такъ какъ большая часть изъ нихъ показываетъ, что поводомъ къ оскопленію было желаніе спасти душу». Онъ нѣсколько разъ настаиваетъ на необходимости разрушить могилу скопца Шилова, умершаго во время заключенія въ Шлиссельбургской крѣпости и похороненнаго близъ города Шлиссельбурга. Онъ отказывается понять, почему всѣ его указанія въ этомъ смыслѣ до сихъ поръ не приведены въ исполненіе. Липранди говоритъ, что къ сектѣ бѣгуновъ слѣдуетъ присоединить многочисленный разрядъ такъ называемыхъ ходебщиковъ или разнощиковъ мелкихъ товаровъ, по его словамъ, «почти весь состоящій изъ раскольковъ». Но онъ и этимъ не ограничивается и причисляетъ къ расколу всѣхъ нашихъ славянофиловъ и затрудняется только въ одномъ: куда именно отнести ихъ, т. е. поповщинѣ или безноповщинѣ. Онъ обвиняетъ славянофиловъ въ томъ, что они будто-бы заискиваютъ у раскольниковъ, знакомятся съ ними съ какою-то «тайною цѣлью». «Какая-же это цѣль»? спрашиваетъ онъ и отвѣчаетъ: «мнѣ не представляется другой кромѣ той, которая можетъ еще болѣе возбуждать грубую массу раскольниковъ противъ существующаго порядка» *). «И такъ, по мнѣнію г. Липранди, славянофилы составляютъ особую раскольническую секту. Идя далѣе въ этомъ направленіи, можно было открыть въ Москвѣ согласія: Аксаковщину, Хомяковщину, Кирѣевщину; но далѣе г. Липранди не пошелъ» **).

Но за то онъ черезчуръ далеко пошелъ въ своихъ обличеніяхъ и обвиненіяхъ, направленныхъ противъ раскола. Такъ, напримѣръ, безпоповцевъ онъ обвиняетъ въ дѣланіи фальшивой

*) „Обозрѣніе русскихъ расколовъ, ересей и сектъ". Москва, 1870 г. стр. 76.
**) Андреевъ. Расколъ и его значеніе. Спб. 1870 г. 363 стр.

монеты, въ фабрикаціи фальшивыхъ кредитныхъ билетовъ и паспортовъ, въ систематическомъ укрывательствѣ всякаго рода самыхъ возмутительныхъ преступленій, въ родѣ, напримѣръ, дѣтоубійства и проч.

«Кровосмѣшеніе, мужеложство, сообщеніе женщинъ съ женщинами не преслѣдуется, по его словамъ, даже въ монашескихъ обществахъ. Сами наставники, безъ укоризны отъ прихожанъ, предаются разврату съ духовными своими дѣтьми», и т. д. и т. д.

Главнымъ условіемъ успѣха мѣръ, предлагаемыхъ изслѣдователями для искорененія раскола, они ставятъ строгую тайну, строгій секретъ. Г. Липранди съ умиленіемъ разсказываетъ о графѣ Перовскомъ, который наиболѣе важныя раскольническія дѣла производилъ такъ тайно, что не сдавалъ ихъ даже въ свою канцелярію (не имѣвшую вовсе понятія объ этихъ дѣлахъ) и держалъ у себя въ кабинетѣ, во все время управленія министерствомъ. «Теперь, говоритъ г. Липранди, содрагаешься отъ ужаса, когда видишь, что подобныя дѣла таскаются какими нибудь коллежскими секретарями по ихъ жилищамъ, гдѣ могутъ служить достояніемъ, можно сказать, всенароднаго любопытства *). Все это, какъ нельзя болѣе, доказываетъ, какъ мало понимали изслѣдователи-чиновники истинныя причины, вызывающія усиленіе и распространеніе раскола.

Посѣщеніе раскольническихъ деревень этими учеными изслѣдователями имѣли характеръ какихъ-то облавъ, обысковъ и набѣговъ. Въ сопровожденіи полицейскихъ чиновъ, они обходили крестьянскіе дома, стараясь найдти въ нихъ какіе нибудь признаки раскола въ родѣ старыхъ книгъ, лѣстовокъ, подручниковъ, ручныхъ кадильницъ и т. п. При этомъ, большею частію, книги и иконы безцеремонно отбирались гг. изслѣдователями. Замѣчательно, что къ подобнымъ мѣрамъ нерѣдко прибѣгали даже наиболѣе гуманные изъ членовъ экспедицій, какъ напр., г. Мельниковъ.

Понятно, что подобный образъ дѣйствій неизбѣжно долженъ былъ вооружить противъ изслѣдователей все раскольническое населеніе, для котораго старыя книги и иконы составляютъ самую дорогую, завѣтную святыню. А разъ эти отношенія приняли враждебный характеръ, изслѣдователи непремѣнно должны были на каждомъ шагу встрѣчать и испытывать цѣлую кучу всевоз-

*) Обозрѣніе русскихъ расколовъ, ересей и сектъ.

можныхъ мелкихъ и крупныхъ затрудненій для достиженія своихъ цѣлей. Г. Синицынъ жалуется, что «при входѣ въ крестьянскую избу, прежде всякаго спроса о чемъ нибудь, хозяинъ или хозяйка всегда встрѣчали входившаго члена экспедиціи словами: «у насъ нѣтъ ничего раскольническаго». «Вообще, говоритъ онъ, жители до того предупреждены противъ всѣхъ пріѣзжающихъ къ нимъ чиновниковъ, что едва-ли не каждаго изъ нихъ подозрѣваютъ въ намѣреніи открывать и преслѣдовать раскольниковъ». Услышавъ о пріѣздѣ въ село члена экспедиціи, крестьяне спѣшатъ попрятать скорѣе все то, что можетъ вызвать подозрѣнія относительно ихъ вѣрованій. Г. Синицынъ говоритъ, что во многихъ избахъ онъ находилъ образныя полки пустыми; ясно, что крестьяне, въ ожиданіи непрошенныхъ гостей, прятали даже иконы.

Нѣкоторые изъ членовъ экспедицій вооружили противъ себя населеніе поступками, невольно возмущающими нравственное чувство. Г. Алябьевъ, напр., сознается, что онъ нерѣдко прибѣгалъ къ личному освидѣтельствованію дѣвушекъ, заподозрѣнныхъ въ принадлежности къ странническої сектѣ.

Г. Липранди не только не совѣстится признаться въ томъ, что при своихъ изслѣдованіяхъ онъ дѣйствовалъ рука объ руку съ агентами III отдѣленія; но не безъ гордости упоминаетъ каждый разъ о тѣхъ допросахъ, какимъ онъ подвергалъ раскольниковъ въ III отдѣленіи, съ цѣлью добиться отъ нихъ извѣстныхъ показаній.

Изъ приведеннаго нами разсказа о встрѣчѣ члена экспедиціи съ крестьянами деревни Подосиновки видно, что изслѣдователи раскола совсѣмъ не знали народа, не умѣли говорить съ нимъ, совсѣмъ не понимали его рѣчи. Мужикъ, въ разговорѣ съ изслѣдователемъ, случайно встрѣченнымъ на дорогѣ, называетъ его «братцемъ», тоже дѣлаетъ старуха-крестьянка; — и вотъ на основаніи такого обращенія строится выводъ о противогосударственномъ направленіи раскольниковъ, причемъ они объявляются непризнающими властей и мечтающими о всеобщемъ братствѣ и равенствѣ всѣхъ людей. Насколько научны, насколько точны подобные пріемы — ясно само собою.

Ясно, что этотъ изслѣдователь народнаго быта ни разу не говорилъ по душѣ ни съ однимъ мужикомъ; иначе, конечно, онъ не приходилъ-бы въ ужасъ отъ такихъ словъ, какъ «братецъ». Кому неизвѣстно, что «братецъ», «милый человѣкъ», «другъ любезный» — любимыя словечки у каждаго крестьянина,

будь онъ раскольникъ или православный. Приписывать-же раскольникамъ, на основаніи подобныхъ данныхъ, разныя демократическія и чуть-ли не революціонныя стремленія — по меньшей мѣрѣ несправедливо.

Этимъ мы вовсе не хотимъ сказать, что нашъ расколъ совершенно чуждъ политическаго значенія. Нѣтъ, мы въ первой статьѣ замѣтили, что какъ прежде, такъ и теперь политическій элементъ играетъ видную роль въ дѣлѣ развитія и распространенія русскаго сектантства. Но мы хотимъ только обратить вниманіе на то, что тѣ данныя и факты, на которыхъ основывали свои заключенія оффиціальные изслѣдователи о противогосударственныхъ стремленіяхъ раскола—въ сущности ровно ничего не доказываютъ.

III.

Какъ-же приняты были эти изслѣдованія въ административныхъ сферахъ? Какъ повліяли они на отношенія власти къ расколу? Мы видимъ, что къ сожалѣнію, этимъ изслѣдователямъ придано было гораздо большее значеніе, чѣмъ они заслуживали на самомъ дѣлѣ. Что-же касается вопроса о томъ, какъ отразились они на отношеніяхъ власти къ расколу; то нетрудно догадаться, что онѣ неизбѣжно должны были еще болѣе укрѣпить мысль о необходимости строгихъ, суровыхъ мѣръ противъ раскола. По этому поводу я позволю себѣ привести здѣсь слова г. Мельникова, высказанныя имъ въ запискѣ его о русскомъ расколѣ въ 1857 году. «Въ послѣднія 15 лѣтъ стѣснительныя мѣры противъ раскольниковъ стали усиливаться. Сначала было воспрещено имъ давать награды, потомъ, во время ревизіи 1850 года, женъ ихъ велѣно записывать въ отдѣльныхъ отъ нихъ семействахъ, а дѣтей считать незаконнорожденными. *Съ 1853 года* (т. е. съ того именно времени, когда статистическія экспедиціи закончили свои изслѣдованія) *эти стѣсненія еще болѣе увеличились*: часовни раскольниковъ, построенныя и снабженныя драгоцѣнными иконами на ихъ счетъ и слѣдовательно, составлявшія ихъ частную собственность, правительство стало отбирать и отдавать единовѣрцамъ; не только поповъ, но и важныхъ, по своему вліянію, мірянъ безъ суда и слѣдствія посылать въ ссылку; потомъ раскольникамъ запрещено записываться въ купцы, чѣмъ сравнили ихъ съ мѣщанами, подвергли ихъ рекрутской очереди и возможности тѣлеснаго наказанія. Такому ограниченію правъ

подпали значительные капиталисты, лица, фабричная и торговая дѣятельность которыхъ, кормила и кормитъ сотни тысячъ подданныхъ имперіи. Наконецъ, *стали смотрѣть на раскольниковъ какъ на заговорщиковъ*, нарушителей спокойствія государственнаго; цѣлыя селенія, въ полномъ ихъ составѣ, подчинены надзору полиціи; систематическое соглядатайство за ихъ поступками повергло въ уныніе и отчаяніе огромное число русскихъ людей, виновныхъ только въ томъ, что они признаютъ противнымъ ихъ совѣсти подчиниться главенству епархіальныхъ архіереевъ; ибо всѣ прочіе обряды, соблюдаемые ими, дозволены въ церквахъ единовѣрческихъ» *).

Если мы припомнимъ, что 53—55 года ознаменовались цѣлымъ рядомъ указовъ и распоряженій, направленныхъ противъ раскола, что за этотъ періодъ времени были закрыты и запечатаны почти всѣ наиболѣе извѣстныя старообрядческія часовни и моленныя, уничтожены всѣ наиболѣе знаменитые и славные въ исторіи раскола скиты: Выговскіе-Даниловскіе, Керженскіе, Оленевскій, Топозерскій и др.—то для насъ будетъ вполнѣ понятна та печальная роль, какую сыграли въ этомъ дѣлѣ оффиціальныя изслѣдованія раскола. Если съ 1853 года правительство стало смотрѣть на раскольниковъ, какъ на заговорщиковъ; то виною этому были изслѣдованія гг. Синицына, Алябьева, Арнольди, Липранди, Брянчанинова и друг.

Справедливость требуетъ однако выдѣлить изъ среды всѣхъ этихъ лицъ двухъ изслѣдователей, невиновныхъ въ той односторонности, на которую мы только что указали. Это П. П. Мельниковъ и И. С. Аксаковъ. О первомъ изъ нихъ мы уже упоминали. Что касается г. Аксакова; то онъ въ противоположность всѣмъ остальнымъ изслѣдователямъ раскола, довольно вѣрно опредѣлилъ тѣ причины, которыя вызываютъ и поддерживаютъ расколъ. Вотъ его мнѣніе:

«Главнѣйшія изъ причинъ усилившихъ и поддерживавшихъ расколъ суть слѣдующія: 1) протестъ противъ современнаго порядка вещей, 2) отношеніе церкви къ государству и, по мнѣнію раскольниковъ, казенный характеръ русской церкви, 3) отвращеніе отъ церкви, внушаемое народу духовенствомъ, 4) потребность умственной дѣятельности и броженіе умовъ, неимѣющихъ

*) Сборникъ прав. свѣд. о расколѣ. Вып. I. стр. 187.

другаго правильнаго способа къ удовлетворенію этой духовной потребности».

«Обязанный высказывать по совѣсти свое убѣжденіе,— говоритъ г. Аксаковъ,—я долженъ сознаться, что не вижу никакихъ мѣръ, которыя, при настоящемъ порядкѣ вещей, могли бы принести существенную пользу. Главная причина, поддерживающая и усиливающая расколъ: — протестъ противъ правительства, невѣжество и корыстолюбіе духовенства, корыстолюбіе земской полиціи и вообще жадность чиновнаго міра къ раскольническимъ дѣламъ». Безъ сомнѣнія, такая постановка вопроса страдаетъ нѣкоторою неясностію, недоговоренностію, такъ какъ тутъ не указано въ чемъ именно проявляется протестъ раскола противъ правительства; но тѣмъ не менѣе, въ общемъ, мнѣніе г. Аксакова ближе всѣхъ другихъ изслѣдователей подходитъ къ истинѣ.

Но несмотря на такой взглядъ на причины развитія раскола, г. Аксаковъ, вмѣстѣ съ другими изслѣдователями, признаетъ необходимость иногда чисто полицейскихъ мѣръ для борьбы съ расколомъ и, между прочимъ, рекомендуетъ «чистые и внезапные обыски» домовъ раскольниковъ при посредствѣ надежныхъ чиновниковъ».

Въ довершеніе всего, изслѣдователи не были снабжены одинаковой программой дѣйствій; вслѣдствіе чего каждый изъ нихъ дѣйствовалъ по собственному усмотрѣнію. Когда передъ отправленіемъ изъ Петербурга статистическихъ экспедицій гг. Синицынъ и Мельниковъ, какъ начальствующіе экспедиціями, объяснились графу Перовскому, министръ, на вопросъ какіе употреблять пріемы при собираніи свѣдѣній о числѣ раскольниковъ, сказалъ имъ: «подробныхъ инструкцій вамъ дать нельзя; все зависитъ отъ мѣстныхъ условій, здѣсь намъ неизвѣстныхъ. Вы посылаетесь *на первый разъ въ видѣ опыта*; самыя ошибки ваши въ этомъ новомъ дѣлѣ будутъ полезны при производствѣ такихъ же работъ по другимъ губерніямъ».

Такъ какъ изслѣдователи дѣйствовали каждый по своему; то, конечно, одинъ насчиталъ раскольниковъ больше, другой меньше. Такъ напримѣръ, Синицынъ, въ Ярославской губерніи, признаками раскола считалъ домашнее употребленіе лѣствовокъ, подручниковъ, разныхъ кадильницъ и т. п. Насколько подобные признаки могутъ считаться точными—пойметъ каждый, кто хотя сколько нибудь знакомъ съ бытомъ великороссійскаго населенія

нашихъ сѣверныхъ губерній. «Если бы этотъ признакъ былъ принятъ въ основаніе по Нижегородской губерніи, говоритъ г. Мельниковъ, то мнѣ пришлось бы все населеніе Заволожья отнести къ числу раскольниковъ поголовно».

Уже отсюда видно, насколько подобныя изслѣдованія могутъ претендовать на точность.

Все это вмѣстѣ взятое способствовало къ тому, что изслѣдованія, добытыя подобными путями, вышли крайне односторонни и совершенно не точны. Недостаточность и неудовлетворительность всѣхъ произведенныхъ въ то время изслѣдованій по расколу признана даже Высочайшею властью.

20 января 1858 года, т. е. спустя лишь нѣсколько лѣтъ по окончаніи этихъ изслѣдованій, Государь Императоръ, при разсмотрѣніи представленныхъ ему дѣлъ о раскольникахъ, изволилъ замѣтить, что «несмотря на обиліе у насъ печатныхъ книгъ и рукописныхъ записокъ, исторія, статистика и законодательство раскола еще весьма мало обработаны и что поэтому незнаніе всѣхъ обстоятельствъ раскола затрудняетъ правительство не только при рѣшеніи частныхъ случаевъ о раскольникахъ, но въ особенности при избраніи правильной и твердой системы дѣйствій въ отношеніи къ расколу вообще» *).

Между тѣмъ, съ тѣхъ поръ и до настоящаго времени ни администраціею, ни учеными обществами не было предпринято никакихъ попытокъ къ изученію раскола. Если даже признать за прежними, оффиціальными изслѣдованіями хотя какое нибудь значеніе (труды г. Мельникова); то въ настоящее время никоимъ образомъ невозможно уже довольствоваться ими. Съ тѣхъ поръ прошло почти тридцать лѣтъ, въ теченіе которыхъ появилось не мало новыхъ, совершенно неизвѣстныхъ прежде сектъ и ученій въ духѣ раскола. Нѣкоторыя изъ нихъ, какъ напримѣръ, штунда, успѣли пустить глубокіе корни, раскинуться на обширные районы и въ самое короткое время съумѣли привлечь къ себѣ огромную массу послѣдователей.

И такъ, повторяемъ еще разъ: крайне настоятельная необходимость систематическаго и всесторонняго изученія раскола или сектантства не можетъ подлежать никакому сомнѣнію. Кто хочетъ служить народу, кто хочетъ быть полезенъ ему—тотъ долженъ знать расколъ, долженъ знать тѣ внутренніе стимулы,

*) „Православный Собесѣдникъ“ 1867 г. № 2.

идеи и стремленія, благодаря которымъ расколъ поражаетъ каждаго наблюдателя своею необычайною живучестью и во имя которыхъ онъ ведетъ упорную, вѣковую борьбу. Необходимо знать, откуда черпаетъ расколъ свою могучую силу, свою страстную энергію, беззавѣтную преданность и вѣру въ свое дѣло. Необходимо знать тотъ душевный, нравственный процессъ, какимъ доходитъ нашъ народъ до готовности сгорѣть на кострѣ или сгнить въ монастырской тюрьмѣ за тотъ или другой догматъ, за то или другое положеніе своего ученія.

Только при такомъ знакомствѣ съ народомъ мы будемъ въ состояніи безошибочно рѣшить старый, но вѣчно новый, вѣчно роковой, мучительный вопросъ: «что дѣлать»? Только при этихъ условіяхъ мы не будемъ ежеминутно рисковать, что вся наша дѣятельность на пользу народу останется безплодною, безрезультатною, что она холодно и безучастно встрѣтится народомъ, который не пойметъ ее и не оцѣнитъ.

Само собою разумѣется, что для подобной цѣли нужно изучать расколъ не въ однѣхъ книгахъ. Мало изучать расколъ въ архивахъ и библіотекахъ, какъ дѣлали до сихъ поръ. Необходимо стать съ нимъ лицомъ къ лицу; необходимо непосредственное изученіе раскола въ мѣстахъ его распространенія, необходимо личное, близкое и тѣсное знакомство съ послѣдователями ученій раскола. На необходимость подобнаго изученія указывалъ еще г. Мельниковъ въ своихъ «письмахъ о расколѣ». «Необходимо, говоритъ онъ, пожить въ раскольническихъ монастыряхъ, въ скитахъ, въ колибахъ, въ заимкахъ, въ келіяхъ и лѣсахъ; необходимо изучить расколъ въ живыхъ проявленіяхъ его, въ преданіяхъ и повѣрьяхъ, не переданныхъ бумагѣ, но свято сохраняемыхъ цѣлымъ рядомъ поколѣній» *).

Однако и до сихъ поръ въ нашей литературѣ почти совсѣмъ не встрѣчается такихъ изслѣдованій, которыя бы основывались на личныхъ, непосредственныхъ наблюденіяхъ надъ жизнью и бытомъ сектантовъ. За то весьма часто встрѣчаются изслѣдователи, которые пишутъ и издаютъ цѣлые томы о расколѣ, несмотря на то, что отъ роду не видѣли ни одного раскольника, ни разу не живали въ раскольничьихъ общинахъ, не видѣли ни одной раскольничьей библіотеки, не прочитали ни одной раскольничьей рукописи.

*) „Письма о расколѣ“ П. И. Мельниковъ, стр. 14-я.

Въ оправданіе подобныхъ явленій обыкновенно указываютъ на замкнутость и недовѣрчивость сектантовъ, лишающія будто бы изслѣдователя всякой возможности проникнуть въ ихъ среду. Но такъ-ли это на самомъ дѣлѣ? Прежде всего необходимо замѣтить, что ходячее въ обществѣ мнѣніе о чрезмѣрной скрытности и недовѣрчивости сектантовъ черезъ-чуръ преувеличено. Мнѣніе это сложилось давно, а именно въ то время, когда сектанты подвергались суровымъ и жестокимъ преслѣдованіямъ и гоненіямъ. Понятно, что эти преслѣдованія неизбѣжно должны были заставить сектантовъ замкнуться, уйти въ себя, должны были развить въ нихъ недовѣрчивость и подозрительность. Но съ тѣхъ крутыхъ и суровыхъ гоненій миновалъ и теперешнія поколѣнія сектантовъ выросли уже при иныхъ условіяхъ, чѣмъ ихъ предки; они почти не испытали на себѣ тѣхъ неблагопріятныхъ вліяній, которыя бы способствовали выработкѣ въ нихъ названныхъ нами качествъ. Нерѣдко они только по традиціямъ, по преданію, знакомы съ этими вліяніями. Что же касается до послѣдователей тѣхъ сектъ, которыя возникли въ самое послѣднее время, то среди ихъ нѣтъ даже этихъ традицій. А эти то именно секты и представляютъ наибольшій интересъ; такъ какъ, во-первыхъ, они всего менѣе изслѣдованы, а во-вторыхъ, необычайно быстрое распространеніе нѣкоторыхъ изъ нихъ невольно заставляетъ серьезно и внимательно отнестись къ этому явленію. Люди, имѣвшіе случай жить среди штундистовъ, увѣряютъ, что сойтись и заслужить довѣріе этихъ сектантовъ не представляетъ никакого особеннаго труда. Каждый желающій можетъ безъ особеннаго затрудненія получить доступъ на ихъ собранія, богоявленія и т. п. Почти тоже самое слѣдуетъ сказать и о молоканахъ. На ихъ собраніяхъ постороннія лица имѣютъ право даже говорить поученія, толковать и объяснять библію и т. д. Вообще сектанты отнюдь не чуждаются, не дичатся посторонняго, заѣзжаго человѣка; всѣмъ имъ свойственъ обычай гостепріимства. Съ необыкновеннымъ радушіемъ встрѣчаютъ они каждаго проѣзжаго или прохожаго человѣка. Духоборцы, напримѣръ, по словамъ Лопухина, съ проѣзжающихъ чрезъ ихъ селенія не берутъ ничего ни за постой, ни за пищу. Для проѣзжающихъ у нихъ на молочныхъ водахъ построенъ былъ даже особый общественный домъ. По отзыву путешественниковъ, они весьма сообщительны и словоохотливы.

Мы глубоко убѣждены, что, при извѣстномъ тактѣ, изслѣдователь сектантства можетъ получить возможность непосредственно изучить даже тѣ секты, которыя, считаясь «особенно вредными», до сихъ поръ находятся въ опалѣ и принуждены таиться и скрываться. Убѣжденіе это основывается отчасти на личномъ опытѣ, на который я позволю себѣ сослаться здѣсь. Послѣдніе два года я прожилъ въ Архангельской губерніи; въ качествѣ уроженца этого края, мнѣ не предстояло особеннаго труда орієнтироваться среди тѣхъ своеобразныхъ условій, которыя такъ или иначе вліяютъ на жизнь мѣстнаго населенія. Въ теченіе одного лѣта мнѣ удалось перезнакомиться со многими представителями всѣхъ сектъ, распространенныхъ въ губерніи; съ нѣкоторыми изъ нихъ я сошелся на столько близко, что они охотно показывали мнѣ всѣ свои рукописи, книги, возили меня въ скиты, водили въ молельни и хотя, какъ иновѣрцу и «церковнику», не позволяли присутствовать въ моленныхъ во время богослуженія; но охотно разрѣшали находиться въ это время въ сосѣднихъ сѣнцахъ, откуда можно было слышать и видѣть все, что происходило въ моленныхъ.

— «Мы вѣримъ,—обыкновенно говорили они въ такихъ случаяхъ,—что вы не сдѣлаете вреда намъ».

«Не дѣлать вреда»—вотъ почти все, что нужно для того, чтобы сойтись съ сектантами. Они явно недовѣрчиво, иногда даже враждебно относятся лишь къ такимъ лицамъ, со стороны которыхъ они издавна привыкли встрѣчать разнаго рода придирки, оскорбленія, которыя отбирали у нихъ ихъ любимыя книги и иконы, доносили, запечатывали часовни, возбуждали дѣла, «усовѣщевали» при помощи разныхъ полицейскихъ мѣръ, издѣвались надъ ихъ ученіями и т. д.

Въ Архангельскѣ я имѣлъ случай, между прочимъ, познакомиться съ представителями даже такой фанатичной секты, какъ бѣгунская или странническая. Какъ извѣстно, послѣдователи этой секты раздѣляются на двѣ группы: на странниковъ, которые бѣгаютъ и скрываются и пристанодержателей, которые обязаны укрывать своихъ единовѣрцевъ. Мои знакомые принадлежали ко второй группѣ сектантовъ; но если бы обстоятельства позволили мнѣ пробыть въ Архангельскѣ еще нѣкоторое время: то я навѣрное получилъ бы возможность сойтись также и съ представителями первой группы этой противообщественной секты.

Прошлою весною мною былъ намѣченъ «Проэктъ программы для собиранія свѣдѣній о современномъ состояніи русскаго раскола или сектантства». Проэктъ этотъ былъ представленъ мною въ Отдѣленіе Этнографіи Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, вмѣстѣ съ особой запиской, въ которой доказывалась необходимость всесторонняго изученія раскола. Отдѣленіе Этнографіи отнеслось сочувственно къ этому предложенію и вполнѣ согласилось съ идеею о необходимости тщательнаго изученія раскола *). Въ настоящее время записка эта вмѣстѣ съ проэктомъ программы отпечатана Географическимъ Обществомъ и разослана всѣмъ членамъ Этнографическаго Отдѣла и знатокамъ раскола, съ тѣмъ, чтобы они доставили въ Общество свои замѣчанія и заключенія по поводу этого проэкта. По полученіи этихъ отзывовъ, Отдѣленіе Этнографіи не замедлитъ выработать окончательную редакцію программы для собиранія свѣдѣній о расколѣ. Такимъ образомъ, дѣлу систематическаго изученія раскола положено начало. Этнографическій Отдѣлъ Императорскаго Общества Любителей естествознанія, антропологіи и этнографіи также выразилъ со своей стороны готовность заняться собираніемъ свѣдѣній по этому вопросу.

Уже одинъ призывъ со стороны ученыхъ обществъ къ изученію раскола, безъ всякаго сомнѣнія, можетъ оказать значительную услугу дѣлу этнографіи. На этотъ призывъ не замедлятъ, разумѣется, отозваться всѣ тѣ лица, которыя, искренно интересуясь народной жизнью, заняты въ настоящее время изученіемъ различныхъ сторонъ народнаго быта. Эти лица съ готовностію откликнутся на призывъ ученыхъ обществъ и не откажутся посвятить свои силы дѣлу изученія русскаго сектантства, такъ глубоко захватывающаго устои народной жизни.

И они не пожалѣютъ о своемъ рѣшеніи: много поучительнаго, много интереснаго и существеннаго извлекутъ они изъ изученія раскола. Они увидятъ ясно, что у насъ въ народѣ таятся огромныя силы для всякаго рода самобытнаго развитія, убѣдятся въ крѣпкой силѣ народной мысли, во-очію увидятъ, сколько характера, энергіи, силы воли, сколько готовности къ самопожертвованію проявилось въ расколѣ. Они преклонятся передъ рѣшимостью простаго, русскаго человѣка отдать все, пожертвовать всѣмъ во имя идеи, которая кажется ему истиною, «правдою».

*) Эта записка вмѣстѣ съ проектомъ программы помѣщена въ III выпускѣ Извѣстій Императорскаго Русскаго Географическаго Общества за 1880 годъ.

Да, изучая постепенное развитіе раскола, знакомясь съ его безчисленными развѣтвленіями, ученіями и толками, лично сходясь и знакомясь съ представителями и послѣдователями этихъ ученій, вы невольно проникаетесь чувствомъ глубокаго благоволенія къ этому «многострадальному племени», и въ тоже время, въ вашу душу проливается глубокая вѣра въ несокрушимую нравственную силу «темнаго» русскаго люда. На душѣ становится легче, тяжелыя гнетущія сомнѣнія въ возможности лучшаго, свѣтлаго будущаго исчезаютъ, является надежда, является увѣренность, что это будущее, и возможно и близко.

А. С. Пругавинъ.

Историческія дѣла философіи.

(вступительная лекція въ с.-петербургскомъ университетѣ 20-го ноября 1880 г.).

Мм. Гг.!

Приглашая васъ къ свободному занятію философіей, я хочу прежде всего отвѣтить на одинъ вопросъ, который можетъ возникнуть по этому поводу. Вопросъ этотъ легко было бы и устранить, какъ слишкомъ наивный и могущій идти только со стороны людей совершенно не знакомыхъ съ философіей. Но такъ какъ я главнымъ образомъ и имѣю въ виду людей съ философіей еще не знакомыхъ, а только приступающихъ къ ней, то и не могу такъ пренебрежительно отнестись къ этому наивному вопросу, а считаю лучшимъ отвѣтить на него.

Философія существуетъ въ человѣчествѣ болѣе двухъ съ половиной тысячелѣтій *). Спрашивается: что сдѣлала она для человѣчества за это долгое время? Что сдѣлала философія въ области отвлеченнаго мышленія, при разрѣшеніи чисто-умозрительныхъ вопросовъ о бытіи и познаніи, — это извѣстно всѣмъ занимавшимся философіей. Но вѣдь философія не для нихъ же однихъ существуетъ. Вѣдь другія науки хотя также имѣютъ свои чисто-теоретическія задачи, доступныя только тѣмъ, кто ихъ изучаетъ, однако онѣ не ограничиваются этими задачами, онѣ хотя разработываются и изучаются теоретически немногими, но практическое значеніе имѣютъ *для всѣхъ;* коренясь въ школѣ, явные плоды приносятъ для жизни. Мы знаемъ, что науки естественныя существуютъ не для однихъ

---

*) Считая первымъ философскимъ памятникомъ индійскіе Упанишады.

физиковъ, химиковъ и физіологовъ, а также и для всего человѣчества; мы знаемъ явную пользу, которую онѣ ему приносятъ, улучшая его матеріальный бытъ, умножая удобства внѣшней жизни, облегчая физическія страданія людей. Мы знаемъ также, что и юридическія, и историческія науки существуютъ не для юристовъ и историковъ только, а и для всѣхъ гражданъ, содѣйствуя прогрессу общественныхъ и политическихъ отношеній между людьми. Но можетъ быть философія ближе къ искусству, чѣмъ къ наукѣ, можетъ быть она какъ и чистое художество рождена не для житейскаго волненія, не для корысти, не для битвъ? Но вѣдь и искусство не остается въ кругу художниковъ и эстетиковъ, а стремится доставлять свои наслажденія и тому множеству людей, которые не имѣютъ никакого понятія ни о теоріи, ни о техникѣ искусства. Такъ неужели одна философія составляетъ исключеніе и существуетъ только для тѣхъ, кто самъ ею занимается, для авторовъ философскихъ изслѣдованій, или хотя бы только для читателей Канта или Гегеля? Если такъ, то занятіе философіей является, какъ дѣло, можетъ быть, и интересное, но непохвальное, потому, что эгоистичное. Если же нѣтъ, если и философія имѣетъ въ виду не отвлеченный интересъ одинокихъ умовъ, а жизненный интересъ всего человѣчества, то нужно прямо отвѣтить на этотъ вопросъ: что же дѣлаетъ философія для человѣчества, какія блага ему даетъ, отъ какихъ золъ его избавляетъ.

Чтобы не разрѣшать этого вопроса на обумъ, обратимся къ исторіи, потому, что если философія вообще способна приносить живые плоды, то она, конечно, должна была уже принести такіе плоды въ столь долгое время своего существованія.

Начинаю съ Востока и именно съ Индіи не потому только, что въ Индіи мы имѣемъ наиболѣе типичную и опредѣленную форму восточной культуры, но главное потому, что изо всѣхъ народовъ Востока только индусы обладаютъ вполнѣ самостоятельной и послѣдовательною философіей. Ибо хотя у китайцевъ мудрецъ Лао-тзе и проповѣдывалъ весьма глубокомысленное ученіе Тао, но китайская самобытность этого ученія подвергается основательнымъ сомнѣніямъ (и именно предполагаютъ, что Лао-тзе развилъ свое ученіе подъ индійскимъ же вліяніемъ), а что касается до несомнѣнно китайскихъ національныхъ доктринъ Конфуція и Менъ-цзе, то онѣ имѣютъ очень мало философскаго значенія.

Въ Индіи первоначально болѣе чѣмъ въ какой-либо другой странѣ Востока человѣческая личность была поглощена внѣшней средою; это была по преимуществу страна всякаго рабства, неравенства и внѣшняго обособленія. Не четыре, какъ обыкновенно принимаютъ, а болѣе тысячи кастъ раздѣляли населеніе неодолимыми преградами. Понятія о человѣчности, т. е. о значеніи человѣка, какъ человѣка, не было совсѣмъ, потому, что человѣкъ низшей касты въ глазахъ дважды-рожденнаго представителя касты высшей, былъ хуже нечистаго животнаго, хуже падали; и вся судьба человѣка исключительно зависѣла и заранѣе предопредѣлялась случайнымъ фактомъ рожденія его въ той или другой кастѣ. Религія носила характеръ грубаго матеріализма: человѣкъ рабствовалъ передъ природными богами, какъ передъ подавлявшими его силами, отъ которыхъ зависѣла его матеріальная жизнь. Въ древнихъ гимнахъ Риг-Веды главнымъ предметомъ желаній и молитвъ Арійца являются: хорошая жатва, побольше коровъ и удачный грабежъ.

И вотъ въ этой-то странѣ рабства и раздѣленія нѣсколько уединенныхъ мыслителей провозглашаютъ новое, неслыханное слово: *все есть одно;* всѣ особенности и раздѣленія суть только видоизмѣненія одной всеобщей сущности, во всякомъ существѣ должно видѣть своего брата, себя самого.

Все есть одно—это было первое слово философіи, и этимъ словомъ впервые возвѣщалась человѣчеству его свобода и братское единеніе. Этимъ словомъ въ корнѣ подрывалось рабство религіозное и общественное, разрушалось всякое неравенство и обособленіе. Ибо если все есть одно, если при видѣ каждаго живаго существа, я долженъ сказать себѣ: это ты самъ (tat twam asi), то куда дѣнется раздѣленіе кастъ, какая будетъ разница между браминомъ и чандаломъ. Если все есть видоизмѣненіе единой сущности, и если эту сущность я нахожу, углубляясь въ свое собственное существо, то гдѣ найдется внѣшняя сила, могущая подавлять меня, передъ чѣмъ тогда я буду рабствовать? Такъ велико и страшно для существующаго жизненнаго строя было это новое слово, что книги, въ которыхъ оно было впервые ясно высказано, получили названіе Upanishat, что значитъ secretum tegendum. Но не долго слово всеединства оставалось сокровенною тайною, скоро оно сдѣлалось общимъ достояніемъ, принявъ форму новой религіи—*Буддизма*. Если пантеизмъ Браминовъ былъ религіей превратившейся въ философію, то Буддизмъ былъ, наобо-

ротъ философіей превратившейся въ религію *). Въ Буддизмѣ *начало всеединства* ясно опредѣляется какъ начало *человѣчности*. Если все есть одно, если міровая сущность во всемъ одна и таже, то человѣку не зачѣмъ искать ее въ Брамѣ или Вишну, она въ немъ самомъ, въ его самосознаніи она находитъ себя саму, здѣсь она *у себя*, тогда какъ во внѣшней природѣ она дѣйствуетъ безсознательно и слѣпо. Вся внѣшняя природа есть только ея покровъ, обманчивая маска, въ которой она является, и только въ пробужденномъ самосознаніи человѣческаго духа спадаетъ этотъ покровъ, снимается эта маска. Поэтому нравственная личность человѣка выше природы и природныхъ боговъ: человѣку Буддѣ какъ своему учителю и владыкѣ поклоняются не только Агни и Индра, но и самъ верховный богъ Брама. Буддизмъ—и въ этомъ его міровое значеніе—впервые провозгласилъ достоинство человѣка, безусловность человѣческой личности. Это былъ могущественный протестъ противъ той слѣпой внѣшней силы, противъ матеріальнаго факта, которымъ на Востокѣ такъ подавлялась человѣческая личность и въ религіи и въ общественномъ бытѣ, это было смѣлое возстаніе человѣческаго лица противъ природной внѣшности, противъ случайности рожденія и смерти. «Я больше тебя, говоритъ здѣсь человѣческій духъ внѣшнему природному бытію, передъ которымъ онъ прежде рабствовалъ, — я больше тебя, потому что я *могу уничтожить тебя въ себѣ*, *могу порвать тѣ связи*, *которыя меня къ тебѣ привязываютъ*, *могу погасить ту волю*, *которая меня съ тобою соединяетъ*. Я не зависимъ отъ тебя, потому что не нуждаюсь въ томъ, что ты можешь мнѣ дать и не жалѣю о томъ, что ты отнимаешь». Такъ здѣсь человѣческая личность находитъ свою свободу и безусловность въ *отреченіи* отъ внѣшняго природнаго бытія. Для сознанія выросшаго на почвѣ первобытнаго натурализма, исходившаго изъ религіи грубо матеріалистической, все существующее являлось лишь въ формѣ слѣпого внѣшняго факта, во всемъ данномъ ему оно видѣло только сторону фактическаго неразумнаго бытія, грубый матеріальный процессъ жизни,—и потому когда человѣческое сознаніе впервые переросло этотъ процессъ, когда этотъ процессъ впервые сталъ въ тягость сознанію, то оно отрекаясь отъ него, отрекаясь отъ

*) Указываютъ на опредѣленную философскую систему (Санхъя—философа Капгелы) ближайшимъ образомъ повліявшую на возникновеніе Буддизма.

природнаго хотѣнія и природнаго бытія, естественно думало, что отрекается отъ всякаго бытія, и та свобода и безусловность, которыя личность находила въ этой силѣ отреченія, являлась свободой чисто отрицательною, безо всякаго содержанія. Оставляя внѣшнее матеріальное бытіе, сознаніе не находило въ замѣнъ никакого другаго, приходило къ небытію, къ *Нирванѣ*. Далѣе этого отрицанія не пошло индійское сознаніе. Переходъ отъ коровъ Риг-Веды къ Буддійской Нирванѣ былъ слишкомъ великъ и труденъ и совершивъ этотъ гигантскій переходъ индійское сознаніе надолго истощило свои силы. За великимъ пробужденіемъ Буддизма, поднявшимъ не только всю Индію, но и охватившимъ всю восточную Азію отъ Цейлона до Японіи, за этимъ могучимъ пробужденіемъ послѣдовалъ для Востока долгій духовный сонъ.

Двинуть далѣе дѣло философіи и вмѣстѣ съ тѣмъ дѣло человѣчества выпало естественнымъ образомъ на долю того народа, который уже въ самой природѣ своего національнаго духа заключалъ то начало, къ которому индійское сознаніе пришло только въ концѣ своего развитія—начало человѣчности. Индійское сознаніе сперва было одержимо безобразными чудовищными богами, носителями чуждыхъ дикихъ силъ внѣшней природы; *греческое* національное сознаніе отправлялось отъ боговъ уже идеализованныхъ, прекрасныхъ, человѣкообразныхъ, въ поклоненіи которымъ выражалось признаніе превосходства, высшаго значенія человѣческой формы. Но въ греческой *религіи* боготворилась только человѣческая внѣшность, внутреннее же содержаніе человѣческой личности раскрыто было греческою *философіей*, вполнѣ самобытное развитіе которой начинается *съ софистовъ*; потому что въ предшествующую, предварительную эпоху, греческая философія находилась подъ господствующимъ вліяніемъ восточныхъ ученій, слѣдуя которымъ философское сознаніе искало себѣ содержанія внѣ себя и за верховныя начала жизни принимало стихіи и формы внѣшняго міра, и только въ софистахъ это сознаніе рѣшительно приходитъ въ себя. Сущность софистики—это отрицаніе всякаго внѣшняго бытія и связанное съ этимъ признаніе верховнаго значенія человѣческой личности. Имѣя въ виду предшествовавшихъ философовъ, искавшихъ безусловнаго бытія внѣ человѣка, софистъ Горгіасъ доказываетъ, что такого бытія совсѣмъ не существуетъ, что если бы оно существовало, мы не могли бы имѣть о немъ никакого познанія, а если бы и имѣли таковое, то не могли бы его выразить,—

другими словами: человѣкъ только въ себѣ можетъ найти истину, что и было прямо высказано другимъ софистомъ, Протагоромъ, утверждавшимъ, что человѣкъ есть мѣра всѣхъ вещей—существующихъ, что они существуютъ и не существующихъ, что они не существуютъ. Изъ этого не исключаются и боги, утрачивающіе, такимъ образомъ, всякое самостоятельное значеніе. Тогда какъ представители прежней философіи, какъ напримѣръ, Ксенофанъ, съ жаромъ и увлеченіемъ полемизируютъ противъ національной миѳологіи, софисты уничтожаютъ ее своимъ полнымъ равнодушіемъ. «Относительно боговъ, говоритъ тотъ же Протагоръ, мнѣ неизвѣстно, существуютъ они или нѣтъ,—узнать это мѣшаетъ многое—какъ трудность предмета, такъ и краткость человѣческой жизни». Невозмутимо-презрительный тонъ этого изреченія сильнѣе всякаго напряженнаго отрицанія доказываетъ полное освобожденіе человѣческаго сознанія отъ внѣшней религіи.

Несмотря на кажущуюся разнородность, софисты представляютъ существенную аналогію съ Буддизмомъ: и тамъ, и здѣсь отрицаются всякое внѣшнее бытіе и внѣшніе боги; и софистика Греціи, и Буддизмъ Индіи являются въ этомъ смыслѣ нигилизмомъ; вмѣстѣ съ тѣмъ, и тамъ и здѣсь верховное значеніе признается за человѣческою личностью,—и Буддизмъ и софистика имѣютъ выдающійся характеръ гуманизма. Но велика и разница. Тогда какъ индійскій гимнософистъ усиленно и напряженно боролся съ матеріальнымъ началомъ и, достигнувъ побѣды надъ нимъ и сознанія своего отрицательнаго превосходства не находилъ въ себѣ никакой положительной жизненной силы и истощенный погружался въ Нирвану,—софистамъ Греціи, уже въ общемъ народномъ сознаніи находившимъ форму человѣчности, побѣда надъ внѣшними силами давалась легче, и хотя они послѣ этой побѣды такъ же какъ и Буддисты не находили никакого положительнаго содержанія для освобожденной человѣческой личности, но у нихъ оставалась личная энергія, съ которой они и выступали въ жизнь, не стѣсняясь никакими формами и порядками этой жизни, заранѣе уже отвергнутыми, и стремясь исключительно во имя своей личной силы и энергіи получить господство надъ темною массою людей. Если человѣческое сознаніе въ Буддизмѣ говорило внѣшнему бытію: я больше тебя, потому что я могу отречься отъ существованія, то сознаніе софиста говорило этому внѣшнему бытію: я больше тебя,

потому что я могу жить вопреки тебѣ, могу жить въ силу своей собственной воли, своей личной энергіи. Софистика—это безусловная самоувѣренность человѣческой личности, еще неимѣющей въ дѣйствительности никакого содержанія, но чувствующей въ себѣ силу и способность овладѣть всякимъ содержаніемъ. Но эта въ себѣ самодовольная и самоувѣренная личность не имѣя никакого общаго и объективнаго содержанія, по отношенію къ другимъ является какъ нѣчто случайное, и господство ея надъ другими будетъ для нихъ господствомъ внѣшней чуждой силы, будетъ тираніей. Такъ здѣсь освобожденіе личности только *субъективное*. Для настоящаго же объективнаго освобожденія необходимо, чтобы лицо, освобожденное отъ внѣшняго бытія, нашло внутреннее содержаніе, господство факта замѣнило бы господствомъ *идеи*. Это требованіе объективной идеи для освобожденной личности мы находимъ у Сократа—центральнаго образа не только греческой философіи, но и всего античнаго міра.

Сократъ былъ величайшимъ софистомъ и величайшимъ противникомъ софистики. Онъ былъ софистомъ, поскольку вмѣстѣ съ ними рѣшительно отвергалъ господство внѣшняго факта, не находилъ безусловной истины и правды ни въ какомъ внѣшнемъ бытіи и ни въ какомъ внѣшнемъ авторитетѣ — ни въ богахъ народной религіи, ни въ матеріальной природѣ міра, ни въ гражданскомъ порядкѣ своего отечества; онъ былъ вмѣстѣ съ тѣмъ противникомъ софистовъ, потому что не признавалъ за свободною личностью права господствовать во имя своей субъективной воли и энергіи, рѣшительно утверждалъ, что свободное отъ внѣшности лицо имѣетъ цѣну и достоинство лишь поскольку оно эту внѣшность замѣнитъ положительнымъ внутреннимъ содержаніемъ, поскольку оно будетъ жить и дѣйствовать по идеѣ, общей во всѣхъ и потому внутренно обязательной для каждаго.

Это идеальное начало, долженствующее наполнить человѣческую личность, Сократъ только утверждалъ (что оно *есть*), ученикъ же его Платонъ указалъ и опредѣлилъ его сущность (*что* оно есть). Внѣшнему бытію, случайному, неразумному, не должному онъ противупоставилъ идеальное бытіе, само по себѣ доброе, прекрасное и разумное—не Нирвану Буддистовъ, не простое единство Элеатовъ, а гармоническое царство идей, заключающее въ себѣ безусловную и неизмѣнную полноту бытія, достижимую для человѣка не чрезъ внѣшній опытъ и внѣшній законъ, а открывающееся ему во внутреннемъ созерцаніи и чистотѣ мыш-

ленія; здѣсь человѣческая личность получаетъ то идеальное содержаніе, которымъ обусловливается ея внутреннее достоинство и ея положительная свобода отъ внѣшняго факта, здѣсь положительное значеніе принадлежитъ человѣку, какъ *носителю идеи*; теперь онъ уже имѣетъ, на что опереться противъ неразумной внѣшности, теперь ему есть куда уйти отъ нея. Въ свѣтѣ платоническаго міросозерцанія человѣку открываются два порядка бытія—фактическое матеріальное бытіе (η γενεσις) недолжное или дурное,—и идеальный міръ истинно сущаго (το οντως ον), міръ внутренней полноты и совершенства. Но эти двѣ сферы такъ и остаются другъ противъ друга, не находятъ своего примиренія въ философіи платонической. Идеальный космосъ, составляющій истину этой философіи, имѣетъ бытіе абсолютное и неизмѣнное, онъ пребываетъ въ невозмутимомъ покоѣ вѣчности, равнодушный къ волнующемуся подъ нимъ міру матеріальныхъ явленій, отражаясь въ этомъ мірѣ, какъ солнце въ мутномъ потокѣ, но оставляя его безъ измѣненія, не проникая въ него, не очищая и не перерождая его. И отъ человѣка платонизмъ требуетъ, чтобы онъ *ушелъ* изъ этого міра, вынырнулъ изъ этого мутнаго потока на свѣтъ идеальнаго солнца, вырвался изъ оковъ матеріальнаго бытія, какъ изъ темницы или гроба души. Но уйти въ идеальный міръ человѣкъ можетъ только своимъ умомъ, личная же воля и жизнь его остаются по сю сторону, въ мірѣ недолжнаго, матеріальнаго бытія, и неразрѣшенный дуализмъ этихъ міровъ отражается такимъ же дуализмомъ и противорѣчіемъ въ самомъ существѣ человѣка, и живая душа его не получаетъ дѣйствительнаго удовлетворенія.

Эта двойственность, остающаяся непримиренною въ платонизмѣ, примиряется *въ христіанствѣ* въ лицѣ Христа, который не отрицаетъ міръ, какъ Будда и не уходитъ изъ міра, какъ платоническій философъ, а приходитъ въ міръ, чтобы спасти его. Въ христіанствѣ идеальный космосъ Платона превращается въ живое и дѣятельное царство Божіе, не равнодушное къ матеріальному бытію, къ фактической дѣйствительности того міра, а стремящееся возсоединить эту дѣйствительность съ своей истиною реализоваться въ этомъ мірѣ, сдѣлать его оболочкою и носителемъ абсолютнаго божественнаго бытія; и идеальная личность является здѣсь, какъ воплощенный богочеловѣкъ одинаково причастный и небу и землѣ, и примиряющій ихъ собою, осу-

ществляя въ себѣ совершенную полноту жизни чрезъ внутреннее соединеніе любви со всѣми и всѣмъ.

Христіанство въ своемъ общемъ воззрѣніи исходитъ изъ платонизма, но гармонія идеальнаго космоса, внутреннее единство всего, силою богочеловѣческой личности показывается здѣсь (въ христіанствѣ), какъ живая дѣйствительность, здѣсь истинносущее не созерцается только умомъ, но само дѣйствуетъ, и не просвѣщаетъ только природнаго человѣка, но рождается въ немъ какъ новый духовный человѣкъ. Но это осуществленіе истины (живаго всеединства) внутренно совершившееся въ лицѣ Христа, какъ его индивидуальный процессъ, могло совершиться въ остальномъ человѣчествѣ и во всемъ мірѣ лишь какъ собирательный историческій процессъ, долгій и сложный и порою болѣзненный. Оставленная Христомъ на землѣ христіанская истина явилась въ средѣ смѣшанной и разнородной, въ томъ хаосѣ внутреннемъ и внѣшнемъ, который представлялся тогдашнимъ міромъ; и этимъ хаосомъ она должна была овладѣть, уподобить его себѣ и воплотиться въ немъ. Понятно, что это не могло совершиться въ короткій срокъ. Большинство тогдашняго историческаго человѣчества было плѣнено христіанскою истиною, но не могло усвоить ее сознательно и свободно; она явилась для этихъ людей, какъ высшая сила, которая овладѣла ими, но которою они не овладѣли. И вотъ христіанская идея, еще не уподобивши себѣ фактическую дѣйствительность, сама явилась въ формѣ факта, еще не одухотворивши внѣшній міръ, она сама явилась, какъ внѣшняя сила съ вещественной организаціей (въ католической церкви). Истина облеклась въ авторитетъ, требующій слѣпаго довѣрія и подчиненія. Являясь сама, какъ внѣшняя сила и внѣшнее учрежденіе, церковь не могла внутренно осилить, идеализовать и одухотворить существующихъ фактическихъ отношеній въ человѣческомъ обществѣ, и она оставила ихъ рядомъ съ собою, довольствуясь ихъ наружною покорностью.

Итакъ, съ одной стороны, человѣкъ, освобожденный христіанствомъ отъ рабства немощнымъ и скуднымъ стихіямъ міра, впалъ въ новое, болѣе глубокое рабство внѣшней духовной власти, съ другой стороны, мірскія отношенія продолжали основываться на случайности и насиліи, получая только высшую санкцію отъ церкви. Христіанская истина въ неистинной формѣ внѣшняго авторитета и церковной власти и сама подавляла человѣческую личность и, вмѣстѣ съ тѣмъ, оставляла ее на жертву

внѣшней мірской неправдѣ. Предстояла двоякая задача: освободить христіанскую истину отъ несоотвѣтствующей ей формы внѣшняго авторитета и вещественной силы и, вмѣстѣ съ тѣмъ, возстановить нарушенныя непризнанныя лжехристіанствомъ права человѣка. За эту двойную освободительную задачу принялась философія; началось великое развитіе западной философіи, подъ господствующимъ вліяніемъ котораго совершены, между прочимъ, два важныя историческія дѣла: религіозною реформаціей XVI-го вѣка разбита твердыня католической церкви, и политической революціей XVIII-го вѣка разрушенъ весь старый строй общества.

Философія *мистическая* провозгласила божественное начало внутри самого человѣка, внутреннюю непосредственную связь человѣка съ Божествомъ, — и внѣшнее посредство церковной іерархіи оказалось ненужнымъ, и пало значеніе церковной власти; подавленное внѣшней церковностью религіозное сознаніе получило свою свободу, и христіанская истина, замершая въ историческихъ формахъ, снова получила свою жизненную силу.

Философія *раціоналистическая* провозгласила права человѣческаго разума, и рушился основанный на неразумномъ родовомъ началѣ гражданскій строй, за грубыми стихійными силами, дѣлавшими французскую революцію, скрывался, какъ двигательная пружина, принципъ раціонализма, выставленный предшествовавшей философіей; не даромъ чуткій инстинктъ народныхъ массъ на развалинахъ стараго порядка воздвигнулъ алтарь богинѣ разума.

Заявивъ столь громко и внушительно свои права во внѣшнемъ мірѣ, человѣческій разумъ сосредоточился въ самомъ себѣ, и уединившись въ германскихъ школахъ, въ небывалыхъ до толѣ размѣрахъ обнаружилъ свои внутреннія силы созданіемъ совершеннѣйшей логической формы для истинной идеи.—Все это развитіе философскаго раціонализма отъ [illegible] до Гегеля, освобождая разумное человѣческое нача[illegible]мымъ сослужило великую службу христіанской ист[illegible]ъ истиннаго христіанства есть *богочеловѣчество*: [illegible]ее соединеніе и взаимодѣйствіе божества съ ч[illegible]нее рожденіе божества въ человѣкѣ; въ [illegible]е содержаніе должно быть усвоено че[illegible]ьно и свободно, а для этого, оче[illegible] развитіе той разумной силы, посл[illegible]жетъ отъ себя усвоивать то, что [illegible]Развитіе

именно этой силы, развитію человѣка, какъ свободно-разумной личности, и служила раціональная философія.

Но человѣкъ не есть только разумно-свободная личность, онъ есть также существо чувственное и матеріальное. Это матеріальное начало въ человѣкѣ, которое связываетъ его съ остальною природой, это начало, которое Буддизмъ стремился уничтожить, отъ котораго платонизмъ хотѣлъ отрѣшиться и уйти какъ изъ темницы или гроба души—это матеріальное начало по христіанской вѣрѣ имѣетъ свою законную часть въ жизни человѣка и вселенной, какъ необходимая реальная основа для осуществленія божественной истины, для воплощенія божественнаго духа. Христіанство признаетъ безусловное и вѣчное значеніе за человѣкомъ не какъ за духовнымъ существомъ только, но и какъ за существомъ матеріальнымъ — христіанство утверждаетъ воскресеніе и вѣчную жизнь тѣлъ; и относительно всего вещественнаго міра цѣлью и исходомъ міроваго процесса по христіанству является не уничтоженіе, а возрожденіе и возстановленіе его какъ матеріальной среды царства Божія—христіанство обѣщаетъ не только новое небо, но и новую землю. Такимъ образомъ, когда вскорѣ послѣ шумнаго заявленія правъ разума французскою революціей, въ той же Франціи, одинъ мыслитель *) въ тишинѣ своего кабинета, но съ немалою энергіей и увлеченіемъ, провозгласилъ возстановленіе правъ матеріи, и когда потомъ натуралистическая и матеріалистическая философія составила и развила значеніе матеріальнаго начала въ мірѣ и человѣкѣ,—эта философія, сама того не зная, служила и христіанской истинѣ, возстановляя одинъ изъ ея необходимыхъ элементовъ, пренебреженный и отринутый одностороннимъ спиритуализмомъ и идеализмомъ.

Возстанов[illegible]атеріи было законнымъ актомъ въ освободител[illegible]лософіи, ибо только признаніе матеріи въ е[illegible] освобождаетъ отъ фактическаго рабства м[illegible]атеріализма. До тѣхъ поръ пока чел[illegible]альной природы въ себѣ и внѣ себ[illegible]е сроднится съ нею и не полюб[illegible]ч, она тяготѣетъ надъ ним[illegible]вольное.

[illegible] и матеріализма, гдѣ чел[illegible]теріальную природу

какъ нѣчто свое близкое и родное—развитіе матеріализма и натурализма составляетъ такую же заслугу философіи, какъ и развитіе раціонализма, въ которомъ человѣкъ узналъ и опредѣлилъ силы своего разумно-свободнаго духа.

И такъ, что же дѣлала философія? Она освобождала человѣческую личность отъ внѣшняго насилія и давала ей внутреннее содержаніе. Она низвергла всѣхъ ложныхъ чужихъ боговъ и развивала въ человѣкѣ внутреннюю форму для откровеній истиннаго Божества. Въ мірѣ древнемъ, гдѣ человѣческая личность по преимуществу была подавлена началомъ природнымъ матеріальнымъ, какъ чуждою внѣшнею силою, философія освободила человѣческое сознаніе отъ исключительнаго подчиненія этой внѣшности и дала ему внутреннюю опору, открывши для его созерцанія идеальное духовное царство; въ мірѣ новомъ христіанскомъ, гдѣ само это духовное царство, само это идеальное начало принятое подъ формою внѣшней силы, завладѣло сознаніемъ и хотѣло подчинить и подавить его, философія возстала противъ этой измѣнившей своему внутреннему характеру духовной силы, сокрушала ея владычество, освободила, выяснила и развила собственное существо человѣка сначала въ его раціональномъ, потомъ въ его матеріальномъ элементѣ.

И если теперь мы спросимъ: на чемъ основывается эта освободительная дѣятельность философіи, то мы найдемъ ея основаніе въ томъ существеннѣйшемъ и коренномъ свойствѣ человѣческой души, въ силу котораго она не останавливается ни въ какихъ границахъ, не мирится ни съ какимъ извнѣ даннымъ опредѣленіемъ, ни съ какимъ внѣшнимъ ей содержаніемъ, такъ что всѣ блага и блаженства на землѣ и на небѣ не имѣютъ для нея никакой цѣны, если они не ею самою добыты, не составляютъ ея собственнаго внутренняго достоянія. И эта неспособность удовлетвориться никакимъ извнѣ даннымъ содержаніемъ жизни, это стремленіе къ все бо̀льшей и бо̀льшей внутренней полнотѣ бытія, эта сила разрушительница всѣхъ чуждыхъ боговъ,—эта сила уже содержитъ въ возможности то къ чему стремится—абсолютную полноту и совершенство жизни. Отрицательный процессъ сознанія есть вмѣстѣ съ тѣмъ процессъ положительный, и каждый разъ какъ духъ человѣческій, разбивая какого-нибудь стараго кумира, говоритъ: это не то чего я хочу, — онъ уже этимъ самымъ даетъ нѣкоторое опредѣленіе того, чего хочетъ, своего истиннаго содержанія.

Эта двойственная сила и этотъ двойной процессъ, разрушительный и творческій, составляя сущность философіи вмѣстѣ съ тѣмъ составляетъ и собственную сущность самого человѣка, того, чѣмъ опредѣляется его достоинство и преимущество передъ остальною природой, такъ что на вопросъ: что дѣлаетъ философія? мы имѣемъ право отвѣтить: она дѣлаетъ человѣка вполнѣ человѣкомъ. А такъ какъ въ истинно человѣческомъ бытіи равно нуждаются и Богъ и матеріальная природа,—Богъ въ силу абсолютной полноты своего существа, требующей *другого* для ея свободнаго усвоенія, а матеріальная природа, напротивъ, вслѣдствіе скудости и неопредѣленности своего бытія, ищущей другого для своего восполненія и опредѣленія,—то слѣдовательно философія, осуществляя собственно человѣческое начало въ человѣкѣ, тѣмъ самымъ служитъ и божественному и матеріальному началу, вводя и то и другое *въ форму свободной человѣчности*.

Такъ вотъ, если кто изъ васъ захочетъ посвятить себя философіи, пусть онъ служитъ ей смѣло и съ достоинствомъ, не пугаясь ни тумановъ метафизики ни даже бездны мистицизма; пусть онъ не стыдится своего свободнаго служенія и не умаляетъ его, пусть онъ знаетъ, что занимаясь философіей онъ занимается дѣломъ хорошимъ, дѣломъ великимъ и для всего міра полезнымъ.

Влад. Соловьевъ.

Мысли Гёксли о значеніи древнихъ языковъ и естественныхъ наукъ для воспитанія и вообще для культуры.

Богатый англичанинъ, мистеръ Іосія Масонъ, рожденный въ бѣдности и составившій себѣ огромное состояніе упорнымъ долговременнымъ трудомъ, возъимѣлъ въ старости благое желаніе подарить своимъ согражданамъ учебное заведеніе. Начавъ свое житейское поприще въ скромной долѣ простаго работника, онъ, путемъ тяжкихъ лишеній и неутомимыхъ стараній, достигъ положенія хозяина и сдѣлался потомъ однимъ изъ богатѣйшихъ промышленниковъ. Проходя свое усыпанное на первой половинѣ всякими терніями поприще, ему часто доводилось испытывать горькимъ опытомъ, какъ мѣшалъ его успѣхамъ недостатокъ научныхъ свѣдѣній и какъ трудно пробиваться ощупью, когда не умѣешь попасть на торную дорогу и идти къ цѣли вѣрнымъ путемъ. Вознамѣрившись оставить по себѣ память дѣломъ благотворенія, онъ, по долгомъ размышленіи о томъ, какъ осуществить свое желаніе, призналъ за лучшее предложить юному поколѣнію своего округа средства къ пріобрѣтенію такого образованія, которое служило бы ему надежною опорою въ практической жизни и рѣшилъ создать на своей родинѣ, въ Бирмингамѣ, училище для высшаго образованія, основаннаго на естествознаніи. Для своей научной коллегіи —такъ онъ ее назвалъ— онъ построилъ роскошное зданіе, щедро снабдилъ ее всякими учебными пособіями и обезпечилъ ея содержаніе значительнымъ капиталомъ. Научная коллегія Масона была торжественно открыта въ началѣ минувшаго октября, и при этомъ случаѣ Гёксли, слава англійскихъ ученыхъ, произнесъ рѣчь, въ которой изложилъ свои взгляды на значеніе классическихъ языковъ и естественныхъ наукъ въ дѣлѣ воспитанія и на вліяніе ихъ вообще на культуру.

До позднѣйшаго времени въ англійскихъ школахъ и университетахъ давалось исключительно классическое образованіе, и лишь очень недавно, по усиленному настоянію англійскихъ ученыхъ, начали вводить въ нихъ преподаваніе естественныхъ наукъ. Поэтому рѣчь Гёксли обратила на себя общее вниманіе и возбудила жаркую полемику въ періодической печати.

Вопросъ о классическомъ и научномъ (у насъ реальномъ) образованіи очень интересуетъ и недавно волновалъ русское общество, а теперь оживаетъ съ новою силою. Наши журналы и газеты переполнены злобными статьями противъ классическаго обученія и скорбными возгласами о дѣтяхъ, угнетаемыхъ невыносимымъ бременемъ древнихъ языковъ, такъ неохотно ими изучаемыхъ и такъ мало полезныхъ для ихъ будущаго житейскаго поприща. Но во множествѣ всего написаннаго рѣдко раздавался авторитетный голосъ спокойнаго всесторонняго обсужденія дѣла воспитанія. Полагаемъ, что просвѣщенной нашей публикѣ любопытно узнать, какъ смотритъ на этотъ предметъ знаменитый ученый, пріобрѣвшій неувядаемую славу своими изслѣдованіями въ области естествознанія, и предлагаемъ читателямъ «Русской Мысли» извлеченіе изъ его рѣчи.

Школа основанная на изученіи естественныхъ наукъ имѣетъ особенное значеніе для насъ сыновъ девятнадцаго столѣтія. Она служитъ знаменіемъ тому, что мы приближаемся къ кризису битвы или правильнѣе долгаго ряда битвъ за воспитаніе. Борьба началась давно и теперь еще не наступилъ ея конецъ. Въ послѣднее столѣтіе сражающіеся были поборники словесности, съ одной стороны древней, а съ другой стороны новой; но лѣтъ тридцать тому назадъ, къ намъ пріобщилась еще небольшая дружина, ставшая подъ знамя естественныхъ наукъ.

Едва-ли кто уполномоченъ говорить отъ имени этой новой дружины. Нельзя не согласиться, что она походитъ на вольницу, набранную по большей части изъ наѣзниковъ-охотниковъ, изъ которыхъ каждый бьется самъ за себя. Но, тѣмъ не менѣе, разсказъ простаго воина, близко знакомаго съ рядовою службой, о настоящемъ положеніи дѣлъ и объ условіяхъ прочнаго мира заслуживаетъ вниманія.

Съ той поры, какъ огласились первые робкіе намеки на введеніе естественныхъ наукъ въ кругъ обыкновеннаго воспитанія, защитники образовательнаго значенія этихъ наукъ встрѣчали двоякаго рода оппозицію: съ одной стороны надъ ними подтру-

нивали дѣловые люди, которые съ гордостію видятъ въ себѣ представителей практическаго направленія; съ другой стороны, надъ ними изрѣкали отлученіе ученые классики, считая себя левитами, приставленными къ охраненію скиніи культуры и монополистами либеральнаго воспитанія.

Практическіе люди полагали, что идолъ, которому они поклоняются служитъ источникомъ всему минувшему благосостоянія и что изъ него выльется будущее благоденствіе ремеслъ и промышленности. Они считали науку отвлеченнымъ хламомъ; они думали, что теорія не имѣетъ ничего общаго съ практикой и что каждый складъ ума служитъ скорѣе помѣхою, чѣмъ пособіемъ при веденіи обыкновенныхъ дѣлъ.

Упомипая о практическихъ людяхъ, я выразился прошедшимъ временемъ потому, что хотя за тридцать лѣтъ они были страшно могущественны, но теперь едва-ли уже не истреблены чистокровные типы этого рода. Дѣйствительно, противъ нихъ были направлены вѣскіе доводы аргументаціи такимъ адскимъ огнемъ, что лишь судомъ могъ бы кто-либо изъ нихъ спастись отъ побіенія. Я замѣтилъ, однако, что наши типическіе практическіе люди имѣютъ удивительное сходство съ однимъ изъ падшихъ ангеловъ Мильтона. Духовныя уязвленія, наносимыя имъ оружіемъ логики, будь они глубоки, какъ колодезь и широки, какъ церковные врата, тотчасъ заживаютъ лишь только оросятъ ихъ капли живительной влаги и они снова, какъ ни въ чемъ не бывали. Поэтому, если-бъ и уцѣлѣли такіе противники, я не стану терять времени на повтореніе доказательной очевидности великаго значенія науки въ практическомъ отношеніи; но зная, что притча проникаетъ иногда туда, куда нѣтъ доступа силлогизму, я предложу имъ на размышленіе сказку.

Однажды, среди многолюднаго фабричнаго населенія, бросили мальчика, который въ жизненной битвѣ могъ опираться только на свое крѣпкое сложеніе. Борьба его была трудная, такъ что въ тридцатилѣтнемъ возрастѣ весь капиталъ, которымъ онъ могъ располагать, состоялъ изъ двадцати фунтовъ стерлинговъ. Тѣмъ не менѣе, на половинѣ жизненнаго пути онъ доказалъ своимъ необыкновенно счастливымъ жребіемъ, какъ глубоко постигъ онъ тѣ практическія задачи, которыя довелось ему разрѣшать тяжкимъ трудомъ. Въ старости, превознесенный честно заслуженными почестями и толпою друзей, онъ вспомнилъ о тѣхъ, которые вступаютъ на жизненное поприще пройденнымъ имъ пу-

темъ и задумался надъ тѣмъ, какъ протянуть имъ руку помощи. Послѣ продолжительнаго и заботливаго размышленія, онъ убѣдился, что всего пригоднѣе доставить имъ средства къ пріобрѣтенію здраваго, обширнаго и практическаго научнаго образованія. Для этой цѣли онъ посвятилъ пять лѣтъ неустаннаго труда и значительную часть своего богатства. Нужно-ли указать нравоученіе разсказа, который не басня, какъ то доказываютъ прочныя и обширныя зданія научной коллегіи? Никакія мои слова не увеличатъ силы такого практическаго отвѣта на возраженія практиковъ.

Можно, стало-быть, не сомнѣваться въ томъ, что люди, наиболѣе способные произнести правильно сужденіе, признаютъ распространеніе основательнаго научнаго образованія существенно необходимымъ условіемъ для преуспѣянія промышленности. Они увѣрены въ томъ, что открываемая коллегія принесетъ неисчислимыя блага тѣмъ, которые снискиваютъ себѣ пропитаніе ремесленными и промышленными работами въ округѣ. Единственный, подлежащій разсмотрѣнію, вопросъ заключается въ томъ, дѣйствительно-ли условія, опредѣляющія кругъ дѣятельности коллегіи, таковъ, чтобы можно было съ полною вѣроятностію разсчитывать на ея постоянный успѣхъ.

Основатель этой коллегіи, конечно, распорядился очень мудро, предоставивъ широкую свободу дѣйствій попечителямъ, которымъ онъ поручаетъ ея управленіе, дабы они могли согласовать ея устройство съ измѣнившимися требованіями будущности; но онъ вмѣнилъ въ непремѣнную обязанность преподавателямъ и администраціи коллегіи строго охранять ее отъ всякаго вліянія, какихъ бы то ни было политическихъ партій. Онъ постановилъ также ненарушимымъ правиломъ, чтобы коллегія не содѣйствовала чисто литературному образованію и воспитанію. Послѣднее условіе ставитъ насъ лицомъ къ лицу съ другими противниками научнаго образованія, которые приведены далеко не въ такое безнадежное положеніе, какъ практическіе люди, но живы, бодры и могущественны. Быть можетъ исключеніе литературнаго образованія и воспитанія изъ коллегіи, предназначенной давать высокое и полезное воспитаніе, вызоветъ рѣзкую критику. Недалеки времена, когда левиты культуры затрубили бы въ свои трубы противу стѣнъ подобнаго воспитательнаго Іерихона.

Какъ часто намъ твердили, что наука о природѣ неспособна дать культуры, что она не касается высшихъ задачъ жизни, а

главное, что непрерывное занятіе изученіемъ естественныхъ наукъ приводитъ къ узкому и суевѣрному убѣжденію въ приложимости научнаго метода къ изслѣдованію всякаго рода истинъ. Какъ часто удавалось намъ слышать въ отвѣтъ на докучливый доводъ, что предлагать его можетъ лишь научный спеціалистъ. Разсуждая о подобнаго рода оппозиціи научному образованію, едва-ли мы имѣемъ право говорить въ прошедшемъ времени; развѣ мы не можемъ ожидать, что намъ скажутъ въ возраженіе: исключеніе и запрещеніе чисто литературнаго образованія и воспитанія служитъ очевиднымъ примѣромъ ученой ограниченности взгляда.

Мнѣ неизвѣстны причины, побудившія основателя коллегіи къ принятой имъ мѣрѣ; но если, какъ я полагаю, подъ выраженіемъ литературнаго образованія и воспитанія онъ разумѣлъ обычные классическіе курсы англійскихъ школъ и университетовъ, то я попытаюсь, съ своей стороны, подтвердить разными соображеніями основательность его мысли.

Я твердо придерживаюсь двухъ убѣжденій: во первыхъ, что классическое воспитаніе, ни по возбуждаемой имъ умственной дѣятельности, ни по предмету занятій, не имѣетъ такой непосредственной важности для изучающаго естественныя науки, которая оправдывала бы трату дорогаго потребнаго для нихъ времени; во вторыхъ, что образованіе, основанное исключительно на естественныхъ наукахъ, есть, по крайней мѣрѣ, столь же дѣйствительное средство для достиженія настоящей культуры, какъ и исключительно литературное воспитаніе.

Едва ли нужно замѣтить, что эти мнѣнія, особенно послѣднее, діаметрально противоположны мнѣніямъ большей части образованныхъ англичанъ, остающихся подъ вліяніемъ школьныхъ и университетскихъ преданій.

По опредѣленію Арнольда, культура есть «знаніе всего лучшаго, что было передумано и сказано въ свѣтѣ»; это заключающаяся въ литературѣ критика жизни. Такая критика признаетъ «Европу въ умственномъ и духовномъ отношеніи за великую конфедерацію, соединенную для совмѣстной дѣятельности и трудящуюся для общей цѣли; у всѣхъ членовъ этой конфедераціи одинаковая подготовка — знаніе греческой, римской и восточной древности и знаніе другъ друга. Не принимая въ соображеніе спеціальныхъ мѣстныхъ и временныхъ преимуществъ, та изъ націй наиболѣе преуспѣетъ въ сферѣ умственнаго и духовнаго развитія, которая лучше другихъ удовлетворяетъ указанной про-

граммѣ. Не значитъ ли это, что и мы, каждый изъ насъ, какъ отдѣльная личность, тѣмъ далѣе уйдемъ впередъ, чѣмъ лучше исполнимъ ту же программу»!

Здѣсь два различныя предложенія: первое — критика жизни составляетъ сущность культуры; второе—литература заключаетъ въ себѣ матеріалы, достаточные для таковой критики.

Всѣ, кажется мнѣ, согласятся съ первымъ предложеніемъ. Культура, конечно, означаетъ нѣчто совершенно иное, чѣмъ ученость или техническое искусство. Оно предполагаетъ присутствіе идеала и умѣнье критически оцѣнять достоинство вещей, посредствомъ сравненія ихъ съ теоретическимъ образцомъ. Совершенная культура должна дать полную теорію жизни, основанную на точномъ знаніи того, что для нея доступно и предѣловъ ее ограничивающихъ.

Можно со всѣмъ этимъ согласиться и вмѣстѣ съ тѣмъ сильно возставать противъ предположенія, что изъ одной лишь литературы мы можемъ почерпнуть такое знаніе. Изъ того, что мы изучали все, что мыслила и сказала греческая, римская и восточная древность и узнали все, что повѣдаютъ намъ новѣйшія литературы, не слѣдуетъ, само собою, что мы этимъ самымъ положили достаточно широкое и глубокое основаніе для критики жизни, то есть для культуры.

Дѣйствительно, это вовсе не очевидно тому, кто знакомъ съ цѣлью естествознанія. Разсматривая прогрессъ лишь въ сферѣ умственнаго и духовнаго развитія, я никакъ не могу допустить, чтобы націи или отдѣльныя лица могли двинуться впередъ, если онѣ ничего не заимствовали изъ знанія естественныхъ наукъ. Легче арміи безъ прицѣльнаго оружія и безъ надлежащей операціонной базы начать, съ надеждою на успѣхъ, компанію на Рейнѣ, чѣмъ человѣку не вѣдающему, что сдѣлано въ послѣднее столѣтіе въ области естественныхъ наукъ приступить къ критикѣ жизни.

Біологъ, встрѣчая аномалію, инстинктивно обращается за разъясненіемъ къ изученію развитія. Съ такимъ же довѣріемъ слѣдуетъ искать въ исторіи разумную причину противорѣчивыхъ мнѣній.

Къ нашему счастію, англичане нерѣдко употребляли свое богатство на созиданіе и обезпеченіе содержанія воспитательныхъ учрежденій; но пятьсотъ или шестьсотъ лѣтъ тому назадъ, уставы такихъ учрежденій заключали въ себѣ условія, совершенно про

тивуположныя тѣмъ, которымъ Іосія Масонъ призналъ полезнымъ подчинить основанную имъ коллегію. Естественныхъ наукъ тогда почти не знали; нѣкоторое же литературное образованіе предписывалось лишь, какъ средство для пріобрѣтенія знанія, которое въ то время было существенно богословское.

Не трудно найти причину такого страннаго противорѣчія въ дѣйствіяхъ людей, равно одушевленныхъ горячимъ и безкорыстнымъ желаніемъ улучшить благосостояніе своихъ собратій.

Въ тѣ отдаленныя времена каждый, кто желалъ пріобрѣсть болѣе познаній, чѣмъ сколько можно было почерпнуть изъ собственныхъ наблюденій или изъ разговоровъ, долженъ былъ начать съ изученія латыни; потому что всѣ высшія знанія западнаго міра заключались въ сочиненіяхъ, написанныхъ на этомъ языкѣ. Поэтому латинская грамматика вмѣстѣ съ логикою и реторикою, которымъ учили по латыни, служила основаніемъ воспитанія. Сущность знанія, почерпаемаго изъ этого источника, заключалась въ священныхъ еврейскихъ и христіанскихъ писаніяхъ, объясненныхъ и дополненныхъ Римскою церковью, которыя, какъ тогда вѣрили, содержали въ себѣ всеобъемлющую и непогрѣшимо истинную совокупность знаній.

Богословскія положенія были для мыслителей того времени такія же аксіомы, какъ опредѣленія Евклиды для современныхъ геометровъ. Трудъ средневѣковыхъ философовъ состоялъ въ выводѣ изъ богословскихъ данныхъ заключеній, согласныхъ съ постановленіями церкви. Имъ предоставлено было важное право доказывать логическимъ путемъ, какъ и почему то, что церковь признала истиннымъ, должно быть истинно. Когда же ихъ доказательства не досягали этого предѣла или переходили за него; тогда церковь, какъ добрая матерь, всегда была готова удержать ихъ отъ заблужденія, даже при помощи свѣтской руки, если то было нужно.

Богословы и философы даровали, такимъ образомъ, нашимъ прародителямъ тѣсно сплоченную и полную критику жизни. Имъ повѣдали, какъ начался міръ и какъ онъ кончится; ихъ учили, что всякое вещественное бытіе есть лишь грязная и ничтожная тля предъ лицомъ духовнаго міра, а что природа во всѣхъ ея стремленіяхъ и цѣляхъ есть игралище дьявола; ихъ учили, что земля есть центръ вселенной, а человѣкъ есть, какъ бы полюсъ всѣхъ земныхъ вещей; особенно же имъ внушали, что явленія природы совершаются не въ опредѣленномъ порядкѣ, но что они

могутъ быть измѣнены и постоянно измѣняются властію безчисленнаго сонма духовныхъ веществъ, добрыхъ или злыхъ, сообразно тому, какъ вліяютъ на нихъ дѣянія и молитвы людей. Сущность всего ученія имѣла цѣлью убѣдить, что единственное достойное познанія дѣло въ этомъ мірѣ заключается въ томъ, какъ стяжать человѣку мѣсто въ лучшемъ свѣтѣ, обѣщаемое ему, при извѣстныхъ условіяхъ, церковью.

Предки наши искренно вѣрили въ такую теорію жизни и сообразовались съ нею, какъ въ воспитаніи, такъ и во всемъ прочемъ. Культура означала святость, по понятію святыхъ того времени; воспитаніе, которое вело къ ней, по необходимости, было богословское, а путь къ богословію шелъ черезъ латынь.

Люди, такимъ образомъ, воспитанные, не помышляли, чтобъ изученіе природы, болѣе глубокое, чѣмъ сколько нужно для удовлетворенія ежедневныхъ потребностей, могло имѣть какое либо вліяніе на жизнь человѣка. Дѣйствительно, такъ какъ природа была проклята ради человѣка, то очевидно слѣдовало, что общенія съ нею ведетъ къ довольно тѣсному сближенію съ сатаной. Кто изъ одаренныхъ при рожденіи способностію къ научному изслѣдованію уступалъ своему влеченію, тотъ прослывалъ колдуномъ и ему грозилъ жребій предназначенный колдуну.

Если-бъ западный міръ былъ предоставленъ самому себѣ въ житейскомъ разобщеніи; то трудно рѣшить, какъ долго продолжался бы такой порядокъ вещей. Къ счастію, Западъ не былъ предоставленъ самому себѣ. Еще ранѣе тринадцатаго вѣка развитіе мавританской цивилизаціи и крестовые походы внесли въ него феодальное начало, непереставшее дѣйствовать съ того времени до сего дня. Сперва при посредствѣ арабскихъ переводовъ, а потомъ изъ изученія оригиналовъ, западные народы познакомились съ твореніями древнихъ философовъ и поэтовъ, а затѣмъ и со всею обширною древнею литературою.

Всѣ люди съ высшими умственными стремленіями и съ выдающимися способностями въ Италіи, Франціи и Германіи, въ продолженіи нѣсколькихъ столѣтій, старались овладѣть богатымъ наслѣдствомъ, завѣщаннымъ отжившею цивилизаціей Греціи и Рима. При чудесной помощи книгопечатанія, классическая ученость распространялась и процвѣтала, обладавшіе ею гордились тѣмъ, что достигли высшей досягаемой для человѣчества культуры. И они были правы, потому что за исключеніемъ одинокаго колосса Данта, никто въ новой литературѣ временъ Воз-

рожденія не можетъ сравняться съ мужами древности; не было искусства, которое могло бы соперничать съ ихъ изваяніями, не было естествовѣдѣнія, кромѣ того, которое создала Греція. Но важнѣе всего то, что внѣ древняго міра не было другаго примѣра полной умственной свободы и неуклоннаго признанія разума единственнымъ руководителемъ къ истинѣ и судіей нашихъ дѣяній.

Новая ученость неизбѣжно должна была глубоко повліять на воспитаніе. Языкъ, на которомъ говорили монахи и въ школахъ, звучалъ жаргономъ въ ушахъ людей, читавшихъ Виргилія и Цицерона; вслѣдствіе чего изученіе латыни было утверждено на новыхъ основаніяхъ. Сверхъ, того сама латынь перестала быть единственнымъ ключемъ знанія. Кто стремился освоиться съ самыми высокими мыслями древности, тотъ находилъ въ римской литературѣ лишь слабое ихъ отраженіе и обращался къ яркому свѣту Греціи. Послѣ борьбы, представляющей нѣкоторое сходство съ тою, которая ведется теперь противъ преподаванія естественныхъ наукъ, греческій языкъ былъ наконецъ признанъ существеннымъ элементомъ высшаго образованія.

Гуманисты, какъ ихъ тогда называли, выиграли дѣло, и совершенный ими переворотъ оказалъ человѣчеству неоцѣненную услугу. Но ограниченность взгляда, какъ Немезида, преслѣдуетъ всѣхъ реформаторовъ, и преобразователи воспитанія, такъ же какъ и реформаторы религіи, впали въ глубокую, хотя и обыкновенную ошибку, принявъ начало дѣла реформы за его конецъ.

Представители гуманности въ девятнадцатомъ столѣтіи опираются на положеніе, что классическое воспитаніе есть единственный путь къ культурѣ такъ же твердо, какъ будто мы продолжаемъ жить въ эпоху Возрожденія. Несомнѣнно, однако, что умственная связь между мірами новымъ и древнимъ теперь совсѣмъ уже не та, какъ три вѣка назадъ. Помимо существованія обширной и своеобразной новѣйшей литературы, новѣйшей живописи и, особенно новѣйшей музыки, есть въ настоящемъ положеніи образованнаго свѣта черта отдѣляющая его отъ эпохи Возрожденія еще глубже чѣмъ послѣдняя была отдѣлена отъ средневѣковыхъ временъ.

Отличительный характеръ настоящаго времени заключается въ обширномъ и постоянно возрастающемъ значеніи естествознанія. Оно не только налагаетъ свою печать на нашъ ежедневный бытъ, отъ него не только зависитъ благосостояніе милліоновъ

людей; но и вся наша теорія жизни подчинилась, сознательно или безсознательно, продолжительному воздѣйствію общихъ понятій о вселенной, которымъ научали насъ естественныя науки.

Дѣйствительно, достаточно самаго поверхностнаго знакомства съ результатами научныхъ изслѣдованій, чтобы убѣдиться какъ глубоко и рѣзко они противорѣчатъ тѣмъ мнѣніямъ, которымъ такъ беззавѣтно вѣрили и учили въ средніе вѣка.

Понятія нашихъ прадѣдовъ о началѣ и концѣ міра не могутъ долѣе держаться. Несомнѣнно, что земля не главное тѣло вещественной вселенной и что свѣтъ устроенъ не на потребу человѣка. Еще болѣе достовѣрно, что природа есть выраженіе опредѣленнаго, ничѣмъ ненарушаемаго порядка, и что изученіе этого порядка и сообразное съ нимъ управленіе собою составляетъ главную задачу человѣчества. Притомъ, такую научную критику жизни мы извлекаемъ изъ доводовъ совершенно различныхъ съ прежнимъ путемъ убѣжденія. Она не ссылается на авторитетъ, не опирается на то, что кто либо мыслилъ или сказалъ, но обращается лишь къ природѣ. Она допускаетъ, что всѣ наши объясненія явленій природы болѣе или менѣе несовершенны и символичны, и побуждаетъ ученаго искать истину не въ словахъ, но въ самыхъ вещахъ. Она предостерегаетъ насъ, что утверждать что либо за гранью очевидности есть не только ошибка, но преступленіе.

Чисто классическое образованіе, отстаиваемое современными представителями гуманистовъ, не открываетъ на все это никакого просвѣта. Человѣкъ можетъ быть ученѣе Эразма и остаться въ такомъ же, какъ онъ, невѣденіи о главныхъ причинахъ умственнаго броженія въ наше время. Ученые и набожные люди, достойные всякаго уваженія, съ сокрушеніемъ дарятъ намъ поученіями объ антагонизмѣ науки съ ихъ средневѣковымъ образомъ мыслей, обнаруживающимъ ихъ невѣжество въ основныхъ началахъ научнаго изслѣдованія, ихъ неспособность понять то, что ученый называетъ правдивостію и ихъ почти комическое непониманіе значенія неоспоримыхъ научныхъ истинъ.

Аргументъ tu quoque не на столько силенъ, чтобы защитники научнаго образованія могли благонадежно противуставить его новѣйшимъ гуманистамъ и возразить имъ, что они хотя и ученые спеціалисты, но имъ недостаетъ такого здраваго основанія для критики жизни, которое заслуживало бы названія культуры. Дѣйствительно, если-бъ мы увлеклись до жестокости,

мы могли бы настоять на томъ что гуманисты сами напликали на себя подобный упрекъ, не потому что они преисполнились духомъ древней Греціи, а потому что имъ его недостаетъ.

Періодъ Возрожденія называютъ очень часто эпохой оживленія словесности, какъ будто вліяніе, подѣйствовавшее тогда на умы Западной Европы, было вполнѣ исчерпано на поприщѣ литературы. Мнѣ кажется, при этомъ обыкновенно забываютъ что оживленіе наукъ, вызванное тѣмъ же вліяніемъ, хотя и менѣе замѣтное, было не менѣе знаменательно.

Дѣйствительно немногіе разбросанные по разнымъ странамъ изслѣдователи природы того времени подхватили клубокъ ея тайнъ въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ онъ выпалъ изъ рукъ грековъ за тысячу лѣтъ. Эти греки такъ изложили начала математики, что наши дѣти учатся геометріи по книгѣ, написанной для александрійскихъ школьниковъ двѣ тысячи лѣтъ тому назадъ. Новая астрономія представляетъ собою естественное продолженіе и развитіе трудовъ Гиппарха и Птолемея; новая физика тоже самое относительно физики Демокрита и Архимеда; и потребовалось много времени не то, чтобы новая біологія перешла за предѣлы знаній, завѣщанныхъ намъ Аристотелемъ, Теофрастомъ и Галеномъ.

Мы не можемъ уразумѣть лучшихъ мыслей и изрѣченій грековъ, если намъ неизвѣстны ихъ понятія о явленіяхъ природы. Мы не въ силахъ вполнѣ постигнуть ихъ критику жизни безъ свѣдѣній о томъ, сколько повліяли на эту критику ихъ научныя представленія. Мы лживо будемъ считать себя наслѣдниками ихъ культуры, если не проникаемся, подобно умнѣйшимъ ихъ мужамъ, непоколебимою вѣрою въ то, что лишь свободное дѣйствіе разума, опирающагося на научный методъ, можетъ привести къ познанію истины.

Такимъ образомъ, я рѣшаюсь признать, что новѣйшіе гуманисты должны умѣрить свои притязанія на обладаніе монополіей культуры и на свое исключительное право считать себя наслѣдниками духа древности, если не вовсе отъ нихъ отказаться. Но мнѣ было бы очень прискорбно если бы, по поводу сказаннаго мною, меня заподозрили въ желаніи умалить значеніе классическаго образованія. Прирожденныя человѣчеству способности видоизмѣняются не въ меньшей мѣрѣ, чѣмъ благопріятныя для ихъ проявленія случайности; притомъ хотя культура едина, но путь, по которому всего легче достигаетъ ея одинъ человѣкъ, ле-

жить очень далеко отъ пути, по которому удобнѣе добраться до нея другому. Къ тому же научное образованіе появляется теперь лишь въ зачаткѣ и какъ попытка, тогда какъ классическое воспитаніе превосходно и вполнѣ организовано практическою опытностію многихъ поколѣній наставниковъ; поэтому я полагаю, что молодому англичанину, свободно располагающему своимъ временемъ и готовящемуся къ обыкновенной общественной жизни или къ литературной дѣятельности, и теперь всего лучше получить культурное образованіе въ нашихъ обычныхъ предназначенныхъ для того школахъ и въ послѣдствіи собственными трудами пополнить недостатки такого воспитанія.

Для тѣхъ же юношей, которые посвящаютъ себя наукѣ, или хотятъ сдѣлаться врачами, или же готовятъ себя съ молодыхъ лѣтъ къ дѣловой жизни, классическое воспитаніе, по моему мнѣнію, было бы ошибкой; и вотъ почему я радуюсь тому, что основатель коллегіи возбранилъ въ ней чисто литературное обученіе и образованіе, очень хорошо понимая что включеніе таковаго въ кругъ ея дѣятельности вѣроятно повлекло бы за собою поверхностное занятіе языками латинскимъ и греческимъ.

Несмотря на все сказанное, я не менѣе, чѣмъ кто-либо цѣню важное значеніе основательнаго литературнаго воспитанія и полагаю, что безъ него умственное образованіе не можетъ быть полнымъ. Исключительныя занятія науками также неизбѣжно придадутъ уму особый складъ, какъ и исключительно литературное воспитаніе. Цѣнность груза не искупаетъ ошибокъ въ постройкѣ судна, и меня очень смутила бы мысль, что изъ коллегіи будутъ выходить только люди съ односторонними взглядами. Нѣтъ, однако, повода опасаться такой бѣды. Въ коллегіи преподаются языки англійскій, французскій и нѣмецкій, такъ что ученикамъ ея будутъ доступны три главнѣйшія литературы новаго міра.

Языки французскій и нѣмецкій, особенно послѣдній, совершенно необходимы тому, кто желаетъ изучить вполнѣ какую-либо отрасль наукъ. Если намъ замѣтятъ, что знаніе этихъ языковъ служитъ только достаточнымъ пособіемъ для чисто научной цѣли; то я скажу въ отвѣтъ, что англичанинъ, несъумѣвшій пріобрѣсть литературной культуры изъ чтенія Библіи, Шекспира и Мильтона, не достанетъ ея и изъ глубокаго изученія Гомера и Софокла, Виргилія и Горація. Такимъ образомъ, коллегія, предлагая достаточныя средства какъ для научнаго, такъ и для ли-

тературнаго воспитанія, и имѣя еще въ виду дополнить его воспитаніемъ художественнымъ, доставитъ, по моему мнѣнію, своимъ питомцамъ также и хорошее образованіе.

Возможно, что на этомъ мѣстѣ забитый, но все еще живой, практическій человѣкъ перервтъ нашу рѣчь вопросомъ: «что за связь между всѣми подобными разглагольствованіями о культурѣ и коллегіи, имѣющей цѣлью содѣйствовать преуспѣянію отечественныхъ мануфактуръ и промышленности?» Онъ можетъ намекнуть, что для этого нужна не культура, ни даже чисто научныя знанія, но достаточно свѣдѣній изъ прикладныхъ наукъ.

Какъ часто приходится мнѣ желать, чтобъ не существовало выраженія: прикладная наука. Оно какъ бы подсказываетъ, что есть особаго рода непосредственно полезное въ практикѣ научное знаніе, которое можно изучать независимо отъ другаго рода научнаго знанія, въ практикѣ безполезнаго и называемаго чистою или теоретическою наукою. Мысль эта совершенно ложная. Такъ называемая прикладная наука есть не иное что, какъ приложеніе теоретической науки къ различнымъ разрядамъ задачъ. Она составлена изъ выводовъ, изъ тѣхъ общихъ началъ, открытыхъ размышленіемъ и наблюденіями, которыя образуютъ собою теоретическую науку. Такіе выводы можетъ правильно дѣлать лишь тотъ, кто твердо владѣетъ началами; овладѣть же ими можно, научившись личнымъ опытомъ, способомъ наблюденія и усвоивъ себѣ разсужденія, на которыхъ они основаны.

Почти всѣ пріемы, употребляемые въ ремеслахъ и въ мануфактурахъ, заимствованы изъ физики или изъ химіи. Для ихъ усовершенствованія необходимо понять ихъ вполнѣ, что возможно лишь тому, кто совершенно освоился съ началами науки и продолжительными цѣлесообразными работами въ химической и физической лабораторіяхъ, пріобрѣлъ навыкъ управляться съ фактами. Поэтому нельзя даже поднимать вопроса о необходимости чисто научнаго изученія и въ томъ случаѣ, если бы дѣломъ коллегіи было лишь самое ограниченное толкованіе твердо установленныхъ цѣлей науки.

Что же касается желанной потребности болѣе широкой культуры, чѣмъ та, къ которой приводитъ изученіе однѣхъ только наукъ; то слѣдуетъ припомнить, что усовершенствованіе фабричныхъ процессовъ составляетъ лишь одно изъ условій преуспѣянія промышленности. Промышленность есть средство, а не цѣль, и человѣчество трудится только для того, чтобы удовлетворить

своимъ нуждамъ. Въ чемъ заключаются его нужды — зависитъ частію отъ прирожденныхъ ему, частію отъ пріобрѣтенныхъ желаній.

Если богатство, доставляемое цвѣтущею промышленностію, тратится на удовлетвореніе недостойныхъ желаній; если усовершенствованіе фабричныхъ процессовъ сопровождается возрастающимъ развращеніемъ работниковъ, то я не признаю пользы промышленности и благодѣтельствія.

Совершенно справедливо, что взгляды людей на то, что для никъ желательно, зависятъ отъ ихъ характера, и что такъ-называемыя прирожденныя наклонности остаются, какъ бы много человѣкъ ни учился. Но отсюда не слѣдуетъ, чтобы даже чисто умственное воспитаніе не могло до крайней степени видоизмѣнять практическое проявленіе характера людей въ ихъ поступкахъ, побуждая ихъ къ тому поводами, неизвѣстными невѣжамъ. Человѣкъ, по характеру склонный веселиться, всегда найдетъ себѣ забаву; но если ему предоставляется выборъ, онъ можетъ предпочесть увлеченіе его не развращающее тому, которое его портитъ. Такой выборъ предлагается каждому человѣку, получившему въ литературномъ или художественномъ образованіи неисчерпаемый источникъ удовольствій, непритупляемыхъ лѣтами, нестарѣющихъ отъ обычая и неотравляемыхъ въ воспоминаніи упреками совѣсти.

Если открываемое нынѣ учрежденіе исполнитъ предназначеніе своего основателя, то чрезъ него пройдутъ выдающіяся дарованія всѣхъ сословій населенія этого округа. Бирмингамскія дѣти способны воспользоваться предлагаемыми имъ пособіями сперва въ начальныхъ и другихъ школахъ, а потомъ въ Научной Коллегіи не будутъ лишены возможности не только выучиться, но и получить образованіе наиболѣе соотвѣтствующее условіямъ ихъ жизни.

Въ стѣнахъ этого учрежденія будущіе хозяева и будущіе работники проведутъ нѣкоторое время вмѣстѣ и вынесутъ на всю жизнь вліяніе наложенной на нихъ печати. Поэтому не излишне помнить, что благодѣтельствіе промышленности зависитъ не только отъ усовершенствованія фабричныхъ процессовъ и отъ облагороженія личныхъ характеровъ; но еще и отъ третьяго условія, а именно: отъ яснаго пониманія условій соціальной жизни какъ капиталистами, такъ и трудящимися, и отъ ихъ согласія касательно общихъ началъ соціальнаго дѣйствія. Они должны по-

знать, что соціальныя явленія, наравнѣ со всѣми другими явленіями, суть выраженія законовъ природы, что никакіе соціальные порядки не могутъ быть устойчивы, если они не согласуются съ предписаніями соціальной статики и динамики, и что въ самой природѣ вещей таится судія, котораго приговоры сами собою приводятся въ исполненіе.

Такое познаніе пріобрѣтается приложеніемъ употребляемыхъ въ физикѣ методовъ изслѣдованія къ изслѣдованію явленій соціальныхъ. Признаюсь, я поэтому желалъ бы, чтобъ установленный для коллегіи превосходный планъ воспитанія былъ пополненъ преподаваніемъ соціологіи. Хотя всѣ мы согласны, что политическія партіи не должны вліять на обученіе въ коллегіи, но въ нашей странѣ, управляемой въ дѣйствительности всеобщимъ голосованіемъ, каждый человѣкъ, исполняющій свой долгъ, не можетъ отказываться отъ своихъ политическихъ обязанностей. Если можно противодѣйствовать злу, неразлучному съ благомъ политической свободы, если возможно замѣнить вѣчныя колебанія націй между анархіей и деспотизмомъ твердымъ теченіемъ сдерживающей себя свободы; то осуществится это лишь тогда, когда люди постепенно привыкнутъ обращаться съ политическими вопросами такъ же, какъ съ вопросами науки, когда на томъ и на другомъ поприщѣ они равно будутъ стыдиться излишней поспѣшности и предразсудковъ партій, когда они убѣдятся, что механизмъ общества, по крайней мѣрѣ, столь же сложенъ и деликатенъ, какъ и механизмъ прядильной машины, и что его нельзя улучшить вмѣшательствомъ неумѣлыхъ людей, не взявшихъ на себя труда изучить вполнѣ начала его дѣйствія.

Образы прошлаго.

Образы прошлаго, гости желанные
Боги младенческихъ лѣтъ,
Блескомъ надеждъ лучезарныхъ вѣнчанные,
Грѣетъ мнѣ душу вашъ свѣтъ.

* *
*

Съ ясной улыбкою, взглядомъ участія
Смотрите вы съ облаковъ,
Въ тихомъ сіяніи дѣтскаго счастія,
Въ свѣжихъ гирляндахъ цвѣтовъ.

* *
*

Я передъ вами лампадою вѣчною
Душу затеплилъ мою
И на алтарь вашъ, съ молитвой сердечною,
Слезы отрадныя лью.

* *
*

Ослабѣвающій, прежнія силы я
Вновь ощущаю въ груди,
Если сквозь сумракъ вы, призраки милые
Свѣтите мнѣ впереди.

Н. Томскій.

Очерки иностранной журналистики.

Читателю извѣстно, что толстое ежемѣсячное или двухнедѣльное обозрѣніе (журналъ, по нашему слово-употребленію) не играетъ въ общественной жизни запада Европы такой роли, какъ въ Россіи. У насъ мало появляется книгъ, и эти немногія книги, въ большинствѣ случаевъ, мало читаются; журналы, наоборотъ, пользуются въ Россіи и широкимъ распространеніемъ, и весьма значительнымъ вліяніемъ. Въ послѣднее время, съ первыми проблесками политическаго возрожденія нашего общества, ежедневная газета стала оттѣснять и журналъ, начала, по крайней мѣрѣ, оспаривать у него первенствующее значеніе. Къ сожалѣнію, книга въ Россіи еще не пользуется тѣмъ авторитетомъ и не проникаетъ въ общество такъ далеко, какъ на европейскомъ Западѣ. Печальныя послѣдствія подобнаго порядка вещей замѣчаются уже и теперь: скороспѣлость сужденій, рѣзкость непродуманныхъ приговоровъ составляютъ довольно распространенное явленіе. Недостатокъ генеративно-послѣдовательнаго, какъ выражался покойный Щаповъ, теоретическаго мышленія чувствуется очень сильно.

Съ другой стороны, намъ не достаетъ и тѣхъ учрежденій, благодаря которымъ общественная жизнь Запада укладывается въ опредѣленныя формы. У насъ журналъ являлся и до сихъ поръ является *политическимъ учрежденіемъ*. Около редакторовъ ежемѣсячныхъ (и еженедѣльныхъ, конечно) изданій подбирается кружокъ сотрудниковъ, притягивающихъ опредѣленный кругъ читателей, и такимъ образомъ кладется начало образованію политическихъ партій. Гони природу въ дверь,—она войдетъ въ окно. Отъ этого происходятъ весьма значительныя неудобства и недоразумѣнія. Всякое литературное мнѣніе, каждая эстетическая или философическая статья подгоняется подъ опредѣленное политическое знамя. Натурализмъ, напримѣръ, современной французской школы беллетристовъ пріурочивается къ либерализму или даже радикализму. Въ немъ, будто бы, звучитъ послѣднее слово науки, а потому «экспериментальный» романъ долженъ возбуждать ужасъ консерваторовъ. Явное недоразумѣніе,

объясняемое случайностію появленія первой статьи или перваго романа подобнаго направленія въ органѣ съ тѣмъ, а не инымъ политическимъ цвѣтомъ.

Журналъ на Западѣ Европы, какъ мы уже упомянули, не играетъ роли русскаго журнала, но онъ представляетъ весьма значительный интересъ. Теоретическая мысль отражается во французскихъ, нѣмецкихъ, англійскихъ и т. д. обозрѣніяхъ, и слѣдить за ея успѣхами и колебаніями не безполезно для русскаго читателя.

I.

Обратимся прежде всего къ симпатичной для русскаго Франціи. Среди немногочисленныхъ французскихъ журналовъ, учено-литературныхъ и политическихъ, первое мѣсто долгое время принадлежало чопорному, основательному, немножко скучному и очень буржуазному *обозрѣнію двухъ міровъ* (Revue des Deux Mondes). Со смертью Бюлоза, журналъ, говорятъ, сталъ падать; что объясняютъ именно смертью этого замѣчательнаго во всякомъ случаѣ человѣка. Просматривая послѣднія книжки Revue des Deux Mondes, мы не замѣчаемъ въ нихъ паденія журнала въ литературномъ отношеніи. По прежнему, въ обозрѣніи встрѣчаются и посредственныя, и плохія, и прекрасныя статьи. Но мы не думаемъ отрицать того, что слава Revue des Deux Mondes (и во Франціи, и внѣ ея) значительно поблѣднѣла. Только причину этого явленія мы видимъ не въ упадкѣ журнала, а въ глубокихъ измѣненіяхъ, которыя происходятъ во французскомъ обществѣ. Буржуазный либерализмъ іюльской монархіи и орлеанистской оппозиціи при Наполеонѣ III смѣняется болѣе демократическимъ теченіемъ, и Revue des Deux Mondes уже противопоставляется La Nouvelle Revue.

Пересмотримъ статьи въ первомъ изъ этихъ журналовъ за ноябрь и декабрь истекшаго года.

Мы принуждены оставить въ сторонѣ замѣчательныя статьи г. Анатоля Леруа-Болье о покойномъ Н. А. Милютинѣ, по двумъ основаніямъ: мы задаемся цѣлью слѣдить за ростомъ теоретической мысли на Западѣ, по сколько объ этомъ можно судить по статьямъ первенствующихъ журналовъ, во-первыхъ, и, во-вторыхъ, многое изъ статей французскаго писателя, пользовавшагося, между прочимъ, не изданною перепискою Н. А. Милютина, составляетъ запретный плодъ для русскихъ читателей. Мы проходимъ мимо статей о положеніи Египта въ 1880 году, о военной медицинѣ и т. п., и остановимся прежде всего на трудѣ старшаго сотрудника Revue des Deux Mondes, Шарля де-Мазада: пятьдесятъ лѣтъ современной исторіи. Въ первомъ декабрьскомъ выпускѣ рѣчь идетъ о томъ, какъ погибло одно правительство.

Съ тѣхъ поръ, какъ Франція, меланхолически говоритъ де-Мазадъ, вступила на путь опытовъ, т. е. революцій, много разъ она, казалось,

сертѣлась въ кругу и сызнова начинала свою исторію. Она прошла нѣсколько формъ монархіи, нѣсколько формъ республики. И каждое правительство, побѣждая предшествовавшее, разсчитывало на вѣчность (Se croire éternel, être à peine durable, c'est le destin de tous les régimes qui se sont succédé en France depuis un siècle, говоритъ де-Мазадъ, повторяя слова Тьера). Статья Revue des Deux Mondes имѣетъ дѣло съ іюльскою монархіею, первые годы которой показываютъ, какъ основывается и укрѣпляется правительство, а послѣдніе, какъ оно утомляется, ветшаетъ и погибаетъ. И въ событіяхъ этой эпохи де-Мазадъ первое мѣсто отводитъ Тьеру *). Выходъ этого государственнаго человѣка изъ министерства, въ 1836 году, по словамъ автора статьи, былъ признакомъ возраставшей порчи политическаго положенія. Правительство колебалось, не имѣло системы управленія; графъ Моле былъ оппортунистомъ въ узкомъ смыслѣ этого слова, ловя моментъ за моментомъ, то уступая либераламъ, то содѣйствуя консерваторамъ. Глава кабинета слишкомъ полагался на свою ловкость, на свое дѣйствительное умѣнье очаровывать людей. Но очаровательныя слова оставались словами. Графъ Моле, вступивъ въ союзъ съ Гизо противъ Тьера, по достиженіи власти, сдѣлалъ полуоборотъ въ сторону послѣдняго. Людовикъ-Филиппъ былъ доволенъ тѣмъ, что освободился отъ министровъ, которые его затмѣвали. Ненормальность такого положенія вещей, отстранявшаго въ ряды оппозиціи всѣхъ наиболѣе вліятельныхъ, наиболѣе даровитыхъ людей, не замедлила, какъ извѣстно, привести къ печальнымъ для іюльской монархіи послѣдствіямъ. Всѣ оппозиціонные элементы соединялись подъ однимъ знаменемъ: борьбы противъ личнаго управленія, требованія строгаго соблюденія конституціонныхъ началъ. Но коалиція, которая могла опрокинуть министерство, оказалась, вслѣдствіе своей разнородности, безсильною создать новое и прочное правительство. Такимъ образомъ, «правительство, потому что оно не хотѣло реформъ, оппозиція, потому что она не хотѣла болѣе ихъ ждать,—быстро приближались къ катастрофѣ».

Мы не будемъ, конечно, передавать читателю подробностей статьи, всѣмъ извѣстныхъ событій конца царствованія Людовика-Филиппа, и отмѣтимъ только одну особенность въ трудѣ г. де-Мазада, особенность, въ то же время, и Revue des Deux Mondes. Передъ нами двигаются замѣчательные люди: Тьеръ, Гизо, Моле, Одилонъ Барро и другіе; намъ живо и толково описываютъ дѣйствіе конституціонной машины. Но все, какъ будто, происходитъ вслѣдствіе личныхъ ошибокъ короля, министровъ или предводителей оппозиціи, вслѣдствіе ссоры между ними или дѣйствій, подсказанныхъ честолюбіемъ. Подумаешь, что февральская ре-

*) Статьи озаглавлены: Cinquante Années d'histoire contemporaine. Monsieur Thiers. III. Comment périt un gouvernement. M. Thiers, et l'opposition sous la monarchie de 1830.

волюція могла быть предотвращена какою-нибудь удачною парламентскою комбинаціею... Далеко не отрицая великаго значенія учрежденій, мы, вопреки политикамъ школы Revue des Deux Mondes, не можемъ разсматривать ростъ и паденіе этихъ учрежденій внѣ связи съ измѣненіями въ духовной и хозяйственной жизни народа. Revue des Deux Mondes продолжаетъ любить людей тридцатыхъ годовъ, остается вѣрнымъ, въ главныхъ чертахъ, преданіямъ іюльской монархіи, и поэтому замѣтно отстаетъ отъ общественнаго движенія во Франціи. Отрицать или не замѣчать новыхъ теченій журналъ, конечно, не можетъ; но эти теченія или огорчаютъ, или раздражаютъ его. Мы живемъ, говоритъ г. Вальберъ въ статьѣ объ *Эмансипаціи женщинъ*, въ такое время, когда политическія учрежденія, религіозные догматы, законы, управляющіе бракомъ и собственностію,—все поставлено вопросомъ, къ великому отчаянію размѣренныхъ умовъ (des esprits rangés), которые увѣрены, что въ этомъ мірѣ все совершенно, что нѣтъ надобности производить поправокъ. Г. Вальберъ не считаетъ возможнымъ закрывать такимъ образомъ глаза, хотя многія изъ тѣхъ измѣненій, которыя стремятся проложить себѣ дорогу, ему крайне не нравятся, хотя его часто возмущаютъ непривлекательные люди или непривлекательныя средства въ новомъ общественномъ движеніи. Изъ всѣхъ вопросовъ, о которыхъ можно разсуждать или говорить нелѣпости, наиболѣе способенъ возбуждать горячіе споры вопросъ объ измѣненіяхъ въ воспитаніи женщины и ея политическомъ положеніи, утверждаетъ г. Вальберъ. Женщины, по мнѣнію остроумнаго автора статьи, не могутъ простить великой революціи того, что она провозгласила права только людей (въ число которыхъ, очевидно, французскій авторъ женщинъ не включаетъ). На современную демократію, продолжаетъ г. Вальберъ, сыпятся обвиненія со стороны женщинъ, стремящихся къ свободѣ, хотя эта свобода представляется имъ лишь въ смутныхъ очертаніяхъ. За то дѣвушки, которыя думаютъ, что онѣ просто (tout simplement) предназначены быть добрыми матерями, не имѣютъ основанія жаловаться на бездѣйствіе общества. Въ послѣдніе годы, во всѣхъ странахъ, сильно заботятся объ улучшеніи женскаго воспитанія. Французскія палаты, какъ извѣстно, приняли законопроектъ г. Камилла Сэ о среднемъ образованіи для дѣвушекъ, но частный починъ опередилъ законодательную дѣятельность, и въ Парижѣ открывается женская восьмиклассная коллегія (гимназія) съ курсомъ, соотвѣтствующимъ мужскимъ лицеямъ. Воспитанницы не будутъ жить въ заведеніи. Для желающихъ начнутся уроки латинскаго языка, въ небольшомъ, конечно, объемѣ. Г. Вальберъ великодушно защищаетъ пользу обученія дѣвушекъ химіи и физики (хотя и замѣчаетъ, что «la grâce est le premier devoir de la femme»). Авторъ не скрываетъ однако опасности, которая грозитъ отъ знакомства съ естественными науками женской прелести; но, спрашиваетъ онъ, грація, которая не устоитъ противъ небольшихъ свѣдѣній

изъ физики, заслуживаетъ-ли сожалѣнія? Очевидно нѣтъ, и мы отъ души желаемъ граціознымъ парижанкамъ одолѣть начальныя свѣдѣнія по физикѣ безъ всякаго ущерба для изящества и прелести, главной *обязанности*, долга (devoir), какъ говоритъ г. Вальберъ, французскихъ женщинъ. Положеніе женскаго образованія характеризуется и тѣмъ, что г. Вальберу приходится доказывать слѣдующее: ботаника, хотя въ ней и толкуется о такихъ ужасахъ, что растеніе имѣетъ полъ, все-таки должна преподаваться дѣвочкамъ.

Всякое правленіе, всякія учрежденія, продолжаетъ сотрудникъ Revue des Deux Mondes, имѣютъ свои неудобства и недостатки. Невыгодныя стороны современнаго демократическаго строя могутъ быть исправлены только женщинами. Въ обществѣ, гдѣ царитъ неизбѣжный, но грубый законъ числа, хорошо, что за женщиною остается въ дѣйствительности veto по многимъ вопросамъ. Демократія нуждается въ безустанной проповѣди милосердія къ слабымъ, уваженія къ меньшинству, и эта проповѣдь должна выпадать на долю женщинъ, которыя въ современной демократіи всего менѣе могутъ оставаться экономками или сантиментальными Агнесами. Токвиллъ отдаетъ въ этомъ отношеніи полную справедливость здравому смыслу сѣверо-американцевъ.

Средняго образованія, по мнѣнію г. Вальбера, совершенно достаточно для женщинъ, желающихъ быть добрыми матерями; оно не удовлетворяетъ женщинъ, которыя стремятся къ свободѣ. Послѣднія никогда не будутъ многочисленны: природа и мужчины позаботятся объ этомъ. Но, каково бы ни было ихъ количество, съ ними надо считаться. Моралисты, которые думаютъ разрѣшить *женскій вопросъ*, исключительно бракомъ, должны позаботиться о замужествѣ всѣхъ дѣвушекъ, не нашедшихъ, по какимъ бы то ни было причинамъ, себѣ мужей. Нѣкоторыя женщины, стремясь къ независимости, настойчиво желаютъ что нибудь значить въ искусствѣ, наукѣ или филантропіи. Кто будетъ на столько безсердеченъ, чтобы порицать ихъ за это? (Прекрасно сказано! въ самомъ дѣлѣ: Жоржъ-Зандъ или нашей Крестовской дозволительно оказать снисхожденіе). Первыя студентки медицины или права мало возбуждаютъ сочувствіе французскаго общественнаго мнѣнія и г. Вальбера. Русская студентка, — болѣе или менѣе нигилистка, по мнѣнію рыцаря-писателя,—съ стриженными волосами и въ синихъ очкахъ, пріобрѣла столь же сомнительную репутацію, какъ сомнительна чистота ея воротничковъ и рукавчиковъ.... Еслибъ изящный г. Вальберъ могъ выслушать насъ по этому поводу, то мы сказали бы, вѣроятно, нѣсколько новыхъ для него истинъ. Г. Вальберу русскія студентки извѣстны, надо думать, по разсказамъ князя Любомірскаго и ему подобныхъ. Въ семьѣ, конечно, не безъ урода. Но еслибы французскій публицистъ зналъ о тѣхъ подвигахъ безконечнаго самоотверженія, которыми прославилась русская студентка въ минувшую войну, еслибъ онъ послушалъ, съ какою благоговѣйною любовью относились къ ней

наши солдаты, то, быть можетъ, онъ самъ поставилъ бы ее въ образецъ большинству своихъ соотечественницъ. Такъ какъ г. Вальберу мало извѣстно по этому вопросу, то съ него мало и взыщется. Итальянскія студентки, какъ сообщаетъ Эмиль-де-Лавле *), заслужили всеобщее уваженіе. Ученый экономистъ присовокупляетъ, по этому поводу, что нѣкоторыя нововведенія на самомъ дѣлѣ имѣютъ за собою весьма почтенную старину: Болонья нѣкогда считала среди своихъ знаменитыхъ профессоровъ Кассандру Тамброни, Лауру Басси, Марію Агнети.

Г. Вальберу кажется несомнѣннымъ, что женщины-врачи и женщины-адвокаты всегда останутся исключеніями. Но женщина съѣла запрещенное яблоко, змій сказалъ ей: eritis sicut viri (будете подобны мужчинѣ), и вотъ она стремится къ политическимъ правамъ. Ссылаясь на Руссо, г. Вальберъ рѣшительно возстаетъ противъ этого мнѣнія, но въ приводимыхъ имъ доказательствахъ нѣтъ ничего новаго и интереснаго для русскаго читателя.

La Nouvelle Revue напечатала статью Эмиля-де-Жирардена **), въ формѣ письма къ Александру Дюма, гдѣ рѣшительно требуется для женщины равенство съ мужчиной въ политическомъ отношеніи. Всѣмъ привилегированнымъ, говоритъ престарѣлый писатель, надо приготовляться къ неизбѣжной перемѣнѣ общественнаго строя. Свобода, при рожденіи которой мы присутствуемъ,—не пустое слово: она приближаетъ насъ къ равенству, къ новому міру, осью котораго будетъ верховенство *числа*. Всеобщая подача голосовъ разрушаетъ всѣ льготы, всѣ преимущества одного класса передъ другимъ. Провозглашенная 5 марта 1848 года для мужчинъ, эта всеобщая подача голосовъ молчаливо заключаетъ въ себѣ и соотвѣтствующія права женщинъ. Мы не станемъ передавать нашимъ читателямъ содержанія этой оригинальной и умной статьи и отмѣтимъ только полную противоположность во взглядѣ на предоставленіе женщинамъ политическихъ правъ между Revue des Deux Mondes и Nouvelle Revue. Демократическая, гамбетовская Франція, представляемая послѣднимъ журналомъ, нѣсколько грубѣе и гораздо послѣдовательнѣе жеманной и потерявшей равновѣсіе Франціи тьеровской, если позволительно такъ выразиться. Для Revue des Deux Mondes демократія, число, есть неизбѣжный фактъ, съ которымъ надо считаться, вредныя послѣдствія котораго необходимо предотвратить. Для *новаго обозрѣнія* демократія есть точка отправленія, высшее начало, съ которымъ все должно быть согласовано. Мы должны покаяться передъ читателемъ: когда дѣло идетъ о выборѣ между двумя указанными направленіями, то вопросъ несомнѣнно рѣшается въ пользу втораго изъ нихъ; но мы не можемъ не выразить глубокаго сожалѣнія, что современная демократія утрачиваетъ многое изъ того, что было хорошо въ прошломъ. Паденіе серьез-

*) Émil de Laveleye: Lettres d'Jtalie, Bruxelles, 1880.
**) L'égale de l'homme, lettre à M. Alexandre Dumas.

наго искусства, изгнаніе трагедіи, замѣна драмы фарсомъ, оперы—шансонеткой, ведутъ къ печальнымъ послѣдствіямъ. Вмѣсто свободнаго и горячаго чувства развивается распущенность; люди мельчаютъ душою, оправдывая свою дряблость обрывками изъ сочиненій философовъ-пессимистовъ, безъ всякаго, конечно, права на это. Чтобы быть пессимистомъ, надо глубоко чувствовать и много думать, а ни тѣмъ, ни другимъ не страдаетъ большинство мимо-извѣрившихся въ человѣчество людей.

Но мы не считаемъ паденія прекраснаго, въ широкомъ смыслѣ этого слова, неразрывно связаннымъ съ торжествомъ демократіи. Наоборотъ, это явленіе есть результатъ временнаго торжества буржуазіи, ея безвкусія, ея себялюбія. Въ наше переходное время народъ значительно поднялся, къ нему примкнули, по симпатіи и по разсчету, нѣкоторые ряды буржуазіи и придали мѣщанскій отпечатокъ демократическому движенію. Но недалеко время, когда демократія подымется во весь ростъ, когда она сброситъ съ себя оффенбаховскій нарядъ, не ею придуманный, не ее приводившій въ восторгъ. Nouvelle Revue, въ статьѣ о посмертномъ трудѣ Мишле, представляетъ прекрасное доказательство справедливости нашей мысли. Она прославляетъ знаменитаго историка за то, что онъ религіозно служилъ *отечеству, свободѣ, идеалу*. Истинное солнце для человѣка есть человѣкъ, говоритъ Мишле (Le vrai soleil de l'homme est l'homme). Обратимся къ другимъ статьямъ *Обозрѣнія*, въ которыхъ выражаются эстетическіе взгляды этого изданія. Г. Роже-Балли (Roger-Balla) говоритъ, напримѣръ, о Томасѣ Кутюрѣ и современномъ искусствѣ. На посмертной выставкѣ всѣхъ или большей части произведеній замѣчательнаго художника невольно смолкаетъ зависть, пристрастіе и возникаютъ чисто-эстетическіе вопросы. Современное искусство освободилось отъ всякихъ преданій и пользуется счастливою независимостію. Критику непростительно судить всегда по напередъ опредѣленнымъ и неизмѣннымъ формуламъ. Надо проникнуть въ кругъ идей, въ намѣренія, въ сердце художника. Поэтому странно слышать упреки въ устарѣлости въ области прекраснаго: въ искусствѣ происходитъ только перемѣна точекъ зрѣнія, и потомство сближаетъ другъ съ другомъ различные періоды, различныя направленія въ живописи, поэзіи, музыкѣ, скульптурѣ и архитектурѣ. Современное искусство усиливается съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе приблизиться къ природѣ; но, подъ тиранніей «исполненія», въ погонѣ за мелочною точностію, мысль впала въ немилость, сдѣлала шагъ назадъ. Прекрасное и прелестное забыты кистью (статья говоритъ о живописи), и артистъ стремится къ одной только *истинѣ*. Но эта истина, эта природа убѣгаетъ отъ кропотливаго наблюдателя, которому удается схватить только внѣшнія очертанія, только мнимую истину. Художнику необходимо глубокое чувство достоинства искусства, умѣлое исполненіе и горячая любовь къ природѣ. Чтобы оживить образы, чтобы потрясти зрителя и быть *творцомъ*, живописецъ долженъ быть охваченъ идеею.

Читатель можетъ не соглашаться со всѣми или съ нѣкоторыми изъ этихъ мыслей, но онъ согласится съ нами, что писатель, такъ говорящій и чувствующій, не заслуживаетъ упрека въ пренебреженіи прекраснымъ. И это не составляетъ особенности только одного или немногихъ сотрудниковъ *Новаго Обозрѣнія*. Тоже теченіе, тоже стремленіе къ идеальному замѣчаемъ мы въ театральномъ обозрѣніи журнала, въ его музыкальномъ отдѣлѣ и т. д. Мы встрѣчаемъ здѣсь ссылки на авторитетныя сужденія Шлегеля, внимательный разборъ произведеній Расина, Понсара и другихъ писателей не экспериментальнаго направленія. Спѣшимъ оговориться: мы далеки отъ мысли отрицать и большое значеніе, и большія достоинства современнаго французскаго натурализма, но возстаемъ противъ его односторонности. Глава этого направленія, Эмиль Золя, человѣкъ съ необыкновеннымъ талантомъ и рѣдкою настойчивостію. Въ его романахъ много наблюдательности, много мѣткихъ картинъ и живыхъ образовъ. Для взрослаго, образованнаго человѣка чтеніе даже *Нана* не представляетъ, конечно, ничего отравляющаго, хотя объективный цинизмъ талантливыхъ описаній не можетъ не покоробить поклонника Шиллера, поклонника Пушкина. Послѣдній романъ производитъ тяжелое, удручающее впечатлѣніе, благопріятное для цѣлей моралиста и публициста, который съ ненавистью относится къ развращавшему вліянію второй имперіи. Замѣтимъ мимоходомъ, что *Нана* скучна мѣстами для русскаго читателя, благодаря пустымъ и многочисленнымъ подробностямъ пошлостей парижской жизни.

Послѣ этой оговорки, мы опять повторимъ, что французскій натурализмъ отличается односторонностію, что его приговоръ, развѣнчивающій Жоржъ Зандъ, сдающій въ архивъ ея произведенія, будетъ кассированъ исторіею. Гоголь, Тургеневъ, Толстой стоятъ въ этомъ отношеніи неизмѣримо выше Золя и другихъ представителей *экспериментальнаго* романа, для которыхъ и Диккенсъ недостаточно *научен*. Если писателю удалось вывести чарующій образъ, если онъ до глубины души потрясъ своихъ читателей драматическимъ разсказомъ или заставилъ ихъ забыться прелестнымъ описаніемъ, то съ насъ, пожалуй, и довольно; во всякомъ случаѣ мы предпочтемъ такого писателя автору *братьевъ Земганно*, гдѣ нельзя не видѣть основательнаго изученія акробатскаго искусства.

Nouvelle Revue, какъ мы уже сказали, далека отъ крайностей модной теперь и во Франціи, и въ Россіи школы. Талантливый театральный образователь журнала, г. Анри де-Борнье, говоря о возобновленіи Жана Бодри на сценѣ французскаго театра (Comédie française), утверждаетъ, что это былъ не успѣхъ, а тріумфъ, вполнѣ заслуженный мужественнымъ борцомъ за идею, всегда имѣвшимъ въ виду строго-нравственныя задачи (l'austérité d'un but moral devant les yeux). Борнье называетъ Жана Бодри буржуазнымъ Прометеемъ,—это уже слишкомъ, и для русскаго читателя соединеніе такого имени съ такимъ прилагательнымъ зву-

чить рѣзкимъ диссонансомъ. Въ гамбетовской Франціи еще сказывается по временамъ *мѣщанинъ въ демократіи*, но мы готовы признать, что пьеса Огюста Вакри отличается большими достоинствами, что она можетъ взволновать зрителя, хоть не надолго нравственно очистить его. Мы не раздѣляемъ, конечно, желанія г. Борнье, чтобы героическая идея, которая лежитъ въ основѣ этой драмы, была представлена какими-то героями по профессіи, но... но необходимо отказаться отъ разбора критическихъ замѣчаній г. Борнье, чтобъ не уклоняться далеко отъ задачи этихъ очерковъ.

Прежде, чѣмъ разстаться съ *Новымъ Обозрѣніемъ*, скажемъ нѣсколько словъ о статьѣ де-Губернатиса, *Джіакомо Леопарди*.

На всѣ лады утверждаютъ, что нашъ вѣкъ есть вѣкъ больной. Лихорадочный интересъ ко всему болѣзненному кажется подтверждаетъ это мнѣніе. Поклоненіе Генриху Гейне въ Германіи, Альфреду де-Мюссе во Франціи и Джіакомо Леопарди въ Италіи, поклоненіе, раздѣляемое остальною Европою, не служитъ по мнѣнію де-Губернатиса, доказательствомъ здороваго состоянія современнаго человѣка. Греки, римляне и флорентинцы эпохи Возрожденія не удивлялись и не любили болѣзненныхъ организацій. Ясно, что г. де-Губернатисъ становится на сторону здоровыхъ. Онъ жалуется на то, что біографы Леопарди тратятъ много времени на возстановленіе мелочныхъ подробностей жизни поэта, доходятъ, послѣ долгаго изслѣдованія, до точнаго опредѣленія, гдѣ Леопарди ѣлъ жареный картофель, гдѣ онъ наслаждался мороженымъ. Дѣйствительно, это несносное стремленіе, знакомое и намъ, знать *все* про великаго человѣка, *все* печатать о немъ, низвести его съ пьедестала, сравнять съ нами самими, есть одно изъ самыхъ несимпатичныхъ явленій современной жизни. Какое-то злорадство обыкновеннаго человѣка, заурядняго писателя, у котораго и умъ, и сердце умѣренны и аккуратны, чувствуется въ этихъ разоблаченіяхъ. Тысячу разъ правъ Пушкинъ, сказавшій, что великіе люди и гадости дѣлаютъ не такъ, какъ средній, будничный человѣкъ.

Этой мысли не простятъ намъ люди *послѣдняго слова науки*, которая и не думала еще сказать своего послѣдняго слова.

II.

Въ бѣгломъ очеркѣ намъ приходится останавливаться на немногихъ западно-европейскихъ журналахъ и останавливаться недолго. Скажемъ два-три слова о берлинскомъ *Германскомъ Обозрѣніи* (Deutsche Rundschau). Солидная внѣшность, солидныя статьи,—вотъ чѣмъ отличается этотъ нѣмецкій журналъ. Въ ноябрьской книгѣ прошлаго года помѣщены слѣдующія статьи: новелла Вильбранта, о принцѣ Альберѣ, тайный русскій документъ о греко-турецкомъ столкновеніи 1868—1869 года, о Норденшильдѣ, о жизни Калифорніи въ былые дни, путешествіе въ Парижъ (въ

1801 году), о новомъ зданіи опернаго театра въ Франкфуртѣ на Майнѣ, о берлинскомъ театрѣ. Беремъ декабрьскую книжку: новелла Поля Гейзе, статья о народной переписи, объ Екатеринѣ II и Гриммѣ, о близорукости, мемуары дѣйствительнаго тайнаго совѣтника Шнейдера, о берлинскихъ выставкахъ.... Гдѣ же германская философія, гдѣ же германскій культъ прекраснаго?

Въ Deutsche Rundschau хорошо ведется библіографическій отдѣлъ. Мы заимствуемъ оттуда нѣсколько довольно важныхъ для насъ данныхъ.

Въ прошломъ году вышла новымъ изданіемъ брошюрка извѣстнаго экономиста, вѣнскаго профессора Лоренца фонъ-Штейна. Рецензентъ замѣчаетъ, что Штейнъ говоритъ слишкомъ абстрактно, слишкомъ историко-философски (Er spricht zwar höflich und beredt zugleich, aber doch fürchten wir etwas zu abstract, zu philosophisch—historisch für sein dermaliges Publicum), хотя вѣжливо и краснорѣчиво. Удивительное дѣло: нѣмецкій журналъ упрекаетъ нѣмецкаго ученаго за излишнюю абстрактность, за изобиліе философіи! Рецензентъ сожалѣетъ объ этомъ, потому что признаетъ соображенія и совѣты почтеннаго профессора весьма полезными. Лоренцъ Штейнъ желаетъ, чтобы состоятельныя женщины подавали руку помощи бѣднымъ; чтобы онѣ были добрыми хозяйками, мудро обходясь съ прислугой. Эти совѣты, по мнѣнію Deutsche Rundschau, на столько основательны и хороши, что книжка Штейна можетъ служить прекраснымъ рождественскимъ подаркомъ, что она должна находиться на столѣ каждой благородно-мыслящей женщины и серьезной молодой дѣвушки. Послѣ этихъ глубокомысленныхъ замѣчаній насъ удивила рецензія, очень коротенькая, въ другомъ № *Нѣмецкаго Обозрѣнія*: въ ней не одобряется чрезмѣрный патріотизмъ нѣкой Эммы Ладдей (Emma Laddey), которая, въ разсказѣ для нѣмецкихъ дѣвицъ, подвергнула сравненію нѣмокъ и американокъ, къ окончательному посрамленію послѣднихъ. Рецензентъ замѣчаетъ, что столь сильное превосходство нѣмецкихъ дѣвицъ надъ американскими, хотя и патріотично, но противорѣчитъ истинѣ.

Не вѣетъ жизнью и бодростію отъ Deutsche Rundschau. Жгучіе современные вопросы не находятъ себѣ постояннаго отклика въ этомъ журналѣ; мало въ немъ проблесковъ поэтической фантазіи, философской мысли. Театральный обозрѣватель пишетъ, напримѣръ, что истекшій годъ займетъ выдающееся мѣсто въ исторіи нѣмецкаго театра: лѣтомъ въ Обераммергау исполнялись мистеріи, на которыя пріѣхало много иностранцевъ! Г. Френцель сейчасъ же прибавляетъ, что о вліяніи этихъ мистерій на драматическое искусство не можетъ быть и рѣчи. Въ чемъ же заключается ихъ великое значеніе? Исключительно въ *наивности*. Не наивность-ли это со стороны критика? Другой фактъ, на который указываетъ г. Френцель, дѣйствительно стоитъ того, чтобъ о немъ упомянуть: въ Мюнхенѣ съ 1 по 21 іюля былъ съѣздъ замѣчательныхъ нѣмецкихъ

актеровъ. Разыграны были: Юлій Цезарь, Гамлетъ, Макбетъ, Натанъ Мудрый, Эмилія Галотти, Валленштейнъ, Эгмонтъ, Торквато Тассо и нѣкоторыя другія пьесы. Въ числѣ исполнителей находились такія знаменитости, какъ Шарлотта Вольтеръ, Минона Трибъ-Блюмауеръ, Адольфъ Зонненталь, Фридрихъ Хаазе.

Посмотримъ теперь въ одинъ изъ англійскихъ журналовъ, въ The Fortnightly Review.

Здѣсь мы прежде всего встрѣчаемся съ новыми работами Герберта Спенсера. Какъ бы мы ни относились къ Спенсеру-философу, никто не станетъ отрицать, что это человѣкъ съ громадными знаніями и съ необыкновеннымъ умомъ.

На этотъ разъ англійскій мыслитель выступаетъ съ предварительными замѣчаніями о политическихъ учрежденіяхъ. Мысль и чувство, говоритъ онъ, не могутъ быть совершенно разъединены. Каждое волненіе есть, въ большей или меньшей степени, произведеніе идей; каждая группа идей развивается при большомъ или маломъ волненіи (emotion). Существуетъ, конечно, огромное различіе въ сочетаніяхъ того и другаго. Въ разное время одна и та же идея возбуждаетъ волненіе въ весьма различной степени. По общеизвѣстной истинѣ, правильность сужденія зависитъ не отъ отсутствія волненія, а отъ отсутствія чрезмѣрности въ этомъ волненіи. Сказанное относится въ особенности къ вопросамъ, касающимся жизни человѣчества. Существуютъ два пути при разсмотрѣніи дѣйствій, общественныхъ или личныхъ: можно ихъ разсматривать, какъ группу явленій, и находить законы ихъ зависимости; можно, съ другой стороны, глядѣть на нихъ, какъ на причину удовольствія или страданія, и съ этой точки зрѣнія одобрять или осуждать ихъ.

Если мы отрѣшимся отъ ненависти къ деспотизму, забудемъ о кровавыхъ жертвахъ, принесенныхъ для достиженія славы и господства,—величія, въ отживающемъ смыслѣ послѣдняго слова,—то должны будемъ признать, что побѣдоносные деспоты содѣйствовали укрѣпленію связи между людьми (we must yet recognize the benefits occasionally arising from the social consolidations they achieve). Мы не можемъ забыть жестокостей пытки, отвратительныхъ злоупотребленій сильнаго надъ слабымъ; но, въ извѣстное время и на опредѣленномъ мѣстѣ, подчиненіе слабаго сильному было необходимо. Такое отношеніе къ историческимъ явленіямъ подкрѣпляется тѣмъ, что въ человѣческихъ дѣйствіяхъ абсолютное зло можетъ быть относительнымъ добромъ и абсолютное добро можетъ быть относительнымъ зломъ. Учрежденія, безъ которыхъ не можетъ жить образованный народъ, будутъ безполезны и даже вредны для народа полудикаго. Во всякомъ случаѣ, мы не должны подстанавливать наши развитыя правила поведенія въ частныхъ отношеніяхъ вмѣсто мало развитыхъ правилъ поведенія въ общественныхъ отношеніяхъ.

Говоря о политическомъ развитіи (political evolution) мы должны избѣгнуть недоразумѣній. *Цивилизованное* и *дикое* общество указываютъ только на различныя величины въ одномъ и томъ же движеніи. При этомъ *характеръ* людей низшей степени развитія можетъ превосходить во многихъ отношеніяхъ характеръ людей высшей степени развитія. Путешественники и историки отдаютъ полную справедливость честности, личной независимости и другимъ нравственнымъ качествамъ полудикихъ народовъ. И наоборотъ, въ разныхъ частяхъ свѣта, люди разныхъ племенъ даютъ доказательство того, что въ сравнительно развитыхъ по организаціи и по культурѣ обществахъ могутъ быть варварскіе идеи, чувства и обычаи. Таковы, напримѣръ, фиджійцы; такова была Мексика, гдѣ великолѣпіе столицы уживалось съ людоѣдствомъ жителей, гдѣ высокая (относительно) общественная организація вполнѣ мирилась съ кровавыми жертвоприношеніями, съ жестокостью въ характерѣ населенія. И средневѣковая Европа можетъ представить не мало доказательствъ справедливости этой мысли.

Такимъ образомъ необходимо признать, что развитіе добрыхъ качествъ, гуманности, идетъ неровнымъ шагомъ съ развитіемъ цивилизаціи. Насиліе и жестокость побѣдителя были обычнымъ спутникомъ политическаго развитія, и человѣкъ до-общественный (the pre—social man) въ области нравственныхъ чувствъ далеко не всегда ниже человѣка, принадлежащаго высокому уровню общественнаго устройства.

Спросятъ: какъ же согласовать это заключеніе съ понятіемъ прогресса?

Для отвѣта на этотъ вопросъ Спенсеръ прибѣгаетъ къ аналогіи. Въ животномъ мірѣ происходитъ борьба за существованіе,—необходимое условіе эволюціи (развитія). При этомъ совершенствуются качества и органы, благодаря которымъ перевѣсъ въ борьбѣ остается за ихъ обладателями. Подобное происходило и въ исторіи человѣчества. Но тѣ не симпатичныя качества, которыя развивались въ процессѣ борьбы за существованіе, должны слабѣть и исчезать съ окончаніемъ этого процесса. Благодѣянія послѣдняго остаются, а вредные результаты прекращаются.

Во второй статьѣ Спенсеръ говоритъ о политическомъ устройствѣ вообще.

Общество начинается только съ того момента, когда люди соединяютъ свои усилія для достиженія общихъ цѣлей. Отдѣльный человѣкъ изъ состоянія полной независимости переходитъ въ состояніе взаимной зависимости. Такое сочетаніе труда (Co—operation) заключаетъ въ себѣ организацію.

Общественная организація бываетъ двухъ родовъ, которые сосуществуютъ и являются болѣе или менѣе смѣшанными: въ одномъ случаѣ достигаются частныя, въ другомъ—общественныя цѣли, причемъ различны и способы установленія самой организаціи. Сочетаніе труда, направленное къ достиженію благосостоянія общества,—опредѣленно и сознательно; совершается оно съ общаго согласія. Конечно, цѣлямъ общежитія, въ

концѣ концовъ, служитъ и всякая организація, преслѣдующая частныя выгоды.

Спенсеръ, разумѣется, далекъ отъ мысли видѣть въ политической организаціи только прекрасныя стороны. Онъ самымъ опредѣленнымъ образомъ указываетъ на то, что водвореніе порядка, если за нимъ не слѣдовало достиженіе дѣйствительно общественныхъ цѣлей, было хуже самого полнаго безпорядка, доводя народъ до послѣдней нищеты, до крайняго умственнаго и нравственнаго убожества. Такова исторія многихъ деспотій Востока.

Какъ и въ индивидуальномъ организмѣ, чѣмъ законченнѣе устройство, тѣмъ оно устойчивѣе, потому что въ гражданахъ развиваются мысли и чувства, приспособленныя къ политической организаціи. Эта неподвижность укрѣпляется при наслѣдственной передачѣ общественныхъ правъ и обязанностей, достигая своего крайняго выраженія въ установленіи кастъ. И наоборотъ, движеніе впередъ ускоряется при отсутствіи подобной наслѣдственности. Слѣдуетъ отмѣтить, что увеличеніе массы, т. е. территоріи и населенія, ведетъ за собою усложненіе политической организаціи. Спенсеръ и въ данномъ случаѣ пользуется сближеніемъ общества съ животнымъ организмомъ, сближеніемъ, которое, какъ извѣстно, у этого мыслителя не ограничивается аналогіей: общество Спенсеръ считаетъ за дѣйствительный организмъ, конечно особаго рода. При отсутствіи наслѣдственной передачи общественныхъ правъ и обязанностей (функцій), государство пріобрѣтаетъ *пластичность строенія* (plasticity of structure), бо́льшую способность поглощенія и уподобленія соціальныхъ атомовъ, т. е. людей. Занятіе же правительственныхъ (въ широкомъ смыслѣ) должностей наиболѣе свѣдущими и даровитыми людьми ведетъ къ измѣненіямъ къ лучшему. (Succession by fitness favours transformation, and makes possible something better).

Таково, въ общихъ чертахъ, содержаніе замѣчательныхъ статей перваго изъ находящихся въ живыхъ англійскихъ (быть можетъ и европейскихъ) мыслителей. Мы должны, по недостатку мѣста, обойти молчаніемъ многія интересныя статьи Fortnightly Review и скажемъ нѣсколько словъ только объ одной изъ нихъ: отношенія между двумя палатами парламента (the relations of the houses of parliament, by W. St. Iohn Brodrick). Статья эта написана членомъ парламента.

Избирательная реформа 1867 года, расширившая участіе въ представительствѣ, должна была оказать сильное вліяніе на отношенія между верхнею и нижнею палатою. Нижняя палата стала болѣе полною выразительницею общественнаго мнѣнія, которому такимъ образомъ принадлежитъ роль третейскаго судьи. Антогонизмъ между палатою лордовъ и палатою общинъ значительно усилился. Авторъ статьи приписываетъ это преимущественно случайнымъ обстоятельствамъ и нѣкоторымъ недоразумѣніямъ. Мы же, опираясь на только что упомянутую статью Спенсера,

замѣтимъ, что наслѣдственная, въ большинствѣ своихъ членовъ, палата лордовъ необходимо должна представлять сильное противодѣйствіе демократической, измѣняющейся въ своемъ составѣ палатѣ общинъ.

Закончимъ на первый разъ предпринимаемые нами очерки иностранной журналистики нѣсколькими общими замѣчаніями. Строго говоря, эти замѣчанія будутъ выходить за предѣлы матеріала, который мы представили читателю; но мы могли бы подтвердить наши соображенія и другими данными.

Умственная жизнь во Франціи и Англіи кипитъ по прежнему. Болѣе того: и въ томъ, и въ другомъ государствѣ замѣчается многостороннее улучшеніе въ способахъ обработки философскихъ и общественныхъ вопросовъ; эстетическіе и нравственные интересы, въ особенности во Франціи, послѣ паденія наполеоновской имперіи, возродились съ новою силою. Къ сожалѣнію, не то замѣчаемъ мы въ Германіи. Страна Шиллера и Лессинга превратилась въ страну Бисмарка и Мольтке. Дѣйствительный тайный совѣтникъ Гёте замѣненъ тайнымъ, кажется, совѣтникомъ Вагенеромъ, а вмѣсто доктора Фауста общественное вниманіе привлекаетъ докторъ Струсбергъ.... Страна свободы мысли, идеальныхъ стремленій и поклоненія прекрасному переродилась въ страну крови и желѣза. Гдѣ же причины этого печальнаго, ужасающаго явленія?

Читатель не въ правѣ ждать въ очеркахъ иностранной журналистики, бѣглыхъ и непритязательныхъ, обстоятельнаго отвѣта на этотъ вопросъ и долженъ довольствоваться однимъ указаніемъ. Германское единство куплено дорогою цѣною. Оно стало не единствомъ, а поглощеніемъ Германіи военною державою, Пруссіею. У Франціи насильственно отняты Эльзасъ и часть Лотарингіи, и нѣмцамъ, говоритъ графъ Мольтке, надо пятьдесятъ лѣтъ стоять подъ ружьемъ, чтобъ укрѣпить за собою неправдой захваченное. А стоять подъ ружьемъ и философствовать, на караулѣ или въ казармѣ поклоняться прекрасному—невозможно самому образованному народу. Солдатчина, вотъ что губитъ Германію.

Der Meister kann die Form zerbrechen
Mit weiser Hand, zur rechten Zeit;
Doch wehe, wenn in Flammenbächen
Das glühnde Erz sich selbst befreit!

(Шиллеръ, пѣснь о колоколѣ).

PS. Январскія книжки Revue des Deux Mondes, Nouvelle Revue и Deutsche Rundschau не представляютъ ничего особенно выдающагося. Въ первомъ изъ этихъ журналовъ продолжается трудъ г. Пико, члена института, о судебной реформѣ (на этотъ разъ дѣло идетъ о вліяніи демократіи на магистратуру въ Соединенныхъ Штатахъ и въ Швейцаріи) и напечатана довольно интересная переписка Жоржъ-Занда (1815—1830 гг.). Въ коротенькомъ предисловіи г. Морисъ-Зандъ, сынъ

знаменитой писательницы, выражаетъ свою глубокую привязанность къ матери, другу и одному изъ наиболѣе великихъ, по его словамъ, геніевъ столѣтія. Большая часть напечатанныхъ писемъ Жоржъ-Занда адресована къ ея матери. Въ *Новомъ Обозрѣніи* возбуждаютъ вниманіе статьи *о вознагражденіи учителей и законопроектъ безплатнаго начальнаго образованія* (P. Wallet) и *Густавъ Флоберъ въ его домашней жизни* (Guy de Maupassant) *). Флоберъ всегда хоронилъ подробности своей личной жизни, не дозволялъ даже снять съ себя портретъ, и только немногіе друзья могли оцѣнить сердце знаменитаго романиста. Къ женщинамъ онъ имѣлъ, по словамъ г. Мопассана, нѣжную и отеческую дружбу, *относясь къ нимъ немножко какъ къ большимъ дѣтямъ, неспособнымъ понять возвышеннаго, но которымъ можно говорить о мелочныхъ огорченіяхъ*. Вдали отъ женщинъ, Флоберъ любилъ повторять фразу Прудона, что *женщина есть отчаяніе справедливаго* (La femme est la désolation du juste), вблизи же подпадалъ ихъ очарованію. Не думаемъ, чтобы эта черта въ характерѣ Флобера снискала ему сочувствіе русскихъ женщинъ. Январская книжка *Германскаго Обозрѣнія* составлена занимательнѣе первыхъ выпусковъ обоихъ французскихъ журналовъ. Съ интересомъ читается статья Юліана Шмидта о братьяхъ Гриммахъ и Георга Брандеса о современныхъ французскихъ романистахъ (первый этюдъ посвященъ Бальзаку).

Сергѣй Невѣровъ.

*) Въ этой же книжкѣ печатается продолженіе посмертнаго романа Флобера (Bouvard et Pécuchet).

Новый матеріалъ для біографіи Пушкина.

(Письмо академика В. П. Безобразова къ Я. К. Гроту) *).

Вы желали, чтобы я сообщилъ Вамъ то, что мнѣ извѣстно о посѣщенномъ мною (29 и 30 марта) селѣ «Полотняномъ заводѣ» (имѣніи Гончаровыхъ) *по отношенію къ жизни А. С. Пушкина.*

Обязанный посѣтить *Полотняный заводъ* **), какъ весьма примѣчательное для моихъ экономическихъ изслѣдованій поселеніе въ Медынскомъ уѣздѣ, Калужской губерніи (около 14 верстъ отъ станціи Троицкой по Рижско-Вяземской желѣзной дорогѣ), я совершенно случайно, передъ предстоящимъ парадным чествованіемъ великаго нашего поэта, нашелъ здѣсь источники свѣдѣній, какъ мнѣ кажется, весьма драгоцѣнные для его біографіи.

Разработкою и даже ближайшимъ изученіемъ этихъ источниковъ я не могъ заняться во время очень краткаго моего пребыванія въ Полотняномъ заводѣ, гдѣ я долженъ былъ, согласно спеціальной задачѣ моего путешествія по Россіи, собрать свѣдѣнія совсѣмъ другаго рода и откуда я долженъ былъ спѣшить ѣхать въ другія сосѣднія средоточія промышленности.

Жители Полотнянаго завода, нынѣ крестьяне-собственники, издавна занимаются разными кустарными (домашними) и отхожими (главнѣй же овчинными) промыслами ***), и это село также издавна служитъ торговою своею дѣятельностью и базарами, на которые еженедѣльно стекается много

---

*) Письмо это обязательно доставлено намъ академикомъ Я. К. Гротомъ. *Ред.*

**) Это мѣсто,—обширное торговое и промышленное село, похожее на городъ,—носитъ названіе „Полотнянаго завода“ по всей вѣроятности потому, что тутъ когда-то былъ такой заводъ, котораго нынѣ нѣтъ и слѣдовъ.

***) См. объ этихъ промыслахъ и вообще объ экономическомъ значеніи Полотнянаго завода прекрасную статью *С. Я. Тимоховича*, напечатанную въ „Трудахъ коммиссіи по изслѣдованію кустарной промышленности въ Россіи“. С.-Петербургъ, 1879 г. (изданіе Министерства Финансовъ).

народа, значительнымъ торговымъ центромъ на довольно большомъ районѣ. Мѣстоположеніе Полотнянаго завода—на берегу рѣки—прелестное и весьма вдохновительное для поэта.

Главный нынѣшній владѣлецъ Полотнянаго завода—*Дмитрій Дмитріевичъ Гончаровъ—родной племянникъ жены А. С. Пушкина*; ему принадлежатъ здѣсь, кромѣ разныхъ земель и угодій, писчебумажная фабрика, существующая здѣсь съ 1718 г., помѣщичья усадьба съ великолѣпнымъ стариннымъ господскимъ домомъ (на самомъ берегу рѣки). Кромѣ г. Гончарова, есть въ этомъ имѣніи другой помѣщикъ, г. Ершовъ, владѣющій здѣсь также небольшою усадьбою и домомъ, но живущій постоянно въ Москвѣ. Крестьяне имѣютъ только усадебную осѣдлость, т. е. дома съ тѣсными дворами, и были, какъ фабричные поссессіонные люди, освобождены безъ всякаго земельнаго надѣла. Сверхъ этихъ дворовъ, вся земля принадлежитъ г. Гончарову.

Пушкинъ находился или, по крайней мѣрѣ, считался въ родствѣ съ Гончаровыми, предокъ которыхъ, *Афанасій Гончаровъ* *), основатель писчебумажной фабрики, посадскій (купецъ или мѣщанинъ?) г. Калуги, былъ въ близкомъ родствѣ съ Аннибаломъ, арапомъ Петра Великаго. Въ исторіи Голикова упоминается объ основаніи Гончаровымъ писчебумажной фабрики въ Полотняномъ заводѣ, при покровительствѣ и, можетъ быть, денежныхъ пособіяхъ со стороны Петра Великаго **). Писчебумажная фабрика Гончаровыхъ была однимъ изъ тѣхъ промышленныхъ насажденій, которыми былъ такъ много озабоченъ императоръ. Его покровительство Афанасію Гончарову, очевидно, происходило отъ содѣйствія Аннибала промышленнымъ предпріятіямъ своего родственника. Послѣ (или и раньше?) устройства фабрики, Гончаровы, накупивъ здѣсь земли, стали селить на нихъ бѣглыхъ людей, какъ это дѣлалось многими землевладѣльцами въ тѣ времена. Впослѣдствіи, такихъ людей собралось въ имѣніяхъ Гончаровыхъ до 12 тысячъ душъ, которыя и были закрѣплены за ними на поссессіонномъ правѣ, при императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ. Въ этомъ закрѣпленіи заключалось главное изъ оказанныхъ правительствомъ пособій, за которыми владѣльцы фабрики, остававшейся непрерывно въ родѣ Гончаровыхъ съ 1718 г. до сихъ поръ, неоднократно въ прежнее время обращались, подобно многимъ нашимъ фабрикантамъ.

Изъ всѣхъ собранныхъ мною свѣдѣній ***) о Полотняномъ заводѣ и его

---

*) Фабрика была устроена Гончаровымъ совмѣстно съ богатымъ сосѣднимъ землевладѣльцемъ Щепочкинымъ. Впослѣдствіи она вся перешла въ собственность Гончаровыхъ.

**) Кромѣ свѣдѣній, сообщенныхъ мнѣ лично Д. Д. Гончаровымъ, см. объ этомъ книгу *Карновича* „Замѣчательныя богатства Россіи“.

***) Впослѣдствіи эти свѣдѣнія будутъ мною опубликованы вмѣстѣ со всѣми изслѣдованіями, сдѣланными мною въ путешествіи 1879 и 1880 гг. по подмосковнымъ губерніямъ.

писчебумажной фабрикѣ, я считаю нужнымъ сообщить здѣсь только то, что имѣетъ какое нибудь отношеніе къ Пушкину.

Пушкинъ часто и много живалъ здѣсь у Гончаровыхъ, какъ до своей женитьбы, такъ и послѣ нея. Это мѣсто полно преданій о немъ. Всѣ крестьяне знаютъ объ немъ и говорятъ. Самые старые изъ нихъ помнятъ его лично, по своимъ воспоминаніямъ. Въ семейномъ архивѣ Гончаровыхъ, сохраняемомъ въ большомъ порядкѣ нынѣшнимъ владѣльцемъ, находятся *десять писемъ Пушкина*, которыя были имъ адресованы къ дѣду своей жены въ 1830 и 1831 г. (до и послѣ брака) и которыя я внимательно прочиталъ. Эти письма, весьма пространныя, весьма четко написанныя, очень интересны во многихъ отношеніяхъ, и въ особенности для характеристики Пушкина и его общественныхъ отношеній.

Между этими письмами находится и то, въ которомъ Пушкинъ формально просилъ руки своей жены у ея дѣда, занимавшаго, вслѣдствіе душевной болѣзни ея отца, мѣсто полновластнаго главы семейства. При жизни этого дѣда, имя и отчество котораго я забылъ записать, огромное состояніе Гончаровыхъ всего болѣе возросло, но также и подвергнулось отъ его безразсудныхъ расходовъ наибольшему разстройству. Вся упомянутая переписка съ нимъ Пушкина вращается главнѣйше около оказанія денежной субсидіи фабрикѣ отъ казны; ходатайство объ этомъ дѣлѣ поручено Гончаровымъ Пушкину, во время пребыванія послѣдняго въ Петербургѣ. Судя по письмамъ, Пушкинъ, относившійся къ Гончарову, какъ къ человѣку, въ рукахъ котораго, по неоднократному выраженію поэта, «вся его судьба» (т. е. согласіе на бракъ, долго ему недававшееся), съ необыкновеннымъ «высокопочитаніемъ», всячески заискиваетъ въ этомъ человѣкѣ и старается быть всячески ему пріятнымъ. Поэтому онъ не отказывается хлопотать о субсидіи, входитъ объ этомъ въ сношенія съ разными высокопоставленными лицами, но при этомъ оговаривается, на случай неуспѣха, указывая на трудность дѣла, зависящаго отъ милости государя и ходатайства гр. Канкрина, и на недостаточно сильное свое общественное положеніе, въ особенности въ кругу высокопоставленныхъ лицъ. Въ разсказахъ поэта обо всемъ этомъ много любопытнаго, какъ для характеристики его самого, такъ и того времени; между прочимъ, меня поразило съ какою удивительною прозаическою и чисто дѣловою отчетливостью и тщательностью онъ говоритъ о денежныхъ дѣлахъ. Послѣ женитьбы Пушкина, Гончаровъ-дѣдъ былъ затрудненъ выдачею приданаго внучкѣ; Пушкинъ, какъ видно и изъ писемъ, находившійся самъ въ денежныхъ затрудненіяхъ, успокоиваетъ дѣда на счетъ приданаго, говоря, что, кромѣ любви жены и счастья съ нею, ему ничего больше въ жизни не нужно. Во всѣхъ письмахъ ярко высказывается страстная привязанность Пушкина къ своей женѣ. Въ каждомъ письмѣ до брака есть приписка, въ которой напоминается дѣду о томъ, что въ его рукахъ вся будущая судьба поэта. Въ первомъ письмѣ, вслѣдъ за бракомъ, въ ко-

торомъ есть и приписка Натальи Николаевны Пушкиной, объясняется блаженное состояніе его духа.

Какъ мнѣ было сказано Д. Д. Гончаровымъ, жена Пушкина (при жизни дѣда или также послѣ?) не получила никакого другаго приданаго, кромѣ бронзоваго памятника, воздвигнутаго Гончаровыми въ с. Полотняномъ заводѣ въ честь посѣщенія его въ 1775 г. императрицею Екатериною Великою *). Объ этомъ памятникѣ упоминается и въ читанныхъ мною письмахъ Пушкина къ А. Гончарову. Пушкинъ продалъ памятникъ въ казну для переплава (если я не ошибаюсь) металла на монетномъ дворѣ. Объ этомъ памятникѣ есть особая обширная переписка (цѣлая кипа связанныхъ бумагъ); ее мнѣ показывали, но, по недостатку времени, я съ ней не ознакомился. Кромѣ означенныхъ выше писемъ, я читалъ въ альбомѣ стихи Пушкина къ своей невѣстѣ и ея отвѣтъ, также въ стихахъ. По содержанію, весь этотъ разговоръ въ альбомѣ имѣетъ характеръ взаимнаго объясненія въ любви.

По преданію, въ саду господскаго дома была *пушкинская бесѣдка*, такъ называвшаяся еще при жизни Пушкина, какъ любимое его мѣсто. Эта бесѣдка, какъ говорятъ, была исписана его стихами; она исчезла не такъ давно.

Не такъ далеко отъ главнаго господскаго дома стоитъ на берегу рѣки *деревянный флигель*, слывущій до сихъ поръ въ народѣ подъ названіемъ *дома Пушкина*. Въ немъ поэтъ постоянно живалъ послѣ своего брака, пріѣзжая гостить къ Гончаровымъ. Внутреннія стѣны этого строенія, имѣющаго видъ маленькаго помѣщичьяго дома, довольно внимательно мною осмотрѣннаго, были исписаны Пушкинымъ; теперь не осталось никакого отъ нихъ слѣда, также какъ и отъ всей жизни Пушкина. Въ этомъ домѣ, къ глубокому огорченію всякаго чтущаго память поэта, помѣщается нынѣ крестьянскій трактиръ, т. е. питейный домъ, сдаваемый помѣщикомъ въ аренду; должно упомянуть, что эта сдача началась гораздо ранѣе перехода имѣнія въ собственность нынѣшняго ея владѣльца, который самъ, какъ онъ мнѣ это говорилъ, скорбитъ о такомъ святотатствѣ. Вслѣдствіе людности Полотнянаго завода, въ этомъ питейномъ заведеніи стоитъ непрерывный пьяный разгулъ крестьянской толпы, въ особенности въ базарные дни; всѣ посѣтители его знаютъ историческое значеніе этого мѣста и я самъ отъ нихъ объ этомъ слышалъ. Молодецъ, бойко разливающій чай и водку за прилавкомъ, отвѣчаетъ всякому вопрошающему: «да-съ, тутъ жилъ Пушкинъ».

Еще печальнѣе, что подлѣ этого дома была прежде и не существуетъ теперь пристройка, нарочно сдѣланная для Пушкина, когда семейство его

*) Объ этомъ посѣщеніи въ одномъ изъ путешествій Екатерины сохранилось не мало воспоминаній въ домѣ и семейномъ архивѣ Гончаровыхъ. Между прочимъ сохраняется кресло, на которомъ она сидѣла, остановившись въ ихъ домѣ.

разрослось; въ ней жили его дѣти. Эта пристройка перенесена на другое мѣсто и въ ней также устроенъ кабакъ, сдаваемый на аренду. Оба заведенія, совокупно еще съ третьимъ кабакомъ, даютъ значительный доходъ помѣщику (кажется, 2000 р.).

Къ сожалѣнію, только послѣ моего отъѣзда изъ Полотнянаго завода, я слышалъ, что въ другомъ господскомъ домѣ Ершовыхъ, нынѣ запертомъ, есть также много воспоминаній о Пушкинѣ и сохранились даже стихи, написанные имъ на стѣнахъ.

Вотъ все, что мнѣ извѣстно о Полотняномъ заводѣ *по отношенію къ Пушкину*.

Въ заключеніе я долженъ присовокупить ко всему этому мое личное убѣжденіе, что необходимо *безотлагательное* и тщательное мѣстное изслѣдованіе въ Полотняномъ заводѣ, безъ котораго мнѣ представляются даже немыслимыми никакіе новые труды по біографіи великаго нашего поэта. Безотлагательность такого изслѣдованія тѣмъ болѣе настоятельна, что устныя преданія и личныя воспоминанія жителей-стариковъ могутъ въ скоромъ времени навсегда погибнуть. Сверхъ того, такое изслѣдованіе теперь весьма незатруднительно вслѣдствіе просвѣщеннаго гостепріимства и радушія нынѣшняго владѣльца Д. Д. Гончарова и его супруги; содѣйствіе ея (Ольги Карловны Гончаровой, урожденной Шлиппе) особенно нужно потому, что мужъ ея находится въ тяжкомъ болѣзненномъ состояніи. Оба они *) заявили мнѣ, что готовы оказать всякую личную свою помощь изслѣдователю и поставить въ его распоряженіе свои матеріалы.

Поѣздка въ Полотняный заводъ очень легка и посѣщеніе его, вслѣдствіе радушія хозяевъ, весьма пріятно.

Владиміръ Безобразовъ.

17 мая 1880 г.

*) Адресъ ихъ: станція Троицкая, на Ряжско-Вяземской желѣзной дорогѣ (Медынскаго у., Калужской губ.), *с. Полотняный заводъ*.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Оживленіе нашего земства. Роль дворянства. Процессъ лютичскихъ крестьянъ. Вопросъ о недостаточности крестьянскихъ надѣловъ и газета *Русь*. Крестьянскіе промыслы (Сборникъ статистическихъ свѣдѣній по Московской губерніи, томъ VI, выпускъ II). Состояніе государственнаго хозяйства Россіи. Необходимость отмѣны административной ссылки. Судьба Н. Г. Чернышевскаго.

Земскія собранія декабрьской сессіи прошли оживленнѣе и дѣловитѣе предшествовавшихъ. Нельзя сказать, однако, чтобы дѣятельность нашихъ земскихъ представителей вполнѣ удовлетворила тѣмъ радужнымъ ожиданіямъ, которыя связывались съ новыми «вѣяніями» вообще. По справедливому замѣчанію новой петербуртской газеты *Порядокъ*, «для ободренія общественной дѣятельности, само собою разумѣется, нужно, чтобы дѣятели, независимо отъ присутствія живости въ нихъ самихъ, чувствовали подъ собою твердую почву, то-есть были увѣрены, что ихъ начинанія не будутъ встрѣчать одни только противодѣйствія и стѣсненія». Къ счастью для народа и правительства, канцелярскій способъ управленія государствомъ за послѣднее время находится не въ такомъ авантажѣ, какъ въ управленіе графа Толстаго министерствомъ народнаго просвѣщенія. Русскую мысль не втискиваютъ въ казенныя колодки, разсчитанныя на мальчиковъ съ пальчикъ, и, къ большому негодованію нашихъ лже-охранителей, никакихъ вредныхъ послѣдствій отъ этого не происходитъ. На земскихъ собраніяхъ все чаще и чаще начинаютъ раздаваться голоса независимыхъ людей, которые искренно желаютъ, чтобы между властью и народомъ не было недоразумѣній и взаимнаго недовѣрія, чтобы, на совѣтахъ всей земли русской, были разсказаны обиды, насильства, раззоренія, и чѣмъ нашему государству полниться....

Невозможно было ожидать, чтобы съ русскаго человѣка мгновенно спали рабскія привычки, чтобы онъ сразу заговорилъ съ достоинствомъ свободнаго гражданина, которому одинаково чужды и льстивость, и задоръ приниженнаго, неувѣреннаго въ завтрашнемъ днѣ человѣка. Казенные государственные люди, давившіе нашу совѣсть подъ грудою циркуляровъ и секретныхъ предписаній, довели народъ до весьма печальнаго состоянія: онъ съ

величайшимъ недовѣріемъ относится къ административной власти и всѣ усилія употребляетъ къ тому, чтобы уйти отъ нея подальше. Какого размѣра это недовѣріе достигло, съ какими препятствіями приходится бороться, чтобы власть не представлялась русскому человѣку врагомъ или беззастѣнчивымъ опекуномъ,—объ этомъ извѣстно каждому образованному читателю. Дѣятели нашего самоуправленія—тѣ же, конечно, русскіе люди, и ихъ недостатки являются, въ большинствѣ случаевъ, послѣдствіемъ канцелярской формы правленія. Печать относилась до настоящаго времени къ молодымъ земскимъ учрежденіямъ съ большимъ сочувствіемъ и бережливымъ вниманіемъ. Промахи и вялость управъ и собраній встрѣчали, конечно, порицанія, но въ осторожной, относительно мягкой формѣ. На это указывали враги либеральныхъ учрежденій, требуя, чтобы земство и администрація подвергались одинаковой оцѣнкѣ; но справедливость заключается между прочимъ и въ томъ, чтобы не равно относиться къ неравному. Администрація была полновластною, неподлежавшею контролю общества силою. Она тѣснила самоуправленіе, она не давала намъ дышать свободно. Печать должна была бороться за существованіе, должна была оказывать всѣми находящимися въ ея распоряженіи способами, не прибѣгая только къ недобросовѣстнымъ средствамъ, рѣшительное противодѣйствіе произволу и насилію. По глубокому убѣжденію многихъ и многихъ русскихъ людей, по убѣжденію большинства представителей нашей печати, безъ широкаго развитія существующихъ земскихъ и городскихъ учрежденій, Россіи грозила бы печальная участь. Громадное политическое тѣло и безъ того разслаблено въ душной и нездоровой атмосферѣ канцелярій.

Но времена измѣнились къ лучшему. Съ верху образовалось живое и, думать надо, сильное теченіе, которое не борется съ теченіемъ, идущимъ отъ общества, а, наоборотъ, двигается въ томъ же направленіи, какъ послѣднее. Многіе говорятъ: подождите радоваться, на долго-ли хватитъ вашихъ радужныхъ ожиданій? Но мы самымъ рѣшительнымъ образомъ возстаемъ противъ разочарованности, которая звучитъ въ приведенныхъ словахъ. Ждать всего отъ власти, сидѣть у моря и ждать погоды—непростительно обществу. Пора стать на собственныя ноги. Если правительство расширяетъ свободу мысли и совѣсти, если оно начинаетъ съ уваженіемъ относиться къ личности гражданина, то этимъ, конечно, оно исполняетъ свой долгъ передъ обществомъ; но на какомъ же основаніи добросовѣстное исполненіе долга не должно возбуждать живѣйшей благодарности, не должно подкрѣплять самыхъ отрадныхъ надеждъ?

При современныхъ условіяхъ русской жизни, и наше самоуправленіе, и наша печать могутъ и обязаны сдѣлать многое. Вялость и безтолковость въ настоящее время должны встрѣчать самое строгое порицаніе общественнаго мнѣнія. Г. Португаловъ *) справедливо говоритъ, что «раз-

*) Русскій Курьеръ, № 5, *Неподвижность земства*.

сматривать дѣятельность земства безъ должнаго вниманія и отношенія къ переживаемой нами эпохѣ и безъ сравненія многихъ земствъ между собою теперь нельзя». Лучшія изъ земствъ немедленно воспользовались освобожденіемъ отъ стѣсненій и запрещеній, такъ долго тяготѣвшихъ надъ нашимъ самоуправленіемъ, и обнаружили и добрую волю, и умѣнье подымать и разрѣшать вопросы первостепенной важности. Къ сожалѣнію, не вездѣ дѣло шло такъ хорошо, въ нѣкоторыхъ же губерніяхъ оно идетъ совсѣмъ худо. Такова, напримѣръ, самарская губернія. Раскладка земскаго сбора здѣсь поражаетъ своею неравномѣрностью. Этотъ сборъ равняется 300,000 рублей. Городскія имущества самарской губерніи оцѣнены всего въ 5,000,000 рублей, изъ которыхъ на долю г. Самары приходится 3,500,000 р. (съ нихъ взимается въ пользу земства 36,000 р.). Г. Португаловъ утверждаетъ, что городское имущество самарской губерніи можетъ быть оцѣнено въ 20,000,000 р.; слѣдовательно, земство могло бы получить не 36,000 р., а 130,000 р. Неравномѣрность распредѣленія податной тяжести и несовершенство способовъ взиманія налоговъ составляютъ первый и тяжкій грѣхъ самарскаго земства. Другой грѣхъ заключается въ томъ, что безтолковое и малодѣятельное управленіе стоитъ дорого: содержаніе самарской губернской управы стоитъ 23,000 р., содержаніе одной изъ лучшихъ управъ въ государствѣ, тверской, обходится только въ 15,000 р. *). Не будемъ говорить объ остальныхъ прегрѣшеніяхъ самарскаго земства и обратимъ вниманіе читателя только на слѣдующій случай, бывшій во время послѣдней сессіи собранія. Одинъ изъ талантливыхъ и наиболѣе свѣдущихъ гласныхъ самарскаго земства представилъ записку, въ которой указывается на то, «что для улучшенія бѣдственнаго экономическаго положенія народа нужны такія же радикальныя реформы и мѣры, какія имѣли мѣсто при освобожденіи крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, и что для разрѣшенія и разработки такого важнаго вопроса необходимъ созывъ и участіе земскихъ представителей не одной губерніи». Что можетъ быть справедливѣе и основательнѣе такого предложенія? Общество, въ лицѣ лучшихъ изъ своихъ представителей, честно и открыто хочетъ высказать правительству свой взглядъ, свое глубокое убѣжденіе, какія средства скорѣе и надежнѣе всего выведутъ насъ на вѣрную дорогу, упрочатъ экономическое благосостояніе и дальнѣйшее мирное и послѣдовательное развитіе народа. Правительство можетъ быть другого мнѣнія, оно можетъ пожелать взять всю отвѣтственность за наше ближайшее будущее на себя одного; но какой же смыслъ имѣетъ запрещеніе бесѣдовать объ этомъ вопросѣ, гласно взвѣшивать доводы за и противъ упомянутаго предложенія? Между тѣмъ, самарскій предводитель дворянства, предсѣдатель губернскаго земскаго собранія, г. Юрасовъ, не смотря на просьбы многихъ почтенныхъ членовъ собранія, наотрѣзъ отказалъ до-

*) А не въ 16,000 р., какъ сказано въ статьѣ г. Португалова.

пустить записку до обсужденія.... Случаи подобнаго рода указываютъ на всю основательность и важность предложенія, внесеннаго тверскимъ губернскимъ гласнымъ г. Петрункевичемъ и единогласно принятаго собраніемъ,—ходатайствовать объ отмѣнѣ права предсѣдателя не допускать до обсужденія возбужденныхъ (письменно) гласными вопросовъ. Если правительство желаетъ, чтобы нужды и желанія земства свободно доходили до него, если оно предпочитаетъ прямое и открытое заявленіе общественныхъ потребностей всякому иному способу, то устраненіе организованнаго препятствія для непосредственныхъ сношеній власти и земства не должно встрѣтить затрудненій.

Неудовлетворительно прошло земское собраніе и въ Харьковѣ, гдѣ роль тормаза игралъ также предсѣдатель собранія, губернскій предводитель дворянства, г. Шидловскій. Русское дворянство вообще находится въ настоящее время на распутьи. Жизнь предоставляетъ ему на выборъ или раствориться въ уже создающейся буржуазіи, или стать во главѣ земли. Находятся желающіе идти и въ ту, и въ другую стороны. Въ тверскомъ дворянскомъ собраніи г. де-Роберти произнесъ рѣчь, надѣлавшую довольно много шуму. Онъ сказалъ между прочимъ слѣдующее: «не нужно много словъ, мм. гг., для выраженія овладѣвшей всѣми умами заботы. Съ этою цѣлью достаточно высказать глубокое убѣжденіе, что прочный *порядокъ* можетъ быть основанъ только на разумной *свободѣ*; что такова верховная жизненная формула всякаго общества, вышедшаго изъ первобытнаго варварства и неокончательно упадшаго или разложившагося; что этому коренному требованію, однако, противорѣчитъ продолжающееся устраненіе общества отъ участія въ обсужденіи и разрѣшеніи вопросовъ, касающихся наиболѣе важныхъ, существенныхъ интересовъ его; что такое положеніе вещей обусловливаетъ и бьющую въ глаза фальшь мѣстнаго самоуправленія, которое въ послѣдніе годы не развивается, а идетъ назадъ, разлагается; и, наконецъ, что та же причина является и главнѣйшимъ источникомъ, съ одной стороны—недостаточной обезпеченности правъ личности и совѣсти, мысли и слова, съ другой—финансовыхъ затрудненій государства и экономическаго разстройства страны. Опредѣленно высказаться въ этомъ смыслѣ — вотъ что я, прежде всего, предлагаю настоящему собранію». Другія предложенія г. де-Роберти заключались въ слѣдующемъ: 1) заявить о неотложной необходимости предоставленія земскимъ собраніямъ, какъ уѣзднымъ, такъ и губернскимъ, права свободно избирать себѣ, изъ среды всѣхъ сословій, особыхъ предсѣдателей на тотъ же срокъ, какъ и предсѣдатели управъ, съ тѣмъ, чтобы эти избранники земства замѣстили бывшихъ предводителей дворянства во всѣхъ мѣстныхъ учрежденіяхъ, въ которыхъ предводители дворянства до сихъ поръ предсѣдательствовали; 2) сдѣлать правительству представленіе о пользѣ, которая могла бы произойти для дворянства, ни въ чемъ не отдѣляющаго себя отъ земства, отъ такого расширенія права губернскихъ земскихъ собраній обращаться

съ ходатайствами къ власти, которое позволило бы этимъ высшимъ (?) представительнымъ учрежденіемъ явиться нынѣ же, до необходимаго совершенія болѣе глубокихъ преобразованій, вѣрными истолкователями передъ правительствомъ истинныхъ взглядовъ, желаній и нуждъ страны или большинства населенія.

Весьегонскій (тверской губерніи) предводитель дворянства, г. Родичевъ, сообщилъ въ *Голосѣ*, (вслѣдствіе неточности газетныхъ извѣстій), что два послѣднія предложенія г. де-Роберти отклонены собраніемъ. Первое—потому что тверскіе дворяне признавали устраненіе предводителей дворянства отъ предсѣдательства въ мѣстныхъ земскихъ учрежденіяхъ несвоевременнымъ; второе—потому что подобнаго рода ходатайство должно возбудить само земство. Главное же предложеніе г. де-Роберти—опредѣленно высказать желаніе расширенія правъ русскаго общества—не вызвало возраженій по существу. «Было высказано, что за общими выраженіями г. де-Роберти собраніе видитъ весьма опредѣленное пожеланіе, въ которомъ сказывается вполнѣ назрѣвшая и ясно сознанная потребность общества. Этому пожеланію было высказано горячее сочувствіе собранія, но оно не нашло возможнымъ идти далѣе и нашло несвоевременнымъ заявлять это мнѣніе дворянства въ формѣ ходатайства, полагая, что, при настоящихъ обстоятельствахъ, такое ходатайство явилось бы нецѣлесообразнымъ въ видахъ скорѣйшаго осуществленія этого желанія дворянства. Въ такихъ именно выраженіяхъ записано постановленіе собранія въ протоколъ».

Напомнимъ читателямъ, что 29 ноября прошлаго года, въ новгородскомъ губернскомъ дворянскомъ собраніи, г. Рагозинъ обратилъ вниманіе дворянства на необходимость для него полной солидарности съ земствомъ. Г. Рагозинъ считаетъ во многихъ отношеніяхъ вреднымъ совмѣщеніе въ одномъ лицѣ должностей предсѣдателя земскаго собранія и предсѣдателя земской управы. Новгородское дворянское собраніе съ большимъ вниманіемъ отнеслось къ этой рѣчи и приняло заключающееся въ ней предложеніе. Три предводителя дворянства, которые состояли въ то же время и предсѣдателями земскихъ управъ, немедленно отказались отъ послѣдней должности. Газета *Земство*, обсуждая эти два факта, т. е. заявленія гг. де-Роберта и Рагозина, придаетъ имъ большое значеніе. *Земство* говоритъ*): «разъ мысли, подобныя высказаннымъ, начинаютъ заявляться въ дворянскихъ собраніяхъ, разъ онѣ встрѣчаютъ въ нихъ поддержку и сочувствіе, хотя и не большинства, это значитъ, что дворянство проникается *земскимъ* духомъ, что оно начинаетъ сознавать свою солидарность съ земствомъ, всю ненадобность своей отдѣльной, сословной жизни, что въ земствѣ оно начинаетъ видѣть истинное поприще для своей дѣятельности на пользу общую».

*) „Земство“, № 6-й, 7-го января 1881 г.

Къ сожалѣнію, многіе изъ дворянъ проникаются и такимъ духомъ, который ничего общаго съ земствомъ не имѣетъ. Читателю извѣстны изъ газетъ возмутительныя подробности дѣла о крестьянахъ села Люторичъ, обвинявшихся въ сопротивленіи должностнымъ лицамъ.

Въ обвинительномъ актѣ по этому печальному дѣлу сказано: «3 мая 1879 года судебный приставъ тульскаго окружнаго суда Прусаковъ извѣстилъ по телеграфу прокурора этого суда, что ему, Прусакову, въ присутствіи мѣстнаго исправника и другихъ чиновъ полиціи, крестьяне села Люторичъ оказали сопротивленіе, причемъ едва не убили волостнаго старшину».

Судебный приставъ явился взыскивать съ крестьянъ по тремъ исполнительнымъ листамъ послѣднія мужицкія крохи въ пользу графа Алексѣя Васильевича Бобринскаго, московскаго губернскаго предводителя дворянства, и повѣреннаго его, нарвскаго гражданина Фишера.

Долгое время контора русскаго графа съ остзейской піявицей во главѣ опутывала крестьянъ юридически правильными договорами, долгое время забитые, униженные, раззоренные мужики должны были уплачивать этимъ лицамъ такіе проценты по занятымъ суммамъ, отъ которыхъ пришелъ бы въ изумленіе самый отвратительный ростовщикъ. Свидѣтель, почетный мировой судья, г. Писаревъ, показалъ слѣдующее: «Мнѣ извѣстно это дѣло, какъ мѣстному жителю. Мнѣ кажется, что недоразумѣнія, которыя возникли между крестьянами и конторой графа Бобринскаго, можно объяснить тою системой, которой держатся въ конторѣ графа Бобринскаго. А система состоитъ въ томъ, чтобы держать крестьянъ въ постоянномъ и неоплатномъ долгу. Это подтверждается тѣми дѣлами, которыя велись съ крестьянами. Число дѣлъ, сохранившихся въ архивѣ мироваго судьи, доходитъ до 400. Въ этихъ дѣлахъ встрѣчаются неустойки отъ 50 до 100%. Что контора гр. Бобринскаго придерживается долговой системы, это я знаю, какъ членъ уѣзднаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія. Мнѣ приходится въ книгахъ волостныхъ правленій просматривать тѣ условія, которыя контора графа Бобринскаго заключала съ обществами. Всѣ они необычайно страннаго свойства. Позволитъ ли мнѣ палата перечислить номера ихъ и числа, когда они совершены? Тамъ есть условія, что если дѣло дойдетъ до мировыхъ учрежденій, то крестьяне кромѣ долговой суммы должны уплатить штрафъ со дня подачи иска до полученія исполнительнаго листа. Есть и такія условія, по которымъ крестьянинъ, положимъ, снимаетъ яровую землю, но въ условіи сказано, что если крестьянинъ, снимающій яровую землю, не внесетъ въ срокъ платежа, то и другой крестьянинъ, снимающій озимую землю, теряетъ право на полученіе озимаго посѣва. Есть условіе съ деревнею Михайловкой, гдѣ прямо сказано, что вся деревня Михайловка продала все свое имущество Фишеру, управляющему графа Бобринскаго, съ тѣмъ, что если онъ, Фишеръ, согласится, то они могутъ выкупить это имущество, отработавши ту работу, которую пожe-

лаетъ Фишеръ указать. Затѣмъ въ условіи переписано все имущество крестьянъ. Туда входитъ все движимое и недвижимое имущество всего общества деревни Михайловки. Кромѣ этого условія, я могу указать еще нѣсколько».

Надѣльной земли у крестьянъ, бывшихъ крѣпостными графа Бобринскаго такъ мало, что только два-три имѣнія во всей тульской губерніи могли бы въ этомъ отношеніи сравняться съ ясновельможными. Бѣдственное положеніе крестьянъ ухудшалось еще болѣе тѣмъ, что графу Бобринскому, соотвѣтственно его великимъ заслугамъ передъ отечествомъ, принадлежитъ нѣсколько волостей. «Крестьяне не могутъ нанять у когонибудь другаго землю или отправиться къ сосѣднимъ землевладѣльцамъ, потому что на 20—30 верстъ кругомъ вся земля принадлежитъ Бобринскому».

Крестьяне нашли себѣ умнаго, даровитаго и гуманнаго защитника, Ѳ. И. Плевако; въ блестящей и прочувствованной рѣчи, нарисовалъ онъ картину дѣятельности остзейскаго мажордома Фишера, вступившаго въ противоестественный союзъ съ именитымъ русскимъ бояриномъ, какъ выразился защитникъ. «Конечно, продолжалъ онъ, надѣлы въ имѣніяхъ графа согласны съ буквой закона. Требовать отъ него бо́льшаго во имя писаннаго права—нельзя. Для тѣхъ людей, которые не знаютъ долга выше предписаннаго закономъ, которые не чуютъ, что законъ — это minimum правды, надъ которой высится иной идеалъ, иной долгъ, внятный только нравственному чувству,—для тѣхъ людей фактъ даннаго надѣла—фактъ безупречный, полная мѣра обязанностей графа къ крестьянамъ, чуждая всякаго захвата и вреда».

Но что же вышло изъ этой полуголодной свободы?

«Родилась необходимость вѣчно одолжаться у помѣщика землей для обработки, вѣчно искать у него заработка, ссужаться сѣменами для обсѣмененія полей. Постоянные долги; долги, благодаря пріемамъ управленія, росли и затягивали крестьянъ: кредиторъ властвовалъ надъ должникомъ и закабалялъ его работой на себя, работой на неплатежъ изъ году въ годъ накопившейся неустойки. Въ этомъ положеніи, гдѣ кредиторъ властвовалъ, а должникъ задыхался, уже не было и помину о добровольномъ соглашеніи. Чудовищные контракты и рѣшенія доказываютъ, что управленіе не соглашалось, а предписывало условія, вѣчно-кабальные мужики не соглашались, а молча надѣвали петлю, чѣмъ и завершались и вступали въ силу свободныя гражданскія сдѣлки крестьянъ съ ихъ бывшимъ владѣльцемъ....»

Но, быть можетъ, всему виною «проклятый нѣмецъ, почтенный Фишеръ»? Къ сожалѣнію, такое предположеніе лишено всякаго вѣроятія. Г. Плевако справедливо говоритъ: «нельзя десять лѣтъ не знать, что за малѣйшую неисправность одного подвергаютъ штрафу въ мою пользу цѣлую общину, нельзя не видѣть, что въ книги экономіи ежегодно вносятся

тысячи рублей неустоекъ, собранныя изъ нищенскихъ копѣекъ, взысканныя съ крестьянъ,—нельзя, нельзя!» Защитникъ уличилъ Фишера во лжи, уличилъ его въ томъ, что онъ дважды взыскивалъ однѣ и тѣ же деньги съ раззоренныхъ, обездоленныхъ мужиковъ.... «Вы не вынесете тяжкаго рѣшенія, говорилъ Ѳ. Н. Плевако; вы не увлечетесь мнѣніемъ:

Не бѣда, что потерпитъ мужикъ.
Знать, гнетущее насъ провидѣнье
Такъ указало; да онъ и привыкъ.

Вѣдь сквозь зримый міру смѣхъ незримыя міру слезы водили рукой поэта-сатирика, когда пѣлъ онъ эту скорбную пѣсню.

Нѣтъ, вы не осудите ихъ. Мученики терпѣнія, страстотерпцы труда безпросвѣтнаго найдутъ себѣ защиту подъ сѣнью суда и закона: вы пощадите ихъ.

Но если слово защиты васъ не трогаетъ, если я—сытый, давно сытый человѣкъ—не умѣю понять и выразить муки голоднаго и отчаяннаго безправія, пусть они сами говорятъ за себя и предстательствуютъ передъ вами. О, гг. судьи, ихъ тупые глаза умѣютъ плакать и горько плакать; ихъ загорѣлыя груди вмѣщали въ себѣ страдальческія сердца; ихъ несвязныя рѣчи хотятъ просить, но не умѣютъ ясно выразить своихъ просьбъ о правдѣ, о милости. Люди они, человѣки! Судите же ихъ по-человѣчески!»

Въ залѣ гремѣли рукоплесканія взволнованныхъ, потрясенныхъ слушателей; мужики-подсудимые стали на колѣни.... Совѣсть Фишера проснулась ли въ это мгновеніе?

Судъ оправдалъ 31 человѣка, трое понесутъ сравнительно-легкое наказаніе. Крестьяне бросились благодарить защитника, изъ публики несчастнымъ жертвамъ отвратительной корысти начали сыпаться деньги, а бывшіе подсудимые отказались отъ графской подачки на дорогу.

Само собою разумѣется, что это дѣло возбудило напряженное вниманіе, что дѣйствія гг. Бобринскаго и Фишера вызвали почти всеобщее горячее осужденіе. Только какой-то князь Д. Д. Оболенскій, епифанскій помѣщикъ, вступился, въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ*, за несправедливо обиженнаго графа и его невиннаго управляющаго. «Къ великому удивленію мы прочли не судъ (суда нельзя читать, почтенный князь) надъ крестьянами за ихъ сопротивленіе при исполненіи надъ ними судебнаго рѣшенія, а скорѣе судъ надъ графомъ Бобринскимъ и его управляющимъ, г. Фишеромъ. Я рѣшился написать нѣсколько словъ для возстановленія истины, такъ какъ въ краткихъ газетныхъ отчетахъ факты искажены и переданы неправильно.»

Князь Д. Д. Оболенскій отказывается *допытываться, намѣренно или нѣтъ искажены многіе факты, но, какъ очевидецъ всего дѣла* (?), желаетъ возстановить истину, опровергнуть «ужасы, такъ краснорѣчиво

представленные адвокатомъ Плевако». Почтенный сосѣдъ графа Бобринскаго и бывшій епифанскій предводитель дворянства никогда не слыхалъ ничего дурнаго объ отношеніяхъ между крестьянами, съ одной стороны, и графомъ Бобринскимъ и его управляющимъ, съ другой стороны. Возмутительныя неустойки никогда не взыскивались (это неправда): «онѣ служили лишь понужденіемъ и устрашеніемъ для крестьянъ къ уплатѣ слѣдующихъ за землю конторѣ графа Бобринскаго денегъ.» Неужели князь Д. Д. Оболенскій серьезно предполагаетъ, что его словамъ повѣрятъ больше, чѣмъ даннымъ судебнаго слѣдствія, чѣмъ словамъ Ѳ. Н. Плевако? Странная, по меньшей мѣрѣ, самоувѣренность.... Въ обществѣ до сихъ поръ не прекращаются выраженія сочувствія несчастнымъ раззореннымъ крестьянамъ и искренняго и признательнаго уваженія къ ихъ талантливому защитнику. *Русскій Курьеръ* сообщаетъ, что «дѣло о люторичскихъ крестьянахъ продолжаетъ занимать ремесленные и рабочіе классы Москвы и побуждаетъ ихъ выражать свои симпатіи къ раззореннымъ крестьянамъ въ болѣе осязательной формѣ, чѣмъ однѣ соболѣзнованія о несчастной долѣ потерпѣвшихъ. Такъ, въ трактирѣ купца Князева, у Серпуховскихъ воротъ, 30-го декабря собралась компанія въ девять человѣкъ изъ мѣщанъ и крестьянъ, прочитала рѣчь Ѳ. Н. Плевако*) и до того была тронута, что тутъ же сдѣлала складчину въ пользу люторичскихъ крестьянъ, которую и препроводила затѣмъ къ самому Ѳ. Н. Плевако, причемъ приложила бумагу съ выраженіемъ ему искренней благодарности. Бѣдные люди жертвовали по 2, по 3 рубля.»

Въ одномъ правъ князь Д. Д. Оболенскій: судъ общественнаго мнѣнія дѣйствительно произнесъ строгій приговоръ надъ графомъ Бобринскимъ и его управляющимъ и разошелся въ этомъ отношеніи съ мнѣніемъ большинства дворянъ московской губерніи. Каждому русскому возмутительно стремленіе заводить въ Россіи Ирландію, давить мужика, раззорять и угнетать его всевозможными способами. По этому поводу мы считаемъ своимъ долгомъ сказать нѣсколько словъ газетѣ *Русь*. Въ №9 *Руси* напечатано очень интересное письмо профессора Тарасова изъ юго-западнаго края. Дѣло идетъ о положеніи крестьянства въ этомъ краѣ. Г. Тарасовъ говоритъ прежде всего о помѣстьи, принадлежащемъ «одному изъ знатнѣйшихъ лицъ нашего отечества». Помѣщикъ (великороссъ по происхожденію) мало знакомъ съ юго-западнымъ краемъ и съ Россіей вообще, «а кресть-

*) Мы печатаемъ въ приложеніи эту дѣйствительно образцовую, прекрасно освѣщающую дѣло рѣчь, г. Плевако. Замѣчательно, что московское дворянство доказало свою солидарность съ принципами Фишера, выбравши огромнымъ большинствомъ графа Бобринскаго въ предводители дворянства. Графъ Бобринскій можетъ быть весьма достойнымъ дворяниномъ; но выбирать его въ предводители при данныхъ обстоятельствахъ значило косвенно одобрять его ирландскія наклонности. Наше дворянство, къ сожалѣнію, теряетъ политическій тактъ.

янскій бытъ и земщина доступны для него не болѣе, чѣмъ клинообразныя надписи». Волостнаго старшины онъ не умѣетъ отличить отъ десятскаго. Имѣніями завѣдуетъ управляющій, который «изображаетъ собою полуграмотнаго человѣка, испытаннаго въ способности *давать доходъ*, но не имѣющаго ни малѣйшаго представленія объ агрономіи, о какихъ либо экономическихъ законахъ, о какихъ либо культурныхъ началахъ; а потому все управленіе его сводится къ тому, чтобы, держась тѣхъ же примитивныхъ способовъ обработки земли, которые обычны у крестьянъ, извлечь возможно бо̀льшій доходъ посредствомъ возможно болѣе дешеваго пріобрѣтенія рабочихъ рукъ». Вслѣдствіе отсутствія общественнаго землевладѣнія, на нашемъ Юго-Западѣ образовался многочисленный классъ безземельныхъ крестьянъ, мелкихъ фермеровъ. Естественно, что они находятся въ полной зависимости отъ крупныхъ землевладѣльцевъ и ихъ Фишеровъ, русскаго и иностраннаго происхожденія. «Убійственный и большею частію недобросовѣстный формализмъ мѣстной казенной мировой юстиціи, продолжаетъ г. Тарасовъ, даетъ возможность управляющему налагать на крестьянъ всякаго рода незаконные штрафы, взыскиваемые преимущественно отработкомъ, причемъ оштрафованные предпочитаютъ подчиниться насилію, чѣмъ защищать свое право предъ ненавистнымъ и сфинксообразнымъ служителемъ Ѳемиды». Не трудно предвидѣть послѣдствія такого порядка вещей. «Кругомъ—скрытая злоба, сдержанный вопль, а обруситель-помѣщикъ и его усердный управляющій съ торжествомъ смотрятъ на дисциплинированнаго ими мужика и не вѣдаютъ того, что тотъ же самый мужикъ, помня по преданіямъ гнеть ляховъ и жидовъ и набѣги сосѣднихъ басурманъ и не забывъ еще крѣпостнаго права, не всегда дѣлаетъ сравненіе въ пользу современности... Смотрѣть ли на это равнодушно?!»

Напомнимъ читателю, что профессоръ ярославскаго лицея, г. Тарасовъ,—новый сотрудникъ *Руси*, принадлежитъ къ числу наиболѣе горячихъ и энергичныхъ защитниковъ «теоріи недостаточности крестьянскихъ надѣловъ», что онъ усердно работалъ надъ ярославскимъ проектомъ земскаго банка для пріобрѣтенія земель крестьянами. Спросимъ теперь газету *Русь*: будто ужъ мы, либералы, защищающіе то же, что защищаетъ одинъ изъ сотрудниковъ почтенной газеты, говоримъ только вздоръ, оказываемся невѣждами и недобросовѣстными людьми? Странный пріемъ опроверженія.

Тотъ же г. Тарасовъ напечаталъ въ *Гѣлосѣ* *) опроверженіе статьямъ гг. Самарина и Земледѣльца о вопросѣ, который наши лендъ-лорды, въ насмѣшку, называютъ аграрнымъ. Сочиненіе г. Земледѣльца («Еще нѣсколько словъ объ опытѣ г. Янсона») мы оставимъ въ покоѣ, потому что авторъ обнаруживаетъ хотя и весьма охранительную, но чрезвычайно

*) Голосъ, № 12.

странную развязность, утверждая, напримѣръ, безъ всякихъ, конечно, доказательствъ, что г. Янсонъ, «очень слабый экономистъ». Быть можетъ, г. Земледѣлецъ «очень крѣпкій экономистъ», но намъ, къ сожалѣнію, его ученые труды неизвѣстны. Другое дѣло г. Самаринъ. Мы уже замѣтили, что не вполнѣ одобряемъ нѣкоторые изъ полемическихъ пріемовъ этого извѣстнаго общественнаго дѣятеля, но отдали полную справедливость его знанію дѣла. Не можемъ отказать себѣ въ удовольствіи привести возраженія профессора Тарасова противъ слѣдующаго положенія г. Самарина:

«Для выдачи ссудъ сельскимъ обществамъ, на покупку ими земель въ указанныхъ выше случаяхъ, вполнѣ достаточно губернскимъ земствамъ отчислять на этотъ предметъ часть своего запаснаго капитала. Ссуды должны быть выдаваемы наличными деньгами и на самыхъ льготныхъ условіяхъ; притомъ, чѣмъ общество бѣднѣе и чѣмъ болѣе оно нуждается въ помощи, тѣмъ льготнѣе должны быть и условія».

Г. Тарасовъ говоритъ, что въ этомъ сужденіи четыре крупныя ошибки.

«*Во-первыхъ*, земельный кредитъ для крестьянъ не будетъ обременителенъ не только тогда, когда онъ будетъ стоить $7^1/_2\%$, какъ это разсчитано въ бо́льшей части проектовъ, но даже и тогда, когда онъ будетъ стоить 10%, что̀ возможно при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ. Г. Самаринъ, очевидно, смѣшиваетъ здѣсь кредитъ для землевладѣльцевъ-рантьеровъ, оплачивающихъ этотъ кредитъ рентой, съ кредитомъ для землевладѣльцевъ, получающихъ одновременно ренту, прибыль на капиталъ и заработную плату. Между тѣмъ, этихъ двухъ кредитовъ отнюдь не слѣдуетъ смѣшивать, такъ какъ, если уплата $7^1/_2\%$ вычетомъ изъ ренты можетъ быть обременительна и даже раззорительна, то уплата тѣхъ же $7^1/_2\%$ вычетомъ изъ ренты, прибыли и заработной платы можетъ быть не выгодна только въ совершенно исключительныхъ, анормальныхъ случаяхъ, которыхъ, поэтому, обобщать не слѣдуетъ. Г. Самарину должны быть извѣстны случаи покупки крестьянами земли при посредствѣ кредита, оказаннаго имъ на условіяхъ, гораздо болѣе обременительныхъ какъ по срокамъ уплаты, такъ и по высотѣ процентовъ, тѣмъ не менѣе, и такой кредитъ былъ иногда выгоднымъ для крестьянъ.»

«*Во-вторыхъ*, г. Самаринъ напрасно погрѣшаетъ противъ истины, утверждая, будто бы всѣ эти проекты банковъ исходятъ изъ принципа (?) общаго малоземелія крестьянъ. Не только *не всѣ*, но даже *ни одинъ* проектъ не исходитъ изъ этого предположенія, не говоря уже о томъ, что если-бъ даже сдѣлано было такое предположеніе, то, вѣдь, оно нисколько не обязывало бы *всѣхъ* крестьянъ непремѣнно пользоваться услугами земскаго банка, слѣдовательно, практика не приминула бы доказать ошибочность предположенія, если только оно въ самомъ дѣлѣ ошибочно. Нѣтъ никакого основанія думать, что учрежденіемъ земскихъ банковъ можно во что̀ бы ни стало заставить крестьянъ пользоваться долгосрочнымъ кредитомъ и, притомъ, кредитомъ, по мнѣнію г. Самарина, раззорительнымъ. Сверхъ

того, странно, что г. Самаринъ порицаетъ открытіе земскихъ банковъ для *всѣхъ* крестьянъ, а не для однихъ только бѣдныхъ крестьянскихъ обществъ; неужели же, для совершенія кредитныхъ сдѣлокъ съ крестьянскими обществами, земскіе банки должны требовать отъ крестьянскихъ обществъ удостовѣренія о бѣдности?»

«*Въ-третьихъ*, примѣръ одного тверскаго земства, разумѣется, нельзя обобщать, если относиться серьёзно и объективно къ вопросу. Равно какъ заключеніе, къ которому пришла тверская земская управа о ненужности банковъ, не имѣютъ значенія вердикта для всѣхъ земскихъ банковъ во всей Россіи. Вообще, примѣръ тверской губерніи могъ бы имѣть значеніе, приписываемое ему г. Самаринымъ, только тогда, когда въ этой губерніи, при чрезвычайномъ господствѣ тѣхъ золъ, противъ которыхъ должны бороться земскіе банки, существовалъ бы земскій банкъ и, не смотря на это, операціи этого банка были бы ничтожны. Но г. Самарину, вѣдь извѣстно, что приводимый имъ примѣръ не удовлетворяетъ ни одному изъ указанныхъ условій.»

«Наконецъ, *въ-четвертыхъ*, трудно понять, какимъ образомъ и отчего можетъ быть желательна замѣна гласнаго, публичнаго, спеціальнаго кредитнаго учрежденія произвольною ассигновкой случайныхъ суммъ для производства кредитныхъ операцій, туго поддающихся контролю, а потому допускающихъ лицепріятіе, кумовство и т. п., тѣмъ болѣе, что г. Самаринъ желаетъ, чтобъ эти, какъ бы домашнія, операціи совершались не на одинаковыхъ для всѣхъ условіяхъ. Если-бъ наши земства состояли сплошь изъ однихъ Катоновъ и Аристидовъ, то и тогда такое предпочтеніе лучшаго худшему не можетъ быть рекомендуемо, а г. Самарину, разумѣется, небезъизвѣстно, какіе элементы нерѣдко проникаютъ въ наше земство.»

Самъ г. Янсонъ, въ опроверженіе нападеній г. Самарина, напечаталъ въ *Порядкѣ* двѣ статьи, отличающіяся какъ замѣчательною дѣловитостію, такъ и безукоризненнымъ, спокойнымъ, исполненнымъ достоинства тономъ. Въ виду того, что вопросъ, о которомъ идетъ споръ между *Русью* и всѣми другими органами нашей печати, кромѣ *Московскихъ Вѣдомостей* и ихъ петербургскихъ *Отголосковъ*, принадлежитъ къ самымъ важнымъ вопросамъ русской жизни, мы надѣемся, что читатели не посѣтуютъ за нѣсколько выдержекъ изъ статей почтеннаго профессора.

«Крестьянское хозяйство теперь идетъ вширь, а не въ глубь, почему? потому что оно сразу *относительно-малой* величиной надѣловъ и невозможностію переселеній поставлено въ такое положеніе, что можетъ срывать только такъ сказать верхи, то, что Богъ даетъ. Несомнѣнно, что, если бы были допущены переселенія, то надѣлы сами собою пришли бы въ соотвѣтствіе съ условіями хозяйства». Г. Янсонъ думаетъ (въ январьскомъ обозрѣніи мы высказывали эту же мысль), «что, если бы надѣлы были даже вполнѣ достаточны для обезпеченія быта и повинно-

стей, то и тогда промыслы существовали бы, вслѣдствіе одного стремленія крестьянъ къ увеличенію своихъ средствъ и вслѣдствіе прибыли населенія».

Намъ сообщаютъ, что орловское губернское земское собраніе, согласно ходатайству елецкаго земства, рѣшило поднять вопросъ объ организаціи переселеній. Это предложеніе возбудило страшное негодованіе орловскихъ лендъ-лордовъ, которые желали бы навѣки прикрѣпить мужика къ собственной землѣ путемъ лже-свободнаго договора, вызываемаго горькою нуждою крестьянина. По слухамъ, правительство имѣетъ въ этомъ отношеніи иные взгляды, и ходатайство орловскаго земства легко можетъ осуществиться. Съ другой стороны, и промыслы, въ особенности кустарные, привлекаютъ къ себѣ все бо́льшее и бо́льшее вниманіе земскихъ собраній. Въ концѣ прошлаго года вышелъ въ свѣтъ второй выпускъ VI тома «Сборника статистическихъ свѣдѣній по московской губерніи» (составленъ г. Боголѣповымъ). Въ немъ заключается, по обыкновенію, множество драгоцѣннѣйшихъ свѣдѣній.

Г. Боголѣповъ описываетъ игрушечный, камушный *), позументный, зеркальный, кистовязный, тележный, грохоплетный, сусальный, портняжный и обручный промыслы. Игрушечное производство занимаетъ 1358 человѣкъ (въ 447 мастерскихъ) **); сумма производства превышаетъ 400,000 р. Камушный промыселъ даетъ заработокъ 107 м. и 69 ж.; годовое производство равняется 32,000 р. Позументовъ вырабатывается на сумму по меньшей мѣрѣ въ 963,000 р.; рабочихъ занято болѣе 2750 ч., въ 408 промышленныхъ единицахъ. Зеркальное производство достигаетъ 69,590 р. (рабочихъ—294, заведеній—144). Кистовязъ (15 заведеній 42 человѣка) производитъ товара на 18,800 р. Въ тележномъ промыслѣ участвуютъ 507 рабочихъ (291 заведеніе); цѣнность годоваго производства опредѣляется въ 116,609 р. Грохоплетчиковъ-хозяевъ—10 человѣкъ (рабочихъ 124); сумма производства—69,000 р. Общая цѣнность сусальнаго (годоваго) производства равняется 242,600 р.; промыселъ занимаетъ 231 человѣка, въ 54 мастерскихъ. Портныхъ въ московской губерніи—4,696 ч. (въ томъ числѣ отхожихъ 3,877). Общей суммы заработка опредѣлить оказалось невозможно (портной получаетъ въ годъ отъ 20 до 200 р.) Обручники вырабатываютъ на 56,000 р. (число рабочихъ около 200 ч.).

Изъ приведенныхъ цифръ видно, какое огромное значеніе имѣютъ промыслы въ жизни крестьянскаго населенія московской губерніи. Въ добросовѣстномъ и отчетливомъ трудѣ г. Боголѣпова находится и подробное описаніе техники производства, и указаніе на его вліяніе въ экономическомъ и нравственномъ отношеніяхъ. Портняжій, напримѣръ, промыселъ развращаетъ населеніе, въ нѣкоторыхъ по крайней мѣрѣ мѣстностяхъ.

*) Производство мелкихъ вещей изъ стекла.

**) Не вошли малочисленные игрушечники московскаго и клинскаго уѣздовъ.

Общій же недостатокъ, общее зло заключается прежде всего въ слабомъ развитіи образованія, въ скудости техническихъ свѣдѣній и въ существующихъ условіяхъ кредита. Такъ въ игрушечномъ производствѣ крупные производители имѣютъ кредитъ 8%, а мелкіе изъ 60—120%. Ясно, что правильная постановка этого дѣла, т. е. устройство ссудной кассы для кустарей, было бы одною изъ наиболѣе значительныхъ услугъ земскихъ учрежденій и быстро подняло бы благосостояніе многихъ селеній.

Въ концѣ втораго выпуска VI тома *Сборника* московскаго земства находятся изслѣдованія г-жи Горбуновой о кружевномъ промыслѣ. Встрѣтить добросовѣстный и толковый *женскій* трудъ, посвященный столь важному для народнаго благосостоянія вопросу, особенно пріятно. Работа г-жи Горбуновой смѣло выдержитъ сравненіе съ лучшими статистико-экономическими работами подобнаго рода. Авторъ внимательно и подробно изучилъ кружевное дѣло и основательно познакомился съ западно-европейскою литературою вопроса. Вслѣдствіе этого, монографія г-жи Горбуновой пріобрѣтаетъ большое значеніе. И въ кружевномъ промыслѣ сказываются печальныя послѣдствія невѣжества и безъисходной зависимости отъ капитала. «Вслѣдствіе того, что нѣтъ случая сбывать свой товаръ прямо покупателямъ, изъ среды кружевницъ вырабатывается типъ посредниковъ-коммиссіонеровъ, типъ торговокъ. Нужда заставляетъ крестьянокъ брать у торговки впередъ деньги за товаръ, еще не произведенный». Неграмотныя женщины не могутъ вести строгаго счета полученнымъ деньгамъ и запутываются окончательно. «Является кабала отдѣльныхъ личностей; изъ торговки мало-по-малу вырабатывается типъ женщины-кулака».

Г-жа Горбунова приходитъ къ слѣдующимъ выводамъ. Машина вездѣ, и на Западѣ, и у насъ, захватываетъ все бо́льшую и бо́льшую область производства кружевъ. Не смотря на всѣ мѣры, принятыя въ Европѣ правительствами, различными обществами и частными лицами, число кружевницъ уменьшается. Плохихъ кружевъ не стоитъ плести: онѣ вытѣсняются болѣе дешевыми, машинными. Хорошія же кружева требуютъ и подготовки и капитала. Но за этими кружевами работницы скоро слѣпнутъ.

Статистическія работы нашихъ земствъ все глубже и глубже вскрываютъ экономическое положеніе и бросаютъ свѣтъ на нравственное и умственное состояніе населенія. Уже теперь накопился огромный матеріалъ, часть котораго прекрасно разработана; уже собранныхъ свѣдѣній достаточно для того, чтобъ убѣдиться въ горькой нуждѣ сельскаго населенія и принять цѣлесообразныя мѣры для ея устраненія. Разстройство народнаго и государственнаго хозяйства обезсиливаетъ Россію и давно озабочиваетъ общество и правительство. Скажемъ нѣсколько словъ о новомъ финансовомъ мѣропріятіи послѣдняго.

1-го января въ *Правительственномъ Вѣстникѣ* напечатаны государственная роспись доходовъ и расходовъ на 1881 г. и Высочайшій указъ

о прекращеніи новыхъ выпусковъ кредитныхъ билетовъ и объ установленіи правильныхъ отношеній между государственнымъ казначействомъ и государственнымъ банкомъ. Уже нѣсколько лѣтъ наше правительство печатаетъ для свѣдѣнія общества бюджетъ расходовъ и доходовъ и сообщаетъ о количествѣ выпущенныхъ бумажныхъ денегъ. Это было на первыхъ порахъ важнымъ шагомъ впередъ; но въ настоящее время такихъ полумѣръ недостаточно. Заявленіе власти о прекращеніи выпуска кредитныхъ билетовъ представляетъ собою новое, хотя и незначительное движеніе къ лучшему. Государственное хозяйство должно быть ясно, отчетливо, открыто; оно должно находиться подъ контролемъ организованнаго общественнаго мнѣнія. Мы рѣшительно не понимаемъ, почему разсмотрѣніе нашего бюджета представителями отъ земствъ и городовъ могло бы быть непріятно власти, почему оно послужило бы къ умаленію ея достоинства. Наоборотъ, именно, въ финансовыхъ вопросахъ русское земство высказывало взгляды, наиболѣе согласные съ видами правительства. Высочайшая власть отмѣнила соляной акцизъ, отмѣны котораго горячо желало общество; правительство, въ лицѣ г. министра финансовъ, возвѣщаетъ, что предстоитъ отмѣна подушной подати, о чемъ ходатайствовало земство. Общественное мнѣніе, черезъ посредство журналовъ и газетъ (читатели знаютъ, что въ числѣ этихъ журналовъ была и *Русская Мысль*), высказывалось за прекращеніе выпуска бумажныхъ денегъ и за сокращеніе расходовъ, въ особенности военныхъ. Мы уже упомянули объ исполненіи перваго изъ этихъ желаній, которое правительство признало согласнымъ съ истинными интересами государства. Что касается до втораго, то вотъ что читаемъ мы въ *Всеподданнѣйшемъ докладѣ министра финансовъ о государственной росписи доходовъ и расходовъ на 1881 годъ*:

«Естественный ростъ государственныхъ доходовъ имѣетъ извѣстные предѣлы. Въ теченіе послѣдняго двадцатилѣтія доходы государственнаго казначейства болѣе чѣмъ удвоились, и тѣмъ не менѣе они сполна поглощаются обыкновенными государственными расходами».

«Не смотря на возстановленіе мирнаго направленія въ нашей внѣшней политикѣ, около трети расходной смѣты ассигнуется на потребности военнаго министерства. При такихъ условіяхъ, министръ финансовъ считаетъ своимъ долгомъ выразить убѣжденіе въ неотложной необходимости принятія, по указанію Вашего Императорскаго Величества, такихъ мѣръ, которыя могли бы содѣйствовать сокращенію средствъ, расходуемыхъ нынѣ страною для содержанія ея военныхъ силъ.»

«Достиженіе столь важной цѣли несомнѣнно послужитъ къ развитію народнаго благосостоянія и прочнаго могущества Россіи.»

Такимъ образомъ, и въ данномъ случаѣ убѣжденіе общества и взгляды правительства вполнѣ совпадаютъ. Власти, руководящей мирнымъ развитіемъ Россіи, нечего прятать отъ народа. Трудовыя деньги, сбираемыя съ мужика и съ другихъ членовъ общества, идутъ на народныя нужды. Рас-

предѣленіе податной тягости, съ одной стороны, и установленіе размѣра расходовъ по каждой статьѣ смѣты, съ другой стороны, всего правильнѣе можетъ быть совершено путемъ полюбовнаго соглашенія между представителями власти, министрами, и представителями общества, земскими гласными. Съ нашею мыслью должны согласиться всѣ тѣ, для кого существованіе крѣпкой, исконной связи между верховною властью и народомъ не пустая фраза, всѣ тѣ, кто не боится достойнаго опыта въ этомъ отношеніи. Мы смѣло утверждаемъ, что не боимся такого опыта, что ждемъ отъ него благодатныхъ послѣдствій, и думаемъ, что искренное и честное заявленіе задушевныхъ желаній весьма значительной части русскаго общества не безполезно для русскаго правительства.

Мы позволимъ себѣ обратиться къ правительству съ великою просьбою, которую готовы назвать даже мольбою: неужели нельзя прекратить административной ссылки? Неужли судъ, *созданный Верховною властью*, не оградитъ достаточно достоинства власти и интересовъ государства? Въ печати каждый день появляются все новыя и новыя извѣстія о потрясающемъ душу положеніи людей, которые, какъ дикіе звѣри, произволомъ мѣстной администраціи, загоняются въ поселки среди лѣсовъ и болотъ. У этихъ людей остались отцы, матери, сестры, друзья, знакомые, и до послѣднихъ смутно доходятъ слухи о лишеніяхъ и страданіяхъ административно-сосланныхъ. Ростетъ недовольство, горе и озлобленіе, подымаясь все выше и выше.... Могущественное правительство (а неужели русское правительство недостаточно могуче?) можетъ многое простить, ко многому отнестись снисходительно и великодушно. Мы просимъ у правительства именно послѣдняго. Посмотримъ, что дѣлается въ провинціи, какое множество злоупотребленій раскрываютъ ревизующіе сенаторы. Разверните любой выпускъ бо́льшей части нашихъ газетъ и вы непремѣнно встрѣтите корреспонденцію, гдѣ описывается тяжелое житье поднадзорнаго въ губернскихъ городахъ, еще болѣе печальное житье его въ уѣздныхъ городахъ, и наконецъ невыносимая жизнь въ поселкахъ и починкахъ.

Вотъ что пишетъ нашъ вятскій корреспондентъ:

«До сихъ поръ о положеніи политическихъ ссыльныхъ въ г. Вяткѣ почти не появлялось корреспонденцій. Объясняется это очень просто: Вятская губернія вообще, а самый городъ Вятка въ особенности, обращены мѣстнымъ начальникомъ края г. Тройницкимъ.... въ сатрапію! Еще не такъ давно за безобидныя сравнительно корреспонденціи изъ Вятки можно было угодить въ Восточную Сибирь (какъ это случилось съ однимъ изъ поднадзорныхъ г. Бородинымъ); газета помѣстившая корреспонденцію, какимъ-то чудомъ проваливалась потомъ на почтѣ, если-же получалась въ здѣшней публичной библіотекѣ, то ее, безъ всякихъ объясненій, не

выдавали читателямъ (такъ было въ декабрѣ, истекшаго года, съ «Недѣлей»). Вотъ факты, съ которыхъ приходится намъ начать нашу грустную повѣсть о Вяткѣ, этой древней республикѣ Великаго Новгорода.

Г. Тройницкій, начальникъ губерніи, усвоилъ себѣ мудрое правило, по которому онъ можетъ дѣлать что угодно и не только съ политическими ссыльными, спеціально отданными во власть ему, но и съ остальными обывателями города.

Начнемъ съ первыхъ.

Немногимъ счастливцамъ изъ высланныхъ въ Вятскую губернію удается остаться въ губернскомъ городѣ. Но и это ничтожное счастье обыкновенно не продолжительно. Стоитъ вамъ, напр., получить письмо съ воли, не разборчиво подписанное или вовсе безъ подписи, и вотъ васъ немедленно заподозрѣваютъ въ государственной измѣнѣ, хотя бы самое письмо было вполнѣ безобидно. Васъ начинаютъ, что называется, тягать, вызываютъ въ канцелярію губернатора, дѣлаютъ цѣлый допросъ; злополучное письмо подшиваютъ къ дѣлу *), а васъ самихъ въ тотъ-же день высылаютъ въ инородческое село или какой-нибудь починокъ въ районѣ одного изъ отдаленныхъ уѣздныхъ городовъ. Или еще проще: вы имѣли дерзость гулять въ одномъ саду съ губернаторомъ, — громко, по человѣчески, разговаривать и—о, ужасъ!—небрежно размахивать палкой въ то время, какъ проходилъ мимо губернаторъ, котораго вы къ тому-же совершенно не замѣтили. На другой день, о васъ дѣлается запросъ къ правителю канцеляріи, къ вашему поведенію присовокупляется отягчающее вину обстоятельство гулянья по саду, причемъ вы *выдаетесь*: послѣдняго обстоятельства совершенно достаточно, чтобы административная кара воспослѣдовала немедленно.... Такъ были высланы изъ Вятки въ 1880 году двое молодыхъ людей, изъ которыхъ одинъ г. Г—овъ освобожденъ въ настоящее время по распоряженію высшей администраціи. Въ случаѣ-же жалобы на дѣйствія губернатора г. министру, ваша жалоба немедленно будетъ разорвана на клочки, у васъ же подъ носомъ г. Тройницкимъ.

Если бы вы пожелали имѣть въ Вяткѣ какой-нибудь заработокъ, то этого вамъ здѣсь, при всемъ вашемъ стараніи, не удастся. Для занятія какого-нибудь мѣста, напр., въ земской управѣ или еще гдѣ **), необходимо пройти опошляющій человѣческую личность искусъ низкопоклонничества, холопства, поздравленій съ праздникомъ губернатора, и только тогда, и то еще не навѣрное, результатъ будетъ достигнутъ. Нужно имѣть въ виду, что мѣстный обыватель безъ разрѣшенія губернатора никакого за-

*) О каждомъ изъ ссыльныхъ ведется особое дѣло, куда подшиваются различныя бумаги, прошенія, письма и т. п. Все это вмѣстѣ составляетъ иногда очень интересный матеріалъ.

**) Даваніе уроковъ, какъ извѣстно, воспрещено оффиціально министерствомъ.

нятія дать вамъ не рѣшится; не если-бы деревенный и нашелся, то и самъ онъ легко можетъ угодить подъ надзоръ полиціи или даже — ужъ не знаемъ на какомъ основаніи, ибо губернаторамъ такого права не дано — быть высланнымъ въ уѣздъ! Таковы были условія существованія здѣшнихъ ссыльныхъ недавно, таковыми же остаются они и теперь, вслѣдствіе чего многимъ изъ нихъ въ матеріальномъ отношеніи приходилось и приходится довольствоваться скуднымъ казеннымъ пособіемъ, еще болѣе ничтожнымъ, чѣмъ, напримѣръ, въ Архангельской губ., такъ какъ здѣсь привилегированные получаютъ не по 8 руб., а только по 6, не привилегированные же по 1 р. 50 коп. въ мѣсяцъ. Да и этого пособія ссыльный легко можетъ лишиться опять въ видѣ одной изъ мѣръ административнаго взысканія.

Съ лѣтнихъ мѣсяцевъ прошедшаго года начались освобожденія. Вятскіе ссыльные, число которыхъ простиралось до 20, пріободрились, повеселѣли и смѣлѣй начали смотрѣть въ глаза административному произволу. Разочарованіе, однако, не заставило долго себя ждать. Во-первыхъ, освобожденія шли очень туго: до сего времени освобождено только 5; во-вторыхъ, никакихъ новыхъ вѣяній, какъ оказалось въ послѣдствіи, мѣстная администрація и знать не хотѣла. Начать съ того, что на лицъ освобожденныхъ мѣстная администрація продолжала смотрѣть по прежнему, какъ на поднадзорныхъ и старалась дѣлать имъ всевозможныя придирки. Такъ, одному изъ такихъ освобожденныхъ разрѣшено было возвратиться въ столичный городъ для окончанія университетскаго образованія подъ поручительствомъ ректора. Мѣстная администрація слово *поруки* поняла довольно своеобразно. По ея мнѣнію, освобожденнаго слѣдовало препроводить *подъ стражей* къ ректору университета и тамъ отдать подъ полицейскій надзоръ университетскаго начальства.

Если такимъ образомъ Вятская администрація смотрѣла на освобождаемыхъ; то тѣмъ менѣе могли измѣниться ея взгляды на тѣхъ, кому суждено было остаться. Положеніе послѣднихъ, напротивъ, еще болѣе ухудшилось. Уже самый фактъ освобожденія товарищей, какъ бы передаетъ ихъ на горшій произволъ администраціи; ибо послѣдняя дѣлала о нихъ зазорные отзывы, а тутъ эти отзывы получаютъ санкцію.... Къ этому присоединилось еще новое обстоятельство, которымъ губернаторъ не замедлилъ воспользоваться по своему. Какъ извѣстно, въ настоящее время молодые люди, находящіеся подъ надзоромъ полиціи, отбываютъ воинскую повинность на общемъ основаніи. Изъ числа подлежащихъ отбыванію воинской повинности, былъ призванъ здѣсь нѣкто г. Игнатовъ, бывшій студентъ медицинской хирургической академіи. Судьба этого человѣка въ особенности печальна. Около двухъ лѣтъ провелъ онъ въ тюрьмѣ, почти столько-же въ ссылкѣ, и вотъ теперь ему предстоятъ полтора года солдатства, но какого солдатства? Въ началѣ, здѣшніе доктора дали единодушный

отзывъ, что у него страданіе сердца *) и на испытаніе положили въ больницу. Тогда г. Тройницкій лично является въ больницу и съ увѣренностію знатока заявляетъ, что это маленькое нервное разстройство, которое скоро пройдетъ. Нужно-ли прибавлять, что *послѣ губернаторскаго визита отзывъ мѣстныхъ эскулаповъ внезапно измѣняется и разбитый болѣзнію человѣкъ съ той минуты считается годнымъ на службу*. Но на этомъ не оканчиваются испытанія Игнатова. На службѣ его третируютъ, какъ *государственнаго преступника*(?!); по настоянію губернатора отдаютъ въ особую роту подъ начальство офицера изъ, такъ называемыхъ, бурбоновъ, съ которымъ отказываются имѣть дѣло даже его сотоварищи. Этотъ бурбонъ, на первыхъ же порахъ, огорошиваетъ новобранца откровеннымъ заявленіемъ, что вы ученый, а я военный и вамъ меня не передѣлать!» Затѣмъ Игнатова буквально заключаютъ въ казарму; ему не дозволяется никуда выходить иначе, какъ подъ присмотромъ унтеръ-офицера и т. п. Не трудно понять, что подобное положеніе не хуже, но и не лучше каторги и что тутъ вопросъ идетъ о такомъ существованіи, которое неизбѣжнымъ, роковымъ образомъ должно повести интеллигентнаго, чувствующаго человѣка или къ преступленію или къ самоубійству!

Думаемъ, что одного краснорѣчія подобныхъ фактовъ вполнѣ достаточно, чтобы прійти въ уныніе и ужасъ. Но наша картина оставалась бы неполной, если бы мы не добавили, что вятскій губернаторъ въ одинаковомъ плѣненіи держитъ и мѣстныхъ обывателей.

О томъ, какъ г. Тройницкій истреблялъ мировыхъ судей по губерніи уже извѣстно изъ газетъ; не знаемъ, извѣстенъ ли тотъ фактъ, что таковому же истребленію нѣсколько ранѣе подверглись женщины-врачи. Въ настоящее время г. Тройницкій занятъ истребленіемъ учительницъ на томъ основаніи, что не дѣло и не призваніе женщины учить ребятъ! О томъ, какъ г. Тройницкій подвергалъ обыскамъ лицъ, пользующихся положеніемъ и извѣстностью въ городѣ, мы уже умолчимъ. Г. Тройницкій продѣлывалъ совершенно безнаказанно гораздо худшія вещи; такъ, въ прошломъ году по губернаторскому доносу, уволенъ со службы одинъ изъ бѣдныхъ чиновниковъ государственнаго банка Селинкинъ. Дѣло въ томъ, что когда-то жена этого чиновника, пользовавшагося прекрасной репутаціей, имѣла неосторожность вести дневникъ, попавшійся въ послѣдствіи въ руки предусмотрительнаго начальства. Дневникъ не понравился, а когда въ прошломъ году начальникамъ губерній было предоставлено право аттестовать или даже увольнять лицъ, находящихся на государственной или земской службѣ, г. Тройницкій не замедлилъ воспользоваться своимъ правомъ. Раскассировавъ нѣсколькихъ лицъ въ уѣздахъ, онъ не забылъ

*) Такъ называемая angina pectoris, очень серьезная и мучительная болѣзнь. Даже просто ходьба увеличиваетъ страданія и опасность (Жакку: Руководство къ внутр. цаталогіи, 237).

и самого губернскаго города, гдѣ, за неимѣніемъ жертвъ, обрушился на несчастнаго Селинкина. И вотъ человѣкъ, ни въ чемъ не повинный, чахоточный, почти ослѣпшій отъ работы, буквально выбрасывается на улицу съ четырьмя маленькими дѣтьми и съ больною то же чахоткой женой! Какъ не деревяненъ, вобще, здѣшній обыватель; но эта исторія съ Селинкинымъ рѣшительно возмутила всѣхъ, до непосредственнаго начальства злополучнаго чиновника включительно. Въ Селинкинѣ приняли участіе и на первый разъ предложили ему частное мѣсто. Но, увы! г. Тройницкій нисколько не тронулся участью семейства, для котораго онъ послужилъ главной причиной несчастья. По его настоянію, Селинкину очень скоро отказали и отъ частнаго мѣста! Теперь, это семейство, доведенное до полной нищеты и раззоренія нуждается уже прямо въ общественной благотворительности. Но, и несмотря на это, рука губернаторскихъ усмотрѣній и до сего времени надъ нимъ не оскудѣваетъ: такъ, на дняхъ, г. Тройницкій запретилъ близкой родственницѣ Селинкина держать на хлѣбахъ гимназистокъ.

Заканчивая нашу корреспонденцію, мы должны прибавить, что въ виду общаго произвола мѣстной администраціи, не знающей границъ, остающіеся ссыльные теряютъ всякую надежду на освобожденіе. А между тѣмъ, въ числѣ ихъ есть двѣ женщины, изъ которыхъ одна нѣсколько мѣсяцевъ лежитъ въ постели, не будучи въ состояніи ходить; другая же, мать двоихъ дѣтей, наканунѣ чахотки. Послѣдняя, страдая отъ постояннаго плеврита, вотъ уже сколько времени тщетно просится на югъ;—г. Тройницкій и это считаетъ за небольшое разстройство, которое скоро пройдетъ!»

Въ другомъ письмѣ, изъ вятской же губерніи, намъ сообщаютъ, что административно-ссыльные должны посылать свои письма на цензуру уже не исправниковъ, а начальнича губерніи. Можно себѣ представить, съ какою быстротою удается больному или измученному человѣку увѣдомить о себѣ мать, отца или дѣтей. Одному ссыльному, получившему ушибъ конечности, при которомъ гангрена является обыкновеннымъ слѣдствіемъ, а оперативное лѣченіе неизбѣжнымъ, пришлось подавать особое прошеніе губернатору о дозволеніи ѣхать для этой цѣли въ городъ.

Довольно этихъ мрачныхъ картинъ. Высшее правительство уже обнаружило великодушныя намѣренія по отношенію къ административно-ссыльнымъ,—необходимо принять мѣры, чтобы эти намѣренія не парализировались произволомъ, недобросовѣстностію и безтолковостію мѣстной администраціи. Довольно широкій просторъ, фактически предоставленный въ послѣднее время печати *), уже повелъ къ раскрытію множества темныхъ дѣлъ, уже принесъ значительную долю пользы правительству по обще-

*) Къ сожалѣнію, только столичной, провинціальная же до сихъ поръ находится въ очень тяжеломъ положеніи.

ству. Представители послѣдняго, земскіе гласные начинаютъ торжественно признавать великую важность независимаго печатнаго слова. *Голосъ* сообщаетъ, что нѣкоторые изъ гласныхъ петербургскаго губернскаго земскаго собранія внесли предложеніе о поднесеніи всеподданнѣйшаго благодарственнаго адреса Государю Императору за нѣкоторую свободу, дарованную въ послѣднее время печати. Гласные предлагаютъ вмѣстѣ съ тѣмъ выразить надежду на то, что свобода эта будетъ обезпечена закономъ *).

Читатели знаютъ, что истекшій мѣсяцъ ознаменовался взятіемъ Геокъ-Тепе и отставкою кіевскаго генералъ-губернатора, г. Черткова. Передъ наступленіемъ великаго дня 19 февраля русскому человѣку естественно испытывать самыя радужныя ожиданія, хотя эти ожиданія приходится, вотъ уже не мало лѣтъ, возобновлять ежегодно. Пожелаемъ, чтобы на нынѣшній разъ нѣкоторая, по крайней мѣрѣ, доля ихъ получила осуществленіе.

Мы кончили обозрѣніе, когда полученъ былъ № *Страны* съ прекрасною статьею объ умиротвореніи и необходимомъ для этого милосердіи. Петербургская газета, честности и гражданскому мужеству которой мы всегда отдавали полную справедливость, выступила съ напоминаніемъ о судьбѣ Н. Г. Чернышевскаго, который *семнадцать лѣтъ* томится на безжалостно-холодномъ сѣверѣ Сибири, безъ семьи, безъ общества, заживо-погребенный.... Къ царскому милосердію обращается *Страна*, къ нему обращаемся и мы. Совершено-ли государственное преступленіе Н. Г. Чернышевскимъ или нѣтъ, правъ или неправъ судъ, постановившій суровый приговоръ,—во всякомъ случаѣ семнадцать лѣтъ каторги и тяжелой ссылки могутъ искупить и не такое преступленіе. Н. Г. Чернышевскій принадлежитъ къ числу рѣдкихъ по уму русскихъ людей. Онъ, безспорно, одинъ изъ лучшихъ и наиболѣе даровитыхъ русскихъ экономистовъ. Соціалистическая окраска нѣкоторыхъ изъ его сочиненій не есть такое зло, за которое общество и государство никогда не прощаютъ.

В. Г.

*) До настоящей минуты, когда мы оканчиваемъ это обозрѣніе, нѣтъ еще свѣдѣній о судьбѣ вышеупомянутаго предложенія.

РѢЧЬ

ЗАЩИТНИКА КРЕСТЬЯНЪ СЕЛА ЛЮТОРИЧЪ

Ѳ. Н. Плевако

произнесенная 17 декабря 1880 г. въ засѣданіи Московской Судебной Палаты.

«Гг. судьи и сословные представители. Документы прочитаны, свидѣтели выслушаны, обвинитель сказалъ свое слово—мягкое, гуманное, а потому и болѣе опасное для дѣла; но жгучій и рѣшающій задачу вопросъ не затронутъ, не поставленъ смѣло и отчетливо. А между тѣмъ онъ просится, онъ рвется наружу: заткните уши, зажмурьте глаза, зажмите мои уста,—все равно, онъ пробьется насквозь, онъ въ фактахъ нами изученнаго дѣла, его вѣщаютъ тѣ, вчера и по завтра заведенные порядки въ управленіи владѣльца д. Люторичъ, тѣ порядки, которые я назову «картиной послѣ реформеннаго хозяйства въ одной изъ барскихъ усадьбъ», гдѣ противоестественный союзъ имепитаго русскаго боярина съ остзейскимъ мажордомомъ изъ году въ годъ, капля по каплѣ, обезсиливалъ младенческую свободу русскаго мужика, и обезсиливъ, овладѣлъ ею въ свою пользу.

«Всякая чуткая душа, всякая не предубѣжденная совѣсть его слышитъ, его требуетъ отъ меня, устыдитъ меня, если я обойду его. И я призываю васъ благосклонно выслушать мое слово въ этомъ направленіи. Не думайте, что я уклонюсь въ сторону отъ цѣлей правильно понятой защиты; не бойтесь, что я увлекусь публицистическимъ интересомъ предложеннаго вашему суду дѣла, перейду предѣлы судебнаго диспута. Чувство мѣры удержитъ меня. Оно внушаетъ мнѣ, что 34 подсудимыхъ, да и не 34, а одинъ человѣкъ, могутъ требовать, чтобы я не дѣлалъ изъ ихъ спины той tabula rasa, на которой просторно разгуливать и декламировать темы изъ области общественныхъ вопросовъ, оставивъ на произволъ судьбы то, что должно всецѣло овладѣть моими силами—заботу о будущности подсудимыхъ, заботу о томъ, чтобы отклонить или умалить удары, направленные на голову этихъ несчастныхъ грозой карающаго

закона. И я глубоко убѣжденъ, и вы мое убѣжденіе раздѣлите, что въ настоящемъ дѣлѣ исторія возникновенія событій 3-го и 5-го мая имѣетъ глубокіе корни въ прошломъ; что бытовой очеркъ дѣла освѣтитъ его въ настоящемъ свѣтѣ, выведетъ наружу дѣйствительныя, но въ глубинѣ скрывшіяся причины, мощныя, неотвратимыя, наличность которыхъ мѣняетъ точку зрѣнія и на событіе, и на доказательства, и на объясненія его. Вѣдь можно счесть за твердо установленное положеніе, что крестьяне, заявившіе 22 апрѣля, 3-го и 5-го мая, что они къ описи не допустятъ, постоянно говорили, что они ничего не должны и никакого судебнаго рѣшенія о взысканіи не знаютъ. Разъ у нихъ было такое убѣжденіе, разъ, по ихъ словамъ, къ нимъ, какъ снѣгъ на голову—свалился исполнительный листъ, вручаемый имъ приставомъ, то для доказательства этого положенія мы должны изучить отношенія крестьянъ къ взыскателямъ, къ нѣмцу—управляющему и къ графу Бобринскому. Только тамъ вскроются намъ факты, которые убѣдятъ насъ, что крестьяне могли себя считать не въ долгу; тамъ увидимъ данныя, убѣждающія насъ, что крестьяне не могли знать ни договоровъ, ни рѣшеній, противъ нихъ поставляемыхъ, что они могли не вѣрить сообщенному имъ приставомъ свѣдѣнію о взысканіи и думать что ихъ протестъ есть протестъ правды противъ вопіющаго неправосудія.

«Изучимъ бытовые факты дѣла. Въ Епифани почти $^1/_3$ земель—вотчина гр. Бобринскаго. Особенность этого имѣнія, не встрѣчающая себѣ соперничества въ губерніи,—это ничтожный надѣлъ, нищенскій, какъ его обзываютъ въ литературѣ, кошачій, по мѣткому выраженію голодающаго остроумія. Крестьяне не могутъ жить надѣломъ: работа на сторонѣ и на поляхъ бывшаго помѣщика для нихъ неизбѣжна, къ ней они тяготѣютъ, не какъ вольно договаривающіеся, а какъ невольно принуждаемые—а въ этомъ идея и смыслъ системы, практикуемой управляющимъ графскихъ имѣній. Конечно надѣлы въ имѣніяхъ графа согласны съ буквой закона. Требовать отъ него бо́льшаго во имя идеальнаго права нельзя. Для тѣхъ людей, которые не знаютъ долга, выше приписаннаго закономъ, которые не чуютъ, что законъ—это minimum правды, надъ которой высится иной идеалъ, иной долгъ, внятный только нравственному чувству, для тѣхъ людей фактъ даннаго надѣла—фактъ безупречный, полная мѣра обязанностей графа къ крестьянамъ, чуждая всякаго захвата и вреда.

«И мы не станемъ осуждать de jure графа Бобринскаго. Мы уяснимъ, пока, что же вышло изъ этой полугодовой свободы? Родилась необходимость вѣчно одолжаться у помѣщика землей для обработки, вѣчно искать у него заработка, ссужаться сѣменами для обсѣмененія полей. Постоянные долги, долги, благодаря пріемамъ управленія, росли и затягивали крестьянъ: кредиторъ властвовалъ надъ должникомъ и закабаливалъ его работой на себя, работой за неплатежъ изъ году въ годъ накоплявшейся неустойки.

«Въ этомъ положеніи, гдѣ кредиторъ властвовалъ, а должникъ задыхался, уже не было и помину о добровольномъ соглашеніи. Чудовищные контракты и рѣшенія доказываютъ, что управленіе не соглашалось, а предписывало условія; вѣчные кабальные мужики тоже не соглашались, а молча надѣвали петлю—чѣмъ и завершались и вступали въ силу свободныя гражданскія сдѣлки крестьянъ съ ихъ бывшимъ владѣльцемъ!

«Не хочется думать, чтобы типъ договоровъ, нами оглашенныхъ на слѣдствіи, измышлялся въ кабинетѣ графа, а не въ конторѣ нѣмца—Фишера. Зная графа Бобринскаго, какъ москвича, предводителя здѣшняго дворянства, тщетно защищалъ я мысль, что эти неустойки отъ 50 до 100% на сумму долга, просроченнаго 7 дней, эти условія на землю, отбирающія ее назадъ съ сѣменами, урожаемъ и работой, если среди обыденнаго за это время безденежья не уплатитъ долга крестьянинъ-арендаторъ и пр. пр.—невѣдомы ему, чужды ему и безъ согласія его придуманы безсердечнымъ управляющимъ. Десять лѣтъ, изъ году въ годъ идутъ они—одинаковыя, раззорительныя, безчеловѣчныя условія и графъ не знаетъ ихъ! Нѣтъ, защитить эту мысль—задача выше моихъ силъ. Нельзя десять лѣтъ не знать, что за малѣйшую неисправность одного, подвергаютъ шрафу въ мою пользу цѣлую общину, нельзя не видѣть, что въ книги экономіи ежегодно вносятся тысячи рублей неустоекъ, собранныя изъ нищенскихъ копѣекъ, взысканныя съ крестьянства... нельзя... нельзя!.. .

«Тутъ вина не кончается человѣкомъ, пишущимъ договоры, склоняющимъ на нихъ и требующимъ по нимъ, какимъ являлся всегда Фишеръ. Нѣтъ, чувство, различающее добро и зло, ясно и вразумительно судитъ о тѣхъ, кто могъ, но не хотѣлъ положить конецъ подобному злу.

«Я не фразы говорю. Каждое слово мое документально основано. Рѣдкая готовность епифанскаго съѣзда мировыхъ судей, выдавшаго мнѣ свѣдѣнія о дѣятельности мироваго судьи Голикова, присуждавшаго съ 1866 по 1877 г. Фишеру и экономіи графа Бобринскаго долги и неустойки—дала мнѣ возможность представить вамъ опись дѣлъ свыше 350-ти; изъ нихъ вы видите, что количество дѣлъ въ годъ достигало до 54. По годно и по суммамъ мы получаемъ такіе итоги: Въ 1866 г. Фишеръ предъявляетъ всего два дѣла на 150 р.; на слѣдующій годъ уже 7 дѣлъ и взыскано долгу и неустойки 1,542 р.; въ 1869 г. — 5 дѣлъ и 1,013 р.; въ 1870 г. разъигрывается аппетитъ Фишера и онъ вчинаетъ 51 дѣло и получаетъ 9,937 р., въ 1871—54 дѣла и 13,032 р., въ 1872—28 дѣлъ и 7,858 р. взысканія. Въ 1873 г. настало затишье—рука бьющаго устала и вчинила только 5 дѣлъ и только 1,309 р. взысканѣ. Но миръ былъ не дологъ. Съ слѣдующимъ годомъ вспыхнуло новое гоненіе: 20 дѣлъ и 6,588 р.; въ 1874 г., 12,090 р. и 56 дѣлъ; въ 1875—1876 гг.—50 дѣлъ и 14,942 р., 1877 г.—38 дѣлъ и 11.026 р.

«Я прошу васъ перелистовать предъявленный документъ. Иски неустоекъ по 30%, по 50%, по 100% за долгъ мелькаютъ передъ глазами. Неустойки въ 300 и 500 р. — цѣлыми десятками. А прочтите договоръ: полная неустойка за неуплату малой доли долга. Прочтите № 148 за 1870 г.—ищутъ долгъ и неустойку; крестьяне несутъ деньги судьѣ. Деньги приняты, получены, а на неустойку въ 50% все-таки взятъ исполнительный листъ. Прочтите № 185,—ужасный, отвратительный договоръ: въ случаѣ просрочки—изба, корова, лошадь и все, что сыщется въ избѣ, поступаетъ въ неустойку. Присуждаются иски по удостовѣреніямъ волостнаго правленія. Присуждено по удостовѣренію, данному волостнымъ правленіемъ по аналогіи (?).

«Довольно! Надо много терпѣнія, чтобы читать эти ростовщическія фантазіи, которымъ давалъ значеніе и силу судья, живущій въ наше время и творящій судъ по уставамъ 20-го ноября. Стыдно за время, въ которое живутъ и дѣйствуютъ подобные люди!!

«Пересмотрите, судьи, сами этотъ документъ. Дайте значеніе этимъ прогрессивно увеличивающимся неустойкамъ отъ 100 до 500 р. Примите во вниманіе краснорѣчивый фактъ, что неустойки взыскиваются, а новые долги все образуются. Значитъ тяжело житье крестьянамъ въ имѣніяхъ, ввѣренныхъ графомъ Бобринскимъ нѣмцу Фишеру! Значитъ захлеснула ихъ мертвая петля, если они видятъ, какъ съ нихъ тянутъ чудовищный ростъ, неустойку, которой позавидуетъ любой закладчикъ, а они платятъ, должаютъ и все-таки опять берутъ! Представьте же себѣ эту печальную экономическую исторію! Не трудно увидѣть, что постоянное наростаніе неустоекъ сбило съ толку крестьянъ. Не трудно понять до чего они дошли, когда по свидѣтельству Писарева, совершали условія на обработку полей цѣлой деревней за присужденную неустойку! Не трудно понять, какъ росли эти неустойки невѣдомо для деревни, какъ въ волостномъ правленіи въ 1877 году подъ № 17 занесенъ приговоръ, уполномочивающій двухъ мужиковъ и впредь подписывать всякія условія о неустойкахъ. Думаю я, что въ Литоричахъ жизнь послѣ реформы была во сто кратъ тяжелѣе до реформеннаго рабства. До 19 февраля управляющій берегъ мужика, какъ берегъ всякую хозяйскую вещь, внесенную въ инвентарь. Эгоистическій разсчетъ имѣлъ личиною человѣколюбіе. Но насталъ день воли, подорвались эгоистическія основанія беречь своего раба и личина сброшена. Изъ мужика выбиралось все, что можно выбрать. А не вынесетъ—умретъ, что за дѣло? На пустое мѣсто найдется новый полуголодный—лишь-бы десница Фишера не уставала жать, гдѣ не сѣяла.

«Сбился съ толку литоричскій мужикъ въ этомъ омутѣ счетовъ и сборовъ, и не мудрено, что заспорилъ. Впрочемъ спору его противъ исполнительнаго листа, подкрѣпленнаго заемными письмами, судебное слѣдствіе дало такіе вѣскіе аргументы, что всякому сомнѣнію въ добросовѣстномъ убѣжденіи, что долгъ уплаченъ—нѣтъ мѣста. Между заемными письмами

есть одно въ 1,000 р., сроком по 1-е октября 1877 г. Въ исполнительный листъ письмо это вошло всецѣло съ процентами. Искали всю сумму. А вотъ на слѣдствіи мы предъявили двѣ росписки: изъ нихъ видно, что признаваемый Фишеромъ за его кассира Карнѣевъ принялъ въ уплату по этому заемному письму, до подачи еще иска, свыше 500 р. Фишеръ искалъ вновь полную 1,000 р. Взысканіе во второй разъ именуется тяжкимъ и гнуснымъ поступкомъ въ нашемъ Уложеніи. Съ беззастѣнчивостью, достойной удивленія, нѣмецъ-управляющій объяснилъ здѣсь, что эти росписки ошибочны, а поэтому онъ записалъ уплату, полученную Карнѣевымъ въ 1876 году. Мало-ли какіе комментаріи въ русской запискѣ приплететъ его нѣмецкое остроуміе! Кто далъ ему право своевольно игнорировать распиской, данной въ уплату долга 1877 г. Я отрицаю этотъ комментарій, лишенный смысла — и смѣло, чтобъ онъ слышалъ, говорю здѣсь: Фишеръ искалъ вторыя деньги; онъ совершилъ противозаконное дѣяніе противъ люторичскихъ крестьянъ.

«Разъ есть эти росписки, случайно уцѣлѣвшія—у насъ, разъ Фишеръ, имѣя ихъ, искалъ долгъ вполнѣ, т. е. скрылъ уплату, публично искалъ не должнаго—получаетъ весь хотя частью доказанное показаніе обвиняемыхъ, что они долгъ весь уплатили, и лишаются вѣры слова Фишера, что ему были должны все искомое. Онъ обличенъ въ неправдѣ, — ему вѣрить нельзя. Ложность долга доказывается и таинственностью иска. Рѣшеніе заочное. Крестьянъ на судѣ не было. Отзыва не подано. Старшина не могъ объяснить: оповѣщались ли крестьяне о поданномъ искѣ, оповѣщалась ли копія рѣшенія. Между тѣмъ, если крестьяне рѣшились сопротивляться описи, убѣжденные въ правотѣ, то не естественнымъ ли предположеніемъ было бы то, что они боролись бы съ искомъ, и въ формѣ болѣе законной, на судѣ, предъявили бы тамъ платежныя росписки, пожаловались бы на судъ. Но этого не было, ибо о дѣлѣ отъ нихъ таили, а судъ ввели въ заблужденіе распиской одного изъ крестьянъ, кажется, старшины.

«Но не только мужикъ-простакъ, но и юристъ найдетъ основанія доказать, что долгъ въ 5,200 руб. по тремъ заемнымъ письмамъ былъ погашенъ. Вы знаете, что Фишеръ здѣсь сознался, что многіе договоры, а въ томъ числѣ и долгъ по заемнымъ письмамъ, хотя были написаны на его имя, но были долгами самому владѣльцу. Онъ сознался, что его заемныя письма на 5,200 р. и долгъ гр. Бобринскаго въ 5,600 руб., о заработкѣ котораго натурой составленъ договоръ въ 1878 г.,—одно и тоже.

«Въ 1878 г. составленъ договоръ. Долгъ въ 5,200 р. уже фигурируетъ въ цифрѣ 6,600 р. и раскладывается на 6 лѣтъ работъ. Значитъ, въ это время крестьяне, подписавшіеся здѣсь въ полученіи денегъ, а въ самомъ дѣлѣ ихъ не получившіе, вступили въ новый договоръ, взамѣнъ прежняго долга. Это сдѣлалъ и Фишеръ. Значитъ, заемныя письма были уплачены путемъ novatio obligationis, замѣной одного долга другимъ.

Вдругъ вздумалось Фишеру,— и онъ оплаченныя заемныя письма предъявилъ ко взысканію. По нимъ ѣдутъ взыскивать. Не мужикъ, а всякій юристъ завопилъ бы, что его грабятъ, совершаютъ преступленіе. А если его къ тому же и на судъ не вызвали, онъ подумаетъ, что здѣсь мистификація, повтореніе Рогожской исторіи съ старовѣрческой кассой.

«Фишеръ ссылается, что послѣдующій договоръ уничтоженъ. Но благоволите прочесть—когда онъ уничтоженъ. Сомнительно, чтобы съ уничтоженіемъ безъ оговорки возстановлялась сила имъ погашенныхъ обязательствъ, а еще менѣе доказано, чтобы крестьяне знали объ уничтоженіи этого условія, а потому понятно, что они роптали и волновались, видя, что съ нихъ берутъ не должное.

«Сомнительность долга и его болѣе чѣмъ сомнительная нравственная подкладка—ясны.

«Посмотрите теперь, что же дѣйствительно сдѣлали крестьяне деревни Люторичъ въ борьбѣ съ неправдой.

«Первый день преступленія—22 апрѣля.

«Сходу объявлено о взысканіи. Сходъ говоритъ, что долгу нѣтъ и потому къ описи допустить не слѣдуетъ. Никакого сопротивленія не сдѣлано. Приставъ уѣхалъ по заявленію Фишера. Тутъ, очевидно, преступленія нѣтъ. Частное лицо, получившее повѣстку о неправильномъ взысканіи, имѣетъ право думать само съ собой о незаконности иска и соображать нельзя ли опротестовать опись. Деревенская община—юридическое лицо. Она думаетъ на сходкѣ и по условіямъ юридическаго лица она иначе не можетъ думать, какъ вслухъ и рѣчами. Сильные голоса того и другаго на сходкѣ — это рельефныя мысли думающей юридической личности—здѣсь пользованіе своимъ правомъ, здѣсь нѣтъ преступленія!

Если же 22-го апрѣля не было преступленія, а было полное законное пользованіе своими правами, была сходка крестьянскаго міра, обсуждающаго свои дѣла, то тѣ или другія мнѣнія, высказанныя здѣсь, тѣ или другія, громче и внятнѣе выраженныя мысли не могли сдѣлаться преступными оттого только, что за 22-мъ апрѣля послѣдовали майскіе дни. Суду вашему подлежатъ только эти послѣдніе, къ изученію которыхъ мы и переходимъ.

«3 мая, по заявленію Фишера, прибылъ вновь къ описи имущества судебный приставъ. Но онъ былъ уже не одинъ. Его сопровождала полиція въ количествѣ, внушающемъ уваженіе. Исправникъ, становой или рядомъ. Человѣкъ 20 десятскихъ, человѣкъ 10 урядниковъ. Словомъ сказать, тутъ были представители полиціи старой и новѣйшей формаціи.

«Но мужики не вышли къ нимъ на встрѣчу. Гдѣ они? Всѣмъ міромъ, за исключеніемъ старыхъ да малыхъ, они до свѣту ушли въ сельцо Бобрики, къ графу, просить его о милости, о неразореніи. Дѣтски наивные, простоватые, они надѣялись слезами умилостивить взыскателя. Напрасное мечтаніе! Имъ обѣщана одна милость, имъ сказано, что бла-

годаря своему положенію и вліянію, къ нимъ пришлютъ подарокъ въ 1,000 солдатъ. И сдержано было джентельменское слово; не долго, всего два дня, прошло, какъ деревня Люторичъ дождалась барскаго пожалованія.

«Но пока на порогѣ графскаго дома люторцы ждали, когда приметъ ихъ баринъ, къ судебному приставу вышли однѣ бабы, да старые и малые мужики, оставшіеся въ деревнѣ. Начались просьбы—понятно о чемъ: они просили подождать, пока придутъ сами мужья и братья, придутъ съ милостью да съ барскимъ ласковымъ словомъ. На просьбы ихъ нѣтъ отвѣта; приставъ идетъ безъ хозяевъ въ дома, начать опись.

«Вдали показался скачущій всадникъ, то посолъ отъ крестьянъ; они прислали его сказать, что надо подождать описью, пока они придутъ, а они сами замѣшались, баринъ еще спитъ и не выходилъ къ нимъ выслушать ихъ просьбу....

«Тщетно! Приставъ идетъ дѣлать свое дѣло. Въ толпѣ начинается шумъ: одни плачутъ, другіе просятъ. Все сливается въ музыку скорби и ропота. Но приставъ, по словамъ его, лично къ себѣ не видѣлъ ни одного оскорбленія, ни одной брани. Если же среди шумящаго люда и раздавались бранныя слова, то не судите за это строго: бранное слово—это междометіе народнаго языка, безъ него не обходится не только ссора, но и веселыя задушевныя рѣчи. Я думаю, что и первыя любовныя ласки деревенскаго парня со своей возлюбленной не обойдутся безъ крѣпкаго словца. Ваше вниманіе должно остановиться на утвержденномъ здѣсь фактѣ оскорбленія старшины. Прошу васъ припомнить, что старшина—сельчанинъ той же деревни. Онъ одновременно и нѣкоторая власть, а вмѣстѣ свой человѣкъ, родня, сосѣдъ обвиняемыхъ. Какъ старшина, онъ могъ принять за всѣхъ повѣстку, быть представителемъ юридическаго лица—деревни. Въ его показаніяхъ есть мѣста, изъ которыхъ видно, что онъ, и никто кромѣ его, не повиненъ въ томъ, что повѣстка о вызовѣ въ судъ была принята, а крестьяне не знали ни о судѣ, ни о рѣшеніи. Онъ одинъ настаивалъ на томъ, что крестьяне должны; но вмѣстѣ съ тѣмъ въ его домѣ, въ ожиданіи возврата крестьянъ изъ с. Бобрина, не въ примѣръ другимъ, опись не производилась; не мудрено, что крестьяне смотрѣли на него, какъ на ренегата, продавшаго и раззорившаго ихъ, и боялись, что своими, въ качествѣ представителя деревни, дѣйствіями, онъ свяжетъ ихъ, и здѣсь, опять, принявъ повѣстку сдѣлаетъ для нихъ обязательными и непоправимыми всѣ дѣйствія пристава. Крестьяне мѣшали ему быть ихъ представителемъ, когда они сами хотятъ вступить въ споръ со взыскателемъ. Вотъ смыслъ удерживанія и хватанія его за руки и т. п.

«Обвиненіе было направлено къ тому, чтобы признать старшину властью, совмѣстно съ приставомъ приводившею въ исполненіе судебное рѣшеніе и въ этой должности получившею оскорбленіе.

«Я допрашивалъ: были ли приглашены старшина и староста приставомъ или исправникомъ? Отвѣты даны отрицательные, или уклончивые.

Если же старшина или староста явились не по призыву, а случайно, по своей волѣ, и на нихъ не было возложено никакой доли въ исполненіи рѣшенія, то вопросъ мѣняется. Представьте себѣ, что приставъ суда взялъ съ собой для исполненія рѣшенія 10 курьеровъ. Оскорбленіе одного изъ нихъ во время исполненія рѣшенія—преступное сопротивленіе. Но если онъ взялъ 9, а десятый мимо проходя, увидалъ товарищей, зашелъ самовольно, вступилъ въ дѣло, началъ хозяйничать и былъ бы оскорбленъ—здѣсь сопротивленію мѣста нѣтъ: онъ не орудіе исполненія, онъ не связанъ съ приставомъ путемъ призыва или распоряженія въ одно цѣлое, въ организмъ власти, приводящей рѣшеніе въ исполненіе. А старшина былъ въ такой роли случайно находящагося на мѣстѣ человѣка, а не власти. Крестьяне, не знавшіе ни пристава, ни полиціи, боялись одного, что старшина продастъ ихъ и не пускали его представлять деревню. Замѣчательно, что и 5 мая, когда вошли войска, ни войско, ни приставъ ни полиція оскорблены не были, но крестьяне держали за руки кандидата на сельскаго старосту—одного изъ подсудимыхъ, прося его не быть представителемъ деревни.

«Мнѣ могутъ возразить, что старшина и староста и безъ приглашенія судебнаго пристава имѣли оффиціальное значеніе при приведеніи рѣшенія въ исполненіе; что они были нужны для указанія имущества должниковъ и рѣшенія вопроса о томъ, не скрыто ли что-нибудь. Глубокая ошибка. Исполнялось рѣшеніе гражданскаго суда, а по уст. гражд. суд., при такомъ исполненіи, дѣло взыскателя указывать имущество; за властью посылается когда двери заперты, сундуки замкнуты, а розыски скрытаго внѣ селенія не входятъ въ обязанность ни пристава, ни полиціи.

«И такъ, я думаю, что оскорбленіе старшины здѣсь не имѣло мѣста въ смыслѣ сопротивленія власти, исполняющей рѣшеніе суда.

«Перейду къ другому преступному дѣянію, къ склоненію крестьянъ села Люторичъ не допускать пристава къ описи. Дѣло это приписывается нѣсколькимъ подсудимымъ, громче всѣхъ объ этомъ говорившимъ на деревенскихъ сходкахъ. Согласитесь со мной, что мы должны считать только тогда возможнымъ удостовѣрить существованіе факта, доказываемаго не абсолютно вѣрными доказательствами, когда природа факта не допускаетъ или обстоятельства устранили лучшія и абсолютныя доказательства. Но когда они—абсолютныя доказательства, существовали, но ихъ обошли и выдвинули только вѣроятныя, тогда вѣра въ фактъ падаетъ.

«Между тѣмъ, въ дер. Люторичахъ до 700 жителей; они всѣ отказались допустить опись; они всѣ, судя по нынѣ мною представленному приговору, считаютъ себя беззаконно раззоренными Фишеромъ. Они не преданы суду. Вотъ кого, или изъ числа которыхъ слѣдовало бы спросить: кто васъ подговаривалъ не допускать пристава къ описи? Они бы могли сказать—нуждались ли они въ подстрекательствѣ, или наболѣла у нихъ эта мысль сама собой. А ихъ не спросили и на малолетныхъ, плохо вя-

жущихся между собой впечатлѣніяхъ урядниковъ и полиціи построили тяжелое обвиненіе. Не вѣрьте ему.

«Но подстрекатели были. Я нашелъ ихъ и съ головой выдаю вашему правосудію. Они подстрекатели, они зачинщики, они—причина всѣхъ причинъ. Бѣдность безъисходная, бѣдность,—созданіе Фишера, одобряемое его владыкой, безправіе, беззастѣнчивая эксплуатація, всѣхъ и все доведшая до раззоренія—вотъ они, подстрекатели. Одновременно, потому что одинаково невыносимо всѣмъ становилось, вспыхнуло негодованіе люторцевъ противъ безцеремоннаго попиранія божескихъ и человѣческихъ законовъ.... и начали думать они, какъ имъ отстоять себя.... и за эту думу они сидятъ теперь передъ вами.

«Вы скажете, что это невѣроятно. Войдите въ звѣринецъ, когда настаетъ часъ бросать пищу оголодавшимъ звѣрямъ; войдите въ дѣтскую, гдѣ проснувшіяся дѣти не видятъ няни; тамъ одновременное рычаніе, здѣсь одновременный плачъ; поищите между ними подстрекателя.... и онъ найдется не въ отдѣльномъ звѣрѣ, ни въ старшемъ или младшемъ ребенкѣ, а найдете его въ голодѣ или въ страхѣ, охватившемъ всѣхъ одновременно.

«Я далъ вамъ массу матеріаловъ; я вручилъ вамъ бездну условій и рѣшеній, достаточныхъ свести съ ума и спутать въ разсчетахъ раззоренную деревню. Вы прочтете—и физіономія подстрекателя сама возстанетъ въ вашемъ воображеніи.

«Сведемъ итоги.

«22-го апрѣля, въ с. Люторичахъ не было никакихъ преступленій. Сходъ, разсуждавшій объ искѣ и описи, пользовался своимъ правомъ думать о дѣлахъ. Въ этотъ день они не могли знать, что появится приставъ 3-го мая, а слѣдовательно—и думать о формѣ сопротивленія, о насиліи надъ старшиной.

«3-го мая—день, подлежащій разбору съ точки зрѣнія Уложенія.

«Оскорбленіе старшины не имѣетъ связи съ обвиненіемъ въ сопротивленіи. Его присутствіе случайное, не связанное въ единствѣ дѣйствій съ приставомъ, ставитъ оскорбленіе ему нанесенное, въ самостоятельный проступокъ, не подлежащій вашему суду въ предѣлахъ нынѣшняго обвиненія. На скамьѣ подсудимыхъ нѣтъ подстрекателей: подстрекательство—въ прошломъ отношеніи Фишера и графа Бобринскаго къ крестьянамъ и въ массѣ документовъ, нами оглашенныхъ.

«Но защита, гг. судьи, не должна самоувѣренно ограничить свое слово отрицаніемъ вины. Она должна смирить себя и предположить, что ей не удается перелить въ вашу душу ея убѣжденій о невинности подсудимыхъ; она должна, на случай признанія фактовъ совершившимися и преступными, указать на такія данныя, которыя въ глазахъ всякаго судьи, у котораго сердце бьется по-человѣчески и не зачерствѣла душа въ пошлос-

тяхъ жизни, ведутъ къ снисхожденію и даже къ чрезвычайному невмѣненію при наличности вины.

«Нашъ законъ знаетъ такія обстоятельства. Начертавъ въ 134 ст. Улож. причины смягченія кары, онъ не остановился на этомъ. Законодатель знаетъ, что есть случаи, когда интересы высшей справедливости отстраняютъ примѣненіе закона. Законодатель знаетъ, что есть случаи, когда мѣрить мѣрою закона значитъ — смѣяться надъ закономъ и совершать публично актъ беззаконія.— Онъ даетъ вамъ право предстательства предъ творцомъ закона и обѣщаетъ исполнить его.

«А обстоятельства именно таковы. Люторичскіе крестьяне попали въ такой омутъ, гдѣ обыкновенныя мѣры были бы ужасны и безчеловѣчны. Не тысячи солдатъ, осадившихъ деревню и грозившихъ ей оружіемъ и силой, ужасали ихъ. Не страшенъ имъ былъ и самъ начальникъ губерніи, кн. Урусовъ, разбившій бивуакъ въ 4 верстахъ отъ деревни. Нечего было, въ свою очередь, бояться и ему войдти въ деревню обездоленныхъ крестьянъ. Страшно и ужасно было долгое прошлое люторичскихъ мужиковъ, перепутавшее ихъ взгляды и, кажется, сбившее ихъ съ толку. Десятки лѣтъ сосалъ ихъ силы нѣмецъ-управляющій, десятки лѣтъ съ сатанинской хитростью опутывалъ ихъ сѣтью условій, долговъ и неустоекъ. Съ торной дороги свободы 19 февраля они зашли въ болото. Лѣшаго не было, но хитрѣй и злѣе его ихъ всосалъ въ тину кабалы и неволи нарвскій уроженецъ, Фишеръ. Въ этомъ туманѣ потерялось все: вѣра въ возможность просвѣта жизни, чутье правды и неправды, вѣра въ законъ и въ заступничество передъ нимъ. Оставалось еще одно чувство, чувство надежды, что беззаконіе, достигшее чудовищныхъ предѣловъ, можетъ быть опротестовано, отдалено.

«Мы, когда съ насъ взыскиваютъ недолжное, волнуемся, теряемъ самообладаніе; волнуемся, теряя или малую долю нашихъ достатковъ или что-либо наживное, поправимое. Но у мужика рѣдокъ рубль и дорого ему достается. Съ отнятымъ кровнымъ рублемъ у него уходятъ нерѣдко счастье и будущность семьи, начинается вѣчное рабство, вѣчная зависимость передъ міроѣдами и богачами. Разъ разбитое хозяйство умираетъ — и батракъ осужденъ на всю жизнь искать, какъ благодѣянія, работы у сильныхъ и лобзать руку, дающую ему грошъ за трудъ, доставляющій другому выгоды на сотни рублей; лобзать, какъ руку благодѣтеля, и плакать, и просить новаго благодѣянія, новаго кабальнаго труда за крохи хлѣба и жалкія лохмотья.

«Среди обстоятельствъ, подобныхъ настоящему, мутился разумъ цѣлыхъ народовъ; какъ не спутаться забитому уму нашего крестьянина. Вы лучше меня знаете это — и не забудете дать ему мѣсто при постановкѣ приговора.

«Время вамъ ставить его. Вѣрю я, глубоко вѣрю, что сегодняшній день въ лѣтописяхъ русскаго правосудія не будетъ днемъ, за который

покраснѣетъ общество, разбитое въ своей надеждѣ на господство правды въ русскомъ судѣ. Вѣрю я, что вы скажете сегодня: «молчи законъ, настало время благодати». Вѣрю я, что тѣ экономическія лишенія, тѣ нравственныя мученія, въ которыхъ протекли долгіе годы жизни люторичскихъ крестьянъ, сегодня достигли своего предѣла.... Они уйдутъ отсюда съ пріобрѣтеннымъ убѣжденіемъ, что правда есть и дѣйствуетъ.

«Вы не вынесете жестокаго рѣшенія, вы не увлечетесь мнѣніемъ:

Не бѣда, что потерпитъ мужикъ.
Знать ведущее насъ провидѣніе
Указало; да онъ и привыкъ.

«Вѣдь сквозь зримый міру—смѣхъ, незримыя міру—слезы водили рукой поэта-сатирика, когда онъ пѣлъ эту скорбную пѣсню.

«Нѣтъ, вы не осудите ихъ. Мученики терпѣнія, страстотерпцы труда безпросвѣтнаго найдутъ себѣ защиту подъ сѣнью суда и закона.

«Вы пощадите ихъ.

«Но если слово защиты васъ не трогаетъ, если я — сытый, давно сытый человѣкъ—не умѣю понять и выразить муки голоднаго и отчаяннаго безправія, пусть они сами говорятъ за себя и предстательствуютъ передъ вами.

«О, гг. судьи, ихъ тупые глаза умѣютъ плакать и горько плакать; ихъ загорѣлыя груди вмѣщаютъ въ себѣ страдальческія сердца; ихъ несвязныя рѣчи хотятъ, но не умѣютъ ясно выражать своихъ просьбъ о правдѣ, о милости. Люди они, человѣки!

«Судите же по человѣчески!

Наши земскія дѣла.

(письмо изъ твери).

Недавно окончившаяся *) сессія тверскаго губернскаго земскаго собранія выдѣляется изъ ряда предъидущихъ тѣмъ, что въ эту сессію представители мѣстнаго земства коснулись многихъ вопросовъ, имѣющихъ громадный интересъ не только для населенія Тверской губерніи, но и для всего русскаго государства. Изъ этихъ общегосударственныхъ вопросовъ наиболѣе важные затронуты въ представленной губернскими гласными отъ Новоторжскаго уѣзда записки о необходимости пересмотра положенія 19 февраля 1881 года.

Записка эта уже напечатана въ нѣкоторыхъ газетахъ, а потому считаемъ излишнимъ приводить ее здѣсь дословно, напомнимъ лишь читателямъ ея окончательные выводы и тѣ ходатайства предъ правительствомъ, необходимость которыхъ въ ней доказывается.

Составитель и гласные, подписавшіеся подъ запиской, предложили тверскому губернскому собранію:

1) Ходатайствовать о скорѣйшей отмѣнѣ подушной подати и о замѣнѣ ея налогомъ общимъ и равномѣрнымъ для всѣхъ русскихъ гражданъ, падающимъ на каждаго соотвѣтственно его силамъ и способностямъ; чѣмъ достигнется отмѣна существующаго несправедливаго раздѣленія народа на податныя и неподатныя сословія.

2) Ходатайствовать о замѣнѣ нынѣшней административно-фискальной крестьянской волости хозяйственною безсословной волостью, которая должна быть первичною земскою единицей, подобною городу (какъ городъ, будучи самостоятеленъ во внутреннихъ своихъ дѣлахъ, входитъ въ то же время, какъ подчиненная единица, въ единицу высшаго порядка—земство,—такъ входила бы въ нее и безсословная волость).

---

*) Правильнѣе: прекратившаяся за преждевременнымъ отъѣздомъ изъ Твери большинства гласныхъ.

3) Ходатайствовать, чтобы съ представителей, какъ крестьянской общины, такъ и всесословной волости, т. е. съ сельскихъ старостъ и волостныхъ старшинъ и членовъ волостнаго правленія, сняты были всякія полицейскія и фискальныя обязанности; съ чѣмъ вмѣстѣ они должны быть освобождены отъ всякаго непосредственнаго подчиненія полицейскимъ властямъ, какъ не подчинены имъ городской голова и члены городской управы.

4) Ходатайствовать о скорѣйшемъ прекращеніи ничѣмъ не оправдываемой розни между различными разрядами крестьянъ путемъ довершенія выкупной операціи. Необходимо, по мнѣнію составителя записки, предоставить крестьянамъ, требовать обязательнаго выкупа своего надѣла; такъ какъ, при отсутствіи этого права, крестьянинъ, хотя и освобожденный Положеніемъ 19-го февраля, все-таки оказывается въ зависимости отъ произвола помѣщика, не имѣя возможности разойтись съ нимъ законнымъ образомъ. Вопросъ о выкупѣ, дополняетъ записка, есть вопросъ общегосударственный: нельзя ставить окончательное его разрѣшеніе въ зависимость отъ произвола частныхъ лицъ. Затѣмъ было бы правильнымъ сравнять платежи бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ съ оброкомъ бывшихъ государственныхъ. Если государство само, владѣя извѣстнымъ количествомъ земли, признаетъ что государственные крестьяне могутъ за нее платить такой-то оброкъ, то нѣтъ причины требовать отъ бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ, при равныхъ условіяхъ, за столько же земли, и такого же качества, большой оброкъ, когда этотъ оброкъ платится уже не частному лицу, съ которымъ могли существовать всякія частныя соглашенія, а государству, обязанному одинаково относиться ко всѣмъ своимъ подданнымъ; пребываніе же въ крѣпостномъ правѣ вовсе не такое благо, за которое, и освободившись отъ него, слѣдовало бы еще приплачивать.

5) Ходатайствовать объ измѣненіи состава уѣздныхъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствій съ тѣмъ, чтобы въ нихъ присутствовали выборные отъ крестьянъ и объ упраздненіи губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія.

6) Ходатайствовать о преобразованіи нынѣшняго волостнаго суда, съ тѣмъ, чтобы изъ вѣдѣнія крестьянскаго сословнаго суда изъяты были всѣ уголовныя дѣла и всѣ гражданскія отношенія, не касающіяся правъ и обязанностей крестьянина, какъ члена общины.

При обсужденіи записки, о которой идетъ рѣчь, возникли весьма оживленныя пренія, которыя отъ частнаго вопроса о положеніи крестьянскаго сословія въ государствѣ перешли къ общему вопросу объ условіяхъ всей нашей общественно-государственной жизни и о томъ, въ какой мѣрѣ эти послѣднія вліяютъ на земскую дѣятельность. Сущность всѣхъ этихъ преній выражена собраніемъ въ слѣдующемъ его единогласномъ постановленіи:

«Начала, которыя законоположеніе 19-го февраля 1861 года внесло въ нашу общественную и государственную жизнь, на столько развились и измѣнили ее, что нѣкоторыя явленія этой жизни находятся въ противорѣчіи съ дѣйствующимъ законодательствомъ; другія же являются неопредѣленными закономъ, а потому представляютъ широкое поле для произвола и беззаконія. Обращаясь къ разсмотрѣнію правовой жизни нашей, какъ создало ее Положеніе 19-го февраля и послѣдовавшіе за нимъ законодательные акты, мы усматриваемъ, съ одной стороны, неравноправность гражданъ, а съ другой, отсутствіе всякихъ правовыхъ нормъ для многихъ сторонъ жизни, не существовавшихъ 20 лѣтъ тому назадъ и не регулируемыхъ, такимъ образомъ, ни правомъ, ни обычаемъ. Крестьяне, составляющіе громадное большинство нашего населенія, съ одной стороны, лишены такихъ правъ, которыми пользуются другія сословія и которыми должны бы пользоваться всѣ равноправные граждане, а съ другой стороны, дѣйствительныя особенности ихъ быта не регулируются никакимъ соотвѣтственнымъ закономъ, вмѣсто котораго отъ нихъ требуется подчиненіе общимъ законамъ не имѣющимъ къ этому быту никакого примѣненія. При томъ-же, сфера дѣятельности государственныхъ и спеціальныхъ крестьянскихъ учрежденій точно не разграничена, и, во всякомъ случаѣ, раздѣленіе это не доступно пониманію большинства крестьянъ, въ которыхъ поэтому постепенно вкореняется убѣжденіе въ возможности удовлетворенія ихъ интересовъ и не на основаніи справедливости. Вслѣдствіе указанныхъ же причинъ, учрежденія, спеціально призванныя завѣдывать крестьянскими дѣлами, оказываются почти чуждыми дѣйствительнымъ потребностямъ крестьянства. Съ другой стороны, и землевладѣльцы не крестьяне находятся въ ежедневной зависимости отъ должностныхъ лицъ крестьянскаго самоуправленія, ими не избираемыхъ и не контролируемыхъ. Далѣе, волостные старшины, подъ вліяніемъ послѣдовавшихъ узаконеній, потеряли характеръ охранителей интересовъ волости и обратились въ полицейскихъ чиновниковъ, исключительно преданныхъ исполненію полицейскихъ обязанностей, а волость, оставшись такимъ образомъ безъ своего единственнаго, постояннаго представителя, бездѣйствуетъ; и всѣ тѣ задачи, которыя указаны этому главному и зачаточному органу хозяйственнаго самоуправленія Положеніемъ 19 февраля, остаются безъ всякаго разрѣшенія. Въ отношеніи платы крестьянами за земельные надѣлы, мы встрѣчаемся съ той же неравноправностью: на ряду съ крестьянами собственниками, вносящими выкупные платежи ограниченные срокомъ, мы видимъ еще крестьянъ временно-обязанныхъ, платящихъ оброкъ возвышенный и неограниченный никакимъ срокомъ; безсрочный же оброкъ платятъ и крестьяне государственные, и притомъ не равный съ временно-обязанными. Крестьянамъ собственникамъ предоставлено право выдѣлиться изъ общины, выкупивъ свой надѣлъ, крестьянину государственному это право предоставлено лишь послѣ раздѣленія всей

земли на подворные участки, а крестьяне временно обязанные вовсе этимъ правомъ не пользуются.

Не вдаваясь въ подробности, можно съ увѣренностью высказать, что и въ другихъ сферахъ нашей правовой жизни встрѣчаются не менѣе существенныя препятствія къ развитію народнаго благосостоянія; справедливость этого и настоятельная необходимость измѣненія многихъ отраслей законодательства сознаны и правительствомъ, что и выразилось учрежденіемъ многихъ коммиссій.

Прямымъ послѣдствіемъ противорѣчій между правомъ и жизнію является то неустройство экономическихъ отношеній, которое уже нынѣ сказывается угрожающими признаками: накопленіемъ недоимокъ вмѣстѣ съ необходимостью введенія новыхъ налоговъ, паденіемъ цѣнности кредитнаго рубля, колебаніями въ ходѣ промышленности и многими другими явленіями. И въ сферѣ жизни частной, во всѣхъ безъ исключенія слояхъ населенія, мы встрѣчаемъ то же постепенное и поголовное раззореніе. Самый голодъ, нынѣ столь тяжко поразившій Россію, является ничѣмъ инымъ, какъ послѣдствіемъ хищническаго хозяйства, искусственно созданнаго, какъ непомѣрною тяжестью лежащихъ на земледѣльцахъ налоговъ и отсутствіемъ у нихъ способовъ къ усиленію производительности своего труда. Затруднительно опредѣлить въ подробности взаимную причинную связь всѣхъ этихъ явленій; но связь эта очевидна, и явленія эти одно безъ другаго неустранимы. Результатомъ этого является отсутствіе увѣренности у отдѣльныхъ лицъ въ возможности достиженія благосостоянія, а вслѣдствіе этого и отсутствіе стремленія къ труду — этому единственному фактору частнаго и государственнаго богатства.

Вся совокупность указанныхъ обстоятельствъ создала въ населеніи убѣжденіе въ томъ, что оно является предъ государствомъ только платежной силой, что его насущные интересы не обезпечены закономъ, а подчинены произволу. Это породило всеобщее почти стремленіе къ скорой и легкой наживѣ путемъ эксплуатаціи ближняго и хищнической растраты природныхъ богатствъ, упадокъ общественной нравственности, выразившійся такъ рѣзко въ грязномъ развитіи міроѣдства и кулачества, заполонившихъ нашу торговлю и промышленность, вторгнувшихся въ земледѣліе, поработившихъ крестьянскую волость и общину и уже заявившихъ свой голосъ въ уѣздныхъ земствахъ. Это состояніе нельзя назвать здоровымъ; это тяжкая болѣзнь, разъѣдающая всѣ ткани государственнаго организма, уже выразившаяся въ указанныхъ выше явленіяхъ послѣдняго времени и грозящая бѣдствіями столь мрачными, что *на обязанности всякаго русскаго лежитъ*, забывъ узкіе частные интересы, *приложить стараніе къ устраненію столь глубоко укоренившагося зла*. Тѣмъ болѣе священную составляетъ это обязанность губернскаго земскаго собранія, какъ представителя хозяйственныхъ пользъ и нуждъ цѣлой губерніи, обязанность, которою оно не въ правѣ поступиться. Но губерн-

ское собраніе поставлено въ невозможность изыскать способы къ искорененію зла, распространившагося по всей территоріи государства. Хотя земство и ближе стоитъ къ жизни народной, хотя оно имѣетъ въ составѣ своемъ элементы, могущіе на основаніи точнаго знанія и личныхъ наблюденій, а не кабинетнаго изученія, вѣдать вопросы общественной жизни; но такъ какъ мѣропріятія, необходимыя для устройства и упорядоченія этой жизни, будутъ имѣть значеніе не мѣстное, а общегосударственное, то разрѣшеніе этой задачи усиліями земствъ, при разрозненности ихъ вообще, представлялось бы недостаточнымъ и несоотвѣтствующимъ существу и важности дѣла.

Въ виду изложеннаго, тверское губернское земское собраніе не считаетъ возможнымъ входить въ обсужденіе того или другаго отдѣльнаго мѣропріятія; но находитъ необходимымъ теперь же ходатайствовать предъ правительствомъ о томъ, чтобы Положеніе 19-го февраля и послѣдовавшія узаконенія, къ нему относящіяся, въ виду крайней необходимости, указываемой ненормальнымъ ходомъ жизни, были пересмотрѣны и измѣнены. Къ высказанному собраніе дополняетъ, что единственнымъ способомъ къ достиженію этой цѣли и къ успѣшному разрѣшенію вопроса представляется участіе въ обсужденіи и разрѣшеніи его представителями самихъ заинтересованныхъ лицъ, особенно же крестьянъ, какъ огромнаго большинства населенія.

Изъ приведеннаго постановленія и его мотивовъ видно, что земство тверской губерніи одною изъ существеннѣйшихъ задачъ своей дѣятельности считаетъ поднятіе уровня общенароднаго благосостоянія; но что выполненіе этой задачи считаетъ оно возможнымъ лишь при совокупныхъ условіяхъ земства, общества и государства.

Интересъ, который возбужденъ былъ въ средѣ собранія упомянутою запиской, оживленіе, съ какимъ она обсуждалась, единодушіе, съ какимъ собраніе пришло къ вышеизложенному постановленію, — все это, по нашему мнѣнію, служитъ доказательствомъ, что мысль, положенная въ основу этого постановленія, не навѣяна земству извнѣ, а почерпнута имъ изъ собственнаго опыта.

Земство пятнадцатилѣтнимъ опытомъ убѣдилось, что при самыхъ добрыхъ намѣреніяхъ, при хорошемъ запасѣ энергіи и пониманіи дѣла самыя лучшія земскія начинанія не приводятъ къ желаемымъ результатамъ.

Доказательствомъ могутъ служить слѣдующіе факты весьма печальной исторіи дѣятельности тверскаго губернскаго земства на поприщѣ народнаго образованія.

Изъ доклада управы собранія и изъ записки, представленной представителями земства тверской губерніи нынѣшнему министру народнаго просвѣщенія, видно, что тверское земство съ самаго открытія земскихъ учрежденій въ губерніи считало заботу о народномъ образованіи одною изъ своихъ главныхъ задачъ. Съ каждымъ годомъ увеличиваетъ оно свои

ассигновки на содержаніе народныхъ училищъ, на подготовку наставниковъ и наставницъ, на пополненіе школьныхъ библіотекъ и проч. О томъ, въ какой мѣрѣ возросталъ въ здѣшнемъ земствѣ интересъ къ образованію народному, видно, между прочимъ, изъ слѣдующей таблицы.

	На народное образованіе.
На 1867-й годъ ассигновано было земствомъ	26096 р.
» 1868-й » » » »	36013 »
» 1869-й » » » »	49760 »
» 1870-й » » » »	61246 »
» 1871-й » » » »	74246 »
» 1872-й » » » »	87798 »
» 1873-й » » » »	100029 »
» 1874-й » » » »	114937 »
» 1875-й » » » »	114937 »
» 1876-й » » » »	106132 »
» 1877-й » » » »	110487 »
» 1878-й » » » »	109941 »
» 1879-й » » » »	118502 »
» 1880-й » » » »	134460 »
» 1881-й » » » »	159013 »

Изъ этой таблицы оказывается, что въ теченіе 15 лѣтъ ассигновки земства тверской губерніи на народное образованіе ушестерились, такъ что въ настоящее время на этотъ предметъ земство тратитъ 15% своего общаго бюджета и около трети бюджета необязательныхъ расходовъ. Съ увеличеніемъ земскихъ затратъ должно было увеличиться число школъ и учащихся. Въ первые два года дѣятельности земскихъ учрежденій въ тверской губерніи насчитывалось всего 298 начальныхъ народныхъ школъ съ 10766 учащимися, между тѣмъ какъ въ настоящее время считается до 800 начальныхъ школъ съ 32458 учащимися. Изъ всего упомянутаго числа начальныхъ школъ губерніи земствомъ содержится 353 съ 20.000 учащимися; кромѣ того, около 100 школъ грамотности пользуются болѣе или менѣе значительнымъ отъ земства пособіемъ.

Заботясь объ увеличеніи числа школъ и учащихся, земство тверской губерніи считало необходимымъ позаботиться также объ улучшеніи преподаванія и о расширеніи школьной программы. Съ этою цѣлью оно еще въ 1869 году проектировало спеціальную школу для приготовленія учителей. Послѣ продолжительной переписки съ органами министерства народнаго просвѣщенія, земству удалось открыть эту школу (въ Торжкѣ); но, уже въ самые первые годы существованія послѣдней, оно должно было убѣдиться, что, открытая противъ желанія министерства народнаго просвѣщенія, школа эта не могла быть долговѣчною. Въ февралѣ 1875 года земство должно было, противъ своего желанія, передать устроенную имъ новоторжскую учительскую школу министерству народнаго просвѣщенія

съ постройками, стоившими до 20000 р., съ хорошею библіотекой, съ физическимъ и естественно-историческимъ кабинетами, да кромѣ всего этого еще съ приплатой 20000 р., на которые само же, по указаніямъ учебнаго вѣдомства, выстроило нѣсколько новыхъ зданій для переданной правительству школы.

Фактъ этотъ нельзя не считать весьма прискорбнымъ: онъ показываетъ, что на первыхъ же порахъ своей дѣятельности земство въ своихъ начинаніяхъ, клонившихся къ улучшенію дѣла народнаго образованія, встрѣтилось съ недовѣріемъ министерства, съ непризнаніемъ со стороны послѣдняго за земствомъ права почина въ дѣлѣ подготовки народныхъ учителей въ дѣлѣ новомъ, которое такъ скоро не слѣдовало бы втискивать въ рамки правительственныхъ семинарій и въ которомъ починъ земства и конкурренція его съ правительствомъ могли бы быть весьма плодотворны.

Почему не полюбилась новоторжская учительская школа начальству московскаго учебнаго округа и министерству народнаго просвѣщенія, трудно рѣшить. Программа ея по широтѣ своей и смыслу не только не уступавшая программѣ правительственныхъ учительскихъ семинарій, но даже ее превышавшая, утверждена была учебнымъ вѣдомствомъ; составъ учителей былъ весьма удаченъ не только съ земской, но и съ правительственной точки зрѣнія, такъ какъ большинство этихъ учителей до сихъ поръ состояли преподавателями въ различныхъ правительственныхъ семинаріяхъ. Единственнымъ объясненіемъ недружелюбнаго отношенія правительственно-учебнаго вѣдомства къ этой школѣ слѣдуетъ считать недовѣріе бывшаго министра къ земству.

Притомъ же министерство народнаго просвѣщенія уже успѣло въ то время убѣдиться въ несомнѣнныхъ достоинствахъ учительскихъ семинарій своего типа, семинарій, выпускающихъ юношей хорошо дисциплинированныхъ, способныхъ малымъ довольствоваться, но съ умѣреннымъ количествомъ знаній и мало развитыхъ. Земство тверской губерніи не раздѣляло такого взгляда; оно желало подготовлять народныхъ учителей прежде всего хорошо развитыхъ и образованныхъ.

Одновременно съ учительскою школой, земство, послѣ такой же продолжительной переписки съ министерствомъ, открыло въ Ржевѣ техническую школу, имѣвшую задачею дать своимъ питомцамъ общее образованіе и такія свѣдѣнія по математикѣ, маханикѣ и химіи, чтобы вышедшій изъ школы ученикъ, послѣ непродолжительнаго практическаго обученія, готовъ былъ къ дѣятельности второстепеннаго техника или же къ поступленію въ одно изъ высшихъ техническихъ учебныхъ заведеній. Задача общаго образованія и здѣсь, какъ и въ учительской школѣ, преобладала надъ спеціальностію. Судя по курсу, преподававшемуся въ ржевской технической школѣ, правильнѣе было бы назвать ее общеобразовательнымъ четырехкласснымъ училищемъ съ ремесленнымъ обученіемъ.

Не долго просуществовала и техническая школа. Чрезъ два съ небольшимъ года по ея открытіи тверская губернская земская управа была оффиціально извѣщена о томъ, что *по ходатайству* начальника московскаго округа, князя А. Пр. Ширинскаго-Шахматова, министерство народнаго просвѣщенія рѣшило закрыть ржевскую земскую техническую школу».

Въ пространной запискѣ о нуждахъ народнаго образованія, поданной въ октябрѣ прошлаго года, представителями земства тверской губерніи, министру А. А. Сабурову, излагается исторія ржевской технической школы и доказывается, что при болѣе правильныхъ отношеніяхъ учебной администраціи къ земству, при взаимномъ довѣріи, котораго такъ долго не было, и которое только теперь, повидимому, возстановляется, ржевская техническая школа могла бы быть значительно преобразована, расширена, улучшена и приносила бы населенію не малую пользу.

Въ твердомъ убѣжденіи, что техническое образованіе есть одно изъ необходимыхъ условій поднятія народнаго благосостоянія, тверское губернское земское собраніе, вскорѣ по закрытіи ржевской технической школы, а именно въ 1874 году, обратилось къ правительству съ ходатайствомъ открыть въ Твери чисто профессіональную ремесленно-техническую школу (по образцу чéреповецкой); но до сихъ поръ (1881 годъ) не получила не только разрѣшенія, но даже какого либо опредѣленнаго отвѣта.

Въ то время, какъ между земствомъ и оффиціально учебнымъ вѣдомствомъ шли пререканія, касавшіяся существованія новоторжской и ржевской школъ, въ Твери, незамѣтно для начальства учебнаго округа, выросла, благодаря поддержкѣ губернскаго земства, частная женская учительская школа Максимовича. Пока школа эта имѣла скромный годовой бюджетъ въ 2000—3000 рублей; пока преподаваніе въ ней ограничивалось самыми элементарными свѣдѣніями и велось неудовлетворительно, учебное вѣдомство мало вмѣшивалось въ ея распорядки. Когда же тверское губернское земство постановило давать этой школѣ значительную субсидію (6500 рублей въ годъ), когда преподаваніе въ ней спеціализировалось, составъ учителей улучшился,—тогда на тверской женской учительской школѣ и на губернскомъ земствѣ, ее поддерживавшемъ, оказалось, съ точки зрѣнія учебной администраціи, много грѣховъ. Оказалось, что школа превысила свою программу, введя у себя преподаваніе пространнаго катихизиса, вмѣсто краткаго, систематическаго курса грамматики, исторіи, географіи и физики, вмѣсто отрывочныхъ свѣдѣній по тѣмъ же предметамъ. Словомъ, началась переписка, результатомъ которой было предписаніе управляющаго министерствомъ внутреннихъ дѣлъ губернатору *принять*, согласно требованію министерства народнаго просвѣщенія, мѣры *къ устраненію вліянія земства на школу Максимовича*. Отвѣтомъ на это распоряженіе двухъ министерствъ было постановленіе тверскаго губернскаго земскаго собранія, которымъ закрывалась всякая ассигновка губерн-

скаго земства на народное образованіе (въ декабрѣ 1878 года). Но, закрывъ смѣтную ассигновку, земство нашло возможнымъ, въ послѣдніе два года, удѣлять изъ ассигновокъ на непредвидѣнныя надобности отъ 7500 до 8000 руб. въ годъ на доставленіе возможности окончить курсъ ученія тѣмъ изъ ученицъ школы, которыя поступили въ нее до декабрьскаго постановленія 1878 года, понадѣявшись на прочность поддержки, оказываемой земствомъ школѣ. Справедливость требуетъ замѣтить, что суммы, которыя отпускались изъ кассы земства, были за два послѣдніе года (какъ и за всѣ прежніе) почти единственнымъ средствомъ къ существованію тверской женской учительской школы. И, несмотря на это, земству запрещено было какое бы то ни было вмѣшательство не только въ учебно-воспитательный ея строй, но даже въ хозяйственное ею завѣдываніе.

Устранивъ вліяніе земства на школу, учебное вѣдомство предложило ея учредителю составить для школы новый уставъ, всѣ существенные пункты котораго были заранѣе редактированы въ учебномъ округѣ и предложены учредителю къ непремѣнному включенію въ проектируемый уставъ. Напрасно учредитель возражалъ противъ нѣкоторыхъ изъ предложенныхъ ему обязательныхъ статей новаго устава, напрасно доказывалъ онъ, что не даромъ же прожила школа цѣлыхъ восемь лѣтъ, за которое могла пріобрѣсть нѣкоторую опытность, а слѣдовательно, и право подать въ столь важномъ для нея дѣлѣ свой голосъ: ни одно изъ возраженій не было уважено, и школа получила новый уставъ, составленный примѣнительно къ правительственнымъ учительскимъ семинаріямъ.

Самымъ существеннымъ пунктомъ новаго устава былъ тотъ, которымъ ограничены были нѣкоторыя права, по закону принадлежащія учредителю частной школы, напр., право избирать учителей. Двое изъ учителей школы, изъ коихъ одинъ (законоучитель) преподавалъ въ ней съ самаго основанія и съ успѣхомъ до сихъ поръ преподаетъ въ нѣсколькихъ школахъ, другой состоитъ преподавателемъ въ двухъ правительственныхъ казенныхъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ,—были уволены безъ объясненія причинъ.

Далѣе: для надзора за школою приставлено было особое лицо съ выговореннымъ въ уставѣ полномочіемъ кассировать всякое постановленіе совѣта школы по учебно-воспитательной части.

Не менѣе замѣчателенъ тотъ пунктъ новаго устава, которымъ требуется, чтобы школа имѣла только четыре класса, вмѣсто пяти, существовавшихъ до реформы. Для чего понадобилось учебному вѣдомству сократить курсъ школы, понять невозможно. Казалось бы, что въ пять лѣтъ можно, при остальныхъ равныхъ условіяхъ, лучше приготовиться къ народно-наставническому подвигу, чѣмъ въ четыре года; но, видно, учебное вѣдомство думало иначе.

Тверская губернская земская управа не могла равнодушно отнестись къ участи 43 дѣвицъ, удаленныхъ по независѣвшимъ отъ нихъ обстоятельствамъ изъ школы, содержимой на земскія средства, и предложила имъ посѣщать, находившуюся въ то время, въ вѣдѣніи министерства внутреннихъ дѣлъ, школу тверскаго сиротскаго дома, съ тѣмъ, чтобы, по окончаніи учебнаго года, они вновь держали экзаменъ на поступленіе въ низшій изъ оставшихся четырехъ классовъ учительской школы. Но хитрость эта (совершенно, впрочемъ, невинная) не удалась. Мѣстный директоръ народныхъ училищъ не могъ не узнать о ней, а узнавъ, принялъ всѣ зависящія отъ него мѣры къ окончательному удаленію бывшихъ воспитанницъ учительской школы изъ школы сиротскаго дома, а чтобъ и впередъ ничего подобнаго не случилось, онъ исходатайствовалъ, чтобы школа сиротскаго дома переведена была изъ вѣдомства министерства внутреннихъ дѣлъ въ вѣдомство народнаго просвѣщенія.

Несмотря на столь явную готовность учебнаго вѣдомства воспрепятствовать всякому начинанію тверскаго губернскаго земства въ дѣлѣ народнаго образованія, земство въ томъ же памятномъ для него 1878 году, вознамѣрилось было взять на свое попеченіе существующую въ Твери ремесленную школу, содержимую на средства мѣстнаго благотворительнаго общества. Пока ассигновка земства на эту школу не превышала 800 р. въ годъ, дѣло шло хоть и съ препятствіями, но сносно; когда же земство предложило школѣ единовременную субсидію въ шесть тысячъ рублей и ежегодную въ четыре тысячи, съ тѣмъ единственнымъ условіемъ, чтобы главное отвѣтственное лицо этой школы назначалось благотворительнымъ обществомъ съ согласія губернскаго земства, общество отклонило это предложеніе, такъ какъ по словамъ компетентныхъ людей «вмѣшательство земства могло погубить ремесленную школу».

Если губернское земское собраніе и его исполнительный органъ—губернская управа встрѣчали въ минувшее десятилѣтіе такъ много препятствій въ дѣлѣ устройства школъ, то не меньше препятствій въ томъ же дѣлѣ выпало и на долю уѣздныхъ земствъ.

Едва ли нужно распространяться о тѣхъ условіяхъ, въ которыя поставлена была при прежнемъ министерствѣ начальная народная школа въ тверской губерніи: условія эти были тѣ же, что въ остальной Россіи, и это можно видѣть, между прочимъ, изъ ходатайства, съ которымъ обратились представители земства тверской губерніи къ министру А. А. Сабурову 3-го октября въ Твери. Главными предметами этого ходатайства, какъ видно изъ доклада тверской губернской управы собранію, были:

1) расширеніе программы земскихъ начальныхъ училищъ до такихъ размѣровъ, чтобы оканчивающіе въ этихъ училищахъ курсъ могли быть хорошими наставниками въ школахъ грамотности, подготовляющихъ контингентъ учениковъ для земскихъ училищъ;

2) предоставленіе школамъ грамотности (имѣющимъ не пантентованныхъ учителей) права на существованіе, такъ чтобы школы эти могли законно жить, не таиться, не бояться каждую минуту закрытія со стороны учебной или неучебной администраціи;

3) предоставленіе учителямъ, не получившимъ спеціально богословскаго образованія, но могущимъ хорошо преподавать законъ Божій, преподавать этотъ предметъ въ народныхъ училищахъ;

4) предоставленіе земству и частнымъ лицамъ права иниціативы въ дѣлѣ открытія воскресныхъ школъ, вечернихъ классовъ ремесленныхъ училищъ, примѣняясь къ потребностямъ каждой данной мѣстности;

5) отмѣна или, по крайней мѣрѣ, значительное ослабленіе цензуры книгъ, какія дозволяется имѣть въ школьныхъ библіотекахъ;

6) предоставленіе земству права открывать вновь и содержать существующія учительскія семинаріи, какъ мужскія, такъ и женскія, причемъ необходимо, чтобы земству предоставлены были, по отношенію къ этимъ семинаріямъ, права учредителей частныхъ учебныхъ заведеній;

7) предоставленіе земству болѣе широкаго представительства въ училищныхъ совѣтахъ;

8) предоставленіе земству права участія въ назначеніи инспекторовъ и директоровъ народныхъ училищъ;

9) отмѣна тѣхъ циркуляровъ бывшаго министерства, въ которыхъ выражается недовѣріе правительства къ земству и которыми стѣсняется дѣятельность послѣдняго по народному образованію;

10) предоставленіе губернскому земскому собранію права избранія почетныхъ попечителей въ каждое изъ правительственныхъ среднихъ учебныхъ заведеній съ правомъ голоса въ педагогическихъ совѣтахъ этихъ заведеній.

Министръ народнаго просвѣщенія подробно бесѣдовалъ съ представителями земства по каждому изъ изложенныхъ вопросовъ, призналъ за земствомъ полное право активнаго участія въ дѣлѣ народнаго образованія и обѣщалъ содѣйствовать, а не препятствовать земству на этомъ поприщѣ. Ходатайства земства министръ призналъ заслуживающими вниманія; но въ то же время высказалъ, что для осуществленія ихъ, въ предѣлахъ дѣйствительной надобности, нѣтъ нужды въ измѣненіи существующихъ законовъ, а что необходимы лишь добрыя отношенія между земствомъ и министерствомъ, основанныя на взаимномъ довѣріи и на любви къ общему дѣлу.

Губернское земское собраніе, которому управа доложила о результатахъ собесѣдованія представителей земства съ министромъ, выразило министру свою живѣйшую благодарность за просвѣщенное и нелицепріятное отношеніе къ нуждамъ народнаго образованія и за довѣріе къ земству. Всѣ десять пунктовъ ходатайства, представленныхъ министру 3 октября, собраніе признало весьма существенными и неотложными. Съ особенною

же энергіей настаивало большинство представителей земства въ собраніи на отмѣнѣ тѣхъ циркуляровъ бывшаго министерства, которые, съуживая рамки закона, стѣсняли земскую дѣятельность. Собраніе высказало свое твердое убѣжденіе въ необходимости такой прочной постановки дѣла народнаго образованія, при которой самостоятельность школы была бы ограждена закономъ, а не временными только добрыми отношеніями учебнаго вѣдомства къ земству, могущими легко измѣниться съ перемѣною въ личномъ составѣ упомянутаго вѣдомства.

Въ виду благопріятной для дѣла народнаго образованія перемѣны въ личномъ составѣ министерства, тверское губернское земское собраніе возобновило ассигновку на учительскую школу Максимовича, въ размѣрѣ 8000 р. въ годъ; но съ тѣмъ чтобы вся управа и одинъ изъ гласныхъ, по выбору собранія, вошли въ проектируемый попечительный совѣтъ школъ съ правомъ голоса.

Кромѣ того, собраніе ассигновало 2000 рублей на содержаніе стипендіатовъ въ новоторжской правительственной учительской семинаріи и стипендіатокъ—въ женской тверской, и 600 р. на пособіе бѣднѣйшимъ ученикамъ классической гимназіи и реальнаго училища. Наконецъ, въ благодарность за поддержку, какую тверской губернаторъ Аѳанасій Николаевичъ Сомовъ оказывалъ земству тверской губерніи въ дѣятельности послѣдняго на пользу народнаго образованія, особенно же за заботливость о школѣ Максимовича, въ недавно ею пережитые тяжелые годы, тверское губернское земское собраніе постановило ассигновать изъ запаснаго капитала шесть тысячъ рублей на стипендіи имени А. Н. Сомова въ школѣ П. П. Максимовича.

Послѣ всего что выше сказано было объ отношеніяхъ учебнаго вѣдомства къ земству тверской губерніи, намъ совершенно понятна та задушевность, съ какою тверское губернское земское собраніе высказало свое сочувствіе А. А. Сабурову, графу Лорисъ-Меликову, мѣстному губернатору и всѣмъ, кто въ тяжкія времена для народной школы являлись ея заступниками; намъ понятна высказанная земствомъ готовность идти въ дѣлѣ народнаго образованія рука объ руку съ министерствомъ, во главѣ котораго стоитъ личность, не относящаяся къ дѣлу этому враждебно.

Не понятно намъ только одно, какимъ образомъ могли возникнуть тѣ отношенія и какъ могла зародиться самая мысль о необходимости цѣлаго ряда мѣръ, систематически стѣснявшихъ всякое вліяніе земства на школы, всякій земскій починъ въ дѣлѣ народнаго образованія. Неужели прежнее министерство полагало, что представители инспектора народныхъ училищъ, люди большею частію пришлые и ничѣмъ не связанные съ обществомъ и народомъ, представляютъ собою болѣе надежный охранительный элементъ, чѣмъ само общество, т. е. сами отцы и матери учащейся молодежи, представителями которыхъ является земство? Исторія народнаго

образованія въ тверской губерніи за послѣднее десятилѣтіе показываетъ, что такое воззрѣніе въ средѣ учебной администраціи существовало и практиковалось и что подозрительность этой послѣдней по отношенію къ обществу доходила иногда до невѣроятной степени. Яркимъ и довольно характернымъ примѣромъ такой неумѣренной подозрительности можетъ служить констатированный тверскимъ губернскимъ земскимъ собраніемъ фактъ, что тверская женская учительская школа, содержимая на средства губернскаго земства, не очень давно обречена была учебнымъ вѣдомствомъ на закрытіе за недостаточно благонамѣренное, будто бы, направленіе; но что она спасена была благодаря энергической поддержкѣ мѣстнаго губернатора и хорошему отзыву мѣстнаго губернскаго *органа III отдѣленія*.

Дѣятельность земства тверской губерніи по народному образованію поставлена была до сихъ поръ въ такія ненормальныя условія, что трудно судить, въ какой мѣрѣ неудовлетворительное положеніе начальныхъ народныхъ училищъ губерніи зависило отъ внѣшнихъ препятствій, въ какой—отъ внутреннихъ, заключающихся въ самомъ земствѣ. А что положеніе народныхъ школъ въ губерніи неудовлетворительно, это видно изъ протоколовъ земскихъ собраній и изъ докладовъ управъ, какъ уѣздныхъ, такъ и губернской.

Прежде всего, школъ очень мало. Во всѣхъ школахъ городовъ и уѣздовъ тверской губерніи со включеніемъ школъ грамотности обучается около 42.000 человѣкъ, т. е. шестая часть всего числа дѣтей учебнаго возраста (7—13 лѣтъ). Грамотныхъ въ губерніи насчитывается не болѣе 180.000 человѣкъ, неграмотныхъ же, кромѣ дѣтей до 7 лѣтняго возраста,—не менѣе милліона.

Внѣшняя обстановка школъ, въ большинствѣ, неудовлетворительна. По изслѣдованію, произведенному губернскою управою, только 16% всего числа обслѣдованныхъ школъ имѣютъ отъ 8 до 10 кубическихъ саженъ воздуха на учащагося, т. е. количество приближающееся къ требуемому минимуму; остальныя—гораздо менѣе.

Вознагражденіе, получаемое большинствомъ учителей начальныхъ училищъ въ губерніи, какъ земскихъ, такъ и неземскихъ, весьма скудно и не превышаетъ въ среднемъ выводѣ 180 р. въ годъ. Получая такое скудное содержаніе, не имѣя надежды когда-либо серьезно улучшить свою матеріальную обстановку, завися отъ множества начальствъ, изъ которыхъ каждое можетъ лишить его мѣста и куска хлѣба, народный учитель, въ большинствѣ случаевъ, далеко не имѣетъ того нравственнаго авторитета въ крестьянской средѣ, какой необходимъ для того, чтобы дѣятельность учителя была достаточно успѣшна. Въ глазахъ крестьянъ не можетъ имѣть достаточнаго авторитета человѣкъ, обязанный ухаживать за урядникомъ и волостнымъ писаремъ, человѣкъ, которому живется голодно и холодно, который, въ большинствѣ случаевъ, не имѣетъ даже средствъ для семейной жизни. Въ самомъ дѣлѣ, взгляните на таблицы, приводи-

мыя тверскою губернскою управой въ ея послѣднемъ докладѣ о народномъ образованіи: тамъ вы увидите, что изъ всего числа народныхъ учителей (322), женатые составляютъ 34,47%, вдовцы—0,62%, холостые же—65%; изъ всего числа (247) учительницъ, замужнія—3,64%, вдовы—3,24%, дѣвицы—93,12% *).

Въ видѣ иллюстраціи къ сказанному, приводимъ слѣдующую краткую характеристику положенія народнаго учителя, предложенную губернскому земскому собранію однимъ изъ представителей корчевскаго земства. «Незавидно, говоритъ этотъ гласный, положеніе семейнаго учителя, получающаго по 10 рублей въ мѣсяцъ; онъ становится наравнѣ съ простымъ, неграмотнымъ работникомъ-поденьщикомъ. Иной учитель, вмѣсто того, чтобы учить учениковъ, занимается перепиской у волостнаго писаря; потому что нужно же ему добыть къ своимъ десяти рублямъ еще двугривенный или осьмушку чаю для семьи. Да кто же, наконецъ, этотъ десятирублевый учитель? Когда въ селѣ Кимрѣ, въ этомъ богатомъ промышленномъ селѣ, богатые кимряки-крестьяне къ пиршествамъ своимъ какъ бы стыдятся пригласить учителя своего волостнаго училища, когда въ средѣ ихъ этотъ учитель — послѣдній изъ послѣднихъ гостей, то какое нравственное вліяніе можетъ пріобрѣсти учитель при какой-нибудь бѣдной школѣ, среди болѣе пассивнаго общества?» **) Все это заявлялось назадъ тому девять лѣтъ, но съ тѣхъ поръ положеніе народныхъ учителей мало измѣнилось. Правда, средній годовой заработокъ ихъ поднялся съ 120 р. до 180 р.; но вѣдь въ то же время средства къ жизни вздорожали въ еще болѣе значительной пропорціи: въ 1871 году пудъ ржаной муки стоилъ 75 коп., въ нынѣшнемъ—не менѣе 1 р. 50 коп.

Давая народнымъ учителямъ ничтожное вознагражденіе за ихъ трудъ, земство, конечно, не можетъ привлечь къ учительскому труду достаточно подготовленныхъ и просвѣщенныхъ дѣятелей, а если и привлекаетъ, то не на долго. Не очень давно, (въ 1876 году) тверская губернская земская управа докладывала собранію, что изъ 284 учителей, доставившихъ ей о себѣ свѣдѣнія, болѣе половины занимались обученіемъ не болѣе трехъ лѣтъ, около четверти — лишь одинъ годъ. Эти цифры, говоритъ управа, сами по себѣ еще не особенно неблагопріятны; но надо принять во вниманіе, что уходятъ со службы земства и чаще всего мѣняются наиболѣе подготовленные учителя. Дольше всего остаются учителями священники и вообще лица духовнаго званія, во многихъ случаяхъ занимающіеся преподаваніемъ между дѣломъ, и лица, получившія лишь первоначальное образованіе.

Земство тверской губерніи сознаетъ всю недостаточность вознагражденія, получаемаго большинствомъ учителей за ихъ трудъ; но платежныя

*) Докладъ упр. 1880 г., стр. 47.

**) Протоколы тв. губ. з. собранія 1871 г., стр. 342.

средства населенія такъ напряжены, что значительнаго улучшенія обстановки учительскаго труда въ народныхъ школахъ ждать нельзя, по крайней мѣрѣ, въ скоромъ времени. Изъ уѣздныхъ земствъ тверской губерніи только весьегонское нашло возможнымъ увеличить учительское жалованье до 400 рублей въ годъ; въ остальныхъ уѣздахъ высшій окладъ учительскаго жалованья простирается лишь до 300 р., средній—до 180, низшій—отъ 96 р. до 180 р. въ годъ. Помощники и помощницы учителей получаютъ въ весьегонскомъ уѣздѣ до 240 р., въ остальныхъ—отъ 60 р. до 180 р. въ годъ.

Если трудно разсчитывать на значительное улучшеніе быта существующихъ народныхъ учителей, то еще труднѣе ждать, въ скоромъ времени, такого увеличенія числа начальныхъ народныхъ училищъ, при которомъ, по крайней мѣрѣ, грамотѣ выучиться могло бы все населеніе. Чтобы достичь этой цѣли, необходимо увеличить нынѣшнее число земскихъ училищъ, по меньшей мѣрѣ, вчетверо, т. е. основать до 1200 новыхъ школъ и затрачивать на содержаніе ихъ отъ 500.000 до 600.000 рублей (считая жалованье учителей, наемъ помѣщеній, учебныя пособія и проч.). А такъ какъ весь нынѣшній бюджетъ земскихъ обязательныхъ и необязательныхъ расходовъ простирается до 900.000 р., то для доставленія всему населенію губерніи возможности учить дѣтей своихъ, земство должно было бы увеличить свой бюджетъ въ полтора раза: дѣло трудное, такъ какъ, кромѣ земскихъ, существуютъ еще повинности государственныя, общественныя, выкупные платежи и проч.

Но то, чего не можетъ выполнить земство однѣми своими силами и средствами, было бы вполнѣ возможно, и даже не трудно, еслибъ необходимость всенароднаго образованія достаточно ясно сознавалась обществомъ и государствомъ. Кромѣ выкупныхъ платежей, имѣющихъ спеціальное назначеніе, тверская губернія вноситъ въ государственную кассу не менѣе *семи* милліоновъ рублей, изъ коихъ около *двухъ* милліоновъ рублей государство расходуетъ на свои нужды въ предѣлахъ тверской губерніи, остальную сумму—внѣ ея. Изъ 7 милліоновъ рублей, взимаемыхъ съ населенія тверской губерніи, государство затрачиваетъ на начальныя народныя школы въ предѣлахъ ея—12.243 рубля, изъ коихъ болѣе двухъ третей идетъ на содержаніе личнаго состава дирекціи и инспекціи народныхъ училищъ *). На содержаніе урядниковъ въ тверской губерніи тратится государствомъ вдесятеро больше, чѣмъ на содержаніе всѣхъ двухклассныхъ и одноклассныхъ училищъ министерства народнаго просвѣщенія—во всѣхъ уѣздахъ той же губерніи.

Податная, бюджетная и другія коммиссіи заняты вопросомъ объ улучшеніи финансоваго хозяйства Россіи; тверское губернское земство, въ по-

*) На среднія учебныя заведенія въ тверской губерніи государство затрачиваетъ въ годъ до 140.000 р. (преимущественно въ городахъ).

слѣднюю свою сессію, оптимистически, благодаря новымъ вѣяніямъ, настроенное, высказало надежду, что представители общества и земства призваны будутъ къ участію въ этой общегосударственной работѣ: какъ знать? быть можетъ, общими усиліями государства и земства достигнется та давно желанная экономія въ русскихъ финансахъ при которой всенароднаго начальнаго обученія можно будетъ достигнуть и безъ обремененія государственнаго бюджета.

Но, чтобы достигнуть всенароднаго образованія, однихъ матеріальныхъ затратъ земства и государства мало. При формально-бюрократическомъ веденіи дѣла никакихъ средствъ недостаточно: большая часть ихъ будетъ пропадать даромъ. Для успѣха, необходимо дать, въ дѣлѣ устройства школъ, просторъ общественной и частной иниціативѣ, особенно же—позаботиться о томъ, чтобы народъ самъ заинтересовался школою и образованіемъ.

Нынѣшнею земскою начальною школой народъ интересуется мало; потому что она, вслѣдствіе ограниченности своей программы, и вслѣдствіе недостаточной образованности учителя, малымъ чѣмъ отличается отъ школы грамотности, обходящейся народу много дешевле. Средній расходъ на земскую школу, имѣющую до 40 учениковъ, не менѣе 300 рублей въ годъ; тѣ же 40 мальчиковъ у своихъ непатентованныхъ учителей могли бы учиться за 80 рублей, по 2 рубля съ человѣка, въ зиму. Вотъ почему весьма желательно, чтобъ осуществилось ходатайство тверскаго земства о расширеніи программы начальныхъ народныхъ училищъ до такихъ размѣровъ, при которыхъ оканчивающіе въ этихъ училищахъ курсъ могли бы быть хорошими наставниками школъ грамотности. Когда съ помощію этихъ юныхъ, хорошо подготовленныхъ наставниковъ, будетъ удовлетворена потребность всего населенія знать грамоту, тогда, можно надѣяться, не потребуется на народное образованіе большихъ затратъ со стороны земства и государства; ибо самъ народъ пойметъ необходимость ученья и найдетъ всѣ необходимыя средства, чтобы хорошо устроить свою школу.

Организація земскаго представительства.

I.

Въ продолженіе прошлаго года «земскій отдѣлъ» нашего журнала составили: обозрѣніе выдающихся событій текущей жизни земскихъ учрежденій, очеркъ исторіи одного изъ уѣздныхъ земствъ, со дня открытія дѣйствій его учрежденій до конца 1879 года и обзоръ дѣятельности земскихъ учрежденій въ 1876—77 годахъ, на всемъ пространствѣ охваченномъ земской реформой, совмѣстный съ разсмотрѣніемъ положеній легшихъ въ основу послѣдней. Кромѣ того, отдѣльнымъ вопросамъ земскаго дѣла посвящено было нѣсколько статей, помѣщенныхъ въ отдѣлѣ «Русская жизнь».

Поставивъ одной изъ главныхъ задачъ нашего журнала посильное служеніе земскому дѣлу, стараясь придать нашему изданію, значеніе *органа русской народной жизни,* мы далеки отъ мысли, что въ первомъ же году мы успѣли вполнѣ удовлетворить ежедневно возрастающему требованію читателей, въ особенности читателей, живущихъ въ провинціи и близко стоящихъ къ земскому дѣлу, къ народнымъ нуждамъ, слышать живое, участливое къ этимъ нуждамъ слово, видѣть участіе періодической печати въ выясненіи ихъ, въ разработкѣ многихъ и многихъ вытекающихъ изъ нихъ вопросовъ первостепенной важности. Мы сдѣлали, что могли и остаемся при сознаніи быстро разрастающагося значенія нашихъ земскихъ дѣлъ. Общество, печать и правительство сознаютъ, наконецъ, значеніе земскаго дѣла. Общество интересуется имъ, снова ждетъ отъ него многаго; правительство съ довѣріемъ начало относиться къ земскимъ учрежденіямъ и земскимъ людямъ и высказало желаніе содѣйствовать успѣху земскихъ дѣлъ; печать отвела имъ не мало страницъ и столбцевъ; нѣтъ ни одного болѣе серьезнаго органа періодической печати, который бы такъ или иначе не участвовалъ въ обсужденіи земскихъ дѣлъ. «Вѣстникъ Европы», «Русская Рѣчь», «Отечественныя Записки», «Слово», «Юридическій Вѣстникъ» и др. посвятили имъ въ прошломъ году по нѣсколько статей. Газеты переполнены передовыми статьями по зем-

скимъ вопросамъ. Число періодическихъ изданій отдѣльныхъ земствъ увеличилось. Появившаяся съ 15 ноября прошлаго года у насъ въ Москвѣ газета «Русь» отвела на своихъ страницахъ земскому дѣлу весьма обширное мѣсто. 3-го декабря вышелъ первый номеръ газеты «Земство», само заглавіе которой опредѣляетъ ея цѣль и назначеніе. Усматривая во всемъ этомъ вѣрный признакъ пробужденія въ обществѣ интереса къ земскимъ дѣламъ, мы находимъ не безполезнымъ постараться уяснить себѣ наиболѣе характерныя и заслуживающія вниманія положенія, взгляды и желанія, по нимъ въ послѣднее время высказанныя.

Во второй половинѣ 1879 года въ «Юридическомъ Вѣстникѣ» обратили на себя вниманіе статьи, помѣщенныя подъ рубрикой «Земская хроника». Первая изъ нихъ имѣла своимъ предметомъ положеніе земской литературы и указывала на затрудненія, которыя встрѣчаетъ изучающій дѣятельность земскихъ учрежденій въ добываніи матеріаловъ и на неблагопріятныя условія, въ которыя поставлены земская печать и земскія изданія. Во второй статьѣ, озаглавленной «Положеніе земскихъ учрежденій въ системѣ мѣстнаго управленія», авторъ указывалъ на не соотвѣтствіе положенія занимаемаго нынѣ этими учрежденіями съ началами, кои высказывались коммиссіей, проектировавшей положеніе о земскихъ учрежденіяхъ. Сопоставленіемъ краснорѣчиво говорящихъ фактовъ, читатель вводился въ этотъ міръ противорѣчій, гдѣ учрежденія предназначенныя для *дѣйствительнаго* и *самостоятельнаго* завѣдыванія дѣлами мѣстнаго хозяйства губерній и уѣздовъ лишены нужныхъ для того власти и правъ, стѣснены административной опекой и гдѣ учрежденія по характеру и назначенію своему несословныя, такъ сказать, общія для всего населенія, поставлены въ зависимость, и къ тому же довольно тѣсную, отъ представителей сословныхъ. Слишкомъ большая узкость правъ земскихъ учрежденій и неправильная постановка ихъ въ средѣ прочихъ органовъ нашего государственнаго строя, по мнѣнію автора суть главныя причины неудовлетворительнаго хода земскихъ дѣлъ.

Тотъ же взглядъ проведенъ, тѣ же указанія сдѣланы въ земскомъ обозрѣніи февральской книги нашего журнала и въ руководящей статьѣ 1 номера газеты «Земство». Въ помѣщенной въ той же газетѣ статьѣ А. В. Скульскаго (Организація земскихъ учрежденій) снова указывается на то, что «земскія учрежденія не связаны органически съ остальнымъ государственнымъ урядомъ, а стоятъ совершенно особнякомъ и, получивъ права, какихъ не имѣютъ даже муниципальныя учрежденія въ старыхъ государствахъ Европы, какъ напримѣръ—право почти безконтрольнаго обложенія имуществъ, не получили никакихъ средствъ и гарантій къ реализаціи этихъ правъ и къ приведенію въ исполненіе своихъ предположеній *). «Изолированность земскихъ учрежденій и невозможность самопо-

*) „Земство“ № 3.

мощи», говоритъ далѣе авторъ этой статьи, «представляются первыми наглядными недостатками этой организаціи. Слѣдовательно, или надо дать въ руки самого земства средства осуществлять свои предположенія, или заставить правительственныя учрежденія служить исполненію законныхъ цѣлей земства». Тамъ же читаемъ, что другая слабая сторона земской организаціи заключается въ недостаткѣ «интеллигентныхъ силъ въ средѣ земскихъ гласныхъ», что «отсутствіе этой дорогой силы между земскими представителями весьма ощутительно и пополненіе этого пробѣла необходимо, хотя бы путемъ капитальной реформы» и что посему при пересмотрѣ земскаго положенія необходимо «включить всѣхъ лицъ, получившихъ высшее образованіе, въ разрядъ земскихъ избирателей съ правами на избраніе въ гласные того уѣзда, въ которомъ они имѣютъ постоянное жительство, помимо какого-либо имущественнаго ценза». Но этого мало, предлагается еще и другой способъ «чтобы усилить интеллигентный элементъ въ земскихъ собраніяхъ», состоящій въ томъ, чтобы «независимо отъ числа гласныхъ, установленнаго закономъ для каждаго уѣзда, каждое лицо, которое прослужило извѣстное число трехлѣтій, положимъ три, по избранію въ должностяхъ предводителя дворянства, предсѣдателя и члена земской управы, мироваго судьи, непремѣннаго члена крестьянскаго присутствія, получило бы право быть безсмѣннымъ гласнымъ безъ выборовъ».

Предложеніемъ увеличить избирательный періодъ, въ настоящее время, трехлѣтній, выдавать суточное содержаніе уѣзднымъ и губернскимъ гласнымъ и предоставить земскимъ собраніямъ самимъ избирать изъ своей среды своихъ предсѣдателей, исчерпывается дальнѣйшее содержаніе этой статьи, на которую, съ жаромъ и горячностью напали нѣкоторые органы нашей періодической печати (Новое Время, Современныя Извѣстія). Возраженія эти послужили поводомъ къ передовой статьѣ въ 5 № газеты «Земство», въ которой редакція заявляетъ, что если она и расходится съ авторомъ статьи «Организація земскихъ учрежденій» въ нѣкоторыхъ частяхъ, какъ напримѣръ по вопросу о безсмѣнности гласныхъ, то въ основной мысли она все-таки съ нимъ солидарна и привлеченіе къ земскому дѣлу интеллигенціи считаетъ безусловно, настоятельно необходимымъ.

«Крестьяне», говорится въ разсматриваемой передовой статьѣ, «какъ ни грустно въ этомъ сознаться, еще нуждаются въ защитѣ: пока сами они не въ силахъ проникнуть во всѣ тайны дѣловыхъ хитросплетеній, необходимо, чтобы тайны эти были передъ ними открываемы, а въ этомъ можетъ помочь только интеллигенція и притомъ та часть ея, которая не проникнута противоположными крестьянству интересами».

Затѣмъ почтенный органъ требуетъ, чтобы эти интеллигентныя силы принадлежали къ данной мѣстности жили въ ней и считая ненужными членами земскихъ собраній такихъ людей, которые связаны съ уѣздомъ только платежемъ налога, не живутъ въ немъ, не знаютъ его нуждъ и условій, доказываетъ, что отсутствіе имущественнаго ценза у лицъ при-

нимающихъ участіе въ земскихъ дѣлахъ не противорѣчитъ исторически сложившимся обычаямъ и воззрѣніямъ русскаго народа и наконецъ приходитъ къ слѣдующимъ заключеніямъ:

„Въ дѣлахъ мѣстнаго благоустройства интересъ плательщиковъ налоговъ, можно сказать обратно пропорціоналенъ размѣру платежа: чѣмъ выше послѣдній, чѣмъ поэтому крупнѣе собственность и чѣмъ, слѣдовательно выше благосостояніе плательщика, тѣмъ менѣе заинтересованъ онъ въ удовлетвореніи потребностей бѣднѣйшихъ классовъ: начальная школа, больница, общественное призрѣніе — все это лично для него совершенно не нужно, ничѣмъ этимъ пользоваться онъ не можетъ, между тѣмъ все это крайне необходимо для большинства населенія". «Печальное положеніе городскаго управленія, находящагося въ рукахъ имущаго купечества, неудовлетворительный ходъ земскаго дѣла, руководимаго владѣльцами крупныхъ цензовъ, все это показываетъ, что для разумнаго и правильнаго веденія общественныхъ дѣлъ, одного владѣнія имуществъ мало: для этого необходима извѣстная степень умственнаго развитія, необходима способность отвлечься отъ узкихъ личныхъ интересовъ, возвыситься до пониманія интересовъ общественныхъ. А такая способность пріобрѣтается только посредствомъ образованія".

Въ то время, когда газета «Земство», какъ видимъ, настойчиво и категорически требуетъ возможно бо́льшаго допуска интеллигенціи къ участію въ земскихъ дѣлахъ, другая московская газета «Русь» указываетъ на полное разобщеніе народа съ земскими учрежденіями, на недовѣріе перваго къ послѣднимъ, въ чемъ она и видитъ главнѣйшую, основную причину неудовлетворительнаго хода земскихъ дѣлъ. Развитію этого положенія «Русь» посвятила не мало статей, но въ нихъ до сихъ поръ, къ сожалѣнію, не встрѣтили мы ничего похожаго на какую-либо положительную программу. Сдѣлавъ предложеніе заняться разработкой общей системы мѣстнаго уѣзднаго самоуправленія, «Русь» ограничилась до сего времени однимъ только положительнымъ, и то весьма отрывочнымъ и вскользь сдѣланнымъ указаніемъ необходимости измѣнить порядокъ выборовъ гласныхъ отъ крестьянъ. Въ другихъ органахъ печати, въ теченіе прошедшаго года, появлялось, какъ мы уже сказали, не мало статей, посвященныхъ дѣламъ земства. «Русская Рѣчь» дала у себя мѣсто цѣлому ряду очерковъ дѣятельности отдѣльныхъ земствъ, распредѣливъ ихъ на группы. «Вѣстникъ Европы» въ весьма обстоятельной статьѣ охарактеризовалъ ходатайства земствъ передъ правительствомъ и указалъ постигавшую ихъ до сего времени участь. Не станемъ перечислять всѣхъ появившихся по земскимъ вопросамъ статей. Для насъ важенъ фактъ ихъ появленія и учащенія, фактъ наглядно доказывающій, что время забвенія земскихъ дѣлъ, время равнодушія къ нимъ, время апатіи самихъ земскихъ людей прошло и замѣнилось живымъ участіемъ къ земскому дѣлу всего мыслящаго русскаго люда. Если же мы вникнемъ въ содержаніе не только журнальныхъ статей, но и постановленій земскихъ собраній, ихъ ходатайствъ передъ правительствомъ и мнѣній людей, посвятившихъ себя этому дѣлу, то передъ нами предстанетъ полное, общее

недовольство его нынѣшнимъ положеніемъ. Друзья и враги земства сошлись въ одномъ: въ порицаніи дѣятельности земскихъ учрежденій, въ порицаніи нынѣ дѣйствующаго земскаго положенія и примѣненія даваемаго ему нашими правительственными властями. Одни (большинство) требуютъ расширенія правъ земскихъ учрежденій, другіе («Московскіе Вѣдомости» и «Берегъ») отрицаютъ эту необходимость, въ самомъ земствѣ не видя ничего путнаго; одни, какъ мы видѣли выше, зовутъ на помощь земству интеллигенцію, другіе правильный ходъ земскихъ дѣлъ ставятъ въ зависимость отъ возможно бо́льшаго упроченія связи земскихъ учрежденій съ народной массой, съ крестьянствомъ, но всѣ согласны въ одномъ, что нынѣшнее положеніе земскихъ дѣлъ неудовлетворительно, что нынѣшняя дѣятельность земскихъ учрежденій—неправильна. Само правительство, повидимому, раздѣляетъ этотъ взглядъ. По крайней мѣрѣ изъ словъ, сказанныхъ министромъ внутреннихъ дѣлъ представителямъ петербургской періодической печати, видно, что «въ программу будущей дѣятельности правительства входитъ предоставленіе земству и другимъ общественнымъ и сословнымъ учрежденіямъ возможности вполнѣ пользоваться тѣми правами, которыя дарованы имъ закономъ, и облегченіе ихъ дѣятельности въ тѣхъ случаяхъ, когда на опытѣ окажется недостатокъ полномочій для правильнаго веденія ввѣренныхъ имъ дѣлъ и экономическихъ улучшеній мѣстностей».

Изъ всего этого, слѣдуетъ заключить, что мы находимся наканунѣ желаемаго всѣми пересмотра земскаго положенія. Существуетъ предположеніе, что пересмотръ этотъ послѣдуетъ по окончаніи извѣстной сенаторской ревизіи. Несомнѣнно, что ревизующіе сенаторы могутъ собрать нужныя для того данныя. Пожелаемъ чтобы возможностью этой они воспользовались широко, успѣшно и тѣмъ дали бы правительству возможность обусловить предполагаемый пересмотръ земскаго положенія основательнымъ знаніемъ дѣйствительныхъ потребностей земства. Помимо ревизующихъ сенаторовъ выясненію этихъ потребностей и вообще благопріятному результату пересмотра, о которомъ ведемъ рѣчь, можетъ много способствовать наша періодическая печать. Въ настоящее время она можетъ говорить о многомъ изъ того, о чемъ прежде говорить не дозволялось. Съ этой стороны у ней руки до извѣстной степени развязаны и если бы она въ виду столь существенной законодательной работы постаралась болѣе дружно, болѣе серьезно, болѣе послѣдовательно и до извѣстной степени систематизировано заняться земскимъ дѣломъ, земскими вопросами, въ особенности тѣми изъ нихъ, которые болѣе близко стоятъ къ сущности положенія о земскихъ учрежденіяхъ, то тѣмъ бы оказала великую услугу нашему земству.

Что же касается до желаній, взглядовъ и направленія въ этомъ дѣлѣ нашего журнала, то еще въ прошломъ году, въ статьѣ «Одно изъ земствъ приволжскаго края» мы говорили:

„Сплотить земскія силы, дать имъ надлежащій выходъ, обратить нынѣ дѣйствующія, *номинальныя* такъ сказать, земскія учрежденія, *въ дѣйствительно* земскія, *оземствить* эти учрежденія удаленіемъ изъ нихъ по возможности всего сословнаго, полицейскаго, подначальнаго и личнаго, упрочить связь ихъ съ главнымъ основнымъ элементомъ земства—крестьянствомъ, чрезъ установленіе правильно избраннаго, независимаго и пропорціально-вѣрнаго представительства сего послѣдняго,—вотъ рядъ вопросовъ и задачъ, отъ правильнаго и скораго разрѣшенія которыхъ всецѣло зависитъ будущее нашего земства. Не вдаваясь въ обсужденіе мѣръ, которыя должны быть приняты, укажемъ только, что и въ этомъ дѣлѣ, какъ и во всякомъ другомъ, онѣ могутъ быть паліативно-дѣйствующія и коренныя. Къ первымъ относимъ: недопущеніе въ гласные волостныхъ старшинъ и непремѣнныхъ членовъ крестьянскихъ присутствій; измѣненіе порядка съѣздовъ для избранія гласныхъ отъ крестьянъ; запрещеніе совмѣщать въ одномъ лицѣ обязанности предсѣдателя земскаго собранія съ должностью предсѣдателя подвѣдомственной тому собранію управы. Неотложность этихъ мѣръ очевидна, какъ очевидно и то, что устраняя возможность многихъ и многихъ злоупотребленій, по свойству своему, онѣ сами по себѣ, не въ состояніи придать земскимъ учрежденіямъ необходимыхъ имъ жизненныхъ силъ, источникомъ коихъ могутъ быть только мѣры проникающія до самаго корня организаціи земскихъ учрежденій. Такими мы считаемъ: пониженіе имущественнаго ценза; измѣненіе всей системы выборовъ гласныхъ; измѣненіе порядка предсѣдательствованія въ земскихъ собраніяхъ; допущеніе сношеній земствъ между собой; болѣе правильную постановку земскихъ учрежденій въ средѣ прочихъ органовъ государственнаго строя". *)

Такъ говорили мы годъ тому назадъ и это наше profession de foi по отношенію къ земскому самоуправленію, его задачамъ и дѣламъ остается неизмѣннымъ. Но оставаясь безъ измѣненія, оно, въ настоящее время требуетъ нѣкоторыхъ поясненій для болѣе точнаго опредѣленія того мѣста, которое мы занимаемъ въ средѣ лицъ, интересующихся земскимъ дѣломъ, желающихъ ему успѣха и процвѣтанія и старающихся ему посильно служить. Выше мы привели мнѣнія, указали взгляды нѣкоторыхъ органовъ нашей періодической печати, преимущественно газетъ «Земства» и «Русь». Что касается до насъ, то вполнѣ раздѣляя мнѣніе о пользѣ участія въ земскихъ дѣлахъ людей развитыхъ и образованныхъ и смотря на крестьянство, какъ на самый многочисленный элементъ земства, желая видѣть его болѣе удовлетворительно представленнымъ въ земскихъ собраніяхъ и сознавая необходимость болѣе тѣсной связи крестьянскаго населенія съ земскими учрежденіями, мы не видимъ спасенія земскаго дѣла ни въ предоставленіи исключительныхъ правъ диплому объ окончаніи курса въ высшемъ учебномъ заведеніи, ни въ низведеніи земскихъ учрежденій въ какой-то ультро-крестьянскій институтъ. Все составляющее земство должно имѣть мѣсто въ земскихъ учрежденіяхъ. Весьма желательно чтобы интеллигентныя силы земства ему служили, принимали участіе въ его дѣлахъ. но не иначе какъ на правахъ общихъ, равныхъ для всѣхъ членовъ земства. Земству нужна не та чахлая интеллигенція, для которой приходится

*) „*Русская Мысль*". Май, 1880 г. стр. 89.

расчищать дорогу, которую нужно заманивать разными правами и прерогативами, а та, которая сама чрезъ препятствіе и преграды прокладываетъ себѣ путь и сильная убѣжденіемъ въ необходимости служить земскому дѣлу сама занимаетъ подобающее ей мѣсто въ средѣ земскихъ людей. Умственное развитіе, правильно направленная воля, устойчивость сознательныхъ желаній и послѣдовательность въ преслѣдованіи своихъ цѣлей, суть качества необходимыя для полезнаго общественнаго дѣятеля и вмѣстѣ съ тѣмъ такія, которыя до нѣкоторой степени достаточны для человѣка желающаго преодолѣть тѣ весьма преодолимыя преграды, которыя земское положеніе и практика земскихъ дѣлъ воздвигаютъ между желаніемъ быть гласнымъ и выполненіемъ этого желанія. Но если даже допустить, положеніе само по себѣ вѣрное, что нынѣ дѣйствующая регламентація избранія гласныхъ неудовлетворительна въ томъ отношеніи, что требованіемъ значительнаго имущественнаго ценза отдаляетъ отъ участія въ земскихъ дѣлахъ многихъ полезныхъ членовъ земства, то должны быть сдѣланы соотвѣтствующія измѣненія въ положеніи о земскихъ учрежденіяхъ, но въ смыслѣ, повторяемъ, общемъ для всѣхъ членовъ земствъ, а не исключительно для кончившихъ курсъ въ высшемъ учебномъ заведеніи, что еще далеко не выражаетъ собою пригодности для земскаго дѣла. Съ другой стороны, какъ бы неудовлетворительны ни были нынѣ дѣйствующія земскія учрежденія, мы не желали бы замѣны земскихъ собраній крестьянскими сходами и весьма далеки отъ того, чтобы именно въ крестьянахъ видѣть зиждителей, обновителей земскаго дѣла. Не видимъ ихъ ни въ дворянахъ, ни въ купцахъ и только тѣ мѣры, тѣ начала считаемъ для земства полезными, которыя не имѣютъ въ себѣ ничего сословнаго, личнаго, односторонняго. Тѣмъ и трудна задача земской регламентаціи, что ни въ одномъ быть можетъ дѣлѣ не требуется соблюденія такого равновѣсія въ проводимыхъ началахъ, какъ въ дѣлѣ земскомъ, ибо само земство представляетъ собою амальгаму разнородныхъ и въ весьма неровныхъ пропорціяхъ въ ней пребывающихъ сословныхъ и имущественныхъ элементовъ. Цементировать ихъ, удалить все вносящее между ними рознь и дѣленіе, связать ихъ общностью обязанностей, равенствомъ правъ, объединить ихъ общностью дѣла и задачъ и установленіемъ такого порядка, при которомъ интересы одной изъ составныхъ частей земства не могли быть приносимы въ жертву интересамъ другой его части,— вотъ задача предстоящая тѣмъ, на кого будетъ возложенъ трудъ пересмотра земскаго положенія и отъ правильнаго разрѣшенія которой будетъ зависить правильность и успѣшность дальнѣйшаго хода земскихъ дѣлъ, а стало быть, и установленіе довѣрія къ земскимъ учрежденіямъ со стороны сельскаго населенія и привлеченіе къ участію въ земскомъ дѣлѣ образованной и развитой части общества. Задача крайне трудная, требующая большой подготовки, большаго практическаго знанія народной жизни и вполнѣ объективнаго, строго безпристрастнаго отношенія къ дѣлу.

Подъ скромнымъ названіемъ пересмотра положенія о земскихъ учрежденіяхъ будетъ совершаться законодательная работа долженствующая выправить нашу земскую жизнь. Обращаясь къ практической сторонѣ этого дѣла, нельзя прежде всего не пожелать, чтобы эта выправка не обратилась въ ломку, чтобы пересмотръ не привелъ бы къ замѣнѣ земскаго положенія какимъ либо другимъ мало съ нимъ общаго имѣющимъ положеніемъ. Какія бы крупныя дополненія и измѣненія въ земскомъ положеніи ни требовались, они, по мнѣнію нашему, и могутъ и должны быть сдѣланы такъ, чтобы земскія учрежденія почерпнули въ нихъ новыя жизненныя силы, но чтобы вмѣстѣ съ тѣмъ наша земская жизнь не была сведена съ того пути, по которому она вотъ уже шестнадцатый годъ, такъ или иначе идетъ. Чтобы ни говорили противники нынѣ дѣйствующаго земскаго положенія, оно, несмотря на всѣ свои недостатки, останется великимъ законодательнымъ актомъ, исправить, дополнить, развить который необходимо, но уничтожить и замѣнить другимъ—невозможно, не нужно и для земства вредно. Земское положеніе сослужило Россіи великую службу, оно сплотило земскія силы, изъ сферы историческихъ воспоминаній оно внесло въ практику нашей государственной и общественной жизни представленіе о земствѣ, какъ о дѣйствительно существующемъ органѣ государственнаго строя не только несущемъ многочисленныя обязанности, но и имѣющимъ права и самоуправляющемся. Начала положенныя въ основу земскаго положенія превосходны, противъ нихъ никто изъ путныхъ людей никогда не спорилъ,—примѣненіе же данное имъ комиссіей проектировавшей земское положеніе во многомъ неправильно и будучи обосновано на прежнихъ дореформенныхъ порядкахъ русской жизни требуетъ многихъ весьма существенныхъ измѣненій и исправленій. Наиболѣе изъ нихъ серьезныя и сложныя, по мнѣнію нашему, относятся къ той части земскаго положенія, которая посвящена организаціи земскаго представительства. Тутъ комиссія, составлявшая земское положеніе, съ статсъ-секретаремъ П. А. Валуевымъ, во главѣ, много погрѣшила противъ принциповъ и началъ земскаго самоуправленія ею же выработанныхъ и установленныхъ. 15-ти лѣтній опытъ наглядно показалъ, какъ вредны эти противорѣчія, какъ отдаляютъ они земскія учрежденія отъ земства, какъ извращаютъ они дѣятельность этихъ учрежденій. Мы обращаемся прежде всего къ этой части земскаго положенія, ибо раздѣляя вполнѣ высказываемое многими мнѣніе о необходимости для успѣха земскихъ дѣлъ расширенія нѣкоторыхъ правъ земскихъ учрежденій, полагаемъ что польза отъ того ожидаемая, мыслима только при томъ условіи, чтобы учрежденія которымъ права эти предоставлены будутъ, имѣли бы такую организацію, которая дѣлала бы ихъ способными къ правильному пользованію своими правами и точному выполненію лежащихъ на нихъ обязанностей. Что касается до нынѣшняго ихъ состава, то какъ извѣстно уѣздныя земскія собранія состоятъ изъ гласныхъ, подраздѣляющихся на три категоріи: гласныхъ отъ землевла-

дѣльцевъ, гласныхъ отъ городскихъ обществъ и гласныхъ отъ сельскихъ обществъ (14 ст. полож. о зем. учр.). Въ гласные отъ землевладѣльцевъ могутъ быть избраны: а) лица, владѣющія въ уѣздѣ пространствомъ земли указаннымъ въ особомъ росписаніи, для каждаго уѣзда различнымъ, отъ 200 до 800 десятинъ; б) лица, владѣющія въ уѣздѣ другимъ недвижимымъ имуществомъ, цѣною не ниже 15 т. р. или промышленнымъ заведеніемъ не ниже той же капитальной стоимости, или имѣющія общій годовой оборотъ не менѣе шести тысячъ рублей; в) уполномоченные отъ нѣсколькихъ землевладѣльцевъ, владѣющихъ въ уѣздѣ пространствомъ земли не менѣе $^1/_{20}$ пространства опредѣленнаго для непосредственнаго участія въ съѣздѣ землевладѣльцевъ. Въ число послѣднихъ входятъ и священно-служители, владѣющіе въ уѣздѣ церковною землею (ст. 23 Зем. Положенія).

Дѣленіе гласныхъ на указанныя выше три категоріи мы находимъ правильнымъ, какъ соотвѣтствующее тремъ главнымъ родамъ владѣнія (частное, общинное и городское). Въ дѣлѣ земскомъ, дѣлѣ хозяйственномъ, въ большинствѣ случаевъ имущественномъ и изъ имущества исключительнаго черпающемъ потребныя ему средства, имущество должно имѣть первенствующее основное значеніе. Но затѣмъ составъ первой группы гласныхъ, гласныхъ отъ землевладѣльцевъ, по нашему мнѣнію, далеко не удовлетворяетъ требованіямъ земскаго представительства. Только лица, владѣющія весьма значительной недвижимой собственностью, имѣютъ непосредственное участіе въ выборѣ гласныхъ, владѣльцы меньшихъ имуществъ должны подвергаться двойному избранію, и наконецъ, собственники, владѣнія коихъ не достигаютъ $^1/_{20}$ полнаго ценза, устранены отъ всякаго участія въ дѣлахъ земства, несмотря на то, что участвуютъ въ платежѣ земскаго сбора наравнѣ съ прочими членами земства. Явное нарушеніе равноправности членовъ земства. Комиссія, проектировавшая земское положеніе, объясняетъ это такъ:

„Для опредѣленія большей или меньшей степени участія каждаго въ хозяйственныхъ интересахъ уѣзда не представляется другаго видимаго признака, какъ количество имущества, которымъ владѣетъ въ уѣздѣ то или другое лицо. Съ одной стороны, подати, сборы и тому подобныя пожертвованія частныхъ лицъ въ пользу общества, соотвѣтствуютъ, въ извѣстной пропорціи, количеству имущества, съ другой стороны, общее хозяйство уѣзда соотвѣтствуетъ суммѣ частныхъ хозяйствъ его населенія. Чѣмъ значительнѣе частное имущество лица, тѣмъ значительнѣе и интересъ его въ общемъ хозяйствѣ уѣзда“ *).

Какой странный, какой невѣрный выводъ! Думаемъ, что интересъ частнаго лица въ исправномъ ходѣ земскаго хозяйства относителенъ и не можетъ измѣряться размѣромъ владѣнія. Одному дорого малое, другому и большое ни почемъ. Бѣдняку, живущему въ уѣздѣ и платящему земскій сборъ въ количествѣ нѣсколькихъ рублей, всѣ земскія

*) Труды комиссіи о губ. и уѣздн. учр., ч. II, кн. I Объясн. Записка, стр. 18.

неурядицы гораздо чувствительнѣе, чѣмъ богачу, Богъ вѣсть гдѣ живущему. Появится-ли въ уѣздѣ эпидемія, — первому дѣться некуда, семью схоронитъ, второй объ эпидеміи и знать не будетъ. Небогатому человѣку нужна школа для дѣтей, человѣку съ большими средствами школы не только не нужно, но чѣмъ больше будетъ этихъ школъ и чѣмъ больше у него будетъ десятинъ, тѣмъ болѣе накладными покажутся ему эти школы. Тутъ дѣло не только кармана, но еще болѣе индивидуальныхъ свойствъ каждаго отдѣльнаго лица, его личныхъ взглядовъ, характера, степени умственнаго развитія и образованія, словомъ такихъ свойствъ, которыя ни подъ какія общія мѣрила подводимы быть не могутъ и потому полагаемъ, что каждый членъ земства пока онъ представляетъ собою отдѣльное лицо долженъ считаться равно заинтересованнымъ въ правильномъ веденіи земскаго хозяйства и одинаково со всѣми прочими имѣющимъ право на участіе въ веденіи онаго.

Но если даже приведенное нами соображеніе коммиссіи признать вѣрнымъ, то во всякомъ случаѣ, примѣненіе его вполнѣ неудовлетворительно уже тѣмъ, что оно этому же соображенію противорѣчитъ. Коммиссія старается доказать пропорціональность интересовъ съ размѣромъ имущества и на основаніи этого устанавливаетъ цензъ опредѣляемый количествомъ десятинъ. Въ одномъ и томъ же уѣздѣ десятина десятинѣ розь и по капитальной стоимости и по доходности. 200 десятинъ могутъ стоить и 20,000 р. и 2,000 р.; 200 десятинъ могутъ давать дохода и 2,000 р. и могутъ никакого дохода не давать; при нынѣшнемъ стремленіи земскихъ собраній облагать земскимъ сборомъ соотвѣтственно доходности или дѣйствительной стоимости предметовъ обложенія, 200 десятинъ могутъ заплатить въ годъ земскаго сбора и 50 р. и 5 р. Весьма возможенъ и такой случай, что имѣющій менѣе 200 десятинъ платитъ земскій сборъ въ большей суммѣ, чѣмъ имѣющій 200 и болѣе десятинъ. Тоже можно сказать и относительно владѣльца 7, 8 десятинъ по отношенію его къ владѣльцу 12 и 15 десятинъ. Какое же тутъ, хотя бы даже нелѣпое, хотя бы даже ничего не доказывающее, соотвѣтствіе правъ съ размѣромъ имущества? И откуда взяты эти цифры требующагося земельнаго ценза для избранія въ гласные *). Вотъ, что говоритъ по этому поводу сама коммиссія:

„Для опредѣленія численнаго размѣра земельной собственности, дающей уѣздному землевладѣльцу право участія въ избирательномъ собраніи, необходимо принять въ соображеніе *настоящія условія избирательныхъ правъ въ уѣздахъ*. До сихъ поръ главная часть земельной собственности находилась въ рукахъ дворянъ—помѣщиковъ, за исключеніемъ только немногихъ уѣздовъ. Право непосредственнаго участія *въ дворянскихъ выборахъ имѣли лица, владѣвшія имѣніями населенными не менѣе какъ 100 ревизскими мужескаго пола душами крестьянъ*. Законъ уже установилъ для отдѣльныхъ уѣздовъ, и даже для частей

*) 200, 250, 300, 350, 475, 650 и 800 десятинъ, смотря въ какомъ уѣздѣ.

уѣздовъ, извѣстное нормальное отношеніе земли къ населенію въ дворянскихъ имѣніяхъ: положеніемъ 19 февраля 1861 года установлены для уѣздовъ и частей ихъ высшіе и указные душевые надѣлы земли, на основаніи собранныхъ и разработанныхъ статистическихъ свѣдѣній. Цифры надѣловъ, конечно, сами по себѣ не безусловно вѣрны и не даютъ положительнаго основанія для выводовъ о количествѣ всей земли при имѣніяхъ состоящей, но, по крайней мѣрѣ приблизительно, указываютъ на относительное многоземеліе уѣздовъ и могутъ разъяснить вопросъ о размѣрѣ земли, который долженъ быть назначенъ условіемъ участія въ выборахъ. *Сто душъ* населенія — цензъ нынѣ установленный — при переводѣ на землю, безъ сомнѣнія, въ общемъ разсчетѣ, соотвѣтствуетъ большему количеству земли, нежели сто высшихъ, душевыхъ надѣловъ, ибо разсчетъ надѣловъ сдѣланъ такъ, чтобы извѣстная часть всей земли оставалась за владѣльцами—треть, половина, двѣ трети и во многихъ мѣстностяхъ даже болѣе. Слѣдовательно, *сто высшихъ душевыхъ надѣловъ земли, принятые границей избирательной правоспособности* образовали бы цензъ ниже существующаго. Но такое пониженіе едва-ли могло считаться достаточнымъ, если принять во вниманіе, что, мало по малу, земля, поступающая въ надѣлъ крестьянъ, совершенно отойдетъ отъ владѣльцевъ и такимъ образомъ общій уровень частной земельной собственности понизится; поэтому, казалось бы, необходимо еще понизить избирательный цензъ для *дворянъ землевладѣльцевъ*, именно вмѣсто ста высшихъ или указныхъ душевыхъ надѣловъ положить основаніемъ для размѣра ценза *сто среднихъ надѣловъ*, принимая средній надѣлъ въ двѣ трети высшаго или указнаго. Приблизительно такой размѣръ ценза въ среднемъ разсчетѣ, втрое ниже существующаго (считая, что высшій надѣлъ составляетъ половину всей земли при имѣніяхъ состоящей). 100 среднихъ душевыхъ надѣловъ по разнымъ уѣздамъ Имперіи, составляютъ отъ 183 до 800 десятинъ. На первый разъ, повидимому, это пониженіе достаточно и осторожность требуетъ, прежде дальнѣйшаго пониженія, удостовѣриться опытомъ, въ какой мѣрѣ оно необходимо: Понизить цензъ, т. е. другими словами, расширить избирательное право, всегда возможно и легко; напротивъ, повышать цензъ, оказавшійся слишкомъ низкимъ и стѣснять такимъ образомъ права уже данныя, было бы крайне неудобно" *).

И такъ, основаніемъ, какъ видно, требующагося нынѣ земельнаго ценза для полученія правъ земскаго гласнаго, послужилъ дворянскій цензъ, въ свою очередь основанный на былomъ владѣніи *ста крѣпостными душами*. Такимъ образомъ, въ дѣло прежде всего долженствующее быть безсословнымъ вносятся распорядки присущія одному изъ сословій, въ дѣло, осуществленіе котораго стало мыслимо по отмѣнѣ крѣпостнаго права, и успѣхъ котораго зависитъ отъ возможно большаго забвенія всего съ этимъ гнуснымъ правомъ сопряженнаго, вносится представленіе о *ста душахъ*, о *ста душевыхъ надѣлахъ* и, хотя на весьма отдаленномъ соотвѣтствіи нынѣшняго землевладѣнія съ прошлымъ крѣпостничествомъ, строится право вступать въ ряды земскихъ дѣятелей! Съ насъ этого довольно. Укажемъ только на то, что и подраздѣленіе землевладѣльцевъ на такихъ, которые имѣютъ право непосредственнаго участія въ избраніи гласныхъ и такихъ, которые участвуютъ въ этомъ

*) Объясн. зап. ком., стр. 40.

избраніи чрезъ уполномоченныхъ, заимствовано изъ того же устава о выборахъ дворянскихъ. Подраздѣленіе это, будучи совершенно чуждо самымъ элементарнымъ представленіямъ о земскомъ самоуправленіи, немыслимомъ безъ полной равноправности членовъ земства, вноситъ въ земскую жизнь ни на чемъ не основанное, искусственное дѣленіе землевладѣльцевъ на крупныхъ и мелкихъ, и, съ одной стороны, создаетъ у насъ какое-то жалкое подобіе земельной аристократіи, съ другой — лишаетъ всякаго права участія въ земскихъ дѣлахъ многихъ членовъ земства, платящихъ хотя и некрупныя суммы взимаемаго съ нихъ земскаго сбора, но столь же, если не болѣе крупныхъ землевладѣльцевъ заинтересованныхъ въ правильномъ веденіи земскаго хозяйства и численность коихъ, благодаря дробленію частной земельной собственности съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе увеличивается.

Не будемъ повторять всего уже многими высказаннаго относительно неудовлетворительности существующаго порядка выборовъ гласныхъ отъ крестьянъ. Порядокъ этотъ долженъ быть измѣненъ, а какъ и въ какомъ смыслѣ объ этомъ будемъ говорить ниже сего. Не будемъ вдаваться въ подробности неудовлетворительныхъ сторонъ нынѣшняго земскаго представительства. Но есть сторона этого дѣла, на которую какъ-то мало до сего времени обращали вниманія. Говоримъ о численности состава земскихъ собраній и о распредѣленіи гласныхъ по мѣстностямъ уѣзда. Число гласныхъ земскихъ собраній опредѣлено въ особомъ росписаніи, приложенномъ къ 33 ст. полож. о земск. учрежденіяхъ. Есть уѣздныя собранія, въ которыхъ гласныхъ 80 и болѣе, 96 даже (Елисаветградское), и есть такія, которые состоятъ всего изъ 12 гласныхъ. Распредѣленіе числа гласныхъ между тремя категоріями ихъ, комиссія проектировала такъ, чтобы землевладѣльцы могли избирать въ уѣздное собраніе число гласныхъ пропорціональное количеству земли, въ частномъ владѣніи по уѣзду состоящей, полагая одного гласнаго на пространство земли, соотвѣтствующее 3.000 среднихъ душевыхъ надѣловъ, или, иначе, 30 участкамъ размѣра, опредѣленнаго для непосредственнаго участія въ избирательныхъ собраніяхъ. Число гласныхъ отъ крестьянъ предполагалось опредѣлить такъ, чтобы одинъ гласный приходился на 5.000 душъ сельскаго населенія. Всѣ эти предположенія не осуществились. Росписаніе числа гласныхъ, приложенное къ 33 ст. положенія, составленное министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, далеко оставило за собой неосновательность и произвольность намѣреній и предположеній комиссіи. Если послѣдняя стремилась упрочить за землевладѣльцами численное преобладаніе въ земскихъ собраніяхъ и предположенія свои строила на такихъ соображеніяхъ и вычисленіяхъ, правильность которыхъ можетъ быть оспариваема, то составленное министерствомъ росписаніе уже ровно ни на чемъ не основано, составлено прямо на обумъ.

Вотъ тому наглядный примѣръ:

	Коротольскій уѣздъ:	Нижнеломовскій:	Пирятинскій:
Жителей об. пола .	125.000.	129.000.	106.000.
Территорія	3.100 кв. верст.	3.000 кв. верст.	2.800 кв. в.
Гласныхъ	12 чел.	44 чел.	40 чел.

Что же касается до распредѣленія гласныхъ по различнымъ мѣстностямъ уѣзда, то эту сторону дѣла земское положеніе вполнѣ игнорируетъ. Если внимательно разсмотрѣть личный составъ уѣздныхъ земскихъ собраній, то несомнѣнно придется усмотрѣть во многихъ уѣздахъ значительное большинство гласныхъ, состоящее изъ владѣльцевъ и жителей одной какой-либо мѣстности уѣзда, одного изъ его угловъ. Случается нерѣдко, что цѣлыя волости, цѣлая обширная часть уѣзда не имѣютъ въ земскомъ собраніи ни одного представителя своихъ интересовъ. Такой порядокъ тѣмъ болѣе неправиленъ, что при произвольности нашихъ уѣздныхъ и губернскихъ границъ, большинство уѣздовъ (если не всѣ) состоятъ изъ мѣстностей, ничего общаго другъ съ другомъ не имѣющихъ, поставленныхъ въ совершенно противоположныя экономическія условія, а потому и нуждающихся въ отдѣльномъ представительствѣ своихъ интересовъ. Можно съ увѣренностью сказать, что въ настоящее время многое, существенно важное для извѣстныхъ частей уѣздовъ, ускользаетъ отъ вниманія земскихъ собраній, благодаря отсутствію въ нихъ гласныхъ изъ жителей тѣхъ мѣстностей. Само собою разумѣется, что мысль о *расгруппировкѣ* (если можно такъ выразиться) гласныхъ по уѣзду должна проводиться съ достаточной осторожностью, дабы ей не былъ принесенъ въ жертву уровень личныхъ качествъ и достоинствъ гласныхъ. Одною изъ самыхъ дѣйствительныхъ въ этомъ отношеніи мѣръ могло бы служить установленіе выборовъ гласныхъ отъ крестьянъ на волостныхъ сходахъ. Тогда бы каждая волость имѣла своихъ гласныхъ, охранителей ея интересовъ.

Какъ бы ни полны и поверхностны не были сдѣланныя нами указанія недостатковъ нынѣшней организаціи земскаго представительства, они, въ особенности въ связи съ тѣми, которыя уже многими другими изслѣдователями земской жизни сдѣланы и дѣлаются, и повтореніемъ которыхъ мы не желали утомлять читателя, достаточны для заключенія о томъ, что организація эта нуждается въ значительныхъ преобразованіяхъ, кои поставили бы её въ большее соотвѣтствіе съ основными началами земскаго положенія.

«Для управленія земскихъ дѣлъ», говоритъ комиссія, «необходимы два разряда учрежденій: распорядительныя и исполнительныя. Необходимое условіе учрежденій перваго рода есть то, чтобы они наиболѣе правильно и полно служили представителями *всей мѣстности и ея интересовъ*. Условіе это требуетъ, во-первыхъ, чтобы эти учрежденія состояли изъ лицъ, *непосредственно избранныхъ мѣстнымъ населеніемъ*; во-вторыхъ,

чтобы число этихъ лицъ было довольно велико, для того, чтобы учрежденіе въ составѣ своемъ *могло имѣть представителей всѣхъ существенныхъ интересовъ мѣстности, и чтобы въ немъ могло самостоятельно и правильно формироваться общественное мнѣніе*».

Вотъ прекрасныя, вполнѣ удовлетворяющія потребностямъ земства начала, но люди, провозгласившіе ихъ, подчинившись вліянію прежнихъ порядковъ, и въ стремленіи удержать, сходящее со сцены нашей государственной жизни дворянство, на высотѣ его былаго значенія, а также со многими иными, столь же мало соотвѣтствующими интересамъ земства цѣлями, нагромоздили на нихъ такую массу противорѣчій, которая не дала возможности этимъ началамъ въ достаточной степени и въ цѣлостномъ видѣ проникнуть въ организацію земскихъ учрежденій. Подъ бременемъ этихъ противорѣчій, земское положеніе съ каждымъ днемъ дѣлается все менѣе и менѣе способнымъ служить земству и требуетъ обновленія и дальнѣйшаго развитія въ смыслѣ возможно большей способности земскихъ учрежденій выполнять неудержимо разростающіяся въ своемъ значеніи и объемѣ задачи земскаго самоуправленія.

Н. Б—въ.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

Ахалъ-текинская экспедиція и ея политическое значеніе.

Наше поступательное движеніе въ глубь Средней Азіи, какъ извѣстно, въ значительной степени обусловливалось стремленіемъ имѣть такую границу, которая обезпечивала бы наши владѣнія отъ постоянныхъ вторженій кочевыхъ и полуосѣдлыхъ азіатскихъ народовъ. Центральное правительство постоянно стремилось воспрепятствовать дальнѣйшему расширенію нашей азіатской границы, но сила обстоятельствъ неоднократно побуждала насъ дѣйствовать вопреки принимавшимся въ Петербургѣ рѣшеніямъ. Только съ занятіемъ Коканда и подчиненіемъ намъ Хивы и Бухары, когда измѣнились условія, вызывавшія поступательное движеніе Россіи, мы могли отказаться на время отъ завоевательной политики въ Азіи. Единственнымъ слабымъ пунктомъ нашей границы оставались туркменскія степи, но явное нежеланіе іомудовъ, нашихъ ближайшихъ сосѣдей, возбуждать неудовольствіе Россіи давало основаніе разсчитывать на упроченіе спокойствія и на нашей границѣ съ Туркменіей. Къ сожалѣнію, разсчеты эти не оправдались. Впрочемъ, отвѣтственность за послѣдовавшія въ семидесятыхъ годахъ столкновенія между нами и туркменами, вызвавшія, отчасти, и настоящую ахалъ-текинскую экспедицію, въ значительной степени ложится на насъ.

Въ шестидесятыхъ годахъ, по нѣкоторымъ стратегическимъ и коммерческимъ соображеніямъ, рѣшено было укрѣпиться въ Красноводскомъ заливѣ и съ этого времени номинально принадлежавшая намъ часть восточнаго берега Каспійскаго моря de facto вошла въ составъ Россійской имперіи. Перенесеніе дѣйствительной нашей границы въ туркменскую степь, населенную малоизвѣстными тогда іомудами и текинцами, создало намъ снова въ средней Азіи такое положеніе, отъ какого мы постоянно стремились избавиться. Надо отдать, однако, справедливость лицамъ, руководившимъ учрежденіемъ Закаспійскаго Отдѣла, что пока болѣе или менѣе прочная граница не была установлена въ сѣверной части нашихъ среднеазіатскихъ владѣній, Отдѣлъ этотъ не раздроблялъ нашихъ силъ и

первое время, казалось, не имѣлъ значенія того передоваго пункта, остановиться на которомъ не представляется возможнымъ. Только со второй половины семидесятыхъ годовъ послѣдовало измѣненіе въ нашихъ отношеніяхъ къ туркменамъ. Мы выступаемъ какъ бы посредниками между туркменами, текинцами и туркменами-іомудами, кочующими по Атреку и Узбою (старому руслу Аму-Дарьи) и близъ Красноводска и, отчасти, защитниками послѣднихъ. Съ этого времени и до текущаго года наши сношенія съ туркменами не прерывались. Такъ, въ концѣ 1874 и началѣ 1875 годовъ, по требованію начальника Закаспійскаго Отдѣла, генералъ-маіора Ломакина, текинцы отпустили до 100 человѣкъ іомудовъ, захваченныхъ ими въ плѣнъ во время набѣга. На сколько удовлетворительны были въ то время наши взаимныя съ текинцами отношенія, видно изъ слѣдующаго письма, присланнаго въ отвѣтъ на требованіе Ломакина отпустить плѣнныхъ іомудовъ,—двумя наиболѣе вліятельными тогда ханами: Софи-ханомъ и Кораджа-ханомъ: «Всѣ приказанія ваши», писали эти ханы, «намъ пріятны и они будутъ исполнены безотлагательно. Черезъ три дня послѣ прибытія вашихъ старшинъ, взявъ письмо ваше, я отправился вмѣстѣ съ ними къ старшинамъ всѣхъ крѣпостей и вездѣ всѣмъ объявлялъ содержаніе вашего письма. Послѣ этого текинцы собрались въ Курбанъ-Мурадъ-Ишану (въ Геокъ-Тепе), гдѣ держали совѣты, на которыхъ рѣшили непремѣнно уважить ваши требованія и сдѣлать угожденіе вашимъ посланнымъ, нашимъ же гостямъ, чтобы къ послѣднимъ числамъ сего мѣсяца (января) собрать и остальныхъ плѣнныхъ и доставить въ Кызылъ-Арватъ, а потомъ отправить оттуда въ первыхъ числахъ будущаго мѣсяца (февраля) съ текинскими кетхудами и почетными воинами въ Красноводскъ».

На съѣздѣ старшинъ, состоявшемся въ Геокъ-Тепе, приняты были самыя миролюбивыя относительно русскихъ рѣшенія. Изъ этого уже можно понять, что несмотря на занятіе нами Красноводска, борьба съ туркменами могла быть отсрочена на неопредѣленное время. Правда, часть текинцевъ, присутствовавшихъ на съѣздѣ, заявила, что не желаетъ поддерживать дружественныя сношенія съ русскими и въ этомъ рѣшеніи были поддержаны своими единоплеменниками изъ Мерва, прислашими, даже, военный отрядъ съ требованіемъ прекратить всякія сношенія съ нами; но миролюбивое настроеніе большинства текинцевъ не измѣнилось. Въ нашъ рекогносцировочный отрядъ, направлявшійся въ іюлѣ 1875 г. изъ Красноводска въ Игды, доставлены были остававшіеся еще въ плѣну іомуды, а въ послѣдствіи въ отрядъ пріѣхало нѣсколько хановъ со свитою и текинскіе торговцы съ коврами и провизіей. Здѣсь первый разъ завязались правильныя торговыя сношенія между русскими и текинцами. Главный Кадій текинцевъ, Мухамедъ-Али, прибывшій также въ русскій лагерь произнесъ весьма знаменательную рѣчь, сущность которой заключается въ слѣдующемъ:

1) Изъ окружающихъ насъ владѣній: Хивы, Бухары, Афганистана, Курдистана, Персіи и другихъ, каждое давно уже домогается присоединить наше маленькое общество къ своимъ владѣніямъ, но какъ имъ это не удается, то они насъ постоянно раззоряютъ и грабятъ,—мы отвѣчаемъ имъ тѣмъ же. Такъ сложилась наша жизнь за послѣднее время. Мы разсудили, что единственное средство прекратить это тяжелое для насъ положеніе и избавиться отъ всѣхъ подобныхъ притязаній—это покориться великому русскому Акъ-падишаху, какъ сильнѣйшему и могущественнѣйшему изъ всѣхъ царей, и просить его принять нашъ народъ подъ его высокое и милостивое покровительство. Мы всегда готовы будемъ служить ему вѣрой и правдой, и такъ какъ наши люди почти всѣ воины, то, въ случаѣ надобности, по первому слову Акъ-падишаха, они охотно выставятъ нѣсколько тысячъ отличныхъ всадниковъ и съ радостью пойдутъ на войну, куда онъ укажетъ. Такъ, пользовались не разъ службою текинцевъ Чингизъ-ханъ, Надиръ-шахъ и другіе, и текинцы, какъ сказано въ нашихъ книгахъ, всегда отлично имъ служили и всегда были впереди ихъ полчищъ.

2) Болѣе ста лѣтъ тому назадъ предки хивинскихъ хановъ покорили текинцевъ, а какъ теперешній хивинскій ханъ покорный и преданный слуга Акъ-падишаха, то и текинцы, желая быть отнынѣ вѣрными слугами великаго Акъ-падишаха, желаютъ оставаться въ прежнихъ подвластныхъ отношеніяхъ къ хивинскому хану.

3) Отъ бывшихъ властителей текинскихъ земель (Чингизъ-хана, Надиръ-шаха и другихъ) текинцы имѣютъ нѣсколько жалованныхъ грамотъ, утверждающихъ ихъ личныя и поземельныя права; они просятъ теперь подтвержденія этихъ грамотъ и правъ русскимъ правительствомъ.

4) Ахалъ-текинцы обязываются отнынѣ прекратить всякія враждебныя дѣйствія и отношенія съ іомудами, какъ съ за-атрекскими, такъ и хивинскими, прося не оставлять безъ наказанія тѣхъ іомудовъ, которые будутъ грабить и раззорять ихъ торговые караваны, слѣдующіе изъ Хивы въ Красноводскъ и на Атрекъ обратно; они не только не будутъ грабить и трогать, но даже будутъ содѣйствовать и помогать этому караванному движенію. Они избрали изъ среды себя до 100 ферашей, которые обязаны слѣдить, чтобы не было грабежей; грабителей будутъ преслѣдовать и, по приказанію хановъ-правителей, казнить. Такъ, за послѣднее время уже казнили шесть разбойниковъ.

5) Торговые люди, кто бы они ни были, могутъ пріѣзжать въ Теке и заниматься своими дѣлами, въ чемъ имъ никакого препятствія не будетъ, и они на свою безопасность, находясь въ Теке, могутъ вполнѣ разсчитывать. Съ своей стороны и текинцы просятъ, чтобы ихъ торговые люди пользовались бы покровительствомъ и защитою вашей во время пребыванія ихъ въ Красноводскѣ, на Атрекѣ, въ Баку и другихъ мѣстностяхъ *).

*) Военный Сборникъ № 10, 1879 г.

Рѣчь Кади свидѣтельствуетъ, что текинцы желали избѣжать столкновенія съ Россіей и намъ ее слѣдовало, конечно, понимать какъ условія, предлагаемыя ахалъ-текинцами, на основаніи которыхъ могло состояться съ ними соглашеніе. Повидимому, однако, на нее не обратили въ свое время должнаго вниманія. Тѣмъ не менѣе, кавказское начальство около двухъ лѣтъ почти не вмѣшивалось въ дѣла туркменскихъ племенъ и мы за все это время не имѣли серьезныхъ столкновеній съ текинцами. Правда, и сами текинцы заняты были тогда внутренними усобицами и неурядицами, но, по всей вѣроятности, въ случаѣ еслибы съ нашей стороны было какое-либо враждебное противъ нихъ движеніе, то домашнія распри тотчасъ прекратились бы и всѣ единодушно выступили бы противъ насъ, какъ это случилось въ 1879 году. Конечно, вполнѣ довѣриться кочевникамъ было бы съ нашей стороны неосторожно, но и раздражать ихъ едва ли не было еще болѣе крупной ошибкой. Что они въ тайнѣ желали избавиться отъ русскаго вліянія, видно уже изъ того, что въ 1876 г. вели переговоры съ персидскимъ правительствомъ о принятіи ихъ подъ свое покровительство, но они никогда не прибѣгли бы къ силѣ противъ насъ, еслибы мы сами не вынудили ихъ къ этому. Въ концѣ 1876 года они такъ далеко были отъ мысли вступить съ нами въ борьбу, что въ присланномъ начальнику Закаспійскаго Отдѣла, генералъ-маіору Ломакину, письмѣ, желая оправдаться въ своихъ сношеніяхъ съ персіянами, писали между прочимъ слѣдующее: «Мы потому только согласились на предложеніе Абдулъ-Гассанъ-хана, что въ Персіи находятся наши плѣнные, которыхъ мы желали освободить отъ персіянъ. На самомъ же дѣлѣ мы и наша земля — ваши; мы принадлежимъ и служимъ хивинскому хану, а это равносильно тому, что мы служимъ вамъ, такъ какъ ханъ хивинскій не могъ управляться самъ собой, а нами и подавно. Мы, туркмены, простые люди и будемъ исполнять ваши приказанія. Дальнѣйшія распоряженія зависятъ отъ васъ. Вы писали, чтобы взятыхъ въ плѣнъ изъ Карабугаза и ограбленное тамъ имущество возвратить; на это требованіе увѣдомляемъ, что трое изъ плѣнныхъ бѣжали на свою родину, а троихъ мы поручили Ата-Назаръ-Беку, который и отправилъ ихъ на родину».

Несмотря, однако, на наши дружелюбныя отношенія къ туркменамъ въ 1877 году, отрядомъ генералъ-маіора Ломакина предпринята была усиленная рекогносцировка въ текинскій оазисъ. Колонна, численностью около двухъ тысячъ человѣкъ, достигла крайняго западнаго пункта оазиса Кызылъ-Арвата. Всѣ мѣстные жители, текинцы, разбѣжались при нашемъ приближеніи и вслѣдъ затѣмъ значительныя скопища туркменъ аттаковали генерала Ломакина. Пораженіе, нанесенное нами непріятелю, охладило нѣсколько его воинственный пылъ и спустя нѣкоторое время мирныя сношенія снова возстановились; отрядъ же нашъ возвратился въ Красноводскъ. Къ сожалѣнію, урокъ 1877 года мало послужилъ намъ въ пользу и дружественнымъ сношеніямъ съ текинцами закаспійскія власти

не придали достаточной цѣны. Несмотря на то, что въ 1878 г. туркмены не безпокоили насъ, изъ Красноводска отправленъ былъ отрядъ войскъ къ устьямъ Атрека въ Чикишляръ и оттуда двинуть вверхъ по теченію этой рѣки до впаденія въ нее рѣки Сумбаръ, гдѣ заложено новое укрѣпленіе Чатъ. Текинцы, видя наше вторженіе въ ихъ предѣлы съ цѣлью поработить ихъ, естественно вознегодовали и начали серьезную борьбу съ нами. Нашлись лица, которыя не только разъяснили имъ грозившую опасность, но многое и добавили. Такъ, англійскій капитанъ Непиръ, посѣтивши въ то время Буджнурдъ, смежную съ туркменскою степью персидскую провинцію, имѣлъ сношенія съ текинцами и мервцами и по слухамъ снабдилъ ихъ даже оружіемъ, въ чемъ содѣйствовалъ ему нѣкто Лестрансъ. Столкновеніе, впрочемъ, быть можетъ, могло бы еще быть отсрочено, но походъ осенью 1878 г. генерала Ломакина на Кызылъ-Арватъ вверхъ по теченію Сумбара чрезъ Ходжамъ-Кала, кончившійся отступленіемъ въ Чату, послѣ понесенныхъ потерь, совершенно измѣнилъ наше положеніе въ туркменской степи. Во-первыхъ, текинцы пришли къ убѣжденію, что мы намѣрены постоянно подвигаться впередъ, во-вторыхъ, они увидѣли, что могутъ съ успѣхомъ бороться съ нашими войсками. Враждебные намъ совѣты русскаго милиціонера Нуридова, бѣжавшаго къ туркменамъ, повидимому тоже не остались безъ вліянія. Съ осени 1878 г. и до весны 1879 года шайки текинцевъ производили постоянныя нападенія на наши отряды и укрѣпленія и значительныя партіи непріятеля появлялись, даже, близъ Красноводска.

Такимъ образомъ, два года тому назадъ мы находились въ Закаспійскомъ Отдѣлѣ въ положеніи подобномъ тому, въ которое были поставлены въ шестидесятыхъ годахъ на Сыръ-Дарьинской линіи, т. е. въ необходимости продвинуть впередъ нашу границу или подвергаться постояннымъ нападеніямъ сосѣдей. Въ виду положенія, занимаемаго Россіей въ Азіи, дерзкія нападенія текинцевъ не могли быть оставлены безнаказанными, такъ какъ въ этомъ случаѣ вліяніе Россіи было-бы поколеблено. *Наши политическіе интересы, какъ азіатской державы, требовали серьезнаго наказанія кочевниковъ.* Мы не могли уже принимать во вниманіе, что сами, отчасти, были виновниками, возникшихъ между нами и текинцами недоразумѣній.

Экспедиція въ ахалъ-текинскій оазисъ рѣшена была въ началѣ 1879 г. Но, предпринимая эту экспедицію,—мы были совершенно незнакомы съ мѣстностію, гдѣ намъ требовалось дѣйствовать, и мало знали характеръ нашего противника. До 1879 г. мы имѣли возможность близко ознакомиться лишь съ однимъ изъ туркменскихъ племенъ, іомудами (отчасти съ чодорами), часть которыхъ живетъ въ хивинскомъ оазисѣ близъ озеръ Сарыкамышъ, часть-же по Атреку, и изъ столкновенія, бывшаго у насъ послѣ хивинской экспедиціи съ туркменами-іомудами, могли только соста-

вить себѣ понятіе о стойкости и храбрости этого племени. Поэтому текинская экспедиція должна была потребовать чрезвычайнаго напряженія силъ. Мнѣніе это, однако, въ то время раздѣлялось далеко не всѣми. Походъ въ Ахалъ Теке казался чѣмъ-то въ родѣ нашихъ походовъ въ Среднюю Азію въ шестидесятыхъ годахъ и не возбуждалъ опасеній; въ результатѣ же представлялось занятіе одной изъ плодороднѣйшихъ мѣстностей.

При рѣшеніи вопроса объ экспедиціи принято было во вниманіе то, что съ занятіемъ оазиса мы будемъ имѣть передовой пунктъ въ глубинѣ Средней Азіи, который по своимъ климатическимъ условіямъ крайне благопріятенъ для упроченія нашей власти; слѣдовательно, съ этой точки зрѣнія ахалъ-текинская экспедиція также имѣла отчасти политическое значеніе. Правильна-ли же эта точка зрѣнія, пока еще вопросъ; но что, климатическія условія ахалъ-текинскаго оазиса весьма благопріятны, это не подлежитъ никакому сомнѣнію. Оазисъ тянется узкой полосой земли по подошвѣ Кюрендагскихъ горъ, длиною, приблизительно, отъ 200 до 300 верстъ и шириною слишкомъ въ 20. Въ немъ разведены обширные сады съ фруктовыми деревьями; пашни даютъ превосходные урожаи, но населеніе живетъ большею частію въ кибиткахъ и многіе жители стараются избѣгать земледѣлія, а занимаются скотоводствомъ. Несмотря на громадные урожаи, хлѣбопашество не привлекаетъ туркменъ и, собравъ свои посѣвы, они спѣшатъ уложить ихъ въ извѣстныя только имъ ямы, гдѣ и сохраняютъ ихъ зиму. Въ настоящее время край, слѣдовательно, недостаточно разработывается и весьма вѣроятно, что съ упроченіемъ тамъ нами власти, оазисъ можетъ много выиграть.

Кромѣ вышеизложенныхъ соображеній относительно значенія ахалъ-текинской экспедиціи есть еще и нѣкоторыя другія, на которыя также нельзя не обратить вниманія. Такъ, съ занятіемъ Теке, мы приближаемся къ сѣвернымъ границамъ Персіи и именно лучшей провинціи послѣдней, Хорассану. Буджнурдъ, Кучанъ и Дерегезъ могутъ доставлять намъ значительное количество продовольствія и, такимъ образомъ, вполнѣ обезпечиваетъ наше положеніе. Сверхъ того нельзя не обратить вниманія и на вліяніе, которое должно произвести въ Тегеранѣ извѣстіе о покореніи нами оазиса. Персія давно уже страдаетъ отъ хищническихъ набѣговъ туркменъ и несетъ благодаря ихъ сосѣдству громадные убытки. Не говоря уже о потеряхъ, сопряженныхъ съ каждымъ удачнымъ набѣгомъ туркменъ на Хорассанъ, правительство Шаха терпитъ убытки и вслѣдствіе того, что одна изъ богатѣйшихъ провинцій государства постоянно находится какъ-бы на военномъ положеніи. Вотъ какъ описываетъ полковникъ Куропаткинъ теперешнее положеніе этой части Персіи. Нѣкогда густо населенныя, богатыя и плодородныя мѣстности сѣвернаго Хорассана (Серахъ, Мешхедъ) обращены, вслѣдствіе внутреннихъ междоусобій, войнъ и набѣговъ туркменъ, въ почти незаселенныя пустыни, покрытыя

развалинами городовъ и деревень, но и въ настоящее время немногочисленные жители уцѣлѣвшихъ деревень находятся въ постоянной опасности отъ туркменъ, преимущественно текинцевъ, потерять остатокъ ихъ скуднаго имущества и самую жизнь. Пахарь выходитъ на работу съ ружьемъ. Каждый отдѣльный домъ представляетъ изъ себя блокгаузъ, двери котораго заваливаются камнями. Постройки персидской деревни сбиты одинъ къ другому и окружены общею оградою съ двухъярусною ружейною обороною. Внутри ограды въ страшной тѣснотѣ помѣщаются люди и скотъ. Несмотря на мѣры, принимаемыя персидскимъ населеніемъ, туркмены издавна хозяйничали въ Хорассанѣ, большею частію безнаказанно. Небольшія шайки ихъ наводили ужасъ на жителей и они почти безъ сопротивленія отдавались въ руки туркменъ. Тысячи мужчинъ и женщинъ угонялись вмѣстѣ съ отбитымъ скотомъ въ неволю и продавались на рынкахъ Хивы и Бухары. Малая способность персидскаго населенія противиться набѣгамъ туркменъ заставило персидское правительство изыскивать другія средства, чтобы оградить Хорассанъ отъ конечнаго раззоренія. Около 150 лѣтъ тому назадъ, въ царствованіе Аббаса-Мирзы, въ сѣверную, наиболѣе гористую, часть Хорассана были переселены 15.000 семей, около 75.000 душъ курдовъ. Въ настоящее время курды составляютъ преобладающее населеніе въ провинціяхъ Дерегеза, Буджнура и Кугана, численностію около 200.000 душъ. Провинціи эти, благодаря производительной почвѣ, служатъ теперь житницею не только всего Хорассана, но отчасти и Персіи. Не менѣе воинственные, чѣмъ туркмены, курды, на каждое ихъ нападеніе, отвѣчали набѣгами съ своей стороны, и въ настоящее время часть хорассанской границы, прикрытая курдскими поселеніями, можетъ считаться хорошо защищенной отъ туркменъ. Поселенія курдскія въ Дерегезѣ и поселенія въ Келатѣ близко сходятся съ туркменами, но гористая мѣстность, доступная лишь въ нѣсколькихъ пунктахъ, составляетъ естественную защиту тѣхъ и другихъ другъ отъ друга. Небрежное охраненіе того и другаго изъ немногихъ путей, ведущихъ изъ ахалъ-текинскаго оазиса къ курдскимъ населеніямъ, тотчасъ же наказывается вторженіемъ текинцевъ и наоборотъ. Но, обезпечивъ отчасти, благодаря курдамъ, свою границу отъ Туркменъ-Теке, персидское правительство должно было признать за курдами почти полную независимость, и Ильханія, Буджнурда и Куганъ находятся только въ номинальномъ подчиненіи у шаха. Въ Тегеранѣ должны по-неволѣ примиряться съ такимъ положеніемъ. Вслѣдствіе исключительныхъ условій и Хорассанскій генералъ-губернаторъ пользуется сравнительно широкими правами. Понятно, поэтому, какъ внимательно должно слѣдить персидское правительство за событіями, совершающимися за Кюрендакскими горами и какое значеніе имѣетъ для него эта экспедиція. Естественно, что успѣшный исходъ ея долженъ произвести въ Персіи благопріятное для насъ впечатлѣніе.

Въ пользу занятія ахалъ-текинскаго оазиса можетъ служить также и слѣдующее соображеніе, имѣющее существенное значеніе, именно: укрѣпившись въ оазисѣ, мы установимъ прочную связь между Кавказомъ и Туркестаномъ и такимъ образомъ вполнѣ упрочимъ наше положеніе въ Средней Азіи. Извѣстно, что еще въ шестидесятыхъ годахъ, во время похода генерала Черняева, имѣлось въ виду соединеніе сибирской линіи съ оренбургской. Громадныя выгоды отъ этого соединенія тогда неоднократно указывались и опытъ показалъ, что многія предположенія были вполнѣ основательны. Въ настоящее время нѣкоторыя подобныя же соображенія высказываются и относительно соединенія кавказской линіи съ туркестанской. Достичь же этого можно только въ томъ случаѣ, если мы прочно укрѣпимся въ Ахалъ-Теке. Движеніе изъ Туркестана колонны полковника Куропаткина на Игды къ отряду генерала Скобелева указываетъ, что теперь уже Кавказъ начинаетъ опираться на Туркестанъ.

Весьма существенными доводами въ защиту ахалъ-текинской экспедиціи служитъ и необходимость обезпечить нашъ караванный путь отъ Красноводска въ Хиву. Съ занятіемъ Красноводска возбужденъ былъ вопросъ о возможности удешевить перевозку товаровъ изъ Хивы. Вѣрнымъ средствомъ для этого представлялось установленіе постоянныхъ сношеній съ Хивой и восточнымъ берегомъ Каспійскаго моря. Торговый путь отъ Хивы къ Красноводску, представлявшій значительныя удобства, казалось, долженъ былъ вызвать движеніе каравановъ и, такимъ образомъ, содѣйствовать развитію благосостоянія Красноводска. Несмотря, однако, на казавшіяся въ свое время основательными, предположенія, разсчеты не оправдались. Хивинская торговля только въ весьма незначительной степени подняла Красноводскъ и главныя торговыя сношенія наши съ хивинцами поддерживаются прежними путями. Причину этого явленія многіе усмотрѣли въ недостаточной обезпеченности нашего караваннаго тракта изъ Красноводска на Хиву. Путь, проходя по туркменской степи, дѣйствительно, представляется необезпеченнымъ, но тѣмъ не менѣе случаи серьезныхъ грабежей, были, сравнительно, довольно рѣдки. Наши кавказскія власти признавали, однако, необходимымъ вполнѣ обезопасить дорогу изъ Красноводска въ Хиву и первоначальныя незначительныя экспедиціи противъ туркменъ обусловливались желаніемъ заставить ихъ отказаться отъ нападеній на наши караваны; въ крайнемъ же случаѣ предполагалось занять такой укрѣпленный пунктъ, который давалъ бы намъ возможность охранять дорогу. Одно время думали, что Кызылъ-Арватъ удовлетворитъ этому.

Но самымъ существеннымъ доводомъ и въ пользу экспедиціи, безспорно, остается географическое положеніе текинскаго оазиса относительно Герата. Гератъ до послѣдняго времени признается ключемъ Средней Азіи; поэтому, обладаніе этимъ городомъ придается громадное значеніе. Дѣйствительно, въ Гератѣ стекаются товары изъ всѣхъ среднеазіатскихъ

государствъ. Бухара, Хива, Афганистанъ и Персія находятся въ сношеніяхъ съ этимъ пунктомъ и благодаря его крайне благопріятному положенію, онъ, несмотря на неоднократныя осады и разрушенія, остается до нынѣ однимъ изъ богатѣйшихъ центровъ. Англійское правительство ревниво слѣдитъ, чтобы городъ этотъ не подпалъ подъ чье-либо вліяніе и въ пятидесятыхъ годахъ силою, даже, заставило Персію отказаться отъ намѣренія овладѣть имъ. Естественно, что малѣйшее предположеніе о возможности подчиненія Герата Россіи волнуетъ англійское общество. Въ крайнемъ случаѣ Англія, по всей вѣроятности, готова будетъ согласиться на передачу Герата Персіи, лишь бы избавить его отъ русскаго вліянія. Но, прежде чѣмъ примириться съ этимъ, англичане испытаютъ всѣ средства, чтобы самимъ захватить этотъ городъ. Во время послѣдней восточной войны въ нѣкоторыхъ вліятельныхъ англійскихъ сферахъ и не скрывалось намѣреніе овладѣть Гератомъ;—даже болѣе, въ индійской арміи дѣлались разсчеты относительно размѣра средствъ, потребныхъ для гератской экспедиціи. Но, такъ какъ по зрѣломъ обсужденіи, подобная экспедиція признана была крайне рискованною, то правительство королевы Викторіи нашло благоразумнымъ отложить ее. Впрочемъ, если бы во главѣ правленія оставался лордъ Биконсфильдъ, то весьма вѣроятно, что она была-бы предпринята будущимъ лѣтомъ. Одно время торійское министерство желало, даже, передать Гератъ Персіи, но подъ условіемъ подчиненія Персіи англійской политикѣ. Понятно, что подобное предложеніе не могло быть принято персіанами. Министерство Гладстона нашло, впрочемъ, эту политику слишкомъ рискованной и всѣ переговоры съ Персіей были прерваны. Но, однако, англійскій кабинетъ, оказываясь отъ занятія Герата, тѣмъ съ большей подозрительностію смотритъ на всякое съ нашей стороны движеніе по направленію къ этому городу. Хотя и теперь уже мы можемъ пойдти до Герата черезъ Бухару и сѣверный Афганистанъ, но путь этотъ длиненъ и весьма неудобенъ, поэтому не внушаетъ почти никакихъ опасеній англичанамъ. Далеко не такъ спокойно они смотрятъ на возможность съ нашей стороны проникнуть въ Гератъ чрезъ текинскій и мервскій оазисы. Въ случаѣ если-бы мы укрѣпились въ этихъ оазисахъ, то англичане, находясь даже въ Кандагарѣ, не могли бы предупредить насъ въ Гератѣ и, слѣдовательно, мы бы имѣли на своей сторонѣ всѣ преимущества. Въ Лондонѣ давно уже хорошо понимаютъ это и вотъ причина неоднократныхъ запросовъ С.-Джемскаго кабинета относительно движеній нашего красноводскаго отряда. Съ своей стороны Россія сознаетъ, громадныя выгоды, представляющіяся намъ въ случаѣ если бы мы могли приблизиться къ Герату и поэтому ахалъ-текинская экспедиція, какъ первому шагу къ достиженію этой цѣли, придается существенное значеніе. Противиться этой экспедиціи англійское правительство не можетъ теперь потому, что сознаетъ необходимость для Россіи наказать хищниковъ за нанесенныя ими намъ оскорбле-

нія. Тѣмъ не менѣе, недавно еще въ англійскомъ парламентѣ былъ сдѣланъ запросъ, касательно намѣреній Россіи по отношенію къ туркменской степи и правительству было довольно трудно дать разъясненія. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что сами министры королевы Викторіи опасаются нашего движенія въ Туркменію и стараются поэтому связать насъ обязательствами. Отсрочка очищенія Кандагара англійскими войсками, извѣстіе о которой такъ неожиданно было получено, объясняется этими же опасеніями англійскаго правительства. Находясь въ Кандагарѣ англичане имѣютъ возможность легче достичь Герата, чѣмъ въ томъ случаѣ, если-бы отступили въ Индію. Что Гладстонъ искренно желалъ покончить съ афганскимъ вопросомъ,—это не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію и если теперь дѣйствуетъ вопреки принятому имъ недавно рѣшенію, то, надо полагать, вслѣдствіе слишкомъ серьезныхъ настояній близкихъ къ нему лицъ, считающихъ нашу настоящую экспедицію угрозою Англіи и усматривающихъ въ ней не столько мѣру, требуемую мѣстными условіями, сколько вызываемую общими политическими соображеніями. Какъ ни лестно, отчасти для нашихъ государственныхъ дѣятелей подобное мнѣніе англійскихъ выдающихся дѣятелей, тѣмъ не менѣе, едва-ли оно основательно.

Изъ изложеннаго выше перечня причинъ, обусловливающихъ ахалъ-текинскую экспедицію, не трудно убѣдиться, что экспедиція эта имѣетъ для насъ особенное значеніе; но при этомъ естественно возбуждается вопросъ, своевременно-ли предпринята она и не была-ли она вызвана теперь нашими собственными промахами?

Результатъ прошлогодней экспедиціи, начатой подъ руководствомъ генералъ-адъютанта Лазарева, свидѣтельствуетъ, что мы предприняли ее нѣсколько опрометчиво. А ближе ознакомившись съ событіями за 1879 годъ, невольно приходишь къ убѣжденію, что наши дѣйствительные интересы, связанные съ этой экспедиціей, мало кѣмъ и рѣдко принимались въ соображеніе. Безспорно, что блестящимъ военнымъ успѣхомъ можно многаго достигнуть; но рисковать насущными интересами ради возможности такого успѣха, въ особенности же когда обстоятельства не требуютъ подобнаго риска, по меньшей мѣрѣ, неблагоразумно.

Приготовленія къ экспедиціи начались еще раннею весною 1879 года. Рѣшено было сосредоточить слишкомъ 10 тысячъ войска въ Закаспійскомъ Отдѣлѣ. Кромѣ того, приняты были двѣ весьма существенныя мѣры. Между Баку и Красноводскомъ проложенъ телеграфный кабель и изъ Чигишляра проведена въ персидскій городъ Астрабадъ, лежащій южнѣе Атрека, телеграфная проволока. Вопросъ о проложеніи кабеля между Красноводскомъ и Баку былъ возбужденъ, впрочемъ, еще ранѣе начала экспедиціи; но такъ какъ мѣрою этою имѣлось въ виду упрочить наше положеніе въ Закаспійскомъ Отдѣлѣ, то вопросъ о кабелѣ находится въ непосредственной связи съ вопросомъ объ экспедиціи. Несмотря на серьез-

ныя возраженія многихъ весьма компетентныхъ лицъ о безполезности затраты значительной суммы денегъ на подобное дѣло, вопросъ былъ рѣшенъ утвердительно и въ настоящее время конечный пунктъ нашей телеграфной линіи на Каспійскомъ морѣ—Красноводскъ. Какія выгоды мы извлекаемъ изъ этого, ближе всего знать, конечно, Закаспійскому Отдѣлу; но весьма и весьма сомнительно, чтобы выгоды эти были значительны. Даже вопросъ еще способствовало-ли проложеніе кабеля поднятію Красноводска. Извѣстно, что всѣ искусственныя мѣры принимаются для развитія какой-либо мѣстности, если они не вызываются дѣйствительными потребностями, не приводятъ къ желаннымъ результатамъ, а иногда становятся лишь источникомъ благосостоянія отдѣльныхъ личностей. Красноводскъ служитъ этому наглядымъ доказательствомъ. Вотъ уже около двѣнадцати лѣтъ, какъ мы занимаемъ этотъ пунктъ, а только два года, что онъ началъ принимать, хотя отчасти, видъ города и то благодаря лишь двухлѣтнимъ экспедиціямъ. Вотъ что говоритъ о Красноводскѣ одинъ изъ корреспондентовъ, недавно посѣтившихъ его: «Несмотря на то, что по характеру своихъ строеній Красноводскъ имѣетъ видъ города, но существовать въ немъ все-таки крайне неудобно. Начать съ того, что здѣсь ощущается сильный недостатокъ въ хорошей водѣ, которая добывается или путемъ опрѣсненія изъ морской воды или же изъ колодцевъ. Процессъ опрѣсненія заключается въ томъ, что морская вода подвергается нагрѣванію въ обыкновенныхъ паровыхъ котлахъ и изъ образующагося при этомъ пара, посредствомъ охлажденія, получается чистая прѣсная вода. Опрѣснительный аппаратъ давалъ среднимъ числомъ около 2000 ведеръ въ сутки. Опрѣсненной водой пользуются лишь военные чины. Лѣтомъ, по случаю скопленія здѣсь большаго числа людей, нежели въ обыкновенное время, на каждаго рядоваго отпускалось лишь всего по одной трети ведра въ сутки. Колодезная вода нехороша, она очень солоновата; ею пользуются неслужилое населеніе, лошади и верблюды. Жара здѣсь стоитъ въ продолженіе всего лѣта страшная! Отъ красиво издали рисующихся скалъ часто дуетъ такой раскаленный воздухъ, что дышать приходится очень тяжело. Этотъ вѣтеръ такъ быстро все высушиваетъ, что всѣ труды по разведенію здѣсь какой-либо растительности оказались неуспѣшными. Пробовали было разводить садъ, для чего изъ Ленкорана привезли сюда дерева и землю, приложили тщательный уходъ за поливкою растеній, но послѣ нѣсколькихъ лѣтъ заботъ только добились, что на огороженномъ мѣстѣ, носящемъ названіе садъ, въ настоящее время существуетъ нѣсколько низкихъ кустарниковъ, имѣющихъ крайне печальный видъ. Нечего и говорить, что около Красноводска рѣшительно ничего не ростетъ, даже не видно и колючаго кустарника. Вслѣдствіе-ли жары или какихъ-либо другихъ причинъ, но только никакая домашняя птица здѣсь не водится. Всѣ съѣстные припасы, зелень, рыба, доставляются сюда (большая часть) изъ Астрахани или изъ Перми». Въ климатическомъ отношеніи

Красноводскъ, слѣдовательно, не удовлетворяетъ даже самымъ незначительнымъ требованіямъ. Неудивительно поэтому, что онъ не могъ развиваться и что недавно еще, даже несмотря на усилія мѣстныхъ властей, тамъ не могли, напримѣръ, организовать ярмарки. Какъ-то, благодаря разнымъ льготамъ, удалось убѣдить нѣкоторыхъ торговцевъ привезти товаръ; но онъ такъ и остался непроданнымъ. Все это даетъ основаніе придти къ заключенію, что избранный на восточномъ берегу Каспійскаго моря передовой пунктъ едва-ли можетъ быть особенно выгоденъ для насъ. Понятно, что неудовлетворительность главнаго тракта должна отражаться на всей экспедиціи и проложеніе кабеля и другія искусственныя мѣры не послужатъ вознагражденіемъ. На сколько сомнительна польза отъ соединенія телеграфомъ Баку съ Красноводскомъ, на столько же очевидны выгоды для насъ отъ другой мѣры, принятой также весною 1879 года—проложенія телеграфной проволоки отъ Чикишляра къ Астрабаду. Крѣпость Чикишляръ, заложенная нами нѣсколько сѣвернѣе устьевъ Атрека, служитъ теперь исходнымъ пунктомъ нашей экспедиціи и поэтому являлось необходимымъ соединить Чикишляръ телеграфомъ съ Россіей. Астрабадъ, какъ самый ближайшій пунктъ, имѣющій телеграфъ, признанъ былъ наиболѣе удобнымъ для проведенія изъ него проволоки въ Чикишляръ, и между Россіей и Персіей заключена была по этому предмету особая конвенція.

Такимъ образомъ, главный центръ нашего Закаспійскаго Отдѣла и военный опорный пунктъ, при самомъ началѣ экспедиціи были соединены телеграфомъ съ Россіей, что, конечно, должно было способствовать успѣху экспедиціи.

До іюня мѣсяца наши приготовленія ограничивались собраніемъ запасовъ, необходимыхъ для продовольствія войскъ. Генералъ-адъютантъ Лазаревъ, повидимому, понималъ ту тяжелую отвѣтственность, которую взялъ на себя, принявъ командованіе экспедиціей. Отдавши, наконецъ, приказъ войскамъ двигаться впередъ къ Беурмѣ и Бами, пунктамъ, лежащимъ уже въ оазисѣ, онъ имѣлъ намѣреніе остановиться въ одномъ изъ этихъ пунктовъ и не двигаться впередъ, не обезпечивъ вполнѣ тыла. Скоропостижная смерть не дала ему возможности довести дѣло до конца. Смерть послѣдовала во время движенія войскъ къ Беурмѣ. Чрезъ нѣсколько недѣль послѣ этого мы были уже подъ Геокъ-Тепе, гдѣ, потерпѣвъ неудачу, отступили къ Чату. Англійское правительство торжествовало.

При первыхъ же извѣстіяхъ о принятомъ въ Петербургѣ рѣшеніи начать приготовленія къ новой экспедиціи для окончательнаго покоренія ахалъ-текинскаго оазиса, с.-джемскій кабинетъ сильно встревожился и обратился съ запросомъ къ персидскому правительству относительно образа дѣйствій послѣдняго, въ случаѣ, если эта экспедиція будетъ предпринята. Томсонъ, представитель Великобританіи при тегеранскомъ дворѣ, старался отклонить правительство шаха отъ всякаго содѣйствія намъ; но

потерпѣвъ неудачу, Персія приняла по отношенію къ Россіи именно такое положеніе, которое должна занимать дружественная держава въ подобныхъ обстоятельствахъ. Всѣ средства, которыя представлялось намъ возможнымъ извлечь изъ персидскихъ владѣній безъ нарушенія нейтралитета, намъ было разрѣшено получить безъ всякихъ затрудненій, какъ-то: перевозочныя средства и продовольствіе и до послѣдняго времени Персія оказывала всякое возможное содѣйствіе экспедиціи Скобелева.

Тегеранскому правительству не было, впрочемъ, никакой выгоды возбуждать наше неудовольствіе. Послѣ занятія нами текинскаго оазиса, долженъ непремѣнно возникнуть вопросъ о границахъ съ Персіей (въ настоящее время между текинцами и Персіей не существуетъ опредѣленной границы). Недавно еще предполагалось, что границею персидскихъ владѣній служитъ Атрекъ; но теперь, благодаря новѣйшимъ изслѣдованіямъ, предположеніе это опровергнуто. Вотъ что представляетъ собою мѣстность, гдѣ намъ придется проводить новую границу съ Персіей *). «Текинскія поселенія тянутся отъ текинскаго укрѣпленія Кызылъ-Арвата къ персидской провинціи Дерегезу въ юговосточномъ направленіи; поселенія персидскія идутъ, начиная отъ урочища Мана на Атрекѣ до укрѣпленія Серахса близъ афганской границы въ восточномъ направленіи, постепенно сближаясь чрезъ это съ поселеніями туркменскими. Къ сѣверу отъ Дерегеза поселенія туркменскія и персидскія почти сходятся, между тѣмъ какъ крайнія западныя поселенія туркменъ отдѣлены отъ персидскихъ разстояніемъ въ 200 верстъ. Пространство между персидскими и туркменскими поселеніями, ограниченное Атрекомъ на югѣ, р. Сумбаромъ на западѣ, линіею текинскихъ поселеній на сѣверо-востокѣ, курдскими поселеніями на востокѣ, представляетъ изъ себя обширный треугольникъ, заполненный отрогами Кюренъ-дагскихъ и Эльбрускихъ горъ, лишенный въ настоящее время всякихъ поселеній, хотя пространство это способно къ культурѣ, по горамъ много пастбищъ, а долины весьма плодородны и отличаются прекраснымъ климатомъ. Многочисленныя развалины указываютъ, что въ недавнее еще время эта мѣстность была населена. Туркмены-текинцы разрушили персидскія деревни и частью умертвили, частью забрали въ плѣнъ жителей ихъ — персіянъ. Истребивъ и изгнавъ персіянъ, текинцы сами не осѣли на отнятыхъ ими мѣстахъ, какъ по своей малочисленности, такъ изъ боязни, въ свою очередь, нападенія со стороны персовъ, отъ коихъ имъ трудно было защищаться самою мѣстностью». Персія, слѣдовательно, оказывая намъ содѣйствіе, поступила весьма благоразумно, такъ какъ Россія могла бы удержать за собой всю мѣстность, лежащую къ сѣверу отъ Атрека до персидскаго укрѣпленія Пишкале, находящагося по Атреку. Но, въ виду дружественнаго къ намъ отношенія Персіи, едва-ли наши интересы требуютъ такого образа дѣй-

*) Туркмены и Туркменія. Куропаткинъ.

ствій. Напротивъ, намъ надо избѣгать всякихъ недоразумѣній съ Тегераномъ. Перенося нашу дѣйствительную границу на восточный берегъ Каспійскаго моря, къ границамъ Персіи, мы должны были имѣть въ виду, что намъ потребуется заручиться дружественнымъ расположеніемъ Персіи для достиженія серьезныхъ выгодъ отъ этого шага. Въ противномъ случаѣ учрежденіе новаго отдѣла теряло бы всякое значеніе.

Въ настоящее время, когда благопріятный для насъ исходъ экспедиціи генералъ-адъютанта Скобелева, послѣ взятія главнаго укрѣпленнаго пункта текинцевъ, Геокъ-Тепе, не подлежитъ сомнѣнію и отношенія къ намъ Персіи въ текинскомъ вопросѣ вполнѣ выяснились, не трудно уяснить себѣ дѣйствительныя выгоды, которыя мы можемъ получить отъ этой экспедиціи.

Выгоды-же могутъ быть оцѣнены главнымъ образомъ тѣмъ, на сколько достигается разрѣшеніе существующаго для насъ вопроса о занятіи въ Средней Азіи благопріятнаго, сравнительно съ Англіей, положенія. Есть, конечно, какъ выше упомянуто, уже и много другихъ условій, существенныхъ для насъ и связанныхъ съ экспедиціей; но, тѣмъ не менѣе, главное значеніе ея находится въ прямой зависимости отъ вопроса о нашемъ положеніи въ Азіи.

Какихъ-же результатовъ въ этомъ отношеніи мы можемъ ожидать отъ ахалъ-текинской экспедиціи. Послѣ пораженія, нанесеннаго текинцамъ въ Геокъ-Тепе, генералъ-адъютантъ Скобелевъ долженъ будетъ двинуться далѣе внутрь оазиса и по всей вѣроятности въ непродолжительномъ времени (если только побѣда не слишкомъ ослабила его) займетъ Асхабадъ и достигнетъ восточной границы оазиса, т. е. приблизится къ персидскимъ владѣніямъ. Но, затѣмъ возбуждается вопросъ, что-же предпримемъ мы послѣ этого? Мы должны будемъ или очистить ахалъ-текинскій оазисъ, или укрѣпиться въ немъ окончательно, присоединивъ его къ нашимъ владѣніямъ, или двинуться далѣе на Мервъ. Въ первомъ случаѣ мы возбудили бы въ Азіи сомнѣніе въ нашихъ силахъ и спустя нѣкоторое время, можетъ быть годъ или два, текинцы снова начали-бы безпокоить нашъ закаспійскій отдѣлъ. Слѣдовательно, отступленіе въ настоящее время становится немыслимымъ; приходится или двигаться впередъ, или укрѣпляться на занятыхъ пунктахъ. Но на походъ въ Мервъ мы не можемъ рѣшиться по многимъ весьма существеннымъ причинамъ. Во-первыхъ, начавъ этотъ походъ, мы встрѣтились-бы еще съ большими затрудненіями, чѣмъ тѣ, которыя намъ удалось преодолѣть въ ахалъ-текинской экспедиціи. Мервскій оазисъ отдѣленъ отъ текинскаго пространствомъ, приблизительно въ 300 верстъ, изъ нихъ 60 верстъ пустынной и безводной степи. По послѣднимъ свѣдѣніямъ, собраннымъ отчасти генераломъ Петрусевичемъ во время его поѣздки съ нашимъ астрабадскимъ консуломъ, Бокунинымъ, въ Хорассанъ. Кругомъ Мервы лежитъ пустыня, прикрывающая хищныхъ мервскихъ туркменъ лучше крѣпостей отъ справедливой кары со стороны Афганистана, Персіи, Бухары и Хивы. Свойства этой пустыни различны.

Пустыня, растилающаяся на сѣверъ, сѣверо-западъ и востокъ, почти безводна, песчана. Небольшое число колодцевъ, существующихъ по нѣсколькимъ путямъ къ Аму-Дарьѣ, легко засыпать, а разстояніе между этими колодцами достигаетъ иногда почти сотни верстъ. Къ югу отъ Мерва пространство между рѣками Мурхабомъ и Герирудомъ иного характера и носитъ очевидные слѣды когда-то существовавшей культуры. Пески разбросаны по этому пространству оазисами, между значительными участками глинистой почвы, годной для воздѣлыванія. Слѣды каналовъ, выведенныхъ изъ Мурхаба, и слѣды значительныхъ поселеній встрѣчаются весьма часто. Въ особенности замѣчателенъ каналъ Караябъ, который подходитъ къ Теджентy на 60 верстъ. Теджентъ, или Герри-рудъ орошаетъ крайніе предѣлы ахалъ-текинскихъ владѣній и, благодаря ей, сообщеніе съ Мервомъ нѣсколько облегчено. Она около 400 верстъ течетъ по Афганскимъ предѣламъ (Гератъ стоитъ на этой рѣкѣ). Дойдя до персидской границы, Герри-рудъ принимаетъ направленіе на сѣверъ, прорываетъ встрѣчныя горныя цѣпи близъ укрѣпленія Серахса, составлящаго главный, хотя слабый, оплотъ персовъ противъ хищничества мервскихъ туркменъ и восходитъ въ Туркменскую степь. За Серахсомъ Герри-рудъ принимаетъ названіе Тенджентъ-дарьи, течетъ близъ Келатскихъ горъ, а затѣмъ, на высотѣ Асхабада, одного изъ центровъ ахалъ-текинскаго оазиса, оканчивается въ болотахъ и озерахъ, образуемыхъ при весеннихъ разливахъ, не дойдя до Каспійскаго моря 500 верстъ. По свѣдѣніямъ генерала Петрусевича, во время половодья черезъ рѣку Теджентъ никогда не бываетъ переправы; съ убылью воды рѣка изсякаетъ и къ осени не доходитъ до образованныхъ ею весною озеръ. Вода въ рѣкѣ принимаетъ къ осени солоноватый вкусъ, а вода въ озерахъ становится вовсе негодна для питья. Туркмены добываютъ прѣсную воду, вырывая колодцы по высохшему руслу рѣки, причемъ вода оказывается на самой незначительной глубинѣ. Рѣка Мурхабъ, беря начало въ сѣверныхъ склонахъ Параномиза, течетъ въ направленіи параллельномъ р. Герри-руду и сближаясь съ нею до 180 — 200 верстъ. На этой рѣкѣ лежитъ Мервъ, представляющій довольно значительную воздѣланную площадь, орошенную каналами изъ р. Мурхаба при помощи грандіозныхъ плотинъ. За Мервомъ Мурхабъ теряется въ пескахъ, какъ и Теджентъ.

Предпринимать теперь, слѣдовательно, походъ на Мервъ положительно невозможно, если только не желать себя подвергнуть риску утратить все пріобрѣтенное. А неудачный исходъ экспедиціи въ Мервъ можно предсказать и потому еще, что корпусъ, который двинулся-бы туда, долженъ-бы былъ значительно ослабить себя, оставляя въ тылу отряды для обезпеченія путей сообщенія. Между тѣмъ, мервскіе туркмены оказали бы, по всей вѣроятности, еще болѣе упорное сопротивленіе, чѣмъ встрѣченное нами въ Теке. Численностью-же они значительно превосходятъ текинцевъ. По послѣднимъ свѣдѣніямъ ихъ насчитываютъ до 45 тысячъ кибитокъ.

Потребуется, слѣдовательно, по крайней мѣрѣ 40 тысячный корпусъ для занятія Мерва, такъ какъ половина этого корпуса пойдетъ на обезпеченіе линіи отъ Чата до Мерва. Для снабженія-же такого числа войскъ продовольствіемъ и военными снарядами мы не имѣемъ и средствъ.

Но, если-бы намъ и не пришлось встрѣтиться съ подобными затрудненіями, то все-же походъ на Мервъ не могъ-бы состояться по политическимъ соображеніямъ. Министерство Гладстона при самомъ вступленіи своемъ въ управленіе пожелало разъяснить наши намѣренія относительно туркменской степи. Понятно, что ему даны были самыя миролюбивыя объясненія и именно только въ виду отсутствія съ нашей стороны желанія дѣйствовать въ ущербъ интересамъ Великобританіи въ Средней Азіи. Правительство королевы Викторіи сочло возможнымъ не вмѣшиваться въ ахалъ-текинскій вопросъ. Надо полагать, однако, что тѣмъ не менѣе оно старалось затруднить намъ успѣшный исходъ экспедиціи. Но къ вопросу о Мервѣ Англія не могла отнестись также спокойно. Извѣстно, что во время Биконсфильда С.-Джемскій кабинетъ потребовалъ отъ насъ категорическаго обѣщанія не занимать этого оазиса и бывшій нашъ посолъ въ Лондонѣ, графъ Шуваловъ, нашелъ возможнымъ дать Англіи такое обѣщаніе. Правда, въ послѣдствіи управляющій Министерствомъ Иностранныхъ Дѣлъ, г. Гирсъ, и баронъ Жомини разъяснили англійскому послу при Петербургскомъ Дворѣ, лорду Дюфферину, что, давая подобное обѣщаніе, мы имѣли въ виду только данную минуту и дѣйствительно не имѣемъ намѣренія предпринимать экспедиціи противъ Мерва; но, что связывать себя обѣщаніемъ никогда не идти на Мервъ Россія не можетъ, такъ какъ неизвѣстно, въ какое положеніе мы будемъ поставлены современемъ. С.-Джемскій кабинетъ въ то время удовлетворился нашими объясненіями, но сами эти переговоры свидѣтельствуютъ, что экспедиція на Мервъ можетъ возбудить серьезныя недоразумѣнія между нами и Англіей. Не подлежитъ сомнѣнію, что наши переговоры съ Англіей на этомъ не остановились и экспедиція генерала Скобелева возбуждала въ англійскомъ обществѣ еще большія опасенія. Значеніе, которое придаетъ Мерву правительство королевы Викторіи, побудитъ его потребовать теперь отъ насъ формальное обѣщаніе не идти далѣе текинскаго оазиса и въ виду обезпеченія собственнаго положенія, министерство Гладстона можетъ быть заявитъ даже, что въ противномъ случаѣ Англія сочтетъ затронутыми свои существенные интересы. Такимъ образомъ походъ на Мервъ весьма вѣроятно будетъ признанъ Англіей за casus belli. При настоящихъ нашихъ финансовыхъ затрудненіяхъ и неблагопріятномъ для насъ политическомъ положеніи въ Европѣ, интересы Россіи должны заставлять насъ избѣгать серьезныхъ недоразумѣній съ Англіей. Если во время берлинскаго конгресса мы сдѣлали громадныя уступки послѣдней, лишь-бы избѣгнуть вооруженнаго сопротивленія, уступки въ вопросахъ самыхъ существенныхъ для насъ, то несомнѣнно, что не пожелаемъ теперь имѣть столкновенія съ ней изъ

вопроса о Мервѣ. Занятіе его надо считать теперь, слѣдовательно, невыполнимымъ. Если-же бы лицо, которое останется командующимъ въ ахалъ-текинской экспедиціи, рѣшалось, по примѣру генерала Черняева и Колпаковскаго, двинуться впередъ безъ разрѣшенія центральнаго правительства и занять Мервъ, то и въ этомъ случаѣ мы ничего положительно не пріобрѣтаемъ, такъ-какъ по требованію Англіи должны-бы были тотчасъ-же очистить мервскій оазисъ. Какъ не странно кажется предположеніе о возможности похода по иниціативѣ командующаго войсками, но нѣтъ въ этомъ ничего невѣроятнаго. Войска наши въ Средней Азіи показали, что такого рода экспедиціи приводили иногда къ блестящимъ результатамъ. Ходятъ слухи, что въ прошедшемъ году генералъ-адъютантъ Лазаревъ, имѣлъ, даже, намѣреніе поступить по примѣру генерала Черняева и о занятіи Мерва сообщить, какъ о совершившемся фактѣ. Подобное намѣреніе свидѣтельствуетъ только, что генералъ Лазаревъ не понималъ нашего политическаго положенія; благодаря его увлеченію мы потеряли-бы по меньшей мѣрѣ сотни тысячъ рублей и тысячи солдатъ, не пріобрѣтя даже незначительныхъ выгодъ.

Слѣдовательно, какъ отступленіе, такъ и движеніе впередъ представляется ровно невозможнымъ для насъ. Намъ волей-неволей приходится укрѣпляться въ ахалъ-текинскомъ оазисѣ. Укрѣпляться-же мы вынуждены потому, что намъ предстоитъ постоянная борьба съ мервскими туркменами, которые будутъ намъ мстить за теперешнюю экспедицію. Едва-ли подлежитъ сомнѣнію, что мервцы будутъ имѣть въ ахалъ-текинцахъ тайныхъ союзниковъ и что мы, поэтому, будемъ постоянно находиться среди тайныхъ враговъ, не имѣя возможности измѣнить своего положенія. Тѣмъ не менѣе, единственнымъ выходомъ намъ остается окончательное занятіе Ахалъ-Теке. Въ восточной части оазиса, ближайшей къ Мерву, будутъ устроены, конечно, сильныя укрѣпленія и въ нихъ оставлены значительные гарнизоны. Кромѣ того, на протяженіи всѣхъ 250 верстъ мы должны будемъ имѣть тоже рядъ укрѣпленій для поддержанія сношеній съ восточной окраиной оазиса. Подобное военное занятіе страны потребуетъ, несомнѣнно, значительныхъ расходовъ, которые лягутъ на государственное казначейство. Какъ неплодороденъ оазисъ, изъ него нельзя будетъ извлечь при данномъ положеніи и пятую часть тѣхъ расходовъ, которые потребуются на содержаніе войскъ. Поэтому въ матеріальномъ отношеніи занятый теперь край не доставитъ намъ никакихъ выгодъ. Выгоды, пріобрѣтаемыя нами въ стратегическомъ отношеніи, также не особенно значительны. Если мы займемъ даже нижнее теченіе Герри-руда, то все-же относительно Герота будемъ находиться въ менѣе благопріятномъ положеніи, чѣмъ англичане, занимая Кандагаръ. Въ случаѣ-же войны съ Англіей мы не будемъ имѣть возможности предупредить ихъ въ Геротѣ, такъ какъ экспедиція въ Мервъ потребуетъ слишкомъ много времени и много времени также уйдетъ на обезпеченіе сообщеній съ Ахалъ-Теке. Англичане два раза успѣ-

ютъ занять Геротъ прежде, чѣмъ мы приблизимся къ этому городу. Поэтому, какъ передовая позиція для движенія къ Героту, текинскій оазисъ не можетъ имѣть для насъ существеннаго значенія, если только не предпринимать похода на Мервъ. Въ другихъ же отношеніяхъ, стратегическое значеніе этого оазиса такъ ничтожно, что не стоитъ почти упоминать о немъ. Занимая Ахалъ-Теке, мы можемъ вліять, отчасти на Хорассанъ, одну изъ важнѣйшихъ персидскихъ провинцій, и обезпечивать торговое движеніе по туркменской степи. Достиженію этихъ цѣлей никогда не было придаваемо нами серьезнаго значенія, хотя на эти выгоды стратегическаго положенія не могло не быть обращаемо вниманіе.

Прямыя-же и существенныя выгоды отъ занятія Ахалъ-Теке представляются только въ политическомъ отношеніи. Во-первыхъ, подчинивъ текинцевъ, мы этимъ поднимаемъ наше вліяніе во всей Средней Азіи, гдѣ послѣ афганской войны и понесеннаго нами пораженія въ прошедшемъ году, наше положеніе было нѣсколько поколеблено; во-вторыхъ, усиливаемъ и упрочиваемъ наше вліяніе въ Персіи. Сосѣдство наше съ лучшими окраинами Персіи должно побудить тегеранское правительство быть крайне предупредительнымъ къ намъ. Потеряй-же мы и нынѣшній годъ, подобно минувшему, пораженіе весьма возможно, что во всей Средней Азіи началось-бы враждебное намъ движеніе и отъ насъ потребовалось-бы чрезвычайнаго напряженія силъ для возстановленія вліянія. Волненіе, весьма вѣроятно, отразилось-бы не только на Хивѣ и Бухарѣ, но, быть можетъ, распространилось-бы и по нашимъ владѣніямъ. Несомнѣнно, что и на персидское правительство новое пораженіе русскихъ произвело-бы невыгодное для насъ впечатлѣніе. Поэтому понятно, что получавшіяся въ началѣ текущаго года неблагопріятныя для насъ извѣстія изъ отряда Скобелева должны были вызывать въ Петербургѣ безпокойство не столько, впрочемъ, за самый успѣхъ экспедиціи, сколько за послѣдствія въ случаѣ неудачи. Слѣдовательно, въ виду нашихъ политическихъ интересовъ въ Азіи, нельзя не радоваться одержанной побѣдѣ. Но, признавая важность этой побѣды, слѣдуетъ однако относиться критически къ доставляемымъ ею положительнымъ результатамъ. Считать, что она намъ была необходима, не значитъ еще видѣть въ ахалъ-текинской экспедиціи нѣчто дѣйствительно существенное для насъ.

Выше перечислены всѣ доводы, приводимые въ защиту этой экспедиціи. Теперь, когда благополучный исходъ ея обезпеченъ, можно спокойно обсудить основательность нашихъ доводовъ. Главныя цѣли, т. е. представленія намъ болѣе выгоднаго, сравнительно съ англичанами, положенія относительно Герата, она намъ, какъ видно изъ разбора стратегическихъ преимуществъ, связанныхъ съ обладаніемъ Ахалъ-Теке, не достигаетъ. Это, впрочемъ, признали и многіе военные. Покойный генералъ Петрусевичъ одинъ изъ главныхъ виновниковъ экспедиціи считалъ, что дорога въ Гератъ на Мервъ не даетъ намъ преимущества предъ англича-

нами; но, находилъ возможнымъ пройти въ Гератъ, миновавъ Мервъ, т. е. направившись къ Геррируду, и вверхъ по ея теченію; затѣмъ, минуя Персію, къ Герату. Но если бы путь этотъ дѣйствительно былъ удобенъ для нашего отряда, то все-же пользоваться имъ было-бы весьма рискованно съ нашей стороны. Въ такомъ случаѣ мы оставляли-бы у себя въ тылу враждебный намъ мервскій оазисъ и были бы отрѣзаны отъ нашихъ укрѣпленныхъ позицій. Всѣ эти соображенія приводятъ къ заключенію, что главная цѣль нашего теперешняго движенія въ Азіи не достигается.

Другая цѣль, обусловливавшая ахалъ-текинскую экспедицію,—пріобрѣтеніе прочной границы, также, къ сожалѣнію, не будетъ достигнута. До нынѣшняго года мы вынуждены были защитить наши прикаспійскія укрѣпленія отъ набѣговъ туркменъ, а теперь должны будемъ защищать укрѣпленія, лежащія не краю ахалъ-текинскаго оазиса. Граница же наша будетъ также не обезпечена отъ нападеній туркменъ, какъ было и донынѣ. Только Чикишляръ, Чатъ и Красноводскъ находятся въ кочевьяхъ дружественныхъ намъ туркменъ-іомудовъ, а новыя укрѣпленія будутъ находиться среди враждебныхъ намъ текинскихъ туркменъ. Вотъ уже нѣсколько сотъ лѣтъ, какъ мы подвигаемся на востокъ и пора уже намъ привыкнуть къ тому, что нашу границу въ Азіи можно тогда только считать обезпеченною, когда она прилегаетъ или къ сравнительно благоустроенному государству, или же къ вассальному ханству. Имѣя же общую границу съ мервскими туркменами, мы положительно не должны разсчитывать на спокойствіе.

Достигнуты же нами только нѣкоторыя второстепенныя цѣли; но, на сколько существенны они для насъ, укажетъ время. Такъ, въ настоящее время красноводско-хивинскому караванному тракту не будутъ болѣе угрожать туркменскія шайки и торговля чрезъ Красноводскъ можетъ безпрепятственно развиваться. По свѣдѣніямъ, имѣющимся у компетентныхъ лицъ, этотъ караванный путь едва-ли значительно оживится. Если до настоящаго времени Красноводскъ не могъ привлечь къ себѣ хивинскую торговлю, то сомнительно, чтобъ и въ будущемъ это удалось ему. Необезпеченность же пути въ значительной степени обусловливалась недостаткомъ потребности въ немъ. Хива и Бухара нѣкогда вели прямую торговлю съ туркменами—Теке и Персіей и, если торговля эта поддерживалась, то, въ случаѣ дѣйствительной потребности, и до покоренія ахалъ-текинскаго оазиса Красноводско-Хивинскій путь могъ бы эксплуатироваться. Впрочемъ, въ непродолжительномъ времени мы будемъ имѣть возможность убѣдиться, на сколько основательно предположеніе о малой пригодности для торговли этого пути. Другая второстепенная цѣль экспедиціи—сближеніе Кавказа съ Туркестаномъ, безусловно достигнута. Теперь эти обѣ части Россійской Имперіи получаютъ возможность постоянно оказывать взаимную поддержку и весьма вѣроятно, что это будетъ имѣть нѣкоторое значеніе, какъ для Кавказа, такъ и для Туркестана.

Только въ одномъ, весьма существенномъ отношеніи, не подлежатъ сомнѣнію благопріятные для насъ результаты экспедиціи. Какъ уже выше сказано, наше вліяніе на Персію должно усилиться. Въ Тегеранѣ неоднократно откровенно сознавались, что не въ силахъ заставить племена, живущія по Атреку, подчиняться всѣмъ требованіямъ центральнаго правительства,—наша же побѣда усилитъ тамъ вліяніе персидскаго правительства *).

Слѣдовательно, въ настоящее время всѣ выгоды отъ занятій ахалъ-текинскаго оазиса ограничиваются въ сближеніи Кавказа съ Туркестаномъ и нѣкоторымъ усиліемъ нашего вліянія въ Персіи. Стоило же приносить для этого тѣ жертвы, которыя потребовались за послѣдніе два года. Нельзя не придти къ отрицательному заключенію. Но, въ такомъ случаѣ, возникаетъ вопросъ, какъ же могла состояться подобная экспедиція. Объясненіе этого кажущагося страннымъ явленія весьма просто. За послѣдніе годы обстоятельства такъ неблагопріятно сложились для насъ, что несмотря на недостатокъ положительныхъ выгодъ отъ текинскаго похода, мы были поставлены въ необходимость начать его. Обстоятельства же эти сложились благодаря ряду ошибокъ, сдѣланныхъ самими нами, за которыя пришлось и приходится, однако, дорого расплачиваться. Ошибки эти заключаются, главнымъ образомъ, во-первыхъ, въ перенесеніи нашей дѣйствительной границы на восточный берегъ Каспійскаго моря; во-вторыхъ, въ неумѣніи поддерживать дружественныя сношенія съ туркменами и, въ третьихъ, наконецъ, въ непониманіи, что экспедиція на Мервъ не можетъ состояться теперь по причинамъ, устранить которыхъ мы будемъ не въ силахъ.

Безспорно, что наша граница должна перейти на восточный берегъ Каспійскаго моря и вся туркменская степь должна войти въ составъ Русской Имперіи; если же мы достигнемъ этого, благодаря лишь значитель-

---

*) Вотъ что писалъ объ отношеніи персидскаго правительства къ прятрекскимъ іомудамъ корреспондентъ Daily News: „Такіе противозаконные поступки со стороны персидскихъ подданныхъ, или жителей тѣхъ частей персидской территоріи, которыя составляютъ операціонный базисъ, вѣроятно подадутъ поводъ къ энергическимъ представленіямъ тегеранскому двору и правительство шаха вѣроятно дастъ свой обычный отвѣтъ—что оно безсильно совладать съ кочевниками на границахъ государства. Извиненіе это, конечно, очень основательно и справедливо; но, въ такомъ случаѣ, шахъ не долженъ удивляться, если это дѣло возьмутъ въ свои руки другіе люди, болѣе способные и расположенные прекратить эти злоупотребленія. Персидское правительство, въ дѣйствительности, имѣетъ мало, или даже вовсе не имѣетъ вліянія на территоріи, доходящія на югъ до Атрека, оно даже больше чѣмъ кто другой попускало и поощряло необузданность и насилія, на которыя жалуется и отъ которыхъ само страдаетъ. Его апатія и безсиліе въ этомъ дѣлѣ, въ сущности, означаютъ молчаливое отреченіе отъ права управлять этими округами“.

нымъ жертвамъ, то причину этихъ жертвъ слѣдуетъ искать въ несвоевременности нашего движенія.

Укрѣпившись въ Красноводскѣ, мы возбудили нашимъ образомъ дѣйствій неудовольствіе текинцевъ, а затѣмъ стали къ нимъ въ явно враждебное положеніе, чѣмъ вызвали съ ихъ стороны болѣе или менѣе дерзкія нападенія на насъ. Потребовалось наказать хищниковъ и вмѣстѣ съ этимъ возникъ вопросъ о возможности завладѣнія Мервомъ. Но, даже въ началѣ 1879 года мы были еще такъ далеки отъ мысли о походѣ на Мервъ, что предполагалось ограничиться занятіемъ лишь одного изъ укрѣпленныхъ пунктовъ въ текинскомъ оазисѣ и заставить текинцевъ поддерживать съ нами мирныя сношенія. Отъ занятія одного пункта перешли къ рѣшенію вполнѣ подчинить весь оазисъ. Переходъ этотъ былъ тѣмъ естественнѣе, что возможность поддержанія мирныхъ сношеній съ текинцами послѣ занятія части ихъ территоріи, были крайне сомнительны. Такимъ образомъ, въ текинскую войну мы были втянуты мало по малу, не давая себѣ вполнѣ отчета въ томъ, къ какимъ результатамъ мы можемъ прійдти. Зайдя же слишкомъ далеко, мы уже не могли отступить безъ ущерба нашему достоинству. Такимъ образомъ, создалась отрицательная необходимость экспедиціи. Если-бъ мы даже не могли извлечь изъ нея ни малѣйшей пользы, все же избѣжать экспедиціи намъ было невозможно. Прискорбно только, что понесенныя нами потери были слишкомъ велики. Они свидѣтельствуютъ о нашей неосмотрительности, какъ при подготовкѣ къ экспедиціи, такъ во время ея; въ особенности, въ 1879 году, нами сдѣлано было не мало существенныхъ промаховъ. Вотъ что писалъ о нашихъ ошибкахъ въ «Allgemeine Zeitung» извѣстный путешественникъ по Средней Азіи, Вамбери: «Теперь выяснилось, что несмотря на восьмилѣтнія изслѣдованія тянущейся отъ Красноводска и Чикишляра въ восточномъ направленіи пустыни, русскіе почти вовсе не имѣли положительныхъ свѣдѣній о землѣ ахалъ-текинцевъ и что скудныя данныя, помѣщавшіяся время отъ времени въ географическихъ отчетахъ, основаны были на показаніяхъ, не заслуживающихъ довѣрія туземцевъ. Во-вторыхъ, выяснилось, что русскіе, какъ это случилось и въ началѣ послѣдней русско-турецкой войны, отнеслись къ противнику съ пренебреженіемъ; забывъ жестокій урокъ въ 1873 г., они отнеслись къ пользующимся издавна среди всѣхъ туркменскихъ племенъ славою отчаянныхъ храбрецовъ текинцамъ такъ, какъ относились къ узбекамъ, киргизамъ и каракалпакамъ. Правда, съ первобытными фитильными ружьями трудно справиться съ вооруженными скорострѣльными ружьями, хорошо обученными войсками; тѣмъ не менѣе, не слѣдуетъ упускать изъ вида личную храбрость, когда дѣло идетъ о такомъ народѣ, гдѣ отецъ съ презрѣніемъ отталкиваетъ отъ себя единственнаго сына своего, въ случаѣ если онъ, достигнувъ пятнадцатилѣтняго возраста, не возвращается съ набѣга домой съ разсѣченною головою и безъ взятаго имъ въ плѣнъ персіянина. Туркмены, быть можетъ, не

выдерживали огня русскихъ батарей съ тѣмъ хладнокровіемъ и съ тою стойкостью, которыми отличаются ихъ соплеменники, османлисы, но все-таки эти люди, не видавшіе не только хорошо обученныхъ европейскихъ солдатъ, но вообще европейцевъ, отважились сами перейдти въ наступленіе и затѣмъ оказали продолжительное сопротивленіе непріятелю; такъ было при Геокъ-Тепе и Диндиль-Тепе. Что туркмены въ обѣихъ названныхъ мѣстностяхъ выступили, какъ утверждаютъ русскіе, въ громадномъ численномъ превосходствѣ — мы тому охотно вѣримъ; но, кто поручится русскимъ за то, что это не повторится и въ послѣдствіи? Если русская экспедиціонная армія располагала въ степи всего 20,000 человѣкъ строевыхъ и нестроевыхъ, или, даже, 20,000 человѣкъ строевыхъ и вынуждена была по дорогѣ изъ Чикишляра въ Геокъ-Тепе, т. е. на разстояніи 160 миль, оставить для охраненія этапныхъ пунктовъ по крайней мѣрѣ половину этой силы, то нетрудно понять, почему русская армія, вступивъ на настоящую непріятельскую землю, оказалась въ такой степени ослабленною въ численномъ отношеніи, что ничего не могла сдѣлать, несмотря на свое превосходство въ вооруженіи». Нельзя не согласиться, что во многомъ онъ правъ.

Но, если жертвы, принесенныя нами не соотвѣтствуютъ достигнутымъ результатамъ, то одной изъ главныхъ причинъ этого должно признать невозможность выполнить теперь ту задачу, разрѣшить которую рано или поздно все-таки же придется намъ. Россія не можетъ теперь не принимать въ соображеніе заявленіе Англіи относительно мервскаго оазиса, но несомнѣнно, что долго оставаться въ настоящемъ положеніи въ туркменской степи мы также не можемъ. Черезъ нѣкоторый промежутокъ времени Россія докончитъ то, что начато теперь генералъ-адъютантомъ Скобелевымъ. Но, къ сожалѣнію, въ этотъ промежутокъ времени будутъ потрачены для удержанія занятыхъ позицій такія значительныя суммы, какихъ не потребовалось бы въ случаѣ похода на Мервъ. Милліоны, издержанные нами на покореніе текинскаго оазиса, затрачены не безполезно. Рано или поздно мы не избѣжали бы этихъ издержекъ, хотя и въ меньшемъ размѣрѣ; но тѣ суммы, которыя потребуются для поддержанія въ ахалъ-текинскомъ оазисѣ нашей власти, нельзя не признать непроизводительнымъ расходомъ.

Намъ слѣдовало или не вступать въ туркменскую степь, или вступивши въ нее, довести дѣло до конца. Но, своевременно мы или не поняли этого, или не хотѣли понять. Рядъ полумѣръ привелъ насъ къ настоящему положенію, блестящему по формѣ, но малосодержательному по существу. Мы имѣли случай еще разъ убѣдиться въ беззавѣтной храбрости солдатъ и воинской способности генерала Скобелева; но лавры не должны скрывать отъ нашихъ глазъ дѣйствительнаго положенія дѣлъ. Въ изданной въ 1875 году сэромъ Раулинсономъ книги, « England and Russia in the East», авторъ сравниваетъ наше движеніе внутрь Азіи по

направленію къ Индіи съ параллелями, закладываемыми противъ осаждаемой крѣпости. Первой параллелью онъ признаетъ русскую границу, начерченную двадцать пять лѣтъ тому назадъ и идущую отъ Каспійскаго моря черезъ Оренбургъ и сибирскую линію къ сѣверу отъ степей до Иртыша. Онъ назвалъ ее обсерваціонной линіей. Вторую параллель Раулинсонъ усматривалъ въ линіи отъ Красноводскаго залива къ Хивѣ до Оксуса и по теченію рѣки до Памира, включая сюда всю узбекскую территорію и ставя въ нашу зависимость всѣ воды Оксуса и Яксарта. Третья наша параллель должна будетъ идти отъ Астрабада къ юговосточной части Каспійскаго моря, затѣмъ по персидской границѣ до Герата; отъ него черезъ хазарейскія возвышенности къ Оксусу, или, быть можетъ, черезъ Кандагаръ къ Кабулу. Когда же параллель эта утвердится, то она должна будетъ внушать, по мнѣнію Раулинсона, серьезное опасеніе. Но, проведеніе этой параллели Раулинсонъ полагалъ возможнымъ только въ отдаленномъ будущемъ, какъ это видно изъ словъ его, что Россія будетъ вести эту параллель, если переживетъ революцію въ Европѣ и катастрофу въ Азіи. Англійскій публицистъ-дипломатъ, повидимому, хорошо понимаетъ, что Россія не въ силахъ еще приступить къ работамъ по заложенію этой третьей параллели. Но мы не обратили, на его мнѣніе, никакого вниманія и слишкомъ надѣялись на себя. Вслѣдствіе этого-то мы и оказались въ положеніи осаждающаго, начавшаго осадныя работы безъ достаточной подготовки и вынужденнаго отказаться отъ дальнѣйшаго продолженія этихъ работъ, но не желающаго и не могущаго даже отступить отъ занятыхъ уже позицій.

Одно только, что вознаграждаетъ насъ, отчасти, за несвоевременность движенія, это возможность на столько упрочить свое положеніе въ текинскомъ оазисѣ, чтобы успѣхъ будущаго нашего похода въ Мервъ не могъ подлежать ни малѣйшему сомнѣнію. Было-бы болѣе, чѣмъ странно, еслибы, рѣшившись удержать Ахалъ-Теке, мы не начали заблаговременно готовиться къ походу въ Мервскій оазисъ. Конечно, нѣтъ никакой надобности открыто заявлять объ этомъ. Но, еслибы мы и не начали готовиться, то англичане все же были бы убѣждены, что мы подготовляемся къ этому походу. Трудно рѣшить теперь въ виду недостаточности свѣдѣній о текинскомъ оазисѣ, какія именно мѣры должны быть нами приняты; но судя по тѣмъ даннымъ, которыя уже имѣются, есть основаніе предполагать, что намъ не особенно трудно будетъ хорошо подготовиться. Послѣ же занятія Мерва, мы можемъ считать наше положеніе въ Средней Азіи преобладающимъ и, даже, позабыть о сдѣланныхъ нами ошибкахъ... если только Англія не укрѣпится за это время въ Гератѣ.

Влад—овъ.

Объясненіе по поводу одной рецензіи.

Извѣстный спеціалистъ по исторіи русскаго права г. Владимірскій-Будановъ удостоилъ нѣсколькими критическими замѣчаніями начало печатаемаго мною въ *Русской Мысли* сочиненія о боярской Думѣ *). Эти замѣчанія помѣщены критикомъ рядомъ съ его замѣтками на книгу г. Загоскина о томъ же предметѣ. Какъ автору, мнѣ было пріятно замѣтить, что первымъ главамъ моего опыта, на которыя я самъ смотрю какъ на вступительныя, въ рецензіи оказано даже нѣсколько больше вниманія, чѣмъ почтенному и вполнѣ законченному труду моего товарища по темѣ, если только о степени внимательности критика къ сочиненію можно судить по числу страницъ, отведенныхъ послѣднему въ рецензіи.

Правда, страницы рецензіи, мнѣ посвѣщенныя, отличаются довольно замѣтной возбужденностью тона. Я убѣжденъ, что это произошло, если не отъ непривычки писать иначе, то отъ ученой впечатлительности, возбужденной обиліемъ найденныхъ у меня погрѣшностей, а не отъ какой-либо другой причины.

По примѣру рецензента я мимоходомъ сдѣлаю замѣтку о той сторонѣ моего опыта, которая и меня «прямо не интересуетъ», именно о моемъ слогѣ. Онъ не нравится рецензенту «притязаніями на художественность», о которыхъ я впервые узналъ изъ рецензіи: составляя свое сочиненіе, я думалъ о художественности такъ же мало, какъ и мой критикъ, когда писалъ свою рецензію. Въ образецъ приписываемаго мнѣ притязанія приведена та фраза, гдѣ сказано, что «по нашимъ привычнымъ представленіямъ новая Россія вышла изъ преобразовательнаго горнила Петра, если не какъ богиня изъ морской пѣны, то какъ разслабленный изъ возмущенной воды іерусалимской Вифезды» и пр. Критику не нравятся такіе образы; не нравятся они и мнѣ; но въ нихъ не виновато мое воображеніе: они мнѣ были прямо подсказаны сужденіями о Петрѣ, какія часто приходилось слышать, и въ распространенныхъ у насъ историческихъ пред-

*) *Сборникъ госуд. знаній*, т. VIII, отд. крит. и библіогр., стр. 104.

ставленіяхъ иногда встрѣчаются даже еще менѣе художественныя метафоры. Я виноватъ только въ излишней, можетъ быть, точности, съ какою хотѣлъ передать оспариваемыя мною самимъ сужденія, да еще развѣ въ столь же излишней попыткѣ немного пародировать тонъ и формы этихъ сужденій.

Впрочемъ наши ученые темпераменты и литературные вкусы едва-ли для кого-нибудь занимательны. Отъ ученой критики ждутъ, что она укажетъ въ сочиненіи ошибки, недостатки, и поможетъ ихъ исправленію.

Рецензентъ прежде всего касается моихъ пріемовъ изслѣдованія и останавливается на введеніи. Здѣсь я говорю о распространенномъ въ нашей читающей публикѣ мнѣніи, будто мы хорошо знакомы съ политической исторіей своего отечества. Не соглашаясь съ этимъ мнѣніемъ, я думаю, что оно составилось подъ вліяніемъ ряда сочиненій нѣсколькихъ знатоковъ исторіи русскаго права, прекрасно изобразившихъ строй и дѣйствіе нѣкоторыхъ нашихъ древнихъ учрежденій. Строй и дѣйствіе правительственнаго учрежденія я назвалъ, можетъ быть, не совсѣмъ удачно, его технической стороны, а взглядъ, усвоенныя публикой подъ вліяніемъ этихъ сочиненій, техническимъ взглядомъ на наши древнія учрежденія. Затѣмъ я отмѣтилъ нѣкоторыя, по моему мнѣнію, неправильныя или неясныя сужденія, вытекшія изъ той мысли, будто вопросъ объ учрежденіяхъ, исторію которыхъ читатель изучилъ по упомянутымъ трудамъ, исчерпанъ, что кромѣ строя и дѣйствія древнихъ учрежденій въ нихъ уже нечего изучать болѣе. Я говорилъ только о впечатлѣніи, вынесенномъ многими изъ извѣстныхъ прекрасныхъ сочиненій, не касаясь того, насколько виноваты авторы послѣднихъ въ вынесенномъ изъ ихъ трудовъ взглядѣ и раздѣляли ли его сами. Всего менѣе думалъ я возставать противъ этихъ писателей, труды которыхъ привыкъ цѣнить высоко. Напротивъ, мнѣ хотѣлось напомнить историкамъ-неюристамъ, къ которымъ осмѣливаюсь причислять себя, что если юристы сдѣлали для насъ такъ много, такъ хорошо рѣшили свои задачи, то теперь очередь за нами, и мы должны сдѣлать свое дѣло, освѣтить стороны въ исторіи нашихъ учрежденій, оставшіяся на нашу долю, чтобы пополнить историческія познанія благосклонныхъ читателей. Вотъ что хотѣлъ я сказать въ началѣ введенія и, можетъ быть, сказалъ недостаточно выразительно. Если это такъ, то я очень жалѣю объ этомъ, потому что это дало рецензенту возможность или поводъ прочитать въ моихъ словахъ совсѣмъ не то, что я хотѣлъ сказать. Ему показалось, что я «недоволенъ успѣхами нашихъ историческихъ знаній», и онъ по пунктамъ перечисляетъ обвиненія, которыя будто бы взведены мною на «историко-механиковъ, или иначе, историко-юристовъ:» это именно тѣ распространенныя въ читающей публикѣ историческія сужденія, въ которыхъ я не думалъ винить историковъ-юристовъ, нигдѣ притомъ не называя послѣднихъ «историко-механиками» — терминомъ, который придумалъ самъ рецензентъ въ интересѣ иронія; я гово-

рилъ объ историкахъ, изучившихъ «механизмъ правительственныхъ учрежденій», а не объ «историко-механикахъ». Исходя изъ этого недоразумѣнія, рецензентъ въ формѣ вопроса упрекаетъ меня въ томъ, будто мнѣ неизвѣстны сочиненія историковъ-юристовъ гг. Градовскаго и Дитятина, построенныя на той же мысли, какую развиваю я въ своемъ опытѣ. Я могъ бы увеличить перечень такихъ сочиненій и даже включить въ него нѣкоторые труды моего рецензента, прибавивъ, что мы, простые историки-неюристы, вдвойнѣ благодарны за такое направленіе всѣхъ этихъ трудовъ. Но вѣдь я говорилъ не объ этомъ, а то, о чемъ я говорилъ, не вызывало меня на перечисленіе изслѣдователей, прежде и успѣшнее меня разрѣшившихъ задачи, подобныя моей. Къ сожалѣнію, недоразумѣніе почтеннаго критика простирается не только на начало, но и на дальнѣйшія страницы моего введенія.

Попытаюсь объяснить это недоразумѣніе, которое могутъ раздѣлять и другіе мои читатели. Указанное невѣрное мнѣніе, встрѣчаемое въ публикѣ, произошло не отъ какой-либо ограниченности взгляда историковъ-юристовъ, а отъ понятнаго пробѣла, какой остается въ нашей исторической литературѣ, несмотря на ихъ превосходные труды. Въ исторіи учрежденій юриста естественно прежде всего привлекаютъ стороны наиболѣе для него важныя, именно ихъ устройство и дѣйствіе, или, по выраженію рецензента, ихъ «составъ и отправленія», а въ этомъ онъ самъ видитъ «двѣ основныя задачи всякаго историко-юридическаго изслѣдованія». За это нельзя порицать изслѣдователей и этимъ я объяснилъ въ концѣ введенія то, что изслѣдователи долго обходили тѣ изъ нашихъ древнихъ учрежденій, въ которыхъ «составъ и отправленія» или трудно уловимы или не имѣютъ первостепеннаго историческаго значенія. Къ такимъ учрежденіямъ я отношу и боярскую Думу. Но въ исторіи учрежденія есть сторона, менѣе другихъ важная для юриста, которой однакожъ можетъ интересоваться историкъ, не дѣлая ея изученія своей монополіей и не умаляя значенія того, что цѣнитъ юристъ. Эту сторону я назвалъ «соціальнымъ составомъ управленія», замѣтивъ, что изученіе механизма или техники учрежденій не обнимаетъ всей ихъ исторіи. Чего же не достаетъ еще? Я сказалъ, что не достаетъ изученія ихъ соціальнаго состава, разумѣя подъ механизмомъ ихъ строй и отправленія. «Мы сказали бы, поправляетъ мой отвѣтъ рецензентъ, что не достаетъ еще описанія функцій ихъ (отправленій), гдѣ они и соприкасаются съ цѣлой жизнію общества» (стр. 107). Вслѣдъ затѣмъ, сказавъ, что я отвѣчаю на этотъ вопросъ не такъ, критикъ приписываетъ мнѣ слова: «историки-технологи забываютъ о соціальномъ составѣ управленія». Но у меня нигдѣ нѣтъ ни термина «историки-технологи», ни всей этой фразы и я нигдѣ не говорилъ, что историки-юристы, которые здѣсь, очевидно, разумѣются подъ историками-технологами, «забываютъ» о соціальномъ составѣ управленія. Какъ бы то ни было, критикъ называетъ мой отвѣтъ «большою стран-

ностью» и «остается въ недоумѣніи: что же такое соціальный составъ управленія»? Я не пояснялъ этого выраженія, думая, что оно и достаточно понятно, и достаточно употребительно, по крайней мѣрѣ, не темнѣе и не страннѣе словъ «личный составъ управленія». Теперь скажу, что я разумѣлъ подъ этимъ выраженіемъ. Кто напримѣръ опишетъ, изъ скольких бояръ, окольничихъ и т. д. состояла боярская Дума Ивана Грознаго, тотъ изобразитъ личный или, точнѣе, чиновный составъ ея. Но при сходномъ такомъ составѣ могъ быть неодинаковъ ея составъ соціальный. Члены Думы того времени назначались изъ извѣстныхъ только слоевъ общества, которые можно обозначить съ нѣкоторой точностью. Но представимъ, что Дума стала составляться изъ людей, получившихъ думные чины, не потому что эти люди принадлежали къ извѣстнымъ слоямъ общества, а по какимъ-либо другимъ причинамъ, къ какимъ бы классамъ ни принадлежали. Тогда въ Думѣ могло не оказаться ни одного члена изъ слоевъ, прежде ее наполнявшихъ; она могла состоять изъ стольких же бояръ, окольничихъ и т. д., какъ и прежде, но ея соціальный составъ вышелъ бы совсѣмъ иной, а съ нимъ измѣнились бы понятія, интересы, весь характеръ учрежденія. Рецензентъ припомнитъ, что нѣчто подобное дѣйствительно испытала нѣкогда наша Дума, сохранивъ прежній чиновный свой составъ. Этотъ соціальный составъ Думы, которую и критикъ считаетъ очень тѣсно связанной съ судьбою древнерусскихъ классовъ, я и назначилъ главнымъ предметомъ своего изученія и во введеніи хотѣлъ оправдать такой выборъ, показать, почему считаю свою задачу нелишней. Именно появленіе книги профессора исторіи русскаго права г. Загоскина и заставило меня подумать, не поставить ли мнѣ въ своемъ опытѣ на второмъ планѣ изображеніе «техническаго» устройства и правительственнаго дѣйствія Думы, съ чѣмъ можетъ лучше меня познакомить читателя ученый, болѣе компетентный въ такихъ вопросахъ. Въ виду этого, я и закончилъ введеніе замѣчаніемъ, что избранная мною точка зрѣнія оправдаетъ нѣсколько пробѣлы, которые замѣтитъ читатель въ моемъ опытѣ. Поэтому мнѣ трудно объяснить себѣ происхожденіе ряда «порицаній», не совсѣмъ обычныхъ по тону въ серьезной критикѣ, которыми почтенный ученый встрѣтилъ мой скромный опытъ. Такъ, онъ стороной намекаетъ, будто я, развивая свою мысль объ изученіи учрежденія въ связи съ исторіей общества, смѣшиваю «разные предметы» и даже выдаю это смѣшеніе «за новое направленіе науки, за открытіе». Я напротивъ боялся, что избранное мною «направленіе» покажется слишкомъ узкимъ, а узость направленія, какъ хорошо знаетъ мой рецензентъ, не только не открытіе, а очень старая старина. Точно также я не смѣшиваю такихъ различныхъ предметовъ, какъ исторія классовъ и исторія учрежденій, не сливаю одной съ другой, а напротивъ, можетъ быть, слишкомъ раздѣляю ихъ, пытаясь изобразить исторію соціальнаго состава Думы и отодвигая на задній планъ исторію ея правительственнаго строя и дѣйствія, которая смущаетъ меня

массой чисто юридическихъ вопросовъ. Рецензентъ находитъ задачу и въ томъ, что я говорю объ изученіи исторіи учрежденій въ связи не только съ общественными классами, но и *интересами*. По его разгадкѣ, я «по видимому желалъ бы, чтобы историкъ представлялъ намъ, какія изъ учрежденій вызваны были самою жизнію (а не мертвою бумагой), въ какомъ отношеніи находилась ихъ дѣятельность къ жизни и обратно» (стр. 108). Не знаю, какъ самъ рецензентъ понимаетъ свои слова и какія учрежденія вызываются «мертвою бумагой»; но смыслъ моихъ «интересовъ» очень простъ. Классъ общества, въ рукахъ котораго находится управленіе и отъ котораго зависитъ соціальный составъ его, можетъ, пользуясь властью, преслѣдовать различныя цѣли: можетъ поддерживать преимущественно интересы землевладѣнія или преимущественно выгоды торговли, можетъ, владѣя землей, стремиться къ подчиненію земледѣльческаго населенія и т. п. Такія стремленія я и разумѣлъ подъ «интересами», а не вопросъ о томъ, какія учрежденія вызываются жизнію и какія мертвою бумагой. Поэтому я не согласенъ на то, что мнѣ обязательно подсказываетъ рецензентъ вмѣсто моего загадочнаго выраженія, рекомендуя мнѣ «простую юридическую терминологію», описаніе *состава* и *отправленій* учрежденія, что «спасло бы» меня отъ напрасныхъ усилій выразить извѣстныя мысли. Моя мысль не нова, но и не совсѣмъ та, какую подсказываетъ мнѣ критикъ. Я именно имѣлъ въ виду не всю широкую задачу исторически изучить составъ и отправленія учрежденія, и только прослѣдить, какъ отражались въ исторіи Думы, перемѣны въ составѣ руководящаго класса древнерусскаго общества, смѣна господствовавшихъ въ немъ интересовъ», а это и то, о чемъ говоритъ рецензентъ, кажется мнѣ, не одно и тоже. Но всего менѣе понятенъ мнѣ еще одинъ упрекъ. Первыя главы своего опыта я посвятилъ изученію древнѣйшей исторіи нашего города, чтобы уяснить себѣ любопытное и, какъ мнѣ казалось, недостаточно изслѣдованное явленіе нашей исторіи X в., присутствіе «старцевъ градскихъ» въ княжеской Думѣ рядомъ съ боярами. Этого прямо требовала моя задача и на этомъ я остановился, можетъ быть, слишкомъ долго въ ущербъ симметріи цѣлаго опыта. Я вполнѣ согласенъ съ мыслью критики, что «для успѣховъ дѣла» необходимо «полное сосредоточеніе вниманія на избранномъ предметѣ». Какъ я исполнилъ эту часть своей задачи, судить не мнѣ; замѣчу только, что самъ критикъ нашелъ «нѣсколько очень здравыхъ догадокъ» въ упомянутыхъ главахъ. Но не находитъ, чтобы «все это имѣло какое-либо отношеніе къ боярской Думѣ», и имѣя въ виду эти главы, пишетъ, что въ нихъ «основная задача расплывается и теряется въ массѣ привходящихъ предметовъ» (стр. 108 и примѣч. на 115). Скорѣе меня можно было бы упрекнуть не за потерю основной задачи, а за слишкомъ пространное и медленное ея разрѣшеніе въ первыхъ главахъ, за слишкомъ продолжительное сосредоточеніе вниманія на избранномъ предметѣ, что критикъ считаетъ «элементарнымъ принципомъ методологіи»;

но мнѣ кажется, выдерживая методъ съ излишкомъ, грѣшишь не противъ метода, а только противъ терпѣнія читателя.

Всѣ указанные упреки вышли изъ недоразумѣнія рецензента, а источникъ недоразумѣнія кроется въ предположеніи, будто я «недоволенъ успѣхами нашихъ историческихъ знаній» и во введеніи обвиняю историковъ-юристовъ, такъ подвинувшихъ впередъ эти знанія. Почтенный спеціалистъ почувствовалъ себя задѣтымъ и счелъ нужнымъ вступиться за историковъ-юристовъ. Но такъ какъ я не думалъ нападать на нихъ, такъ какъ тѣ изъ нихъ, которыхъ я имѣлъ въ виду, едва-ли нуждаются въ чьей-нибудь защитѣ, а г. Владимірскаго-Буданова имѣлъ я въ виду всего менѣе, то думаю, что его оборонительные удары падаютъ въ пространство, гдѣ нѣтъ нападающаго, даже иногда направляются совсѣмъ въ сторону и защита изъ недоразумѣнія переходитъ въ неправду. Во введеніи я пытался отмѣтить главные моменты развитія мѣстнаго управленія въ Россіи до конца XVIII в. Назвавъ мое выраженіе о соціальномъ составѣ управленія «большою странностью», критикъ называетъ сейчасъ указанный очеркъ «удивительнымъ примѣромъ» и прибавляетъ, будто я построилъ его на слѣдующемъ принципѣ: чѣмъ болѣе усиливалось провинціальное самоуправленіе, тѣмъ болѣе усиливалась административная централизація. «Иной подумаетъ, что мы шутимъ», продолжаетъ рецензентъ и затѣмъ вырываетъ двѣ фразы, опуская связующія ихъ мысли, изъ того мѣста моего очерка, гдѣ я говорю о мѣстномъ управленіи въ удѣльное время (подъ которымъ разумѣю время съ XIII в. до княженія Ивана III). Если уже критику угодно было обратиться къ шутливой рѣчи, то я долженъ согласиться, что онъ дѣйствительно шутитъ. Во-первыхъ, я не строилъ своего очерка на странномъ принципѣ, мнѣ приписанномъ, а сказалъ, что только въ XVI в. земское самоуправленіе развивается, вытѣсняя намѣстниковъ и волостелей, но усиливается и централизація; ниже я повторилъ эту мысль, сказавъ, что потомъ послѣ удѣльнаго времени, т. е. въ XVI в., рядомъ развиваются и централизація и мѣстное самоуправленіе, и тутъ же прибавилъ для объясненія этой видимой странности, что самоуправленіе являлось тогда орудіемъ, проводникомъ той же централизаціи. Рѣчь идетъ не о какомъ-либо принципѣ, проводимомъ чрезъ всю исторію нашего мѣстнаго управленія, не о «зависимости успѣховъ централизаціи отъ успѣховъ самоуправленія», какъ угодно было подумать критику, а о фактѣ точно обозначеннаго и непродолжительнаго времени, объ отношеніи мѣстнаго земскаго управленія къ центральному въ XVI в. Но критикъ въ доказательство того, что найденный имъ у меня «принципъ» не есть его собственная шутка, приводитъ отрывочныя фразы изъ моихъ строкъ не о XVI в., а объ удѣльномъ времени, гдѣ нѣтъ ничего похожаго на его «принципъ», прибавляя, что «читатель видитъ тутъ только образецъ противорѣчія и принужденъ выбирать любое». Смѣю надѣяться, что положеніе сочинителя не столь печально, что не всякій

читатель такъ читаетъ, какъ угодно моему критику, и вѣроятно всякій другой выберетъ изъ читаемыхъ строкъ не то, что ему «любо», а что дѣйствительно въ нихъ сказано. Начавъ разсматриваемое мѣсто рецензіи усвоеніемъ мнѣ не моей мысли, критикъ и оканчиваетъ его такой же напраслиной. По его мнѣнію, весь мой неясный очеркъ исторіи мѣстнаго управленія совершенно затемненъ «общею» фразой: «органами централизаціи являются люди, которые были представителями центральной власти». Но у меня эта непонятная въ одиночествѣ фраза вовсе не общая, относится не ко всей исторіи мѣстнаго управленія, а исключительно характеризуетъ удѣльное управленіе; притомъ и она приведена въ рецензіи не вполнѣ. Тамъ, откуда она вырвана, резюмируется мысль, что въ удѣльное время мѣстные управители, назначенные центральной властью, стояли однако въ такой слабой связи съ правительственнымъ центромъ, что ихъ отношеніе къ послѣднему трудно подвести подъ понятіе административной централизаціи; въ этой мысли и состоитъ весь «образецъ противорѣчія», на который критикъ указываетъ читателю. Въ главѣ объ удѣльной администраціи эта мысль у меня развивается; согласится-ли съ этимъ развитіемъ критикъ—его дѣло. Но теперь онъ прибавляетъ въ заключеніе: «Иной подумаетъ, что г. Ключевскій отыскалъ какой-нибудь чиновничій сепаратизмъ въ XV в.». Эта моя находка была бы довольно забавна, если бы догадка о ней критика была справедлива и не вышла изъ его заботливости не о томъ, что говоритъ разбираемый имъ авторъ, а о томъ, что кто-то «иной» подумаетъ.

Къ сожалѣнію, я не могу коснуться другихъ замѣчаній критика въ предѣлахъ отведеннаго моему объясненію мѣста въ журналѣ, хотя большая часть этихъ замѣчаній по характеру похожа на изложенныя: это или вопросы, рѣшаемые мною въ дальнѣйшихъ главахъ — какъ, объ этомъ пусть судитъ мой критикъ,—или возраженія, но довольно трудно уловимыя, спрятанныя подъ знаками вопроса или удивленія въ скобкахъ. Об виненія рецензента, сколько о томъ могу судить, касаются преимущественно изложенія и композиціи моего опыта и сводятся къ двумъ главнымъ недостаткамъ его: это неясность изложенія нѣкоторыхъ мѣстъ и моя наклонность къ мелкимъ или «замысловатымъ» историческимъ поискамъ, которые авторъ надѣется совершенно упразднить своими «простыми соображеніями» (стр. 117). О второмъ недостаткѣ едва-ли можетъ быть рѣчь: онъ зависитъ отъ того, какъ кто смотритъ на дѣло, на обязанности изслѣдователя: иной любитъ «простыя соображенія», другой ими недовольствуются. Но я буду очень радъ, если мои «замысловатые поиски» упразднятся «простыми соображеніями» другихъ: чѣмъ проще, тѣмъ лучше. Что касается недостатка ясности по мѣстамъ, то я не стану спорить и противъ этого, а замѣчу только, что ясность становится понятіемъ очень условнымъ, когда изучающаго механизмъ древняго правительственнаго учрежденія называютъ «историко-механикомъ» и видятъ загадки въ вы-

раженіяхъ «общественные интересы» и «соціальный составъ управленія». Вообще я очень благодаренъ критику за его трудъ и за то, что онъ удостоилъ мой опытъ рецензіей до его окончанія; это даетъ мнѣ возможность воспользоваться нѣкоторыми его замѣчаніями: я всегда охотно и съ признательностію выслушаю сужденія такого знатока, особенно если они будутъ высказаны безъ излишней ученой щекотливости. Нашъ ученый авторитетъ и довѣріе читателей къ нашимъ сужденіямъ нисколько не пострадаютъ, если мы будемъ относиться къ трудамъ другъ друга строго, внимательно и—не скажу, доброжелательно,—а по крайней мѣрѣ вѣжливо.

В. Ключевскій.

Редакторъ **С. Юрьевъ.**
Издатель **В. Лавровъ.**

XIV. НОВЫЙ МАТЕРІАЛЪ ДЛЯ БІОГРАФІИ ПУШКИНА. Письмо академика В. П. Безобразова къ Я. К. Гроту. 16

XV. ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ. В. Г.

Оживленіе нашего земства. Роль дворянства. Процессъ люторичскихъ крестьянъ. Вопросъ о недостаточности крестьянскихъ надѣловъ и газета *Русь*. Крестьянскіе промыслы (Сборникъ статистическихъ свѣдѣній по Московской губерніи, томъ VI, выпускъ II). Состояніе государственнаго хозяйства Россіи. Необходимость отмѣны административной ссылки. Судьба Н. Г. Чернышевскаго. 21

XVI. РѢЧЬ ЗАЩИТНИКА КРЕСТЬЯНЪ СЕЛА ЛЮТОРИЧЪ Ѳ. Н. ПЛЕВАКО, произнесенная 17 декабря 1880 г. въ засѣданіи Московской Судебной Палаты. 42

XVII. НАШИ ЗЕМСКІЯ ДѢЛА. (Письмо изъ Твери). 53

XVIII. ОРГАНИЗАЦІЯ ЗЕМСКАГО ПРѢДСТАВИТЕЛЬСТВА. І. Б—ва. 69

XIX. АХАЛЪ-ТЕКИНСКАЯ ЭКСПЕДИЦІЯ И ЕЯ ПОЛИТИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНІЕ. Влад—овъ. 83

XX. ОБЪЯСНЕНІЕ ПО ПОВОДУ ОДНОЙ РЕЦЕНЗІИ. В. О. Ключевскаго. 106

Въ конторѣ Редакціи, въ Москвѣ, на Долгоруковской улицѣ, въ домѣ Дреземейеръ, находится складъ слѣдующихъ изданій В. М. Лаврова и В. А. Ѳедотова:

Ф. Д. Нефедова. Очерки и разсказы. Изд. 2. Москва. 1878 г. Цѣна 1 р. 50 к.

Л. И. Пальмина. Сны—на яву. Собраніе стихотвореній. Москва. 1878 г. Цѣна 2 р. 50 к.

Кондратовича Людвига (В. Сырокомли). Избранныя стихотворенія. Т. 1. Москва. 1879 г. Цѣна 2 р.

Кромѣ того: Мессалина. Драма Пьетро Косса. Пер. въ стихахъ Ал. Аксакова. М. 1880 г. Цѣна 1 р.

Подписчики «Русской Мысли» пользуются при покупкѣ этихъ изданій 20% уступки.

Съ Мартовской книги начнется печатаніе перевода новаго романа Георга Эберса „**ИМПЕРАТОРЪ**“.

„РУССКАЯ МЫСЛЬ“

НАУЧНЫЙ, ЛИТЕРАТУРНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ,

ВЫХОДЯЩІЙ ЕЖЕМѢСЯЧНО БЕЗЪ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЙ ЦЕНЗУРЫ, КНИГАМИ ОТЪ 28 ДО 35 ЛИСТ.

Условія подписки на 1881 годъ.

(ВТОРОЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.)

	Годъ:	6 мѣсяцевъ:	3 мѣсяца:	1 мѣсяцъ:
Безъ доставки	15 р.	8 р. — к.	4 р. — к.	2 р. — к.
Съ доставкою въ Москвѣ	16 р.	8 р. 50 к.	4 р. 50 к.	2 р. 50 к.
Съ пересылкою въ другіе города .	17 р.	9 р. — к.	5 р. — к.	
За-границу:	19 р.	10 р. — к.	7 р. — к.	3 р. — к.

Годовымъ подписчикамъ, подписывающимся въ конторѣ журнала, допускается слѣдующая разсрочка: при подпискѣ вносится 7, 6 или 5 руб., соотвѣтственно цѣнѣ съ пересылкой, доставкой или безъ доставки, 5 р. къ 1 Апрѣля и 5 р. къ 1 Іюля.

КНИЖНЫЕ МАГАЗИНЫ ПОЛЬЗУЮТСЯ ОБЫЧНОЮ УСТУПКОЮ.

Подписка принимается въ конторѣ журнала, **въ Москвѣ, на Долгоруковской улицѣ, домъ Дреземейера**; и во всѣхъ наиболѣе извѣстныхъ магазинахъ Москвы, Петербурга и другихъ городовъ. Редакція отвѣчаетъ за исправную и своевременную доставку журнала только передъ тѣми подписчиками, которые подписываются въ ея конторѣ или высылаютъ деньги на имя послѣдней.

Контора открыта ежедневно отъ 10 часовъ утра до 5 часовъ вечера.

О перемѣнѣ адресса сообщается редакціи своевременно, не позже 20 числа каждаго мѣсяца, при чемъ слѣдуетъ обозначить напечатанный на старомъ адрессѣ номеръ.

При переходѣ городскихъ подписчиковъ въ иногородные доплачивается 1 р. 50 к., изъ иногородныхъ въ городскіе—50 к., изъ городскихъ или иногородныхъ въ заграничные—недостающее до цѣны, назначенной для иностранныхъ подписчиковъ.

Жалоба на неполученіе какой либо книги журнала препровождается въ редакцію со обозначеніемъ напечатаннаго на адрессѣ номера и съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстной почтовой конторы въ томъ, что книга журнала дѣйствительно не была получена конторой. По распоряженію почтоваго вѣдомства, жалобы должны быть сообщаемы редакціи не позже полученія слѣдующей книги.

Редакція открыта ежедневно отъ *часа* до *трехъ* пополудни, кромѣ воскресныхъ и праздничныхъ дней. Лицъ, представляющихъ рукописи, редакція проситъ сдавать ихъ исключительно секретарю редакціи, который выдаетъ въ принятіи оныхъ установленныя квитанціи; въ противномъ случаѣ редакція за сохранность рукописей не отвѣтствуетъ. Доставляемыя рукописи должны быть четко написаны, подписаны авторомъ и снабжены его адрессомъ, а также указаніемъ размѣра желаемаго гонорара. При невыполненіи послѣдняго условія, разсчетъ производится редакціей по ея усмотрѣнію.

На прочтеніе редакціей поступившихъ къ ней рукописей полагается срокъ отъ *двухъ недѣль* до *двухъ мѣсяцевъ*, по истеченіи котораго рукописи, къ помѣщенію въ журналѣ не принятыя, сохраняются редакціей въ продолженіи года, за исключеніемъ тѣхъ, размѣръ коихъ менѣе шести листовъ писчей бумаги; послѣднія храненію и возвращенію не подлежатъ.

Отсылка рукописей по почтѣ производится не иначе, какъ по предварительной уплатѣ редакціи почтоваго расхода деньгами или марками, при чемъ отправку простыми письмами редакція на себя не принимаетъ.

На всякаго рода запросы редакція отвѣчаетъ только въ томъ случаѣ, если для этого приложена почтовая марка.

Редакторъ С. А. Юрьевъ.

Издатель В. М. Лавровъ.

S

THE BORROWER WILL BE CHARGED AN OVERDUE FEE IF THIS BOOK IS NOT RETURNED TO THE LIBRARY ON OR BEFORE THE LAST DATE STAMPED BELOW. NON-RECEIPT OF OVERDUE NOTICES DOES NOT EXEMPT THE BORROWER FROM OVERDUE FEES.

HARVARD COLLEGE
WIDENER
BOOK DUE
OCT 21 1983
7971565

STALL-STUDY
CHARGE
CANCELLED